This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Gov 7755.50

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

СОБСТВЕННОСТЬ
И
ГОСУДАРСТВО

Б. ЧИЧЕРИНА.

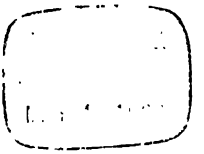
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Цѣна 4 руб.

Типографія Мартынова, на Тверской улицѣ, домъ Локотниковой, въ Мос
1882.

5400
60М
№ 63-2

Gov 7755.50 (1)
✓



389268A

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
389268A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1926 L

ПОСВЯЩАЕТСЯ

РУССКОМУ ЮНОШЕСТВУ.

Вамъ, молодыя силы, готовящіяся принести свою дань историческимъ судьбамъ отечества, посвящаю я эту книгу. Много лѣтъ своей жизни положилъ я на служеніе умственнымъ интересамъ молодаго поколѣнія, и, можетъ быть, не безъ нѣкоторой пользы. Во мнѣ живы еще воспоминанія о тѣхъ выраженіяхъ сочувствія и благодарности, которыя довелось слышать при прощаніи съ студентами, и которыя и впослѣдствіи доставляли отраду при случайной встрѣчѣ съ бывшими слушателями. Судя по нимъ, я могу думать, что брошенное сѣмя не пропало даромъ, и это даетъ мнѣ рѣшимость снова, хотя уже не съ каѳедры, послать это слово русской молодежи.

Нынѣ это нужнѣе, нежели когда либо, ибо настали тяжелыя времена. Страшныя злодѣянія потрясли всю русскую землю и заставили содрогнуться всякаго, въ комъ не исчезло нравственное чувство. Они раскрыли передъ нами ужасающую бездну зла, которое вселилось въ наше общество, грозя ему разрушеніемъ. Врачеваніе этого недуга составляетъ самую настоятельную нашу потребность.

Но излечить нравственную болѣзнь можно только поднявши, откуда она происходитъ. Въ чемъ же кроется ея источникъ?

Онъ лежитъ въ извращенныхъ понятіяхъ, изъ которыхъ рождаются извращенные идеалы. Задача науки—разсѣять этотъ мракъ. и она одна въ состояніи это сдѣлать. Полицейскія мѣры охраняютъ порядокъ на улицахъ; порядокъ въ умахъ можетъ водворить только свѣтъ разума.

Но гдѣ искать этого свѣта? Къ нему стремится юношество. его оно жаждетъ. Чѣмъ утолить его жажду?

Многіе указываютъ намъ на передовыя идеи, составляющія будто бы задачу будущаго, послѣднее слово науки. Юношество всегда падко на новое слово: оно считаетъ себя посителемъ будущаго. Но гдѣ ручательство, что это новое слово есть истина? Въ погонѣ за новизною, легко принять за высокую идею обманчивый призракъ и за послѣднее слово науки односторонее увлеченіе легкомыслія. Исторія учитъ насъ, что нерѣдко то, что вчера возвеличивалось до небесъ, сегодня отвергается съ презрѣніемъ, а завтра, можетъ быть. опять получитъ власть надъ умами. Вспомнимъ то обаяніе, которое имѣли надъ современниками различныя философскія системы, изъ которыхъ каждая думала новыми, неожиданными взглядами разрѣшить всѣ задачи человѣческаго ума. Тѣ, которые не поддаются всякому дуновенію вѣтра и зарево пожара не принимаютъ за сіяніе солнца, знаютъ, что такъ называемое нынѣ новое слово ничто иное какъ старый бредъ, который пріобрѣлъ только новую силу, потому что попалъ въ болѣе взволнованную и менѣе просвѣщенную среду. Перемѣнчивыя направленія общества не могутъ служить мѣриломъ истины; въ нихъ временное перемѣшивается съ постояннымъ, и внушенія страстей слишкомъ часто заступаютъ мѣсто трезваго взгляда. Особенно во времена броженія, обыкновенно всплываетъ на верхъ именно наиболѣе легковѣсное. Чтобы отличить истину отъ лжи и прочное отъ преходящаго, надобно въ себѣ самомъ носить мѣрило истины. Оно должно стоять выше борьбы страстей и односторонихъ увлеченій, озаряя ровнымъ свѣтомъ всякое жизненное явленіе и тѣмъ давая намъ возможность уразумѣть его

смыслъ. Именно къ этому ведетъ насъ строгая наука, и къ этому должно стремиться юношество, серіозно понимающее свое призваніе. Погоню же за новѣйшимъ и передовымъ словомъ слѣдуетъ предоставить вѣтренымъ поклонникамъ моды, вѣчно приноравливающимъ свои мнѣнія къ общему потоку. Ничто такъ не оправдываетъ упрека въ легкомысленномъ подражаніи чужому, который столь часто дѣлается поверхностному русскому образованію.

Другіе говорятъ вамъ: обратитесь къ своему народу, берите у него уроки, проникайтесь его идеалами! Уваженіе къ своему народу, къ его преданіямъ и привязанностямъ, безспорно, высокое и святое чувство. Оно безконечно выше легкомысленной погони за новизною. Каждый гражданинъ не иначе какъ съ трепетомъ долженъ касаться народной святыни: посягать на нее есть преступленіе противъ отечества. Но и народныя воззрѣнія измѣнчивы; прошедшее не можетъ служить мѣриломъ будущаго. Въ особенности не въ понятіяхъ простонародья, которыя такъ часто выдаютъ вамъ за народную мудрость, можетъ образованный человѣкъ найти мѣрило истины и идеалы общественной жизни. Кто вкусилъ плодовъ науки, для того мѣриломъ истины можетъ быть только то, что покоится не на темныхъ инстинктахъ, а на разумномъ убѣжденіи: для него общественнымъ идеаломъ можетъ представиться лишь такой бытъ, который вмѣщаетъ въ себѣ начало свободы. Русскій человѣкъ не можетъ забыть, что народъ нашъ, не далѣе какъ вчера, вышелъ изъ крѣпостнаго состоянія, тяготѣвшаго надъ нимъ въ теченіи вѣковъ. У него ли искать идеаловъ для свободнаго человѣка? Они вырабатываются единственно свободною жизнью. Для насъ они лежатъ не въ прошедшемъ, а въ будущемъ.

Станемъ познавать себя и свой народъ: таково первое требованіе разумной человѣчности. Но вспомнимъ при этомъ, что чѣмъ болѣе народъ живетъ своею особою жизнью, чѣмъ болѣе онъ отворачивается отъ другихъ, тѣмъ менѣе онъ способенъ познать и другихъ и себя. Какъ человѣкъ, по выраженію

поэта, познаетъ себя только въ человѣкѣ, такъ и народъ познаетъ себя только въ другихъ народахъ. Чтобы достигнуть истиннаго самопознанія, надобно выйдти изъ узкой народной среды, надобно выступить на то широкое поприще, гдѣ свое и чужое сливаются въ одно торжественное шествіе всемірной исторіи, изображающей развитіе единаго Духа, проявляющагося въ различныхъ народностяхъ. Именно этотъ путь указывается намъ наукою, и здѣсь только мы можемъ обрѣсти и мѣрило истины и идеалы общественной жизни.

Мѣрило истины есть самъ Разумъ, познаваемый въ его существѣ и въ его проявленіяхъ. Первое дается намъ философіею, второе—исторіею, которая служитъ подтвержденіемъ и повѣркою философіи. Отсюда же почерпается и истинное пониманіе общественныхъ идеаловъ. Только тотъ идеалъ можетъ быть цѣлью стремленій образованнаго общества, который прошелъ черезъ это двоякое испытаніе: онъ долженъ быть провѣренъ разумомъ и приготовленъ жизнью. То, что есть, не можетъ быть мѣриломъ того, что должно быть; но то, что должно быть, опирается на то, что есть. Будущее осуществимо, только когда оно основано на прошедшемъ. Истинный идеалъ, заключающій въ себѣ жизненную силу, развивается исторически: иначе онъ ничто иное, какъ праздная мечта.

Что же скажутъ намъ философія и исторія относительно истины и относительно вытекающихъ изъ нея общественныхъ идеаловъ?

Первая, неизгладимая черта человѣческой природы, о которой одинаково свидѣтельствуютъ и философія и исторія, есть стремленіе человѣка къ познанію абсолютнаго, все равно, проявляется ли это стремленіе въ формѣ религіи или въ формѣ философіи. Связывая человѣка со всѣмъ міроздавіемъ и возводя его къ верховному источнику всего сущаго, оно ставитъ его на ту высоту, которая одна совмѣстна съ его человѣческимъ призваніемъ. Когда въ настоящее время, подъ вліяніемъ далеко распространившагося скептицизма, намъ торжествен-

но объявляютъ, что абсолютное непознаваемо, когда съ какимъ-то злорадствомъ стараются доказать, что человѣкъ не болѣе, какъ усовершенствованный потомокъ обезьяны, подобно животнымъ неспособный подняться выше относительнаго, не вѣрьте этимъ лжеученіямъ, лишающимъ человѣка благороднѣйшей части его естества. Это голосъ не науки, а односторонняго и ограниченнаго ума, который, постоянно роясь въ частностяхъ, потерялъ способность возвыситься къ созерцанію общаго. Истинная наука есть явленіе Разума во всей его полнотѣ, а Разумъ, по существу своему, есть отраженіе божественной истины, познаніе вѣчныхъ, абсолютныхъ началъ, управляющихъ вселенною. Только возвышаясь къ этой точкѣ зрѣнія, человѣкъ становится истинно разумнымъ существомъ, и только эту точку зрѣнія можно назвать въ собственномъ смыслѣ научною. Она-то и раскрывается намъ философіею и обнаруживается въ историческомъ движеніи человѣческой мысли. Въ ней только мы найдемъ искомое мѣрило истины и ключъ къ пониманію всѣхъ человѣческихъ отношеній.

Философія и исторія раскрываютъ намъ и другое, неотъемлемо присущее человѣку стремленіе,—стремленіе къ свободѣ. И оно вытекаетъ изъ самой глубины Духа, составляя лучшее его достояніе и высшее достоинство человѣческой природы. Какъ носитель абсолютнаго, человѣкъ самъ себѣ начало, самъ—абсолютный источникъ своихъ дѣйствій. Этимъ онъ возвышается надъ остальнымъ твореніемъ, и только въ силу этого свойства онъ долженъ быть признанъ свободнымъ лицемъ, имѣющимъ права; только по этому съ нимъ непозволительно обращаться какъ съ простымъ орудіемъ. Исторія живыми чертами свидѣтельствуетъ объ этомъ началѣ, какъ о неискоренимой потребности человѣка и высшей цѣли его исторической дѣятельности. Отсюда то обаяніе, которое имѣетъ свобода для молодыхъ умовъ. Юношество всегда готово увлекаться ею даже черезъ мѣру. И не одни юноши воспламеняются ею: и для зрѣлаго гражданина нѣтъ высшаго

счастія, какъ видѣть свое отечество свободнымъ, нѣтъ краше призванія, какъ содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, утвержденію въ немъ свободы.

Въ послѣдніе годы, въ русскомъ обществѣ явилось стремленіе обращаться къ людямъ сороковыхъ годовъ, узнавать, какіе были ихъ идеалы, въ чемъ состояли ихъ цѣли и надежды. Все это сосредоточивается въ одномъ словѣ: свобода! Мы, воспитанные этимъ благороднымъ поколѣніемъ, которое является свѣтлою точкою въ исторіи русскаго просвѣщенія, мы получили отъ него одинъ урокъ, одинъ священный завѣтъ: насажденіе свободы въ нашемъ отечествѣ. Отсюда та безпредѣльная благодарность, которая наполнила наши сердца, когда эти завѣтныя мечты стали сбываться, когда свобода державною рукою была посѣяна на русской землѣ и милліоны рабовъ, по мановенію Царя, получили вольность. Отсюда тотъ ужасъ, который объялъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи при видѣ того воздаянія, которое довелось стяжать Совершителю этого великаго дѣла. Казалось, всѣ нравственныя понятія рушились, всякая историческая справедливость исчезла. Вмѣстѣ съ народною святынею, вмѣстѣ съ отечествомъ, котораго знамя было Ему вѣрено, была оскорблена и поругана и вызванная Имъ къ жизни свобода. Ей нанесена рана, отъ которой она не скоро оправится. Намъ, нынѣ дѣйствующимъ, и вамъ, служителямъ будущаго, предстоитъ загладить этотъ позоръ, искоренить плевелы, заглушающіе доброе сѣмя, и приготовить для свободы почву, гдѣ она могла бы пустить прочные корни. Этимъ мы исполнимъ завѣтъ нашихъ предшественниковъ. Этого требуетъ отъ насъ отечество, задержанное возникшею въ немъ смутою въ своемъ правильномъ гражданскомъ развитіи.

Не думайте, чтобъ возлагаемое на васъ дѣло было бременемъ легкимъ. Водворить и упрочить свободу въ обществѣ, привыкшемъ единственно къ власти, составляетъ одну изъ самыхъ трудныхъ историческихъ задачъ. Недостаточно постоянно

носить имя свободы на устахъ. У недостойныхъ ея поклонниковъ, это имя кощунственно обращается въ пустой звукъ, или, что еще хуже, въ орудіе разрушенія. Всего оскорбительнѣе звучитъ оно въ устахъ соціалистовъ, которыхъ все ученіе ничто иное, какъ отрицаніе свободы и порабощеніе лица чудовищному деспотизму, создающаго ихъ фантазіею общества. Кто хочетъ быть истиннымъ служителемъ свободы, тотъ долженъ знать, въ чемъ состоитъ ея сущность, откуда она истекаетъ, законы ея требованія и условія, какимъ образомъ она сочетается съ другими вѣчными началами общественной жизни, съ порядкомъ, съ собственностью, съ наслѣдствомъ, съ правомъ, съ нравственностью, съ государствомъ. Нужно наконецъ и умѣніе прилагать ее къ жизни: свобода не пріобрѣтается даромъ; ее надобно заслужить. Какъ все человѣческое, даже какъ все органическое, она составляетъ плодъ долговременнаго и многотруднаго внутренняго процесса, и если человѣкъ, въ своемъ невѣжествѣ и въ своемъ нетерпѣніи, забѣгаетъ впередъ и хочетъ установить то, что не приготовлено развитіемъ жизни, неумолимый законъ природы и исторіи возвращаетъ его назадъ, какъ бы въ наказаніе за его дерзость.

Въ обществѣ, гдѣ свобода еще не успѣла окрѣпнуть, осторожное съ нею обращеніе вдвойнѣ необходимо. То, что могутъ вынести народы созрѣвшіе въ политической борьбѣ, то не подъ силу обществамъ, у которыхъ она проявляется еще своимъ первымъ младенческимъ лепетомъ и совершаетъ свои первоначальные робкіе шаги.

Въ такомъ именно положеніи находится наше отечество. Свобода зародилась у насъ со вчерашняго дня: мы всѣ присутствовали при ея появленіи въ свѣтъ. Поэтому у насъ, менѣе нежели гдѣ либо, позволительно забѣгать впередъ, предъявлять неумѣренныя требованія, дерзновенною рукою касаться основаній общественной жизни, стремиться все къ новымъ и новымъ перемѣнамъ. Для всего есть свое время, и каждый новый шагъ долженъ опираться на предшествующій. Чѣмъ

громадное совершившійся на нашихъ глазахъ переворотъ, чѣмъ быстрѣе исчезнувшій порядокъ замѣнился новымъ, дотолѣ у насъ невиданнымъ, тѣмъ болѣе Россія нуждается въ спокойствіи, чтобы усѣсться на своихъ обрѣтенныхъ недавно основахъ, а потому тѣмъ преступнѣе всякая попытка внести въ нее смуту и разладъ. Только упрочивъ пріобрѣтенное, можно смѣло идти къ будущему. Такова настоящая наша задача.

Молодое поколѣніе въ особенности, котораго ожидаетъ еще будущая дѣятельность, обязано передъ отечествомъ въ смиреніи и тишинѣ готовить себя къ этому великому служенію. И чѣмъ дороже ему имя свободы, чѣмъ пламеннѣе оно къ ней стремится, чѣмъ болѣе оно готово все за нее отдать, тѣмъ болѣе отъ него требуется, чтобы оно за свободу не принимало легкомысленное буйство и не нарушало закономѣрнаго развитія, которое одно можетъ привести народъ къ желанной цѣли. Ваша дань свободѣ—серіозный трудъ. Прежде нежели дѣйствовать отъ ея имени, надобно ее познать, а для этого необходимы обширныя свѣдѣнія, упорное напряженіе ума, постиженіе высшихъ задачъ человѣческой жизни, восхожденіе въ область метафизическихъ идей и нисхожденіе въ міръ конотливаго опыта. Это—трудъ тяжелый, но онъ составляетъ священный долгъ юношества передъ отечествомъ и передъ свободою.

На насъ же, созрѣвшемъ уже поколѣніи, лежитъ обязанность руководить, по мѣрѣ силъ, русскую молодежь на этомъ пути. Мы знали Россію старую и видимъ ее обновленную. Мы въ состояніи постигнуть тотъ неизмѣримый шагъ, который совершенъ въ столь короткое время, и можемъ, какъ очевидцы и дѣятели, сказать, что не легкомысленными увлеченіями и не разрушительными теоріями подвигается впередъ дѣло свободы, а созрѣвшею мыслью и самоотверженнымъ служеніемъ отечеству, на какомъ бы поприщѣ мы ни находились. Этому же насъ учитъ и наука. Предложить русскому юношеству совмѣстный плодъ научной работы и жизненнаго опыта, для руководства въ будущей общественной дѣятельности, та-

кова цѣль настоящей книги. На сколько мнѣ удалось исполнить эту задачу, не мнѣ судить. Я отвѣчаю за одно: за искреннее отношеніе къ дѣлу, а многолѣтній опытъ убѣдилъ меня, что искреннее слово, обращенное къ молодымъ сердцамъ, никогда не пропадаетъ даромъ.

Село Караулъ.
15 сентября 1881 г.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Современное человѣчество стоитъ передъ роковымъ вопросомъ. Тысячи голосовъ, съ фанатическимъ одушевленіемъ, повторяютъ на разные лады, что весь существующій общественный строй основанъ на неправдѣ, а потому долженъ рушиться. Тѣ начала, которыми человѣческія общества жили въ теченіи тысячелѣтій, которыя они завоевали и упрочили своею дѣятельностью и своею кровью, признаются только временными историческими явленіями, долженствующими уступить мѣсто иному, лучшему будущему. Обдѣленныя доселѣ массы требуютъ себѣ участія въ жизненныхъ благахъ, и это участіе, по увѣренію ихъ сторонниковъ, можетъ быть дано имъ лишь путемъ глубокаго, коренного переустройства всѣхъ основъ общественнаго быта. Смѣлые умы громко провозглашаютъ эти ученія, иные въ видѣ страстной проповѣди, другіе въ болѣе или менѣе научной формѣ, и за ними, дружными полчищами, идутъ рабочія массы, грозя ниспроверженіемъ всему, что съ такимъ трудомъ было воздвигнуто человѣчествомъ. Съ самыхъ университетскихъ каѳедръ раздаются голоса, которые вторятъ этому направленію. Слабодушные считаютъ нужнымъ входить съ нимъ въ сдѣлку; болѣе рѣшительные прямо переходятъ на его сторону и создаютъ цѣлыя научныя системы, основанныя на новыхъ началахъ.

Современный человѣкъ стоитъ въ раздумьѣ. Сомнѣніе охватываетъ его относительно настоящаго, трепетъ и страхъ на счетъ будущаго. Все, что ему дорого, колеблется въ самыхъ основахъ. Онъ спрашиваетъ себя, не нарушаетъ ли онъ первыхъ началъ справедливости и самыхъ священныхъ своихъ обязанностей, когда

онъ указанными закономъ путями пріобрѣтаетъ себѣ матеріальный достатокъ, когда онъ украшаетъ свою жизнь и старается упрочить благосостояніе своихъ дѣтей? Передъ картиною бѣдствій, постигающихъ низшіе классы, въ виду безпрестанно раздающагося хора проклятій, онъ готовъ сознаться, что воздвигнутое вѣками зданіе построено на неправдѣ; онъ почти увѣренъ, что оно должно рушиться. А между тѣмъ, онъ не видитъ ничего, чѣмъ бы оно могло быть замѣнено. Если разрушительная дѣятельность выступаетъ съ неимовѣрною отвагою, то созидающія начала представляются лишь въ самыхъ смутныхъ очертаніяхъ. Существующее не даетъ имъ ни малѣйшей точки опоры, и строй будущаго общества, который съ такимъ фанатизмомъ проповѣдуется массамъ, является пока не болѣе какъ мечтою, не имѣющею никакого отношенія къ дѣйствительности. Сами предводители новаго движенія не обманываютъ себя на этотъ счетъ. Они громогласно взываютъ къ своимъ послѣдователямъ: «разрушайте, а тамъ уже что нибудь создастся само собою!» Современное человѣчество стоитъ какъ бы передъ глубокою пропастью, въ которую оно ежеминутно готово опрокинуться; но дна этой пропасти никто не видитъ, и какая участь можетъ постигнуть насъ при этомъ паденіи, никому неизвѣстно. Мракъ въ настоящемъ и еще большій мракъ въ будущемъ, таково положеніе нынѣшняго поколѣнія.

Дѣло науки — внести свѣтъ въ эти вопросы. Сомнѣнія могутъ быть разсѣяны и изувѣрство можетъ быть побѣждено только изслѣдованіемъ законовъ, которыми управляются человѣческія общества. И для этого наука должна употребить всѣ свои средства и орудія, ибо задача касается всѣхъ сторонъ человѣческаго существованія.

Возбужденный нынѣ соціальный вопросъ былъ приготовленъ тѣми политическими переворотами, которые измѣнили весь строй старой Европы. Средневѣковой порядокъ, основанный на привилегіяхъ, рушился; провозглашены были начала всеобщей свободы и равенства. Скоро однако оказалось, что юридическая свобода и равенство не обезпечиваютъ благосостоянія массъ. Милліоны пролетаріевъ, при полной свободѣ, все таки остаются безъ куска хлѣба или пользуются самымъ скуднымъ пропитаніемъ. Прежній антагонизмъ между привилегированными и непривилегированными сословіями замѣнился антагонизмомъ между богатыми и бѣдными, между капиталистами и рабочими. Съ политической почвы борьба перешла на почву эконо-

мическую. Но въ свою очередь, экономическая наука не въ состояніи одна разрѣшить эту задачу, ибо экономическій порядокъ тѣсно связанъ съ юридическими началами. Пока существуютъ признанныя всѣми основанія собственности, договора, наслѣдства, до тѣхъ поръ безполезно говорить о какой бы то ни было коренной перемѣнѣ существующихъ экономическихъ отношеній; послѣднія неизбѣжно вытекаютъ изъ первыхъ. Вслѣдствіе этого, экономическая наука, при обсужденіи соціальныхъ вопросовъ, необходимо вступаетъ въ область права. Новѣйшіе учебники политической экономіи содержатъ въ себѣ цѣлые трактаты о чисто юридическихъ учрежденіяхъ. Съ другой стороны, вопросъ соціальный является по преимуществу вопросомъ нравственнымъ, ибо забота о благосостояніи низшихъ классовъ представляется нравственнымъ требованіемъ. Отсюда обнаруживающееся въ настоящее время стремленіе передѣлать всю политическую экономію на основаніи нравственныхъ началъ. Наконецъ, всего важнѣе въ этомъ дѣлѣ вопросъ о значеніи и цѣляхъ государства. Иные ожидаютъ отъ него водворенія всеобщаго благоденствія; другіе, напротивъ, совершенно его отрицаютъ и только въ его разрушеніи видятъ исходную точку новаго, лучшаго порядка вещей. Однимъ словомъ, задача требуетъ всесторонняго изслѣдованія общественныхъ отношеній, а изъ этого, въ свою очередь, рождается стремленіе къ объединенію различныхъ общественныхъ наукъ.

Очевидно однако, что одна опытная наука не въ состояніи достигнуть этой цѣли. Опытъ даетъ намъ только то, что̀ есть, а здѣсь вопросъ идетъ о томъ, что̀ должно быть. Сколько бы мы ни изучали народное хозяйство, право и государство въ ихъ проявленіяхъ, мы изъ этого не поймемъ, соотвѣтствуютъ ли эти проявленія тѣмъ высшимъ началамъ правды и добра, которыя лежатъ въ душѣ человѣка, и которыя онъ стремится осуществить въ своей жизни. Эти начала могутъ быть выяснены единственно философіею, которая, вслѣдствіе того, становится высшимъ мѣриломъ всѣхъ общественныхъ отношеній. Это признается и тѣми современными экономистами, которые, не ограничиваясь чисто промышленною областью, пытаются разрѣшить общественные вопросы въ ихъ совокупности. «Необходимость принципіальныхъ изслѣдованій о правильномъ распредѣленіи народнаго дохода, говоритъ Адольфъ Вагнеръ, и потребность установить, по крайней мѣрѣ для каждаго вѣка и народа, идеальную цѣль этого распредѣленія, при постоянной оцѣнкѣ его

дѣйствія на совокупную народную жизнь, можетъ служить доказательствомъ, что политическая экономія должна заниматься не только вопросомъ о томъ: что̀ есть? но и вопросомъ о томъ: что̀ должно быть? а потому должна не только изображать извѣстныя формы развитія, но и требовать извѣстныхъ формъ развитія. воззрѣніе, которое въ дальнѣйшихъ своихъ послѣдствіяхъ ведетъ къ отрицанію различія между теоріею народнаго хозяйства и хозяйственною политикою, а равно несовмѣстно съ исключительнымъ признаніемъ методы наведенія въ политической экономіи» [1]). Вагнеръ тутъ же указываетъ на внутреннюю связь вопроса о распредѣленіи богатства съ философіею права и политикою, и увѣщеваетъ послѣдователей не пугаться предостереженій отъ идеологіи. хотя бы они исходили отъ такого человѣка, какъ Рошеръ. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что «политическая экономія и философія права должны смотрѣть другъ на друга, какъ на вспомогательныя науки. Мы нуждаемся въ философіи права, продолжаетъ онъ, особенно въ вопросахъ о принципіальной необходимости государства для человѣческаго сожительства, о вѣдомствѣ государства, или о его цѣляхъ, а также о границахъ его дѣятельности въ отношеніи къ области, присвоенной отдѣльному лицу и частнымъ союзамъ, о правомѣрности принужденія въ приложеніи къ личной волѣ, объ устроеніи государствомъ личной свободы и собственности, о проведеніи начала распредѣляющей правды въ распредѣленіи народнаго дохода и въ податяхъ» (Grundleg., стр. 243).

Таже потребность въ философіи чувствуется и юристами, посвящающими свою жизнь изученію положительнаго права и его исторіи. Издавая свое философское изслѣдованіе о Цѣли въ правѣ, Іерингъ говоритъ: «Задача этой первой части перенесла меня въ такую область, гдѣ я не болѣе какъ дилеттантъ. Если я когда либо сожалѣлъ о томъ, что пора моего развитія пала въ періодъ, когда философія была въ загонѣ, такъ это именно при написаніи настоящаго сочиненія. Что тогда, подъ неблагопріятнымъ вліяніемъ господствующаго направленія, было упущено молодымъ человѣкомъ, того созрѣвшій не могъ уже нагнать» [2]). И точно, читая книгу Іеринга, нельзя не пожалѣть объ

---

[1]) Lehrbuch der politischen Oekonomie von K. H. Rau. Vollständige Neubearbeitung von Ad. Wagner und E. Nasse. 1876. I. Band. Grundlegung. стр. 117 прим. Въ послѣдствіи я буду не разъ ссылаться на это сочиненіе.

[2]) Der Zweck im Recht. Vorrede VII—VIII.

этомъ упущеніи. Она служитъ поучительнымъ примѣромъ того, какъ можетъ заблуждаться даже значительный талантъ, при громадныхъ свѣдѣніяхъ, когда ему недостаетъ философской подготовки. Мы это увидимъ впослѣдствіи.

Чистые соціалисты,.. въ этомъ отношеніи. имѣютъ преимущество передъ своими противниками. Свѣтила новѣйшаго соціализма, Лассаль и Карлъ Марксъ, вышли изъ философской школы, и если они, извращая начала Гегеля, употребляютъ ихъ какъ средства для вовсе не научныхъ цѣлей, то опровергнуть ихъ опять же возможно только съ помощью философіи, которая одна способна обнаружить несостоятельность ихъ доводовъ. Безъ основательнаго философскаго образованія, едва ли даже возможно понять надлежащимъ образомъ ихъ аргументацію. Этимъ въ значительной степени объясняется то вліяніе, которое они имѣютъ на неподготовленные умы.

Такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ пробуждается потребность въ философіи. И политико-экономы и юристы взываютъ къ ней, требуя отъ нея руководящихъ началъ, ожидая отъ нея свѣта для выясненія высшихъ вопросовъ человѣческаго общежитія. Но въ состояніи ли современная философія удовлетворить этимъ требованіямъ?

Извѣстно, въ какомъ положеніи она находится въ настоящее время. Послѣ періода неимовѣрнаго умственнаго движенія, наступила та пора упадка, о которой говоритъ Іерингъ. Человѣческій умъ, неудовлетворенный результатами чистой метафизики, кинулся на другую дорогу и началъ изслѣдованіе съ противоположнаго конца. Увлеченіе опытнымъ знаніемъ замѣнило увлеченіе философскими теоріями. Потребность въ объединеніи познаваемыхъ явленій не изсякла въ человѣкѣ: но думали удовлетворить этой потребности, не прибѣгая къ метафизикѣ, или ставя ее въ служебное отношеніе къ опыту. Одни отправлялись отъ внутренняго опыта, другіе отъ внѣшняго, и на этихъ основаніяхъ строили системы, имѣвшія претензію объяснить явленія природы и духа. Все это однако не могло привести ни къ чему, ибо опытъ не въ состояніи замѣнить философію. Въ отчаяніи стали отрывать изъ стараго арсенала давно заржавѣвшія оружія. Начали выдвигать забытыхъ, второстепенныхъ и даже третьестепенныхъ философовъ, провозглашая ихъ свѣтилами первой величины. Такъ внезапно получили огромную репутацію Краузе, Гербартъ, Шопенгауеръ, тогда какъ величайшіе мыслители, менѣе до-

ступные неискусившимся въ философіи умамъ, оставались въ пренебреженіи. Но конечно, этотъ товаръ второй руки не могъ удовлетворить ученыхъ изслѣдователей. Такъ напримѣръ, Ад. Вагнеръ, не смотря на свое увлеченіе школою Краузе, соблазнившею его пустымъ словомъ органическій, которымъ злоупотребляютъ философы этого направленія, сознается, что эта школа остается при неопредѣленныхъ общихъ мѣстахъ, и что она не только не разрѣшаетъ настоящихъ трудностей, но даже не понимаетъ и не формулируетъ ихъ [1]). Іерингъ, съ своей стороны, развивая начало цѣли, указываетъ на изслѣдованія Тренделенбурга, какъ на лучшее, что̀ ему удавалось встрѣтить объ этомъ предметѣ; однако и тутъ, по собственному его сознанію, онъ не нашелъ ничего, что̀ бы выяснило ему значеніе цѣли для человѣческой воли [2]). Нерѣдко встрѣчаются и такіе ученые, которые, какъ Шеффле, черпая отовсюду, стараются сочетать самыя разнообразныя современныя воззрѣнія, поставляя рядомъ Лотце, Спенсера, Дарвина; но изъ этого выходитъ уже такой хаосъ, въ которомъ человѣкъ, привыкшій къ послѣдовательности мыслей, не въ состояніи найти никакой связи.

Наконецъ, многіе доселѣ еще не понимаютъ необходимости философіи для объединенія знанія, или принимаютъ за философію ея отрицаніе. Сюда принадлежитъ большинство такъ называемыхъ соціологовъ, а также соціалистовъ и соціалъ-политиковъ, наводняющихъ современную литературу массою непереваренныхъ сочиненій, которыя свидѣтельствуютъ только о печальномъ умственномъ состояніи современныхъ обществъ. Цѣль этихъ писателей состоитъ въ сведеніи къ общимъ началамъ всѣхъ общественыхъ явленій. Къ этому можно идти двоякимъ путемъ: начиная сверху или начиная снизу. Въ первомъ случаѣ, надобно искать твердыхъ философскихъ началъ, и къ этому, рано или поздно, приходитъ всякій серіозный изслѣдователь, откуда бы онъ ни отправлялся. Во второмъ случаѣ, надобно сначала утвердить на прочныхъ основаніяхъ отдѣльныя науки, и затѣмъ уже восходить выше, стараясь восполнять однѣ другими. Но ни того, ни другаго мы не видимъ въ современной соціологіи. О философіи нѣтъ рѣчи, отдѣльныя же науки оставляются въ сторонѣ. Не утруждая себя изученіемъ частностей, изслѣдователь прямо, однимъ скачкомъ, присту-

---

[1]) Grundleg. стр. 242—243.

[2]) Der Zweck im Recht, Vorrede, VI—VII.

нается къ разсмотрѣнію общества, какъ совокупнаго цѣлаго. Такимъ образомъ создается синтезъ помимо анализа, и даже помимо всякихъ началъ, способныхъ дать синтезу надлежащее основаніе. Очевидно, что изъ такого пріема можетъ выйдти лишь зданіе, построенное на воздухѣ и разлетающееся при первомъ дуновеніи вѣтра.

Къ довершенію нелѣпости, хотятъ изъ чистаго опыта вывести идеалъ для будущаго. Когда естествоиспытатели изслѣдуютъ явленія, опираясь исключительно на опытъ, они не осуждаютъ природы, не изобрѣтаютъ для нея новыхъ путей, а признаютъ раскрываемые опытомъ законы, какъ нѣчто необходимое и неизмѣнное. Только въ силу этого предположенія они достигаютъ твердаго знанія. Въ области же общественныхъ наукъ, приверженцы опытнаго знанія считаютъ возможнымъ отрицать, какъ заблужденіе, все настоящее и прошедшее, то есть единственное, что можетъ дать имъ точку опоры, и рисовать картину будущаго, не имѣющую никакого основанія въ опытѣ, и еще меньшее въ философіи. Кромѣ пустой фантазіи, изъ этого, разумѣется, ничего не можетъ выйдти. Идеалъ безъ философіи и безъ опыта ничто иное, какъ утопія. Тутъ остается только спросить: кто одержимъ безуміемъ, человѣчество ли, которое, повинуясь законамъ своей природы, идетъ по извѣстному пути, или мыслитель, осуждающій этотъ путь? Отвѣтъ не можетъ быть сомнителенъ.

При такомъ состояніи науки, что же остается дѣлать изслѣдователю? Европейскій ученый знаетъ, что̀ ему въ этомъ случаѣ надобно дѣлать: онъ самъ предпринимаетъ изслѣдованія и представляетъ результаты своего труда на судъ современниковъ. Для насъ Русскихъ, при нашей малой научной подготовкѣ, дѣло представляется гораздо болѣе затруднительнымъ. Мы привыкли выбирать себѣ какой нибудь современный кумиръ, и затѣмъ уже слѣпо идти за нимъ, не разбирая, куда онъ насъ ведетъ. Чѣмъ новѣе и чѣмъ односторонніе воззрѣнія этого кумира, тѣмъ болѣе мы склонны ему повиноваться. Къ сожалѣнію, такихъ божковъ, съ утвердившеюся репутаціею, въ настоящее время не обрѣтается, и тѣ, которые всего болѣе находятъ себѣ поклонниковъ, всего менѣе имѣютъ значенія для науки. Даже ученыхъ, прославившихся своими изслѣдованіями въ спеціальныхъ частяхъ, приходится остерегаться, когда дѣло идетъ объ общихъ вопросахъ, ибо какъ только они выходятъ изъ своей спеціальности, такъ они, лишившись твердой точки опоры, теряютъ

равновѣсіе и совершаютъ самые фантастическіе скачки. Кто хочетъ составить себѣ общій взглядъ на вещи, тому, волею или неволею, приходится наслѣдовать самому. Предаться внѣшнему теченію значитъ погрузиться въ хаосъ.

Современный наслѣдователь не лишенъ однако всякаго руководства. Не смотря на шаткость господствующихъ направленій, онъ не принужденъ начинать все съизнова, отправляясь чисто отъ самого себя. Если въ мутныхъ водахъ современнаго потока онъ нигдѣ не найдетъ твердой земли, то захватывая глубже, онъ обрѣтетъ незыблемую почву, на которой онъ можетъ утвердиться. Человѣчество не даромъ работало въ теченіи тысячелѣтій. Оно многое выяснило и установило, какъ относительно формы, такъ и относительно содержанія науки. Оно выяснило тѣ пріемы, которымъ надобно слѣдовать, и результаты, которые достигаются тѣмъ или другимъ путемъ. Въ исканіи философскихъ началъ мы, конечно, не можемъ уже довольствоваться тою или другою готовою системою: въ настоящее время нѣтъ системы, которая могла бы имѣть притязаніе на міровое значеніе. Но всѣ прошедшія и настоящія философскія системы связываются въ одну исторію философіи, которая раскрываетъ намъ законы развитія человѣческой мысли и тѣмъ самымъ дастъ намъ твердую точку опоры для познанія мысли въ ея существѣ и въ ея проявленіяхъ.

Съ другой стороны, философскія начала должны найти подтвержденіе въ жизни; умозрѣніе должно оправдываться опытомъ. И тутъ мы для общественныхъ наукъ можемъ обрѣсти прочное основаніе. Всемірная исторія представляетъ намъ самое обширное поле для изученія, и если мы не будемъ увлекаться предвзятымъ направленіемъ и все судить съ точки зрѣнія любимой своей мечты, то и здѣсь мы найдемъ непреложные законы, которые освѣтятъ намъ путь и укажутъ цѣль, къ которой слѣдуетъ идти.

Философія и исторія, умозрѣніе и опытъ, таковы орудія и пути, которые представляются наслѣдователю человѣческаго общежитія, когда онъ пытается объединить всѣ относящіяся къ этой области явленія. Задача, безъ сомнѣнія, громадная, требующая весьма значительной работы. Можно даже сомнѣваться, возможна ли она въ настоящее время. Но если окончательное рѣшеніе общественныхъ вопросовъ, при современномъ состояніи науки, едва ли достижимо, то можно, по крайней мѣрѣ, свести къ общему итогу то, что вы-

работано доселѣ. А въ этомъ именно состоитъ насущная потребность современнаго человѣчества. Матеріала собрано много, но онъ представляется въ хаотическомъ безпорядкѣ. Нужно озарить его свѣтомъ мысли, устранить воззрѣнія, не имѣющія научнаго значенія и утвердить то, что уже добыто наукою, на незыблемыхъ основахъ умозрѣнія и опыта. Такая задача потребуетъ работы болѣе, нежели одного поколѣнія; но она достойна занять лучшіе умы современности.

Установляя свою точку зрѣнія на почвѣ всемірнаго развитія философіи и исторіи, развитія, совмѣщающаго въ себѣ всю совокупность элементовъ человѣческаго духа, какъ метафизическихъ, такъ и опытныхъ, изслѣдователь неизбѣжно принужденъ ратовать противъ односторонникъ направленій, въ какую бы сторону они ни проявлялись. Въ человѣческихъ обществахъ, противоположныя теченія мысли послѣдовательно смѣняютъ другъ друга, на подобіе моды. Такъ, двадцать пять лѣтъ тому назадъ, въ Россіи и на Западѣ, общее направленіе умовъ было враждебно государству. Все должно было исходить изъ свободнаго движенія общественныхъ силъ. Всякое вмѣшательство государства отвергалось, какъ беззаконіе и тиранія. О централизаціи, даже въ самыхъ умѣренныхъ размѣрахъ, не смѣли и заикнуться; регламентація считалась преступленіемъ. Въ значительныхъ журналахъ ученые люди серіозно утверждали, что государство имѣетъ право сказать: не трогай, но не имѣетъ права сказать: давай. Въ то время, о которомъ нынѣшнее молодое поколѣніе уже не помнитъ, приходилось доказывать, что государство есть что нибудь; надобно было возставать противъ безграничнаго развитія индивидуализма. И на это, по крайней мѣрѣ въ Россіи, требовалась нѣкоторая доля смѣлости: надобно было идти на то, чтобы прослыть государственникомъ, казеннымъ публицистомъ, отсталымъ человѣкомъ. Въ настоящее время, движеніе пошло вспять; теперь приходится, наоборотъ, доказывать, что государство не все, и что индивидуализмъ имѣетъ свою, законно принадлежащую ему сферу, въ которую государство не въ правѣ вторгаться; приходится бороться съ обратнымъ теченіемъ, опять же подъ опасеніемъ прослыть за отсталаго человѣка. Нынѣ надъ самымъ государствомъ воздвиглось новое чудовище, общество, которое прежде считалось совокупностью свободныхъ силъ, но теперь является какимъ-то таинственнымъ лицемъ, поглощающимъ въ себѣ не только государство, но и частную сферу, лицемъ, все направляющимъ къ своимъ собствен-

нымъ цѣлямъ и не допускающимъ никакого самостоятельнаго проявленія жизни. Въ сущности, это — тоже государство, только подъ другимъ названіемъ и съ гораздо болѣе обширнымъ вѣдомствомъ. Отъ этого Молоха, которому такъ называемые передовые мыслители готовы все принести въ жертву, приходится оберегать самое драгоцѣнное достояніе человѣчества—свободу и все, что связано съ свободою. Разсѣять туманъ, которымъ облекаются эти вопросы, обнаружить ту пустоту, которая скрывается подъ пышными фразами, составляетъ существенную задачу современной науки.

Нѣтъ сомнѣнія, что наука исполнитъ эту задачу. Не пройдетъ двадцати пяти лѣтъ, и снова мы увидимъ поворотъ общественнаго мнѣнія. Опять тѣ, которые плывутъ съ современнымъ теченіемъ, забывши о прошломъ, будутъ ратовать противъ государства, видѣть въ немъ величайшаго врага общественной свободы и стараться всѣми мѣрами ограничить его дѣятельность. И тогда, какъ теперь, люди, твердо стоящіе на научной почвѣ, будутъ тщетно стараться воздержать современное увлеченіе, подвергаясь за то всевозможнымъ нареканіямъ и озлобленію. Но научное сознаніе носитъ въ себѣ и свое утѣшеніе. Оно вселяетъ твердую увѣренность, что точка зрѣнія, остающаяся незыблемою среди противоположныхъ крайностей, непремѣнно восторжествуетъ, ибо она одна согласна съ законами человѣческаго духа и съ порядкомъ и преуспѣяніемъ человѣческихъ обществъ. Истинная задача науки состоитъ именно въ томъ, чтобы, при колебаніи умовъ въ противоположныя стороны, указать мѣсто и значеніе каждаго элемента въ совокупности общественной жизни.

При такихъ условіяхъ, сочиненіе, которое имѣетъ въ виду разъяснить важнѣйшіе общественные вопросы, неизбѣжно должно получить характеръ въ значительной степени полемическій. Чѣмъ большему сомнѣнію подвергаются самыя, повидимому, твердыя основы общественнаго порядка, тѣмъ необходимѣе обличить несостоятельность всѣхъ направляемыхъ противъ него возраженій, ибо только черезъ это истинныя начала выставляются въ настоящемъ свѣтѣ и обнаруживается согласіе ихъ съ законами разума и жизни. Дѣло идетъ не о томъ, чтобы воздвигнуть новое зданіе, а о томъ, чтобы созидаемое вѣками зданіе защитить отъ безумныхъ нападковъ. Мы живемъ въ эпоху софистики, а потому, волею или неволею, мы принуждены на каждомъ шагу ратовать противъ софистики. Въ этомъ отношеніи, настоящее время представляетъ значительное сходство

съ таковымъ же явленіемъ въ древней Греціи. И тамъ, между двумя философскими періодами, было переходное время, въ которомъ софистика, наука относительнаго, господствовала безгранично. И тогда мыслителямъ, понимавшимъ истинныя потребности знанія, приходилось вести горячіе споры. Платонъ, въ своихъ Разговорахъ, оставилъ намъ безсмертные образцы подобной полемики. Но тогда задача была проще: нужно было только выяснять понятія. Теперь же накопился громадный матеріалъ, который необходимо осилить. Когда противники ссылаются на опытъ, то надобно показать, что всесторонній опытъ вовсе не оправдываетъ тѣхъ выводовъ, которые стараются изъ него извлечь, а напротивъ, ведетъ къ совершенно противоположнымъ заключеніямъ. Но черезъ это, сочиненіе, которое полагаетъ себѣ цѣлью всестороннее разъясненіе вопросовъ, по необходимости получаетъ грузъ, не всегда удобоваримый. Нуженъ нѣкоторый умственный трудъ, чтобы пробиться сквозь ту сѣть софистическихъ уловокъ и ложнаго толкованія фактовъ, которыми опутана современная мысль. Читатель извинитъ это неизбѣжное посягательство на его терпѣніе. Истина не дается человѣку даромъ; также, какъ хлѣбъ насущный, онъ добываетъ ее въ потѣ лица, и только упорно работающій достоинъ вкусить ея плоды.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ПРАВО.

ГЛАВА I.

СВОБОДА.

Человѣкъ—существо общежительное: таковъ первый, несомнѣнный, всеобщій фактъ, отъ котораго отправляется всякое изслѣдованіе общественныхъ отношеній. Въ животномъ царствѣ, ближайшемъ къ человѣку, мы находимъ множество породъ, живущихъ одиноко; человѣкъ живетъ не иначе какъ въ обществѣ, ибо только въ обществѣ могутъ проявляться и развиваться собственно человѣческія способности.

Однако и въ животномъ царствѣ мы встрѣчаемъ общества, даже съ весьма сложнымъ устройствомъ, доходящимъ до постояннаго раздѣленія занятій. Отсюда необходимость сравненія, ибо только этимъ путемъ можно выяснить особенности человѣческаго общежитія.

Существенное, кидающееся въ глаза различіе между обществами животныхъ и союзами людей, заключается въ томъ, что первыя, въ каждой отдѣльной породѣ, имѣютъ всегда одинакое устройство и управляются одними и тѣми же законами. Эти законы установлены не ими, а самою природою, которая вложила въ животныхъ извѣстные инстинкты, неизмѣнно направляющіе ихъ къ предуставленной цѣли. Въ силу этихъ прирожденныхъ инстинктовъ, которые составляютъ для нихъ внутренній, непреложный законъ, животныя

всегда дѣйствуютъ одинакимъ способомъ. Въ ихъ обществахъ, поэтому, не замѣчается развитіе. Взявши всю совокупность животнаго царства, мы скорѣе найдемъ даже попятный ходъ. Самыя сложныя и совершенныя общества встрѣчаются у животныхъ низшаго разряда, у пчелъ, у муравьевъ; напротивъ, млекопитающія, ближе всего стоящія къ человѣку, живутъ или стадами, безъ всякой опредѣленной организаціи, или даже въ одиночку. Звѣри, занимающіе, если не высшую, то во всякомъ случаѣ весьма высокую ступень въ животномъ царствѣ, какъ то львы, тигры, лисицы, живутъ одиноко. Объясненія этого явленія слѣдуетъ, повидимому, искать въ томъ, что съ высшимъ развитіемъ сила инстинкта слабѣетъ. Животное освобождается изъ подъ его власти; оно индивидуализируется, а съ тѣмъ вмѣстѣ слабѣетъ и связь, соединяющая его съ другими. Что бы возсоздать эту связь путемъ сознанія, нужно высшее, духовное развитіе, котораго мы не находимъ въ животномъ царствѣ.

Это высшее начало дано въ удѣлъ человѣку. Въ противоположность животнымъ, человѣческія общества по существу своему измѣнчивы. Не только каждое отдѣльное общество имѣетъ свой типъ и свои законы, но одно и тоже общество съ теченіемъ времени проходитъ черезъ совершенно различныя формы общежитія. Причина та, что человѣкъ самъ себѣ даетъ законъ и мѣняетъ этотъ законъ по своему произволу.

Это не значитъ однако, что устройство человѣческихъ обществъ и управляющія ими нормы являются дѣломъ случайной прихоти людей. Природа не лишила человѣка руководящихъ началъ для его жизни. И въ немъ есть вложенный въ его душу естественный законъ, который долженъ служить ему нормою для дѣятельности; но этотъ законъ не налагаетъ на него непреложнаго образа дѣйствій, которому онъ необходимо слѣдуетъ; человѣкъ можетъ отъ него уклоняться. Исполненіе естественнаго закона вѣрено не слѣпому инстинкту, всегда дѣйствующему одинакимъ образомъ, а сознанію и свободѣ. Человѣкъ на столько исполняетъ естественный законъ, на сколько онъ его сознаетъ и на сколько онъ хочетъ его исполнять. А такъ какъ сознаніе и воля подлежатъ измѣненію и развитію, то и законы, управляющіе человѣческими обществами, измѣняются и совершенствуются.

И такъ, коренной признакъ человѣческаго общежитія, полагающій глубокую пропасть между царствомъ животныхъ и царствомъ

духа, есть свобода. Человѣкъ самъ себѣ даетъ законъ, и по своему произволу исполняетъ его или не исполняетъ. Отсюда ясно, что всякое ученіе о человѣческомъ общежитіи должно начать съ изслѣдованія свободы. Что такое свобода? гдѣ ея корень? гдѣ ея границы? какія вытекаютъ изъ нея послѣдствія? Таковы вопросы, которые возникаютъ передъ нами, какъ только мы приступаемъ къ изслѣдованію общественныхъ отношеній, вопросы, которые имѣютъ рѣшающее значеніе для всего нашего воззрѣнія на человѣческое общежитіе.

Эти вопросы носятъ на себѣ чисто философскій характеръ. Съ однимъ опытомъ тутъ далеко не уйдешь. Опытъ представляетъ намъ одинаково и свободу и рабство. Въ исторіи мы видимъ даже высокопросвѣщенные народы, которымъ человѣчество обязано лучшимъ своимъ достояніемъ, и у которыхъ однако все общественное устройство покоилось на рабствѣ. Которое же изъ этихъ двухъ началъ согласно съ природою человѣка? Къ чему мы должны стремиться? И если человѣческая природа требуетъ свободы, то откуда явленіе рабства и чѣмъ оно оправдывается?

Ясно, что мы отъ жизненныхъ явленій должны взойти къ изслѣдованію внутренней природы человѣка. Чѣмъ же мы будемъ руководствоваться въ этомъ изученіи? Покинутые внѣшнимъ опытомъ, который представляетъ намъ противорѣчащія явленія, станемъ ли мы опираться на внутренній опытъ? Но сами приверженцы опытной методы скажутъ намъ, что внутренній опытъ въ этомъ случаѣ, болѣе нежели когда либо, можетъ быть обманчивъ. Если мы сошлемся на то, что каждый внутри себя сознаетъ себя свободнымъ, то намъ отвѣтятъ, что это сознаніе происходитъ оттого, что мы часто не сознаемъ внутреннихъ побужденій своихъ дѣйствій, которыя влекутъ насъ въ ту или въ другую сторону по законамъ естественной необходимости. Внутренній опытъ, также какъ и внѣшній, даетъ намъ одни явленія; онъ не раскрываетъ намъ внутреннихъ ихъ причинъ; а въ вопросѣ о свободѣ требуется именно постиженіе внутренней причины дѣйствій. Надобно понять самую сущность свободы и ея связь съ сокровенною природою человѣка: безъ этого мы не въ состояніи будемъ опредѣлить ни ея требованій, ни ея границъ.

Для рѣшенія этого вопроса необходимо, слѣдовательно, возвыситься въ сверхопытный міръ, перейти въ область метафизики, которая одна въ состояніи уяснить намъ нашу задачу. Если же

этотъ міръ для насъ закрытъ, если метафизика ничто иное какъ пустой бредъ человѣческаго ума, то и вопросъ о свободѣ долженъ вѣчно оставаться для насъ неразрѣшимымъ; но тогда и самое изслѣдованіе человѣческаго общежитія лишается всякаго руководящаго начала. Наука объ обществѣ превращается въ хаосъ противорѣчащихъ другъ другу явленій.

Именно это мы видимъ въ современной литературѣ. Съ упадкомъ философіи устранился вопросъ о существѣ и объ источникѣ свободы. Одни признаютъ ее какъ фактъ, и на этомъ фактѣ строятъ свое ученіе; но такъ какъ фактъ не изслѣдованъ въ своемъ существѣ и не утвержденъ на надлежащихъ основаніяхъ, то очевидно, что и вытекающія изъ него послѣдствія лишены прочнаго фундамента. Это — зданіе, построенное на совершенно произвольномъ предположеніи. Другіе изслѣдуютъ свободу только въ ея внѣшнихъ проявленіяхъ; но такъ какъ внутренняя ея природа остается нераскрытою, то ясно, что отсюда нельзя вывести никакихъ руководящихъ началъ: все ограничивается туманными представленіями, которыя не выдерживаютъ критики. Третьи, не пытаясь даже вникнуть въ существо предмета, просто отвергаютъ внутреннюю свободу на основаніи чисто логическихъ соображеній, и при этомъ, къ удивленію, крѣпко стоятъ за свободу внѣшнюю, какъ будто послѣдняя не почерпаетъ свою силу и значеніе единственно изъ первой. Четвертые, наконецъ, держась чисто опытнаго пути, совершенно устраняютъ вопросъ о свободѣ и при этомъ воображаютъ, что они въ состояніи сказать путное слово о человѣческомъ общежитіи. Можно встрѣтить обширные соціологическіе и даже юридическіе трактаты, въ которыхъ о свободѣ нѣтъ даже рѣчи, или она упоминается вскользь, какъ предметъ несущественный. Читатель, раскрывающій подобную книгу, можетъ быть увѣренъ, что онъ не найдетъ въ ней ни единаго слова, которое имѣло бы серіозное научное значеніе.

И такъ, въ изслѣдованіи законовъ человѣческаго общежитія мы безъ философіи не обойдемся. На самомъ порогѣ возникаетъ передъ нами вопросъ о свободѣ, который долженъ быть рѣшенъ на основаніи философскихъ доказательствъ. Какъ же мы къ этому приступимъ? Прежде всего необходимо установить самое понятіе.

Свобода понимается въ двоякомъ значеніи: какъ внѣшняя и какъ внутренняя, какъ свобода дѣйствій и какъ свобода воли. Первая состоитъ въ независимости дѣйствій отъ чужой воли, или въ опре-

дѣленіи ихъ собственною волею лица, короче, въ возможности дѣлать что хочешь; вторая состоитъ въ независимости воли отъ внѣшнихъ побужденій, или въ существующей для нея возможности опредѣляться чисто изъ себя самой.

Нѣкоторые философы отвергаютъ самое понятіе о внутренней свободѣ, признавая существованіе исключительно свободы внѣшней. Сюда принадлежитъ главный представитель сенсуализма новаго времени, Локкъ. Онъ утверждаетъ, что свободою можно назвать единственно способность дѣлать или не дѣлать что хочешь, то-есть сообразовать свои дѣйствія съ опредѣленіями разума; но нелѣпо говорить о свободѣ хотѣть или не хотѣть, какъ будто воля можетъ опредѣляться еще новою волею. Локкъ увѣряетъ даже, что возбуждать вопросъ о свободѣ воли все равно, что спрашивать: можетъ ли сонъ быть быстрымъ или добродѣтель квадратною? Свобода, по его мнѣнію, принадлежитъ не способности, а дѣятелю, то есть, разумному существу, которое свободно, на сколько его дѣйствія согласуются съ его хотѣніемъ, и несвободно, на сколько эти дѣйствія вынуждены внѣшнею силою [1]).

Въ дальнѣйшихъ своихъ объясненіяхъ, Локкъ однакоже самъ доказываетъ, что воля человѣка, въ низшихъ своихъ проявленіяхъ, то есть въ слѣпыхъ влеченіяхъ, можетъ воздерживаться и направляться высшею волею, то есть разумнымъ началомъ. Черезъ это онъ явно впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Посмотримъ на его доводы; они дадутъ намъ ключъ къ уразумѣнію явленій.

Локкъ основываетъ свое мнѣніе на анализѣ хотѣнія. Хотѣніе есть движеніе воли, направленное на извѣстное дѣйствіе. Оно отличается отъ желанія, ибо человѣкъ можетъ добровольно дѣлать противное тому, чего желаетъ. Чѣмъ же опредѣляется хотѣніе? Самимъ дѣятелемъ, то есть разумомъ. А чѣмъ опредѣляется разумъ въ своемъ рѣшеніи? Чувствомъ удовлетворенія или неудовлетворенія: первое побуждаетъ его оставаться въ томъ же состояніи, второе побуждаетъ его перемѣнить свое состояніе. Послѣднее Локкъ называетъ также желаніемъ, при чемъ онъ доказываетъ, что оно составляетъ единственное побужденіе къ дѣятельности, ибо желаніе ничто иное какъ стремленіе къ счастью, а счастіе составляетъ конечную цѣль всякаго живаго существа. Такимъ образомъ, отли-

---

[1]) An Essay concerning human understanding, Book 2, ch. XXI §§ 8—25.

чивши желаніе отъ воли, Локкъ опять ихъ смѣшиваетъ. Однако и тутъ является оговорка, которая даетъ дѣлу иной оборотъ. Сильнѣйшее желаніе движетъ волю; однако не всегда. Ибо разумъ, какъ извѣстно изъ опыта, имѣетъ способность воздерживать желанія и взвѣшивать различныя полагаемыя ими цѣли. «Есть, говоритъ Локкъ, одинъ случай, когда человѣкъ свободенъ въ отношеніи къ хотѣнію, а именно, въ выборѣ отдаленнаго блага, какъ цѣли стремленій. Здѣсь человѣкъ можетъ воздерживать свое дѣйствіе отъ всякаго опредѣленія за или противъ предположенной цѣли, пока онъ не разсмотрѣлъ, дѣйствительно ли оно таково, что оно само или въ своихъ послѣдствіяхъ можетъ сдѣлать его счастливымъ». Это послѣднее, высшее рѣшеніе разума, обсуждающаго добро и зло, по признанію Локка, и есть источникъ всякой свободы; это именно то, что неправильно называется свободою воли. Человѣкъ свободенъ, потому что онъ можетъ опредѣляться рѣшеніями собственнаго разума, ибо цѣль свободы состоитъ въ достиженіи того добра, которое мы сами для себя выбираемъ [1]).

Оказывается, слѣдовательно, что существуетъ воля надъ волею. Дѣйствія направляются желаніями, но надъ желаніями есть еще высшая власть, которой принадлежитъ окончательное рѣшеніе. Такимъ образомъ, свобода состоитъ не только въ направленіи дѣйствій согласно съ желаніями, но и въ направленіи желаній согласно съ высшими рѣшеніями разума. Человѣкъ можетъ не только воздерживать желанія, но и измѣнять ихъ. «Во власти ли человѣка, спрашиваетъ Локкъ, измѣнять пріятность или непріятность, сопровождающія извѣстнаго рода дѣйствія? Что касается до этого, отвѣчаетъ онъ, то ясно, что во многихъ случаяхъ онъ можетъ это сдѣлать... Ошибочно думать, что люди не въ состояніи превратить непріятность или безразличіе, присущія дѣйствіямъ, въ удовольствіе и желаніе, если они только хотятъ дѣлать то, что въ ихъ власти. Надлежащее размышленіе сдѣлаетъ это въ нѣкоторыхъ случаяхъ; практика, прилежаніе и привычка въ большинствѣ случаевъ» [2]).

Такимъ образомъ, самые очевидные факты сознанія показываютъ намъ, что человѣкъ не только, подобно животнымъ, имѣетъ власть надъ своими дѣйствіями, но какъ разумное существо, онъ имѣетъ и

---

[1]) An Essay conc. hum. underst. B. 2. ch. XXI, §§ 28 и слѣд.
[2]) Тамъ же, § 69.

власть надъ собою. Первая составляетъ внѣшнюю свободу, вторая свободу внутреннюю. И только послѣдняя даетъ истинное значеніе первой: изъ простаго факта она дѣлаетъ ее принципомъ, или требованіемъ. Какъ фактъ, внѣшняя свобода существуетъ и для животныхъ, точно также какъ и для человѣка. Есть животныя живущія на свободѣ, и есть другія, даже той же породы, которыя находятся въ клѣткахъ, въ стойлахъ, въ упряжи. Но здѣсь о принципѣ нѣтъ рѣчи. Мы не считаемъ такого различія въ положеніи несправедливостью относительно порабощенныхъ, также какъ мы не считаемъ несправедливостью, что одни животныя убиваются для ѣды, а другія продолжаютъ пользоваться жизнью. Нельзя сказать, что послѣднее одно согласно съ природою живыхъ существъ, ибо, еслибы цѣль природы состояла въ томъ, чтобы каждое живое существо жило и пользовалось жизнью, то она не создала бы однихъ животныхъ пожирающихъ другія и не сдѣлала бы изъ этого пожиранія непремѣнное условіе существованія не только самихъ хищниковъ, но и породы ихъ жертвъ, которыя безъ того умножились бы безмѣрно.

Въ человѣкѣ, напротивъ, внѣшняя свобода является не фактомъ, а требованіемъ. Фактъ можетъ ему противорѣчить; съ самаго начала исторіи и до нашихъ дней мы видимъ милліоны людей, которые находятся въ рабствѣ. Еслибы мы руководствовались одними фактическими данными, мы должны бы были сказать, что свобода и неволя одинаково лежатъ въ природѣ человѣка. Но не смотря на такой всемірный фактъ, мы утверждаемъ, что человѣкъ долженъ быть свободенъ, и это требованіе мы ставимъ цѣлью развитія человѣческихъ обществъ.

На чемъ же основано подобное требованіе? Локкъ, ратующій за естественную свободу людей, говоритъ, что «ничто не можетъ быть очевиднѣе, какъ то, что творенія одной и той же породы и чина, одинаково рожденныя для пользованія одними и тѣми же благами природы и для употребленія однѣхъ и тѣхъ же способностей, должны быть равны между собою, безъ всякаго подчиненія или подданства однихъ другимъ» [1]). Но такого же рода разсужденіе одинаково прилагается и къ животнымъ, а между тѣмъ мы для животныхъ не требуемъ всеобщей свободы. Самъ Локкъ признаетъ далѣе, что это начало не прилагается къ дѣтямъ, которыя находятся въ естест-

[1]) A Treatise concerning government, ch. II, § 4.

вѣнномъ подчиненіи у родителей. Причину этого исключенія онъ видитъ въ томъ, что они не обладаютъ еще разумомъ, который одинъ можетъ руководить ихъ въ правильномъ употребленіи свободы. Отсюда онъ заключаетъ, что «вольность человѣка и свобода дѣйствовать сообразно съ своею собственною волею основаны на томъ, что человѣкъ одаренъ разумомъ, способнымъ научить его тому закону, которымъ онъ долженъ управляться и указать ему, на сколько онъ предоставленъ свободѣ своей собственной воли» [1]).

Слѣдовательно, требованіе внѣшней свободы основано на свободѣ внутренней. Источникъ послѣдней есть разумъ, воздерживающій слѣпыя влеченія и указывающій человѣку законъ, которымъ онъ долженъ управляться, и цѣли, которыя онъ долженъ имѣть въ виду. Только объ человѣкѣ мы можемъ сказать, что онъ по природѣ свободенъ, пбо онъ одинъ, въ отличіе отъ животныхъ, представляется намъ какъ разумное существо, способное опредѣляться на основаніи внутреннихъ, разумныхъ рѣшеній.

Въ чемъ же состоитъ этотъ законъ, и что такое разумное рѣшеніе воли въ противоположность влеченіямъ? Это тотъ законъ, который дѣлаетъ дѣйствія человѣка независимыми отъ какихъ бы то ни было частныхъ цѣлей и желаній, но подчиняетъ ихъ высшему началу, истекающему изъ чистаго разума, а потому имѣющему характеръ абсолютной истины,—сознанію долга, законъ нравственный, который для Локка и вообще для опытной школы, не смотря на всѣ старанія его уловить, остается вѣчною загадкою, но который во всей своей глубинѣ былъ раскрытъ отцомъ новѣйшей метафизики, Кантомъ. Разумъ потому только способенъ владычествовать надъ влеченіями, что онъ составляетъ самостоятельную силу, имѣющую свой собственный законъ, и притомъ высшій, абсолютно предписывающій и абсолютно воспрещающій. Этотъ законъ неразрывно связанъ съ свободою. Онъ предполагаетъ возможность отрѣшиться отъ всякаго частнаго побужденія и опредѣляться чисто на основаніи разумнаго сознанія долга. Только при этомъ условіи, онъ можетъ являться абсолютнымъ требованіемъ для всякаго разумнаго существа. Самое нравственное достоинство дѣйствій заключается единственно въ томъ, что они совершаются свободно: дѣйствіе вынужденное не есть дѣйствіе нравственное. Отсюда вытекаютъ и понятія объ отвѣтствен-

[1]) A Treatise concerning government, ch. VI §§ 55—63.

ности за свои дѣйствія, о вмѣненіи, о заслугѣ и винѣ, понятія, на которыхъ основаны всѣ наши нравственныя сужденія, и на которыхъ зиждутся всѣ законодательства въ мірѣ. Сознаніе внутренней свободы, раскрытое метафизикою, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и міровой фактъ. Имъ держатся всѣ человѣческія общества, и безъ него они бы разлетѣлись въ прахъ.

Возможна ли однако подобная свобода? Не есть ли это самообольщеніе?

Многіе это утверждаютъ; но отвергая внутреннюю свободу, какъ призракъ, противники ея ссылаются уже не на указанія опыта, который, какъ сказано выше, не идетъ далѣе явленій и не въ состояніи открыть намъ внутреннихъ основаній рѣшеній воли, а на законъ необходимости, которому подлежатъ всѣ явленія міра. Между тѣмъ, законъ необходимости, который самъ проистекаетъ изъ умозрѣнія [1]), относится къ явленіямъ, а не къ сущности вещей. Онъ гласитъ, что всякое явленіе имѣетъ свою причину, именно, дѣйствіе извѣстной силы; но чѣмъ опредѣляется самое дѣйствіе этой силы? почему она дѣйствуетъ такъ, а не иначе? Объ этомъ законъ причинности не говоритъ; опытная же наука довольствуется положеніемъ, что таково свойство предмета. Такимъ образомъ, все сводится къ природѣ дѣйствующей силы. Эта природа можетъ быть различна: есть силы слѣпыя, и есть силы разумныя. Первыя, именно потому что онѣ слѣпы, не могутъ дѣйствовать иначе какъ по закону необходимости, внутренней или внѣшней; вторыя же дѣйствуютъ по закону разумнаго сознанія, а законъ разума есть законъ свободы. Поэтому мы и говоримъ, что человѣкъ, по своей природѣ, есть существо свободное. На него не простирается господствующій въ физическомъ мірѣ законъ необходимости. Всѣ почерпаемыя отсюда аналогіи не выдерживаютъ критики.

Защитники необходимости указываютъ на то, что разумъ и воля всегда дѣйствуютъ подъ вліяніемъ извѣстныхъ побужденій, изъ которыхъ сильнѣйшее неизбѣжно получаетъ перевѣсъ. Но сильнѣйшее побужденіе есть то, которому разумъ и воля даютъ предпочтеніе. По признанію самихъ противниковъ внутренней свободы, сила мотивовъ зависитъ не столько отъ внѣшняго дѣйствія, сколько отъ воспріимчивости

[1]) Доказательство умозрительнаго происхожденія понятія о причинѣ и основаннаго на немъ закона необходимости можно найти въ моемъ сочиненіи: Наука и Религія, стр. 22 и слѣд.

къ дѣйствію. Невозможно ссылаться и на то, что эта воспріимчивость опредѣляется особеннымъ характеромъ каждаго лица, характеромъ, дѣйствующимъ въ каждомъ случаѣ по законамъ необходимости: характеръ разумнаго существа не есть нѣчто неизмѣнное и непреложное, всегда проявляющееся одинакимъ способомъ. Человѣкъ, какъ мы уже видѣли, имѣетъ способность воздерживать свои влеченія, наклонности, страсти; онъ можетъ даже измѣнять ихъ силою воли или новою привычкою. Если характеръ влечетъ его къ злу, то нравственный законъ, по общему признанію человѣчества, обращается къ нему съ требованіемъ, чтобы онъ измѣнилъ свой характеръ. Это требованіе имѣетъ смыслъ, единственно потому что оно обращается къ существу свободному, располагающему своими дѣйствіями и своими побужденіями. Иначе оно было бы нелѣпо.

Всѣ эти возраженія противъ свободы воли основаны на томъ, что на разумное существо переносятся признаки, принадлежащіе неразумной природѣ, между тѣмъ какъ разумное существо, начало духовнаго міра, имѣетъ свою собственную, исключительно ему принадлежащую природу и свои собственные, управляющіе имъ законы. Оно относится къ неразумной природѣ, какъ общее къ частному, или какъ безконечное къ конечному. Все частное, дробное, имѣетъ опредѣленныя свойства и опредѣленную сферу дѣятельности, изъ которыхъ оно не можетъ выйти. Поэтому оно и подчиняется законамъ необходимости. Разумъ же есть сознаніе безусловно-общихъ началъ и законовъ, и какъ таковой, онъ содержитъ въ себѣ безконечное. Поэтому онъ не связанъ никакими частными побужденіями; каждому побужденію онъ можетъ противопоставить не только безконечное множество другихъ, но и безусловно-общій законъ, господствующій надъ всѣми. Точно также онъ не связанъ никакими частными свойствами ограниченнаго существа; какъ безконечное начало, онъ возвышается надъ всѣми частными опредѣленіями и способенъ отрѣшаться безусловно отъ всего. Но такъ какъ, съ другой стороны, человѣкъ не есть только разумное существо, а вмѣстѣ и чувственное, такъ какъ въ немъ безконечное соединяется съ конечнымъ, то эта вторая, неразумная сторона его природы управляется законами естественной необходимости и нерѣдко вступаетъ въ борьбу съ первой. Поэтому разумно-нравственный законъ не господствуетъ въ немъ нераздѣльно, а является только какъ вѣчно присущее ему требованіе, которое всегда въ большей или меньшей

степени сознается, но никогда не исполняется всецѣло. Въ этомъ состоитъ сущность нравственной природы человѣка, и въ этомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, состоитъ высшее проявленіе его свободы. Человѣкъ можетъ не только исполнять нравственный законъ, но и уклоняться отъ закона, и уклонялсь, онъ все таки сохраняетъ возможность возвратиться къ исполненію закона. И то и другое составляетъ дѣйствіе внутренняго его самоопредѣленія. Отъ безконечнаго онъ свободно переходитъ къ конечному, и отъ конечнаго опять возвышается къ безконечному. Въ этомъ свободномъ переходѣ заключается все его нравственное достоинство; въ этомъ состоитъ его заслуга и вина [1]).

Но если внутреннее самоопредѣленіе воли проявляется не только въ исполненіи закона, но также и въ уклоненіи отъ закона, въ возможности отдать себя противоположному элементу, то, очевидно, слѣдуетъ признать односторонним мнѣніе тѣхъ, которые свободу полагаютъ единственно въ исполненіи нравственнаго закона, считая подчиненіе естественнымъ наклонностямъ и страстямъ не свободою, а рабствомъ духа. Этотъ взглядъ, представляющій прямую противоположность разсмотрѣнному выше, раздѣляется весьма значительными мыслителями, притомъ стоящими на совершенно различныхъ точкахъ зрѣнія. Мы находимъ его, напримѣръ, у Спинозы, который прямо отвергалъ свободу воли. Онъ свободнымъ называетъ того, кто руководствуется внушеніями разума, ибо дѣйствующій такимъ образомъ слѣдуетъ законамъ собственной природы; неспособность же воздерживать влеченія, онъ признаетъ рабствомъ, ибо влеченія происходятъ отъ внѣшнихъ причинъ [2]). Самъ Кантъ, утвердившій на незыблемыхъ основаніяхъ ученіе о свободѣ въ связи съ нравственнымъ закономъ, впадаетъ въ туже односторонность, вслѣдствіе господствующаго у него разрыва между внутреннею природою и внѣшнею. Онъ свободою воли съ отрицательной стороны называетъ независимость отъ чувственныхъ влеченій, а съ положительной самоопредѣленіе чистаго разума, при чемъ однако онъ тутъ же признаетъ свободою и чисто внѣшнюю дѣятельность, опредѣляемую формальнымъ юридическимъ зако-

---

[1]) Излагая существо свободы, я по необходимости принужденъ повторять то, что уже было неоднократно высказано мною въ другихъ сочиненіяхъ; см. Исторія Политическихъ Ученій, IV, стр. 149–154; Наука и Религія, стр. 144—146; Мистицизмъ въ Наукѣ, стр. 143 и слѣд.

[2]) Ethices, Pars IV, Propos. 67, 68; Tractatus Politicus, cap. 2 §§ 7, 11.

номъ [1]). За нимъ другіе философы еще болѣе усилили эту односторонность. Такъ напримѣръ, Аренсъ, слѣдуя Канту, опредѣляетъ свободу, какъ самоопредѣленіе духа на основаніи разумныхъ понятій. Поэтому онъ свободу видитъ единственно тамъ, гдѣ дѣятельность руководится идеальнымъ сознаніемъ долга; всякія же чувственныя побужденія, по его мнѣнію, уничтожаютъ свободу. По ученію Аренса, свобода есть единая, цѣльная власть, имѣющая свой корень во внутренней природѣ человѣка; такова именно свобода внутренняя, нравственная, которая, проявляясь во внѣшнемъ мірѣ, черезъ это становится внѣшнею. Внѣшняя же свобода, оторванная отъ внутренней, есть чисто отрицательная, нигилистическая свобода, или лучше, произволъ. Аренсъ называетъ ее дурнымъ хвостомъ истинной свободы, которая черезъ него подвергается опасностямъ и стѣсненіямъ [2]).

Того же взгляда держится въ новѣйшее время и Данъ. «Быть свободнымъ, говоритъ онъ, значитъ повиноваться только разуму» [3]). Тоже самое мы находимъ у Шеффле: «свобода, говоритъ онъ, есть самоопредѣленіе, то есть опредѣленіе не по внѣшнимъ, чуждымъ моей сущности побужденіямъ, а по требованіямъ моей собственной нравственно-общественной природы». Вслѣдствіе этого, Шеффле утверждаетъ, что принужденіе не только внутреннее, силою нравственнаго закона, но и внѣшнее, путемъ права, дѣйствуетъ освободительно, ибо оно освобождаетъ человѣка отъ препятствій, налагаемыхъ на него собственною и чужою прихотью, ограниченностью, злобою, страстью и т. п. [4]).

Но ни у кого это одностороннее пониманіе не выступаетъ такъ рѣзко, какъ у одного изъ знаменитѣйшихъ ратоборцевъ за свободу, у Фихте, когда онъ во вторую эпоху своей дѣятельности сталъ на исключительно нравственную точку зрѣнія. Цѣлью всей человѣческой дѣятельности и всего человѣческаго развитія онъ полагалъ осуществленіе нравственнаго закона на землѣ; средствомъ для этого служитъ свобода. Но тутъ оказывается противорѣчіе: съ одной стороны, человѣкъ, какъ свободное существо, долженъ быть единственнымъ источникомъ своихъ дѣйствій, онъ не подлежитъ принужденію; съ

[1]) Rechtslehre. Einleitung in die Metaphysik der Sitten, I.
[2]) Naturrecht, II, стр. 53, 55, 61 (1871).
[3]) Die Vernunft im Recht, стр. 60.
[4]) Bau und Leben des socialen Körpers, I, стр. 142, II, стр. 118

другой стороны, нравственный законъ непремѣнно долженъ быть исполненъ, даже путемъ принужденія. Какъ же разрѣшается это противорѣчіе? По мнѣнію Фихте, оно разрѣшается тѣмъ, что принужденію въ этомъ случаѣ подвергается человѣкъ только какъ физическая особь, а вовсе не какъ нравственное существо и какъ членъ нравственнаго союза; между тѣмъ, только въ этомъ послѣднемъ качествѣ человѣкъ имѣетъ свободу и право, только въ этомъ отношеніи онъ не подлежитъ принужденію; въ остальныхъ же отношеніяхъ, онъ вовсе не долженъ быть терпимъ, напротивъ, онъ долженъ быть уничтожаемъ, какъ разрушительное пламя или какъ дикій звѣрь. «Человѣчество, говоритъ Фихте, должно быть безъ всякаго милосердія и пощады, все равно, понимаетъ ли оно это или нѣтъ, подчинено владычеству права высшимъ разумѣніемъ». Это принудительное подчиненіе составляетъ не только право, но и священнѣйшую обязанность всякаго, кто обладаетъ этимъ разумѣніемъ [1]). Когда мы вспомнимъ, что подъ юридическимъ порядкомъ Фихте разумѣлъ не только опредѣленіе внѣшнихъ отношеній людей, но и все, что требуется для полнаго осуществленія нравственнаго закона, то мы поймемъ, что для свободы здѣсь не остается болѣе мѣста. На этихъ началахъ Фихте развилъ цѣлую теорію соціалистическаго государства, въ которомъ, по его собственному признанію, всякая свобода исчезаетъ и человѣкъ становится чистымъ орудіемъ для осуществленія общихъ цѣлей. Чтобы спасти его внутреннюю свободу, ему предоставляется только нѣсколько часовъ досуга, для того чтобы онъ могъ заниматься своимъ нравственнымъ совершенствованіемъ. Если во внѣшнихъ своихъ отношеніяхъ онъ дѣлается рабомъ государства, то духъ, съ которымъ онъ исполняетъ свое дѣло, остается его достояніемъ. Вся задача государственнаго порядка, по мнѣнію Фихте, заключается въ томъ, чтобы вмѣсто рабской покорности развить духъ добровольнаго повиновенія [2]).

Послѣдовательность, съ которою Фихте проводилъ свои взгляды, дѣлаетъ его поучительнымъ примѣромъ тѣхъ заблужденій, въ которыя вовлекаетъ человѣка односторонне понятое начало и тѣхъ внутреннихъ противорѣчій, къ которымъ неизбѣжно приводитъ всякое

[1]) Die Staatslehre: Werke IV. (1845). стр. 432—439.

[2]) System der Rechtslehre: Nachgelassene Werke, II, стр. 535—538, 543—4,560.

кая односторонность. Дѣло идетъ, повидимому, о весьма невинной вещи, о метафизическомъ опредѣленіи свободы; но изъ этого опредѣленія, съ математическою точностью, вытекаютъ послѣдствія, которыя ведутъ къ совершенному уничтоженію свободы. У другихъ, менѣе послѣдовательныхъ мыслителей, эти выводы не выступаютъ такъ ясно, но существо дѣло остается тоже: извѣстное понятіе непремѣнно влечетъ за собою извѣстныя послѣдствія.

Ошибка заключается въ томъ, что свобода понимается исключительно какъ нравственное начало, какъ свобода добра, между тѣмъ какъ она заключаетъ въ себѣ и свободу зла. Если я непремѣнно долженъ исполнять законъ, если я не могу отъ него отступить, то свобода моя исчезаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ и мое нравственное достоинство: я исполняю законъ по принужденію. Для совершеннаго существа, эта возможность отступленія отъ закона никогда не осуществляется, ибо оно, въ силу своего совершенства, никогда не воспользуется своей свободою для отступленія отъ закона; несовершенное же существо можетъ отступить отъ закона, и это отступленіе не можетъ быть ему возбранено путемъ внѣшняго принужденія, ибо иначе исчезнетъ самая свобода, исчезнетъ и отвѣтственность за свои дѣйствія. Нравственный законъ, по существу своему, не есть законъ принудительный.

Для существа разумно-чувственнаго, каковъ человѣкъ, побужденіе къ отступленію отъ закона лежитъ въ собственной его природѣ. Онъ нарушаетъ нравственный законъ, какъ скоро онъ, вмѣсто нравственныхъ побужденій, руководствуется побужденіями чувственными, противорѣчащими нравственнымъ требованіямъ. Но такъ какъ онъ, въ силу своей свободы, воленъ выбирать тѣ или другіе мотивы для своихъ дѣйствій, то на него въ этомъ отношеніи можно дѣйствовать только убѣжденіемъ, а не принужденіемъ. А такъ какъ внутренняя свобода проявляется и во внѣшнемъ мірѣ, то и въ области внѣшнихъ дѣйствій принужденіе во имя нравственнаго закона противорѣчитъ свободѣ человѣка. Человѣкъ воленъ поступать нравственно или безнравственно; никто не въ правѣ ему этого воспретить.

Отсюда не слѣдуетъ однако, что внѣшняя свобода безгранична. Въ области внѣшнихъ дѣйствій господствуетъ другаго рода законъ, законъ принудительный, возникающій изъ взаимнаго отношенія свободы различныхъ разумныхъ существъ. Въ этой сферѣ возможны стол-

новенія, а потому требуется разграниченіе, которое и поддерживается принудительнымъ порядкомъ. Каждое лице, какъ разумно-свободное существо, проявляетъ свою свободу во внѣшнемъ мірѣ. Оно создаетъ себѣ извѣстную область дѣятельности, которая присвоивается исключительно ему, и въ предѣлахъ которой оно вольно поступать, какъ ему угодно. Но какъ скоро оно вступаетъ въ область, принадлежащую другому лицу, такъ оно должно сообразоваться съ требованіями, исходящими отъ свободы другаго лица: ибо законъ свободы одинъ для всѣхъ. Нарушеніе его есть насиліе, которое отрицается таковымъ же насиліемъ, производимымъ во имя закона. Въ этомъ состоитъ законъ права, который имѣетъ поэтому чисто внѣшній характеръ и опредѣляетъ взаимныя отношенія внѣшней свободы людей.

И въ этой области необходимо точное установленіе понятій, безъ чего изъ начала внѣшней свободы могутъ быть выведены совершенно ложныя послѣдствія. Въ этомъ отношеніи, новѣйшая литература весьма назидательна. Такъ напримѣръ, Адольфъ Вагнеръ, въ своихъ изслѣдованіяхъ объ экономическихъ и юридическихъ основаніяхъ человѣческихъ обществъ, изданныхъ, неизвѣстно почему, подъ именемъ учебника Рау, совершенно оставляетъ въ сторонѣ коренной вопросъ, отъ котораго зависитъ все остальное, именно, вопросъ о существѣ свободы; но мимоходомъ, въ примѣчаніи, онъ высказываетъ на этотъ счетъ положенія, которыя онъ считаетъ безспорными, но которыя, на самомъ дѣлѣ, представляютъ совершенное извращеніе понятій. Вагнеръ утверждаетъ, что изъ признанныхъ новыми народами началъ свободы и равенства всѣхъ членовъ общества вытекаетъ правило, что никому не можетъ быть предоставлено право на пріобрѣтеніе жизненныхъ удобствъ, пока необходимыя потребности хотя бы малѣйшей части населенія остаются неудовлетворенными. Въ доказательство, онъ замѣчаетъ: «важнѣйшая посылка, которая не нуждается здѣсь въ дальнѣйшемъ развитіи, состоитъ въ томъ, что въ нашемъ современномъ общежитіи, въ которомъ мы не признаемъ рабства, всякая существующая особь имѣетъ равное съ другими право на продолженіе своего существованія, а потому можетъ требовать, насколько это дозволяетъ совокупность экономическихъ благъ извѣстнаго народа въ данное время, иными словами, народный доходъ, чтобы ей, также какъ и всякому другому лицу, доставлены

были условія для продолженія ея существованія, то есть, чтобы были удовлетворены ея жизненныя потребности перваго разряда» [1]).

Трудно изобрѣсти болѣе невѣрное понятіе о свободѣ. Внѣшняя свобода состоитъ въ возможности дѣлать, что хочешь, то есть, располагать, по своему усмотрѣнію, своими силами и средствами; а такъ какъ эта возможность одинаково предоставляется всѣмъ, то всѣ, въ этомъ отношеніи, равны. Но изъ свободы и равенства отнюдь не вытекаетъ право требовать отъ другихъ что бы то ни было, кромѣ отрицательнаго уваженія къ свободѣ. Всякое положительное требованіе должно быть основано на другихъ началахъ. Право же на продолженіе своего существованія не принадлежитъ никому, свободному столь же мало, какъ и рабу, богатому, какъ и бѣдному. Изъ свободы лица вытекаетъ для него только право дѣлать все, что оно можетъ, для продолженія своего существованія. У кого средствъ больше, тотъ очевидно можетъ сдѣлать больше; у кого средствъ меньше, тотъ сдѣлаетъ меньше. Богатый человѣкъ, у котораго оказалась грудная болѣзнь, можетъ ѣхать въ теплый климатъ для поправленія здоровья; бѣдному это недоступно. Можетъ встрѣтиться благотворитель, который отправитъ его на свой счетъ; но бѣднякъ, въ силу своей свободы, не въ правѣ требовать отъ кого бы то ни было, чтобы его послали въ Италію для излеченія болѣзни. Наоборотъ, можетъ случиться, что богатый въ этомъ отношеніи будетъ находиться въ худшемъ положеніи, нежели бѣдный. Богачъ, который внезапно занемогъ въ захолустьѣ, принужденъ довольствоваться тѣми скудными медицинскими средствами, которыя тамъ обрѣтаются, тогда какъ бѣднякъ, лежащій въ столичной больницѣ, пользуется пособіями лучшихъ врачей. Конечно, человѣкъ съ состояніемъ можетъ и въ захолустьѣ выписать знаменитаго врача; но для этого необходимо, чтобы у него было достаточно средствъ, и чтобы врачъ согласился пріѣхать: требовать этого онъ опять-таки не въ правѣ.

Этотъ примѣръ наглядно доказываетъ, до какой степени въ изслѣдованіяхъ о человѣческомъ общежитіи необходимо точное установленіе философскихъ понятій, и къ какимъ радикально ложнымъ взглядамъ можетъ повести недостатокъ философскаго образованія. Вагнеръ былъ введенъ въ заблужденіе усвоенною имъ невѣрною тео-

[1]) Lehrb. d. P. Oek. (Grundlegung. стр. 122, прим. 12).

ріею Краузе и его послѣдователей, которые видятъ въ правѣ условіе для достиженія всякихъ человѣческихъ цѣлей. Но для того чтобы критически отнестись къ этой теоріи, необходимо такое основательное изученіе философіи, которое въ наше время доступно весьма немногимъ, ушедшимъ отъ общаго соблазна. Приведенныя во Вступленіи слова Геринга служатъ тому доказательствомъ.

Изъ сказаннаго ясно, что свобода не есть единое, цѣльное начало, управляемое единымъ закономъ, какъ утверждаетъ Аренсъ. Даже въ чисто нравственной области это начало раздвоется, ибо оно заключаетъ въ себѣ и свободу добра и свободу зла. Въ приложеніи же къ существу, представляющему сочетаніе двухъ противоположныхъ элементовъ, разумнаго и чувственнаго, оно само распадается на два противоположныхъ опредѣленія, на свободу внутреннюю и на свободу внѣшнюю. Каждое изъ нихъ образуетъ свой отдѣльный міръ и управляется своими законами. Въ области внутренней свободы господствуетъ нравственный законъ, который безусловно требуетъ, чтобы человѣкъ руководствовался сознаніемъ долга; но исполненіе этого закона предоставлено свободѣ: здѣсь принужденіе совершенно устраняется. Въ области внѣшней свободы господствуетъ, напротивъ, законъ принудительный; но этотъ законъ касается единственно внѣшнихъ отношеній свободы; внутри же присвоенной каждому сферы все предоставляется его произволу: законъ не предписываетъ ему поступать такъ или иначе. Обѣ эти области, восполняя другъ друга, равно принадлежатъ свободѣ человѣка. Безъ внутренней свободы, внѣшняя лишается всякой точки опоры и всякаго значенія. Самъ по себѣ, произволъ не имѣетъ права ни на какое уваженіе; онъ уважается и охраняется принудительнымъ закономъ, единственно потому что онъ составляетъ проявленіе внутренней свободы. Если бы не было послѣдней, то весь юридическій законъ и все построенное на немъ человѣческое общежитіе не имѣли бы смысла. Съ своей стороны, внутренняя свобода безъ внѣшней лишена дѣйствительности. Человѣкъ призванъ дѣйствовать во внѣшнемъ мірѣ, и въ исполненіи этого призванія онъ является свободнымъ существомъ. Если же внѣшняя его свобода отрицается, то и призваніе остается глухо. Стоикъ могъ быть внутренно свободенъ и въ цѣпяхъ; христіанинъ внутренно свободенъ и въ рабствѣ. Но то и другое предполагаетъ отрѣшеніе отъ внѣшняго міра и стремленіе къ иной, чисто духовной цѣли. Исполненіе же земнаго призванія, достойное человѣка, требу-

ет внѣшней свободы. Иначе человѣкъ перестаетъ быть человѣкомъ; онъ нисходитъ на степень простаго орудія.

Этими двумя областями не исчерпываются однако проявленія свободы; остается еще высшая ихъ связь. Такъ какъ внутренняя свобода и внѣшняя истекаютъ изъ единаго начала, составляющаго неотъемлемую принадлежность духовной природы человѣка, то они естественно дѣйствуютъ другъ на друга и приходятъ въ разнообразныя сочетанія. Кромѣ противоположности началъ и областей установляется и ихъ единство. Это единство выражается въ тѣхъ органическихъ союзахъ, которыхъ человѣкъ является членомъ. Во имя нравственнаго закона, онъ подчиняется общественному началу, какъ высшему выраженію духовной связи людей, и въ этомъ отношеніи онъ имѣетъ обязанности; а съ другой стороны, какъ свободное лице, онъ пользуется правами. Здѣсь свобода получаетъ новый характеръ: она является какъ свобода общественная, опредѣляющая отношеніе членовъ къ тому цѣлому, къ которому они принадлежатъ, ихъ законное подчиненіе и долю участія ихъ въ общихъ рѣшеніяхъ. Но эта новая сфера свободы не уничтожаетъ предъидущихъ; она только восполняетъ ихъ, возводя ихъ къ высшему единству.

Такимъ образомъ, начало свободы, переходя черезъ различныя опредѣленія, образуетъ отдѣльныя, самостоятельныя области человѣческихъ отношеній, которыя всѣ истекаютъ изъ одного источника и находятся во взаимной внутренней связи. Свобода воли, которая состоитъ въ самоопредѣленіи на основаніи собственнаго рѣшенія, распадается на свободу внутреннюю, нравственную, заключающуюся въ возможности опредѣляться на основаніи разумно-нравственныхъ побужденій, и на свободу внѣшнюю, юридическую, управляемую принудительнымъ закономъ права; наконецъ, высшаго своего значенія она достигаетъ въ свободѣ общественной, опредѣляющей отношенія человѣка къ тому цѣлому, котораго онъ состоитъ членомъ. Человѣческая жизнь имѣетъ различныя стороны и различныя сферы дѣятельности, соотвѣтственно которымъ свобода принимаетъ различныя формы. Но въ какой бы области ни вращался человѣкъ, какому бы онъ ни подчинялся закону, вездѣ онъ является свободнымъ существомъ, ибо свобода составляетъ неотъемлемую принадлежность его духовной природы.

Но если такъ, то какимъ образомъ возможно объяснить столь часто встрѣчающееся въ исторіи и въ жизни отрицаніе свободы?

Почему съ самой колыбели человѣчества и до нашихъ дней милліоны людей погружены въ рабство? Повидимому, факты совершенно противорѣчатъ теоріи, ибо невозможно признать неотъемлемою принадлежностью природы извѣстнаго существа то, что не принадлежитъ ему всегда и вездѣ.

Это противорѣчіе разрѣшается закономъ развитія. Сущность развитія состоитъ въ постепенномъ осуществленіи внутренней природы развивающагося существа. Сначала эта природа является только въ зародышѣ, или въ возможности; затѣмъ она переходитъ черезъ различныя ступени, въ которыхъ проявляется разнообразіе ея опредѣленій, и только въ концѣ она раскрывается во всей своей полнотѣ. Такъ напримѣръ, въ области физическаго развитія, цвѣтъ и плодъ несомнѣнно выражаютъ собою природу растенія, но они являются завершеніемъ его роста, а иногда могутъ даже вовсе не развиться. Точно также и въ области духа, мы на первыхъ ступеняхъ находимъ лишь зачатки того, что позднѣе раскрывается въ полномъ цвѣтѣ. Поэтому, истинная природа духа познается не на низшихъ, а на высшихъ ступеняхъ развитія. Но такъ какъ начала, господствующія на высшихъ ступеняхъ развиваются постепенно и въ зачаткѣ находятся уже въ первоначальныхъ формахъ человѣческаго общежитія, то весь историческій процессъ представляетъ послѣдовательное развитіе лежащихъ въ человѣческой природѣ началъ.

Это именно мы видимъ въ приложеніи къ свободѣ. Нѣтъ формы общественнаго быта, гдѣ бы не было свободныхъ людей. Гдѣ есть рабы, тамъ есть и господа. Но отсюда до сознанія свободы, какъ неотъемлемой принадлежности всякаго человѣка, и еще болѣе до осуществленія этого начала въ жизни, путь весьма далекій. Это сознаніе требуетъ такого углубленія въ себя и такого пониманія внутренняго единства человѣческой природы, которыя возможны лишь при весьма высокой степени просвѣщенія. Величайшіе умы древности не сознавали еще этого единства. Аристотель утверждалъ, что нѣкоторые люди, по самой своей природѣ, предназначены быть господами, а другіе рабами. Понятіе, что всѣ люди, по природѣ своей, свободны, было развито главнымъ образомъ стоическою философіею; отъ нея заимствовали его и римскіе юристы, у которыхъ оно оставалось впрочемъ чисто отвлеченнымъ началомъ, безъ всякаго приложенія къ жизни. Еще болѣе христіанство, призывая всѣхъ людей къ спасенію, безъ различія свободныхъ и рабовъ, утверждало понятіе о единствѣ человѣ-

ческой природы. Христіанство раскрыло главнымъ образомъ внутреннюю, нравственную свободу человѣка, и связанное съ нею высшее его нравственное достоинство. Но указывая человѣку загробную цѣль, оно оставалось равнодушнымъ къ внѣшней свободѣ. Оно требовало отъ рабовъ покорности, обѣщая имъ вѣчное блаженство. Самая внутренняя свобода, вслѣдствіе односторонняго развитія, впадала въ противорѣчіе съ собою и становилась принудительною. Начало внѣшней свободы, не какъ отвлеченное понятіе, а какъ живой историческій элементъ, было развито преимущественно Германцами; но и это начало, въ своей односторонности, оторванное отъ свободы внутренней и не подчиненное высшему закону, являлось необуздапною силою, которая вела къ порабощенію однихъ другими. Это противорѣчіе между внутреннею свободою и внѣшнею, а равно и внутреннее противорѣчіе каждой изъ нихъ, отдѣльно взятой, составляетъ характеристическую черту средневѣковаго порядка. Высшее же сочетаніе обоихъ началъ является плодомъ развитія новаго времени. Въ этомъ заключается задача новой исторіи, которая привела наконецъ къ невиданному дотолѣ явленію, къ признанію свободы всѣхъ.

Таковъ процессъ развитія человѣческой свободы. Гегель не совсѣмъ точнымъ образомъ формулировалъ этотъ законъ, сказавши, что на Востокѣ свободенъ одинъ, въ классическомъ мірѣ нѣкоторые, въ германскомъ мірѣ всѣ [1]). Неточность заключается въ томъ, что на дѣлѣ исторія не представляетъ простаго количественнаго расширенія начала свободы. Не говоря о качественномъ развитіи различныхъ ея сторонъ, о противоположеніи внутренней свободы и внѣшней и о послѣдующемъ ихъ соединеніи, но самый количественный процессъ идетъ далеко не равномѣрно. Въ извѣстныя эпохи свобода временно подавляется, въ другія она возникаетъ съ новою силою. Это объясняется тѣмъ, что свобода не есть единственный элементъ человѣческаго развитія. Она постоянно находится въ отношеніяхъ къ другимъ жизненнымъ началамъ, и изъ этихъ отношеній, смотря по потребности времени и мѣста, возникаетъ преобладаніе то одного элемента, то другаго. Этими отношеніями объясняется, вмѣстѣ съ тѣмъ, и положительное значеніе рабства въ исторіи человѣчества. Развитіе сознанія показываетъ намъ это значеніе только съ отрицательной стороны: гдѣ недостаточно развито сознаніе истинной при-

[1]) Philosophie der Geschichte. Einleitung.

роды человѣка, тамъ очевидно не можетъ быть и полной свободы. Но рабство играетъ въ исторіи свою весьма положительную роль, которой нельзя упускать изъ виду.

Человѣкъ есть не только духовное, но и физическое существо. Поприщемъ духа является матеріальный міръ, а потому высшее развитіе жизни требуетъ матеріальныхъ средствъ. Для владычества надъ природою необходимы орудія; для занятія духовными предметами нужно имѣть обезпеченный досугъ. Между тѣмъ, чѣмъ ниже развитіе, тѣмъ менѣе у человѣка средствъ. Этотъ недостатокъ онъ принужденъ восполнять подчиненіемъ себѣ другихъ людей, которые обращаются для него въ орудія. И на высшихъ ступеняхъ работа однихъ служитъ средствомъ для благосостоянія другихъ; но здѣсь эти отношенія установляются свободно, въ силу обоюдной выгоды. На низшихъ ступеняхъ это невозможно. Свободная организація экономическаго быта требуетъ такого совершенства гражданскаго порядка, которое здѣсь немыслимо. Поэтому тутъ остается только прибѣгнуть къ насильственному подчиненію, и оно водворяется тѣмъ легче, что не существуетъ еще понятій, которыя бы служили ему преградою. Человѣку представляется даже дѣйствіемъ человѣколюбія обратить непріятеля въ рабство, вмѣсто того чтобы убить его по праву войны, и нѣтъ сомнѣнія, что порабощеніе побѣжденныхъ составляетъ значительный шагъ впередъ противъ истребленія враговъ. Въ эти времена, даже свободный человѣкъ охотно отдаетъ себя въ рабство. Недостатокъ средствъ и безпрерывныя опасности, которыми онъ окруженъ, заставляютъ его искать помощи и защиты у болѣе богатаго и сильнаго сосѣда. Невѣрной жизни на свободѣ онъ предпочитаетъ покойное подчиненіе. Отдача себя въ кабалу составляетъ всеобщее явленіе даже до позднѣйшихъ временъ. Уже государственный законъ, во имя высшихъ началъ, полагаетъ ей предѣлъ. Такимъ образомъ, обоюдный интересъ ведетъ къ установленію рабства, и это служитъ къ пользѣ человѣчества, ибо только путемъ порабощенія однихъ возможно было высшее развитіе другихъ. На плечахъ рабовъ возникла доселѣ изумляющая насъ цивилизація классическаго міра. Гражданинъ древней республики жилъ для государства; онъ занимался политикою, философіею, искусствомъ: но это было возможно единственно въ силу того, что рабы избавляли его отъ матеріальныхъ заботъ и обезпечивали его благосостояніе. Законъ развитія, какъ несомнѣнно доказываетъ исторія, состоитъ не въ равномѣрномъ под-

нятіи всѣхъ къ общему уровню, а въ томъ, что одни, чтобы взобраться на высоту, становятся на плеча другихъ. И это служитъ къ общей пользѣ, ибо достигши цѣли, они тянутъ за собою и другихъ. Свобода, бывшая удѣломъ немногихъ, со временемъ становится достояніемъ всѣхъ.

Тотъ же процессъ закрѣпощенія и освобожденія вызывается и развитіемъ государственныхъ началъ. Государство всегда требуетъ извѣстнаго порядка и подчиненія въ обществѣ; безъ этого оно не существуетъ. Но свободное подчиненіе опять таки возможно лишь при весьма высокомъ развитіи общественнаго сознанія и гражданственности. Чѣмъ ниже общественный уровень, тѣмъ болѣе требуется насильственное подчиненіе. Поэтому, всѣ почти государства основываются на завоеваніи. Сильнѣйшее племя подчиняетъ себѣ другихъ и создаетъ прочное политическое тѣло, въ которомъ является различіе побѣдителей и побѣжденныхъ, господъ и рабовъ. Это мы видимъ на Востокѣ, напримѣръ въ Индіи, гдѣ арійскіе завоеватели, покоривши туземныя племена, образовали изъ нихъ низшую касту. Тоже самое, съ большими или меньшими видоизмѣненіями, повторяется въ Греціи, всего рѣзче у Спартанцевъ, также въ Римѣ, наконецъ въ новой Европѣ при нашествіи варваровъ.

Даже тамъ, гдѣ возникновеніе государственнаго порядка основано не на внѣшнемъ завоеваніи, а на внутренней потребности общества, этотъ новый жизненный строй водворяется не иначе, какъ путемъ насильственнаго подавленія свободы. Этимъ объясняется повсемѣстное развитіе абсолютизма въ Европѣ въ исходѣ среднихъ вѣковъ. Въ замѣнъ средневѣковой анархіи требовалось установить прочный порядокъ, а это было невозможно безъ насильственнаго подчиненія противоборствующихъ элементовъ. Но на Западѣ уничтожилась свобода главнымъ образомъ высшихъ классовъ, ибо остальные были уже порабощены. Въ Россіи же самымъ яркимъ образомъ раскрывается, какимъ путемъ развивающійся государственный порядокъ влечетъ за собою всеобщее закрѣпощеніе. Здѣсь, въ теченіи среднихъ вѣковъ, хотя существовали рабы, однако значительная масса народонаселенія пользовалась свободою. И эта свобода была полная. Бояре, слуги и крестьяне ходили съ мѣста на мѣсто, изъ одного княжества въ другое, вступая только въ срочныя связи, на основаніи свободнаго договора. Это было всеобщее кочеваніе по русской землѣ. Но именно это бродячее состояніе было несовмѣстно

съ новымъ государственнымъ строемъ. Какъ скоро московскіе цари стали собирать разсыпанную храмину, съ тѣмъ чтобы сдѣлать изъ нея единое зданіе, такъ они на всѣ сословія наложили государственное тягло. Переходъ былъ воспрещенъ; свобода исчезла; всѣ должны были нести тяжелую службу государству. Прежде всѣхъ укрѣплены были бояре и слуги: изъ вольныхъ людей они превратились въ холопей государя, обязанныхъ служить ему всю свою жизнь. Затѣмъ укрѣплены были посадскіе; наконецъ дошла очередь и до крестьянъ. Для того чтобы служилые люди могли нести свою службу, имъ необходимы были средства, а пустая земля, которую они получали отъ правительства, средствъ не давала; пришлось прикрѣпить къ ней населеніе. Такимъ образомъ, закрѣпощеніе однихъ влекло за собою закрѣпощеніе другихъ. И это всеобщее тяжелое служеніе продолжалось до тѣхъ поръ, пока государство окрѣпло, устроилось и могло уже довольствоваться не принудительною, а свободною службою. Тогда послѣдовало обратное движеніе: сначала освобождено было дворянство, затѣмъ городскія сословія, а наконецъ и крестьяне. Вмѣсто всеобщаго порабощенія снова наступила всеобщая свобода, но уже при совершенно иныхъ условіяхъ. Вмѣсто средневѣковой анархіи водворился стройный гражданскій порядокъ, въ которомъ могутъ найти себѣ мѣсто всѣ лучшія стремленія образованнаго общества. Всеобщее крѣпостное право несомнѣнно содѣйствовало общественному развитію; благодаря ему, Россія сдѣлалась великимъ и образованнымъ государствомъ. Но совершивши свое дѣло, оно ведетъ къ собственному упраздненію.

Это упраздненіе вызывается причинами экономическими, политическими и нравственными.

Экономическая причина состоитъ въ высшей производительности свободнаго труда. Если низшаго разряда работы могутъ быть исполнены рабами, также хорошо, какъ и свободными людьми, иногда даже лучше, ибо первые побуждаются страхомъ, то высшая работа, требующая энергіи, настойчивости, умѣнія, можетъ быть успѣшно произведена только свободными людьми, дѣйствующими по собственному побужденію, а не изъ страха наказанія. Поэтому, высокое развитіе промышленности непремѣнно вызываетъ свободу [1]).

Точно также и въ политическомъ отношеніи, государство, въ ко-

[1]) См. Roscher: Grundlagen der Nationalökonomie § 71.

торомъ господствуетъ крѣпостное право, не можетъ достигнуть той степени могущества, какого достигаетъ государство свободное. Возбуждая всю энергію человѣка, свобода вызываетъ внутреннія силы, которыя иначе остались бы безъ употребленія. И матеріальное богатство и духовное развитіе, все это имѣетъ непремѣннымъ условіемъ свободу. Поэтому государство, которое хочетъ стоять въ уровень съ другими, рано или поздно должно водворить у себя это начало. Иначе оно склоняется къ паденію.

Всѣ эти причины имѣютъ однако лишь ограниченное значеніе. Конечно, при всеобщемъ крѣпостномъ состояніи, высокое развитіе промышленности немыслимо; но при рабствѣ извѣстной части населенія, особенно если ему подвергается чуждое племя, и въ приложеніи къ извѣстнаго рода работамъ, высокое матеріальное благосостояніе страны весьма возможно. Американскіе плантаторы не чувствовали никакой экономической потребности въ отмѣнѣ невольничества; напротивъ, они хорошо понимали, что они черезъ это лишаются значительной части своего состоянія. Ихъ надобно было принудить силою, не во имя экономической пользы, которой они могли быть единственными судьями, а во имя совершенно иныхъ началъ. Точно также и въ политическомъ отношеніи, примѣръ Россіи доказываетъ, что государство можетъ достигнуть весьма высокой степени могущества даже при общемъ закрѣпощеніи низшихъ классовъ. Крѣпостная Россія одна на европейскомъ материкѣ въ состояніи была побороть полчища освобожденной Франціи, предводимыя величайшимъ военнымъ геніемъ въ мірѣ. Долго она имѣла рѣшающій голосъ въ судьбахъ Европы, и если въ крымскую кампанію она потерпѣла неудачу, то самые результаты показали, до какой степени она способна за себя стоять. Съ другой стороны, если мы взглянемъ на Сѣверную Америку, то мы увидимъ, что замѣчательнѣйшіе ея государственные люди вышли изъ рабовладѣльческихъ штатовъ. Невольничество вызываетъ въ господахъ привычку повелѣвать, которая содѣйствуетъ развитію государственныхъ способностей.

Такимъ образомъ однихъ экономическихъ и политическихъ причинъ было бы недостаточно для уничтоженія рабства, еслибы къ этому не присоединялась причина чисто идеальнаго свойства, сознаніе, что одна свобода совмѣстна съ достоинствомъ человѣка, и что возвращеніе ея невольнику составляетъ требованіе общечеловѣческой спра-

ведливости. Исторія доказываетъ, что именно это начало было движущею пружиною всего освободительнаго движенія у новыхъ народовъ. Во имя идеальнаго начала, уже въ средніе вѣка, христіане, умирая или отправляясь въ крестовые походы, освобождали своихъ рабовъ. На идеальное начало ссылались французскіе короли въ своихъ освободительныхъ указахъ: «такъ какъ по естественному праву всякій долженъ родиться свободнымъ, говоритъ Людовикъ X, а между тѣмъ, по нѣкоторымъ обычаямъ, издавна введеннымъ и доселѣ соблюдаемымъ въ нашемъ государствѣ, а случайно и за преступленія предковъ, многія лица изъ нашего низшаго народа впали въ узы рабства, что очень намъ не нравится, Мы и т. д.» Идеальнымъ началомъ всеобщей человѣческой свободы воодушевлялась и философія XVIII-го вѣка, которая имѣла такое могучее вліяніе на освобожденіе людей, и которая нашла самое яркое свое выраженіе въ Объявленіи правъ человѣка и гражданина. Во имя идеальнаго начала были освобождены невольники въ англійскихъ колоніяхъ и на нашихъ глазахъ въ Соединенныхъ Штатахъ. И если мы обратимся къ себѣ, то мы увидимъ, что и у насъ Севастопольская кампанія дала только толчекъ тому, что давно сознавалось и правительствомъ и лучшими умами въ обществѣ, какъ высшее требованіе справедливости. Тѣ, которые отвергаютъ значеніе метафизики, признавая ее за пустой бредъ человѣческаго ума, забываютъ, что метафизика составляетъ движущую пружину историческаго развитія. Мы видимъ это здѣсь на наглядномъ примѣрѣ. Метафизикѣ новые народы обязаны своей свободою. Иначе и быть не можетъ, ибо представленіе идеала, составляющаго цѣль развитія, черпается не изъ того, что̀ есть, а изъ того, что̀ человѣкъ сознаетъ, какъ высшее требованіе разума. Во имя этого умозрительнаго начала онъ измѣняетъ дѣйствительность.

Завершился ли въ настоящее время у новыхъ народовъ этотъ процессъ освобожденія? Повидимому, нѣтъ возможности въ этомъ сомнѣваться. Въ Европѣ не существуетъ болѣе крѣпостныхъ; всѣ, отъ мала до велика, свободны; всѣ располагаютъ своимъ лицемъ и имуществомъ. Тѣ немногія, временныя исключенія, которыя встрѣчаются у народовъ, недавно вышедшихъ изъ крѣпостнаго состоянія, не имѣютъ существеннаго значенія. А между тѣмъ, многіе это отрицаютъ и видятъ освобожденіе низшихъ классовъ еще впереди. Соціалисты постоянно твердятъ, что рабочій классъ находится

въ такомъ же крѣпостномъ состояніи, какъ и прежде: не имѣя ничего, онъ изъ куска хлѣба принужденъ работать за самую скудную плату и находится вполнѣ во власти хозяевъ. Утверждаютъ, что измѣнилась только форма рабства, а не самая его сущность, ибо частная организація хозяйства непзбѣжно ведетъ къ фактической неволѣ пролетаріата, который получитъ свободу лишь съ сосредоточеніемъ всей промышленности въ рукахъ государства [1]).

Всѣ эти возраженія основаны на смѣшеніи понятій. Свобода и благосостояніе—двѣ разныя вещи. Можно обладать полною свободою и не имѣть куска хлѣба. Одинокій человѣкъ въ пустынѣ представляетъ тому живой примѣръ, и самая свобода нерѣдко приводитъ къ этому тѣхъ, которые не умѣютъ ею пользоваться. Свободный человѣкъ можетъ находиться въ гораздо худшемъ положеніи, нежели рабъ; но это не мѣшаетъ одному быть свободнымъ, а другому рабомъ. Только явно злоупотребляя словами, можно частное услуженіе называть неволею. Работникъ состоитъ съ хозяиномъ въ обоюдныхъ договорныхъ отношеніяхъ и властенъ всегда отойти. А что рабочіе этимъ фактически пользуются, доказывается постоянно повторяющимися забастовками, въ которыхъ далеко не всегда хозяева остаются побѣдителями. Вся эта фразеологія ничто иное какъ пустая декламація. Освобожденія четвертаго сословія, то есть пролетаріата, о которомъ такъ много толкуютъ, потому нельзя ожидать, что оно уже совершилось. Другое дѣло—благосостояніе низшихъ классовъ: это вопросъ существенный. Но тѣ, которые всего болѣе за него ратуютъ, требуютъ не расширенія, а уничтоженія свободы. Объ этомъ будетъ рѣчь ниже.

И такъ, мы должны признать, что въ настоящее время у новыхъ народовъ водворилась идеальная цѣль человѣческаго общежитія, всеобщая свобода. Но дальнѣйшій вопросъ состоитъ въ томъ: вполнѣ ли осуществился этотъ идеалъ? Достигла ли свобода той степени, которая указывается идеальными требованіями? Наконецъ, чего мы должны ожидать въ будущемъ: еще бо́льшаго расширенія или стѣсненія свободы?

Эти вопросы тѣсно связаны съ вопросомъ объ идеальныхъ границахъ свободы, разумѣется, свободы внѣшней, ибо внутренняя, по существу своему, безгранична, какъ признается всѣми. Стѣсне-

[1]) Ср. напримѣръ Schäffle: Bau und Leben des soc. Körpers, III, стр. 95, 98, 99.

нія свободы совѣсти, столь обычныя въ прежнее время, нынѣ отвергаются, какъ нарушенія священнѣйшихъ правъ человѣка, и если существуютъ еще постановленія, идущія наперекоръ этому началу, то это не болѣе какъ запоздавшіе остатки прежняго порядка, которые должны исчезнуть съ высшимъ развитіемъ. Точно также и свобода мысли не подлежитъ сомнѣнію, пока она ограничивается внутреннимъ міромъ человѣка; стѣсненія касаются только внѣшнихъ ея проявленій. Внѣшняя же свобода, какъ уже было указано выше, по существу своему, подлежитъ ограниченіямъ. Но каковы должны быть эти ограниченія? Есть ли возможность теоретически установить извѣстныя правила, которыя могли бы служить руководящими началами въ жизни?

Этотъ вопросъ занималъ мыслителей и рѣшался ими различно. Философія XVIII-го вѣка, которая преимущественно развивала начало внѣшней свободы, выразила свой взглядъ въ упомянутомъ уже Объявленіи правъ человѣка и гражданина. Четвертая статья этого памятника гласитъ: «свобода состоитъ въ возможности дѣлать все, что не вредитъ другимъ; такимъ образомъ, пользованіе естественными правами человѣка не имѣетъ иныхъ границъ, кромѣ тѣхъ, которыя обезпечиваютъ другимъ членамъ общества пользованія тѣми же самыми правами. Эти границы могутъ быть установлены только закономъ». Но уже Бентамъ, въ своихъ Анархическихъ софизмахъ, замѣтилъ, что держась этого опредѣленія, никто не можетъ знать, въ правѣ ли онъ сдѣлать то или другое, ибо всякое дѣйствіе можетъ быть вредно, хотя бы одному человѣку. Не смотря на то, Миллъ, въ своемъ трактатѣ о Свободѣ, повторяетъ тоже правило: «единственная цѣль, для которой власть можетъ быть законнымъ образомъ употреблена противъ одного изъ членовъ образованнаго общества, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, чтобы помѣшать ему вредить другимъ.... Единственная часть поведенія лица, за которую онъ подлежитъ суду общества, есть та, которая касается другихъ. Во всемъ, что касается только его самого, его независимость, по праву, безусловна. Надъ самимъ собою, надъ своимъ тѣломъ и своимъ духомъ, единичное лице имѣетъ верховную власть» [1]). Противъ этого, Іерингъ, повторяя возраженіе Бентама, справедливо замѣчаетъ, что всѣ дѣйствія, о ко-

[1]) Liberty, ch. I. стр. 22 (1859).

торыхъ стоитъ говорить, и которыя имѣетъ въ виду юридическій законъ, касаются другихъ. Съ такого рода правиломъ можно совершенно уничтожить личную свободу. «Я обязуюсь, говоритъ Іеринъ, съ этою формулою въ рукахъ, стѣснить и связать ее такъ, что она не будетъ въ состояніи шевельнуться» [1]). И точно, съ точки зрѣнія утилитаризма, невозможно разрѣшить этой задачи. Польза есть начало измѣнчивое, заключающее въ себѣ тысячи разныхъ соображеній и не представляющее никакой точки опоры для вывода постоянныхъ правилъ.

Но если утилитаризмъ не даетъ ключа къ разрѣшенію этой задачи, то это не значитъ, чтобы она была, по существу своему, неразрѣшима, какъ утверждаетъ Іеринъ. Знаменитый юристъ видитъ въ этомъ вопросѣ столбы Геркулеса, у которыхъ наука должна остановить свое плаваніе [2]). Еслибы этотъ взглядъ былъ вѣренъ, то правовѣдѣніе было бы лишено всякихъ руководящихъ началъ; оно ограничилось бы случайнымъ сборомъ чисто практическихъ постановленій, безъ малѣйшаго разумнаго основанія. Ибо вся задача права состоитъ въ опредѣленіи границъ свободы. Если опредѣлить ихъ разумнымъ путемъ нѣтъ возможности, если наука отказывается отъ рѣшенія, то что же остается дѣлать? Между тѣмъ, юристы всегда вырабатывали себѣ извѣстныя начала, на основаніи которыхъ они опредѣляли, что̀ можетъ быть дозволено, и что̀ нѣтъ. Безъ сомнѣнія, эти воззрѣнія измѣнялись съ теченіемъ времени; каждый вѣкъ или народъ имѣлъ свой идеалъ, съ которымъ онъ соображалъ свое законодательство. Но совокупность этихъ идеаловъ представляетъ развитіе юридическихъ идей въ исторіи. Задача науки состоитъ въ томъ, чтобы выяснить эти идеи, показавши послѣдовательное ихъ движеніе въ историческомъ процессѣ, и то высшее развитіе, котораго онѣ способны достигнуть. Самые даже односторонніе взгляды даютъ намъ матеріалъ для этого пониманія. Связавши ихъ одни съ другими, мы достигнемъ той полноты воззрѣнія, которая требуется научною цѣлью.

Такимъ образомъ, если мы взглянемъ на приведенную выше статью Объявленія правъ человѣка и гражданина, мы увидимъ, что она содержитъ въ себѣ частную истину, хотя

[1]) Der Zweck im Recht, стр. 530—531.

[2]) Тамъ же, стр. 537

искаженную смѣшеніемъ съ утилитарнымъ началомъ. Эта истина состоитъ въ томъ, что права, принадлежащія однимъ, ограничиваются таковыми же правами, предоставленными другимъ, иными словами, что свобода однихъ ограничивается свободою другихъ. Эту именно мысль Кантъ положилъ въ основаніе своей философіи права; ее развиваетъ и Вильгельмъ Гумбольдтъ [1]), на котораго указываетъ Іерингъ. Односторонность этого ученія, какъ справедливо замѣтилъ послѣдній, заключается въ отрицаніи всякой положительной дѣятельности государства, которое, по этой теоріи, ограничивается охраненіемъ права и порядка въ обществѣ. Между тѣмъ, и здравая теорія и практика несомнѣнно доказываютъ, что государство имѣетъ положительныя задачи, которыя, въ свою очередь, полагаютъ границы человѣческой свободѣ, или даже подчиняютъ ее себѣ. Но изъ того, что существуетъ эта вторая граница, вовсе не слѣдуетъ, что надобно отвергнуть первую. Мы должны только ее восполнить, различая двѣ области: частную и общественную. Въ частной сферѣ, то есть, въ отношеніяхъ отдѣльныхъ лицъ другъ къ другу, свобода однихъ ограничивается свободою другихъ; въ общественной же сферѣ, границы свободѣ полагаются правами государства, истекающими изъ общественныхъ потребностей.

Эту послѣднюю границу гораздо труднѣе опредѣлить, нежели первую, ибо общая польза, на которой основываются права государства, опять же есть начало измѣнчивое, не поддающееся точному опредѣленію. Тѣмъ не менѣе, и здѣсь не только возможно, но и необходимо установить общія начала, которыми должны управляться эти отношенія.

Задача государства состоитъ не въ одномъ охраненіи права; оно управляетъ совокупными интересами народа. Поэтому и стѣсненіе свободы должно имѣть мѣсто лишь на столько, на сколько оно требуется этими совокупными интересами. Вся сфера частныхъ интересовъ и отношеній должна быть предоставлена свободѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что между частными интересами и общими существуетъ взаимная связь, есть и промежуточныя формы; нѣтъ сом-

[1]) Ideen zu einem Versuch, die Granzen der Wirksamkeit des Staats zu bestimmen. Изложеніе его теоріи см. въ моей Исторіи политическихъ ученій, часть 3. Въ новѣйшее время, эту теорію возобновилъ Лабуле, см. L'Etat et ses limites.

нѣнія также, что съ развитіемъ жизни самое свойство интересовъ и ихъ требованія могутъ измѣняться: то, что прежде составляло частный интересъ, восходитъ на степень интереса общаго, и наоборотъ, то, что во имя общаго интереса могло исполняться только путемъ принужденія, при высшемъ развитіи удовлетворяется свободою. Поэтому граница здѣсь, по существу своему, колеблется; неизмѣнной, разъ на всегда опредѣленной нормы установить нельзя. Но не смотря на то, въ высшей степени важно всегда имѣть въ виду это раздѣленіе, ибо безъ него свобода исчезаетъ. Неприкосновенность частной жизни и частной дѣятельности должна считаться коренным закономъ всякаго образованнаго общества. Вмѣшательство государства въ эту область можетъ быть оправдано только въ крайнихъ случаяхъ и всегда должно считаться не правиломъ, а исключеніемъ. И если при извѣстныхъ обстоятельствахъ, тамъ гдѣ свободная дѣятельность не достигла еще надлежащаго развитія, можетъ потребоваться усиленная регламентація частныхъ отношеній во имя общаго интереса, также какъ требовалось и рабство, то нѣтъ сомнѣнія, что въ общемъ ходѣ развитія высшая ступень состоитъ въ предоставленіи свободѣ того, что дѣлалось путемъ принужденія. Идеаломъ человѣчества можетъ быть только расширеніе, а не стѣсненіе свободы.

Поэтому мы должны безусловно отвергнуть мнѣніе тѣхъ, которые стремятся къ полному подчиненію лица обществу и вслѣдствіе того къ замѣнѣ личной свободы общественною. Таково было ученіе Руссо. Онъ требовалъ, чтобы человѣкъ отдалъ всю свою свободу въ руки государства, съ тѣмъ чтобы получить ее обратно въ видѣ участія въ общихъ рѣшеніяхъ. Несостоятельность этого воззрѣнія слишкомъ извѣстна; здѣсь неумѣстно было бы объ немъ распространяться [1]). Руссо, отдавая лицо всецѣло государству, все-таки хотѣлъ сохранить его свободу, и вслѣдствіе этого приходилъ къ совершенно невозможнымъ положеніямъ. Онъ требовалъ, чтобы законодатель установлялъ только такія нормы, которыя одинаково касаются всѣхъ; онъ старался въ общихъ рѣшеніяхъ различить общую волю, выражающую то, въ чемъ всѣ согласны, отъ воли всѣхъ, представляющей не болѣе, какъ сумму частныхъ волъ; онъ понималъ, что народъ, какъ онъ есть, неспособенъ къ безусловно-справедливому законодательству, какое

[1]) См. 3-ю часть моей Исторіи политическихъ ученій.

требуется этою системою, а потому искалъ мудреца, облеченнаго сверхъестественнымъ призваніемъ. Однимъ словомъ, стараясь совмѣстить несовмѣстимое, сохраненіе свободы съ ея уничтоженіемъ, онъ впадалъ въ нескончаемыя противорѣчія.

Но Руссо, по крайней мѣрѣ, хотѣлъ сохранить свободу, въ которой онъ видѣлъ коренной и необходимый элементъ человѣческаго естества. Соціалисты даже и этого не имѣютъ въ виду. Они просто уничтожаютъ личную свободу во имя общественнаго начала. И это дѣлаютъ не только фанатики соціализма, которые за своею благою, но дурно понятою цѣлью не видятъ ничего другаго, но также и ученые, обставляющіе свои изслѣдованія цѣлымъ научнымъ аппаратомъ. Таковъ, напримѣръ, Шеффле. Мы видѣли уже выше, что онъ отправляется отъ односторонняго опредѣленія свободы, какъ исполненія требованій, вытекающихъ изъ нравственно-общественной природы человѣка. Вслѣдствіе этого, онъ свободу полагаетъ единственно въ выборѣ призванія или занятія (die Freiheit des Berufs); а всякое занятіе, по его ученію, должно быть признано общественною должностью или службою. Человѣкъ обязанъ добровольно подчиниться спеціальному служенію; онъ долженъ отказаться отъ самоволія (Eigenmacht); онъ долженъ опредѣляться (sich bestimmen lassen) обществомъ, которое даетъ ему подготовку и установляетъ раздѣленіе и соединеніе труда; онъ, по началамъ публичнаго права, долженъ исполнять свои обязанности, какъ членъ принудительныхъ союзовъ и общественныхъ учрежденій. Однимъ словомъ, «каждый на своемъ мѣстѣ, для и черезъ посредство цѣлаго, таковъ, говоритъ Шеффле, идеалъ справедливой организаціи» [1]). Если Шеффле при этомъ утверждаетъ, что именно въ такой организаціи осуществляется истинная свобода, то это доказываетъ только, какъ легко можно довольствоваться одними словами, отнявши у нихъ весь существенный смыслъ. Свобода состоитъ въ томъ, что человѣкъ самъ является источникомъ своихъ дѣйствій; если же онъ превращается въ чистый органъ общества, если онъ существуетъ только для и черезъ посредство цѣлаго, то самостоятельность его, какъ единичнаго существа, исчезаетъ, и о свободѣ не можетъ быть рѣчи. Шеффле сравниваетъ единичное существо съ органическою клѣточкою; и точно, въ его системѣ оно является не болѣе

[1]) Bau und Leben des soc. Körp. I, стр. 198, 199, 202, II, стр. 138.

какъ органическою клѣточкою, которой никто свободы не приписываетъ.

Такое воззрѣніе противорѣчитъ не только здравой теоріи, но и всему ходу человѣческаго развитія. Первоначально, человѣческая личность является погруженною въ общую субстанцію; только мало по малу она выдѣляется изъ послѣдней и приходитъ къ сознанію своей свободы. Поэтому въ древнемъ мірѣ на первомъ планѣ стояла свобода политическая. Однакоже и Греки и Римляне не думали, что гражданинъ долженъ быть чистымъ органомъ государства: и въ то время это воззрѣніе находило пристанище только въ утопіяхъ. У гражданина была своя частная сфера, гдѣ онъ былъ полновластный господинъ. Онъ распоряжался своимъ домомъ, своимъ хозяйствомъ, своими рабами по собственному усмотрѣнію; государство въ это не вступалось. Но главная его дѣятельность была все таки обращена на занятія государственными дѣлами; частная сфера служила ему только обезпеченіемъ жизни и доставляла ему досугъ для собственно гражданской дѣятельности. Мы видѣли, что въ этомъ состояло существенное значеніе рабства.

Несовмѣстность такого порядка съ требованіями человѣческой личности повела къ его паденію. Развитіе личныхъ интересовъ было главною причиною разрушенія древнихъ республикъ. Это развитіе воздвигло свой безсмертный памятникъ въ римскомъ правѣ, которое разработывало преимущественно нормы и опредѣленія, вытекающія изъ частныхъ отношеній и оставило плоды своей дѣятельности, какъ образецъ для всѣхъ временъ и народовъ. Но на этомъ движеніе не остановилось. Въ средніе вѣка наступили отношенія совершенно противоположныя тѣмъ, которыя господствовали въ древнемъ мірѣ. Здѣсь частная свобода поглотила собою общественную. Средневѣковой вольный человѣкъ не зналъ надъ собою иной власти, кромѣ той, которой онъ подчинялся на основаніи частнаго, свободнаго договора. Всѣ общественныя должности превратились въ частную собственность.

Но если господствовавшій въ древности порядокъ былъ несовмѣстенъ съ развитіемъ личности, то средневѣковое устройство не только было несовмѣстно съ общественными требованіями, но и само себя разрушало; ибо безграничная частная свобода ведетъ къ порабощенію однихъ другими. Отсюда необходимая реакція, которая повела отчасти къ возстановленію началъ древняго міра; но лишь

отчасти, ибо свобода, завоеванная историческимъ развитіемъ личности не могла уже быть потеряна. Задача новой исторіи состоитъ въ сочетаніи древнихъ началъ съ средневѣковыми. Частная свобода остается кореннымъ правомъ человѣка, источникомъ его самостоятельности; но надъ нею воздвигается другая область, общественная, гдѣ водворяется политическая свобода. Первая служитъ основаніемъ, вторая обезпеченіемъ. И это отношеніе должно сохраниться непарушимо, ибо оно составляетъ драгоцѣннѣйшее пріобрѣтеніе человѣческаго рода, плодъ всего его историческаго развитія. Отвергать его значитъ возвращаться назадъ, не только за предѣлы классическаго міра, но и за предѣлы всякаго образованнаго быта. Свобода, по самой своей природѣ, есть индивидуалистическое начало, ибо въ ней именно выражается самостоятельность лица. Поэтому борьба противъ индивидуализма есть борьба противъ свободы. Эта борьба законна въ области государственныхъ отношеній, когда она направляется противъ ученій, пытающихся основать государство на началахъ личной воли и свободнаго договора. Въ государствѣ господствуетъ не частная, а общественная свобода. Но эта борьба лишена всякаго основанія, когда она ведетъ къ поглощенію всей частной сферы общественною и къ пожертвованію личной свободы общественнымъ требованіямъ. Такое направленіе является величайшимъ врагомъ свободы и развитія, ибо оно уничтожаетъ источникъ того и другаго. А таковъ именно характеръ соціализма, который поэтому долженъ быть признанъ величайшимъ зломъ нашего времени.

Ниже мы увидимъ подробное развитіе и приложеніе этихъ началъ. Здѣсь нужно было только указать, что такое свобода, каковы ея формы и проявленія, и какія изъ нея вытекаютъ требованія и послѣдствія. Дальнѣйшее изложеніе еще болѣе потвердитъ высказанный здѣсь взглядъ.

ГЛАВА II.

ПРАВО.

Съ свободою тѣсно связано право.

Слово право принимается въ двоякомъ значеніи: субъективномъ и объективномъ. Субъективное право есть законная свобода что либо дѣлать или требовать; объективное право есть самый законъ, опредѣляющій свободу и установляющій права и обязанности людей. Оба значенія связаны неразрывно, ибо свобода тогда только становится правомъ, когда она освящена закономъ, законъ же имѣетъ въ виду признаніе и опредѣленіе свободы.

Можно однако спросить: которое изъ этихъ двухъ значеній основное и которое производное? Свобода ли даруется закономъ, или законъ установляется для опредѣленія и охраненія свободы? Этотъ вопросъ сводится къ другому: откуда происходитъ право? гдѣ его источникъ: въ свободѣ ли, въ законѣ, или наконецъ, въ томъ и другомъ въ совокупности?

Этотъ вопросъ опять чисто философскаго свойства. Для рѣшенія его мы должны прежде всего обратиться къ исторіи философіи права и разсмотрѣть тѣ мнѣнія, которыя доселѣ высказывались на этотъ счетъ въ наукѣ.

Начнемъ съ римскихъ юристовъ, которые передали намъ результаты умственной работы древняго міра.

Положенія римскихъ юристовъ извѣстны. Они поставлены во главѣ Институцій и Пандектовъ. «Прежде всего, говоритъ Ульпіанъ, надобно знать, откуда произошло названіе права. Оно получило свое имя отъ правды; ибо, какъ изящно опредѣлилъ Цельзъ, право есть

искусство добраго и справедливаго (jus est ars boni et aequi)». Правда же опредѣляется, какъ «постоянная и непремѣнная воля воздавать каждому свое право» (justitia est constans et perpetua voluntas jus suum cuique tribuendi).

Очевидно, что въ этихъ двухъ опредѣленіяхъ слово право употребляется въ двухъ разныхъ значеніяхъ: въ первомъ въ объективномъ, во второмъ въ субъективномъ. Объективное право, или норма добраго и справедливаго, проистекаетъ отъ правды; субъективное же право предполагается правдою, которая имѣетъ въ виду воздать каждому то, что ему принадлежитъ. Слѣдовательно, держась этихъ опредѣленій, мы должны заключить, что субъективное право есть основное начало, а объективное производное. Съ этой точки зрѣнія, свобода является источникомъ права, законъ же установляется для опредѣленія и охраненія свободы.

Такое же заключеніе мы должны вывести и изъ ученій философовъ и юристовъ новаго времени. Знаменитый юристъ, основатель новой философіи права и вмѣстѣ права международнаго, Гуго Грецій, выводилъ право изъ общежительной природы человѣка. Правомъ, по его опредѣленію, называется то, что справедливо, и притомъ болѣе въ отрицательномъ, нежели въ положительномъ смыслѣ, ибо справедливо то, что̀ не противорѣчитъ общежительной природѣ человѣка. Отсюда происходитъ другое значеніе права, относящееся къ лицу, а именно: правомъ называется нравственная способность лица что либо имѣть или дѣлать. Наконецъ, въ третьемъ значеніи право принимается въ смыслѣ закона [1]).

И такъ, по этимъ опредѣленіямъ, право субъективное, равно какъ и объективное, проистекаетъ изъ понятія о правѣ какъ общемъ началѣ справедливости. Но если мы станемъ разбирать, въ чемъ по мнѣнію Гроція заключается это начало, то мы увидимъ, что единственное его содержаніе состоитъ въ томъ, чтобы не нарушать чужихъ правъ. Требованія общежитія, по ученію Гроція, суть слѣдующія: воздержаніе отъ чужаго и возвращеніе взятаго, исполненіе обѣщаній, вознагражденіе вреда и наказаніе преступленій [2]). Очевидно, что все это предполагаетъ уже существованіе личныхъ правъ. А если такъ, то начало общежитія не составляетъ первоначальнаго источника

[1]) De Jure Belli ac Pacis, C. I §§ III, IV, IX.
[2]) Тамъ же, Proleg. 8.

права: надобно взойти выше, къ тѣмъ личнымъ требованіямъ, которыя охраняются въ общежитіи. Это и сдѣлали ближайшіе послѣдователи Гуго Гроція. Они первоначальный источникъ права возвели къ субъективному началу, а именно, къ самосохраненію.

Этой теоріи держались мыслители весьма различныхъ направленій: Гоббесъ, Кумберландъ, Спиноза. Гоббесъ утверждалъ, что по естественному закону, человѣкъ имѣетъ право на все, что̀ требуется для самосохраненія; но такъ какъ изъ этого проистекаетъ война всѣхъ противъ всѣхъ, а война ведетъ къ взаимному уничтоженію, то разумъ предписываетъ человѣку, для собственнаго самосохраненія, искать мира; достиженіе же этой цѣли возможно не иначе какъ установленіемъ общественнаго порядка: надобно, чтобы всѣ подчинились единой, неограниченной власти, призванной охранять спокойствіе въ обществѣ. Противъ этого Кумберландъ возражалъ, что сохраненіе части зависитъ отъ сохраненія цѣлаго, а потому постигаемый разумомъ естественный законъ, даже помимо всякой власти, указываетъ человѣку, что онъ долженъ имѣть въ виду сохраненіе не одного только себя, а также и другихъ. Наконецъ, Спиноза, развивая тоже начало, признавалъ, вмѣстѣ съ Гоббесомъ, что естественное право человѣка простирается на все, на что простирается естественная его сила; но что, съ другой стороны, сила человѣка зависитъ не столько отъ физическихъ его способностей, сколько отъ разума, а разумъ показываетъ, что въ одиночествѣ человѣкъ совершенно безпомощенъ, и что только соединяясь съ другими онъ можетъ увеличить свою силу: отсюда требованіе общежитія, которое составляетъ источникъ дѣйствующаго между людьми положительнаго права [1]).

Всѣ эти различныя ученія, которыя можно обозначить общимъ названіемъ натуралистической школы, отправлялись отъ одного начала, именно отъ самосохраненія, и всѣ дѣлали одну оговорку, именно, что оно должно дѣйствовать по указаніямъ разума. Но если право состоитъ въ томъ, чтобы дѣйствовать по указаніямъ разума, то источникъ его заключается въ этихъ указаніяхъ, а не въ естественныхъ опредѣленіяхъ человѣческой природы. Послѣдователямъ натуралистической школы возражали, что сила не есть право, а

[1]) Въ этомъ и послѣдующемъ ссылаюсь на свою Исторію Политическихъ Ученій, гдѣ читатели могутъ найти всѣ нужныя цитаты.

часто отрицаніе права. Существенное значеніе права состоитъ именно въ томъ, чтобы воздерживать силу. Право, по существу своему, есть не естественное, а нравственное начало. Источникъ его лежитъ въ указанномъ разумомъ законѣ, который долженъ управлять человѣческими дѣйствіями и воздерживать человѣческія влеченія.

Откуда же проистекаетъ самый законъ? Пуфендорфъ, которому первоначально принадлежитъ эта критика, а за нимъ и другіе философы, выводилъ его изъ воли Божіей; но такъ какъ воля Божья непосредственно намъ неизвѣстна, и мы, держась на почвѣ права, можемъ сдѣлать о ней только заключеніе на основаніи обязательной силы сознаваемаго нами закона, то необходимо было отъ внѣшняго закона перейти къ внутреннему. Это и сдѣлалъ Лейбницъ, который утверждалъ, что сознаваемые разумомъ законы правды также непреложны и неопровержимы, какъ законы пропорцій и уравненій. На этомъ основаніи ученикъ его, Вольфъ, построилъ знаменитую въ свое время теорію естественнаго права, въ которой послѣднее выводилось изъ указаннаго разумомъ нравственнаго закона.

Это возведеніе права къ нравственному закону имѣло однако послѣдствіемъ смѣшеніе права съ нравственностью. Уже Лейбницъ опредѣлялъ право, какъ любовь мудраго; въ юридическомъ началѣ онъ видѣлъ только низшую ступень нравственности. Вольфъ, развивая его ученіе, послѣдовательно признавалъ, что законъ налагаетъ на человѣка обязанности, а права даются единственно для исполненія обязанностей. Между тѣмъ, черезъ это искажается характеръ, какъ права, такъ и нравственности. Если право служитъ только средствомъ для исполненія нравственнаго закона, то нравственность становится принудительною, а это противорѣчитъ ея существу. Если же исполненіе нравственнаго закона предоставляется свободѣ, то не объясняется, почему право имѣетъ принудительный характеръ; на это, очевидно, нужно иное начало. Не объясняется и фактически встрѣчающееся противорѣчіе между правомъ и нравственностью: дѣйствіе вполнѣ правомѣрное можетъ быть безнравственно. Для разрѣшенія этого противорѣчія, недостаточно сказать, что право составляетъ только низшую ступень нравственности; ибо низшая ступень не можетъ противорѣчить высшей: нравственность не можетъ дозволить то, что ею же самою воспрещается. Однимъ словомъ, если ученіе нравственной школы удовлетворительно объясняетъ нравствен-

ное начало, то оно не въ состояніи объяснить происхожденіе начала юридическаго.

Совершенно противоположное воззрѣніе развилось въ индивидуалистической школѣ, которая въ XVIII-мъ столѣтіи господствовала въ Англіи и во Франціи. Наиболѣе послѣдовательнымъ ея выраженіемъ, какъ уже было сказано выше, можетъ служить Объявленіе правъ человѣка и гражданина. Основное положеніе этой теоріи заключается въ томъ, что всѣ люди рождаются и остаются свободными и равными въ правахъ (ст. 1-я Объявленія правъ). Цѣль всякаго политическаго союза состоитъ въ сохраненіи естественныхъ и неотчуждаемыхъ правъ человѣка (ст. 2). Границею естественныхъ правъ служатъ таковыя же права, принадлежащія другимъ. Эти границы опредѣляются закономъ (ст. 4).

Эти положенія составляютъ чистое выраженіе юридическаго начала; здѣсь свобода является источникомъ права, а законъ служитъ только для ея охраненія. Философіи XVIII вѣка принадлежитъ ясное формулированіе этой точки зрѣнія. Но здѣсь свобода, въ своей односторонности, является началомъ безусловнымъ и неизмѣннымъ, которому все должно подчиняться. Историческое развитіе, равно какъ и всѣ дѣйствительныя условія жизни, устраняются и объявляются неправдою. Права человѣка представляются не идеальною нормою, къ которой должны стремиться человѣческія общества, а вѣчно присущимъ человѣку требованіемъ, противъ котораго ничто не имѣетъ силы. Самое общежитіе является произведеніемъ личной воли и личныхъ правъ. Человѣкъ, по ученію писателей этой школы, не имѣетъ иныхъ обязанностей, кромѣ тѣхъ, которыя онъ добровольно на себя принимаетъ. Онъ по собственной волѣ вступаетъ въ общество и всегда можетъ отказать ему въ повиновеніи. Не только общество первоначально основано на договорѣ, но этотъ договоръ, возобновляется безпрерывно. Человѣкъ постоянно держитъ вѣсы, на которыхъ онъ взвѣшиваетъ выгоды и невыгоды общежитія, и какъ скоро послѣднія перевѣшиваютъ, такъ общество теряетъ свои права, и уничтожается всякая связь между нимъ и его членомъ. Цѣль общежитія состоитъ не въ стѣсненіи, а единственно въ охраненіи свободы, которая остается началомъ и концомъ всего общественнаго быта.

Если мы спросимъ: на чемъ основана вся эта теорія? то у философовъ XVIII-го вѣка мы не найдемъ отвѣта. Она составляетъ

чистое произведеніе анализа, разлагающаго человѣческое общество на составныя части, и признающаго право первоначальною и неотъемлемою принадлежностью каждой входящей въ составъ его единицы. Но въ силу чего этимъ единицамъ присвоиваются такія права? Мы видѣли, что внѣшняя свобода, какъ требованіе, предполагаетъ свободу внутреннюю. Между тѣмъ, не только писатели этой школы не изслѣдовали существа внутренней свободы, но многіе изъ нихъ совершенно ее отвергали. Черезъ это внѣшняя свобода теряла всякую почву. Самое право, при такомъ воззрѣніи, лишалось существеннаго элемента—закона. Оно непосредственно выводилось изъ личной свободы, между тѣмъ какъ свобода становится правомъ, только когда она опредѣляется общимъ закономъ. Право вытекаетъ не изъ существа каждой отдѣльной единицы, а изъ взаимнодѣйствія этихъ единицъ. Внѣ общества человѣкъ можетъ быть свободенъ, но онъ не имѣетъ правъ; онъ получаетъ ихъ только въ обществѣ. Поэтому и образованіе человѣческихъ обществъ не можетъ быть выведено изъ договора. Послѣдній предполагаетъ уже права, а право возникаетъ только въ обществѣ. Но общежитіе не исчерпывается охраненіемъ свободы. Нѣтъ сомнѣнія, что свобода составляетъ существенный его элементъ, однако далеко не единственный. Кромѣ нея существуютъ естественныя опредѣленія, историческія условія, нравственныя обязанности, наконецъ требованія общаго блага. Общежитіе, основанное чисто на началахъ личнаго права, совершенно даже немыслимо; оно само собою идетъ къ разложенію, ибо частное владычествуетъ здѣсь надъ общимъ. Свобода, въ своей исключительности и односторонности, есть анархическое начало.

Этотъ коренной недостатокъ индивидуалистической теоріи XVIII-го вѣка и вытекающія изъ нея послѣдствія были весьма хорошо выяснены Бентамомъ въ его Анархическихъ софизмахъ. Но замѣнить эти начала другими, болѣе твердыми, Бентамъ былъ не въ состояніи. Утилитаризмъ, котораго онъ былъ главнымъ провозвѣстникомъ, отвергаетъ всякія умозрительныя системы и хочетъ держаться чисто практической почвы. Для него нѣтъ иного права, кромѣ того, которое установляется положительнымъ закономъ. О прирожденной человѣку свободѣ и вытекающихъ изъ нея требованій нѣтъ рѣчи. Человѣкъ имѣетъ только тѣ права, которыя даруются ему законодателемъ. Чѣмъ же однако руководится законодатель въ

своихъ постановленіяхъ? Нравственная школа утверждала, что руководящимъ началомъ законодательства долженъ служить нравственный законъ; но утилитаризмъ отвергаетъ отвлеченный нравственный законъ, также какъ и отвлеченное начало свободы: для него единственнымъ руководствомъ служитъ общая польза. Но на чемъ основана эта общая польза? Опять же на личныхъ требованіяхъ, ибо иначе ничего въ утилитарной теоріи не обрѣтается. Общее для утилитаристовъ есть не болѣе какъ сумма частныхъ опредѣленій; общая польза есть сумма частныхъ удовольствій. Частное же удовольствіе признается цѣлью всякой человѣческой дѣятельности, потому что человѣкъ, по своей природѣ, ищетъ удовольствія и избѣгаетъ страданія. Такимъ образомъ, въ основаніе всей системы полагается именно то, что было отвергнуто, то есть, личное требованіе, на которомъ и строится все зданіе. Отличіе отъ теоріи XVIII-го вѣка заключается лишь въ томъ, что удовлетвореніе этого личнаго стремленія къ счастію не предоставляется свободѣ каждаго, а возлагается на законодателя, который долженъ рѣшить, что̀ составляетъ наибольшее счастіе для наибольшаго количества людей. Съ этою цѣлью онъ долженъ всякій разъ производить ариѳметическую операцію, взвѣшивать удовольствія однихъ и неудовольствія другихъ, и произносить свое рѣшеніе, смотря по тому, которая изъ этихъ суммъ перевѣшиваетъ. Ясно однако, что судьею собственнаго счастія можетъ быть только каждое отдѣльное лице, а потому предоставленіе законодателю власти дѣлать людей счастливыми даже противъ ихъ воли, не имѣетъ рѣшительно никакого основанія. Кромѣ того, самъ законодатель, будучи человѣкомъ, естественно будетъ имѣть въ виду не общее, а личное свое счастіе. Держась утилитарной теоріи, мы должны признать правомѣрнымъ всякое злоупотребленіе властью. Вслѣдствіе этого Бентамъ окончательно пришелъ къ убѣжденію, что законодательство тогда только можетъ имѣть въ виду пользу большинства, когда оно ввѣряется самому этому большинству. Но тутъ уже для лица исчезаютъ всякія гарантіи. Меньшинство всецѣло предается на жертву большинству, единственно на томъ основаніи, что два болѣе, нежели одинъ. О свободѣ, о правѣ нѣтъ уже рѣчи. Самыя нравственныя требованія устраняются, ибо нравственнымъ, по этой теоріи, считается лишь то, что согласно съ наибольшимъ счастіемъ наибольшей суммы людей, то есть, съ волею большинства, которое одно является судьею своего счастія.

Однимъ словомъ, тутъ происходитъ полное смѣшеніе всѣхъ сферъ и всѣхъ понятій, права съ нравственностью, частной сферы съ общественною, и все это во имя отвергнутаго личнаго начала, которое, съ помощью логической путаницы, превращается въ общее.

Не въ чисто практическомъ началѣ пользы, печальномъ прибѣжищѣ скептицизма, можно было найти рѣшеніе вопроса о существѣ и объ источникѣ права. Смѣшеніе права съ пользою могло вести лишь къ затемнѣнію понятій. Чтобы дойти въ этомъ вопросѣ до твердыхъ основаній, нужно было не отвергать все предшествующее развитіе мысли, а возвести ее на высшую ступень, сведеніемъ къ единству противоположныхъ направленій, на которыя она разбивалась. Каждое изъ этихъ направленій представляло извѣстную сторону человѣческаго общежитія; надобно было связать ихъ другъ съ другомъ и указать мѣсто и значеніе каждаго элемента въ общей системѣ. Это было задачею идеализма.

Начало этому направленію было положено ученіемъ Канта. Имъ были раскрыты истинныя основанія, какъ нравственности, такъ и права. Свобода была понята, какъ неотъемлемая принадлежность нравственнаго существа человѣка, и указано, вмѣстѣ съ тѣмъ, двоякое ея проявленіе: въ области внутренней, гдѣ она подчиняется нравственному закону, и въ области внѣшней, гдѣ она управляется закономъ права. Кантъ не смѣшалъ права съ нравственностью, какъ дѣлали философы нравственной школы; онъ первому отвелъ самостоятельную область съ собственно ей принадлежащими опредѣленіями. Въ этомъ отношеніи, онъ усвоилъ себѣ теорію индивидуалистической школы и опредѣлилъ право, какъ совмѣстное существованіе свободы лицъ подъ общимъ закономъ. Но у него внѣшняя свобода не являлась оторванною отъ своего корня; она не выставлялась, какъ неизмѣнное и непреложное начало, имѣющее силу всегда и вездѣ. Въ осуществленіи свободы онъ видѣлъ не исходную точку, а цѣль человѣческаго общежитія; подчиненіе же ея общему закону онъ не предоставилъ произволу лица, а призналъ безусловною обязанностью человѣка, къ которой онъ можетъ быть привлеченъ даже путемъ принужденія. Исключительность и односторонность прежнихъ системъ были устранены; но отъ каждой изъ нихъ сохранено существенное.

Опредѣленіе Канта, съ бо́льшими или меньшими видоизмѣненіями было принято, за немногими исключеніями, всѣми мыслителями,

вышедшими изъ его школы, не смотря на разнообразіе ихъ ученій. Фихте выводилъ право прямо изъ взаимнаго признанія свободы. Публицисты и философы либеральнаго направленія, Кругъ, Роттекъ, Цахаріэ, видѣли въ правѣ выраженіе внѣшней свободы, не отрывая однако послѣдней отъ свободы внутренней, но удѣляя ей самостоятельную область. Тѣхъ же началъ держались и юристы, принадлежавшіе къ исторической школѣ. Пухта опредѣлялъ право, какъ признаніе свободы, выражающей волю, направленную на внѣшній міръ. На началѣ личности, по его ученію, строится все право. Къ тому же сводится и теорія Гербарта, который понималъ идею права, какъ соглашеніе воль для предупрежденія спора. Наконецъ, высшій представитель новаго идеализма, Гегель, опредѣляетъ право въ обширномъ значеніи, какъ осуществленіе свободной воли. Первую его ступень составляетъ право въ тѣсномъ или строгомъ смыслѣ, которое есть выраженіе личности въ ея внѣшнихъ проявленіяхъ. Законъ строгаго права гласитъ: «будь лицемъ и уважай другихъ, какъ лица». Вторую ступень составляетъ субъективная мораль, образующая область внутренней свободы. Наконецъ, оба начала, строгое право и мораль сводятся къ высшему единству въ области объективной нравственности, составляющей сферу общественныхъ союзовъ. Здѣсь субъективная свобода переходитъ въ объективную; однако же и тутъ отдѣльное лицо сохраняетъ свое значеніе: оно не всецѣло принадлежитъ государству, но развиваетъ свою особенную сферу частныхъ интересовъ въ союзахъ семейномъ и гражданскомъ (Ph. d. Rechts, § 260).

Эти выработанныя философіею опредѣленія права были признаны даже утопистами, которыхъ отличительная черта состоитъ въ томъ, что они жертвуютъ личною свободою общественному началу. Такъ, Лассаль прямо говоритъ, что «свобода мысли и воли суть неприкосновенныя основныя опредѣленія, на которыхъ покоится все право вообще; а потому не можетъ быть рѣчи о правѣ, тамъ гдѣ уничтожается самая его идея» [1]). Въ особенности частное право, по его признанію, «ничто иное какъ осуществленіе свободной воли лица» [2]). И если, не смотря на то, преувеличивая установленныя Гегелемъ начала объективной нравственности, Лассаль утверждаетъ,

[1]) System der erworbenen Rechte, стр. 59.
[2]) Тамъ же, стр. 57.

что «всякое закономъ установленное право,—всякое бытіе индивидуума, ничто иное какъ опредѣленіе, положенное вѣчно измѣняющимся общимъ духомъ» [1]), то подобный взглядъ находится въ противорѣчіи съ собственными его положеніями, и еще болѣе съ здравою теоріею и съ явленіями жизни. Къ этому мы еще возвратимся впослѣдствіи.

Казалось бы, что послѣ всего этого вопросъ долженъ былъ считаться рѣшеннымъ. И философы и юристы, и либералы и консерваторы, и приверженцы умозрѣнія и защитники опыта, всѣ сходились на одномъ и томъ же опредѣленіи, всѣ видѣли въ правѣ явленіе внѣшней свободы лица, признанной закономъ. Философская и историческая школы, которыя такъ горячо ратовали другъ противъ друга, въ этомъ отношеніи были согласны. Можно было считать основанія права прочнымъ пріобрѣтеніемъ науки. Но въ человѣческой мысли произошелъ поворотъ: отъ изслѣдованія началъ она обратилась къ изученію явленій. Съ тѣмъ вмѣстѣ, вслѣдствіе односторонности новаго направленія, философія подверглась гоненію; выработанные ею, повидимому совершенно прочные результаты были забыты, и мы снова обрѣтались въ полномъ мракѣ. Изслѣдователи, руководящіеся чистымъ опытомъ, съ своей стороны принялись за опредѣленіе началъ права. Но такъ какъ послѣднее, въ своемъ источникѣ, есть начало умозрительное, а свѣтъ, озаряющій область умозрѣнія, былъ погашенъ, то пришлось бродить на-обумъ, пытаясь ощупью ухватиться за ту или другую точку опоры. Изъ этого, очевидно, кромѣ противорѣчій, ничего не могло выйти, и вся эта работа не только пропадаетъ даромъ, но способствуетъ еще большему затемнѣнію понятій.

Въ такомъ положеніи находятся многіе изъ лучшихъ современныхъ умовъ. Поучительнымъ примѣромъ можетъ служить одинъ изъ первыхъ юристовъ нашего времени, Рудольфъ фонъ Іерингъ. Мы видѣли уже выраженное имъ сожалѣніе, что онъ развивался въ такую пору, когда философія была въ загонѣ. Онъ объявляетъ себя дилеттантомъ въ этой наукѣ, но не смотря на то, онъ смѣло пускается въ путь, откинувъ весь старый грузъ, и стараясь на основаніи выработанныхъ современною наукою данныхъ, построить новую систему правовѣдѣнія. Посмотримъ, къ чему онъ приходитъ.

---

[1]) System der erworb. Rechte, стр. 61.

Уже въ третьей части своего Духа римскаго права знаменитый юристъ, внезапно покинувъ свою прежнюю, чисто юридическую точку зрѣнія, объявилъ, что начало права вовсе не есть воля, а цѣль, или приносимая имъ польза. Право, по его опредѣленію, ничто иное какъ юридически защищаемый интересъ. Поэтому истиннымъ субъектомъ права долженъ быть признанъ не тотъ, кто располагаетъ вещью, а тотъ, кто ею наслаждается [1]). Новѣйшее его сочиненіе: Цѣль въ правѣ (Der Zweck im Recht) имѣетъ задачею развить и оправдать эту точку зрѣнія.

Просимъ извиненія у читателя, если мы нѣсколько подробно остановимся на этомъ вопросѣ въ виду существеннаго его значенія не только для науки, но и для жизни. Для всякаго человѣка въ высшей степени важно знать, что такое право: проистекаетъ ли оно изъ неискоренимыхъ требованій человѣческой личности, или же это не болѣе какъ измѣнчивое начало, которое установляется и отмѣняется законодателемъ во имя общественной пользы? Когда одинъ изъ первыхъ юристовъ нашего времени высказывается за послѣднее, мы не можемъ оставить его доводовъ безъ обстоятельнаго разбора.

Авторъ отправляется отъ противоположенія начала цѣли механической причинности. Послѣдняя прилагается къ физическимъ движеніямъ, первая къ волѣ. Нѣтъ воли и нѣтъ дѣйствія безъ цѣли. Животныя тоже дѣйствуютъ въ виду цѣли, но у нихъ конечною цѣлью всегда является сама дѣйствующая особь. Человѣческія же дѣйствія отличаются тѣмъ, что въ нихъ имѣются въ виду и другія лица, и притомъ въ силу двоякаго рода побужденій: эгоистическихъ и безкорыстныхъ. Изъ тѣхъ и другихъ образуется общественная связь, или общеніе цѣлей, откуда проистекаетъ взаимнодѣйствіе между лицемъ и обществомъ. Двоякое, возникающее отсюда отношеніе авторъ выражаетъ двумя черезъ чуръ общими формулами: міръ существуетъ для меня, и я существую для міра [2]).

Эти двѣ формулы очевидно противорѣчатъ другъ другу; надобно искать ихъ соглашенія. Въ этомъ и заключается существенная задача права. Но именно эту задачу авторъ объявляетъ неразрѣшимою,

---

[1]) Geist des römischen Rechts, III. § 60.

[2]) Der Zweck im Recht, стр. 72—73, 99. Далѣе я буду прямо цитовать страницы въ самомъ текстѣ.

и вмѣсто требующагося предметомъ изслѣдованія отношеній лица къ обществу, онъ прямо приноситъ первое въ жертву послѣднему. Формула: «міръ существуетъ для меня» предается забвенію, и остается только формула: «я существую для міра». Вслѣдствіе этого, право опредѣляется какъ «система обезпеченныхъ принужденіемъ общественныхъ цѣлей» (стр. 240). Въ другомъ мѣстѣ, оно опредѣляется какъ «обезпеченіе жизненныхъ условій общества въ формѣ принужденія» (стр. 434). Подъ именемъ условій разумѣются не только требованія физическаго существованія, «но и всѣ тѣ блага и наслажденія, которыя, по сужденію субъекта, даютъ жизни настоящую ея цѣну». Такимъ образомъ, «они заключаютъ въ себѣ все, что составляетъ цѣль человѣческихъ стремленій: честь, любовь, дѣятельность, образованіе, религію, искусство, науку» (стр. 435—436). Все это становится общественною цѣлью, а такъ какъ общественная цѣль осуществляется путемъ права, а основной признакъ права есть принужденіе, то все это становится предметомъ принудительнаго закона.

Опредѣленіе права, какъ совокупности условій для осуществленія человѣческихъ цѣлей, не ново. Оно было развито школою Краузе. Но Краузе и его ученики старались, хотя тщетно, установить различіе между условіями для достиженія цѣлей и самыми цѣлями. Только первыя, по ихъ ученію, составляютъ предметъ права, а потому могутъ быть установляемы путемъ принужденія; самое же достиженіе цѣлей предоставляется свободной дѣятельности соединяющихся въ общество лицъ. Поэтому государство, какъ союзъ принудительный, ставится въ служебное отношеніе къ обществу, какъ высшему, свободному союзу. У Іеринга, напротивъ, жизненныя условія и цѣли совпадаютъ, и наука права превращается въ науку цѣлей (стр. 432). Вслѣдствіе этого, все, во имя общественной цѣли, можетъ сдѣлаться предметомъ принужденія. Границъ тутъ нѣтъ никакихъ. Всѣ частныя права, по этой теоріи, имѣютъ общественный характеръ, при чемъ авторъ восклицаетъ: «пусть каждый осмотрится, прежде нежели онъ подпишетъ это положеніе! Онъ допускаетъ этимъ болѣе нежели онъ думаетъ» (стр. 519). И точно, въ этомъ заключается коренное извращеніе всего частнаго права и уничтоженіе всякихъ гарантій человѣческой свободы. Авторъ признаетъ однако, что общество не всегда имѣетъ нужду прилагать принужденіе. Тамъ, гдѣ собственный интересъ лицъ побуждаетъ ихъ исполнять общественныя цѣли, тамъ оно можетъ положиться на свободу. Но это не болѣе какъ дозволеніе.

Какъ скоро эгоистическія побужденія къ дѣятельности, какъ то голодъ, любовь, самосохраненіе, оказываются недостаточными, такъ общество имѣетъ право вступаться. Самоубійцы, безбрачные, нищіе такіе же преступники противъ основныхъ законовъ человѣческаго общества, какъ и убійцы, разбойники, воры. Еслибы, говоритъ Іерингъ, осуществимо было предположеніе одного новѣйшаго философа (Гартмана), что человѣчество когда нибудь въ тоскѣ рѣшится покончить съ своимъ существованіемъ, то подобное рѣшеніе «заключало бы въ себѣ опасность для общества», и противъ него надобно бы было принять мѣры (стр. 444—446). Съ этой точки зрѣнія, Іерингъ считаетъ позоромъ для государства, что оно, вопреки своимъ обязанностямъ, допускаетъ безбрачіе католическаго духовенства (стр. 448), и одобрительно приводитъ мѣру Людовика XIV-го, который, для умноженія народонаселенія въ Канадѣ, силою заставлялъ холостыхъ вступать въ бракъ (стр. 447). Есть даже намекъ, что въ настоящее время религіозныя преступленія потому не наказываются, что интересъ религіи стоитъ очень низко (стр. 483). Въ будущемъ же авторъ предсказываетъ намъ, что поглощеніе личныхъ цѣлей общественными будетъ идти все увеличиваясь. «Лице, товарищество, государство, говоритъ онъ, такова историческая лѣствица человѣческихъ цѣлей». Что прежде исполнялось лицемъ, то переходитъ къ товариществу и затѣмъ къ государству. «Государство поглощаетъ въ себѣ всѣ цѣли общества; если правильно заключеніе отъ прошедшаго къ будущему, то въ концѣ вещей оно воспримета въ себя все общество» (стр. 304—305).

Такимъ образомъ, во имя общественной цѣли, которой оно служитъ, право, съ сопровождающимъ его принужденіемъ, болѣе и болѣе охватываетъ всю человѣческую жизнь. Лице вполнѣ поглощается обществомъ. Въ правовѣдѣніи оно можетъ разсматриваться, какъ субъектъ права; высшее понятіе есть понятіе о субъектѣ цѣли; верховнымъ же субъектомъ цѣли является не отдѣльное лице, а общество, какъ цѣлое, котораго лице состоитъ членомъ. «Если всѣ юридическія установленія имѣютъ цѣлью обезпеченіе жизненныхъ условій общества, то это означаетъ, что общество является въ нихъ субъектомъ цѣли» (стр. 453). «Все право существуетъ для общества» (стр. 455). Правда, замѣчаетъ Іерингъ, юристы могутъ протестовать противъ подобной замѣны; но на сколько юристъ можетъ справиться съ этою точкою зрѣнія, это насъ здѣсь не интересуетъ.

«Соціалъ-политикъ не позволитъ этимъ сбить себя съ толку въ своемъ способѣ пониманія; предоставляя юристу свободное употребленіе принадлежащаго ему понятія субъекта права, онъ, съ своей стороны, потребуетъ себѣ право употреблять въ правовѣдѣніи понятіе субъекта цѣли, сообразно съ тѣмъ, что нужно для его задачи» (стр. 454). «Эти двѣ точки зрѣнія, прибавляетъ Іерингъ, я строго различалъ», что не мѣшаетъ ему однако признавать, что вся научная классификація права должна быть основана на понятіи о субъектѣ цѣли (стр. 493), и утверждать, что «право и цѣлесообразность совершенно тождественны» (стр. 517).

Соціалъ-политикъ, повидимому, избавленъ даже отъ обязанности держаться въ своихъ опредѣленіяхъ указанной логикою терминологіи. Вообще, принято субъектомъ называть дѣятеля, а объектомъ лицо или предметъ, на который обращено дѣйствіе или который имѣется въ виду. Въ этомъ смыслѣ субъектомъ цѣли будетъ тотъ, кто имѣетъ цѣль и дѣйствуетъ во имя цѣли; лицо же, въ пользу котораго происходитъ дѣйствіе, будетъ не субъектомъ, а объектомъ цѣли. Замѣна же субъекта объектомъ не можетъ быть допущена ни въ правовѣдѣніи, ни въ какой либо другой наукѣ, ибо это два термина совершенно противоположные.

Что касается до вопроса: тождественно ли право съ цѣлесообразностью и есть ли правовѣдѣніе наука цѣлей? то для рѣшенія его необходимо разсмотрѣть: каково происхожденіе права и гдѣ его источникъ? На этотъ счетъ мы, къ удивленію, находимъ у Іеринга такую теорію, которая идетъ прямо въ разрѣзъ со всѣмъ, что имъ высказано выше.

Разсматривая его воззрѣніе на право, какъ на осуществленіе всепоглощающей общественной цѣли, можно подумать, что мы обрѣтаемся на почвѣ самаго крайняго идеализма. Въ самомъ дѣлѣ, сущность идеализма состоитъ въ томъ, что онъ въ основаніе своего міросозерцанія полагаетъ идеальное начало цѣли. Идеализмъ становится односторонникъ, когда онъ этому началу жертвуетъ самостоятельностью частныхъ элементовъ. Въ приложеніи къ общественной жизни, эта односторонность ведетъ къ всецѣлому поглощенію лица обществомъ. Въ этомъ состоитъ коренное заблужденіе соціализма, и къ тому же самому приводитъ, какъ мы видѣли, и воззрѣніе Іеринга. Между тѣмъ, знаменитый юристъ отнюдь не думаетъ быть идеалистомъ; онъ изслѣдуетъ практическіе мотивы человѣческихъ дѣйствій,

и если въ будущемъ онъ представляетъ себѣ идеальное государство, поглощающее въ себѣ всякую личную жизнь, то въ дѣйствительности, онъ хорошо понимаетъ, что осуществленіе общественныхъ цѣлей зависитъ отъ воли государственной власти, которая является источникомъ всякаго положительнаго права. Для практики одной цѣли недостаточно; чтобы осуществить ее, нужна сила, устанавливающая право. И вотъ, вмѣсто идеализма, мы получаемъ теорію, производящую право изъ силы.

Откуда проистекаетъ право? Іерингъ прямо отвѣчаетъ: изъ силы. Оно рождается властью сильнѣйшаго (стр. 250). И это говорится не въ смыслѣ историческаго происхожденія, а о самомъ существѣ начала. «Этому воззрѣнію, которое право производитъ изъ силы, говоритъ авторъ, противополагается другое, которое приписываетъ обоимъ совершенно различное происхожденіе, какъ будто оба съ самаго начала другъ другу чужды и враждебны, право—высшее существо, рожденное на небѣ, откуда оно спускается затѣмъ на землю, сила—злой царь, рожденный на землѣ, гдѣ онъ все ниспровергаетъ своею необузданностью, пока оба наконецъ встрѣчаются на землѣ, и сила, пораженная благородствомъ и величіемъ права, обращается внутрь себя и отдаетъ себя его руководству, черезъ что она дѣлается образованнымъ существомъ и полезнымъ членомъ человѣческаго общества, конечно не безъ того, чтобы иногда возвратиться къ своему своеволію и необузданности и избавиться отъ дисциплины права» (стр. 251). «Это воззрѣніе, прибавляетъ Іерингъ, я считаю коренным образомъ ложнымъ... Право, въ моихъ глазахъ, есть только сознающая свою выгоду, а съ тѣмъ вмѣстѣ необходимость мѣры сила, слѣдовательно, отнюдь не нѣчто отличное отъ послѣдней по своей сущности, а лишь извѣстный способъ ея проявленія (eine Erscheinungsform derselben).... Право не есть нѣчто противоположное силѣ, а только принадлежность (Accidens) самой силы» (стр. 251—252). Противники этого воззрѣнія, продолжаетъ авторъ, представляютъ ихъ себѣ въ видѣ добраго Ормузда и злаго Аримана; «но въ дѣйствительности они оба одно существо: Ормуздъ есть только облагороженный Ариманъ. Ариманъ безъ Ормузда есть реальность; Ормуздъ же безъ Аримана пустая тѣнь». Какимъ же образомъ Ариманъ становится Ормуздомъ? Тѣмъ, что опытъ научаетъ его, какимъ способомъ онъ можетъ изъ своей власти извлечь наибольшую выгоду. «Право есть политика силы» (стр. 252—255).

Очевидно, что мы отъ крайняго идеализма перескочили на почву чистаго натурализма. Мы возвращаемся къ воззрѣніямъ Гоббеса и Спинозы. Идеализмъ нуженъ былъ единственно за тѣмъ, чтобы убѣдить подданнаго, что онъ, во имя общественной пользы, долженъ всецѣло отдать себя на жертву власти; въ дѣйствительности же власть дѣйствуетъ исключительно въ виду своей выгоды, и если она угнетаетъ подданныхъ подъ предлогомъ общественной пользы, то это совершенно согласно съ требованіями права. Просторъ для нея тѣмъ больший, что вовсе не нужно, чтобы право соотвѣтствовало какимъ-либо дѣйствительнымъ цѣлямъ и потребностямъ общества; достаточно, чтобы власть это признавала. Самъ Іерингъ приводитъ въ доказательство преслѣдованіе вѣдьмъ и колдуновъ (стр. 440—441). Думаемъ, что такія противорѣчащія другъ другу воззрѣнія могутъ быть объяснены только значительною философскою неподготовкою автора.

Но этимъ еще не кончаются извороты его мысли. Мы перевертываемъ нѣсколько страницъ, и намъ готовится новый сюрпризъ. Іерингъ прямо признаетъ, что можно къ сочетанію права съ силою подойти и съ совершенно другой стороны: можно начать не съ силы, а съ права (стр. 322). Съ этой точки зрѣнія, «первый зародышъ принужденія, какъ общественнаго установленія, лежитъ въ особи — цѣль существованія особи на землѣ безъ принужденія неосуществима; эта цѣль есть первая, и въ ней поэтому лежитъ первоначальный зародышъ права, какъ правомѣрной силы» (стр. 289). Въ этомъ смыслѣ Іерингъ говоритъ, что «сущность чувства права заключается въ волѣ, въ энергіи личности, чувствующей себя самобытною цѣлью, въ превратившемся въ неудержимую потребность и въ жизненный законъ стремленіи къ правомѣрному самоутвержденію» (стр. 342). Съ этими требованіями лицо приступаетъ къ обществу, полагая себѣ задачею поставить перевѣсъ силы на сторону права (стр. 289). Не смотря на сопротивленіе власти (стр. 371), право наконецъ покоряетъ ее себѣ. «Въ государствѣ, говоритъ Іерингъ, право обрѣло наконецъ то, что оно искало: владычество надъ силою» (стр. 306).

Читатель видитъ, что мы имѣемъ здѣсь ту самую теорію, которая выше отвергалась, какъ коренным образомъ ложная: право и сила являются какъ два разныя, по существу своему, начала, въ борьбѣ другъ съ другомъ, до тѣхъ поръ пока наконецъ право побѣждаетъ.

Но рядомъ съ этимъ является и третья система, именно, точка зрѣнія миролюбиваго соглашенія (стр. 323). Здѣсь власть и право

являются, какъ два различныхъ начала, состоящихъ во взаимной зависимости. «Оба понятія, говоритъ Іерингъ, находятся въ отношеніи взаимной условности: государственная власть нуждается въ правѣ, а право нуждается въ государственной власти» (стр. 310). Сила сама отворяетъ двери праву; но послѣднее на нее воздѣйствуетъ, и бывши сначала сандрильономъ, становится наконецъ палатнымъ меромъ, то есть, истиннымъ властителемъ въ государствѣ (стр. 340).

Чтобы достигнуть этой цѣли, надобно прежде всего убѣдить власть, что собственная ея выгода требуетъ уваженія къ праву. И точно, власть скоро убѣждается, что управляя посредствомъ общихъ законовъ, а не путемъ частныхъ распоряженій, она достигаетъ значительнаго сбереженія силы, облегченія работы и удобствъ (стр. 333). Но это только одна сторона вопроса: общая норма обязательна единственно для тѣхъ, кто ей подчиняется, а не для того, кто ее издаетъ. Властитель естественно находитъ для себя выгоднымъ обязывать другихъ, а самому не связываться ничѣмъ, и отступать отъ закона всякій разъ, какъ онъ находитъ это удобнымъ. Такова точка зрѣнія деспота (стр. 338), и она находитъ себѣ подтвержденіе въ самомъ ученіи о тождествѣ права съ цѣлью. «Идея цѣлесообразности, говоритъ Іерингъ, до такой степени противорѣчитъ связываніе себя разъ на всегда опредѣленными, подробными нормами, что полная независимость отъ какихъ бы то ни было нормъ все еще выгоднѣе этой зависимости» (стр. 378). Какимъ же образомъ деспотъ убѣдится, что ему выгодно самому подчиниться установленнымъ имъ нормамъ? Тутъ политика оказывается недостаточною, и остается прибѣгнуть къ нравственному началу. «Въ нормѣ, которую онъ сначала устанавливаетъ, а потомъ самъ попираетъ ногами, говоритъ Іерингъ, онъ произноситъ приговоръ надъ самимъ собою, и это та точка, гдѣ нравственный моментъ, какъ робость передъ явнымъ противорѣчіемъ съ самимъ собою, впервые находитъ доступъ къ силѣ» (стр. 340). Это нравственное побужденіе именно и заставляетъ силу отворить двери праву. Нельзя не замѣтить, что этимъ самымъ доказывается, что воззрѣніе на право, какъ на политику силы, которую она преслѣдуетъ изъ собственной выгоды, лишено всякаго основанія.

Этого мало. Съ одними нравственными побужденіями трудно воздержать силу, не знающую границъ. Право требуетъ гарантій. Эти

гарантіи могутъ быть двоякаго рода: субъективныя и объективныя. Субъективная гарантія состоитъ въ присущемъ народу сознаніи права, которое, вытекая изъ самоутвержденія лица, сначала проявляется въ области частнаго права, но затѣмъ простирается и на право государственное. Эта нравственная сила, говоритъ Іерингъ, которая не можетъ замѣниться никакими конституціонными постановленіями, составляетъ самый твердый залогъ обезпеченности права. Черезъ нее крѣпость права становится собственнымъ дѣломъ народа, плодомъ нерѣдко пріобрѣтаемымъ только цѣною крови (стр. 371—373). Объективная же гарантія состоитъ въ независимости суда, который долженъ быть совершенно отдѣленъ отъ правительственной власти (стр. 382) и долженъ имѣть исключительною цѣлью охраненіе права (стр. 377). Іерингъ объясняетъ необходимость отдѣленія суда отъ администраціи тѣмъ, что судъ не долженъ имѣть въ виду ничего, кромѣ права, тогда какъ въ другихъ отрасляхъ управленія къ этому присоединяется цѣлесообразность. «Судья, говоритъ онъ, долженъ нѣкоторымъ образомъ быть ничѣмъ инымъ, какъ живымъ, осуществленнымъ закономъ. Еслибы правда могла низойти съ неба и взять грифель въ руки, съ тѣмъ чтобы изобразить право такъ опредѣленно, точно и подробно, чтобы приложеніе его превратилось въ простую шаблонную работу, то для правосудія нельзя было бы придумать ничего болѣе совершеннаго; это было бы царство правды на землѣ». Идея цѣлесообразности, напротивъ, не выноситъ такой зависимости отъ нормы; перенесеніе этого начала съ суда на другія отрасли государственной дѣятельности повергло бы государство въ состояніе оцѣпенѣнія. «На этой противоположности двухъ идей: по своей природѣ *связанной* правды и по своей природѣ *свободной* цѣлесообразности, говоритъ Іерингъ, основана внутренняя противоположность между судомъ и управленіемъ» (стр. 378). «Въ юстиціи высшая цѣль—правда, въ управленіи—связь съ силою» (стр. 379).

Ясно, что этимъ совершенно отрицается все, что было сказано выше о тождествѣ права съ цѣлью; но эти вполнѣ вѣрныя положенія, проистекающія изъ чисто юридической точки зрѣнія, не мѣшаютъ тому же Іерингу черезъ нѣсколько страницъ опять утверждать, что право ничто иное какъ политика силы, и что право и цѣлесообразность совершенно совпадаютъ.

Что же означаютъ всѣ эти вопіющія противорѣчія? То, что Іе-

рингъ, при недостаточномъ философскомъ образованіи, эклектически смѣшалъ разнородныя воззрѣнія безъ всякой внутренней связи. Съ одной стороны онъ впадается въ крайній идеализмъ и всецѣло приноситъ лицо на жертву общественной цѣли; съ другой стороны, какъ реалистъ, онъ выводитъ право изъ силы; наконецъ, онъ все таки остается юристомъ, и какъ таковой, не можетъ не видѣть отличія права, какъ отъ цѣли, такъ и отъ силы, и связи его съ требованіями личности. Переплетеніе всѣхъ этихъ діаметрально противоположныхъ взглядовъ именно и повело къ тому безконечному блужданію, которое поражаетъ насъ въ сочиненіи Іеринга; отсюда возникаетъ такой хаосъ мыслей, отъ котораго приходитъ въ ужасъ всякій читатель, привыкшій связывать понятія. Еслибы почтенный ученый захотѣлъ просто провѣрить вытекающія изъ правовѣдѣнія начала путемъ умозрѣнія, и за этою провѣркою обратился бы къ изученію философіи, то въ ней онъ нашелъ бы подтвержденіе этихъ самыхъ началъ. Но къ сожалѣнію, онъ захотѣлъ быть не столько философомъ, сколько соціалъ-политикомъ, а тутъ уже не было спасенія. Погрузившись въ эти мутныя воды, въ которыя никогда не проникалъ свѣтъ Божій, онъ естественно потерялъ способность различать предметы и понятія. Далъ, критикуя воззрѣнія Іеринга, и противопоставляя имъ понятіе о правѣ, какъ о разумномъ началѣ, говоритъ, что метода, которой слѣдуетъ авторъ Цѣли въ правѣ, не философская, и не юридическая, и не историческая, а просто іерингов-ская. Скорѣе надобно сказать, что это метода соціалъ-политическая. Еслибы она была чисто іерингов-скою, то изъ нея, безъ сомнѣнія, вышло бы нѣчто болѣе путное. Пока знаменитый юристъ стоялъ на своей почвѣ, онъ смотрѣлъ на предметъ совершенно иначе. Это мы и видимъ въ первыхъ частяхъ его Духа римскаго права, гдѣ истинныя начала правовѣдѣнія излагаются въ такихъ мѣткихъ и яркихъ чертахъ, что послѣ предъидущей критики, мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи сдѣлать изъ него нѣкоторыя выписки.

Тамъ право опредѣлялось не какъ защищаемый интересъ, а какъ «объективный организмъ человѣческой свободы» [1]). Существо римскаго воззрѣнія Іерингъ полагалъ въ томъ, что личное начало составляетъ источникъ права, что каждый въ себѣ самомъ носитъ основаніе права [2]). И это воззрѣніе онъ признавалъ безусловно

[1]) Geist der röm. R. I, стр. 25, (1878).

[2]) Тамъ же, стр. 107, 109.

вѣрнымъ, «ибо, говоритъ онъ, содержаніе каждаго юридическаго отношенія, если отдѣлить отъ него всѣ придатки и привести его къ юридическому его зерну, есть именно власть воли, господство; различія юридическихъ отношеній суть различія господства» [1]). «Разсмотрѣніе совокупности частнаго права и всѣхъ его отношеній съ этой точки зрѣнія, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, есть именно абсолютно вѣрное... Всякое право есть частичка власти, составляющей принадлежность воли, частичка сдѣлавшаяся конкретною и получившая опредѣленный образъ; только тѣ отношенія суть юридическія, и лишь на столько, на сколько въ нихъ заключается это содержаніе; все что въ нихъ содержится другихъ элементовъ, нравственныхъ, экономическихъ, политическихъ и т. п., все это не должно юристомъ упускаться изъ виду и считаться за ничто, но при отвлеченіи юридическихъ понятій онъ долженъ все это устранить. Въ этомъ отношеніи Римляне дали правовѣдѣнію всѣхъ временъ образцовый примѣръ. Прирожденная ли виртуозность юридическаго отвлеченія сдѣлала ихъ къ этому способными? Единственную причину этого явленія, говоритъ Іерингъ, я вижу въ ревности и энергіи римскаго чувства свободы; частное право было для стараго Римлянина кодексомъ, Великою Хартіею его личной свободы... Какъ бы ни прозаиченъ былъ римскій міръ, онъ стоялъ именно на той высотѣ, гдѣ можно было сдѣлать открытіе, которое нельзя было бы сдѣлать на другой, повидимому болѣе высокой точкѣ зрѣнія, открытіе частнаго права. Это пріобрѣтеніе каждый народъ долженъ себѣ усвоить.... Абсолютно вѣрная мысль, которая изобразилась въ римскомъ правѣ, состоитъ въ томъ, что всѣ отношенія частнаго права суть отношенія господства, что власть воли составляетъ призму частно-юридическаго пониманія, и что вся теорія права имѣетъ единственною задачею раскрыть и опредѣлить элементъ свободы и господства въ жизненныхъ отношеніяхъ... Нашему научному сознанію, прибавляетъ Іерингъ, не дѣлаетъ чести, что истина, которую въ Римѣ давно открылъ простой здравый человѣческій смыслъ, не только многими упускается изъ виду, но даже прямо обозначается какъ заблужденіе и недостатокъ римскаго права... Такое осужденіе просто на просто ведетъ къ отрицанію всякаго правовѣдѣнія, ибо сущность послѣдняго заключается именно въ томъ, что оно отвлекается

[1]) Тамъ же, II, стр. 140 (1874).

отъ всего не юридическаго въ отношеніяхъ, не юридическое же есть все то, что не отражается на точкѣ зрѣнія господства» [1]).

Высказывая такіе взгляды, Іерингъ былъ весьма далекъ отъ выраженной имъ самимъ впослѣдствіи мысли, что власть, принадлежащая объективному праву, то есть общему закону, достается субъективному праву, то есть отдѣльному лицу, лишь на столько, на сколько она даруется первымъ, или на сколько первое «осаждается» въ послѣднемъ, вслѣдствіе чего личное право ничто иное какъ «часть общей воли, сдѣлавшейся живою и конкретною въ частномъ лицѣ» [2]). Онъ прямо отвергалъ подобное воззрѣніе, какъ заблужденіе. «Римское представленіе, говоритъ онъ, состояло не въ томъ, что право будто бы явилось на свѣтъ только съ государствомъ и съ законодательствомъ; оно было правомъ, не потому что оно было закономъ, но оно было закономъ, потому что оно было правомъ. Конкретное, также какъ и отвлеченное право обязано закону не своимъ существованіемъ, а единственно формальнымъ своимъ признаніемъ» [3]). Корень права Іерингъ видѣлъ въ самоопредѣленіи воли, которое онъ считалъ неотъемлемою принадлежностью природы человѣка. Во имя этого начала онъ отвергалъ всякое смѣшеніе права съ другими идеями, какъ то, благаго, прекраснаго, цѣлесообразнаго. «Еслибы мы представили, говорилъ онъ, что право восприняло въ себя все содержаніе этихъ идей, и что предписанія нравственности, обычаи жизни, догматы и требованія религіи получили штемпель юридическихъ положеній, то отдѣльное лице сдѣлалось бы автоматомъ, исполняющимъ единственно движенія, предписанныя ему закономъ. Всякій чувствуетъ, что такое употребленіе права противорѣчило бы его идеѣ, то есть, его задачѣ и назначенію для человѣчества; ибо невозможно допустить, чтобы его назначеніе состояло въ томъ, чтобъ сдѣлать изъ человѣка машину и отнять у него именно то, что возвышаетъ его надъ бездушнымъ твореніемъ и надъ животнымъ царствомъ: способность къ самоопредѣленію. Признаніе права самоопредѣленія есть слѣдовательно высшее требованіе, съ которымъ мы обращаемся къ праву, а размѣръ и способъ, какимъ отдѣльное положительное право удовлетворяетъ этому требованію, служитъ для насъ мѣриломъ, которымъ мы измѣряемъ внут-

---

[1]) Geist der röm. R. 11, стр. 293—295.
[2]) Тамъ же, III, стр. 319 (1877).
[3]) Тамъ же, 11. стр. 61, (1874).

реннюю его самобытность, то есть вопросъ, на сколько оно поняло и изобразило внутреннюю сущность права» [1]). Отсюда слѣдуетъ, что «законодательство должно по возможности охранять и уважать самоопредѣленіе отдѣльнаго лица; каждый долженъ имѣть право дѣлать и то, что нецѣлесообразно, а не быть просто, какъ крѣпостной человѣкъ, притянутымъ, черезъ посредство закона, ко всѣмъ цѣлямъ, которыя власть считаетъ достойными предметами своихъ заботъ» [2]). «Воля, говоритъ далѣе Іерингъ, есть творчески образующій органъ личности; въ дѣятельности этой творческой силы лице возвышается къ подобію Божьему. Чувствовать себя творцомъ хотя бы самаго малаго міра, отражаться въ этомъ твореніи, какъ въ чемъ-то такомъ, что прежде него не существовало, что только черезъ него получило бытіе,—вотъ что даетъ человѣку сознаніе своего достоинства и предчувствіе присущаго ему образа Божьяго... Развить эту творческую дѣятельность есть высшее право человѣка и необходимое средство для его нравственнаго самовоспитанія. Оно предполагаетъ свободу, слѣдовательно и ея злоупотребленіе, выборъ дурнаго, нецѣлесообразнаго, неразумнаго, и т. д., ибо нашимъ твореніемъ можетъ считаться только то, что свободно вытекло изъ личности. Принуждать человѣка къ доброму, къ разумному и т. д. не столько потому есть грѣхъ противъ его назначенія, что ему преграждается выборъ противоположнаго, сколько потому что онъ лишается возможности дѣлать добро по собственному побужденію... Государство, продолжаетъ Іерингъ, обязано признать и защищать это производительное назначеніе воли, какъ юридической власти и свободы. Но въ какомъ размѣрѣ? Опытъ показываетъ всюдѣ существованіе законныхъ границъ свободы... Что у государства невозможно оспаривать такого рода вмѣшательство въ область личной свободы, на этотъ счетъ въ настоящее время не стоитъ терять словъ. Но какъ далеко простирается это право? Если государству дозволено возводить въ законъ все, что ему кажется добрымъ, нравственнымъ, цѣлесообразнымъ, то этому праву нѣтъ границъ, и выведенное выше право личности становится вопросомъ; предоставленное ему движеніе имѣетъ тогда просто характеръ уступки, это—чисто милостивый подарокъ. Этотъ взглядъ на всепоглощающее и все вновь изъ

---

[1]) Geist d. röm. R. II, стр 24.

[2]) Тамъ-же, стр. 27.

себя рождающее всемогущество государства, не смотря на блестящую оболочку, въ которую онъ такъ охотно любитъ облекаться, не смотря на громкія фразы о народномъ благѣ, о преслѣдованіи объективныхъ началъ, о нравственномъ законѣ,—этотъ взглядъ есть и остается истиннымъ порожденіемъ произвола, теоріею деспотизма, кѣмъ бы онъ ни прилагался, народнымъ собраніемъ или абсолютнымъ монархомъ. Принять его значитъ для лица учинить измѣну противъ себя самого и своего назначенія, это нравственное самоубійство! Лице съ своимъ правомъ на свободную творческую дѣятельность существуетъ не менѣе Божьею милостью, какъ и государство, и лице имѣетъ не только право, но и священную обязанность давать значеніе этому требованію и проводить его въ жизнь». Систему свободы Іерингъ признаетъ абсолютнымъ идеаломъ, къ которому долженъ стремиться всякій народъ [1]).

Невозможно въ болѣе сильныхъ выраженіяхъ заклеймить свое собственное, впослѣдствіи выработавшееся воззрѣніе. Сравнивая эти мѣткія, вытекшія изъ самаго ученія предмета сужденія съ тою исполненною противорѣчій мнимо-философскою аргументаціею, которой Іерингъ предается въ позднѣйшемъ своемъ сочиненіи, нельзя не видѣть той глубины паденія, къ которой приводитъ соціалъ-политика неосторожныхъ, увлекающихся ею юристовъ.

Теорія Іеринга возбудила значительные толки въ Германіи. Она вызвала возраженія и со стороны философовъ и со стороны юристовъ. Нашлись однако и послѣдователи, которые хотѣли проводить ее съ чисто юридической точки зрѣнія. Прежде всего надобно было установить самое понятіе о правѣ. Невозможно было удержать данное Іерингомъ опредѣленіе личныхъ правъ, какъ закономъ защищаемыхъ интересовъ. Самъ авторъ признавалъ несостоятельность своего опредѣленія, указавши на то, что существуютъ защищаемые закономъ интересы, которые вовсе не суть права. Такъ напримѣръ, таможенные законы несомнѣнно служатъ для защиты интересовъ фабрикантовъ, тѣмъ не менѣе отсюда не рождается никакихъ правъ для послѣднихъ. Вслѣдствіе этого, Іерингъ къ своему опредѣленію прибавилъ новый признакъ, именно, предоставленіе лицу права самому защищать свой интересъ посредствомъ судебнаго иска. Съ этой точки зрѣнія, личное право опредѣляется имъ какъ самозащита ин-

[1]) Geist d. röm. R. II, стр. 128—131 (1874).

тереса [1]). Интересъ, по его выраженію, составляетъ зерно, защита— ограждающую скорлупу личнаго права [2]).

Ясно однако, что съ этимъ новымъ признакомъ измѣняется самый характеръ опредѣленія. Ни интересъ самъ по себѣ, ни даже защита его государствомъ, не составляетъ еще права; интересъ становится правомъ только тамъ, гдѣ лице само себя защищаетъ. Все дѣло заключается, слѣдовательно, въ этомъ послѣднемъ признакѣ. А если такъ, то не зерно, а ограждающая скорлупа составляетъ сущность права. Это именно воззрѣніе старался провести Тонъ въ сочиненіи Юридическая норма и субъективное право (Rechtsnorm und subjectives Recht. 1878). Разборъ его ученія окончательно выяснитъ намъ существо юридическихъ началъ.

Тонъ отправляется отъ принятаго со временъ Гегеля опредѣленія, что право въ объективномъ смыслѣ ничто иное какъ общая воля, при чемъ онъ не считаетъ нужнымъ разобрать, дѣйствительно ли общая воля Гегеля означаетъ волю общества (стр. 1). Достаточно того, что по принятому понятію, «все право извѣстнаго общества состоитъ въ его нормахъ». Задача заключается въ томъ, чтобы показать, какимъ образомъ отсюда вытекаетъ субъективное право; то есть, надобно найти ту точку, на которой объективная норма становится, вмѣстѣ съ тѣмъ, правомъ отдѣльнаго лица (Vorwort, I и стр. 108).

Эта задача очевидно проистекаетъ изъ точки зрѣнія, совершенно противоположной той, которую мы признали правильнымъ результатомъ всего предшествующаго развитія философіи права. Тамъ утверждалось, что въ области чистаго права, исходною точкою служитъ личное начало, свобода, которая сама требуетъ своего опредѣленія разумнымъ закономъ. Здѣсь же наоборотъ, согласно съ старымъ ученемъ нравственной школы, въ основаніе полагается начало закона, изъ котораго уже выводится личное требованіе.

Туже точку зрѣнія мы видѣли и у Іеринга въ позднѣйшемъ развитіи его ученія. И онъ исходитъ отъ понятія о правѣ, какъ общемъ законѣ. Но въ опредѣленіи объективнаго права Іерингъ руководствуется главнымъ образомъ началомъ цѣли, хотя онъ и примѣшиваетъ къ нему другія понятія; Тонъ, напротивъ, воз-

[1]) Geist des röm. R. III стр. 339 (1877).

[2]) Тамъ же стр. 327.

ставъ противъ включенія цѣли въ опредѣленіе права. Цѣль права состоитъ въ обезпеченіи человѣку извѣстнаго наслажденія или въ защитѣ извѣстнаго интереса; но этотъ интересъ не есть самое право. Послѣднее служитъ для него только средствомъ, или защитою; защита же и защищаемое — двѣ вещи разныя (стр. 219). Право въ собственномъ смыслѣ, какъ выраженіе общей воли, ничто иное, какъ совокупность нормъ, или повелѣній, что либо воспрещающихъ или предписывающихъ. Всякое юридическое положеніе, по самому своему понятію, заключаетъ въ себѣ извѣстный императивъ (стр. 2, 3). Если встрѣчаются законы, которые имѣютъ характеръ дозволенія, то они не составляютъ самостоятельныхъ юридическихъ правилъ: ими установляются только предварительныя условія для дѣйствія тѣхъ или другихъ императивовъ; сущность же права заключается единственно въ послѣднихъ (стр. 346—8). Простое дозволеніе вовсе не есть дѣло права (стр. 292). Поэтому, въ область права не входитъ все то, что предоставляется естественной свободѣ. Послѣдняя продолжаетъ существовать вездѣ, гдѣ право не полагаетъ ей границъ; но способъ ея дѣйствія до права не касается (292—293). Съ другой стороны въ понятіе о правѣ не входитъ и принужденіе. Оно составляетъ только послѣдствіе нормы, но не самую норму. Могутъ быть даже голыя нормы, не сопровождающіяся никакимъ принужденіемъ, напримѣръ тѣ, которыя возлагаютъ извѣстныя обязанности на главу государства (стр. 6—7). «Юридическій порядокъ, говоритъ Тонъ, желаетъ, чтобы исполнялись его повелѣнія»; но онъ можетъ употреблять для этого и другія средства, кромѣ принужденія (стр. 11—15).

Такимъ образомъ, всѣ юридическія отношенія приводятся къ закону или повелѣнію. Что же, при этой точкѣ зрѣнія, означаетъ субъективное право? По мнѣнію Тона, оно означаетъ только извѣстный способъ защиты (стр. 113). Исходящее изъ общей воли право можетъ двоякимъ образомъ защищать человѣческіе интересы. Государство можетъ взять эту защиту въ свои руки: тогда она становится дѣйствіемъ публичнаго права. Или же оно можетъ предоставить самому лицу предъявлять свои требованія и тѣмъ вызывать дѣйствіе императивовъ. Въ такомъ случаѣ право дѣлается частнымъ (стр. 133, 134). При этомъ Тонъ отличаетъ **притязаніе**, или **искъ**, (Anspruch) отъ субъективнаго **права** (Recht). Притязаніе предъявляется только когда законъ

нарушенъ; субъективное же право существуетъ уже прежде. Оно состоитъ въ ожиданіи (Anwartschaft) или въ перспективѣ (Aussicht) предъявленія притязанія (Vorwort I, стр. 218, 250). Наконецъ, отъ обоихъ отличается правомочіе (rechtliche Macht, Befugniss), которое состоитъ въ возможности своими дѣйствіями установлять предварительныя условія для наступленія или для прекращенія императивовъ, или въ такомъ употребленіи естественной свободы, съ которымъ юридическій порядокъ соединяетъ извѣстныя юридическія послѣдствія (стр. 338, 339). Таково, напримѣръ, занятіе никому не принадлежащихъ вещей или вступленіе въ обязательства.

И такъ, мы имѣемъ три разныхъ начала, обозначающія принадлежность права субъекту. Всѣ они однако, очевидно, проистекаютъ изъ одного источника и связаны другъ съ другомъ. Законъ, который придаетъ юридическое значеніе свободному занятію никому не принадлежащихъ вещей, тѣмъ самымъ даетъ овладѣвшему право требовать, чтобы другіе не нарушали его владѣнія, и предъявлять притязаніе, какъ скоро владѣніе нарушено. Все это составляетъ, по признанію самого автора, расширеніе свободы (стр. 224). А если такъ, то послѣдняя, очевидно, есть корень всего субъективнаго права въ различныхъ его формахъ; всѣ они ничто иное, какъ проявленія свободы, получившей юридическій характеръ. Поэтому невозможно утверждать, что свобода, какъ естественное начало, остается внѣ предѣловъ права. Существенное значеніе права заключается именно въ томъ, что оно свободу возводитъ на степень [illegible] начала, [illegible] черезъ это возможно соединить съ [illegible] состоянія ника- [illegible] не [illegible]. Но законъ опредѣ- [illegible] установляетъ ея [illegible] защиту. Самое [illegible] въ предо- [illegible] то, что пре- [illegible]. Въ этомъ [illegible] сложность [illegible] устраняетъ [illegible] свободою [illegible] стр. [illegible]

только въ защитѣ возможности наслажденія (стр. 219, 298—299), и притомъ не физической возможности, до которой, опять же по признанію Тона, праву нѣтъ дѣла (стр. 205), а юридической. Юридическая же возможность и есть именно свобода, которая, будучи освящена закономъ, становится правомъ.

Отсюда ясно, что пользованіе свободою, вопреки мнѣнію Тона (стр. 292), есть пользованіе правомъ. Это явно обнаруживается въ томъ, что если другой препятствуетъ моему законному дѣйствію, то я могу требовать защиты. И эта защита дается именно свободѣ, а отнюдь не интересу. Признавая, что право имѣетъ цѣлью защиту интересовъ (стр. 98, 99), Тонъ противорѣчитъ самъ себѣ, ибо интересъ и есть то наслажденіе, до котораго, по собственнымъ его словамъ, праву нѣтъ дѣла. Интересовъ у людей безчисленное множество, и притомъ противоположныхъ другъ другу; но защита дается единственно тѣмъ, которые составляютъ законную область свободы. Интересъ должника противоположенъ интересу кредитора; для перваго можетъ быть даже гораздо важнѣе не заплатить долга, нежели послѣднему получить деньги. Почему же законъ поддерживаетъ въ этомъ случаѣ интересъ кредитора, а не должника? Единственно потому что онъ охраняетъ не интересъ, а право, то есть законную свободу. Судья въ своемъ рѣшеніи руководствуется не тѣмъ, кто имѣетъ болѣе интереса въ дѣлѣ, а тѣмъ, кто имѣетъ право. Какъ судья, онъ не можетъ имѣть въ виду даже общественный интересъ. Рѣшеніе дѣла не на основаніи права, а на основаніи общественной пользы, было бы нарушеніемъ правосудія. Общественный интересъ, какъ таковой, является опредѣляющимъ началомъ въ области административной; въ юридической же сферѣ, какъ признаетъ и Тонъ, общественный интересъ заключается въ удовлетвореніи идеальнаго начала правды (стр. 4—5), то есть, въ томъ, чтобы каждому воздавалось свое. Слѣдовательно, мы и тутъ приходимъ къ коренному началу права, именно, къ опредѣленію присвоенной лицу области свободы, которая для каждаго составляетъ свое.

Послѣ всего этого едва ли нужно доказывать, что юридическія нормы отнюдь не состоятъ и не могутъ состоять единственно изъ предписаній и запрещеній. Самъ Тонъ принужденъ признать, что существуютъ и нормы другаго рода; это—очевидный фактъ. Есть опредѣленія правоспособности; есть опредѣленія способовъ пріобрѣтенія имуществъ. Но Тонъ не считаетъ этихъ нормъ самостоятельными

юридическими положеніями, на томъ основаніи, что они будто бы опредѣляются только предварительныя условія для дѣйствія императивовъ. Конечно, если мы безъ всякаго основанія и безъ всякаго доказательства скажемъ напередъ, что право заключается единственно въ императивахъ, то мы все остальное должны будемъ признать за придатокъ; но это можно сдѣлать только съ помощью полнѣйшаго смѣшенія понятій. Ибо что такое условіе? Если мы, слѣдуя логикѣ, будемъ видѣть въ совокупности условій производящую причину дѣйствія, а въ отдѣльномъ условіи одинъ изъ элементовъ причины, то мы никакъ не скажемъ, что причина не имѣетъ самостоятельнаго значенія, а есть только придатокъ къ слѣдствію. Если же подъ именемъ условія мы будемъ разумѣть средство для достиженія цѣли, то въ этомъ случаѣ средствомъ будетъ не защищаемое право, а защищающій его императивъ. Самъ Тонъ признаетъ, что право, въ томъ смыслѣ, какъ онъ его понимаетъ, не есть само себѣ цѣль, а только средство для достиженія цѣли (стр. 219). Онъ сравниваетъ его съ заборомъ, охраняющимъ садъ: но очевидно, что заборъ составляетъ придатокъ сада, а не садъ придатокъ забора. Тонъ устраняетъ вытекающія отсюда послѣдствія только тѣмъ, что онъ предметъ защиты совершенно выкидываетъ изъ области права. Но онъ тутъ же принужденъ ввести его снова подъ именемъ правомочія, которое не есть повелѣніе, а по собственному его признанію, ничто иное какъ извѣстное употребленіе свободы (стр. 338, 339), и которое однако несомнѣнно составляетъ юридическое начало, ибо съ нимъ соединяются извѣстныя юридическія послѣдствія, защищаемыя закономъ. Какимъ же образомъ возможно, не нарушая логики, защищаемое называть придаткомъ, а защиту признавать основаніемъ?

И это не единственное противорѣчіе, вытекающее изъ этого возрѣнія. Ихъ не оберешься. Если повелѣніе составляетъ существенную сторону права, а субъективное право не имѣетъ самостоятельнаго значенія и служитъ только средствомъ для вызова императивовъ, то какъ объяснить, что дѣйствіе императивовъ ставится въ полную зависимость отъ воли лица? «Тѣ нормы, говоритъ Тонъ, которыя имѣютъ въ виду защиту благъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ лицамъ, большею частью воспрещаютъ ихъ нарушеніе единственно въ томъ случаѣ, когда заинтересованное лицо само не согласно на нарушающее дѣйствіе. Такимъ образомъ, согласіе защищаемаго, по

правилу, отнимаетъ у дѣйствія характеръ противорѣчія нормѣ» (стр. 16). Вспомнимъ, что право, по опредѣленію Тона, есть выраженіе общей воли, которая предписываетъ или запрещаетъ; здѣсь же отъ частнаго произвола лица зависитъ признаніе дѣйствительности этихъ предписаній и запрещеній; отъ него зависитъ подвергнуть другое лицо дѣйствію закона или освободить его отъ этого дѣйствія. Подчиненный закону получаетъ власть надъ самимъ закономъ (стр. 217). Это тѣмъ менѣе можетъ быть допущено, что всякая норма, по теоріи Тона, какъ выраженіе общей воли, принадлежитъ къ публичному праву, а потому всякое нарушеніе нормы есть нарушеніе публичнаго права (стр. 109). Основное же положеніе правовѣдѣнія состоитъ въ томъ, что публичное право не можетъ измѣняться сдѣлками частныхъ лицъ (jus publicum privatorum pactis mutari nequit).

Самое различіе публичнаго права и частнаго, при этомъ воззрѣніи, исчезаетъ. Тонъ признаетъ, что это различіе не можетъ быть основано на характерѣ защищаемыхъ интересовъ, ибо интересы отдѣльныхъ лицъ суть вмѣстѣ и интересы общества. Въ доказательство онъ ссылается на уголовное право, которое устанавливаетъ публичныя наказанія за нарушеніе личныхъ правъ (стр. 110—112). Единственнымъ признакомъ, на которомъ можно установить это раздѣленіе, по его мнѣнію, служитъ способъ защиты: публичнымъ правомъ должно быть признано то, которое защищается самимъ государствомъ, частнымъ то, котораго защита, въ смыслѣ предъявленія иска, предоставляется частному лицу (стр. 113, 133). Между тѣмъ, самъ Тонъ указываетъ на то, что одно и тоже право защищается иногда однимъ способомъ, иногда другимъ. Такъ напримѣръ, собственность защищается иногда закономъ даже помимо требованія лица, и эта защита, говоритъ Тонъ, дѣлаетъ уже изъ нея юридическое учрежденіе. «Но черезъ это, прибавляетъ онъ, собственность не есть еще право собственника; это еще не частное его право» (стр. 175). «Частнымъ правомъ она становится лишь тогда, когда изъ нарушенія установленныхъ для охраны ея нормъ рождается для собственника требованіе устраненія этого противорѣчія нормѣ» (стр. 156, 178). Такимъ образомъ, собственность является учрежденіемъ то публичнаго, то частнаго права, смотря по тому, какъ она защищается. Нарушеніе этого права изъ публичнаго дѣлаетъ его частнымъ. Самое пріобрѣтеніе собственности, напримѣръ путемъ

занятія, является дѣйствіемъ публичнаго права, ибо занятіе не основано на какомъ либо требованіи; самъ законъ связалъ съ нимъ извѣстныя юридическія послѣдствія (стр. 337, 346).

Все это очевидно не имѣетъ логическаго основанія. Одно и тоже учрежденіе можетъ быть защищаемо тѣмъ или другимъ путемъ; черезъ это оно не теряетъ принадлежащаго ему характера. Охраненіе частнаго права, напримѣръ собственности, можетъ составлять и общественный интересъ. На этомъ основаны уголовныя наказанія за воровство. Но самая собственность черезъ это не перестаетъ быть частнымъ правомъ, которое пріобрѣтается и отчуждается по частной волѣ лица. Ссылка на уголовные законы ровно ничего не доказываетъ.

Не меньшія несообразности встрѣчаются и въ другихъ юридическихъ учрежденіяхъ. Такъ, въ семейномъ правѣ, власть римскаго отца семейства была безгранична, но онъ былъ предоставленъ собственной силѣ: «Юридическихъ средствъ для вынужденія своихъ повелѣній, говоритъ Тонъ, отецъ семейства не имѣлъ.... помощь государства ему не давалась». Въ новыхъ законодательствахъ, напротивъ, онъ получилъ право иска противъ дѣтей, а послѣднія противъ него (стр. 187—188). Если мы, вмѣстѣ съ Тономъ, признаемъ, что субъективное право заключается единственно въ возможности требовать защиты государства, то мы неизбѣжно придемъ къ заключенію, что въ Римѣ у отца семейства не было никакихъ правъ, и что онъ получилъ ихъ въ новыхъ законодательствахъ, заключенію очевидно нелѣпому.

Но нигдѣ внутренняя несостоятельность этой системы не обнаруживается такъ ясно, какъ въ ученіи объ обязательствахъ. Слѣдуя своей теоріи, Тонъ признаетъ, что обязательство безъ защиты—чистое ничто (стр. 247), хотя уже Римляне допускали существованіе естественныхъ обязательствъ (naturalis obligatio), которымъ придавалось даже нѣкоторое юридическое значеніе, и мы ежедневно видимъ, что дѣлаются и платятся долги помимо всякихъ юридическихъ формальностей. Въ дѣйствительности, юридическая защита только признаетъ, а не создаетъ долгъ, а гдѣ есть долгъ, тамъ есть съ одной стороны право, съ другой стороны обязанность. Далѣе изъ теоріи Тона выходитъ, что до наступленія срока уплаты, обязательство, какъ право, не существуетъ, ибо кредиторъ въ это время «не можетъ ни требовать, ни искать» (стр. 251); но не смотря на то, тутъ же взявшій деньги

называется должникомъ, слѣдовательно считается обязаннымъ. Наконецъ, даже тамъ, гдѣ есть защита, а потому признается истинное обязательство, послѣднее лишено всякаго юридическаго содержанія; ибо право, по ученію автора, заключается единственно въ нормѣ предписывающей или запрещающей, а тутъ норма ничего не предписываетъ и не запрещаетъ: все зависитъ отъ частной сдѣлки. Вслѣдствіе этого, Тонъ опредѣляетъ обязательство просто какъ «возложенную юридическимъ порядкомъ на отдѣльныя лица обязанность для защиты извѣстнаго интереса», при чемъ онъ однако сознается, что это опредѣленіе весьма смутно (стр. 202). Но онъ объясняетъ это самымъ свойствомъ обязательствъ. Они, по его мнѣнію, «составляютъ великій остатокъ частныхъ обязанностей, остатокъ, образующійся по вычетѣ всѣхъ тѣхъ обязанностей, которыя основаны на абсолютной защитѣ извѣстнаго блага». Вещное право, личность, семейныя отношенія, все это, говоритъ авторъ, можно опредѣлить; «въ обязательствахъ же интересы слишкомъ разнообразны; можно даже сказать, что они вообще не подлежатъ опредѣленію. Ибо нынѣшнее право безгранично обѣщаетъ свою защиту всякому соглашенію, котораго исполненіе можетъ удовлетворить какой либо интересъ получившаго обѣщаніе» (стр. 202—203).

Невозможно яснѣе высказать всю недостаточность этой теоріи въ юридическомъ отношеніи. Обязательства, эта важнѣйшая отрасль частнаго права, на которую римскіе юристы положили всю силу и всю тонкость своего ума, объявляются остаткомъ, съ которымъ ничего не подѣлаешь, который ускользаетъ отъ всякаго опредѣленія. И точно, тутъ законъ ничего не опредѣляетъ, ибо содержаніе обязательства установляется не закономъ, а соглашеніемъ. Изъ частнаго соглашенія возникаютъ права и обязанности лицъ; право же иска дается только какъ средство вынудить исполненіе, тамъ гдѣ соглашеніе нарушено.

Самъ Тонъ, признавая юридическое притязаніе единственнымъ содержаніемъ субъективнаго права, принужденъ однако отличить отъ него *матеріальное право*, котораго оно служитъ защитою. Это различеніе требуется самымъ существомъ юридическихъ отношеній. Въ самомъ дѣлѣ, предъявлять притязанія можетъ не только тотъ, чье право нарушено, но и тотъ, кто воображаетъ, что оно нарушено. Ябедникъ имѣетъ точно такое же право предъявлять иски, какъ и дѣйствительно обиженный, и судья въ обоихъ случаяхъ

одинаково долженъ пускать въ ходъ весь юридическій аппаратъ судебнаго рѣшенія. Если субъективное право состоитъ единственно въ возможности предъявлять притязанія, то оно въ совершенно равной степени принадлежитъ всѣмъ. Чтобы устранить это затрудненіе, Тонъ различаетъ основательные и неосновательные иски. И тѣ и другіе одинаково могутъ возбудить дѣйствія суда, но только первые, по праву, могутъ заставить судью обвинить противника, а въ этомъ, по мнѣнію автора, заключается главное дѣло (стр. 227, 228, 238—239). Но что такое основательные иски? Тѣ, говоритъ Тонъ, въ которыхъ истецъ имѣетъ за себя матеріальное право (241). Послѣднее, слѣдовательно, должно быть отлично отъ права иска. Это становится еще очевиднѣе, если мы сообразимъ, что судья можетъ постановить несправедливое рѣшеніе, и что истецъ, по существу дѣла совершенно правый, можетъ не доказать своего иска. Скажемъ ли мы, что онъ никакого права не имѣетъ, потому что защита дается противнику? Но въ такомъ случаѣ исчезаетъ всякое различіе между основательными и неосновательными исками. Самъ Тонъ не рѣшается сдѣлать подобный выводъ: онъ прямо признаетъ, что лицо можетъ имѣть матеріальное право, которое оно фактически не въ состояніи доказать (стр. 242). Но не значитъ ли это признать, что субъективное право не исчерпывается защитою, и что помимо защиты существуетъ еще право, которое защищается?

Такимъ образомъ, куда бы мы ни обратились, мы приходимъ къ необходимому различенію матеріальнаго права и процессуальнаго. Вопреки теоріи Тона, юридическое значеніе имѣетъ не только защита, но и то, что защищается. А такъ какъ защита существуетъ для защищаемаго, а не наоборотъ, то мы логически должны начать съ послѣдняго, признавши въ немъ истинное основаніе права; первое же, какъ дѣлаетъ впрочемъ и Тонъ, мы должны считать только средствомъ. Но защищается не интересъ лица, не пользованіе извѣстнымъ благомъ, не цѣли, которыя онъ преслѣдуетъ, а единственно законная возможность распоряжаться своими силами и средствами, то есть свобода. Поэтому содержаніе права остается все таки формальнымъ. Какимъ образомъ человѣкъ пользуется своею свободою, хорошо или дурно, до этого праву нѣтъ дѣла: это выходитъ изъ предѣловъ его вѣдѣнія. Вслѣдствіе этого право, вопреки мнѣнію Тона, можетъ иногда поддерживать даже дѣйствія явно безнравст-

венныя. Устранивши фактическое пользованіе изъ области права, Тонъ утверждаетъ, что тѣмъ самымъ уничтожается противорѣчіе между правомъ и нравственностью. Юридическій порядокъ, говоритъ онъ, терпитъ безнравственность, потому что онъ не въ состояніи ее уничтожить; но онъ никогда не дѣлается ея сообщникомъ „дарованіемъ права“ (стр. 298, 299). И точно, если все право заключается въ повелѣніяхъ, издаваемыхъ властью во имя общественной пользы, то защита безнравственныхъ дѣйствій немыслима. А между тѣмъ, на дѣлѣ она существуетъ. Богатый заимодавецъ, который вымогаетъ долгъ у бѣднаго должника, несомнѣнно поступаетъ безнравственно; но не смотря на то, право даетъ ему защиту. Предъявленное требованіе составляетъ законную область его свободы, и судья не можетъ не рѣшить дѣла въ его пользу.

Противъ этого воззрѣнія на право, какъ на опредѣленіе законной свободы лица, возражаютъ, что права нерѣдко присвоиваются лицамъ, которыя самъ законъ признаетъ неспособными имѣть волю, слѣдовательно и свободу, напримѣръ малолѣтнимъ, сумасшедшимъ, даже еще не родившимся. Это возраженіе мы находимъ и у Тона (стр. 220), который выводитъ отсюда, что право имѣетъ въ виду не волю, а интересы лица (стр. 98, 99). Онъ утверждаетъ, что логически невозможно предполагать волю, какъ способность, тамъ гдѣ ея нѣтъ въ дѣйствительности. Онъ не видитъ даже ни малѣйшаго основанія, почему бы какая бы то ни было степень воли могла быть условіемъ правоспособности (стр. 282, 283), между тѣмъ какъ лица, юридически признанныя неспособными имѣть волю, имѣютъ интересы, и эти интересы могутъ охраняться правомъ. Если, при этомъ, государство не защищаетъ этихъ интересовъ собственною властью, а даруетъ неспособнымъ лицамъ субъективныя права, осуществленіе которыхъ оно возлагаетъ на заступающихъ ихъ мѣсто опекуновъ, то это происходитъ, по мнѣнію автора, единственно изъ практическихъ цѣлей: взявши все дѣло въ собственныя руки, государство приняло бы на себя слишкомъ большую тяжесть, а потому оно предпочитаетъ дѣйствовать инымъ путемъ (стр. 284-286).

И такъ, присвоеніе правъ лицамъ неспособнымъ ими пользоваться и юридическое начало представительства одного лица другимъ, вводятся единственно для уменьшенія хлопотъ государству! Объясненіе достойно современнаго правовѣдѣнія, которое, потерявши смыслъ явленій, всюдѣ ищетъ внѣшнихъ признаковъ и причинъ. Почему же

однако государству легче назначить опекуна и за нимъ наблюдать, нежели назначить чиновника и за нимъ наблюдать? Хлопотъ тутъ столько же, а между тѣмъ послѣднее, по теоріи Тона, имѣетъ смыслъ, а первое рѣшительно никакого. Ясно, что мы на этомъ поверхностномъ объясненіи остановиться не можемъ, и должны глубже вникнуть въ существо дѣла. Фактъ тотъ, что права, которыя и по ученію Тона предполагаютъ волю, ибо они даются именно для того чтобы пользоваться ими по усмотрѣнію, присвоиваются лицамъ, которыя законъ признаетъ не имѣющими воли, то есть, способность признается тамъ, гдѣ ея нѣтъ въ дѣйствительности. Тонъ видитъ въ этомъ логическую несообразность, но это доказываетъ только, что самыя простыя философскія опредѣленія, признанныя всѣми законодательствами въ мірѣ, перестали быть понятны современнымъ юристамъ. У ребенка въ дѣйствительности нѣтъ разумной воли, но способность ее имѣть у него несомнѣнно есть, ибо иначе она бы не развилась. Точно также и сумасшедшій, у котораго разумъ временно затмился, можетъ выздоровѣть; слѣдовательно, способность у него сохраняется, а это все, что требуется для права, которое опредѣляетъ только возможность дѣйствій, и притомъ не въ настоящую только минуту, а какъ принадлежность самой человѣческой личности. Отсюда вытекаетъ признаніе правъ даже за неизлечимыми. Въ этомъ выражается уваженіе къ абсолютному значенію человѣческой личности, которая, въ силу духовной своей природы, сохраняетъ характеръ разумно-свободнаго существа, даже когда физическое ея состояніе дѣлаетъ для нея невозможнымъ проявленіе разума и свободы. Тутъ дѣло идетъ не объ охраненіи интересовъ, ибо какіе могутъ быть интересы у несчастнаго, запертаго на всю жизнь въ сумасшедшій домъ, кромѣ того, чтобы съ нимъ обходились человѣколюбиво? Охраненіе интересовъ сумасшедшаго есть дѣло не права, а администраціи. Если ему присвоиваются права, не смотря на то что онъ ими никогда не можетъ пользоваться, то это означаетъ, что въ немъ признается тотъ вѣчно присущій человѣку источникъ правъ, который одинъ возвышаетъ его надъ уровнемъ животныхъ. Защиту законъ даетъ и животнымъ: онъ охраняетъ ихъ отъ истязаній; иногда предписывается даже кормить ихъ на общественный счетъ. Однакоже отсюда не проистекаетъ для нихъ никакого права, какъ признаетъ и Тонъ (стр. 177). Отличіе человѣка отъ животныхъ въ юридическомъ отношеніи состоитъ въ томъ, что

первому присвоиваются права, а послѣднимъ нѣтъ. Права же присвоиваются человѣку именно потому, что онъ разумно-свободное существо, способное имѣть разумную волю. Въ силу этого начала, онъ признается лицемъ, и ему присвоивается извѣстная область свободы, хотя бы онъ этою свободою фактически не могъ пользоваться.

Мы намѣренно остановились съ нѣкоторою подробностью на воззрѣніяхъ Тона, такъ какъ они исходятъ отъ начала совершенно противоположнаго тому, которое мы развивали выше. Несостоятельность противнаго взгляда служитъ подтвержденіемъ правильности выводовъ. Мы могли убѣдиться вмѣстѣ съ тѣмъ, что рядомъ съ упадкомъ философіи идетъ и упадокъ правовѣдѣнія, для котораго затмѣвается истинный смыслъ, понятій лежащихъ въ основаніи, какъ науки, такъ и практики. Не всегда наука равномѣрно движется впередъ. Односторонее развитіе извѣстнаго направленія неизбѣжно влечетъ за собою пониженіе мысли въ другихъ отношеніяхъ [1]).

[1]) Отголоскомъ ученій Іеринга и Тона въ русской литературѣ представляетъ сочиненіе молодаго ученаго, г. Муромцева: О п р е д ѣ л е н і е и о с н о в н о е р а з д ѣ л е н і е п р а в а. Авторъ опредѣляетъ право, какъ «защищаемое отношеніе», при чемъ защищаемое и защита оба входятъ въ составъ юридическаго порядка. Но эта замѣна интереса „отношеніемъ“ не только не выясняетъ понятія, а напротивъ, затемняетъ его еще болѣе. Противъ этого новаго опредѣленія можно сказать то же, что Іерингъ приводитъ противъ своего собственнаго, именно, что не всякое защищаемое отношеніе есть право, какъ ясно изъ защиты промышленныхъ интересовъ путемъ тарифа. Полиція охраняетъ порядокъ на улицахъ и при разъѣздахъ, но никто еще свободное движеніе въ толпѣ, безъ давки и толкотни, не считалъ правомъ, наровнѣ съ собственностью и обязательствами. О т н о ш е н і е есть еще болѣе широкое понятіе, нежели и н т е р е с ъ, а потому еще менѣе способствуетъ точности опредѣленія. Спрашивается: какое это отношеніе? Г. Муромцевъ, въ качествѣ реалиста, понимаетъ его, не какъ мыслимое начало, а въ его зависимости отъ дѣйствительныхъ его элементовъ, отъ субъекта, объекта и окружающей среды, съ измѣненіемъ которыхъ измѣняется и оно. Поэтому онъ пресмѣшно права считаетъ а б с у р д о м ъ, „такъ какъ отношеніе, какъ таковое, не есть конкретный предметъ, который могъ бы переноситься свободно“ (стр. 100). На томъ же основаніи отвергается и понятіе о возстановленіи права (стр. 73). Между тѣмъ, именно на этихъ абсурдахъ держится весь юридическій порядокъ. Если я купилъ или получилъ въ подаркѣ домъ, то защита дается мнѣ единственно въ силу того, что мнѣ было передано право хозяина. Иначе нѣтъ ни малѣйшей причины, почему бы защищалось именно мое отношеніе къ дому, а не отношеніе какого нибудь третьяго лица, напримѣръ, постояльца. Точно такъ же, если съ измѣненіемъ среды отношеніе прекращается, напримѣръ въ приводимомъ г. Муромцевымъ случаѣ наводненія (стр. 61), то нѣтъ причины, почему бы послѣ наводненія прежній мой домъ принадлежалъ мнѣ, а не кому нибудь другому. Дѣло въ томъ,

Если же юристы до такой степени блуждаютъ на счетъ коренныхъ началъ своей науки, то чего можно ожидать отъ экономистовъ, пытающихся дѣлать экскурсіи въ области философіи права? Здѣсь уже соціалъ-политика въ полномъ ходу, и нѣтъ даже юриспруденціи, которая могла бы хотя нѣсколько сдерживать эти стремленія. Изучая состояніе современной мысли, мы не можемъ обойти этихъ

что въ правовѣдѣніи важны вовсе не эти измѣняющіяся фактическія отношенія, а ихъ мыслимая связь. Право дѣйствительно есть имѣстное отношеніе, но не отношеніе чего бы то ни было къ чему бы то ни было, а мыслимое отношеніе воли къ другимъ волямъ и къ окружающимъ ее предметамъ. А такъ какъ вытекающая изъ отношенія возможность дѣйствія воли называется свободою, то право, какъ отношеніе, и будетъ явленіемъ свободы. Признаніе свободы закономъ дѣлаетъ ее правомъ; защита же есть не болѣе какъ средство для исполненія закона. Между тѣмъ, за невозможностью уловить вѣчно измѣняющее ея отношеніе, г. Муромцевъ, подобно Тону, не смотря на включеніе защищаемаго отношенія въ правовой порядокъ, полагаетъ все значеніе права въ защитѣ и отъ нея производитъ всѣ другіе его признаки (стр. 122). По мнѣнію автора, даже «если отношеніе сопровождается юридическою защитою, но существуетъ и осуществляется безъ ея вліянія, то ошибочно почитать такое отношеніе правовымъ» (стр. 160). Такимъ образомъ, вексель, выданный честнымъ человѣкомъ, привыкшимъ платить свои долги, не имѣетъ юридическаго значенія, и только вексель мошенника, который платитъ единственно изъ опасенія взысканія, носитъ на себѣ юридическій характеръ. Но всего удивительнѣе то, что г. Муромцевъ, совершенно отвергнувъ „представленіе о правѣ, какъ объ отвлеченномъ предметѣ, который можетъ существовать независимо отъ субъекта и быть передаваемъ изъ рукъ въ руки“ (стр. 108), вѣритъ защиту реальныхъ отношеній чисто фиктивному существу, именно, обществу, существующему «самостоятельно рядомъ съ своими членами“ (стр. 66). Г. Муромцевъ, повидимому, не замѣчаетъ, что онъ находится тутъ на почвѣ чистой метафизики. Онъ основываетъ свое понятіе на наблюденіи; но общества, существующаго помимо своихъ членовъ, никто никогда не видалъ. Наблюденіе показываетъ намъ только, что люди руководствуются такого рода представленіемъ; но это происходитъ единственно отъ того, что они признаютъ начала мыслимыя, а не только опытныя. Спрашивается послѣ всего этого: какое понятіе о правѣ можетъ дать намъ воззрѣніе, изъ котораго мы узнаемъ, что какое то метафизическое существо, руководствуясь абсурдами, неизвѣстно почему защищаетъ какія то несуловимыя отношенія? Не есть ли это густѣйшій туманъ? Объ основномъ началѣ права, о свободѣ, у г. Муромцева нѣтъ рѣчи; онъ тщательно его обходитъ. Справедливость онъ признаетъ чисто субъективнымъ началомъ (стр. 154); но главѣ своего изслѣдованія онъ ставитъ даже изреченіе Бэна, который сводитъ справедливость на мнѣніе людей, имѣющихъ власть повелѣвать, изреченіе, достойное той опытной школы, которая, въ погонѣ за осязаемымъ, потеряла всякое пониманіе истинно человѣческихъ началъ. Нельзя не пожалѣть о томъ, что столь скудныя у насъ научныя силы, принимая безъ надлежащей провѣрки результаты новѣйшихъ ученій, вступаютъ на такой путь, который не можетъ дать никакихъ прочныхъ плодовъ.

явленій, хотя заранѣе можемъ быть увѣрены, что никакого научнаго плода отъ этого изученія не получится. Главная характеристическая черта означенныхъ теорій состоитъ въ постоянномъ блужданіи между опытомъ и метафизикою, безъ всякаго руководящаго начала, а потому безъ всякой возможности выпутаться изъ возникающихъ отсюда противорѣчій.

Такой именно характеръ носятъ на себѣ философско-юридическія воззрѣнія Адольфа Вагнера. Онъ видитъ коренную ошибку политической экономіи въ томъ, что она доселѣ не изслѣдовала началъ частнаго права, которое «составляетъ юридическое основаніе для всего строя народнаго хозяйства и въ особенности для частнохозяйственной системы». Этотъ строй, говоритъ Вагнеръ, «стоитъ и падаетъ, остается или измѣняется вмѣстѣ съ правомъ» (Grundleg. стр. 292). Съ другой стороны онъ признаетъ, что самыя юридическія начала измѣняются сообразно съ измѣненіемъ народной жизни, и что никакой твердой теоріи тутъ установить нельзя. «Это юридическое основаніе не есть нѣчто данное отъ природы, вытекающее прямо изъ существа человѣка, а потому неизмѣнное: напротивъ, это нѣчто исторически сильно измѣняющееся.... Абсолютныхъ положеній для этой юридической основы нѣтъ и не можетъ быть, ибо историческій процессъ, въ которомъ она находится, не прерывается въ своемъ движеніи подъ вліяніемъ измѣняющихся потребностей и воззрѣній людей.» Съ измѣненіемъ же юридической основы измѣняется и хозяйственная система (стр. 175). Поэтому, говоритъ Вагнеръ, совершенно ложно воззрѣніе «будто въ приложеніи къ экономическимъ условіямъ право и нравственность разъ на всегда твердо раздѣлены, тогда какъ именно здѣсь лежатъ великія пограничныя области, въ которыхъ, измѣняясь исторически, или отъ страны къ странѣ, встрѣчается и можетъ считаться правильнымъ иногда юридическое, и при случаѣ принудительное, иногда же свободное нравственное устроеніе» (стр. 296). Въ особенности измѣнчивы отношенія государства къ отдѣльному лицу. «A priori, изъ сущности государства, говоритъ Вагнеръ, невозможно вывести для этого какое бы то ни было начало, ибо эта сущность сама является произведеніемъ исторіи. Столь же мало возможно изъ сущности личной свободы разъ на всегда вывести непреступную границу государственной дѣятельности, ибо и здѣсь лицо стоитъ вполнѣ въ историческомъ теченіи». Отсюда Вагнеръ выводитъ совершенную неприложимость

всѣхъ умозрительныхъ построеній права. Коренною ошибкою всѣхъ изслѣдованій этого рода онъ считаетъ то, что «выставляется умозрительно отвлеченное, абсолютное понятіе свободы и собственности и изъ него выводятся логическія послѣдствія». Если же затѣмъ оказывается противорѣчіе выведенной такимъ образомъ теоріи съ фактами и съ исторически развившимися юридическими отношеніями, то признается, что послѣдніе должны сообразоваться съ отвлеченными понятіями свободы и собственности, и предъявляется требованіе, чтобы право соотвѣтственно этому было измѣнено. «Между тѣмъ, говоритъ Вагнеръ, правильно именно обратное умозаключеніе: это противорѣчіе доказываетъ неприложимость означенныхъ абсолютныхъ понятій, а потому и теоретическую ихъ несостоятельность» (стр. 296).

Казалась бы, что при такихъ, не подкрѣпленныхъ впрочемъ ни малѣйшими доказательствами взглядахъ, невозможно уже говорить ни о какой общей теоріи; надобно держаться чистаго опыта. Однакоже это не мѣшаетъ Вагнеру утверждать, какъ уже было нами указано выше, что политическая экономія должна изслѣдовать не только то, что есть, но и то, что должно быть, и вслѣдствіе этого предъявлять жизни новыя требованія, — воззрѣніе, замѣчаетъ Вагнеръ, «несовмѣстное съ исключительнымъ признаніемъ индуктивной методы въ политической экономіи» (стр. 117 примѣч.). Это не мѣшаетъ ему также признавать, что «въ философіяхъ права всѣхъ временъ, начиная съ Государства Платона и съ Политики Аристотеля до новѣйшей литературы, политико-экономъ находитъ для своей науки цѣлый рядъ важнѣйшихъ основныхъ изслѣдованій» (стр. 243). Въ особенности воззрѣніямъ древнихъ философовъ Вагнеръ придаетъ не только историческое, но и абсолютное значеніе: «Основныя мысли въ Политикѣ Аристотеля, говоритъ онъ, и даже въ Государствѣ Платона на счетъ естественно необходимаго подчиненія лица государству и введенія его въ государственный порядокъ, въ дѣйствительности, будучи правильно поняты, не только имѣютъ значеніе для древне-греческихъ отношеній, но безусловно истинны; эти положенія имѣютъ не только историческую относительность, но и логическую абсолютность» (стр. 232 прим.) Изъ новѣйшихъ же системъ Вагнеръ особенно сочувственно отзывается о чисто метафизическомъ ученіи Краузе и его школы, которыхъ, въ сущности совершенно неопредѣленныя, понятія объ орга-

ническомъ значеніи права и государства должны, по мнѣнію Вагнера, быть положены въ основаніе всѣхъ общественныхъ наукъ; отсюда, говоритъ онъ, надобно во всѣ стороны вывести послѣдствія (стр. 242). Онъ упрекаетъ Аренса лишь въ томъ, что онъ слишкомъ ограничиваетъ вѣдомство государства (стр. 244—5).

Тутъ мы видимъ, слѣдовательно, чисто умозрительное понятіе о государствѣ, изъ сущности котораго, какъ организма, должно быть выведено полное подчиненіе ему отдѣльнаго лица. О фактическихъ данныхъ, объ исторически развившихся отношеніяхъ нѣтъ болѣе рѣчи. Господствовавшее доселѣ атомистическое воззрѣніе, говоритъ Вагнеръ, шло отъ частей къ цѣлому; органическое воззрѣніе, должно, напротивъ, идти отъ цѣлаго къ частямъ (стр. 161). Очевидно, что мы стоимъ на почвѣ метафизики. Но такъ какъ всѣ эти метафизическія понятія не основаны ни на какомъ твердомъ началѣ, то рядомъ съ подчиненіемъ частей цѣлому являются и совершенно иного рода положенія. Такъ, признается, что «личная свобода всѣхъ людей въ государствѣ одна отвѣчаетъ нравственному существу человѣка» (стр. 347—8); признается, что система общественнаго производства и распредѣленія богатства повела бы къ невыносимому стѣсненію личной свободы и нанесла бы вредъ самому народному хозяйству. Въ этомъ Вагнеръ видитъ внутреннюю слабость всѣхъ соціалистическихъ системъ, вслѣдствіе чего онъ самъ склоняется къ органическому сочетанію частной и общественной системы (стр. 167). Но это органическое сочетаніе оказывается далѣе не болѣе какъ компромиссомъ между обоими началами, при чемъ однако можетъ перевѣшивать то одно, то другое. Въ древности перевѣсъ былъ на сторонѣ государства, въ новое время на сторонѣ лица; теперь необходимо, по мнѣнію Вагнера, возвратиться къ древнему началу, что̀ приведетъ къ примиренію противоположностей (стр. 312).

При такихъ колеблющихся взглядахъ, конечно, нѣтъ возможности придти къ чему бы то ни было, кромѣ чисто практической сдѣлки, безъ всякаго руководящаго начала. Но въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ взывать къ философіи права, строить органическія теоріи, поднимать вопросъ о томъ, что̀ должно быть; надобно держаться того, что̀ есть, и не выходить изъ этихъ предѣловъ. Какъ же скоро ставится вопросъ о будущемъ, объ измѣненіи существующихъ отношеній, такъ необходимо выяснить себѣ, во имя какихъ началъ

это должно совершаться, на чемъ основаны эти начала, и какія изъ нихъ вытекаютъ послѣдствія. Ничего подобнаго мы не видимъ у Вагнера. До какой степени у него шатки начала, ясно изъ предъидущаго; какія онъ изъ нихъ выводитъ послѣдствія, это мы уже отчасти видѣли въ его выводахъ изъ свободы, и увидимъ подробнѣе ниже.

Еще большую путаницу понятій мы находимъ у Шеффле. Прочитавши первую часть его сочиненія: Строеніе и жизнь общественнаго тѣла, можно подумать, что мы имѣемъ дѣло съ самымъ отвлеченнымъ моралистомъ. Онъ въ этикѣ видитъ выраженіе апріорныхъ элементовъ человѣческаго духа, стремленія обнять высшее и признать абсолютный законъ правиломъ для своихъ дѣйствій. Нравственность и гуманность составляютъ, по его мнѣнію, непреходящія начала, которыя, вмѣстѣ съ другими апріорными чертами духа, принадлежатъ къ лучшей части человѣческой природы. Своею чувственною стороною, какъ ограниченное и конечное существо, человѣкъ слѣдуетъ естественному влеченію къ самосохраненію; въ этомъ отношеніи, закономъ эмпирической его природы является эгоизмъ. Но если мы отправимся отъ умозрительныхъ началъ нашего естества, то мы придемъ къ совершенно иному: съ этой точки зрѣнія, истинно то, что тождественно съ собою, что исключаетъ различіе и множество. Поэтому разрозненность лицъ, ихъ исключительная особенность представляется какъ нѣчто намъ чуждое, противорѣчащее истинной нашей природѣ, нѣчто такое, что въ силу умозрительнаго требованія должно быть уничтожено. Любовь къ ближнему является истиннымъ закономъ человѣческаго естества. Шеффле ссылается даже на Шопенгауера, который постигъ, что нравственный законъ оправдывается лишь признаніемъ множества и индивидуальности за простыя явленія, то есть, за призракъ (I, стр. 173—176).

Далѣе въ отвлеченномъ раціонализмѣ, кажется, идти невозможно. И эти начала Шеффле признаетъ движущими пружинами всего историческаго развитія. «Безъ дѣйствія идеалистическихъ мотивовъ, говоритъ онъ, исторія культуры никогда не была бы способна придать нравственное направленіе эмпирическому общежитію людей. Изъ этого признанія, прибавляетъ авторъ, мы ничего не беремъ назадъ, какъ бы оно ни противорѣчило господствующему духу времени» (стр. 583).

Отсюда Шеффле выводитъ, какъ нравственность, такъ и право. Различіе между ними онъ полагаетъ въ томъ, что первою управляются дѣйствія, проистекающія изъ внутренней природы лица, вторымъ же опредѣляется внѣшнее взаимнодѣйствіе лицъ для исполненія общей цѣли—добра (стр. 594). Эти опредѣленія авторъ не считаетъ однако тождественными съ различіемъ свободы внутренней и свободы внѣшней. Производя все, даже самую свободу, исключительно изъ нравственнаго начала, онъ самосохраненіе допускаетъ единственно въ видахъ служенія обществу, а съ другой стороны, онъ признаетъ любовь принадлежностью не только нравственности, но и права. Эгоизмъ же, въ силу котораго человѣкъ, вмѣсто того чтобы служить цѣлому, ищетъ своей личной выгоды, одинаково несовмѣстенъ съ обоими (стр.587—589, 591). Каждый членъ общества нравственно и юридически равно обязанъ не трогать другаго въ присвоенной ему сферѣ дѣятельности и давать другимъ все, что требуется ихъ спеціальнымъ призваніемъ (стр. 613).

Мы видимъ здѣсь метафизическій моралнзмъ, доходящій до полнаго поглощенія права нравственностью. Остается даже непонятнымъ, въ чемъ состоитъ различіе этихъ двухъ сферъ, если управляющія ими начала одни и тѣже? Внѣшнее взаимнодѣйствіе ничто иное какъ проявленіе исходящихъ извнутри стремленій. Самъ Шеффле признаетъ, что нравственность не ограничивается одними внутренними помыслами, но опредѣляетъ и дѣйствія (стр. 617—8), а съ своей стороны, право касается и внутреннихъ опредѣленій воли (стр. 629, 634). Шеффле видитъ въ одномъ необходимое восполненіе другаго. «Сумма нравственныхъ побужденій, говоритъ онъ, нуждается въ этой внѣшней механикѣ, чтобы найти и преслѣдовать истинный путь къ добру. Нравственное начало для своего осуществленія должно пользоваться механическимъ» (стр. 628). А въ свою очередь «право не можетъ и не хочетъ одно исполнять добро, но требуетъ нравственности, которая есть исполненіе закона... Оно требуетъ исполненія юридическихъ обязанностей въ нравственной, любовной преданности задачамъ»... (стр. 632, 633). Очевидно, что здѣсь право низводится на степень механическаго средства для осуществленія нравственныхъ требованій, вслѣдствіе чего нравственность становится принудительною. А съ этимъ вмѣстѣ исчезаетъ человѣческая свобода. Напрасно Шеффле старается удѣлить ей уголокъ, говоря, что «право не должно дѣйствовать въ

сокровеннѣйшей, собственной и священнѣйшей области отдѣльнаго призванія», а только на границахъ одного призванія съ другимъ. «Еслибы право, замѣчаетъ онъ, извнѣ проникло слишкомъ далеко внутрь, то оно, именно вслѣдствіе своего положительнаго характера, уничтожило бы дѣйствіе внутреннихъ нравственныхъ силъ, стѣснило бы поприще нравственности, и черезъ это ослабило бы нравственный духъ и ускорило бы духовно-нравственную смерть народа, оно вездѣ установило бы Прокрустовы кровати, неестественно вытягивающія и сокращающія, и вообще оно выставило бы требованія противоестественныя, ненужныя и неисполнимыя» (стр. 632). Между тѣмъ, въ системѣ Шеффле нѣтъ такой сокровеннѣйшей, собственной и священнѣйшей области, отведенной отдѣльному лицу. Призваніе лица, по его теоріи, состоитъ въ служеніи обществу: оно дано ему за тѣмъ, чтобы оно исполняло то, что требуется для другихъ и для цѣлаго. Поэтому и юридическое взаимнодѣйствіе не можетъ держаться на границахъ одного призванія съ другимъ: оно опредѣляетъ самое существо каждаго призванія и тѣ обязанности, которыя возлагаются имъ на человѣка. Поприща для свободнаго дѣйствія нравственныхъ силъ тутъ не остается, а потому неминуемо должна послѣдовать та духовно-нравственная смерть народа, на которую указываетъ Шеффле.

Это вытекающее изъ теоріи полное уничтоженіе личной сферы становится еще болѣе яснымъ, если мы обратимъ вниманіе на то, что Шеффле истинными субъектами права считаетъ не отдѣльныя лица, а учрежденія. Тутъ превратно понятая эмпирія приходитъ на помощь односторонней метафизикѣ. Антропологія и правовѣдѣніе, говоритъ Шеффле, исходятъ отъ представленія отдѣльнаго физическаго лица; но въ дѣйствительности никогда не встрѣчается такое отвлеченное лицо. Каждая особь въ общественной своей дѣятельности связана съ многими другими и имѣетъ матеріальныя орудія для своей дѣятельности. Такое сочетаніе особей и матеріальныхъ средствъ и есть истинное лицо въ соціальномъ смыслѣ; «отдѣльная же особь, даже самая простая, является только какъ дѣятельный элементъ извѣстныхъ учрежденій, къ которымъ принадлежитъ и имущество, то есть, какъ вплетенное въ общественную ткань физическое лицо» (стр. 278, 283). Къ такимъ учрежденіямъ Шеффле причисляетъ всѣ промышленныя предпріятія, земледѣльческія, ремесленныя, фабричныя, не установляя никакого различія между частными предпріятіями и общест-

ренными, ибо тѣ и другія одинаково суть сплетенія лицъ и имуществъ. Онъ увѣряетъ, что «всякая общественная наука, даже правовѣдѣніе, должна исходить отъ соціальной, а не отъ физической единицы» (стр. 280), ибо эти единицы суть «единственныя вполнѣ реальныя, а не фиктивныя лица соціологіи» (стр. 284). Правда, опытъ показываетъ, что волю имѣетъ только физическое лицо, а не учрежденіе, вслѣдствіе чего и у Шеффле «юридическими органами воли соціальныхъ единицъ» или ихъ «представителями» являются физическія лица (стр. 280, 282). Но не смотря на то, Шеффле все таки признаетъ фикціею отдѣльную особь, и напротивъ, видитъ нѣчто реальное въ представительствѣ воли совокупности лицъ и имуществъ и въ юридическомъ замѣщеніи этой воображаемой воли дѣйствительною волею физическаго лица. «Соціологически, говоритъ онъ, облеченныя тѣлами лица являются и остаются простыми элементами для юридической организаціи воли соціальныхъ сплетеній персонала и имуществъ» (стр. 281).

Когда читаешь подобныя разсужденія, то невольно спрашиваешь себя: сохранился ли еще здравый смыслъ въ человѣческомъ родѣ или можно съ одинакимъ правдоподобіемъ утверждать все, что угодно, не исключая и положительной нелѣпости? Признавать истиннымъ, реальнымъ лицемъ не существо, одаренное свободною волею и потому имѣющее права, а сочетаніе лицъ и имуществъ, напримѣръ пивоваренный заводъ, это—такое посягательство на логику, которому едва ли можно найти подходящій примѣръ во всей ученой литературѣ, старой и новой.

Но это все еще только одна сторона дѣла. Мы развертываемъ вторую часть сочиненія, и тутъ передъ нами открывается новая картина. Здѣсь уже всякая метафизика откидывается, какъ ветошь, и замѣняется чистою эмпиріею. Въ трехлѣтнемъ промежуткѣ между выходомъ этихъ двухъ частей произошло у автора увлеченіе дарвинизмомъ. Вслѣдствіе этого, на сцену выступаетъ борьба за существованіе. Отсюда проистекаютъ новыя воззрѣнія на исторію и на право. «Что такое право? что такое нравственность? спрашиваетъ Шеффле. Говорятъ: нормы дѣятельности. Но въ чемъ состоитъ реальное, или матеріальное начало права и нравственности, правомѣрной и нравственной дѣятельности? На это ни положительное правовѣдѣніе, ни нравственная философія доселѣ не дали удовлетворительнаго отвѣта» (II, стр. 60). Свѣтъ въ эту область можетъ

внести только динамическая теорія, основанная на побѣдѣ сильнѣйшихъ въ борьбѣ за существованіе. Съ этой точки зрѣнія, и право и нравственность ничто иное какъ установленные обществомъ, во имя общественнаго самосохраненія, порядки для происходящей въ немъ борьбы интересовъ (стр. 61, 62). Утвержденіе этихъ порядковъ составляетъ послѣдствіе превосходства силы (стр. 62). «Духовно, экономически и физически могущественнѣйшія силы, которыя остаются побѣдителями въ общественной борьбѣ за существованіе, одни въ состояніи и имѣютъ болѣе или менѣе интересъ въ томъ, чтобы установить законъ и предписать обязанности отдѣльнымъ соціальнымъ единицамъ, вплетеннымъ въ игру общественныхъ взаимподѣйствій; ибо онѣ обладаютъ внутренно одолѣвающимъ и внѣшнимъ образомъ принуждающимъ превосходствомъ и онѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболѣе заинтересованы въ сохраненіи цѣлаго» (стр. 65). «Отдѣльные же субъекты, которымъ прирождены соціальные инстинкты, или капиталы стремленій къ коллективному самосохраненію, добровольно подчиняются этимъ предписаніямъ; если же они сопротивляются, то они встрѣчаютъ передъ собою превосходныя, внутреннимъ и внѣшнимъ образомъ принуждающія, духовно и физически дѣйствующія силы, охраняющія право и нравственность, и имѣющія высшій интересъ въ ихъ охраненіи». Съ такимъ воззрѣніемъ, заключаетъ Шеффле, «мы отрекаемся отъ всякаго мистическаго объясненія права и нравственности; мы основываемъ ихъ единственно на духовной и физической силѣ, или же на стремленіи къ самосохраненію историческихъ носителей физическаго и духовнаго превосходства силы» (стр. 66).

Отсюда проистекаютъ совершенно различные матеріальные принципы права и нравственности для разныхъ ступеней развитія (стр. 67). Эти принципы, говоритъ Шеффле, не суть непреложныя аксіомы, а только продукты развитія; поэтому они далеко не имѣютъ той вѣчности и святости, которую приписываютъ имъ попы и бароны, придворные богословы и денежные цари. Такой вѣчности права и морали, продолжаетъ Шеффле, противорѣчитъ опытъ всей исторіи. Теократія требуетъ во имя Божіе уничтоженія всѣхъ иновѣрцевъ, первоначальный племенной союзъ предписываетъ кровную месть и истребленіе всѣхъ враговъ, осуждаетъ человѣческія жертвы и людоѣдство, тогда какъ для нашей «терпимости» и «гуманности», все это представляется юридическимъ и нравственнымъ безобразіемъ.

Но и тутъ и тамъ это тоже самое стремленіе къ самосохраненію, которое при различныхъ условіяхъ и различномъ содержаніи самосохраненія, запрещаетъ и дозволяетъ различное, отчасти даже противоположное. Оно лежитъ въ основаніи этики «гуманности» и «терпимости», точно также какъ и морали дикихъ и варваровъ» (стр. 68).

Таковы результаты, къ которымъ приводитъ насъ эта «чисто эмпирическая теорія» (стр. 66). Гуманность и людоѣдство, терпимость и костры инквизиціи, одинаково являются требованіями нравственности. Напрасно мы будемъ ссылаться на метафизическія теоріи, когда всемірный опытъ удостовѣряетъ въ противномъ. «На сколько простирается опытъ, говоритъ Шеффле, право и нравственность призываются къ жизни, защищаются, утверждаются и измѣняются сообразно съ историческими условіями каждаго періода единственно интересомъ личнаго и общественнаго самосохраненія. Опытъ доказываетъ, что идеи права и нравственности пробуждаются и укрѣпляются въ борьбѣ за существованіе, и что изъ эмпирическихъ, исторически измѣняющихся условій общественнаго самосохраненія почерпаются положительныя матеріальныя начала этики» (стр. 62). «Могущественнѣйшіе носители идеи и интереса общественнаго самосохраненія, сначала главы родовыхъ союзовъ, затѣмъ домохозяева общиннаго быта, вотчинные династы, корпораціи, земскіе господа и земскіе чины, наконецъ организованныя государственныя власти и оффиціально установленные органы морали вводятъ въ дѣйствіе болѣе совершенное право и болѣе совершенный нравственный законъ, опредѣляя нормы и приводя ихъ въ исполненіе» (стр. 74). Напротивъ, «нравственные проповѣдники, не имѣющіе опоры въ сильныхъ міра и въ сердцахъ народа, не создаютъ для міра живой нравственности»(стр. 77). Шеффле увѣряетъ даже, что иначе и быть не можетъ (стр. 80), забывая, что высшій нравственный проповѣдникъ, который явился на землѣ, тотъ, который своею проповѣдью повернулъ ходъ всемірной исторіи, былъ преданъ сильными и распятъ народомъ; забывая, что Христосъ ратовалъ отнюдь не во имя общественнаго самосохраненія и еще менѣе имѣлъ въ виду свое собственное; забывая наконецъ, что христіанская церковь, на первыхъ порахъ ничтожная, но за тѣмъ разросшаяся вслѣдствіе внутренней нравственной силы, подвергалась кровавымъ, но тщетнымъ гоненіямъ и со стороны власти, и со стороны народа, именно во имя

начала общественнаго самосохраненія. Нѣтъ ничего легче, какъ сослаться на всемірный опытъ, не приводя ни единаго факта въ подтвержденіе своихъ взглядовъ, и упорно умалчивая объ извѣстныхъ всѣмъ міровыхъ событіяхъ, которыя противорѣчатъ принятой теоріи; но это служитъ только доказательствомъ того некомпѣтнаго легкомыслія, съ которымъ современные эмпирики строятъ свои воздушныя зданія. При первомъ соприкосновеніи съ истиннымъ опытомъ эти карточные домики разлетаются въ прахъ.

Впрочемъ, самъ Шеффле тутъ же безсознательно себя обличаетъ. «Право, говоритъ онъ, требуетъ воздержанія господствующихъ въ данное время сильнѣйшихъ интересовъ; но послѣдніе слишкомъ склонны выкраивать общій порядокъ, ограничивающій общественную борьбу интересовъ, сообразно съ своею частною выгодою, употреблять положительное право, какъ могущественнѣйшее орудіе собственнаго превосходства силы, искажать его и выставлять его, какъ личину самаго грубаго эгоизма.... Уже Аристотель замѣчаетъ: «легче опредѣлить, что́ уравнительно и справедливо, нежели убѣдить партію, извлекающую свои выгоды изъ обладанія властью, чтобы она признала равенство и справедливость. Ибо желаютъ равенства и справедливости всегда слабѣйшіе, сильные же мало о нихъ заботятся». Новѣйшія злоупотребленія власти въ пользу частныхъ интересовъ большинства, продолжаетъ Шеффле, даже и въ современномъ юридическомъ государствѣ весьма далеки отъ безкорыстной защиты идеи права. Господствующая партія и теперь беретъ себѣ лишнее, такъ же какъ князекъ кочеваго племени, какъ римскій отецъ семейства, какъ ленный господинъ, какъ аѳинскій евпатридъ, какъ средневѣковой городской голова, какъ церковь, какъ абсолютный монархъ. Всѣ имѣютъ большое брюхо, а окружающіе ихъ паразиты еще большее.... Тоже самое происходитъ и съ господствующими системами общественныхъ правовъ, съ которыми не слѣдуетъ смѣшивать субъективной нравственности. Чего не осуждала церковь, какъ безнравственное? Какъ лживо судитъ о характерахъ общественное мнѣніе черни? Мы въ очію познали широкіе предѣлы искаженія нравственнаго народнаго чувства» (стр. 71—72).

И въ виду всего этого Шеффле все таки утверждаетъ, что право и нравственность основаны единственно на силѣ, и что «право вытекаетъ изъ солидарности интереса общественнаго самосохраненія съ идеалистическими или эгоистическими стремленіями историческихъ по-

сителей духовнаго и физическаго превосходства силы, авторитета и власти» (стр. 66). Болѣе явнымъ образомъ нельзя было самого себя опровергнуть. Теорія происхожденія права изъ силы оказывается одинаково несостоятельною, гдѣ бы она ни проявлялась, на почвѣ умозрѣнія или опыта, у великаго мыслителя, какъ Спиноза, у философствующаго юриста, какъ Іерингъ, или у соціалиста каѳедры, какъ Шеффле. Умозрѣніе доказываетъ, что право и сила—два разныя понятія, которыя потому невозможно производить другъ отъ друга; опытъ же показываетъ, что они далеко не всегда совпадаютъ, а напротивъ, весьма часто идутъ врозь.

Впрочемъ, у Шеффле опытъ служитъ только предлогомъ для построенія чисто отвлеченной системы. Почтенный экономистъ хотѣлъ приложить къ соціологіи модную естественно-историческую теорію, а такъ какъ въ зоологіи право не обрѣтается, а существуетъ сила, то и пришлось всякими натяжками производить право изъ силы.

Въ результатѣ, эклектическое сочетаніе философскихъ началъ съ опытными, какое мы находимъ у новѣйшихъ соціалистовъ каѳедры и соціалъ-политиковъ, не производитъ ничего, кромѣ путаницы понятій. Но можетъ быть, чистый опытъ дастъ намъ что нибудь болѣе удовлетворительное? За нимъ надобно обратиться къ той школѣ, которая коренным образомъ отвергаетъ всякую метафизику и не признаетъ ничего, кромѣ опыта, именно, къ позитивизму. Тутъ однакоже мы не находимъ ни одного сколько нибудь основательнаго изслѣдованія, ибо основательное изслѣдованіе неизбѣжно вывело бы мысль на другую почву. Можно указать только на явленія, носящія на себѣ нѣсколько комическій характеръ. За отсутствіемъ другихъ, и они для насъ любопытны, какъ характеристическій признакъ того, что̀ дастъ извѣстное направленіе.

Къ такого рода явленіямъ принадлежитъ небольшая брошюра П. Алекса: О Правѣ и о Позитивизмѣ (Du Droit et du Positivisme par P. Alex. Paris 1876).

Девятнадцатый вѣкъ, говоритъ Алексъ, характеризуется развитіемъ науки, которая замѣнила собою богословіе и метафизику. Этимъ мы обязаны главнымъ образомъ Огюсту Конту, который открылъ общую связь всѣхъ наукъ (стр. 8, 9). Благодаря его трудамъ, «наше поколѣніе посвящено въ таинства соціологіи, этой высшей и совершеннѣйшей изъ наукъ» (стр. 57—8). Исторія заимствовала у естественныхъ наукъ опытную методу. Одно право

ускользнуло отъ общаго движенія. Юристы доселѣ держатся устарѣлой рутины, изучая право, какъ алхимики изучали химію (стр. 12—16). Настала пора и въ эту область ввести опытную методу, замѣнивъ метафизику ученіемъ позитивистовъ (стр. 17, 23).

Какъ же это сдѣлать? Надобно изучать историческія измѣненія права и тѣ законы, по которымъ они совершаются. При этомъ не слѣдуетъ критиковать законодателя, нужно только наблюдать, что̀ именно онъ дѣлалъ въ теченіи вѣковъ (стр. 28—29).

Казалась бы, чего лучше? Такъ именно поступаетъ опытъ съ явленіями природы. Исторія права давнымъ давно это дѣлаетъ, и произвела въ этомъ отношеніи весьма замѣчательные, хотя неизвѣстные г. Алексу труды. Но въ примѣненіи этой методы къ праву оказывается препятствіе. Природа управляется неизмѣнными и непреложными законами, которые служатъ выраженіемъ истинныхъ отношеній вещей; въ человѣческихъ же законахъ господствуетъ произволъ. До сихъ поръ, говоритъ Алексъ, законодатель произвольно установлялъ законы, повидимому не подозрѣвая, что они сами собою рождаются изъ человѣческихъ отношеній. Отсюда безпрерывная борьба между закономъ и подвластными ему лицами (стр. 50). Устранить это зло и водворить истинный порядокъ можно только приложеніемъ къ правовѣдѣнію опытной методы. «Не говорите намъ болѣе о священныхъ, первоначальныхъ принципахъ, восклицаетъ Алексъ, о законѣ правды и неправды: все это одна болтовня. Чтобы сдѣлаться источникомъ благодѣяній, законъ долженъ быть не плодомъ нашего воображенія, а истиннымъ выраженіемъ дѣйствительности. Онъ необходимо предполагаетъ два существа, рождающія отношенія, надъ которыми воля ихъ не властна, которыя являются послѣдствіемъ нашего существованія, результатомъ нашей природы, и которыя наконецъ открываются намъ не разсужденіями a priori, а наблюденіемъ и опытомъ. Достовѣрно, что отношенія чиселъ не суть дѣло человѣка. Онъ ихъ признаетъ, но не можетъ ихъ измѣнить. Зачѣмъ же пытаться измѣнить тѣ, которыя вытекаютъ изъ человѣческихъ сношеній и замѣнять ихъ изобрѣтеніями нашего ума?» (стр. 52 — 53). Къ сожалѣнію, продолжаетъ Алексъ, именно здѣсь эта метода никогда не была испробована. Юристы хотѣли съ помощью ложныхъ началъ опредѣлить человѣческія отношенія. Вслѣдствіе этого, законодательство не соотвѣтствуетъ естественному за-

кону, которому человѣчество подчиняется, не по волѣ князей и юристовъ, а по своей физической и нравственной природѣ (стр. 53).

И такъ, сказавши, что мы должны не критиковать законодателя, а только наблюдать его дѣйствія, мы прямо начинаемъ съ того, что объявляемъ все человѣческое законодательство основаннымъ на ложныхъ началахъ. Истинная природа юридическихъ отношеній можетъ раскрыться намъ единственно приложеніемъ къ законодательству опытной методы, а этой методы до сихъ поръ никто не прилагалъ. Мы стоимъ передъ безвыходною дилеммою, которая вытекаетъ изъ самаго существа теоріи и явно обнаруживается въ наивныхъ противорѣчіяхъ автора. Опытная метода требуетъ, чтобы мы ничего не прибавляли отъ себя, а ограничивались наблюденіемъ того, что происходитъ въ дѣйствительности. Въ дѣйствительности же право всегда руководилось не опытомъ, а умозрительными началами. Приходится, слѣдовательно, или, на основаніи опыта, признать умозрѣніе, въ противорѣчіе съ собственными началами, или, отвергнувъ умозрѣніе, отвергнуть вмѣстѣ съ тѣмъ весь существующій опытъ и самому изобрѣтать новыя, никому не вѣдомыя начала права, то есть, самому строить чисто умозрительныя теоріи. Это и дѣлаетъ авторъ, когда онъ, уподобляя человѣческія отношенія отношеніямъ чиселъ, утверждаетъ, что человѣческая воля столь же мало имѣетъ силы надъ первыми, какъ надъ послѣдними. Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же нуженъ законодатель? Достаточно ученаго. Въ математикѣ никакого принудительнаго законодательства не существуетъ. Если оно всегда было и есть среди людей, то это происходитъ именно оттого, что люди не числа. Числа не убиваютъ другъ друга, не воруютъ, не взываютъ о защитѣ, а потому и подведеніе человѣческихъ отношеній къ числовымъ можетъ быть только плодомъ самой дикой фантазіи. Въ этой опытной теоріи, дѣйствительнаго опыта нѣтъ и тѣни. Ежечасный опытъ, напротивъ, удостовѣряетъ насъ, что человѣческія отношенія направляются и измѣняются человѣческою волею. Единственно на этомъ міровомъ опытѣ основано существованіе всѣхъ законодательствъ. Право имѣетъ въ виду не оставлять человѣческія отношенія, какъ они есть, но устроить ихъ такъ, какъ они должны быть. А для этого одного опыта недостаточно; нужно еще умозрѣніе.

Непризнаніе опытной методы всѣми доселѣ существовавшими законодательствами полагаетъ и другое препятствіе наблюденію исто-

рическаго его развитія. Огюстъ Контъ, какъ извѣстно, строилъ всю исторію человѣчества на основаніи послѣдовательности трехъ періодовъ: богословскаго, метафизическаго и положительнаго. Но «это великое раздѣленіе, говоритъ Алексъ, столь явное, столь очевидное, когда оно прилагается къ общему развитію человѣчества, теряетъ свою ясность, какъ скоро мы проникаемъ въ подробности каждой отрасли всемірной науки. Если же это замѣчаніе вѣрно для наукъ вообще, то оно еще вѣрнѣе для права..... Тройная эволюція, указанная О. Контомъ, не можетъ оправдаться въ отношеніи къ этому отдѣльному понятію, если предварительно не совершился тотъ умственный переворотъ, который долженъ предшествовать положительной эволюціи права» (стр. 44, 45). То есть, выведенный Контомъ законъ не можетъ оправдаться въ отношеніи къ праву, пока послѣднее не преобразилось на основаніи опытной методы, а это, какъ мы видѣли, до сихъ поръ не сдѣлано и никогда не можетъ быть сдѣлано, такъ какъ подобное превращеніе противорѣчитъ самому существу предмета.

Не смотря на то, авторъ пытается показать на отдѣльномъ примѣрѣ, какимъ образомъ слѣдуетъ наблюдать развитіе законодательствъ, и какіе отсюда надобно дѣлать выводы. Онъ беретъ законы о кредитѣ и показываетъ, что кредитъ расширяется въ обратномъ отношеніи къ гарантіямъ, которыя даются заимодавцу. Сначала, въ эпоху фетишизма, хотя и есть заемъ, но случайный, и при самыхъ жестокихъ условіяхъ. Затѣмъ, во времена политеизма, съ расширеніемъ общихъ идей, распространяется и заемъ. Является залогъ, сперва въ видѣ обладанія самою личностью должника, затѣмъ въ видѣ отдачи имущества должника во временное владѣніе кредитора. Въ эпоху монотеизма эта послѣдняя форма замѣняется ипотекою. Церковь преслѣдуетъ ростовщиковъ и тѣмъ способствуетъ смягченію участи должника. Съ переходомъ въ метафизическій періодъ появляется промышленность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и новыя, болѣе мягкія формы займа. Заключеніе за долги отмѣняется. Главное же то, что пока законодательство остается при старой рутинѣ, нравы пролагаютъ новые пути, доказывая тѣмъ, что люди руководствуются уже не отвлеченными началами, а разумнымъ пониманіемъ фактовъ. Банкротство замѣняется конкурсомъ, и самый конкурсъ уступаетъ мѣсто мировымъ сдѣлкамъ съ должникомъ.

Параллельно съ этимъ движеніемъ расширяется самый кредитъ.

Во время фетишизма онъ почти не существуетъ; въ эпоху политеизма зарождаются коммерческіе обороты; во времена монотеизма завязываются сношенія не только между отдѣльными лицами, но и между народами. Затѣмъ, вслѣдствіе происшедшаго въ метафизическій періодъ умственнаго переворота, совершается и переворотъ экономическій. Съ развитіемъ промышленности кредитъ все ростетъ; строгія формы становятся невозможными. Спекуляція властвуетъ, и коммерческое право замѣняетъ гражданское.

Такимъ образомъ, обратное отношеніе кредита къ юридическимъ гарантіямъ раскрывается изъ наблюденія фактовъ. На основаніи этого закона, выведеннаго наукою, говоритъ Алексъ, слѣдовало бы просто уничтожить всѣ юридическія гарантіи и тѣмъ дать полное развитіе кредиту. Но сознаніе человѣчества до этого еще не дошло. Поэтому приходится идти постепенно, доказывая, что при настоящихъ условіяхъ важны не юридическія, а нравственныя гарантіи, именно, прочность дѣла, на которое даются деньги.

Едва ли нужно замѣчать, что всѣ эти отношенія фетишизма, политеизма и монотеизма къ формамъ кредита основаны на чистой фантазіи, не говоря уже о такихъ странностяхъ, какъ утвержденіе, что только во времена монотеизма завязываются сношенія между народами. Выведенный Контомъ законъ во всякомъ случаѣ не оправдывается этимъ историческимъ движеніемъ, ибо что̀ можетъ быть реальнѣе, какъ полученіе въ свою власть самого должника или его имущества? Если же этотъ законъ впослѣдствіи замѣняется гарантіями болѣе духовнаго свойства, то это означаетъ движеніе отъ реализма къ метафизикѣ, а не наоборотъ. Эта замѣна не служитъ однако признакомъ уменьшенія гарантій: она совершается главнымъ образомъ вслѣдствіе развитія такихъ юридическихъ гарантій, о которыхъ Алексъ умалчиваетъ, а именно, тѣхъ государственныхъ учрежденій, на которыя возлагается взысканіе долговъ. Очевидно, что чѣмъ легче взыскивать, тѣмъ меньшее требуется обезпеченіе. Введеніе ипотечныхъ книгъ весьма сильно способствуетъ развитію поземельнаго кредита, но оно увеличиваетъ, а не уменьшаетъ гарантіи кредитора. Слѣдовательно, выведенный Алексомъ законъ основанъ единственно на крайне поверхностномъ наблюденіи явленій. Что же касается до заключенія, которое онъ изъ этого дѣлаетъ, то здѣсь уже исчезаетъ всякая логика. Умозаключеніе отъ постепеннаго уменьшенія къ совершенному уничтоженію какого либо явленія есть

рѣшительно ничѣмъ не оправданная логичная операція. Тутъ ученикъ забылъ даже наставленіе учителя, который прямо предостерегаетъ отъ иллюзій, состоящихъ въ томъ, что принимаютъ «непрерывное уменьшеніе за стремленіе къ полному прекращенію». Огюстъ Контъ указываетъ даже, въ видѣ примѣра, на то, что съ развитіемъ просвѣщенія, повидимому, уменьшается количество пищи, которую употребляетъ человѣкъ, но изъ этого отнюдь еще не слѣдуетъ, чтобы человѣкъ могъ когда либо совершенно обойтись безъ пищи [1]). Тоже самое прилагается и къ кредиту. Необходимость юридическаго обезпеченія основана на томъ, что люди не всегда платятъ долги и еще менѣе всегда готовы уплатить ихъ въ срокъ. А такъ какъ мы не имѣемъ никакой надежды, чтобы это свойство человѣческой природы когда либо исчезло, то невозможно ожидать, чтобы мы когда либо могли обойтись безъ юридической гарантіи. Такимъ образомъ, вся эта такъ называемая положительная теорія оказывается не болѣе какъ ложнымъ умозаключеніемъ.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что недостаточно наблюдать; надобно еще понимать наблюдаемое. Внѣшнее наблюденіе явленій даетъ намъ только непереваренный матеріалъ: чтобы сдѣлать изъ него научное цѣлое, надобно изслѣдовать причины. А въ числѣ главныхъ причинъ юридическихъ явленій находятся метафизическія идеи, движущія законодателя. Если мы хотимъ придерживаться той методы, которой слѣдуютъ естественныя науки, мы должны дѣйствующую причину признать за нѣчто существенное, а не отвергать ее, какъ праздный плодъ воображенія. Истинный опытъ приводитъ насъ, слѣдовательно, къ признанію метафизики. Руководствуясь имъ, мы не станемъ насильственно подводить явленія человѣческой жизни къ числовымъ отношеніямъ или къ явленіямъ физическаго міра; мы признаемъ, что тутъ дѣйствуютъ разнородныя причины; а потому и явленія должны пониматься различно. Въ безпристрастномъ и всестороннемъ опытѣ умозрѣніе найдетъ себѣ не противника, а оправданіе. Односторонее же умозрѣніе встрѣтитъ себѣ обличеніе; но это будетъ доказательствомъ не противъ умозрѣнія вообще, а единственно противъ умозрѣнія недостаточнаго.

И тутъ, какъ и во всѣхъ другихъ областяхъ человѣческаго знанія, эти два противоположные пути восполняютъ другъ друга: умо-

[1]) Cours de Philosophie Pos. VI. стр 464.

зрѣніе даетъ чистыя начала, руководящія человѣческою дѣятельностью, опытъ—приложеніе этихъ началъ къ безконечному разнообразію жизненныхъ условій. Но какъ явленія немыслимы безъ начала, такъ и начало безъ явленій остается пустою формою. Только совокупленіе обоихъ даетъ полноту и наукѣ и жизни.

Необходимость совмѣстнаго существованія этихъ двухъ элементовъ приводитъ насъ къ основному раздѣленію права на философское, или естественное, и положительное. Положительное право есть то, которое дѣйствуетъ въ жизни; философское право есть идеальная норма, которая сознается обществомъ или наукою, и служитъ руководящимъ началомъ и для законодателя. Въ исторіи нерѣдко происходитъ между ними борьба; во имя философскаго права требуется измѣненіе положительнаго. Въ періодъ господства раціонализма это требованіе принимаетъ даже характеръ безусловной истины. Естественное, или философское право признается непреложнымъ закономъ разума, съ которымъ должно сообразоваться всякое положительное законодательство и которое одно сообщаетъ обязательную силу его постановленіямъ. Этой теоріи держались и философы нравственной школы и защитники прирожденныхъ правъ человѣка. Но такъ какъ философское право не понимается всѣми одинаково, то очевидно, что этимъ открывается просторъ всякаго рода субъективнымъ толкованіямъ, и вызывается самовольное сопротивленіе закону. «Невозможно, говоритъ по этому поводу Бентамъ, разсуждать съ фанатиками, вооруженными естественнымъ правомъ, которое каждый понимаетъ, какъ хочетъ, прилагаетъ, какъ ему удобно, изъ котораго онъ не можетъ ничего уступить, ничего урѣзать, которое непреклонно также какъ и непонятно, которое въ его глазахъ священно, какъ догматъ, и отъ котораго онъ не можетъ уклониться безъ преступленія... Въ огромномъ разнообразіи мыслей на счетъ естественнаго и божественнаго закона, каждый не найдетъ ли какого нибудь предлога, чтобы сопротивляться всѣмъ человѣческимъ законамъ?» [1])

Бентамъ отправляется отъ этого разсужденія, чтобы совершенно отвергнуть философское право и признать одно право положительное. Но такое одностороннее заключеніе, представляющее противоположную крайность, не оправдывается посылкою. Изъ того, что можно зло-

[1]) Traité de législation, ch. X, 10.

употреблять философскимъ правомъ, не слѣдуетъ, что оно вовсе не существуетъ. Сама раціональная философія, въ высшемъ своемъ развитіи, пришла въ этомъ отношеніи къ совершенно правильной точкѣ зрѣнія. Она поняла естественный законъ не какъ абсолютную и неизмѣнную норму, а какъ начало развивающееся въ сознаніи человѣческомъ, или какъ идеалъ, къ которому слѣдуетъ стремиться. Приложеніе этого идеала къ жизни зависитъ, съ одной стороны, отъ развитія сознанія, съ другой стороны отъ безконечнаго разнообразія жизненныхъ условій, съ которыми необходимо соображаться. Обязательную же силу въ обществѣ эта норма можетъ получить единственно черезъ волю тѣхъ лицъ, которымъ присвоена законная власть дѣлать обязательныя постановленія. Надобно, чтобы философское право превратилось въ положительное, ибо только послѣднее имѣетъ обязательную силу для гражданъ.

Изъ того, что право, какъ философское, такъ и положительное, является началомъ развивающимся, не слѣдуетъ однако, чтобы въ немъ не было ничего, кромѣ измѣняющихся опредѣленій, которыя каждый народъ и даже каждое поколѣніе понимаетъ и прилагаетъ по своему. Это воззрѣніе, котораго держится современная историко-юридическая школа въ Германіи, превращаетъ право въ случайное выраженіе мимолетныхъ идей и потребностей, безъ всякихъ твердыхъ началъ, управляющихъ его развитіемъ. Мы видѣли выше, что одинъ изъ представителей этой школы, Данъ, критикуя теорію Іеринга, противопоставляетъ ему понятіе о правѣ, какъ разумномъ началѣ. Если это—разумное начало, то оно должно быть одно, ибо разумъ въ человѣкѣ одинъ. Поэтому всѣ частныя его проявленія должны пониматься какъ различныя его стороны, развивающіяся по общему закону. Задача науки состоитъ въ томъ, чтобы выдѣлить это общее, выражающееся въ частномъ, и указать на постоянное, заключающееся въ преходящемъ.

Это постоянное начало есть человѣческая свобода, съ развитіемъ которой въ сознаніи и жизни развивается и право. Мы видѣли уже, что первоначально свобода погружена въ общую субстанцію и только мало по малу выдѣляется изъ послѣдней. Сообразно съ этимъ и право не вдругъ является самостоятельною областью человѣческихъ отношеній. На первыхъ порахъ, всѣ элементы человѣческой природы находятся въ состояніи слитности. Вслѣдствіе этого, право смѣшивается и съ нравственностью и съ религіею. Въ особенности рели-

гіозное начало владычествуетъ въ первую эпоху человѣческой исторіи. Только постепенно, съ освобожденіемъ человѣка изъ подъ власти тяготѣющей надъ нимъ общей основы, право становится независимымъ отъ религіи и образуетъ свой отдѣльный міръ, управляемый присущими ему законами. Однако уже и въ эти первобытныя времена, въ обычаяхъ дикихъ племенъ и въ теократическихъ законодательствахъ, являются всѣ существенныя черты юридическихъ отношеній: опредѣленіе правъ и обязанностей, награды и наказанія, правда и судъ. Все это предполагаетъ волю свободныхъ существъ, ибо только свободныя существа могутъ имѣть права и обязанности, подлежатъ наградамъ и наказаніямъ; къ нимъ только прилагаются требованія правды; они одни судятся судомъ. Такимъ образомъ, въ самомъ зародышѣ юридическихъ отношеній право является уже выраженіемъ свободы, и это отношеніе становится все яснѣе съ дальнѣйшимъ движеніемъ: ступени развитія свободы суть вмѣстѣ и ступени развитія права.

Это соотвѣтствіе выражается и во внутреннемъ расчлененіи юридическаго порядка. Различнымъ формамъ свободы соотвѣтствуютъ различныя области права. Мы видѣли, что свобода раздѣляется на внутреннюю, внѣшнюю и общественную. Соотвѣтствующее этому дѣленіе мы находимъ и въ правѣ.

Внутренняя свобода, какъ было указано выше, составляетъ собственно область нравственности. Правомъ опредѣляются не внутреннія побужденія, а внѣшнія дѣйствія. Но такъ какъ внѣшнія дѣйствія зависятъ отъ внутреннихъ побужденій, то и право не можетъ не принять въ соображеніе внутренней свободы человѣка. Пока лице дѣйствуетъ въ предѣлахъ предоставленной ему юридическимъ закономъ внѣшней свободы, праву нѣтъ дѣла до сокровенныхъ его помысловъ; но какъ скоро оно переступаетъ эти границы и нарушаетъ законъ, такъ является необходимость опредѣлить его вину, а это невозможно сдѣлать, не проникнувъ въ область внутренней свободы. Тутъ рождаются понятія о вмѣняемости, о большей или меньшей преступности дѣйствія, зависящей отъ степени извращенія воли, объ извиняющихъ обстоятельствахъ, о внутренней правдѣ, въ отличіе отъ внѣшней. Все это составляетъ задачу права уголовнаго, которое однако не имѣетъ самостоятельнаго значенія, а служитъ только освященіемъ чисто юридическихъ опредѣленій.

Полнымъ выраженіемъ юридическихъ началъ, безъ всякой посто-

ошней примѣси, является право частное, или гражданское. Здѣсь человѣкъ представляется какъ свободное, самостоятельное лицо, которому присвоивается извѣстная область матеріальныхъ отношеній, и которое состоитъ въ опредѣленныхъ юридическихъ отношеніяхъ къ другимъ, таковымъ же лицамъ. По самой природѣ этихъ отношеній, въ этой сферѣ господствуетъ индивидуализмъ; здѣсь находится главный центръ человѣческой свободы. Изъ взаимнодѣйствія свободныхъ волъ возникаетъ цѣлый міръ безконечно переплетающихся отношеній, въ опредѣленіи которыхъ выражается вся тонкость юридическаго ума. Въ этомъ дѣлѣ, какъ уже было сказано выше, римскіе юристы были величайшіе мастера, вслѣдствіе чего римское право сдѣлалось какъ бы нормою для гражданскаго права всѣхъ новыхъ народовъ.

Наконецъ, области свободы общественной соотвѣтствуетъ публичное право. Здѣсь человѣкъ является уже не самостоятельною единицею, а членомъ союза, въ который онъ входитъ, какъ свободное, но подчиненное лицо. Высшимъ выраженіемъ публичнаго права служитъ право государственное, ибо государство есть верховный союзъ на землѣ; но публичнымъ правомъ управляются и другіе, подчиненные государству союзы, которые однако могутъ имѣть болѣе или менѣе смѣшанный характеръ, смотря по тому, приближаются ли они къ формѣ частныхъ товариществъ или получаютъ высшее общественное значеніе.

Въ публичномъ правѣ, къ чисто юридическому элементу присоединяется нравственный. Верховнымъ опредѣляющимъ началомъ является здѣсь не воля отдѣльнаго лица, а польза цѣлаго, которой подчиняются интересы членовъ. Но это цѣлое само представляется юридическимъ лицемъ, облеченнымъ правами. Слѣдовательно, и оно разсматривается какъ свободное существо, имѣющее волю. Однако это возведеніе его на степень юридическаго лица и присвоеніе ему правъ возможно только съ помощью юридической фикціи, ибо въ дѣйствительности одни физическія лица обладаютъ волею. Поэтому юридическое лицо всегда нуждается въ представителяхъ: предполагаемая его воля представляется волею тѣхъ или другихъ физическихъ лицъ.

Отсюда ясно, что съ точки зрѣнія чистаго реализма, права могутъ быть приписаны только отдѣльнымъ лицамъ, а никакъ не цѣлому союзу. Если реалисты нерѣдко держатся иныхъ воззрѣній, то это происходитъ единственно отъ путаницы понятій. Можно, сколько

угодно, разсматривать общество какъ организмъ (объ этомъ подобіи будетъ еще рѣчь ниже); невозможно реально приписать этому организму волю, которой онъ не имѣетъ, и облечь его правами, которыми онъ не въ состояніи пользоваться. Не поможетъ и признаніе рѣшающаго голоса за большинствомъ; этотъ рѣшающій голосъ принадлежитъ большинству, единственно какъ представителю цѣлаго. Въ качествѣ простаго большинства, оно имѣетъ совершенно такое же право, какъ и меньшинство, именно, право требовать, чтобы его свобода не нарушалась; остальное должно быть дѣломъ добровольнаго соглашенія. Если же въ дѣйствительности всегда и вездѣ признаются права цѣлаго, если юридическому лицу дается власть надъ членами, то это совершается въ силу метафизическаго начала, которое признаетъ существованіе не только отдѣльныхъ единицъ, но и общаго, владычествующаго надъ ними духа. Однако и метафизика, видя въ правѣ выраженіе свободы, не можетъ не признать, что истинный источникъ свободы лежитъ не въ общемъ, безличномъ духѣ, а въ отдѣльномъ лицѣ, въ его внутреннемъ самоопредѣленіи. Поэтому и она не можетъ допустить, чтобы частное право поглощалось публичнымъ. И съ метафизической точки зрѣнія истинная область свободы есть частное право; публичное же право воздвигается надъ нимъ, какъ высшая область, но не съ тѣмъ чтобы его уничтожить, а напротивъ, съ тѣмъ, чтобы охранять его отъ нарушенія. Только односторонняя и противорѣчащая себѣ метафизика все улетучиваетъ въ общемъ духѣ.

Изъ этой противоположности частнаго и публичнаго права ясно различіе правъ, которыя присвоиваются человѣку въ той и другой области.

Публичное право дается гражданину, во первыхъ, для защиты своихъ интересовъ, и во вторыхъ, во имя общественной пользы, какъ члену и органу цѣлаго. Но частный интересъ имѣетъ здѣсь значеніе лишь на столько, на сколько онъ сливается съ интересомъ общественнымъ; послѣднее начало является преобладающимъ. Какъ свободный членъ союза, гражданинъ получаетъ права, но непремѣнное для этого условіе заключается въ способности понимать общественные интересы и дѣйствовать въ виду ихъ. Признаки, которыми опредѣляется способность, могутъ быть весьма разнообразны, смотря по мѣстнымъ и временнымъ обстоятельствамъ; во всякомъ случаѣ, опредѣленіе ихъ зависитъ отъ верховной власти, которая

въ установленіи ихъ руководится началомъ общественной пользы. Тѣмъ же началомъ опредѣляются и исключенія, которыя дѣлаются изъ требованія способности. А такъ какъ отъ установленныхъ закономъ признаковъ зависитъ самое существованіе права, то въ этой области права даются и отнимаются по требованію общественной пользы, а не присвоиваются гражданину, какъ личное его достояніе. Поэтому и пользованіе правомъ является вмѣстѣ съ тѣмъ исполненіемъ общественной обязанности, хотя бы оно было предоставлено свободной волѣ лица. Гражданинъ можетъ пользоваться своимъ правомъ единственно во имя общественныхъ интересовъ; корыстное пользованіе публичнымъ правомъ есть преступленіе.

Совершенно иное значеніе имѣетъ право частное. Оно принадлежитъ человѣку, какъ личное его достояніе, или какъ область его свободы. Отсюда характеристическія особенности, которыя рѣзко отличаютъ его отъ публичнаго права. Частное право не даруется человѣку общимъ закономъ, а пріобрѣтается собственнымъ дѣйствіемъ лица и частными его отношеніями къ другимъ. Законъ опредѣляетъ только возможность; для дѣйствительности нуженъ еще особый юридическій титулъ, вытекающій изъ частныхъ отношеній. Вслѣдствіе этого характера, частное право можетъ принадлежать лицу даже совершенно неспособному. Малолѣтніе и сумасшедшіе имѣютъ такую же собственность, какъ и другіе. Для распорядительныхъ дѣйствій требуется извѣстная способность, но единственно та, которая предполагается во всякомъ человѣкѣ, имѣющемъ прирожденную ему разумную волю. Тамъ, гдѣ этой способности нѣтъ, установляется замѣститель. Тамъ же, гдѣ она есть, пользованіе правомъ предоставляется вполнѣ частной волѣ лица, которое можетъ извлекать изъ него всевозможныя выгоды, никому не давая въ томъ отчета и связываясь единственно принятыми на себя частными обязательствами. Общественная власть вступается лишь тогда, когда происходитъ столкновеніе правъ, и не иначе какъ по призыву сторонъ. Наконецъ, отчужденіе права, также какъ и его пріобрѣтеніе, зависитъ исключительно отъ воли лица. Продать или подарить публичное право гражданинъ не властенъ; но частнымъ правомъ онъ можетъ располагать по своему усмотрѣнію. Общественная же власть въ этомъ отношеніи связана: право не можетъ быть произвольно отнято у лица; это было бы нарушеніемъ его свободы, слѣдовательно и нарушеніемъ правды,

которая требуетъ, чтобы каждому воздавалось свое. Если же общественная польза требуетъ отчужденія, то дается справедливое вознагражденіе. Какъ частное достояніе, право считается пріобрѣтеннымъ, то есть, связаннымъ съ волею лица.

Это понятіе о пріобрѣтенномъ правѣ, неприложимое къ публичному праву, составляетъ коренное начало частнаго права, самый крѣпкій оплотъ личной свободы. Послѣдняя имѣетъ здѣсь неприкосновенное святилище, на которое общественная власть не можетъ посягать, не нарушая правды, то есть, того самаго начала, во имя котораго она сама существуетъ. Понятно поэтому, что противъ пріобрѣтеннаго права ополчаются тѣ, которые стремятся принести лице въ жертву обществу. Важнѣйшею попыткою въ этомъ отношеніи была теорія, развитая въ сочиненіи Лассаля: Система пріобрѣтенныхъ правъ (System der erworbenen Rechte). Не пустою декламаціею, а учеными доводами хотѣлъ знаменитый агитаторъ «перевести старый юридическій порядокъ въ новый». Разборъ этихъ доводовъ покажетъ всю несостоятельность его взгляда.

Лассаль вполнѣ понималъ значеніе пріобрѣтеннаго права и связаннаго съ нимъ общаго юридическаго положенія, что законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія. То, что пріобрѣтено законнымъ путемъ, должно уважаться и будущимъ законодательствомъ. Въ обратномъ дѣйствіи закона Лассаль прямо признаетъ «посягательство на свободу и вмѣняемость человѣка» (стр. 56). «Частное право, говоритъ онъ, ничто иное какъ осуществленіе свободной воли лица». Поэтому, если законное проявленіе воли уничтожается обратнымъ дѣйствіемъ закона, если воля лица черезъ это извращается и превращается въ другую, то подобное дѣйствіе нельзя назвать иначе какъ насиліемъ, нанесеннымъ лицу; оно въ самомъ корнѣ противорѣчитъ понятію права. «Такой законъ, говоритъ Лассаль, не есть законъ, а абсолютная неправда, уничтоженіе самаго понятія о правѣ» (стр. 57). «Никакому законодателю не дозволено уничтожать свободу воли и вмѣняемость человѣка и трактовать духъ, какъ вещь» (стр. 59).

Казалось бы, нѣтъ возможности въ болѣе сильныхъ выраженіяхъ утверждать неприкосновенность пріобрѣтеннаго права. Но рядомъ съ этимъ выставляются другія положенія, которыя совершенно его уничтожаютъ. Если субъективное право признается явленіемъ свободы, то объективное право понимается, какъ выраженіе общей

воли, а послѣдняя, по мнѣнію Лассаля, имѣетъ безусловную власть надъ первою. «Единственный источникъ права, говоритъ онъ, есть совокупное сознаніе народа, общій духъ». Со временъ Гегеля это положеніе совершенно твердо установилось въ наукѣ, а Савинын внушилъ его и положительнымъ юристамъ (стр. 194—5). Поэтому «всякое право, какъ таковое,—всякое бытіе отдѣльнаго лица—есть только положенное постоянно измѣняющимся общимъ духомъ опредѣленіе, такъ что каждое новое, вытекающее изъ духа опредѣленіе немедленно охватываетъ лице, съ тѣмъ правомъ, съ какимъ оно было охвачено предъидущимъ» (стр. 61). На первыхъ страницахъ Лассаль допускалъ еще, что лице можетъ сдѣлать для себя прочнымъ «то, что оно въ этомъ потокѣ законнымъ путемъ вывело своимъ собственнымъ дѣйствіемъ и волею, то, что оно себѣ усвоило» (стр. 61). Но въ дальнѣйшемъ изложеніи онъ прямо уже признаетъ, что «для лица юридически невозможно прервать общеніе съ этою единственною субстанціею права (то есть, съ общею волею), разорвать съ нею связь, и захотѣть укрѣпиться въ противорѣчіи съ ея измѣненіями. Такое стремленіе лица, говоритъ Лассаль, не только лишено всякаго юридическаго значенія, но было бы абсолютною неправдою, уничтоженіемъ самаго понятія о правѣ. Послѣднее заключается только въ этомъ общеніи; оно состоитъ единственно въ томъ, что то, что въ каждой моментъ составляетъ абсолютное содержаніе общаго сознанія, существуетъ и имѣетъ силу для всѣхъ единицъ». Въ этомъ стремленіи лица, посредствомъ пріобрѣтенія права, утвердиться въ противорѣчіи съ измѣнившеюся общею волею, Лассаль видитъ внутреннее, разрушающее себя противорѣчіе, ибо въ одномъ и томъ же дѣйствіи полагается и связь съ общимъ сознаніемъ и разрывъ съ послѣднимъ. «Пріобрѣтаемое право имѣетъ своимъ законнымъ основаніемъ не отдѣльный, дозволяющій его законъ, а источникъ этого закона, общее сознаніе народа. Оно получаетъ силу единственно вслѣдствіе своего согласія съ этою сущностью всякаго права». Поэтому всякій договоръ заключается съ подразумѣваемымъ условіемъ, что онъ будетъ имѣть силу, лишь пока законъ допускаетъ этого рода договоры. «Лице, говоритъ Лассаль, не можетъ воткнуть свой собственный колъ въ юридическую почву». Это значило бы считать себя самовластнымъ, объявить себя собственнымъ своимъ законодателемъ. «Противъ права нѣтъ права», заключаетъ Лассаль, а это означаетъ, «что каж-

дое отдѣльное право само слѣдуетъ превращенію той юридической субстанціи, изъ которой оно произошло и въ которой оно состоитъ» (стр. 194—198).

И такъ, съ одной стороны, посягательство общаго закона на свободу лица и на пріобрѣтенное имъ право признается абсолютною неправдою, отрицаніемъ самой идеи права, съ другой стороны, самоутвержденіе лица во имя пріобрѣтеннаго права представляется также абсолютною неправдою, отрицаніемъ самой идеи права. Съ одной стороны, единственнымъ корнемъ и источникомъ права является человѣческая свобода (стр. 59), съ другой стороны, единственнымъ корнемъ и источникомъ права является общее сознаніе, противъ котораго свобода совершенно безсильна (стр. 195). Ясно, что тутъ между двумя противоположными взглядами оказывается коренное противорѣчіе, изъ котораго нѣтъ выхода.

Лассаль пытается разрѣшить его, различая отдѣльные случаи. По его теоріи, пріобрѣтенное право признается и уничтожается не иначе какъ съ вознагражденіемъ, когда законъ допускаетъ, вообще, существованіе этого рода правъ и отмѣняетъ только извѣстную ихъ форму; когда же самая сущность, или субстанція права отмѣняется безусловно, то и пріобрѣтенныя права уничтожаются немедленно, безъ всякаго вознагражденія (стр. 225, 230). Такъ напримѣръ, пока законодатель признавалъ еще законное существованіе феодальныхъ правъ, онъ могъ отмѣнять тѣ или другіе ихъ виды, давши вознагражденіе владѣльцамъ; но какъ скоро было признано, что феодальныя права подлежатъ безусловной отмѣнѣ, такъ вознагражденіе сдѣлалось уже ничѣмъ не оправданнымъ грабежемъ, похищеніемъ чужой собственности (стр. 239).

Какъ же опредѣлить однако, что̀ составляетъ самую сущность права и что̀ является только извѣстною его формою? Всякое закономъ установленное право есть видъ извѣстнаго рода и родъ извѣстнаго вида. Такъ, феодальное право, съ одной стороны, составляетъ извѣстный видъ собственности, а съ другой стороны является родовымъ понятіемъ въ отношеніи къ множеству принадлежащихъ къ этой категоріи правъ. Станемъ ли мы считать происхожденіе извѣстнаго права собственности изъ феодальныхъ отношеній сущностью этого права или только формою? Очевидно, что можно сдѣлать и то и другое совершенно по произволу. Можно сказать, что собственность составляетъ сущность этого права, а феодальное про-

исхожденіе только его форму; но можно точно также утверждать, что феодальное происхожденіе принадлежитъ къ его сущности. Смотря по тому, куда мы поставимъ частичку вообще, отмѣняемое право окажется или сущностью или формою. Лассаль старается на многихъ примѣрахъ показать правильность своего раздѣленія; но при этомъ онъ запутывается въ такія противорѣчія, которыя явно обнаруживаютъ несостоятельность всей его системы. Такъ напримѣръ, онъ считаетъ безусловнымъ законъ отмѣняющій фидеикоммиссы и субституціи, хотя это не болѣе какъ извѣстныя формы, или виды наслѣдства. Точно также онъ признаетъ безусловнымъ законъ, воспрещающій вообще доказывать денежныя обязательства свыше извѣстной суммы показаніемъ свидѣтелей, хотя свидѣтельскія показанія въ гражданскихъ дѣлахъ вообще допускаются. Даже запрещеніе брать проценты свыше извѣстнаго размѣра причисляется имъ къ безусловнымъ законамъ, хотя вообще брать проценты не запрещено, слѣдовательно сущность права сохраняется [1]).

Ясно, что этимъ способомъ никакого разграниченія сдѣлать нельзя. Существованіе или несуществованіе законно пріобрѣтеннаго права ставится въ зависимость отъ случайной редакціи закона или отъ произвольнаго толкованія. Источникъ всей этой безконечной путаницы понятій заключается въ ложной точкѣ отправленія. Въ самомъ дѣлѣ, если въ одномъ случаѣ пріобрѣтенное право должно быть уважаемо, какъ выраженіе законной свободы человѣка, то на какомъ основаніи можетъ быть дозволено не уважать его въ другомъ? Если все зависитъ отъ воли законодателя, если измѣняющееся общее сознаніе служитъ единственнымъ источникомъ всякаго права, если лицо, по выраженію Лассаля, не имѣетъ права «воткнуть свой частный колъ въ юридическую почву», то пріобрѣтенное право не можетъ имѣть значенія никогда и нигдѣ; тогда свобода человѣка превращается въ призракъ, и духъ трактуется какъ вещь. Если же наоборотъ, общее сознаніе тогда только можетъ быть источникомъ правомѣрнаго закона, когда оно носитъ въ себѣ разумныя начала, то есть, когда оно руководится требованіями правды и уваженіемъ къ свободѣ, составляющей, по признанію самого Лассаля, корень всякаго права, то пріобрѣтенное право должно быть признано

[1]) Подробный разборъ сочиненія Лассаля см. въ моей статьѣ, помѣщенной въ Сборникѣ Государственныхъ знаній. томъ V.

всегда и вездѣ, и всякое на него посягательство есть насиліе и беззаконіе.

Которое изъ этихъ двухъ воззрѣній истинно, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, не только для юриста, но и для всякаго здравомыслящаго человѣка. Если я уважаю законъ, то и законъ долженъ оказать мнѣ уваженіе. Если я пріобрѣлъ извѣстное право тѣмъ путемъ, который мнѣ указывалъ самъ законъ, то законъ обязанъ охранять это право, и если, при измѣнившихся условіяхъ или взглядахъ, онъ признаетъ нужнымъ отмѣнить этого рода права, то онъ обязанъ дать мнѣ справедливое вознагражденіе. Иначе, по выраженію Лассаля, законъ превращается въ ловушку, подставленную гражданамъ законодателемъ. Такой способъ дѣйствія заключалъ бы въ себѣ глубочайшее противорѣчіе закона и съ самимъ собою, и съ свободою, и съ правомъ. Выраженіе: «нѣтъ права противъ права» не означаетъ, какъ увѣряетъ Лассаль, что всякое право должно сообразоваться съ измѣняющимся общимъ сознаніемъ; оно означаетъ, напротивъ, что общее сознаніе должно сообразоваться съ вѣчными началами права, написанными въ сердцахъ людей, съ началами, которыя познаются философіею и выражаются въ законодательствахъ. Эти начала состоятъ въ признаніи требованій правды; а коренное требованіе правды заключается въ томъ, чтобы воздавать каждому свое, то есть, въ уваженіи къ человѣческой свободѣ и ко всему тому, что изъ нея проистекаетъ. Таковы были опредѣленія римскихъ юристовъ, и такова же идея, которая живою нитью проходитъ черезъ всю исторію юридической мысли и черезъ всю исторію законодательствъ.

ГЛАВА III.

СОБСТВЕННОСТЬ.

Человѣкъ, какъ свободное существо, налагаетъ свою волю на внѣшній міръ. Въ этомъ заключается основаніе собственности.

Право собственности содержитъ въ себѣ двоякій элементъ: фактическое отношеніе къ вещи, или пользованіе ею для своихъ цѣлей, и идеальное отношеніе—право. Источникъ перваго лежитъ, съ одной стороны, въ человѣческихъ потребностяхъ, для удовлетворенія которыхъ необходимы матеріальные предметы, съ другой стороны въ физической силѣ, покоряющей эти предметы власти человѣка. Источникомъ же идеальнаго отношенія является высшій законъ, законъ разума, который подчиняетъ неразумную природу разумному существу, и нераздѣльный съ нимъ законъ свободы, требующій осуществленія ея во внѣшнемъ мірѣ, или присвоенія ей внѣшней сферы, которою она могла бы располагать по усмотрѣнію. Въ другихъ подобныхъ ему лицахъ лицо находитъ границу своей свободы; матеріальный же міръ представляетъ ему открытое поприще, гдѣ оно можетъ безпрепятственно проявлять свою дѣятельность.

Такимъ образомъ, собственность вытекаетъ изъ природы человѣка, какъ разумно-свободнаго существа. Въ этомъ съ рѣдкимъ единодушіемъ сходятся философы различныхъ школъ. Объявленіе правъ человѣка и гражданина причисляетъ собственность, вслѣдъ за свободою, къ прирожденнымъ правамъ человѣка (ст. 2). Кантъ выводилъ ее изъ постулата практическаго разума, дозволяющаго всякое употребленіе внѣшней свободы, которымъ не нарушается свобода другихъ (Rechtslehre § 2), Фихте изъ абсолютнаго права

лица быть причиною во внѣшнемъ мірѣ (Grundl. d. Naturr. § 10, 12), Гегель изъ требованія, чтобы лице создало себѣ внѣшнюю сферу свободы, откуда вытекаетъ право полагать свою волю въ каждую вещь, или абсолютное право присвоенія всѣхъ вещей (Philos. d. Rechts §§ 41, 44). Тоже начало признается и школою Краузе, не смотря на ея понятія объ органическомъ значеніи права. «Особенное основаніе частной собственности, говоритъ Аренсъ, можетъ лежать только въ началѣ единичной личности, въ которой первобытный, божественный и вѣчный духъ разума (Vernunftgeist) является властью, свободно господствующею и устрояющею все чувственное и индивидуальное, властью, прилагающеюся и къ матеріально являющимся благамъ. Какъ свободное, личное существо, человѣкъ долженъ самъ полагать себѣ свои цѣли и исполнять ихъ на этихъ благахъ въ своеобразной формѣ. Особенность каждаго человѣческаго духа въ выборѣ и исполненіи своихъ цѣлей требуетъ и собственности, какъ свободнаго распоряженія вещными благами для своеобразнаго осуществленія совокупной личности. Именно потому что человѣкъ есть существо самобытное, которое должно своеобразно устроять свою жизнь, онъ долженъ имѣть нѣчто для себя. Изъ самобытнаго и для себя бытія вытекаетъ самобытное и для себя имѣніе. Собственность есть слѣдовательно объективація или отраженіе личности во внѣшнемъ, вещественномъ мірѣ; это — кругъ вещныхъ благъ, проведенный изъ средоточія духовно-нравственной личности и управляемый изъ этого средоточія» (Naturrecht, II § 68, стр. 110). Наконецъ, даже писатели съ односторонне нравственнымъ направленіемъ подтверждаютъ этотъ взглядъ. «Человѣкъ, говоритъ Шталь, поставленъ господиномъ въ твореніи. Предметы внѣшняго міра даны ему для удовлетворенія его потребностей, сперва физическихъ, а черезъ посредство ихъ и духовныхъ. Въ способѣ же удовлетворенія, именно, въ устроеніи образа жизни и основанной на немъ дѣятельности, должна проявляться личность человѣка. Для этого человѣкъ имѣетъ отъ природы власть надъ вещами; для этого онъ и въ человѣческомъ общежитіи, каждый въ противоположность другимъ, долженъ свободно ими распоряжаться; они должны быть прочнымъ образомъ обезпечены и подчинены его волѣ. На этомъ покоится собственность въ обширномъ смыслѣ, или имущество. Собственность составляетъ матеріалъ для откровенія человѣческой личности» (Phil. d. Rechts II, 3 B. § 22).

Не смотря однако на такое единогласіе философовъ, новѣйшіе соціалисты каѳедры отрицаютъ правильность этихъ выводовъ. Адольфъ Вагнеръ, который въ своемъ Учебникѣ политической экономіи подвергъ обстоятельному разбору различныя теоріи происхожденія собственности, менѣе всего придаетъ значенія той теоріи, которая выводитъ собственность изъ природы человѣческой личности. Онъ видитъ въ ней «нѣчто столь неопредѣленное, что черезъ это въ вопросѣ о частной собственности не получается никакой твердой почвы». Въ доказательство онъ ссылается на то, что соціалисты «съ совершенно такимъ же или съ столь же малымъ правомъ выводятъ изъ понятія и существа человѣческой личности юридическій порядокъ имущественнаго міра прямо противоположный частной собственности, а именно такой, который всѣмъ людямъ доставляетъ нужныя хозяйственныя блага для исполненія ихъ чувственно-нравственныхъ жизненныхъ цѣлей..... Основаніе частной собственности просто на человѣческой личности, заключаетъ Вагнеръ, не имѣетъ бо́льшаго научнаго достоинства, какъ и основаніе на ней совершенно противоположнаго юридическаго порядка имуществъ» (стр. 459—460).

Нельзя не удивляться подобному заключенію. Оно равносильно признанію, что изъ однихъ и тѣхъ же данныхъ можно съ одинаковымъ правдоподобіемъ сдѣлать совершенно противоположные выводы, признанію, ведущему къ отрицанію всякой логики и всякой науки. Еслибы человѣческая личность была пустымъ мѣстомъ, въ которое можно вкладывать все, что угодно, то возраженіе Вагнера могло бы быть справедливо. Но человѣкъ есть разумно-свободное существо, а изъ этого вытекаютъ извѣстныя требованія, которыя не только сознаются разумомъ, но и осуществляются въ дѣйствительномъ мірѣ. Согласіе частной собственности съ природою человѣка имѣетъ за себя не одни выводы философіи, но и міровой опытъ, ибо собственность существуетъ вездѣ, гдѣ человѣкъ вышелъ изъ первобытнаго состоянія. Соціальныя же утопіи вѣчно были и остаются неосуществимыми, именно потому что онѣ насилуютъ человѣческую природу и уничтожаютъ свободу человѣка. Чтобы поставить ихъ на одну доску съ теоріею собственности, надобно бы было, по крайней мѣрѣ, доказать ихъ приложимость; но Вагнеръ не только не пытается этого дѣлать, но даже прямо признаетъ, что для осуществленія ихъ требуются совершенно иныя существа, нежели каковы люди (стр. 533). Если же онъ при этомъ говоритъ, что и со стороны противниковъ

3892684

«нѣтъ ни малѣйшаго доказательства, что личность можетъ достигать своихъ цѣлей исключительно черезъ посредство частной собственности» (стр. 459), то это можно объяснить лишь добровольнымъ закрытіемъ глазъ на самыя простыя вещи. Самъ Вагнеръ, какъ мы видѣли выше, признаетъ, что свобода соотвѣтствуетъ нравственному существу человѣка, а свобода состоитъ въ правѣ распоряжаться своею дѣятельностью и тѣмъ, что пріобрѣтается этою дѣятельностью. Но говоря о собственности, Вагнеръ оставляетъ въ сторонѣ именно тотъ пунктъ, въ которомъ заключается весь вопросъ. О свободѣ и ея требованіяхъ не упоминается ни единымъ словомъ. Этимъ способомъ можно, конечно, все доказывать и все отвергать; но тогда не надобно уже говорить не только о философіи, но и о какой бы то ни было наукѣ.

Самъ Вагнеръ допускаетъ, что изъ человѣческой природы могутъ быть выведены нѣкоторые, хотя весьма ограниченные виды собственности. «Изъ существа человѣческой личности, говоритъ онъ, вытекаетъ необходимое требованіе, чтобы юридическій порядокъ привелъ къ установленію извѣстной частной собственности», именно, на сколько она необходима для удовлетворенія самыхъ настоятельныхъ потребностей существованія особи. «Всю же остальную частную собственность невозможно вывести этимъ путемъ». Но эта ограниченная собственность, замѣчаетъ Вагнеръ, не имѣетъ никакого значенія; даже соціалисты ее допускаютъ. Этимъ «основывается» только то, что разумѣется само собою (стр. 460—1).

И такъ, изъ природы человѣка вытекаетъ только удовлетвореніе самыхъ настоятельныхъ физическихъ его потребностей! Какое высокое понятіе о человѣкѣ имѣютъ соціалисты каѳедры! Непонятно только, зачѣмъ для этого нужна собственность. Развѣ нельзя поддерживать существованіе человѣка, прокармливая его, какъ рабочій скотъ, но не давая ему распоряжаться ничѣмъ? Это и дѣлаютъ рабовладѣльцы.

«Можно возразить, продолжаетъ Вагнеръ, что личность, для исполненія своихъ нравственно-чувственныхъ цѣлей и вообще для своего проявленія въ дѣятельности, нуждается въ болѣе широкомъ потребительномъ имуществѣ, а потому слѣдуетъ признать по крайней мѣрѣ право собственности на это имущество требованіемъ личности». Но подобное требованіе, говоритъ онъ, можно допустить единственно изъ соображеній цѣлесообразности. «Изъ понятія и существа лично-

сти оно не вытекаетъ, или же, если оно отсюда выводится, то надобно признать, какъ необходимое слѣдствіе, что оно должно принадлежать всѣмъ въ равной степени». Во всякомъ случаѣ, замѣчаетъ Вагнеръ, такое расширеніе права собственности за предѣлы необходимыхъ потребностей остается пустымъ словомъ; размѣръ и содержаніе оно получаетъ единственно отъ свободнаго развитія права. Что же касается до права собственности на орудія производства, на капиталъ и на землю, то оно даже въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ не можетъ быть выведено изъ этой теоріи, ибо лице можетъ свободно устроивать свою жизнь не только при частной собственности, но и при такомъ юридическомъ порядкѣ, который предоставляетъ ему не болѣе какъ право пользованія этими орудіями. Доказательствомъ служатъ свободные рабочіе и капиталисты, которые работаютъ съ чужими орудіями. Слѣдовательно, предоставленіе лицу права собственности на эти орудія не вытекаетъ изъ природы и существа личности, а установляется единственно изъ соображеній цѣлесообразности (стр. 461—3).

Такимъ образомъ, единственно соображенія цѣлесообразности заставляютъ допускать право человѣка на что бы то ни было, кромѣ самыхъ необходимыхъ предметовъ потребленія. Воззрѣніе на человѣка, какъ на вьючнаго животнаго, остается въ полной силѣ. Опредѣленіе размѣра, въ которомъ могутъ удовлетвориться всѣ остальныя человѣческія потребности, зависитъ исключительно отъ усмотрѣнія законодателя. Нельзя не сказать, что въ этомъ взглядѣ, къ низведенію человѣка на степень животныхъ, присоединяется полное непониманіе, какъ существа права собственности, такъ и задачъ законодательства. Въ дѣйствительности, законъ, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, никому не даетъ права собственности на что бы то ни было и не опредѣляетъ содержанія этого права. Онъ признаетъ только за лицемъ, во имя неотъемлемо принадлежащей ему свободы, право пріобрѣтать собственность и свободно распоряжаться пріобрѣтеннымъ. Границы этой свободы полагаются такою же свободою другихъ. Таковъ чистый законъ права. Соображенія цѣлесообразности могутъ стѣснять свободу, но не они служатъ ей основаніемъ и не они даютъ ей содержаніе. Поэтому право собственности не ограничивается предметами потребленія. Если я могу свободно распоряжаться пріобрѣтеннымъ имуществомъ, то отъ меня зависитъ обратить его на собственное потребленіе или сдѣлать изъ

него орудіе производства. Если же законъ запрещаетъ мнѣ послѣднее, если онъ говоритъ мнѣ: «ты можешь заработанныя тобою деньги пропить, но не смѣешь сдѣлать или купить на нихъ инструментъ», то это ничѣмъ не оправданное насиліе свободѣ. Здѣсь въ принципѣ отрицается право человѣка быть самостоятельнымъ дѣятелемъ; онъ низводится на степень орудія. Такой принципъ есть униженіе человѣческой личности, коренное отрицаніе правъ, вытекающихъ изъ самой природы разумно-свободнаго существа.

Изъ этой природы однако отнюдь не слѣдуетъ, что всякій человѣкъ непремѣнно долженъ имѣть собственныя орудія, и еще менѣе что собственность должна быть одинакая у всѣхъ. Въ этомъ возраженіи опять предполагается, что законъ даетъ лицамъ дѣйствительную собственность. Между тѣмъ, законъ ничего не даетъ, кромѣ права пріобрѣтать и свободно распоряжаться пріобрѣтеннымъ, и это единственное, что вытекаетъ изъ природы человѣка, какъ разумно-свободнаго существа. Какимъ образомъ человѣкъ воспользуется своимъ правомъ, пріобрѣтетъ ли онъ что нибудь или нѣтъ, до этого юридическому закону нѣтъ дѣла. Одинъ работалъ, а другой лѣнился; одинъ сберегалъ, а другой тратилъ; у одного работа была успѣшна, а другой не умѣлъ за нее взяться, или ему помѣшали внѣшнія обстоятельства. Поэтому у одного можетъ быть много, а у другаго ничего; одинъ можетъ сдѣлаться хозяиномъ, другой остается работникомъ, хотя и тотъ и другой имѣютъ совершенно одинакія права.

Самъ Вагнеръ, признавая измѣняющуюся цѣлесообразность единственнымъ источникомъ собственности, принужденъ допустить рядомъ съ этимъ и другое начало, именно, справедливость. «Нельзя упустить изъ виду, говоритъ онъ, что исполненіе требованія естественной справедливости, въ силу котораго плоды труда должны принадлежать, какъ собственность, работнику, а результаты сбереженія сберегающему, представляются въ высшей степени цѣлесообразными и съ точки зрѣнія народнаго хозяйства. Высшая справедливость есть вмѣстѣ съ тѣмъ и высшая цѣлесообразность» (стр. 468).

Такъ какъ справедливость признается здѣсь естественнымъ началомъ, то изъ этого очевидно слѣдуетъ, что изъ естества человѣческаго вытекаетъ нѣчто большее, нежели дозволеніе человѣку имѣть необходимыя средства пропитанія. Но Вагнеръ вовсе этого не замѣчаетъ и дѣлаетъ такое заключеніе: «учрежденіе частной соб-

ственности и различныя категоріи собственности являются такимъ образомъ, хотя и не основанными на природѣ человѣка, однако созданными правомъ по соображеніямъ экономической цѣлесообразности и справедливости. Именно *извѣстныя историческія и мѣстныя условія*, техники, культуры и вообще общественнаго сожительства, порождаютъ это учрежденіе, какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ его видахъ, принимая во вниманіе экономическую природу человѣка. Слѣдовательно, мы въ собственности имѣемъ дѣло съ *исторической*, а не съ естественно-необходимою, прямо вытекающею изъ природы человѣка, а также и не съ чисто-экономической категоріею, о которой можно было бы сказать, что безъ нея правильное удовлетвореніе потребностей и вообще народное хозяйство немыслимы» (стр. 466).

И такъ, справедливость, требующая, чтобы плоды труда и сбереженія принадлежали трудящемуся и сберегающему, есть не болѣе какъ мѣстное и временное условіе, историческая категорія! И это говорится послѣ того, какъ на предъидущей страницѣ справедливость названа была *естественною*! Читая такого рода выводы, невольно подумаешь иногда, что подобно тому какъ изъ человѣческой природы одинаково можно вывесть и свободу и коммунизмъ, такъ и человѣческій разумъ безразлично относится къ логикѣ и безсмыслицѣ. Самъ Вагнеръ отличаетъ однако справедливость и цѣлесообразность; и точно, это—два совершенно разныя понятія, одно измѣняющееся, другое постоянное и безусловное. Именно въ томъ видѣ, какъ понятіе о справедливости формулировано Вагнеромъ, оно составляетъ чисто разумное требованіе, имѣющее значеніе для всѣхъ временъ и народовъ. Выдавать его за нѣчто мѣстное, временное и условное, значитъ идти наперекоръ здравому смыслу.

Начало справедливости, воздающей каждому свое, приводитъ насъ къ дальнѣйшему опредѣленію собственности. Изъ природы человѣка, какъ свободнаго существа, вытекаетъ, какъ мы видѣли, только право пріобрѣтать и распоряжаться пріобрѣтеннымъ. Но какимъ образомъ осуществляется это право? Какимъ законнымъ путемъ можетъ человѣкъ пріобрѣсти собственность? Недостаточно одной физической силы; нуженъ юридическій титулъ, а всякій юридическій титулъ основанъ на понятіи о справедливости, которая служитъ мѣриломъ всѣхъ юридическихъ установленій.

Способы пріобрѣтенія собственности могутъ быть двоякаго рода;

первоначальные и производные. Послѣдніе предполагаютъ первые; они опредѣляютъ переходъ собственности изъ однихъ рукъ въ другія; первые же объясняютъ самое происхожденіе собственности между людьми. Такихъ способовъ два: овладѣніе и трудъ. Отсюда двѣ теоріи происхожденія собственности, теорія овладѣнія и теорія труда. Разсмотримъ ту и другую.

Теорія овладѣнія идетъ отъ Римлянъ. Римскіе юристы утверждали, что по естественному разуму, то, что никому не принадлежитъ, достается овладѣвающему (Quod enim nullius est, ratione naturali occupanti conceditur). Это начало было признано и Гуго Гроціемъ. «Богъ, говоритъ онъ, далъ человѣческому роду право на предметы этой низшей природы.... Вслѣдствіе этого, каждый изъ людей могъ для своего употребленія брать, что хотѣлъ, и потреблять то, что могло быть потребляемо. Ибо, что каждый бралъ, того другой не могъ уже у него отнять иначе какъ обидою» (De J. B. ac P. II, 2, 2). Не смотря на то, Гроцій предполагалъ, что для перехода отъ первобытнаго безразличія имуществъ къ частной собственности необходимо было соглашеніе, явное при раздѣлѣ, или тайное при овладѣніи. Иначе другіе не имѣли бы возможности знать, что именно каждый хотѣлъ себѣ присвоить, и притомъ многіе могли бы хотѣть одного и того же (II, 2, 5). Отсюда произошла теорія, производящая собственность изъ человѣческихъ соглашеній. Ея держался Пуфендорфъ и послѣ него многіе юристы до новѣйшаго времени. Ее раздѣляетъ и Вагнеръ. Другіе, напротивъ, какъ напримѣръ Барбейракъ, утверждали, что для овладѣнія не нужно никакого предварительнаго соглашенія, ибо то, что я занялъ, не можетъ быть у меня отнято безъ обиды [1]).

Вникая глубже въ этотъ вопросъ, мы не можемъ не придти къ убѣжденію, что послѣднее мнѣніе справедливо. Оно логически вытекаетъ изъ самаго понятія о человѣческой свободѣ и объ ея отношеніяхъ къ внѣшнему міру. Какъ разумно-свободное существо, я имѣю право налагать свою волю на окружающіе меня матеріальные предметы, и эта воля законна, пока она не встрѣчаетъ воли другихъ разумно-свободныхъ существъ. Слѣдовательно, какъ скоро вещь находится въ моемъ владѣніи, такъ другой не можетъ уже

[1]) См. его примѣчанія къ сочиненію Пуфендорфа О правѣ естественномъ и общенародномъ кн. IV, гл. 4, прим. 4.

ее себѣ присвоить, ибо этимъ нарушается законное проявленіе моей свободы, то есть, мое право. Весьма рельефно эти начала были выражены Шеллингомъ въ одномъ изъ раннихъ его произведеній. «Объявляя себя свободнымъ существомъ, говоритъ онъ, я объявляю себя существомъ, которое опредѣляетъ все, что ему сопротивляется, а само не опредѣляется ничѣмъ.... Я объявляю себя владыкою природы, и требую, чтобы она безусловно опредѣлялась закономъ моей воли.... Только неизмѣнному субъекту принадлежитъ автономія; все, что не есть субъектъ, все, что можетъ быть объектомъ, то опредѣляется чужимъ закономъ, то для меня явленіе. Весь міръ составляетъ мою нравственную собственность... Куда только проникаетъ моя физическая сила, я всему существующему даю свою форму, навязываю свои цѣли, употребляю какъ средство для неограниченной своей воли. Гдѣ моя физическая сила недостаточна, тамъ есть физическое сопротивленіе; но нравственнаго сопротивленія для меня въ природѣ не можетъ быть.... Гдѣ моя физическая сила встрѣчаетъ сопротивленіе, тамъ есть природа. Я признаю превосходство природы надъ своею физическою силою: я преклоняюсь передъ нею, какъ чувственное существо, я не могу идти далѣе. Тамъ же, гдѣ моя нравственная сила встрѣчаетъ сопротивленіе, тамъ не можетъ уже быть природа. Въ трепетѣ я останавливаюсь. Тутъ человѣчество! раздается мнѣ на встрѣчу. Я не долженъ идти далѣе» [1]).

Разсматривая теорію овладѣнія съ своей относительной точки зрѣнія, Вагнеръ находитъ, что для развитаго гражданскаго быта это начало теряетъ всякое значеніе; для первобытныхъ же временъ праву овладѣнія не только движимыми, но и недвижимыми, оправдывается, какъ экономическою цѣлесообразностью, такъ и справедливостью, но единственно въ той границѣ, которая опредѣляется «обусловливающимъ совмѣстнымъ существованіемъ людей и общею всѣмъ потребностью въ вещахъ» (стр. 476—8). Это послѣднее выраженіе взято у Аренса, на котораго и ссылается Вагнеръ. Но кто же опредѣлитъ эту границу? Если общество, то это предполагаетъ, что всѣ вещи уже усвоены обществомъ, которое распредѣляетъ ихъ между своими членами, смотря по ихъ потребностямъ. Для того чтобы стать на такую точку зрѣнія, надобно доказать, что вещей

[1]) Neue Deduction des Naturrechts, §§ 6—13.

никому не принадлежащихъ вовсе нѣтъ, что все первоначально принадлежитъ обществу, какъ цѣлому, и что отдѣльное лице не можетъ овладѣть вещью иначе, какъ въ силу общественнаго дозволенія. Этого доказательства ни Вагнеръ, ни Аренсъ не представили. Его пытался представить Прудонъ. Извѣстно, что знаменитый соціалистъ подвергъ различныя теоріи собственности самой строгой критикѣ и окончательно объявилъ ее воровствомъ. Посмотримъ на его аргументацію; изъ нея черпали свои доводы всѣ послѣдующіе возражатели.

Прудонъ, также какъ и защитники собственности, отправляется отъ человѣческой свободы, но онъ выводитъ изъ этого начала совершенно иныя послѣдствія. «Не правда ли, говоритъ онъ, что если свобода человѣка священна, то она священна на томъ же основаніи во всѣхъ лицахъ; что если она нуждается въ собственности для того чтобы дѣйствовать во внѣшнемъ мірѣ, то есть, для того чтобы жить, то это усвоеніе матеріи одинаково необходимо для всѣхъ; что если я хочу, чтобы уважали мое право усвоенія, то я долженъ уважать и чужое право; слѣдовательно, если въ области безконечности сила усвоенія свободы можетъ найти свою границу только въ себѣ самой, то въ области конечнаго таже сила ограничивается математическимъ отношеніемъ числа свободъ къ занимаемому ими пространству? Не слѣдуетъ ли изъ этого, что если одна свобода не въ правѣ помѣшать другой свободѣ, ея современницѣ, усвоить себѣ количество матеріи, равное усвоенной ею самою, то она одинаково не въ правѣ отнять эту способность у будущихъ свободъ? ибо, между тѣмъ какъ лице преходитъ, цѣлое остается, а законъ вѣчнаго цѣлаго не можетъ зависѣть отъ феноменальной его части. И изъ всего этого не слѣдуетъ ли заключить, что всякій разъ какъ рождается лице, одаренное свободою, надобно, чтобы другіе стѣснились, и что въ силу взаимности, если оно впослѣдствіи становится наслѣдникомъ извѣстнаго имущества, то ему должно быть предоставлено не право совмѣщать въ себѣ новое владѣніе съ полученнымъ прежде, а только право выбора между тѣмъ и другимъ»? Говоря болѣе простыми словами, продолжаетъ Прудонъ, «человѣкъ долженъ работать, чтобы жить: слѣдовательно, онъ нуждается въ орудіяхъ и матеріалахъ для производства. Эта потребность производить составляетъ его право, и это право обезпечивается ему другими людьми, въ отношеніи къ которымъ онъ всту-

паетъ въ такое же обязательство. Сто тысячъ человѣкъ поселяются въ странѣ, пространствомъ равняющейся Франціи и не имѣющей жителей; право каждаго человѣка на поземельный капиталъ равняется одной стотысячной. Если число владѣльцевъ увеличивается, то доля каждаго уменьшается сообразно съ этимъ увеличеніемъ, такъ что если количество жителей возрастаетъ до 34 милліоновъ, то доля каждаго будетъ равняться одной 34-хъ милліонной части. Устройте же полицію и правительство, трудъ, обмѣнъ, наслѣдство и проч., такъ чтобы средства для работы были всегда равны, и чтобы всякій былъ свободенъ, и общество будетъ совершенно». (Qu'est ce que la propriété, ch. II § 2).

Мы видимъ, что происхожденіе собственности изъ права овладѣнія отвергается во имя принадлежащаго всѣмъ людямъ права получить одинаковое съ другими количество матеріи для удовлетворенія своихъ потребностей. Но такое право есть чистый вымыселъ. Изъ свободы оно вовсе не вытекаетъ. Свобода даетъ человѣку только право пріобрѣтать все, что угодно, не нарушая чужой свободы и чужаго права; но она не уполномочиваетъ его требовать отъ другихъ какое бы то ни было количество матеріи для удовлетворенія своихъ потребностей, и еще менѣе количество равное тому, которымъ они сами владѣютъ. Если, напримѣръ, въ обществѣ рыболововъ, одинъ поймалъ извѣстное количество рыбы, то другой, ссылаясь на то, что онъ свободное существо, не имѣетъ никакого права требовать, чтобы и у него было совершенно такое же количество рыбы. Столь же мало имѣетъ кто либо право требовать, во имя своей свободы, чтобы ему даны были орудія производства. Рождающійся въ обществѣ рыболововъ не можетъ требовать, чтобы ему при рожденіи былъ данъ неводъ, съ тѣмъ, что если онъ впослѣдствіи получитъ другой неводъ по наслѣдству, то ему предоставленъ будетъ выборъ между обоими. Такое право ни въ какомъ обществѣ никогда не обезпечивалось и не обезпечивается другими членами. Если въ приведенномъ Прудономъ примѣрѣ, сто тысячъ человѣкъ совокупными силами занимаютъ извѣстное пространство земли, то они, безъ сомнѣнія, вольны раздѣлить его поровну; но они въ правѣ подѣлить его и всякимъ другимъ способомъ: это зависитъ отъ взаимнаго соглашенія. Вновь же прибывающіе члены не имѣютъ ни малѣйшаго права требовать, чтобы имъ была удѣлена такая же доля, какъ и первымъ обладателямъ. Тѣ имѣли полное пра-

во распоряжаться землею по своему усмотрѣнію, потому что въ то время земля не принадлежала никому; но какъ скоро она усвоена, такъ никто не имѣетъ на нее права, помимо воли владѣльцевъ. Вновь нарождающіеся члены получаютъ только наслѣдіе своихъ предшественниковъ. Не во имя свободы и не во имя какого бы то ни было права, а во имя равенства состояній можетъ быть предъявлено подобное требованіе. Но равенство состояній, которое во всемъ этомъ имѣетъ въ виду Прудонъ, вовсе не есть указанный Провидѣніемъ образецъ, который человѣкъ обязанъ осуществить, какъ утверждаетъ знаменитый софистъ (тамъ же); это не болѣе какъ фантазія мечтателей, идущая наперекоръ и требованіямъ разума, и даннымъ опыта, и природѣ человѣка. Но только оно не вытекаетъ изъ свободы, но оно ведетъ къ полному ея уничтоженію. «Устройте все такъ, чтобы средства работы были всегда равны, и чтобы каждый былъ свободенъ, говоритъ Прудонъ, и общество будетъ совершенно». Это все равно, что если бы кто сказалъ: «устройте все такъ, чтобы дважды два было имѣетъ и четыре и пятьдесятъ милліоновъ, и математика будетъ совершенною наукою».

Ниже мы поговоримъ объ этомъ подробнѣе; но здѣсь уже можно указать, какія изъ этого начала вытекаютъ послѣдствія для свободы человѣка въ приложеніи къ собственности. Если каждый членъ общества имѣетъ равное съ другими право на всякую частицу матеріи, и это право обезпечивается ему всѣми другими, то очевидно, никто не имѣетъ особеннаго права ни на что: все принадлежитъ всѣмъ. Общество, какъ цѣлое, становится единственнымъ обладателемъ всѣхъ вещей, а личность и ея свобода превращаются въ призракъ. Это и есть то заключеніе, которое логически выводитъ Прудонъ. «Если я ссылаюсь на право овладѣнія, говоритъ онъ, то общество можетъ мнѣ отвѣчать: я овладѣваю прежде тебя». И далѣе: «всякій, слѣдовательно, владѣлецъ, необходимо есть только пользователь, качество, исключающее собственность. Право же пользователя таково: онъ отвѣтственъ за вѣренную ему вещь; онъ обязанъ ее употреблять сообразно съ общею выгодою, въ видахъ сохраненія и улучшенія вещи; онъ не властенъ ее измѣнить, уменьшить, или исказить; онъ не можетъ раздѣлить пользованіе, такъ чтобы другой употреблялъ вещь, а самъ онъ получалъ отъ нея продуктъ; однимъ словомъ, пользователь поставленъ подъ наблюденіе общества, подчиненъ условію работы и закону равенства. Этимъ уничтожает-

ся римское опредѣленіе собственности: **право употреблять и злоупотреблять**, безнравственное начало, порожденное насиліемъ, самое чудовищное притязаніе, которое когда либо освящали гражданскіе законы. Человѣкъ получаетъ свое пользованіе изъ рукъ общества, которое одно владѣетъ постояннымъ образомъ: лицо исчезаетъ, общество не умираетъ никогда» (ch. II, § 3).

«Какое глубокое омерзеніе охватываетъ мою душу, прибавляетъ Прудонъ, когда приходится доказывать такія пошлыя истины!» То, что Прудону представляется пошлою истиною, въ дѣйствительности есть коренная ложь. Это ни болѣе, ни менѣе, какъ полное уничтоженіе человѣческой свободы; ибо тамъ, гдѣ нѣтъ права употреблять и злоупотреблять, гдѣ я не могу сдѣлать ни шага, не давая отчета обществу и не получивши разрѣшенія, тамъ очевидно о свободѣ не можетъ быть рѣчи. Свобода превращается въ пустой звукъ, или становится личиною, прикрывающею рабство. И эти требованія прилагаются не къ тому или другому виду имущества, а ко всякой частичкѣ матеріи, состоящей во владѣніи человѣка! Когда же мы вспомнимъ, что исходною точкою всей этой аргументаціи служитъ человѣческая свобода, то чудовищность заключающагося въ ней противорѣчія выступаетъ во всей своей наготѣ.

Что же это однако за общество, изъ рукъ котораго лице получаетъ свое владѣніе? Какое право имѣетъ оно на вещь? Оказывается, что общество столь же мало собственникъ, какъ и отдѣльное лице, и опять въ силу тѣхъ же началъ. «Кто имѣетъ право продавать землю? спрашиваетъ Прудонъ. Если-бы даже народъ былъ собственникомъ земли, развѣ настоящее поколѣніе можетъ лишить владѣнія завтрашнее? Народъ владѣетъ на правѣ пользованія; правительство управляетъ, надзираетъ, охраняетъ, совершаетъ дѣйствія распредѣляющей правды; если оно уступаетъ земли, оно можетъ уступить ихъ единственно на правѣ пользованія; оно не имѣетъ права продавать и отчуждать что бы то ни было. Не будучи собственникомъ, какъ можетъ оно передать собственность?» (ch. III, § 4).

И не только во имя правъ будущихъ поколѣній, но и во имя правъ, принадлежащихъ другимъ народамъ, Прудонъ отрицаетъ право собственности каждаго отдѣльнаго народа на занимаемую имъ территорію. Въ самомъ дѣлѣ, если лице не имѣетъ права присвоить себѣ что бы то ни было, вслѣдствіе того, что на каждую частичку матеріи имѣютъ одинакое право всѣ существующіе и имѣющіе ро-

диться люди, то право присвоенія столь же мало можетъ принадлежать отдѣльному обществу. Ибо на какомъ основаніи скажетъ оно: «это мое», и исключитъ всѣ остальныя? Съ своею строгою логикою, Прудонъ ясно видѣлъ это послѣдствіе и прямо его высказалъ. «Франція, какъ одинъ человѣкъ, говоритъ онъ, владѣетъ территоріею, которою она пользуется; она не собственникъ этой территоріи. Отношенія народовъ таковы же, какъ и отношенія отдѣльныхъ лицъ: они пользуются и работаютъ; только злоупотребленіемъ языка имъ приписывается собственность земли.... Поэтому тотъ, кто желая объяснить, какимъ образомъ происходитъ собственность, начинаетъ съ предположенія, что народъ есть собственникъ, впадаетъ въ софизмъ, называемый ложнымъ основаніемъ (petitio principii); съ этой минуты, вся его аргументація разрушена» (Тамъ же).

Но если народъ не болѣе какъ пользователь, то ему принадлежатъ совершенно такія же права, какъ и отдѣльнымъ лицамъ, и тогда не видать, въ силу чего ему приписывается какая бы то ни была власть надъ послѣдними. Въ такомъ случаѣ, если общество обращается къ лицу съ требованіемъ отчета, послѣднее, держась теоріи Прудона, въ правѣ отвѣчать ему: «покажите мнѣ настоящаго собственника, и я дамъ ему отчетъ, а вы что такое? Вы имѣете на это пространство земли совершенно такое же право, какъ и я. Если вы дѣйствительно пользователь, то вы потеряли это право, ибо нарушили всѣ условія. Пользователь есть самъ подотчетное лице; онъ не имѣетъ права передать пользованіе другому; онъ долженъ самъ работать и подчиненъ закону равенства. Между тѣмъ, пользуюсь я, работаю я, о вашей отчетности нѣтъ и рѣчи, о равномъ пользованіи всѣхъ народовъ на землѣ еще менѣе. Во имя чего же вы присвоиваете себѣ надо мною власть?» Когда же общество обратится къ лицу съ требованіемъ, чтобы оно стѣснилось для вновь нарождающихся поколѣній, лице можетъ возразить, что это требованіе основано именно на томъ началѣ, которое отвергается. Тутъ предполагается, что въ силу овладѣнія, на это пространство земли имѣютъ право только члены этого общества и никто другой, и наоборотъ, что вновь нарождающіеся члены этого общества имѣютъ право единственно на это пространство и ни на что другое. Между тѣмъ, если овладѣніе не имѣетъ никакого юридическаго значенія, если общества находятся между собою совершенно въ такихъ

же отношеніяхъ, какъ и отдѣльныя лица, то есть, если всѣ одинаково имѣютъ право на все, то въ основаніе расчета слѣдуетъ положить не количество жителей извѣстной страны, а количество жителей на всемъ земномъ шарѣ; между ними надобно поровну подѣлить все земное пространство. Лице, къ которому общество обращается съ подобнымъ требованіемъ, въ правѣ отвѣчать, что на земномъ шарѣ еще много пустыхъ пространствъ, и что во всякомъ случаѣ надобно доказать, что вновь нарождающіеся члены имѣютъ право на такое количество, а не на другое. Наконецъ, и этотъ математическій расчетъ окажется несостоятельнымъ, ибо очевидно, что дѣло не въ одномъ количествѣ, а еще болѣе въ качествѣ. Громадныя пространства сѣверныхъ тундръ можно охотно промѣнять на нѣсколько удобныхъ десятинъ подъ небомъ Италіи. Если все одинаково принадлежитъ всѣмъ и законъ равенства для всѣхъ обязателенъ, то Лапландцы могутъ предъявить свои требованія: «берите, если хотите, наши безконечныя тундры, а намъ дайте земли около Неаполитанскаго залива!»

Ясно, что принятое Прудономъ начало разрушается собственною нелѣпостью. Иначе и не можетъ быть, ибо оно основано на полнѣйшей путаницѣ понятій. Тутъ смѣшивается право пріобрѣтать съ правомъ имѣть. Изъ свободы человѣка вытекаетъ только право пріобрѣтать, не нарушая чужой свободы, и это право не имѣетъ иныхъ границъ, кромѣ самой свободы. Но для того чтобы имѣть, надобно пріобрѣсти. Всякій имѣетъ право на то, что онъ пріобрѣлъ, но никто не имѣетъ право на то, что пріобрѣтено другими. Овладѣніе есть первоначальный способъ пріобрѣтенія; этимъ вещь ставится въ зависимость отъ человѣка. На основаніи закона права, всякій имѣетъ право овладѣть вещью, которая не усвоена никѣмъ, но никто не имѣетъ права овладѣть вещью, которая находится уже въ чужомъ владѣніи. Это—чисто математическое послѣдствіе, вытекающее изъ началъ свободы и права.

Не ставится ли однако черезъ это и право и все человѣческое благосостояніе въ зависимость отъ чистой случайности? Не создается ли несправедливая привилегія однихъ передъ другими?

Случайность, отъ которой зависитъ размѣръ собственности, ничто иное какъ человѣческая свобода, составляющая источникъ всякаго права и всякаго благосостоянія. Привилегіи здѣсь не дается никакой, ибо законъ равно распространяется на всѣхъ: всѣ одинаково имѣютъ

право овладѣвать тѣмъ, что никому не принадлежитъ, и никто не имѣетъ права овладѣвать тѣмъ, что принадлежитъ другому. Но именно въ силу этого, первый овладѣвающій имѣетъ преимущество передъ всѣми другими. Это преимущество состоитъ въ томъ, что онъ одинъ поступаетъ согласно съ правомъ, а всякій другой, кто придетъ послѣ него, не можетъ овладѣть вещью иначе, какъ нарушая право.

Если же мы отъ этой чисто индивидуалистической точки зрѣнія, отправляющейся отъ свободы лица, возвысимся къ точкѣ зрѣнія общечеловѣческой, то и здѣсь мы увидимъ подтвержденіе того же начала. Кому по справедливости должно принадлежать первоначальное пользованіе тою или другою силою природы? Очевидно тому, кто первый покорилъ ее человѣку. Для всѣхъ остальныхъ, это пользованіе можетъ быть только производное; оно можетъ пріобрѣтаться не иначе, какъ черезъ посредство воли перваго владѣльца. Нарушеніе этого порядка есть не право, а насиліе. Съ какого бы, слѣдовательно, конца мы ни начали, всюду требованія справедливости оказываются одни и тѣже [1]).

---

[1]) Изъ сказаннаго видно, какое значеніе имѣютъ возраженія, которыя дѣлаетъ Ланге противъ теоріи овладѣнія, выведенной Кантомъ (die Arbeiterfrage 4-е изд. 1879 стр. 268 и слѣд.). Кантъ видѣлъ существенный моментъ усвоенія вещей въ личной волѣ налагаемой на вещь, ибо только предшествуя другой, личная воля дѣйствуетъ сообразно съ закономъ права, воспрещающимъ нарушеніе чужой свободы (Rechtslehre § 14). Противъ этого Ланге возражаетъ, что „ultima ratio логики того философа, который вѣчный миръ сдѣлалъ любимымъ предметомъ своего мышленія, суть—*пушки*. Иными словами: частное право основанное на личной собственности, есть въ принципѣ *право кулака;* только для избѣжанія войны сильнѣйшій прямо признается таковымъ" (Arbeiterfrage, стр. 271). И такъ, усвоивая себѣ никому не принадлежащую вещь, я долженъ употребить пушки! Противъ кого же? Развѣ противъ дикихъ звѣрей? Конечно, я могу быть вынужденнымъ прибѣгнуть къ кулаку и противъ человѣка, именно въ случаѣ, если онъ нарушаетъ мое право: но это будетъ правомѣрная защита, вызванная тѣмъ, что другой употребляетъ противъ меня кулакъ. Принужденіе, какъ отраженіе чужаго насилія, составляетъ существенную принадлежность всякаго права. Ланге очевидно не понялъ мысли Канта или истолковалъ ее криво. Что же онъ противопоставляетъ теоріи великаго нѣмецкаго философа? „Первоначальное право всѣхъ естественныхъ существъ (Naturwesen), говоритъ онъ, есть право самоутвержденія въ борьбѣ за существованіе и въ борьбѣ за преимущественное положеніе. Это право приноситъ съ собою на свѣтъ и человѣкъ, какъ естественное существо, и никто не можетъ у него его отнять, не давши ему въ замѣнъ высшее и лучшее право. Если послѣднее исчезаетъ или извращаетъ свою природу въ противоположное, то возстановляется опять прирожденное право безграничнаго самоутвержденія" (стр. 276). Очевидно, что отвергая мнимое кулачное право, которое онъ почему-то увидѣлъ у Канта, Ланге самъ въ основаніе своей теоріи

Въ результатѣ мы должны сказать, что овладѣніе составляетъ совершенно законный способъ пріобрѣтенія собственности, способъ, вытекающій изъ коренныхъ началъ права. Но этотъ способъ одинаково приложимъ и къ частной собственности и къ общественной. Ибо, если отдѣльное лицо имѣетъ право овладѣть никому не принадлежащею вещью, то и цѣлое общество, совокупными силами, можетъ занять вещи и земли никому не принадлежащія. Въ послѣднемъ случаѣ, отдѣльныя лица будутъ пользоваться тѣми правами, которыя будутъ предоставлены имъ обществомъ. Фактически, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ недвижимой собственности, общественное владѣніе предшествовало частному, ибо лице, какъ уже было замѣчено выше, сначала погружено въ общую субстанцію; только мало по малу человѣкъ сознаетъ себя самостоятельною и свободною единицею. Вслѣдствіе этого, процессъ индивидуализаціи собственности является плодомъ историческаго развитія. Говоря о свободѣ, мы уже замѣтили, что то, что лежитъ въ природѣ развивающагося существа, не вдругъ проявляется наружу, а составляетъ результатъ развитія. Однако уже въ первоначальномъ занятіи совокупными силами скрывается личное начало, ибо совокупная воля имѣетъ свой корень въ личной. Въ дѣйствительности,

---

кладетъ голое право кулака. Но такое право есть чистая фикція. Какъ естественное существо, человѣкъ не приноситъ съ собою никакого права по той простой причинѣ, что естественныя существа вообще никакими правами не облечены. О правахъ камней, растеній, животныхъ правовѣдѣніе ничего не знаетъ. Право есть духовное начало, которое принадлежитъ человѣку не какъ естественному, а какъ разумно-свободному существу. Какъ таковое, человѣкъ приноситъ съ собою на свѣтъ требованіе, чтобы уважали его свободу, но и онъ самъ обязанъ, въ свою очередь, уважать свободу другихъ. Таковъ основной законъ ума. Въ силу этого закона, онъ имѣетъ право налагать свою волю на вещи никому не принадлежащія, но не имѣетъ никакого права посягать на то, что принадлежитъ другимъ. Нарушеніе этого закона есть кулачное право, отраженіе же чужаго насилія есть правомѣрная защита. Со временъ Гоббеса и Спинозы, которые естественное право отожествляли съ естественною силою, эти начала выяснялись до очевидности. Ланге считается философомъ; онъ написалъ даже исторію матеріализма. Но до сознанія различія между кулакомъ и юридическимъ закономъ онъ, повидимому, не дошелъ. Послѣ этого нельзя удивляться тому, что онъ видитъ въ собственности „компромиссъ между разумомъ и животною хищностью людей“, и находитъ, что при этомъ воззрѣніи всѣ объясняется очень просто и легко (стр. 275). Дѣйствительно, при этомъ воззрѣніи все объясняется очень просто и легко. Только зачѣмъ уже тутъ примѣшивать разумъ? Во всемъ этомъ онъ ровно не при чемъ.

какъ мы видѣли, существуетъ только послѣдняя; общественная же воля образуется вслѣдствіе того, что отдѣльныя лица сознаютъ себя, какъ одно цѣлое. Поэтому, юридическое основаніе права занятія совокупными силами заключается въ правѣ каждаго отдѣльнаго лица присвоивать себѣ никому не принадлежащія вещи. Вслѣдствіе того же начала, какъ скоро лице, выдѣляясь изъ общей субстанціи, сознаетъ себя самостоятельною единицею, какъ скоро признается свобода со всѣми вытекающими изъ нея послѣдствіями, такъ общественная собственность уступаетъ мѣсто личной. Занятое совокупными силами, по общему рѣшенію, дѣлится между лицами, или же каждому предоставляется право усвоивать себѣ то, что не находится въ чужомъ владѣніи. Въ силу такого рѣшенія, доля каждаго становится неотъемлемымъ его достояніемъ.

«Общество, восклицаетъ Прудонъ, не имѣетъ права постановить такое рѣшеніе. Этимъ оно нарушаетъ права будущихъ поколѣній». Мы уже замѣтили, что такое возраженіе ничто иное какъ софизмъ. Будущія поколѣнія не имѣютъ иныхъ имущественныхъ правъ, кромѣ тѣхъ, которыя передаются имъ настоящими. Можетъ существовать законъ, установляющій извѣстный порядокъ перехода имущества на будущія времена; на основаніи этого закона, появляющійся на свѣтъ человѣкъ, уже по самому своему рожденію, пріобрѣтаетъ извѣстныя имущественныя права. Но вся сила этого закона зависитъ отъ воли существующаго поколѣнія, которое все таки является верховнымъ распорядителемъ своего имущества. Напротивъ, принявши теорію Прудона, мы должны придти къ заключенію, что верховнаго распорядителя имуществомъ нѣтъ и не можетъ быть. Самое человѣчество, по этой системѣ, еслибы оно имѣло волю, не могло бы распорядиться ничѣмъ, ибо на это нужно согласіе будущихъ, несуществующихъ еще поколѣній, которыхъ воля неизвѣстна. Если же верховное право не принадлежитъ никому, то нѣтъ и подчиненнаго права, которое заимствуетъ свою силу единственно отъ перваго. Въ такомъ случаѣ, никто не имѣетъ права не только овладѣть, но и владѣть чѣмъ бы то ни было. Въ самомъ дѣлѣ, въ силу чего могу я овладѣть или владѣть извѣстною вещью? Если въ силу своего права, то я являюсь верховнымъ распорядителемъ, или хозяиномъ; если въ силу права, предоставленнаго мнѣ другими, то другіе будутъ хозяева; если же права распоряжаться вещью не имѣютъ ни я, ни другіе, то это право вовсе не существу-

етъ, и тогда вещи юридически не могутъ находиться ни въ чьемъ владѣніи. Такимъ образомъ, я долженъ или признать, что никто, ни лице, ни общество, не имѣетъ права овладѣть чѣмъ бы то ни было, или я долженъ признать, что кто имѣетъ право овладѣть, тотъ имѣетъ право и распорядиться вещью. Если люди имѣютъ право совокупными силами овладѣть вещью, то тѣже люди или ихъ преемники имѣютъ несомнѣнное право совокупнымъ рѣшеніемъ раздѣлить эту вещь между собою, и это рѣшеніе будетъ совершенно законнымъ основаніемъ частной собственности.

Въ самомъ лицѣ существуетъ начало, которое неизбѣжно ведетъ къ этой индивидуализаціи собственности. Овладѣніе, какъ сказано, одинаково можетъ вести и къ частной и къ общественной собственности; но есть другой источникъ собственности, который носитъ на себѣ чисто личный характеръ. Этотъ источникъ есть трудъ. Мы приходимъ къ второй теоріи происхожденія собственности, къ теоріи труда.

Повидимому, не можетъ быть ничего проще и очевиднѣе правила, что плоды труда должны принадлежать тому, кто трудился. Это правило—не экономическое, какъ утверждаетъ Адольфъ Вагнеръ, а чисто юридическое, вытекающее изъ основнаго начала правды: каждому свое. Какъ свободное существо, я хозяинъ своихъ личныхъ силъ, а потому хозяинъ всего того, что пріобрѣтается дѣятельностью этихъ силъ. Фактически, эта теорія возникла вовсе не на экономической почвѣ. Ее развивалъ уже Локкъ, въ Опытѣ о гражданскомъ правительствѣ. Не смотря на нѣкоторыя произвольныя ограниченія, доводы его весьма убѣдительны; они могутъ считаться прочнымъ достояніемъ науки.

«Хотя земля и всѣ низшія творенія, говоритъ Локкъ, общи всѣмъ людямъ, однако каждый есть собственникъ своей особы: на нее никто не имѣетъ права, кромѣ его самого. Работа его тѣла и дѣло его рукъ, можно сказать, принадлежатъ собственно ему. Слѣдовательно, какую бы вещь онъ ни вывелъ изъ того состоянія, въ которое поставила ее природа, онъ связалъ съ нею свой трудъ, онъ присоединилъ къ ней нѣчто своего, а черезъ это онъ дѣлаетъ ее своею собственностью. Такъ какъ она выведена имъ изъ того состоянія, въ которое она поставлена природою, то съ нею, силою труда, соединено нѣчто исключающее общее право всѣхъ людей: ибо работа несомнѣнно составляетъ собственность работника, а потому никто не имѣетъ права на то, что работою соединено съ

вещью». Это относится къ землѣ, также какъ и къ движимымъ предметамъ. Человѣкъ своею работою выключаетъ ее изъ общаго употребленія. Для такого усвоенія, продолжаетъ Локкъ, вовсе не нужно согласіе всего человѣчества; еслибы оно требовалось, то люди умерли бы съ голоду среди изобилія. Богъ далъ міръ всѣмъ людямъ вообще, но онъ далъ его для употребленія трудолюбивыхъ и разумныхъ; трудъ составляетъ основаніе права. И въ этомъ нѣтъ ничего страннаго; ибо трудъ полагаетъ разницу въ цѣнности произведеній. Еслибы мы стали разбирать, что въ употребляемыхъ нами вещахъ составляетъ дѣло природы, а что дѣло труда, то мы пришли бы къ заключенію, что девяносто девять сотыхъ принадлежатъ послѣднему.

На основаніи этихъ началъ, Локкъ пытался опредѣлить самую мѣру собственности, однако неудачно, ибо границъ пріобрѣтаемому трудомъ положить невозможно: онѣ установляются единственно свободою. Аргументація его состоитъ въ томъ, что тотъ же самый законъ природы, который даетъ намъ собственность, опредѣляетъ ея границы. Человѣкъ въ правѣ усвоить себѣ столько земли, сколько онъ можетъ обработать, и столько движимыхъ предметовъ, сколько онъ можетъ употребить прежде, нежели они испортились. Ибо Богъ не далъ вещей человѣку, для того чтобы онъ ихъ портилъ. Этотъ положенный собственности предѣлъ, по мнѣнію Локка, могъ бы имѣть силу и теперь, еслибы изобрѣтеніе денегъ не дало возможности сохранять имущество безъ всякой порчи въ теченіи какого угодно времени. Отсюда произошло неравенство состояній (Глава V).

Эта фактическая невозможность сохранить указанную природою границу доказываетъ несостоятельность ограниченія. Самыя основанія вывода чисто произвольны, ибо если значительнѣйшая часть цѣнности вещей дается имъ трудомъ, то почему же работавшій не имѣетъ права предать ихъ порчѣ? Онъ только работалъ даромъ, а въ этомъ онъ вполнѣ хозяинъ. Возможность же безпредѣльнаго сохраненія вещей дѣлаетъ ограниченіе безполезнымъ. Потребности человѣка не имѣютъ границъ, и пріобрѣтенное трудомъ можетъ сохраняться, сколько угодно, для будущаго употребленія. Это служебное отношеніе вещей къ человѣческимъ нуждамъ увеличивается еще тѣмъ, что посредствомъ обмѣна, человѣкъ можетъ пріобрѣтать произведенія чужаго труда, и это достояніе столь же законно, какъ и первое, ибо источникъ у нихъ одинъ. Черезъ

это, соединеніе личнаго труда съ вещью изъ физическаго становится идеальнымъ, съ чѣмъ вмѣстѣ отпадаетъ всякая граница пріобрѣтенію. Первоначально, эта граница полагается трудомъ: человѣку принадлежитъ только то, что онъ самъ обработалъ; но такъ какъ трудъ можетъ накопляться въ неопредѣленныхъ размѣрахъ, и на произведенія труда могутъ пріобрѣтаться новые предметы, то ясно, что никакой границы тутъ положить невозможно.

Все это до такой степени очевидно, что трудно даже себѣ представить, какимъ образомъ можно отвергать происхожденіе собственности изъ труда. Однако и эта теорія встрѣчаетъ возраженія. Первое мѣсто въ ряду критиковъ опять принадлежитъ Прудону. Онъ пытался доказать, что трудъ не только фактически не служитъ основаніемъ собственности, но что онъ никогда не можетъ быть таковымъ.

Прежде всего, говоритъ онъ, трудъ предполагаетъ овладѣніе; если овладѣніе не можетъ сдѣлать вещь собственностью человѣка, то этого не можетъ сдѣлать и трудъ. Человѣкъ не создалъ матеріи, на которую онъ дѣйствуетъ; поэтому онъ не въ правѣ ее себѣ присвоить. Онъ можетъ быть только временнымъ ея владѣльцемъ или пользователемъ, подъ условіемъ труда. Такимъ образомъ, допустивши даже право собственности на произведенія труда, изъ него не вытекаетъ право собственности на орудія производства. «Есть тождество между солдатомъ, владѣющимъ своимъ оружіемъ, говоритъ Прудонъ, каменьщикомъ, владѣющимъ ввѣренными ему матеріалами, рыболовомъ, владѣющимъ водами, охотникомъ, владѣющимъ полями и лѣсами, и земледѣльцемъ, владѣющимъ землею: всѣ будутъ, если хотятъ, собственниками своихъ произведеній, никто изъ нихъ не есть собственникъ своихъ орудій. Право на произведенія—исключительное, право на орудія—общее» (Qu'est ce que la propriété, ch. III, § 4).

Этотъ доводъ доказываетъ слишкомъ много. Если матерія, на которую дѣйствуетъ человѣкъ, не можетъ быть усвоена никѣмъ, то это равно относится къ орудіямъ и къ произведеніямъ труда. Если я только временный владѣлецъ всякой частички матеріи, то я не въ правѣ употребить ее въ свою пользу. Охотникъ не въ правѣ ѣсть ту дичь, которую онъ застрѣлилъ, рыболовъ ту рыбу, которую онъ выловилъ. Я не могу даже коснуться частички матеріи безъ разрѣшенія настоящаго ея хозяина, то есть, создавшаго ее Бога, или же человѣческаго рода, настоящаго и будущаго, пред-

полагая, что Богъ далъ землю въ совокупное владѣніе человѣчества.

Очевидно, что принимая это начало, мы приходимъ къ нелѣпости. Въ дѣйствительности, матерія не составляетъ совокупной собственности человѣческаго рода; это—чистый миѳъ, принятый на вѣру тѣми, которые отвергаютъ самыя ясныя понятія, какъ предразсудки. Сама по себѣ, матерія не принадлежитъ никому; но она усвоивается всякимъ, кто налагаетъ на нее свою волю и соединяетъ съ нею свой трудъ. Человѣкъ не создаетъ матеріи и не въ силахъ ее уничтожить; онъ даетъ ей только форму, приспособленную къ его потребностямъ. А такъ какъ эта форма есть его созданіе, которое по этому самому ему принадлежитъ, то ему принадлежитъ и матерія, которой дана эта форма. И это одинаково относится къ произведеніямъ труда и къ орудіямъ производства, ибо орудіе производства само есть произведеніе труда. На какомъ основаніи возможно допустить право собственности рыболова на пойманную имъ рыбу и отрицать его право на сдѣланную имъ удочку? Ясно, что основанія нѣтъ никакого. Это—фраза, пущенная на вѣтеръ. Самая земля только посредствомъ труда обращается въ орудіе производства, и это признаетъ Прудонъ, когда онъ говоритъ, что люди, обрабатывающіе землю, «создаютъ производительную способность, которая прежде не существовала». Но, возражаетъ онъ, «эта способность можетъ быть создана только подъ условіемъ матеріи, составляющей ея поддержку.... Человѣкъ все создалъ, все, кромѣ самой матеріи». Матерія же не можетъ быть обращена въ собственность.

Матерія, какъ мы видѣли, не только можетъ, но и должна быть обращена въ собственность; ибо это—единственное средство сдѣлать ее полезною для человѣка. Усвоеніе производится тѣмъ, кто налагаетъ на нее свою волю и свой трудъ. Отсюда право овладѣнія и право труда. Послѣднее предполагаетъ первое, ибо не овладѣвши матеріею, невозможно приложить къ ней трудъ. Но право труда существуетъ и отдѣльно отъ права овладѣнія, ибо трудъ можетъ быть обращенъ на вещи, составляющія уже собственность другаго. Какимъ же образомъ прилагается здѣсь правило, что плоды труда должны составлять собственность работника?

Въ дѣйствительности этотъ вопросъ разрѣшается двоякимъ путемъ. Если работникъ нанимаетъ чужую землю или чужія орудія, то матеріальные плоды его труда остаются его собственностью, а онъ

хозяину платить за наемъ. Или же, земля и орудія остаются во владѣніи хозяина, а работникъ отдаетъ въ наймы свой трудъ и получаетъ за него вознагражденіе. Таково рѣшеніе, выработанное жизнью и признанное всѣмъ человѣчествомъ. Но Прудонъ находитъ, что оно противорѣчитъ принятому началу, въ силу котораго трудъ даетъ право собственности на матерію.

«Допустимъ, говоритъ онъ, что трудъ даетъ право собственности на матерію: отчего это начало не общее? Отчего выгода отъ этого воображаемаго закона, ограничиваясь меньшинствомъ, отрицается у массы рабочихъ?... Работа, нѣкогда столь плодотворная, сдѣлалась ли нынѣ безплодною? Отчего фермеръ не пріобрѣтаетъ болѣе своимъ трудомъ ту землю, которую трудъ нѣкогда пріобрѣлъ собственнику? Говорятъ, оттого что она уже усвоена. Это не отвѣтъ.... Фермеръ, улучшая землю, создалъ новую цѣнность собственности, слѣдовательно онъ имѣетъ право на извѣстную долю въ этой собственности.... Если же работникъ, прибавляющій къ цѣнности вещи, имѣетъ на нее право собственности, то и работникъ, поддерживающій эту цѣнность, пріобрѣтаетъ на нее тоже право. Ибо что значитъ поддерживать? Прибавлять безпрерывно, создавать постоянно.... Допуская, слѣдовательно, собственность, какъ разумное и законное начало, признавая наемъ земли справедливымъ и уравнительнымъ, я говорю, что обрабатывающій землю пріобрѣтаетъ собственность на томъ же самомъ основаніи, какъ и тотъ, который ее расчищаетъ или улучшаетъ.... И когда я говорю собственникъ, продолжаетъ Прудонъ, я не разумѣю только, подобно нашимъ экономистамъ-лицемѣрамъ, собственника своего жалованья, или своей заработной платы; я хочу сказать собственникъ созданной имъ цѣнности, изъ которой одинъ хозяинъ извлекаетъ выгоду» (ch. III, § 5).

Въ этомъ возраженіи забывается одно, именно, самое коренное начало права, въ силу котораго никто не имѣетъ права присвоивать себѣ то, что уже принадлежитъ другому. Я свободенъ пріобрѣтать своимъ трудомъ все, что мнѣ угодно, но не нарушая чужаго права. Поэтому, когда я обращаю свой трудъ на вещь, принадлежащую другому, я не могу дѣлать это иначе, какъ съ согласія хозяина, и отъ нашего соглашенія зависитъ размѣръ той пользы, которую я извлеку изъ своего труда. Я могу получить вознагражденіе за капитальное улучшеніе чужаго владѣнія, могу пріобрѣсти въ собственность произведенія, могу наконецъ получить плату за трудъ: права

собственности на самыя орудія производства я черезъ это не получу, ибо оно принадлежитъ уже другому. И когда Прудонъ утверждаетъ, что это вовсе не отвѣтъ, когда онъ экономистовъ обвиняетъ въ лицемѣріи, то онъ доказываетъ только, что самыя элементарныя понятія права остаются ему недоступными.

Чтобы устранить препятствіе, вытекающее изъ чужой собственности, надобно уничтожить самое начало собственности. Между тѣмъ, это начало не только не уничтожается, а напротивъ утверждается, когда мы признаемъ, что фермеръ пріобрѣтаетъ право на произведенія своего хозяйства, а работникъ на заработную плату. Пріобрѣтенное этимъ путемъ составляетъ неотъемлемое ихъ достояніе, съ исключеніемъ всѣхъ другихъ, и всякій другой можетъ наложить руку на эти предметы не иначе какъ съ согласія владѣльцевъ. «Эта цѣна недостаточна, говоритъ Прудонъ: трудъ рабочихъ создалъ цѣнность, слѣдовательно, эта цѣнность составляетъ ихъ собственность. Они ея не продали, не обмѣняли, а вы, капиталисты, вы ея не пріобрѣли». Въ дѣйствительности, они ее продали и обмѣняли, а капиталистъ ее пріобрѣлъ. Допустимъ однако, что они взяли слишкомъ низкую цѣну; слѣдуетъ ли изъ этого, что полученное ими не составляетъ ихъ собственности? Кто можетъ требовать большаго, тотъ несомнѣнно имѣетъ право на меньшее. Какъ же скоро это допускается, такъ признается что трудъ составляетъ источникъ собственности, а вмѣстѣ съ тѣмъ признаются и всѣ вытекающія изъ собственности послѣдствія.

Чтобы выдти изъ этой дилеммы, надобно сдѣлать новый шагъ: надобно доказать, что самая заработная плата не составляетъ собственности работника. Съ своею неустрашимою логикою, Прудонъ не отступаетъ и передъ этимъ крайнимъ послѣдствіемъ своей теоріи. Право работника на произведенія своего труда допускалось единственно въ видахъ обличенія мнимыхъ противорѣчій, возникающихъ изъ приложенія этого начала. Собственная же мысль Прудона совершенно иная.

Онъ отправляется отъ критики предшествовавшихъ ему соціалистовъ, изъ которыхъ одни выставляли формулу: «каждому по способности и каждой способности по ея дѣламъ», другіе формулу: «каждому по его капиталу, труду и таланту». Изъ этихъ трехъ элементовъ, говоритъ онъ, прежде всего надобно вычеркнуть капиталъ. Онъ не имѣетъ права ни на какое вознагражденіе, ибо источникомъ собственности можетъ быть единственно трудъ. Капиталистъ, который вла-

дываетъ свой капиталъ въ извѣстное предпріятіе, можетъ требовать только, чтобы ему возвратили этотъ капиталъ, и больше ничего. Что же касается до труда, то вопросъ заключается въ томъ: имѣетъ ли работникъ право требовать вознагражденія соразмѣрнаго съ своимъ трудомъ? Ничуть. Какъ товарищи, работники всѣ равны, а потому всѣ должны получать одинакую плату. Каждый за свой трудъ получаетъ въ обмѣнъ произведенія другихъ, мѣняется же только равное на равное. Поэтому, еслибы кто произвелъ болѣе другихъ, то этотъ избытокъ не подлежитъ обмѣну и не имѣетъ вліянія на равенство вознагражденія. Самый этотъ избытокъ, при существующихъ условіяхъ, немыслимъ. Еслибы матерія, на которую можетъ дѣйствовать человѣкъ, обрѣталась въ неограниченномъ количествѣ, то каждый, сверхъ того, что̀ пускается въ обмѣнъ, могъ бы имѣть еще нѣчто для себя, и тогда, при общественномъ равенствѣ, возобновилось бы естественное неравенство. Но матерія находится въ ограниченномъ количествѣ, а потому каждому удѣляется только извѣстная ея часть, равная съ другими. Каждый работникъ получаетъ отъ общества извѣстный урокъ, который онъ обязанъ исполнить. Одинъ можетъ сдѣлать это въ большее время, другой въ меньшее, но плата для всѣхъ одинакова. Кто исполнилъ только половину, тотъ получаетъ половину вознагражденія. Если же неисполненная работа необходима для общества, то послѣднее принимаетъ свои мѣры. Конечно, оно не можетъ «употреблять чрезмѣрную строгость противъ отставшихъ», но «оно въ правѣ, въ интересахъ собственнаго существованія, смотрѣть, чтобы не было злоупотребленій» (ch. III, § 6).

Противъ этого возражаютъ, замѣчаетъ Прудонъ, что не всѣ работы одинаковы. Одинъ легче, другія труднѣе; одинъ требуютъ большаго умѣнія и таланта, другія меньшаго. А такъ какъ способности не одинаковы, то равенство необходимо исчезаетъ. Это возраженіе устраняется тѣмъ, что спеціальныя работы, вызываемыя разнообразіемъ нуждъ, требуютъ и спеціальныхъ способностей; вознагражденіе же для всѣхъ должно быть одинаково, ибо мѣновая цѣнность произведеній опредѣляется не внутреннимъ ихъ достоинствомъ, а единственно количествомъ положенной въ нихъ работы и сдѣланными для нихъ затратами. Если Иліада стоила автору тридцать лѣтъ работы и 10000 франковъ разныхъ издержекъ, то цѣна ея будетъ равняться тридцатилѣтнему жалованью обыкновеннаго рабочаго, съ прибавле-

ніемъ 10000 франковъ вознагражденія. Все остальное не касается промышленнаго обмѣна. Внутреннее достоинство поэмы—дѣло умственной оцѣнки, а не матеріальнаго вознагражденія. Мало того: талантъ, во имя котораго требуется высшее вознагражденіе, не составляетъ собственности человѣка: это—общественная собственность, за которую онъ не заплатилъ, и за которую онъ вѣчно остается должникомъ. Подобно тому какъ созданіе всякаго орудія производства является результатомъ совокупной силы, талантъ и знаніе въ человѣкѣ составляютъ произведеніе общаго разума и общей науки.... Въ человѣкѣ совмѣщаются свободный работникъ и накопленный общественный капиталъ: какъ работникъ, онъ приставленъ къ употребленію орудія, къ управленію машиною, которая есть его собственная способность; какъ капиталъ, онъ себѣ не принадлежитъ, онъ употребляется не для себя, а для другихъ.... Всякій производитель получаетъ воспитаніе, всякій работникъ есть извѣстный талантъ, извѣстная способность, то есть, общественная собственность, которой созданіе требовало однако различныхъ издержекъ.... Производящее усиліе и, если позволительно такъ выразиться, продолжительность общественной беременности пропорціональны высотѣ способностей.... Какова бы, слѣдовательно ни была способность человѣка, какъ только эта способность создана, такъ онъ себѣ не принадлежитъ; подобно матеріи, получающей свою форму отъ искусной руки, онъ имѣлъ возможность с д ѣ л а т ь с я: общество дало ему силу б ы т ь. Горшокъ скажетъ ли горшечнику: я есмь то, что я есмь, и не долженъ тебѣ ничего? Художникъ, ученый, поэтъ получаютъ справедливое вознагражденіе уже тѣмъ, что общество дозволяетъ имъ заниматься исключительно наукою и искусствомъ; такъ что въ дѣйствительности они работаютъ не для себя, а для общества, которое ихъ создало и которое избавляетъ ихъ отъ всякой другой работы» (ch. III, § 7).

Если такимъ образомъ самая производящая сила является созданіемъ общества и составляетъ его собственность, то тѣмъ болѣе ему принадлежатъ произведенія. «Потребленіе, говоритъ Прудонъ, дается каждому всѣми; по той же причинѣ производство каждаго предполагаетъ производство всѣхъ. Одно произведеніе не можетъ обойтись безъ другаго; оторванная отъ другихъ отрасль промышленности есть вещь невозможная... Но этотъ неопровержимый и неопровергаемый фактъ общаго участія всѣхъ въ каждомъ родѣ произведеній имѣетъ послѣдствіемъ то, что всѣ частныя произведенія ста-

новятся общими: такъ что на каждое произведеніе, выходящее изъ рукъ производителя, напередъ уже налагается запрещеніе во имя общества. Самъ производитель имѣетъ право на свое произведеніе только въ размѣрѣ доли, которой знаменатель равняется числу лицъ, составляющихъ общество. Правда, что въ замѣнъ этого, тотъ же самый производитель имѣетъ право на всѣ чужія произведенія, такъ что право залога принадлежитъ ему противъ всѣхъ, также какъ оно принадлежитъ всѣмъ противъ него; но развѣ не очевидно, что эта взаимность залога не только не допускаетъ собственности, но уничтожаетъ самое владѣніе? Работникъ даже не владѣлецъ своего произведенія; только что онъ его кончилъ, общество требуетъ его себѣ» (ch. III, § 8).

«Скажутъ, продолжаетъ Прудонъ, что еслибы это даже было такъ, еслибы произведеніе не принадлежало производителю, все таки, такъ какъ общество даетъ каждому работнику эквивалентъ его произведенія, то этотъ эквивалентъ, эта плата, эта награда, это жалованіе становится его собственностью. Станете ли вы отрицать, что эта собственность наконецъ законна? И если работникъ, вмѣсто того чтобы всецѣло потребить свое жалованіе, дѣлаетъ сбереженія, кто осмѣлится ихъ у него оспаривать?».—«Работникъ, отвѣчаетъ Прудонъ, не есть даже собственникъ платы за свой трудъ, онъ не можетъ ею безусловно распоряжаться. Не станемъ ослѣпляться ложною справедливостью: то, что дается работнику въ обмѣнъ за его произведеніе, дается ему не какъ награда за исполненную работу, а какъ авансъ для будущей работы. Мы потребляемъ прежде, нежели мы производимъ... Въ каждую минуту своей жизни, членъ общества забралъ уже впередъ съ своего текущаго счета; онъ умираетъ, не имѣвши возможности уплатить: какимъ образомъ могъ бы онъ составить себѣ сбереженіе?.. Выведемъ заключеніе: работникъ, въ отношеніи къ обществу, есть должникъ, который необходимо умираетъ неоплатнымъ, собственникъ есть невѣрный получатель, который отрицаетъ ввѣренную ему поклажу и хочетъ, чтобы ему платили за дни, мѣсяцы и годы его храненія». (Тамъ же).

Такова теорія Прудона. Въ ней, какъ видно, отрицаніе собственности полное и всецѣлое. Онъ не дѣлаетъ никакихъ оговорокъ; онъ не старается лицемѣрно прикрыть значеніе своей системы. На счетъ его мысли не остается ни малѣйшаго сомнѣнія. Поэтому, ко-

гда Шеффле и Вагнеръ утверждаютъ, что приписываемое соціализму нападеніе на всякую собственность, ничто иное какъ выдумка [1]), то въ этомъ можно видѣть лишь одинъ изъ тѣхъ не совсѣмъ научныхъ оборотовъ, посредствомъ которыхъ соціалисты каѳедры стараются умалить противообщественный характеръ своего ученія. Въ дѣйствительности, отрицаніе собственности составляетъ самую сущность соціализма. Всякій соціалистъ, который понимаетъ, что онъ говоритъ, непремѣнно къ этому приходитъ. У Прудона это отрицаніе доводится до самыхъ крайнихъ своихъ послѣдствій и возводится къ самому источнику: человѣкъ не можетъ имѣть собственности, потому что онъ самъ себѣ не принадлежитъ. Онъ—созданіе общества, обязанное трудиться для своего создателя; онъ даже менѣе чѣмъ рабъ, онъ вещь, онъ горшокъ въ рукахъ горшечника. При такомъ взглядѣ, конечно, о собственности не можетъ быть рѣчи; но вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ быть рѣчи и о свободѣ. Когда Прудонъ въ лицѣ человѣка различаетъ двоякій элементъ: созданный обществомъ капиталъ и свободнаго работника, приставленнаго къ этому капиталу, то слово свободный является здѣсь только какъ остатокъ старинныхъ предразсудковъ, который вовсе не вяжется съ основаніями системы. Ибо въ чемъ состоитъ свобода этого приставленнаго къ капиталу работника? Онъ ежедневно получаетъ отъ общества извѣстный урокъ, который онъ обязанъ исполнить, и общество смотритъ за тѣмъ, чтобы урокъ былъ сдѣланъ, ибо онъ не только нуженъ для удовлетворенія общественныхъ потребностей, но онъ составляетъ плату за сдѣланные обществомъ авансы. Работникъ работаетъ не для себя, а для общества, въ отношеніи къ которому онъ состоитъ въ неоплатномъ долгу. Внѣ заданнаго урока онъ не въ правѣ ничего дѣлать, и если это ему разрѣшается, то не иначе какъ въ видѣ милости. Гдѣ же тутъ свобода? Самое раздѣленіе души человѣческой на два элемента ничто иное какъ призракъ: силы и способности человѣка суть проявленія собственной его личности, которая безъ нихъ остается пустымъ отвлеченіемъ; если эти силы и способности принадлежатъ другому, то и самая личность составляетъ чужую собственность.

При такомъ взглядѣ не слѣдуетъ говорить и о равенствѣ.

---

[1]) Bau und Leben des socialen Körpers III. стр. 383; Lehrb. d. Pol. Ock. Grundl. Reg. стр. 456 пр.

Горшечникъ дѣлаетъ разнаго объема и формы горшки; зачѣмъ же онъ будетъ вливать въ нихъ одинакое содержаніе? Создавая различнаго рода капиталы, общество дѣлало на нихъ различныя затраты; на какомъ же основаніи требуется, чтобы при работѣ этихъ капиталовъ, производимые имъ авансы были непремѣнно одинаковы? Равными между собою могутъ считаться только самостоятельныя и свободныя лица; равенство же рабовъ состоитъ единственно въ томъ, что они одинаково безправны.

Не надобно говорить о равенствѣ и при обмѣнѣ произведеній. По теоріи Прудона, то, что получаетъ работникъ, не есть вознагражденіе за сдѣланное имъ сегодня, а авансъ подъ завтрашнюю работу, и авансъ, всегда превосходящій то, что онъ можетъ сдѣлать. Слѣдовательно, соразмѣрности между тѣмъ, что онъ сегодня отдаетъ и сегодня получаетъ, не можетъ быть никакой. Самый обмѣнъ превращается въ фикцію.

Не надобно наконецъ говорить и о томъ, что трудъ составляетъ единственный источникъ цѣнностей. Это положеніе имѣетъ смыслъ, только если мы признаемъ, что трудъ составляетъ источникъ собственности, и самъ Прудонъ выводитъ его изъ этого начала; какъ же скоро отвергается послѣднее, такъ отвергается и первое. Съ этой точки зрѣнія трудъ человѣка, также какъ работа вола или лошади, можетъ быть только источникомъ полезныхъ для хозяина перемѣнъ въ состояніи вещей. Большаго при такомъ воззрѣніи утверждать нельзя, и разницы между трудомъ и капиталомъ нѣтъ никакой.

Что же это однако за хозяинъ, которому принадлежитъ не только имущество, но и личность всѣхъ трудящихся на землѣ? что это за горшечникъ, создающій людей, подобно горшкамъ? Можно подумать, что дѣло идетъ о Божествѣ. Но къ удивленію, мы замѣчаемъ, что этотъ горшечникъ ничто иное какъ сами горшки. Они сами себя создаютъ, сами себя порабощаютъ, сами у себя находятся въ неоплатномъ долгу. Все это—чистая фантасмагорія, которою можно морочить только умственныхъ дѣтей. Въ дѣйствительной жизни ничего подобнаго никогда не было и не могло быть. Вся эта картина существуетъ только въ воображеніи мыслителя, который въ преслѣдованіи своей идеи не останавливается ни передъ какою нелѣпостью, но зато и не производитъ ничего, кромѣ нелѣпости. Собственность точно уничтожается этою теоріею; но вмѣстѣ съ нею уничтожается и человѣкъ. И во имя чего же? во имя самого человѣка, который

является собственнымъ своимъ рабомъ. Каждый имѣетъ право на личность и имущество всѣхъ другихъ; у каждаго, во имя этого права, отбираются произведенія его труда, какъ только они произведены; каждый, еще прежде нежели онъ началъ работать, состоитъ въ неоплатномъ долгу у всѣхъ и трудомъ всей своей жизни не въ состояніи уплатить этого долга. Рабство полное, но не въ силу чужаго, а въ силу собственнаго, принадлежащаго каждому человѣку права.

Но если эта теорія поражаетъ насъ своею неустрашимостью, то она не менѣе изумляетъ насъ своею неосновательностью. Въ самомъ дѣлѣ, изъ чего выводится право каждаго на произведенія всѣхъ другихъ? Изъ того, что каждая отрасль промышленности нуждается въ другихъ. Но развѣ изъ того, что люди нуждаются другъ въ другѣ, слѣдуетъ, что они имѣютъ право на чужія произведенія, прежде, нежели они ихъ пріобрѣли? Развѣ изъ субъективной потребности рождается какое бы то ни было право на чужую личность и на чужую вещь? Право надобно пріобрѣсти. Если я занимаюсь, напримѣръ, ткацкимъ производствомъ, я, безъ сомнѣнія, имѣю нужду и въ хлопкѣ и въ машинахъ; безъ того и другаго я не могу обойтись. Я хлопокъ выписываю изъ Америки, а машины изъ Англіи; но слѣдуетъ ли изъ этого, что я имѣю право на этотъ хлопокъ и на эти машины, прежде нежели я ихъ купилъ, и что Американцы и Англичане, съ своей стороны, имѣютъ такое же предварительное право на произведенія, которыя я могу дать имъ въ обмѣнъ? Ничуть. Хлопокъ и машины принадлежатъ исключительно Американцамъ и Англичанамъ, которые ихъ произвели, и ни я, ни кто либо другой не имѣетъ ни малѣйшаго права наложить на нихъ секвестръ. Когда же я купилъ эти произведенія, они принадлежатъ исключительно мнѣ, и никто не можетъ отнять ихъ у меня, не нарушая моего права. Они другому могутъ быть также нужны, какъ и мнѣ, даже болѣе, но изъ этого никакого права для него не вытекаетъ. Купилъ ихъ я, а не другой, слѣдовательно они принадлежатъ мнѣ, и никому другому.

Еще нелѣпѣе предположеніе, что всѣ люди находятся другъ у друга въ неоплатномъ долгу, и притомъ въ равной степени, ибо, по этой теоріи, всѣ получаютъ одинакій урокъ и одинакую плату. Взаимные долги ликвидируются, и никто другому не долженъ. Поэтому никто не имѣетъ ни малѣйшаго права наложить запретъ на чужія

произведенія и потребовать ихъ себѣ. Въ дѣйствительности, право вытекаетъ изъ свободы и не простирается далѣе свободы. Какъ свободное существо, человѣкъ имѣетъ прежде всего право располагать собою, своими силами и способностями, затѣмъ онъ имѣетъ право на все то, что пріобрѣтается свободнымъ употребленіемъ силъ и способностей, слѣдовательно и на произведенія своего труда; но онъ не имѣетъ никакого права на чужую свободу и на произведенія чужаго труда. Если же подобное право не принадлежитъ никому въ отдѣльности, то оно очевидно не можетъ принадлежать людямъ взаимно. Такое взаимное подчиненіе не только лишено всякаго основанія, но уничтожаетъ самую возможность права. Кто своимъ лицемъ и имуществомъ принадлежитъ не себѣ, а другому, тотъ не свободный человѣкъ, а рабъ; слѣдовательно, ему невозможно приписать никакихъ правъ, ибо права принадлежатъ только свободному лицу. Такимъ образомъ, эта теорія сама себя опровергаетъ.

Не такъ далеко какъ Прудонъ идутъ нѣмецкіе соціалисты. Они не утверждаютъ, что рабочій не можетъ быть собственникомъ того, что имъ заработано; но также какъ Прудонъ, они исходятъ отъ начала, что трудъ составляетъ единственный источникъ собственности и съ этой точки зрѣнія ведутъ войну противъ права собственности, въ томъ видѣ, какъ оно признается въ человѣческихъ обществахъ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчателенъ Родбертусъ, на доводы котораго новѣйшіе соціализирующіе экономисты указываютъ, какъ на образецъ мѣткой полемики [1]). Родбертусъ упрекаетъ въ неясности французскихъ соціалистовъ и требуетъ, чтобы формула Прудона: «собственность есть воровство», была замѣнена другою: «собственность должна быть защищена отъ воровства» [2]). Въ сущности однако, обѣ формулы сводятся къ тому же самому, ибо подъ воровствомъ, отъ котораго слѣдуетъ защищать собственность, Родбертусъ разумѣетъ именно то, что въ человѣческихъ обществахъ понимается подъ именемъ собственности. Всѣ свои доказательства Родбертусъ черпаетъ изъ Прудона, хотя и не указываетъ на своего предшественника, и если онъ въ своихъ выводахъ остается менѣе послѣдовательнымъ, то въ этомъ можно видѣть только недостатокъ логики.

Взглянемъ на его ученіе.

---

[1]) Ad. Wagner: Lehrbuch der Pol. Oek. Grundleg. стр. 473, примѣч. 2, стр. 484 пр. 12, стр. 511 пр. 1.

[2]) Zur Beleuchtung der socialen Frage, стр. 150.

Основное положеніе Родбертуса, изъ котораго выводится все остальное, состоитъ въ томъ, что въ хозяйственномъ смыслѣ одинъ трудъ есть производящая сила, ибо онъ одинъ принадлежитъ человѣку. Произведенія природы могутъ быть полезны человѣку, но хозяйственными благами они становятся единственно черезъ то, что на нихъ положенъ трудъ. Поэтому всѣ хозяйственныя блага должны разсматриваться какъ произведенія труда, и притомъ исключительно труда матеріальнаго. Хотя въ обществѣ необходимы и другаго рода услуги, нематеріальнаго свойства, но онѣ оплачиваются уже изъ произведеній матеріальнаго труда и не участвуютъ въ хозяйственномъ производствѣ. Земля и капиталъ суть дѣятели хозяйственнаго производства, но единственно потому что въ нихъ положенъ трудъ. Капиталъ, а также и земля, какъ носитель капитала, ничто иное какъ предшествующій трудъ, который участвуетъ въ новомъ производствѣ въ размѣрѣ своей траты. Производителенъ не только трудъ, употребляющій орудіе, но и трудъ, приготовлявшій орудіе; цѣнность этого труда опредѣляется его тратою [1]).

Эта производительная сила труда такъ велика, что при должномъ раздѣленіи занятій, работникъ производитъ гораздо болѣе, нежели нужно для его содержанія и для продолженія его работы. Отсюда избытокъ, которымъ могутъ жить и другіе. Но этотъ избытокъ, который составляетъ собственное произведеніе рабочихъ, въ дѣйствительности никогда имъ не принадлежитъ. Вслѣдствіе неправильнаго юридическаго порядка собственности, онъ присвоивается не имъ, а землевладѣльцамъ и капиталистамъ, которые берутъ себѣ все произведеніе рабочихъ и возвращаютъ имъ, въ видѣ заработной платы, только часть необходимую для ихъ пропитанія. Первоначально это дѣлалось съ помощью рабства; впослѣдствіи работники получили свободу, но такъ какъ они лишены всякихъ средствъ, такъ какъ земля и капиталъ присвоены другимъ, то они принуждены соглашаться на всякія условія и отдавать землевладѣльцамъ и капиталистамъ большую часть своихъ собственныхъ произведеній, съ тѣмъ чтобы получить отъ нихъ скудное содержаніе. Такимъ образомъ, доходъ такъ называемыхъ собственниковъ ничто иное какъ неправильно отнятое имущество рабочихъ (стр. 78—82, 87—88).

Такова теорія Родбертуса. Ясно, что она въ существѣ своемъ

---

[1]) Zur Beleuchtung der socialen Frage. стр. 68—72.

ничѣмъ не отличается отъ теоріи Прудона. Также какъ знаменитый французскій соціалистъ, Родбертусъ могъ бы взять себѣ девизомъ: «собственность есть воровство».

Ниже, когда мы перейдемъ къ разсмотрѣнію экономическихъ отношеній, мы подробно разберемъ ученіе, утверждающее, что трудъ есть единственный хозяйственный производитель. Здѣсь достаточно будетъ указать на противорѣчія, заключающіяся въ положеніяхъ Родбертуса въ приложеніи къ праву собственности. Онъ говоритъ, что трудъ производитъ болѣе, нежели нужно для содержанія работника; но почему же эта производительная сила приписывается единственно настоящему труду, а не предшествующему, положенному въ капиталъ? Почему послѣдній производитъ только цѣнность, равную своей тратѣ и ничего болѣе? Если мы взглянемъ на то, что совершается въ жизни, мы увидимъ, что этотъ избытокъ производится именно предшествующею, а не настоящею работою. Если ребенокъ при машинѣ можетъ сдѣлать въ десять разъ болѣе, нежели взрослый работникъ безъ машины, то кому принадлежитъ этотъ избытокъ: ребенку или машинѣ? Отвѣтъ не можетъ быть сомнителенъ. Самъ Родбертусъ признаетъ, что бо́льшая производительность труда имѣетъ духовное происхожденіе (стр. 210); какимъ же образомъ можно приписывать ее механической работѣ ребенка или кочегара? Мало того: если машина въ состояніи произвести только то, что требуется для ея возобновленія, то въ чемъ же будетъ состоять вознагражденіе работника, который ее дѣлалъ? Въ такомъ случаѣ онъ не только не получитъ отъ своей работы избытка, но онъ не получитъ даже и того, что нужно для его содержанія. Очевидно, что вознагражденіе работы, положенной на устройство орудій, можетъ состоять единственно въ избыткѣ, производимомъ работою этихъ орудій. Сама по себѣ, машина ни на что не нужна; вся цѣль положенной на нее работы заключается въ томъ избыткѣ, который она въ состояніи произвести своею работою. А потому невозможно утверждать, что работа орудій равняется ихъ тратѣ, и что когда владѣлецъ орудія беретъ больше, онъ неправильно присвоиваетъ себѣ произведенія употребляющаго орудіе работника. Получая избытокъ, владѣлецъ орудія беретъ только то, что принадлежитъ ему по праву, какъ произведеніе предшествующаго труда. Такимъ образомъ, вся теорія Родбертуса разрушается внутреннимъ противорѣчіемъ. Признавши даже, что трудъ

составляетъ единственный источникъ собственности, мы все таки логически не можемъ признать правильными его выводы, а приходимъ къ заключеніямъ совершенно противоположнымъ.

Но, говоритъ Родбертусъ, земля и орудія принадлежатъ вовсе не тѣмъ, которые положили въ нихъ свою работу, а совершенно другимъ людямъ, которые присвоили ихъ себѣ насиліемъ и неправдою. Противъ этого возражаютъ, что если въ неустроенныхъ обществахъ господствуютъ насиліе и неправда, то въ гражданскомъ порядкѣ, имущества, переходя изъ рукъ въ руки, достаются тѣмъ, которые пріобрѣтаютъ ихъ законнымъ путемъ, покупая ихъ на произведенія собственной дѣятельности. Даже тамъ, гдѣ нѣтъ никакого предшествующаго насилія, установляются тѣже отношенія капитала и собственности. Въ Америкѣ, говоритъ Тьеръ, противъ котораго полемизируетъ Родбертусъ, «трудъ составляетъ, повидимому, неоспоримое основаніе собственности, ибо колонисты, имѣющіе только свои руки, нѣсколько земледѣльческихъ орудій и на нѣсколько мѣсяцевъ провизій, привезенныхъ изъ Европы, приступаютъ къ дѣвственнымъ лѣсамъ, гдѣ обитаютъ лишь обезьяны, попуган, да змѣи» [1]). На это Родбертусъ отвѣчаетъ, что «собственныя руки поселенцевъ тутъ дѣло второстепенное. Только капиталъ, привезенный изъ старой Европы, даетъ имъ возможность обработывать землю собственными силами. Между тѣмъ, этотъ капиталъ самъ уже произошелъ изъ состоянія раздѣленія труда, состоянія издавна связаннаго съ системою вымогательства, которая искони предоставляла часть произведеній иным лицамъ, а не самимъ работникамъ». Собственность «уже очернена этимъ доходомъ, съ помощью котораго начинается работа». И все таки, продолжаетъ Родбертусъ, «когда расчищеніе совершено, американскій поселенецъ точно также нанимаетъ работниковъ, чтобы имѣть возможность правильно обработывать свой участокъ земли и даетъ имъ значительную часть ихъ собственныхъ произведеній въ видѣ платы, хотя конечно здѣсь поземельный собственникъ, будучи обыкновенно дѣйствительнымъ участникомъ въ трудѣ, долженъ разсматриваться и какъ дѣйствительный участникъ въ производствѣ жатвы. Пускай же г. Тьеръ, восклицаетъ Родбертусъ, очиститъ то патетическое *я*, на мѣсто котораго онъ себя ставитъ, отъ этого маленькаго капитала американ-

[1]) De la Propriété, L. I ch. 13.

скихъ поселенцевъ, или даже отъ «рабочаго дохода», способнаго купить уже совершенно обработанное владѣніе, далеко ли онъ уйдетъ одинъ въ очищеніи, огороженіи, орошеніи и сооруженіи построекъ?.. Уединенно работающій человѣкъ можетъ едва жить; въ крайнемъ случаѣ, онъ можетъ влачить свои годы въ скудномъ охотничьемъ быту; самъ по себѣ, онъ никогда не былъ въ состояніи обработать земельный участокъ и соорудить на немъ строенія; только общественный человѣкъ, живущій среди раздѣленія труда, совершилъ эти чудеса... Но развѣ раздѣленіе труда было слѣдствіемъ свободнаго соглашенія, въ которомъ условлена была общая обработка, установлена совокупная собственность, гдѣ наконецъ общее произведеніе, составляя принадлежность всѣхъ, дѣлилось между всѣми? Такое положеніе превосходило бы своею ложью даже то, что собственность земли и капитала основывается на трудѣ отдѣльнаго рабочаго. Какъ государству не можетъ предшествовать общественный договоръ, такъ и раздѣленіе труда никогда не могло быть произведеніемъ свободнаго соглашенія. То раздѣленіе труда, которое состоитъ въ обмѣнѣ излишняго, конечно является произведеніемъ личныхъ потребностей, ведущихъ къ договору мѣны. Но то раздѣленіе труда, которое имѣетъ хозяйственно-производящую природу, которое заключается въ сотрудничествѣ, которое одно составляетъ источникъ избытка дохода отъ раздѣленной работы, можетъ первоначально быть основано только на принужденіи и насиліи» (стр. 83—84).

Трудно въ немногихъ строкахъ соединить столько пустой декламаціи. Родбертусу указываютъ на происхожденіе собственности въ дикихъ лѣсахъ, онъ отвѣчаетъ, что это не примѣръ, ибо тотъ маленькій капиталъ, который привозитъ съ собою поселенецъ, уже «очищенъ» системою вымогательства, среди которой онъ возникъ. Но развѣ всякій капиталъ, образующійся на европейской почвѣ, непремѣнно является послѣдствіемъ вымогательства? Развѣ ученый, чиновникъ, священникъ, судья, телеграфистъ, кондукторъ, не могутъ накопить себѣ маленькое имущество и съ нимъ отправиться въ Америку? Вѣдь самъ Родбертусъ признаетъ, что они получаютъ справедливое вознагражденіе за свои услуги (стр. 75). Наконецъ, развѣ сами рабочіе не могутъ дѣлать сбереженій? Утверждать это значитъ намѣренно отрицать самые очевидные факты. Мы знаемъ, что рабочіе въ Англіи на свои сбереженія въ теченіи многихъ мѣсяцевъ под

держивают стачки; мы знаем, что они заводят всякаго рода товарищества; неужели же они не въ состояніи отправиться въ Америку и купить себѣ нѣсколько земледѣльческихъ орудій? Неужели мы должны сказать, что и этотъ маленькій капиталъ «очищенъ» вымогательствомъ, а потому не можетъ быть законнымъ источникомъ собственности? Если тутъ было вымогательство, то оно было обращено противъ нихъ. Положимъ, что они получили меньше, нежели слѣдовало, во всякомъ случаѣ это меньшее принадлежитъ имъ вполнѣ законнымъ образомъ. А потому ссылаться вообще на вымогательство значитъ наудачу пускать пыль въ глаза и прибѣгать къ декламаціи за недостаткомъ серіозныхъ доводовъ.

Такое же значеніе имѣетъ и другое возраженіе Родбертуса, будто собственникъ, очистившій первобытный лѣсъ, вымогаетъ что нибудь изъ рабочихъ, когда онъ нанимаетъ ихъ для обработки своего участка. Самъ Родбертусъ признаетъ, что онъ участвуетъ въ трудѣ, слѣдовательно и въ произведеніи. Очевидно, онъ долженъ быть вознагражденъ и за предшествующій трудъ, который онъ положилъ на расчищеніе лѣса; слѣдовательно, онъ долженъ получить больше другихъ. Какова будетъ доля каждаго, это зависитъ отъ соглашенія. Вымогательства тутъ нѣтъ никакого, ибо въ первобытныхъ лѣсахъ, гдѣ люди не имѣютъ никакой власти другъ надъ другомъ, никакого вымогательства быть не можетъ. Люди могутъ работать порознь или соединяться для общей работы, это зависитъ отъ ихъ доброй воли. Утверждать же, что только раздѣленіе труда можетъ дать избытокъ, и что это раздѣленіе непремѣнно должно состоять въ установленіи совокупной собственности и общаго раздѣла совокупныхъ произведеній, значитъ подставлять совершенно произвольныя понятія подъ всѣмъ извѣстную вещь. Когда земледѣлецъ обрабатываетъ землю, и рядомъ съ нимъ портной дѣлаетъ платье, а сапожникъ сапоги, и они обмѣниваются своими произведеніями, то это, безъ сомнѣнія, составляетъ хозяйственно-производительное раздѣленіе труда, увеличивающее количество и качество произведеній; они мѣняются не избыткомъ, а самыми необходимыми вещами; тѣмъ не менѣе, тутъ не установляется никакой совокупной собственности и никакого общаго дѣлежа. Даже тамъ, гдѣ люди соединяютъ свои силы для совокупной работы, вовсе не требуется общей собственности. Одинъ можетъ принести свои орудія, другой свои орудія и свой трудъ, третій просто свой трудъ,

и они дѣлятся полюбовно. Еще менѣе позволительно утверждать, что всякое соединеніе силъ и всякое раздѣленіе труда непремѣнно должны быть первоначально основаны на насиліи и принужденіи. Это можетъ быть вѣрно относительно первобытныхъ временъ и можетъ служить доказательствомъ развѣ только законности принужденія, а никакъ не незаконности собственности. Но здѣсь рѣчь идетъ вовсе не о первобытныхъ временахъ, а о колонизаціи ненаселенныхъ странъ, въ отношеній къ которымъ подобное утвержденіе идетъ опять же наперекоръвсѣмъ извѣстнымъ фактамъ. Колонизація и въ Америкѣ, и въ Австраліи и въ другихъ странахъ совершилась и совершается не путемъ насилія и принужденія, а свободною дѣятельностью поселенцевъ, которые или работаютъ отдѣльно, или добровольно соединяются вмѣстѣ, но въ обоихъ случаяхъ ничего не вымогаютъ другъ у друга, потому что они не въ состояніи ничего вымогать, а становятся законными владѣльцами пространства земли, завоеваннаго у природы ихъ усиліями и трудами, «куда топоръ, коса и соха ходили», по древне русскому выраженію.

И такъ, во всѣхъ этихъ возраженіяхъ Родбертуса нѣтъ даже и тѣни научнаго доказательства. Когда же эта декламація выставляется какъ образецъ мѣткой полемики, то опять нельзя не сказать, что въ соціалъ-политикѣ всего менѣе требуется связь понятій: нужна только тенденція.

Всего любопытнѣе то, что Родбертусъ, утверждая постоянно, что работнику дается только часть его произведеній, тогда какъ онъ имѣетъ право на все, вслѣдъ за тѣмъ доказываетъ, что «земля, капиталъ и непосредственное матеріальное произведеніе никогда не должны были и не должны принадлежать въ собственность рабочему», по крайней мѣрѣ при раздѣленіи труда, которое составляетъ источникъ всего общественнаго благосостоянія. «Я прошу васъ, говоритъ онъ, живо представить себѣ, мыслимо ли общество, въ которомъ при столь совершенно выработанномъ раздѣленіи труда, каково нынѣшнее, каждому работнику принадлежало бы въ собственность непосредственное матеріальное произведеніе его работы? Возьмите столь часто употребляемый примѣръ булавки. Прослѣдите ея производство, начиная отъ добыванія металла, отъ композиціи ея матеріала, отъ вытягиванія проволоки, отъ заостренія конца, отъ надѣванія головки, отъ накалыванія на бумагу, до перевозки къ тому, кто ее употребляетъ; не забудьте также разнообразныхъ машинъ и орудій,

которыя или употреблялись въ горномъ дѣлѣ или сопровождали булавку на каждой ступени ея производства; вспомните также, что и рабочіе, которые дѣлали и чинили эти орудія, суть участники въ производствѣ, а потому—еслибы вы хотѣли держатся правила, что рабочему должно принадлежать непосредственное, матеріальное произведеніе его работы,—что они должны быть признаны и участниками въ собственности; я спрашиваю васъ, какъ должна совершиться ликвидація всѣхъ этихъ притязаній на булавку, какъ должно дѣлиться совокупное произведеніе, какъ могло бы быть достигнуто такое соглашеніе между рабочими, какое предполагается такимъ совокупнымъ производствомъ? Нѣтъ такого сотвореннаго духа, который могъ бы найти дорогу черезъ всѣ эти осложненія и затрудненія, такъ что раздѣленіе труда, а съ нимъ и все великолѣпное зданіе цивилизаціи должно бы было пасть вслѣдствіе правила, что непосредственное матеріальное произведеніе работы должно принадлежать рабочему» (стр. 85).

Все это, безъ сомнѣнія, совершенно справедливо; но это доказываетъ только, что промышленное производство невозможно разсматривать, какъ совокупное цѣлое, которое затѣмъ подлежитъ дѣленію между производителями, какъ требуетъ Родбертусъ (стр. 27—28, 72—74). При настоящемъ устройствѣ промышленности, эта непреодолимая трудность устраняется весьма легко: каждый рабочій получаетъ вознагражденіе по мѣрѣ работы, на каждой ступени производства. Онъ не становится совмѣстнымъ собственникомъ произведенія, потому что за свое участіе въ немъ онъ получилъ уже плату. Но именно противъ этого возстаетъ Родбертусъ. При такомъ порядкѣ необходимо содѣйствіе капитала, а капиталъ, потребуетъ вознагражденія. Какъ же выдти изъ этого безвыходнаго положенія? Очень просто: узелъ не развязывается, а разрубается. Произведеніе отнимается у тѣхъ, кто участвовалъ въ производствѣ и присвоивается обществу, какъ цѣлому; затѣмъ послѣднее дастъ уже каждому вознагражденіе по своему усмотрѣнію (стр. 27—28, 86).

Какое же однако право имѣетъ общество на произведенія чужаго труда? Вѣдь общество состоитъ не изъ однихъ ручныхъ работниковъ, участвующихъ въ матеріальномъ производствѣ, но также и изъ множества другихъ лицъ, которыя хотя и оказываютъ ему услуги, но получаютъ за это совершенно особое вознагражденіе. Родбертусъ настаиваетъ на томъ, что производителенъ *одинъ* матеріальный трудъ, и что поэтому онъ одинъ имѣетъ право на произведенія;

остальные вознаграждаются уже изъ доходовъ производителей (стр. 75). Если же, рядомъ съ этимъ, онъ утверждаетъ, что совокупное произведеніе принадлежитъ не однимъ рабочимъ, которые участвовали въ немъ непосредственно, но и тѣмъ, которые дѣйствовали на почвѣ права и науки [1]), то онъ этимъ самымъ отрицаетъ собственное свое начало. Признавши, что производителемъ одинъ матеріальный трудъ, мы необходимо приходимъ къ заключенію, что произведеніе должно принадлежать исключительно людямъ, занятымъ матеріальнымъ трудомъ, и притомъ единственно тѣмъ, которые участвовали въ данномъ производствѣ. Изъ того, что трудно опредѣлить долю собственности каждаго участвовавшаго въ производствѣ булавки, вовсе не слѣдуетъ, что участвовавшіе въ производствѣ булавки имѣютъ право собственности на шелковыя ткани, въ производствѣ которыхъ они вовсе не участвовали. Приписывать имъ подобное право значитъ произвольно фантазировать, откинувъ уже всякія разумныя начала.

Если же рабочимъ логически не можетъ принадлежать право собственности на чужія произведенія, если самъ Родбертусъ отрицаетъ у нихъ это право, «какъ лично, такъ и въ совокупности», то на какомъ основаніи можно приписать это право обществу, какъ цѣлому, то есть государству? Въ отличіе отъ другихъ соціалистовъ, которые прикрываютъ неопредѣленность своихъ взглядовъ смутнымъ понятіемъ общества, Родбергусъ ясно сознаетъ, что право собственности на произведенія труда, а также власть распоряжаться этимъ трудомъ можно приписать только государству [2]), ибо государство есть именно общество, организованное какъ единое цѣлое, имѣющее волю, слѣдовательно и права. Между тѣмъ, никому еще не приходило въ голову утверждать, что государство работаетъ; если же оно не работаетъ, то по какому праву можетъ оно быть собственникомъ произведеній работы? Оно можетъ быть собственникомъ по праву овладѣнія, ибо оно можетъ налагать свою волю на внѣшніе предметы; оно можетъ быть собственникомъ тѣхъ цѣнностей, которыя, въ силу государственнаго права, выдѣляются изъ частнаго имущества на общественныя потребности; но на произведенія труда, какъ

---

[1]) Zur Erklärung und Abhülfe der heutigen Creditnoth des Grundbesitze (2-е изд. 1876). II. стр. 110 112.

[2]) Zur Erklärung etc. II, стр. XVII 121. 281, примѣч.

таковыя, оно не имѣетъ ни малѣйшаго права. А потому, если мы признаемъ, что трудъ составляетъ единственный источникъ собственности, то мы должны, вмѣстѣ съ тѣмъ, признать, что государство собственникомъ быть не можетъ. Можно говорить о народномъ трудѣ, но не надобно забывать, что это ничто иное какъ собирательное имя для обозначенія совокупности трудящихся единицъ. Трудится не народъ, какъ цѣлое, не государство, трудится отдѣльное лице, ибо трудъ состоитъ въ употребленіи личныхъ силъ и способностей. Люди могутъ, сколько угодно, соединять и раздѣлять свои силы, въ основаніи все таки лежитъ ихъ личная воля, по крайней мѣрѣ пока они признаются свободными лицами, а потому и вытекающее изъ этой воли право можетъ быть только личнымъ, а не общественнымъ правомъ.

«Но, скажутъ поклонники новѣйшихъ теорій, это—индивидуализмъ, а индивидуализмъ признается нынѣ никуда не годнымъ». Безъ сомнѣнія, индивидуализмъ! Но что же дѣлать, если трудъ есть индивидуальное начало, если свобода, изъ которой онъ вытекаетъ, есть индивидуальное начало, если право есть индивидуальное начало? Объявить индивидуализмъ никуда негоднымъ, видѣть въ людяхъ только атомы общества и государства [1]), значитъ отрицать свободу человѣка. Это и дѣлаютъ соціалисты, иные съ большею, другіе съ меньшею откровенностью. Излагая свои мечты о будущемъ устройствѣ человѣческаго рода, Родбертусъ указываетъ на примѣръ восточнаго деспота, «собственника земли и людей». Все производство въ его владѣніяхъ составляетъ только одно хозяйство, потому что все ему принадлежитъ. Вмѣсто этого деспота, говоритъ Родбертусъ, мы можемъ представить себѣ цѣлый народъ, который является совокупнымъ обладателемъ всего, предоставляя отдѣльнымъ лицамъ только право на доходъ съ своего труда. Этотъ заступившій мѣсто деспота свободный народъ «аналогическимъ образомъ руководилъ бы всѣмъ производствомъ страны черезъ посредство своего правительства и въ общемъ интересѣ, также какъ поземельный собственникъ или восточный владыка черезъ своихъ слугъ.... Хозяйственныя учрежденія въ такомъ состояніи имѣли бы, въ силу этой совокупной собственности, такой же надзоръ надъ народными потребностями и производительными средствами народа и такое же полновластное распоряженіе послѣдними, какъ органы древне-персид-

[1]) Zur Erklärung etc. II, стр. III, прим.

скаго деспота въ силу его личной собственности.... Въ силу этой совокупной собственности, всѣ частныя хозяйства составляли бы юридически одно народное хозяйство», которымъ управляла бы «одна, поставленная во главѣ и выработанная народомъ національно-экономическая воля» [1]).

И такъ, идеаломъ человѣчества представляется хозяйственное устройство подобное восточной деспотіи, гдѣ и земля и люди принадлежатъ одному владыкѣ! При этомъ говорить о свободѣ значитъ или вовсе не понимать, что говоришь, или намѣренно употреблять слова, лишенныя смысла. Отношенія членовъ къ цѣлому не могутъ быть одинаковы тамъ, гдѣ всѣ люди свободны и тамъ, гдѣ всѣ люди рабы. Слуги восточнаго деспота властны всѣмъ распоряжаться, потому все ему принадлежитъ, и земля и люди. Свободными же людьми, а равно и имуществомъ свободныхъ людей такъ распоряжаться нельзя. Свобода состоитъ именно въ томъ, что каждый самъ хозяинъ своего лица и имущества. Если уже мы рѣшаемся приписать обществу такую власть надъ членами, то надобно идти по стопамъ Прудона, и сказать, что человѣкъ самъ себѣ не принадлежитъ, что онъ созданіе общества и вѣчно обязанъ на него работать, потому что состоитъ у него въ неоплатномъ долгу; но тогда уже о правѣ собственности, проистекающемъ изъ труда, не можетъ быть рѣчи. Конечно, на пути нелѣпости можно остановиться гдѣ угодно; но послѣдовательность имѣетъ, по крайней мѣрѣ, ту выгоду, что не затмѣваетъ истину въ глазахъ людей, неспособныхъ разобрать связь понятій.

Такимъ образомъ, изъ того, что трудъ составляетъ источникъ собственности, вовсе не слѣдуетъ, что источникомъ собственности можетъ быть только настоящій физическій трудъ чернорабочихъ, которымъ поэтому должна принадлежать совокупность произведеній. Источникомъ собственности точно также становится трудъ, положенный въ землю и капиталъ. Этотъ трудъ даетъ право какъ на самую землю и капиталъ, съ которыми онъ связанъ, такъ и на произведенія, получаемыя съ помощью земли и капитала. Поэтому землевладѣлецъ и капиталистъ имѣютъ точно такое же право на произведенія, какъ и рабочіе, и весь вопросъ состоитъ въ томъ: чѣмъ опредѣляется доля каждаго? Этотъ вопросъ ставится Адольфомъ

[1]) Zur Erklärung etc. II, стр. 272—277.

Вагнеромъ, который, не смотря на похвалы, расточаемыя Родбертусу, не считаетъ однако возможнымъ держаться его теоріи. Не поставляя этотъ вопросъ, Вагнеръ объявляетъ его неразрѣшимымъ, и на этомъ основаніи, въ свою очередь, отвергаетъ теорію, признающую трудъ источникомъ собственности. Если бы, говоритъ онъ, существовалъ естественный способъ раздѣла произведеній, то на немъ можно было бы основать юридическій порядокъ собственности. Но такого естественнаго способа нѣтъ: въ дѣйствительности, раздѣлъ всегда зависитъ отъ существующаго юридическаго порядка; слѣдовательно, когда мы самый этотъ порядокъ хотимъ основать на способѣ раздѣленія произведеній, то мы вращаемся въ кругѣ. Юридическій же порядокъ не есть нѣчто вытекающее изъ природы человѣка; онъ представляетъ не болѣе какъ произведеніе свободной воли законодателя, который между прочимъ принимаетъ въ соображеніе и требованія труда, но руководствуется и разными другими побужденіями (Grundleg. стр. 484 — 5). Отсюда Вагнеръ выводитъ, что истинное основаніе собственности заключается не въ природѣ человѣка, не въ занятіи, не въ трудѣ, а въ измѣняющейся волѣ законодателя, вслѣдствіе чего и самый порядокъ собственности можетъ измѣняться, смотря по соображеніямъ, которыя имѣетъ въ виду законодатель (стр. 487—8).

Вся эта аргументація основана на путаницѣ понятій. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что естественнаго способа дѣлить произведенія не существуетъ. Какая доля дохода съ производства достанется землевладѣльцу, капиталисту и рабочимъ, это зависитъ отъ тысячи разнообразныхъ и измѣняющихся условій, которыя уловить невозможно. Одинъ разъ рабочему достается только скудная плата, а землевладѣлецъ или капиталистъ получитъ значительный барышъ съ произведеній; въ другой разъ рабочій получитъ хорошую плату, а землевладѣлецъ или капиталистъ понесетъ убытокъ. Но именно поэтому, юридическій порядокъ никогда и не беретъ на себя рѣшенія этого вопроса; теорія же, признающая трудъ основаніемъ собственности, вовсе и не требуетъ его разрѣшенія. Теорія труда утверждаетъ только, что пріобрѣтенное трудомъ составляетъ собственность того, кто работалъ, а пріобрѣлъ ли онъ больше или меньше, это до теоріи вовсе не касается. Съ своей стороны, юридическій порядокъ освящаетъ это начало, и этимъ онъ ограничивается. Спрашивается: есть ли признаніе этого начала дѣло законодательнаго произвола, или оно

вытекаетъ изъ вѣчныхъ требованій правды, слѣдовательно и природы человѣка?

На этотъ вопросъ Адольфъ Вагнеръ, на разстояніи нѣсколькихъ страницъ, даетъ два совершенно противоположныхъ отвѣта, изъ чего ясно, что онъ не выяснилъ себѣ, ни въ чемъ именно заключается вопросъ, ни каковы требованія правды, ни что такое природа человѣка. На стр. 472 онъ говоритъ, что теорія труда, также какъ и теорія овладѣнія, одинаковы въ томъ отношеніи, что обѣ хотятъ собственность, какъ юридическое установленіе, основать на простыхъ фактахъ, а это составляетъ ошибку въ самой точкѣ исхода, ибо фактъ становится правомъ единственно черезъ волю законодателя, который можетъ принять въ расчетъ тѣ или другія соображенія справедливости или цѣлесообразности. На страницѣ же 481 онъ говоритъ, что въ первобытныхъ отношеніяхъ, «постулатъ теоріи труда, въ силу котораго рабочій, посредствомъ работы, пріобрѣтаетъ право собственности на произведенія своего труда, вполнѣ справедливъ и собственно самъ собою разумѣется, или логически послѣдователенъ». Еще высшее значеніе онъ признаетъ за этимъ началомъ при осложненіи отношеній: чѣмъ болѣе трудъ становится первенствующимъ, «тѣмъ болѣе постулатъ теоріи труда, какъ важнѣйшій и правильнѣйшій въ сравненіи съ постулатомъ теоріи овладѣнія долженъ быть признанъ юридическимъ закономъ и получить преимущество, на основаніи справедливости къ работникамъ и цѣлесообразности въ интересѣ цѣлаго».

Но если юридическое присвоеніе трудящемуся того, что пріобрѣтено трудомъ, составляетъ требованіе справедливости, какъ въ первобытныхъ, такъ и въ болѣе сложныхъ отношеніяхъ, то никакъ нельзя сказать, что трудъ есть простой фактъ, изъ котораго ровно ничего не слѣдуетъ, и что отъ измѣняющейся воли законодателя зависитъ превратить или не превращать этотъ фактъ въ право. Изъ этого факта, въ силу природы человѣка, какъ свободнаго существа, вытекаетъ извѣстное требованіе, которое необходимо должно быть удовлетворено законодателемъ: если же законодатель не удовлетворяетъ его, то онъ нарушаетъ справедливость и посягаетъ на свободу человѣка. Поэтому, когда Вагнеръ единственное основаніе собственности видитъ въ измѣняющейся волѣ законодателя, когда онъ утверждаетъ, что «юридическій порядокъ не есть нѣчто сообразное съ природою и вытекающее изъ существа человѣка, изъ понятія о

личности, или изъ природы человѣческаго труда, а произведеніе свободной юридической дѣятельности», то онъ противорѣчитъ тому, что онъ самъ принужденъ допустить, и доказываетъ только, что гораздо труднѣе связать свою мысль въ одно цѣлое и возвести извѣстное учрежденіе къ его началу, нежели привести множество частныхъ соображеній, которымъ каждый можетъ придавать какой угодно вѣсъ и значеніе.

Безъ сомнѣнія, признанное разъ право собственности имѣетъ вліяніе и на дальнѣйшее распредѣленіе произведеній. Гдѣ нѣтъ собственности, тамъ и распредѣленія быть не можетъ; все сливается въ безразличный хаосъ. Какъ же скоро пріобрѣтенное каждымъ лицемъ имущество присвоивается исключительно ему, такъ изъ этого вытекаютъ извѣстныя, необходимыя отношенія между людьми. То, что сдѣлалось собственностью одного, не можетъ уже быть усвоено другимъ безъ согласія перваго; пріобрѣтенное трудомъ становится орудіемъ новаго производства, а потому источникомъ новаго дохода. Но все это опять не произвольныя установленія, не выраженіе измѣняющейся воли законодателя, а логически и юридически необходимыя послѣдствія права собственности. Можно ратовать противъ тѣхъ или другихъ историческихъ формъ, которыя принимаетъ это право въ своемъ развитіи, противъ стѣсненій, которымъ оно подвергается, но ратовать противъ юридическаго порядка, который не предполагаетъ ничего, кромѣ свободы и собственности, значитъ отвергать самыя основанія права. Здѣсь опять можно привести слова Аренса, въ ученіи котораго Вагнеръ видитъ высшій цвѣтъ философіи права. «Коренная ошибка всего этого воззрѣнія, говоритъ Аренсъ, которое видитъ источникъ собственности въ государствѣ, все равно, въ законѣ ли или въ государственномъ договорѣ, заключается въ томъ, что и въ этихъ вопросахъ право вообще выводится не изъ существа человѣческой личности и основныхъ ея отношеній къ природѣ, а изъ общественныхъ состояній, даже изъ положительнаго установленія государствомъ. Но такъ какъ человѣкъ черпаетъ свое право изъ своей Богомъ основанной личности и изъ своего назначенія, и пользуется своимъ правомъ всякій разъ какъ онъ дѣйствуетъ сообразно съ своимъ назначеніемъ, то онъ пользуется своимъ правомъ и тогда, когда онъ усвоиваетъ себѣ и обращаетъ въ свою собственность безличныя вещи, предназначенныя для употребленія человѣка. Общество, или государственный союзъ, въ который онъ вступаетъ или въ ко-

торомъ онъ находится, безъ сомнѣнія полагаетъ этой собственности извѣстныя границы, установляетъ разнообразныя опредѣленія въ виду общаго порядка, но основаніе и назначеніе собственности лежитъ въ отдѣльной личности, а такъ какъ государство не создаетъ личности и не имѣетъ права ее уничтожить, то оно не создаетъ и собственности и не имѣетъ права уничтожить собственность. Если же, напротивъ, собственность разсматривается, какъ государственное учрежденіе, то нельзя государству отказать въ правѣ ее уничтожить (Cujus est instituere, ejus est abrogare). Истинная теорія, которая вездѣ выставляетъ личность, какъ творческую, вѣчно дѣятельную, въ свободномъ самоопредѣленіи осуществляющуюся первобытную силу, лежащую въ основаніи всѣхъ общественныхъ и государственныхъ отношеній, одна въ состояніи обезпечить собственности независимое отъ государственныхъ установленій существованіе» (Naturrecht II, стр. 144—146).

Приводя эти слова, мы не хотимъ сказать, что собственность, какъ полежительное установленіе, существуетъ помимо закона. Но узаконяя собственность, также какъ и узаконяя свободу, государство освящаетъ только то, что вытекаетъ изъ природы человѣка и что составляетъ неизмѣнное требованіе правды. Въ этомъ смыслѣ, собственность есть краеугольный камень всего гражданскаго порядка. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы ни осложнялись общественныя отношенія, въ какое бы они ни слагались связное тѣло, они все таки исходятъ изъ лица и возвращаются къ лицу. Ибо свободная воля лица составляетъ источникъ всякой человѣческой дѣятельности, и въ лицѣ же заключается цѣль всего общественнаго устройства: имъ ощущается потребность и имъ же сознается и ощущается удовлетвореніе. А потому, въ устроеніи гражданскаго порядка всего важнѣе опредѣленіе того, что присвоивается лицу, что образуетъ законную область его дѣятельности, чѣмъ оно можетъ располагать по своему изволенію. Это и есть собственность. Въ ней лице находитъ и точку опоры, и орудія и цѣль для своей дѣятельности. Чѣмъ тверже эти точки опоры, это, такъ сказать, мѣсто сидѣнія лица, тѣмъ свободнѣе оно можетъ дѣйствовать, тѣмъ вѣрнѣе тѣ отношенія, въ которыя оно вступаетъ къ другимъ, тѣмъ крѣпче и самый основанный на этихъ отношеніяхъ порядокъ.

Отсюда проистекаетъ то первенствующее значеніе, которое всѣ законодательства придаютъ прочности права собственности. На этомъ

основана давность. Каково бы ни было происхожденіе собственности, какимъ бы путемъ она ни была пріобрѣтена, если она была въ теченіи извѣстнаго времени связана съ волею лица, если она составляла непарушимое его владѣніе, то она присвоивается ему окончательно, и никакія дальнѣйшія пререканія не допускаются. Иначе никто бы не могъ быть увѣренъ въ законности своего владѣнія, и всѣ отношенія собственности покоились бы на зыбкихъ основаніяхъ. Давность установлена именно вслѣдствіе того, что прочность собственности составляетъ первую потребность гражданскаго быта.

Наоборотъ, все что колеблетъ собственность, подрываетъ самыя основы гражданскаго порядка. Политическія революціи далеко не имѣютъ такого значенія. Онѣ касаются только вершины, оставляя непарушимыми всѣ безчисленныя нити, связывающія людей въ ихъ частныхъ отношеніяхъ. Но какъ скоро дѣло касается собственности, такъ все колеблется, такъ человѣкъ не можетъ уже быть увѣреннымъ ни въ чемъ, такъ онъ чувствуетъ, что посягаютъ на весь его личный міръ, на его свободу, на его дѣятельность, на его семью, на все, что ему дорого, на его прошедшее и будущее. Разлагаются первоначальные элементы общественнаго быта; всѣ безчисленныя отношенія, связывающія людей, разомъ порываются. Оттого общество трепещетъ за самое свое существованіе, какъ скоро поднимается такого рода вопросъ.

Изъ этого можно видѣть, какой страшный вредъ приносятъ соціалистическія ученія, подрывающія основанія собственности. Понятно еще, что фанатики, шарлатаны, крикотолки, софисты, взывая къ страстямъ народныхъ массъ, стараются увлечь ихъ за собою. Но когда такъ называемые соціалисты каѳедры, ученые люди, назначенные правительствомъ профессора университетовъ, проповѣдуютъ тѣже ученія или слабодушно вступаютъ съ ними въ компромиссы, внося смуту въ умы, колебля самыя твердыя и неоспоримыя начала общественнаго быта, то это указываютъ уже на глубокое умственное растлѣніе современнаго общества. Нужна вся вѣтреность, отличающая умственное движеніе нашего времени, чтобы сдѣлалось возможнымъ такого рода явленіе. Но если современная наука оказывается безсильною противъ явныхъ софизмовъ, то жизнь всегда будетъ представлять имъ самый надежный отпоръ. Гражданскій порядокъ весь зиждется на правѣ собственности и безъ

него обойтись не можетъ. Поэтому онъ всегда противопоставитъ крѣпкій оплотъ всякаго рода софистическимъ теоріямъ и разрушительнымъ стремленіямъ. За будущность человѣческихъ обществъ нечего опасаться: они въ своемъ движеніи управляются высшими, разумными законами; они идутъ впередъ, а не назадъ. Софистика же, не смотря на всю свою ярость, никогда не достигнетъ цѣли, ибо она разрушается собственнымъ внутреннимъ противорѣчіемъ.

Изложенными началами разрѣшается вопросъ: къ какой области права относится собственность, къ частному или къ публичному? Повидимому, это такой вопросъ, который вовсе даже не подлежитъ спору. Правовѣдѣніе, какъ древнее, такъ и новое, доселѣ единогласно признавало первое. Тѣмъ не менѣе, соціалисты и соціалъ-политики стараются установить иное воззрѣніе. Такъ, Вагнеръ утверждаетъ, что и свобода и собственность доселѣ слишкомъ односторонимъ образомъ разсматривались со стороны права, при чемъ упускались изъ виду сопряженныя съ ними обязанности. Съ признаніемъ же этой оборотной стороны обоихъ учрежденій, говоритъ онъ, теряется ихъ исключительно частный характеръ и они получаютъ характеръ общественный. Черезъ это собственность выходитъ изъ области чисто частнаго права и подводится подъ точку зрѣнія права публичнаго. Она становится тѣмъ, чѣмъ она должна быть: соціалъ-юридическимъ учрежденіемъ [1]).

Тотъ же взглядъ проводится и Іерингомъ. Какъ юристъ, онъ не рѣшается прямо сказать, что собственность есть учрежденіе публичнаго права; но господствовавшей доселѣ индивидуалистической теоріи собственности онъ противополагаетъ новую, общественную теорію, въ силу которой лице не имѣетъ ничего исключительно для себя, но вездѣ общество является участникомъ, охватывая лице со всѣхъ сторонъ и регламентируя всю его дѣятельность. Если отдѣльному лицу предоставляется свобода въ распоряженіи своимъ имуществомъ, то это происходитъ единственно оттого, что собственный его интересъ побуждаетъ его дѣлать изъ этого имущества употребленіе согласное съ общественною пользою; въ такомъ случаѣ общество не имѣетъ нужды вмѣшиваться. Но придетъ время, говоритъ Іерингъ, когда собственность получитъ совершенно иной видъ, нежели теперь, когда «мнимое право собственника набирать

[1]) Lehrbuch der P. Ock. Grundl. стр. 303, 501.

себѣ сколько угодно благъ этого міра будетъ столь же мало признаваться, какъ и право древне-римскаго отца на смерть и жизнь своихъ дѣтей, или какъ право войны и уличные грабежи рыцарей». Въ ученіи юристовъ, признающихъ «священнымъ» право собственности, Іерингъ видитъ только выраженіе самого ненасытнаго эгоизма [1]).

Этою соціалъ-юридическою теоріею личное право собственности вовсе не устраняется. Въ такомъ видѣ, оно представляетъ только смутное смѣшеніе частнаго права и публичнаго. Но такъ какъ первое подчиняется послѣднему, то верховнымъ распорядителемъ, то есть, истиннымъ собственникомъ является государство. Въ силу чего же государству можетъ быть приписано подобное право? Вещь пріобрѣтена не имъ, а мною, моею собственною дѣятельностью, поэтому и распоряжаться ею имѣю право только я, и никто другой. Нравственный законъ можетъ налагать на меня въ этомъ отношеніи обязанности; но исполненіе ихъ зависитъ отъ моей воли. Юридическій же законъ можетъ требовать только, чтобы пріобрѣтая и распоряжаясь пріобрѣтеннымъ, я не нарушалъ ни чьего права. Всякое дальнѣйшее вмѣшательство есть нарушеніе моей свободы. Сравненіе съ правами древне-римскаго отца семейства и съ уличными грабежами рыцарей тутъ совершенно неумѣстно и недостойно юриста. Принадлежавшее римскому отцу семейства право жизни и смерти надъ своими дѣтьми, а равно и грабежи средневѣковыхъ рыцарей прямо касались чужой личности и чужаго права, а потому не могли быть терпимы при высшемъ развитіи гражданственности, между тѣмъ какъ пріобрѣтенное моею дѣятельностью составляетъ мое достояніе и ничье другое. Ученіе юристовъ о священномъ правѣ собственности есть не выраженіе ненасытнаго эгоизма, какъ утверждаетъ Іерингъ, а выраженіе коренныхъ началъ свободы и права. Стремленіе же подчинить эту область публичному праву должно быть признано ничѣмъ не оправданнымъ посягательствомъ на эти начала. Іерингъ видитъ въ индивидуалистической теоріи собственности «послѣдній остатокъ того нездороваго естественно-юридическаго представленія, которое уединяло лице въ себѣ самомъ» (стр. 511). То, что онъ называетъ нездоровымъ представленіемъ, ничто иное какъ разумъ,

[1]) Der Zweck im Recht, стр. 508—521.

свобода и правда, безъ которыхъ общежитіе превращается въ хаосъ смутныхъ силъ, гдѣ исчезаетъ все человѣческое.

Собственность до такой степени принадлежитъ къ области частнаго права, что самая государственная собственность управляется тѣми же началами. Есть извѣстный видъ государственной собственности, который подчиняется началамъ публичнаго права: это—вещи, находящіяся въ общемъ употребленіи, а потому изъятыя изъ частнаго обращенія. Французское законодательство даетъ имъ названіе публичной собственности (domaine public), въ отличіе отъ государственной собственности (domaine de l'Etat), принадлежащей государству по праву частнаго владѣльца. Относительно послѣдней, государство приравнивается къ частнымъ лицамъ, и это юридическое начало не является плодомъ законодательнаго произвола или случайныхъ историческихъ обстоятельствъ; еще менѣе можетъ оно быть приписано ненасытному эгоизму: нѣтъ, это начало вытекаетъ изъ коренныхъ основаній собственности, изъ вѣрнаго пониманія глубочайшаго ея источника. Этимъ признается, что собственность, будучи плодомъ дѣятельности лица, есть, по существу своему, частное право, а потому она можетъ быть приписана государству только производнымъ путемъ. Слѣдовательно, государство должно въ этомъ отношеніи быть приравнено къ лицу и слѣдовать началамъ, вытекающимъ изъ личнаго права, а не наоборотъ.

Господствующему ученію о собственности, какъ о частномъ правѣ, не противорѣчитъ то, что она имѣетъ границы. И Вагнеръ и Іерингъ ссылаются на признаваемыя всѣми законодательствами ограниченія въ доказательство, что собственность не есть безусловное право лица, а подчиняется общественному началу: «собственности въ такомъ видѣ, говоритъ Іерингъ, общество не можетъ терпѣть и никогда не терпѣло» (стр. 510). Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ обществѣ не можетъ существовать право, которое бы шло наперекоръ и чужому праву и общественнымъ требованіямъ, но индивидуалистическая теорія собственности никогда и не выставляла такого рода безумныхъ притязаній. Свобода человѣка въ обществѣ находитъ свои законныя границы, какъ въ чужой свободѣ, такъ и въ требованіяхъ общества; тѣже границы находитъ и вытекающее изъ свободы право распоряжаться своею собственностью. Я не имѣю права устроить въ своихъ владѣніяхъ такую плотину, которая затопляла бы чужую землю; я не имѣю права возвести домъ, кото-

рый бы отнималъ свѣтъ у сосѣда. Иногда я принужденъ даже предоставить сосѣду употребленіе своего имущества, напримѣръ если онъ не можетъ пройти къ своему владѣнію иначе какъ черезъ мое. Но изъ этого не слѣдуетъ, что право распоряжаться моимъ имуществомъ принадлежитъ не мнѣ, а ему. Тоже самое относится и къ общественнымъ требованіямъ. Въ деревнѣ, я имѣю право строить домъ, какъ я хочу; въ городѣ, живя съ другими, я долженъ сообразоваться съ извѣстными правилами благоустройства. Я не имѣю права держать у себя нечистоты, которыя могутъ заражать воздухъ. Но изъ этого опять не слѣдуетъ, что я не хозяинъ своего дома, точно также какъ изъ того, что мнѣ не позволяютъ ходить по улицѣ раздѣтымъ, вовсе не слѣдуетъ, что я не хозяинъ своихъ дѣйствій и не собственникъ своего платья.

Вопросъ сводится къ тому: каковъ объемъ права собственности и каковы его границы?

Юристы вообще опредѣляютъ право собственности, какъ полную и исключительную власть человѣка надъ вещью. Иногда къ этому прибавляются оговорки, напримѣръ у римскихъ юристовъ: «на сколько это допускаетъ разумъ права» (quatenus juris ratio patitur), или во французскомъ законѣ: «лишь бы не дѣлалось употребленіе воспрещенное законами и уставами» (pourvu qu'on ne fasse pas un usage prohibé par les loix et les règlements). Въ Прусскомъ законодательствѣ считается законнымъ всякое употребленіе, которое не нарушаетъ благопріобрѣтенныхъ правъ другаго или предписанныхъ закономъ границъ. У насъ право собственности приписывается тому, кто, пріобрѣтши законнымъ путемъ имущество, «получилъ власть, въ порядкѣ, установленномъ гражданскими законами, исключительно и независимо отъ лица посторонняго, владѣть, пользоваться и распоряжать онымъ вѣчно и потомственно, доколѣ не передастъ сей власти другому» (Св. Зак. Гражд. стр. 420).

Эта полнота права вытекаетъ изъ самаго отношенія человѣка къ вещи. Воля человѣка ограничивается волею другихъ людей, но надъ вещью она господствуетъ всецѣло: здѣсь область, гдѣ свобода осуществляется вполнѣ и безпрепятственно. Назначеніе вещей состоитъ именно въ подчиненіи ихъ волѣ человѣка, и какъ скоро вещь усвоена, такъ у нея есть полновластный хозяинъ, распоряжающійся ею по своему изволенію. Этимъ хозяиномъ можетъ быть единичное лицо, товарищество, или общество, какъ единое цѣлое: во вся-

комъ случаѣ хозяинъ долженъ быть, ибо вещь всецѣло подчиняется волѣ человѣка. Теоріи, ограничивающія полновластіе лица, какими бы онѣ ни прикрывались оговорками, въ сущности заключаютъ въ себѣ признаніе истиннымъ собственникомъ не лица, а цѣлаго общества. Но мы видѣли уже, что подобный взглядъ представляетъ извращеніе истинныхъ началъ права. Если, какъ доказано выше, личная воля и личная дѣятельность составляютъ настоящій источникъ власти человѣка надъ вещью, то лице есть полновластный ея хозяинъ, а общество можетъ только требовать, чтобы оно употребляло свою свободу, не нарушая чужаго права и общаго закона. Таковъ принципъ, вытекающій изъ самаго существа человѣческой свободы и ея проявленія во внѣшнемъ мірѣ.

Высшимъ выраженіемъ этого полновластія лица надъ вещью является право потребленія. Человѣкъ не властенъ надъ матеріею; онъ не можетъ уничтожить ни малѣйшей ея частички. Но онъ можетъ придать ей ту или другую форму, и наоборотъ, онъ можетъ уничтожить извѣстную форму для удовлетворенія своихъ потребностей. А такъ какъ назначеніе вещи состоитъ именно въ удовлетвореніи потребностей человѣка, а человѣкъ, какъ свободное существо, самъ судья своихъ потребностей и самъ ихъ удовлетворяетъ, то право потребленія составляетъ необходимую принадлежность права собственности. Одна природа можетъ положить ему границы.

Въ правѣ потребленія заключается право пользованія, какъ меньшее въ большемъ. Оно прилагается и тамъ, гдѣ право потребленія не находитъ себѣ приложенія. Пользованіе можетъ состоять или въ употребленіи вещи непосредственно на свои потребности, или въ употребленіи ея, какъ средства, для удовлетворенія будущихъ потребностей. И то и другое зависитъ исключительно отъ воли хозяина. Какъ разумное существо, человѣкъ предвидитъ будущее, самъ приготовляетъ себѣ средства для этого будущаго и распоряжается присвоенными ему вещами сообразно съ этою цѣлью.

Изъ этого можно видѣть всю несостоятельность попытки соціалистовъ каѳедры отличить право собственности на предметы потребленія отъ права собственности на орудія производства. Когда Вагнеръ говоритъ, что изъ природы человѣка можно вывести развѣ только первое, а никакъ не послѣднее (Grundl. стр. 448), то подобное признаніе заключаетъ въ себѣ отрицаніе коренныхъ свойствъ человѣческой личности, ибо природа человѣка состоитъ не въ однихъ

потребленіи окружающихъ его матеріальныхъ вещей, но и въ приготовленіи вещей для будущаго потребленія. Когда же онъ это раздѣленіе выводитъ изъ того, что право собственности должно различаться по экономической цѣли (стр. 449), то и въ этомъ можно видѣть только полное извращеніе понятій, ибо употребленіе вещи для той или другой экономической цѣли зависитъ отъ того лица, которое имѣетъ право ею располагать, слѣдовательно право собственности должно предшествовать. Приписывать человѣку право потреблять вещь и отрицать у него право обращать ее въ орудіе производства есть не только посягательство на человѣческую свободу и отрицаніе права собственности; это—просто нелѣпость, ибо здѣсь уступается большее и отрицается меньшее. Если я имѣю право уничтожить вещь для своихъ потребностей, то почему же я не имѣю права сдѣлать изъ нея орудіе?

Наконецъ, въ правѣ собственности заключается и право отчужденія. Если я хозяинъ вещи, если я имѣю право употреблять ее на свою пользу, то я имѣю право и передать ее другому, предоставивъ ему тѣже права, какими я пользуюсь самъ.

Всѣ эти права принадлежатъ мнѣ, какъ частному лицу. Я пользуюсь ими по своему усмотрѣнію, никому не давая въ томъ отчета, ибо это—область моей личной свободы. Никакихъ обязанностей съ правомъ собственности, какъ таковымъ, не сопряжено. То, что Вагнеръ называетъ оборотною стороною права собственности, не существуетъ ни юридически, ни фактически. Это ничто иное какъ фантастическое представленіе, возникшее изъ смѣшенія юридическихъ началъ съ нравственными. Можно говорить о томъ, что богатство налагаетъ на человѣка обязанности, но не надобно забывать, что это—обязанности нравственныя, исполненіе которыхъ предоставляется свободной волѣ лица. Человѣкъ имѣетъ и юридическія обязанности, но онѣ проистекаютъ не изъ права собственности, а изъ другихъ началъ. Собственность же есть область, предоставленная свободѣ лица; здѣсь человѣкъ дѣйствуетъ исключительно по собственному усмотрѣнію. Онъ можетъ, по выраженію римскихъ юристовъ, не только пользоваться, но и злоупотреблять своимъ правомъ (jus utendi et abutendi). Нравственно это не одобряется, но юридически противъ этого ничего нельзя сказать, ибо лицо дѣйствуетъ въ силу своей свободы, въ предѣлахъ, предоставленныхъ ему закономъ. Видѣть въ правѣ злоупотреблять собственностью нѣчто чудовищное,

какъ дѣлаетъ Прудонъ, значитъ опять смѣшивать нравственныя начала съ юридическими. Гдѣ нѣтъ права злоупотреблять, тамъ нѣтъ и свободы, ибо тогда человѣкъ дѣйствуетъ уже не по своему усмотрѣнію, а по чужой указкѣ. Юридическое начало имѣетъ именно въ виду огражденіе человѣческой свободы. Съ этою цѣлью опредѣляется область свободы каждаго, и установляются границы, въ которыхъ человѣкъ можетъ дѣйствовать по своему изволенію, никому не давая въ томъ отчета. Такова собственность.

Эта полнота права не всегда однако является таковою въ дѣйствительности. Право собственности есть юридическое начало, изъ котораго истекаетъ и къ которому возвращается всякое вещное право, но осуществляясь въ общежитіи, оно подвергается многообразнымъ ограниченіямъ и видоизмѣненіямъ вслѣдствіе взаимнодѣйствія человѣческихъ воль. При взаимной связи, какъ людей, такъ и вещей, область отмежеванная каждому не можетъ составлять совершенно уединенный міръ, въ который не проникаетъ никто посторонній. Эти области неизбѣжно захватываютъ другъ друга. Отсюда возникаетъ цѣлая система перекрещивающихся юридическихъ отношеній, въ основаніи которыхъ лежитъ право собственности, образуя тысячи самостоятельныхъ центровъ, въ большей или меньшей степени подверженныхъ чужому вліянію.

Мы уже указывали выше на тѣ необходимыя ограниченія, которыя вытекаютъ изъ самыхъ физическихъ отношеній собственности, на право прохода черезъ чужую землю, на запрещеніе поднимать воду на мельницѣ или воздвигать на своей землѣ зданія, отнимающія у другаго свѣтъ, воздухъ или видъ. Эти сервитуты образуютъ такъ называемое право на чужую вещь (jus in re aliena). Вещь все таки считается чужою, но полновластіе хозяина стѣсняется въ силу права собственности сосѣдей. Иначе и не можетъ быть: тамъ, гдѣ собственность одного сталкивается съ собственностью другаго, тамъ каждое отдѣльное лицо не можетъ имѣть притязанія на такое полновластное распоряженіе своимъ имуществомъ, которымъ бы нарушалось чужое право. Необходимость взаимнаго ограниченія вытекаетъ изъ самаго существа этихъ отношеній.

Такія же ограниченія возникаютъ и изъ воли отдѣльныхъ лицъ. Если собственникъ имѣетъ право всецѣло отчуждать принадлежащую ему вещь, то оно можетъ предоставить другому и нѣкоторую часть своихъ правъ. Онъ можетъ, напримѣръ, временно отдать вещь въ

чужое пользованіе, либо даромъ, либо за извѣстное вознагражденіе. Въ такомъ случаѣ онъ не имѣетъ уже права распоряжаться ею по своему изволенію. Однако право собственности этимъ не уничтожается, точно также какъ не уничтожается свобода лица черезъ то, что оно предоставляетъ другому право на извѣстныя свои дѣйствія. Собственникъ сохраняетъ полноту права, какъ юридическую возможность, и эта возможность переходитъ въ дѣйствительность, какъ скоро прекращается чужое право. Поэтому право пользованія, по существу своему, имѣетъ временный характеръ. Срокъ можетъ быть весьма продолжительный: въ римскомъ эмфитевзисѣ онъ продолжался 99 лѣтъ; но такъ какъ по истеченіи этого времени вещь все таки возвращается первоначальному собственнику, то полнота права остается за послѣднимъ, а пользователь является не болѣе какъ временнымъ владѣльцемъ. Если же пользованіе предоставляется безсрочное, то оно тѣмъ самымъ переходитъ въ право собственности. Вслѣдствіе этого, западные юристы приписывали право собственности на землю крестьянамъ, которые пользовались ею потомственно. Но такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, признавалось и право собственности верховнаго владѣльца, который продолжалъ получать за землю извѣстныя повинности, то отсюда образовалось двоякое право собственности на одну и туже землю. Юристы одну собственность называли прямою (dominium directum), другую полезною (dominium utile). Такое раздѣленіе находило себѣ оправданіе въ томъ, что въ средніе вѣка съ правомъ собственности соединялось и политическое право, вслѣдствіе чего прямая собственность имѣла характеръ болѣе политическій, а полезная чисто экономическій. Но съ гражданскимъ понятіемъ собственности такого рода отношеніе несовмѣстно; поэтому оно должно было исчезнуть съ прекращеніемъ того политическаго быта, которымъ оно вызывалось. Въ сущности, прямая собственность состояла только въ правѣ на извѣстныя повинности. Чтобы развязать эти отношенія и утвердить право собственности на истинныхъ основаніяхъ, надобно было предоставить потомственному пользователю право выкупить лежащія на его землѣ повинности. Это и было сдѣлано новыми законодательствами. Полезная собственность черезъ это превратилась въ полную собственность.

Кромѣ отношеній къ другимъ лицамъ, отдѣльное лице имѣетъ отношенія къ обществу, какъ цѣлому, и эти отношенія, въ свою

очередь, не могутъ не отражаться на собственности. Отсюда новыя ограниченія и новыя столкновенія правъ.

Прежде всего, тутъ являются полицейскія ограниченія. Человѣческое общежитіе влечетъ за собою извѣстныя требованія безопасности, здоровья, благоустройства и благочинія, съ которыми отдѣльное лицо обязано сообразоваться. Никто не имѣетъ права, ни съ своимъ лицемъ, ни съ своимъ имуществомъ, дѣлать то, что̀ противорѣчитъ этимъ требованіямъ. Это разумѣется само собою, и это имѣется въ виду законодательствами, которыя воспрещаютъ дѣлать изъ собственности употребленіе, нарушающее законы. Нарушенія права собственности тутъ нѣтъ никакого, ибо полновластіе лица надъ вещью, вытекая изъ его свободы, не простирается далѣе этой свободы, свобода же лица ограничивается, какъ чужимъ правомъ, такъ и общественными требованіями.

Гораздо болѣе сомнительными представляются тѣ ограниченія, которыя установляются во имя экономическихъ интересовъ общества. Въ прежнее время, подъ вліяніемъ цеховаго устройства и меркантильной системы, все промышленное производство регламентировалось до мельчайшихъ подробностей. Этимъ, безъ сомнѣнія, въ значительной степени стѣснялось право распоряжаться по усмотрѣнію своимъ имуществомъ и своими средствами. Нынѣ большая часть этихъ ограниченій, которыя могли оправдываться, какъ способъ воспитанія малолѣтняго общества, отмѣнена. Однакоже и теперь есть отрасли промышленности, которыя, по своему особому характеру, подвергаются значительнымъ стѣсненіямъ. Таково, напримѣръ, лѣсоводство. Во многихъ государствахъ Западной Европы лѣсовладѣльцамъ воспрещается уничтожать лѣса безъ разрѣшенія правительства и предписывается веденіе правильнаго лѣснаго хозяйства. Эти мѣры вызываются потребностью охраненія лѣсовъ, не только въ видахъ сохраненія лѣснаго капитала, но и вслѣдствіе вліянія лѣсовъ на климатическія условія и на удержаніе влаги въ почвѣ. Частный интересъ, какъ дознано опытомъ, не удовлетворяетъ этой потребности, ибо онъ обыкновенно предпочитаетъ ближайшую выгоду отдаленной. Тѣмъ не менѣе, эти мѣры представляютъ весьма значительное стѣсненіе права собственности, а потому на нихъ нельзя смотрѣть, какъ на нормальное положеніе вещей. Если экономическіе интересы общества требуютъ сохраненія извѣстнаго количества лѣсовъ, а частная промышленность не удовлетворяетъ этой потребности, то естественный исходъ состоитъ въ

томъ, чтобы государство имѣло ихъ достаточное количество въ своемъ владѣніи, а частное хозяйство было бы предоставлено свободѣ. Пока этого нѣтъ, можно прибѣгнуть къ означеннымъ мѣрамъ, но въ нихъ всегда слѣдуетъ видѣть только временное зло.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, не смотря на стѣсненіе собственника въ распоряженіи своимъ имуществомъ, самое право собственности, съ экономической стороны, остается неприкосновеннымъ, ибо казна ничего себѣ не беретъ: весь доходъ предоставляется владѣльцу. Но государство несомнѣнно имѣетъ право требовать себѣ извѣстную долю частнаго имущества на удовлетвореніе общественныхъ потребностей, и каждый гражданинъ, какъ таковой, обязанъ нести эту повинность. Отсюда новыя стѣсненія собственности. У лица не только отнимается часть пріобрѣтеннаго имъ имущества, но по необходимости установляется надзоръ за остальнымъ. Подати взимаются соразмѣрно съ средствами каждаго, а для этого надобно опредѣлить количество этихъ средствъ. Если налогъ лежитъ на извѣстной отрасли промышленности и берется съ произведеній, то необходимъ надзоръ за самымъ производствомъ и обязательное установленіе такихъ способовъ производства, которые дѣлали бы контроль вѣрнымъ и удобнымъ. Иногда правительство беретъ даже цѣлую отрасль промышленности въ исключительное свое вѣдѣніе и дѣлаетъ изъ нея монополію казны.

Однако и въ этихъ правахъ государства и въ проистекающихъ изъ нихъ стѣсненіяхъ невозможно видѣть нарушенія права собственности. Напротивъ, они вызываются потребностью охраненія собственности, которое ввѣряется общественной власти и требуетъ совокупныхъ средствъ. Гдѣ люди имѣютъ общіе интересы, тамъ необходимо, чтобы они частью своего имущества жертвовали для удовлетворенія этихъ интересовъ. Собственность казны является здѣсь уже производною; она образуется изъ собственности частныхъ лицъ, въ силу ихъ совокупныхъ интересовъ и гражданскихъ обязанностей. Нарушеніемъ права собственности податныя обязанности могли бы сдѣлаться лишь въ томъ случаѣ, еслибы правительство обратило свое право въ орудіе имущественнаго уравненія, чего требуютъ соціалъ-политики, между прочимъ и Вагнеръ (Grundl. стр. 135). Такого рода податная система ничто иное какъ замаскированная конфискація.

Наконецъ, можетъ случиться, что вещь, находящаяся въ частной собственности, требуется для общественныхъ нуждъ. И тутъ право

собственности должно уступить, ибо личная свобода подчиняется общественнымъ требованіямъ. Но съ своей стороны, государство обязано признать частное право: оно дѣлаетъ это, давая собственнику справедливое вознагражденіе. Этимъ способомъ разрѣшается столкновеніе лица съ обществомъ: пріобрѣтенное право сохраняется въ своей цѣнности, а общество пріобрѣтаетъ нужную ему вещь. Поэтому нельзя видѣть непримиримаго противорѣчія между правомъ собственности и принудительнымъ отчужденіемъ, какъ дѣлаетъ Вагнеръ, который пользуется этимъ для доказательства, что право собственности имѣетъ не только частное, но и соціалъ-юридическое значеніе (Grundl. стр. 694). Конечно, если мы, вмѣстѣ съ Вагнеромъ, скажемъ, что вознагражденіе есть дѣло второстепенное, которое въ понятіе о принудительномъ отчужденіи не входитъ (стр. 689, пр.), то противорѣчіе съ правомъ собственности будетъ полное. Но въ такомъ случаѣ принудительное отчужденіе ничѣмъ не отличается отъ конфискаціи. Между тѣмъ, законодательства, безусловно воспрещающія конфискацію, какъ несправедливое и насильственное посягательство на право собственности, всѣ допускаютъ принудительное отчужденіе, какъ необходимое требованіе общественнаго быта. Разница между тѣмъ и другимъ заключается именно въ томъ, что въ одномъ случаѣ непремѣнно требуется вознагражденіе, а въ другомъ случаѣ оно устраняется, то есть, въ одномъ случаѣ право собственности признается, а въ другомъ оно отрицается. И признается оно именно какъ частное, а отнюдь не какъ мнимое соціальное право. Вслѣдствіе этого, вознагражденіе является непремѣннымъ юридическимъ требованіемъ, которое обставляется всевозможными гарантіями правомѣрнаго рѣшенія. Изъ того, что частное право, при столкновеніи съ государственнымъ, уступаетъ послѣднему, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы само частное право было государственнымъ. Такого рода логика можетъ имѣть ходъ развѣ только въ соціалъ-политикѣ. Напротивъ, какъ необходимость уступки, такъ и требованіе вознагражденія доказываютъ, что это—право частное. И если, въ то самое время, какъ при случайномъ столкновеніи съ общею пользою отъ него требуется уступка, оно признается и уважается государствомъ, то этимъ доказывается, что оно составляетъ норму, а принудительное отчужденіе исключеніе, и притомъ исключеніе подтверждающее правило, ибо оно признаетъ норму въ то самое время, какъ оно отрицаетъ частное ея приложеніе. Поэто-

му, когда Вагнеръ возстаетъ противъ «старой (?!?) точки зрѣнія частнаго права», которое въ неприкосновенности частной собственности видитъ правило, а въ принудительномъ отчужденіи уклоненіе (стр. 702, прим.), то этимъ обнаруживается только, что соціалъ-политическая точка зрѣнія ставитъ всѣ юридическія понятія вверхъ дномъ и тѣмъ подрываетъ коренныя основы гражданскаго быта.

Въ результатѣ, мы должны сказать, что право собственности есть коренное юридическое начало, вытекающее изъ человѣческой свободы и установляющее полновластіе лица надъ вещью. Это начало, осуществляясь въ дѣйствительности, подвергается дѣленію и ограниченіямъ, какъ вслѣдствіе взаимныхъ отношеній людей, такъ и вслѣдствіе отношеній лица къ обществу. Но оно всегда составляетъ правило и норму, къ которой все окончательно приводится; остальное оправдывается только какъ исключеніе. Поэтому вторженіе государства въ область собственности и стѣсненіе права хозяина распоряжаться своимъ имуществомъ всегда должно разсматриваться какъ зло, которое по возможности должно быть устранено. Посягательство же со стороны государства на право собственности, иначе какъ въ случаѣ нужды и за справедливое вознагражденіе, всегда есть насиліе и неправда.

Противъ этого воззрѣнія возражаютъ, что оно представляетъ «апріорное, абстрактно-абсолютное формулированіе юридическаго понятія», которое уже въ принципѣ несостоятельно, ибо оно не обращаетъ вниманія на различные виды собственности и на различное ихъ экономическое значеніе въ человѣческихъ обществахъ. Собственность, говорятъ, есть историческая, а не безусловно-необходимая категорія; поэтому только путемъ наблюденія мы можемъ опредѣлить и ея границы и ея послѣдствія [1]).

Что различные виды собственности имѣютъ различное экономическое и политическое значеніе въ обществѣ, это не подлежитъ сомнѣнію; объ этомъ будетъ рѣчь впослѣдствіи. Но для того чтобы знать, каковы могутъ быть приложенія извѣстнаго начала, надобно знать, въ чемъ состоитъ это начало, откуда оно происходитъ и какія изъ него вытекаютъ требованія? Иначе мы получимъ рядъ частныхъ опредѣленій, въ которыхъ не будетъ ничего общаго. Если не слѣдуетъ говорить о правѣ собственности вообще, то права соб-

[1]) Ад. Вагнеръ: Lehrbuch d. P. Oek. Grundl. стр. 458, 469, 471—2.

ственности вовсе не будетъ: останутся только отдѣльныя, отличныя другъ отъ друга учрежденія. Какъ же скоро мы признаемъ существованіе права собственности, какъ юридическаго начала, такъ, для изслѣдованія этого начала, мы должны отвлечься отъ всякихъ посторонннихъ, экономическихъ, политическихъ и иныхъ соображеній, которыя могутъ видоизмѣнить осуществленіе его въ дѣйствительности. Это требуется логикою, и на этомъ основана метода всѣхъ опытныхъ наукъ. Когда естествоиспытатель хочетъ изслѣдовать извѣстное явленіе, онъ старается устранить всѣ посторонніи вліянія, чтобы получить явленіе въ его чистотѣ. Этого требуетъ, съ другой стороны, и самое отношеніе этихъ элементовъ въ жизни. Самъ Вагнеръ признаетъ, что экономическій порядокъ зависитъ отъ юридическаго; утверждать послѣ этого, что юридическій порядокъ, въ свою очередь, долженъ опредѣляться экономическими отношеніями, значитъ вращаться въ кругѣ. Юридическій порядокъ, составляющій твердое основаніе всего гражданскаго быта, имѣетъ свои собственныя начала, свою логику и свои требованія. Въ немъ есть учрежденія двоякаго рода: одни носящія на себѣ временный и мѣстный характеръ, другія имѣющія значеніе постоянное и всеобщее, одни относительныя, другія абсолютныя. Къ которому изъ этихъ разрядовъ принадлежитъ право собственности? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, надобно отрѣшиться отъ временныхъ и мѣстныхъ условій и показать связь собственности съ неизмѣнною природою человѣка, то есть, надобно идти именно тѣмъ умозрительнымъ путемъ, который отвергается возражателями. И если мы въ состояніи доказать, что самое начало и вытекающія изъ него требованія оправдываются умозрительно, то эти требованія будутъ имѣть значеніе для всякаго времени и мѣста, ибо они представляютъ не только то, что есть, но и то, что должно быть. Опытныя данныя могутъ видоизмѣнить или задержать ихъ приложеніе, но не въ состояніи ихъ поколебать. Не смотря на историко-юридическую категорію рабства, человѣкъ, во имя своей разумно-нравственной природы, всегда можетъ требовать признанія своей свободы. Точно также, во имя свободы и справедливости, онъ всегда можетъ требовать, чтобы его признали полнымъ хозяиномъ того, что онъ пріобрѣлъ законнымъ путемъ. Посягательство на собственность всегда и вездѣ будетъ посягательствомъ на свободу и нарушеніемъ правды.

Такимъ образомъ, отрицаніе отвлеченно-юридической теоріи соб-

ственности во имя опытныхъ данныхъ само по себѣ не имѣетъ силы. Но дѣло въ томъ, что противорѣчія между умозрительною теоріею и тѣмъ, что представляетъ опытъ, вовсе не существуетъ. Напротивъ, отвлеченно-юридическое начало представляетъ именно то, что развивается въ исторіи и что существуетъ въ дѣйствительности. Соціалистическія же и соціалъ-политическія теоріи собственности, отрицая логику, вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаютъ и то, что дается намъ опытомъ. Когда говорится объ умозрительномъ началѣ, то оно отвергается во имя опыта, когда же говорится о томъ, что есть, то послѣднее отвергается во имя того, что должно быть. Такое противорѣчіе само себя обличаетъ.

Дѣйствительная исторія представляетъ постепенное развитіе того самаго начала, которое выведено умозрѣніемъ, какъ неотъемлемая принадлежность человѣческой природы. Полная и свободная собственность составляетъ не преходящую историческую категорію, порожденную современнымъ индивидуализмомъ, а плодъ всего предшествующаго развитія человѣчества. Въ началѣ, какъ мы уже замѣтили выше, человѣкъ не сознаетъ себя свободнымъ лицемъ; онъ погруженъ въ общую субстанцію. Окружающая его сфера есть образовавшаяся путемъ порожденія семья, или, въ болѣе обширномъ значеніи, родъ. Поэтому, первоначальная собственность — родовая. Съ образованіемъ теократическихъ государствъ, къ этому присоединяются новыя начала. Въ силу религіозныхъ понятій, земля и все, что на ней находится, считается достояніемъ Божества или его намѣстника. Съ другой стороны, право завоеванія дѣлаетъ верховнымъ собственникомъ страны военачальника, который, однако, самъ получаетъ теократическое освященіе. Наконецъ, съ развитіемъ государственнаго порядка, самые роды пріобрѣтаютъ политическое значеніе, и это сообщаетъ политическій характеръ и ихъ имуществу. Какъ уже было замѣчено выше, въ древности частное право подчиняется государственному.

Не смотря однако на этотъ общій характеръ древней жизни, личное начало беретъ свое и разлагаетъ окружающую его субстанцію. Въ приложеніи къ собственности, этотъ процессъ обнаруживается уже на Востокѣ, гдѣ теократическія начала досель сохраняются въ полной силѣ. Разительный примѣръ представляетъ въ этомъ отношеніи классическая страна неподвижности, Китай. Первоначально, единственнымъ собственникомъ земли былъ Императоръ, какъ сынъ

Неба. Онъ раздавалъ участки, въ видѣ леновъ, членамъ своего дома и государственнымъ сановникамъ, а послѣдніе, въ свою очередь, раздавали ихъ другимъ. Каждой крестьянской семьѣ былъ предоставленъ извѣстный участокъ, который навсегда долженъ былъ оставаться неизмѣннымъ. Двѣ тысячи лѣтъ держался этотъ порядокъ, но наконецъ принуждены были отъ него отступить, ибо онъ не удовлетворялъ ни потребностямъ владѣльцевъ, ни нуждамъ государства. Каждому предоставлено было право обработывать пустопорожнія земли и обращать ихъ въ свою собственность. При постоянныхъ смутахъ, которымъ въ то время подвержена была Китайская Имперія, этотъ новый строй, съ теченіемъ времени, привелъ къ значительному неравенству, къ обѣдненію низшаго народонаселенія и къ сосредоточенію земель въ рукахъ богатыхъ землевладѣльцевъ. Тогда наступила реакція. Императоры пытались возстановить прежній порядокъ. Учинялись новые передѣлы; каждому домовладѣльцу приписывались участки, въ различномъ размѣрѣ, частью въ собственность, частью въ пользованіе. Однако и эти постановленія не могли удержаться. Свободное передвиженіе собственности взяло перевѣсъ, и правительство окончательно принуждено было предоставить вещи ихъ собственному теченію. Теперь уже болѣе тысячи лѣтъ въ Китаѣ господствуетъ полная частная собственность [1]).

Еще быстрѣе совершился этотъ процессъ тамъ, гдѣ онъ не задерживался теократическимъ характеромъ государственнаго строя. И въ Греціи и въ Римѣ родовое владѣніе составляло первоначальную основу государственнаго быта. Вслѣдствіе этого, вниманіе законодателя было направлено на его охраненіе. Нигдѣ, въ этомъ отношеніи, не были приняты такія строгія мѣры какъ въ Спартѣ. Земля считалась собственностью государства. Лучшая ея часть была раздѣлена на 9000 жребіевъ, которые распредѣлены были между гражданами и переходили нераздѣльно отъ поколѣнія къ поколѣнію. Всякія продажи и сдѣлки были воспрещены. Самые рабы, которые обработывали земли, принадлежали государству и отдавались гражданамъ, сообразно съ ихъ потребностями, во временное владѣніе. Все здѣсь

---

[1]) См. статью Захарова въ Трудахъ членовъ Россійской духовной миссіи въ Пекинѣ ч. 2; также Thomas Taylor Meadows въ Transactions of the China Branch of the Royal Asiatic Sosiety. 1847.

было расчитано на то, чтобы гражданинъ имѣлъ возможность всецѣло жить для государства, безъ всякой заботы о своихъ частныхъ дѣлахъ. Однако и этотъ порядокъ оказался безсильнымъ противъ естественнаго хода вещей. И въ Спартѣ личное начало взяло верхъ; земли перешли въ немногія руки; образовалась противоположность богатыхъ и бѣдныхъ, а вслѣдъ затѣмъ возникли внутреннія междоусобія, которыя привели республику къ паденію. Тотъ же процессъ повторился и въ другихъ греческихъ государствахъ.

Въ Римѣ, начало полной и свободной собственности окончательно восторжествовало и было возведено въ коренное юридическое правило. Всякія стѣсненія были несовмѣстны съ тѣмъ полновластіемъ, которое во всѣхъ сферахъ присвоивалось римскому гражданину. Римское право сохранило это начало и для новаго времени.

Но если въ древности уже развилось право собственности, какъ полновластіе лица надъ вещью, то здѣсь недоставало другаго начала, которое, какъ мы видѣли, составляетъ самостоятельный источникъ собственности, начала, которое даетъ ей жизнь и нравственное значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ не дозволяетъ ей съ вещи распространяться на лице, именно, свободы труда. Собственность въ древности поддерживалась рабствомъ; пріобрѣтенное трудомъ раба становилось достояніемъ господина. Отсюда скопленіе земель въ рукахъ рабовладѣльцевъ, несмѣтныя богатства однихъ и обѣднѣніе другихъ; отсюда и постоянныя распри между богатыми и бѣдными. Только къ концу Римской Имперіи, съ замѣною рабства колонатомъ, является начало новаго порядка вещей. Земли начинаютъ обрабатываться осѣдлыми поселенцами, прикрѣпленными къ почвѣ. Трудъ еще не свободенъ, но онъ получаетъ уже точку опоры, исходя отъ которой онъ постепенно расширяетъ свои права и наконецъ перетягиваетъ на свою сторону самую собственность.

Водвореніе этого новаго порядка служитъ переходомъ къ среднимъ вѣкамъ. Здѣсь право собственности вступаетъ въ новую эру и получаетъ обширнѣйшее развитіе. Между тѣмъ какъ въ древности оно подчинялось государственному праву, въ средніе вѣка, напротивъ, оно поглощаетъ въ себѣ государственное право. Общественная власть становится предметомъ частной собственности и сливается съ послѣднею. Но черезъ это собственность опять теряетъ свою свободу; расширяясь безмѣрно, она сама себя опутываетъ со всѣхъ сторонъ. Правитель является вмѣстѣ и собственникомъ, вслѣдствіе чего

его имущественныя права стѣсняются требованіями общественнаго порядка, а право собственности подчиненныхъ не можетъ получить надлежащаго развитія. Отсюда и распаденіе собственности на двѣ категоріи, которыя ограничиваютъ и стѣсняютъ другъ друга. Верховному собственнику принадлежитъ прямая собственность, съ которою связано политическое право; подчиненному собственнику принадлежитъ полезная собственность (dominium utile), которая является выраженіемъ впервые выступающаго экономическаго начала, труда, но лишена свободы.

Такое смѣшеніе частнаго права и публичнаго, противорѣчащее существу обоихъ, неизбѣжно должно было вызвать реакцію; и точно, она наступаетъ въ новое время. Съ одной стороны, новое государство, развиваясь, мало по малу притягиваетъ къ себѣ вотчинныя права, сопряженныя съ властью. Сначала изъ этого образуются регаліи, которыя, въ свою очередь, значительно стѣсняютъ право собственности. Но затѣмъ происходитъ большее и большее разграниченіе обѣихъ сферъ. У собственности отнимается то, что ей не принадлежитъ, область государственныхъ отношеній, но зато, съ другой стороны, ей возвращается принадлежащая ей свобода. Частныя права, которыя вслѣдствіе смѣшенія ихъ съ публичнымъ правомъ, входили въ кругъ регалій, присваиваются частнымъ лицамъ; а съ своей стороны, подчиненная собственность, посредствомъ выкупа, превращается въ полную собственность. Такимъ образомъ, въ новое время установился гражданскій строй, неизвѣстный ни древнему міру, ни среднимъ вѣкамъ, но составляющій результатъ всего предшествующаго историческаго развитія, именно: свободная собственность при свободномъ трудѣ. Формально-юридически, современное право собственности представляетъ возвращеніе къ римскому началу; но съ освобожденіемъ труда, это начало получаетъ новое значеніе. Пріобрѣтенное трудомъ не становится уже достояніемъ другаго лица, но сохраняется тому, кто трудился. Отнынѣ право собственности управляется началомъ справедливости.

Спрашивается: есть ли этотъ порядокъ окончательный результатъ исторіи, или мы должны ожидать новаго поворота и новыхъ стѣсненій права собственности?

Признать послѣднее значило бы заразъ отказаться и отъ требованій разума и отъ всѣхъ плодовъ историческаго развитія. Если, какъ доказано выше, идеаломъ человѣческаго общежитія можетъ

быть только расширеніе, а не подавленіе свободы, — то въ будущемъ мы можемъ ожидать не стѣсненія, а напротивъ, утвержденія и расширенія права собственности. Чистый индивидуализмъ, безъ сомнѣнія, не есть окончательный результатъ исторіи. Можно полагать, что будущее принесетъ намъ и бо́льшую крѣпость частныхъ союзовъ и развитіе дѣятельности государства въ принадлежащей ему сферѣ; но все это можетъ совершиться только на почвѣ свободы. Область, присвоенная свободѣ, ея точка опоры во внѣшнемъ мірѣ, должна оставаться неприкосновенною. Свободная собственность при свободномъ трудѣ составляетъ поэтому идеалъ всякаго гражданскаго быта. Посягать на эти начала значитъ подрывать свободу въ самомъ ея корнѣ, уничтожать фундаментъ великаго зданія, воздвигнутого человѣчествомъ. Къ этимъ попыткамъ можно приложить сравненіе, употребленное Монтескьё въ отношеніи къ деспотизму. Когда дикіе хотятъ сорвать плодъ съ дерева, они рубятъ дерево и срываютъ плодъ: таково изображеніе соціализма и легкомысленной его служанки, соціалъ-политики.

ГЛАВА IV.

ДОГОВОРЪ.

Договоръ есть соглашеніе лицъ на счетъ установленія между ними юридическаго отношенія.

Путемъ договора установляются юридическія отношенія въ различныхъ сферахъ права. Здѣсь идетъ рѣчь только объ имущественномъ его значеніи въ области частнаго права. Посредствомъ договора собственность, а равно и отдѣльныя ея части переходятъ отъ одного лица къ другому.

Этотъ переходъ можетъ совершиться единовременно, напримѣръ въ случаѣ мѣны. Люди въ одно и тоже время обмѣниваются принадлежащими имъ вещами, и затѣмъ прекращаются между ними всякія дальнѣйшія отношенія. Юридическое основаніе такого переноса имущества заключается въ правѣ собственности, которое содержитъ въ себѣ право лица распоряжаться своею вещью и отчуждать ее въ пользу другаго. Въ силу договора, каждый становится собственникомъ вещи черезъ посредство чужой воли.

Но такимъ единовременнымъ переносомъ имущества не ограничиваются возникающія изъ договора юридическія отношенія. Взаимныя сдѣлки между людьми не имѣютъ въ виду одно настоящее; онѣ простираются и на будущее. Нерѣдко обѣщаніе предшествуетъ исполненію; еще чаще одинъ изъ договаривающихся уже исполнилъ то, что отъ него требовалось, а другой еще нѣтъ. Отсюда возникаетъ о б я з а т е л ь с т в о, то есть, такое юридическое отношеніе, въ силу котораго одно лицо имѣетъ право что либо требовать отъ другаго, а другое обязано что либо дать или сдѣлать. Юридически, такое отношеніе существенно отличается отъ вещнаго права: имъ установляется право не на самую вещь, а на дѣйствіе извѣстнаго лица. Отсюда

и различный характеръ иска. Вещный искъ состоитъ въ требованіи себѣ извѣстной вещи, въ чьемъ бы она ни находилась владѣніи; онъ обращается противъ всѣхъ и каждаго. Вслѣдствіе этого, вещное право называется абсолютнымъ. Искъ по обязательству, напротивъ, обращается противъ извѣстнаго лица, хотя бы имѣлось въ виду полученіе вещи; непосредственнымъ объектомъ иска является здѣсь дѣйствіе лица, и черезъ него уже получается вещь.

Спрашивается: на чемъ основана юридическая сила обязательствъ? Иными словами: почему мы обязаны соблюдать договоры?

Этотъ вопросъ весьма сильно занималъ писателей, изслѣдовавшихъ начала естественнаго права. Въ настоящее время многіе считаютъ его пустымъ, какъ будто отвѣтъ ясенъ самъ собою и не требуетъ никакихъ философскихъ утонченностей. Между тѣмъ, отъ правильнаго его рѣшенія зависитъ правильное пониманіе, какъ самаго существа договора, такъ и вытекающихъ изъ него юридическихъ отношеній. Необходимо поэтому бросить взглядъ на мнѣнія, которыя высказывались на этотъ счетъ философами и юристами.

Первое доказательство обязательной силы договоровъ, которое мы находимъ въ философіи права новаго времени, состоитъ въ томъ, что безъ этого невозможно человѣческое общежитіе. Гуго Гроцій прямо выставляетъ исполненіе обѣщаній, какъ одно изъ коренныхъ требованій, вытекающихъ изъ начала общежитія [1]). Но тутъ возникаетъ вопросъ: на чемъ основано самое общежитіе? На потребности самосохраненія, отвѣчаетъ Гоббесъ, которое безъ мирнаго общежитія невозможно. Отсюда Гоббесъ выводитъ и соблюденіе договоровъ. Естественный законъ, указывающій человѣку средства для самосохраненія, требуетъ, чтобы онъ искалъ мира, а для сохраненія мира необходимо соблюденіе договоровъ. Но это относится единственно къ состоянію общественному, или гражданскому, гдѣ обязательство можетъ быть вынуждено; въ естественномъ же состояніи, по теоріи Гоббеса, обязательство немыслимо, ибо здѣсь всякій можетъ бояться, что договоръ не будетъ исполненъ другимъ, такъ какъ здѣсь нѣтъ никакого ручательства въ исполненіи [2]).

Съ еще большею яркостью таже точка зрѣнія высказывается Спинозою. Общій, непреложный законъ человѣческой природы, говоритъ

---

[1]) De Jure Belli ac Pacis, Prolog. 8.

[2]) De Cive, C. II, 11; C. III, 1.

онъ, состоитъ въ томъ, что человѣкъ отказывается отъ какого нибудь блага единственно въ виду бо́льшаго блага или изъ страха бо́льшаго зла. Слѣдовательно, безусловно никто не будетъ исполнять своихъ обѣщаній иначе какъ изъ страха бо́льшаго зла или въ виду бо́льшаго блага. Всякому, въ силу этого закона, дозволяется нарушать договоръ, какъ скоро онъ видитъ въ этомъ для себя пользу. Изъ чего ясно, что договоръ имѣетъ обязательную силу единственно въ виду пользы, съ устраненіемъ которой уничтожается и самый договоръ. А потому глупо требовать отъ другаго вѣрности слову, если мы не устроимъ дѣло такъ, чтобы отъ нарушенія договора произошло для нарушителя болѣе вреда, нежели пользы. Это именно имѣется въ виду при учрежденіи государства [1]).

Ясно, что обязательная сила договоровъ понимается тутъ чисто внѣшнимъ образомъ: договоръ обязателенъ, потому что онъ принудителенъ. Ничего другаго изъ основаннаго на самосохраненіи общежитія нельзя вывести. Но въ силу чего же онъ становится принудительнымъ? Единственно въ силу того, что онъ обязателенъ: меня могутъ принудить къ исполненію обязательства, единственно вслѣдствіе того, что я обязался жить въ обществѣ. Иной причины нѣтъ. Слѣдовательно, одно внѣшнее принужденіе ничего не объяснитъ; надобно искать другаго, внутренняго основанія. Какъ же скоро мы ищемъ внутренняго основанія, такъ необходимо отъ теоріи общежитія перейти къ инымъ началамъ. Когда Пуфендорфъ, который настаивалъ на нравственномъ значеніи права, хотѣлъ выводить обязательную силу договоровъ изъ требованій общежитія, ему отвѣчали, что самое общежитіе необязательно, а потому изъ него никакихъ обязанностей нельзя вывести.

Недостаточность теоріи, основывающей обязательную силу договора на внѣшнемъ принужденіи, побудила нравственную школу искать этого основанія въ нравственномъ началѣ, именно, въ вѣрности данному слову. Эту точку зрѣнія развивалъ Вольфъ въ своихъ Разумныхъ мысляхъ о человѣческихъ дѣйствіяхъ и воздержаніи (Vernünftige Gedanken von der Menschen Thun und Lassen, IV Theil, 4 Cap.) Нравственное начало, говоритъ онъ, воспрещаетъ человѣку наносить вредъ другому. Поэтому, онъ не долженъ лгать; ибо ложь есть неправда, клонящаяся ко вреду другаго

[1]) Tractatus Theologico-politicus, C. XVI, 15-20.

(§ 981). Но онъ можетъ говорить неправду, когда она не вредитъ, а приноситъ пользу; такая неправда не есть ложь, а притворство (§ 985). Тоже различіе прилагается и къ обѣщаніямъ. Человѣкъ въ правѣ обѣщать только то, что само по себѣ добро, то есть то, что онъ и безъ того уже обязанъ сдѣлать или оставить. Если же онъ обѣщаетъ сдѣлать что нибудь дурное или не дѣлать что нибудь доброе, то подобное обязательство не имѣетъ никакой силы, ибо оно противорѣчитъ естественному закону (§§ 1003, 1004). Наконецъ, въ случаѣ, если изъ исполненія обѣщанія можетъ произойти вредъ для одного лица и польза для другаго, надобно изслѣдовать, которое изъ этихъ двухъ послѣдствій болѣе согласуется съ закономъ природы (§ 1007).

Таковы выводы Вольфа. Ясно, что и этимъ путемъ обязательная сила договоровъ не только не доказывается, но напротивъ, уничтожается. Договоръ, съ этой точки зрѣнія, обязателенъ не въ силу даннаго слова, а потому что содержаніе его согласно съ нравственнымъ требованіемъ; но въ такомъ случаѣ, это содержаніе обязательно и безъ договора. Если же оно съ нравственнымъ требованіемъ несогласно, то и договоръ признается недѣйствительнымъ. И точно, съ чисто нравственной точки зрѣнія, не признающей безразличныхъ человѣческихъ дѣйствій, данное обѣщаніе не имѣетъ никакого существеннаго значенія. Юридической обязанности отсюда вывести нельзя, ибо юридическія обязанности, также какъ и нравственныя, въ этой системѣ возлагаются на человѣка исключительно въ виду исполненія нравственнаго закона, а никакъ не въ силу человѣческаго соглашенія.

Невозможность вывести этимъ способомъ обязательную силу договоровъ побудила самого Вольфа прибѣгнуть къ иному началу. Въ позднѣйшемъ своемъ сочиненіи, въ Учрежденіяхъ права естественнаго и общенароднаго (Institutiones juris naturae et gentium), онъ призываетъ на помощь естественную свободу человѣка. Во имя этой свободы, каждый въ опредѣленіи своихъ дѣйствій слѣдуетъ только собственному сужденію (§ 78). Вслѣдствіе этого, онъ не можетъ быть принуждаемъ къ исполненію обязанностей человѣколюбія (§ 79). Но именно потому, эти обязанности, а равно и соотвѣтствующее имъ право остаются несовершенными (§ 80). Съ другой стороны, человѣкъ въ исполненіи своихъ нравственныхъ обязанностей, часто нуждается въ чужой помощи, а

потому имѣетъ право обязывать другаго къ тѣмъ дѣйствіямъ, безъ которыхъ онъ не можетъ исполнить своей обязанности. Черезъ это несовершенная обязанность превращается въ совершенную (§ 97), однако не иначе какъ съ помощью чужой воли, ибо принудить другаго никто не въ правѣ (§ 385). Надобно, чтобы другой добровольно далъ обѣщаніе; но разъ обѣщаніе дано, оно должно быть исполнено, ибо несовершенное право превратилось въ совершенное (§§ 380, 388).

Въ этой аргументаціи обязательство въ концѣ концовъ становится въ зависимость отъ свободной воли человѣка. Но такой выводъ противорѣчитъ основаніямъ нравственной теоріи права. По ученію Вольфа, право дается человѣку единственно для исполненія обязанностей (§§ 45, 46); слѣдовательно, если для исполненія своей обязанности я нуждаюсь въ чужой помощи, то я въ правѣ ее требовать, а другой не въ правѣ мнѣ отказать: съ его стороны это было бы нарушеніемъ обязанности. Несовершеннаго права и несовершенной обязанности съ этой точки зрѣнія быть не можетъ. Это значитъ признать, что источникъ принудительнаго права, то есть права въ собственномъ смыслѣ, лежитъ не въ нравственной обязанности, а въ свободной волѣ человѣка. Но черезъ это вся нравственная теорія разрушается внутреннимъ противорѣчіемъ.

Съ другой стороны однако, невозможно вывести обязательную силу договоровъ и изъ чистаго начала свободы, въ смыслѣ личнаго произвола, зависящаго единственно отъ себя самого. Это начало было положено въ основаніе индивидуалистическихъ теорій XVIII-го вѣка. Всѣ человѣческія обязанности выводились изъ общественнаго договора, въ силу котораго человѣкъ жертвуетъ частью своей свободы въ виду пользы приносимой общежитіемъ. Но такъ какъ судьею этой пользы остается онъ самъ, то договоръ никогда не можетъ быть для него обязательнымъ. Общественный договоръ, говоритъ Гольбахъ, «возобновляется безпрерывно; человѣкъ постоянно держитъ вѣсы, чтобы взвѣшивать и сравнивать выгоды и невыгоды, проистекающія для него отъ общества, въ которомъ онъ живетъ. Если блага перевѣшиваютъ зло, благоразумный человѣкъ будетъ доволенъ своею судьбою.... Если, напротивъ, зло перетягиваетъ на вѣсахъ и возмѣщается только небольшими благами, то общество теряетъ надъ нимъ свои права, онъ отъ него удаляется» [1]).

[1]) Politique Naturelle, Discours 1, § 6.

Прибавимъ, что съ этой точки зрѣнія, неблагоразумный человѣкъ, точно также какъ и благоразумный, остается единственнымъ судьею выгодъ и невыгодъ, а слѣдовательно и обязательной силы договора. Сегодня онъ обязался, а завтра онъ находитъ, что обязательство для него невыгодно; кто же можетъ принудить его къ исполненію? Это будетъ насиліе. Мы возвращаемся къ воззрѣнію Спинозы, съ тою разницею, что Спиноза считалъ принужденіе со стороны власти такимъ же проявленіемъ естественной силы, а потому и естественнаго права, какъ и личную волю. Индивидуалистическая же теорія признаетъ правомѣрною только личную волю, а всякое принужденіе, не основанное на добровольномъ согласіи, считаетъ неправдою. Послѣдовательно проводя эту систему, необходимо признать, что договоры обязательной силы не имѣютъ, а потому необязательно и основанное на договорѣ общежитіе со всѣми вытекающими изъ него послѣдствіями. Человѣкъ не связанъ ничѣмъ; онъ всегда остается полновластнымъ хозяиномъ своихъ дѣйствій. Но такъ какъ это право одинаково принадлежитъ всѣмъ, то оно само себя разрушаетъ. И эта теорія падаетъ вслѣдствіе внутренняго противорѣчія.

Несостоятельность всѣхъ этихъ односторонних точекъ зрѣнія побудила скептицизмъ совершенно отказаться отъ теоретическаго рѣшенія этой задачи и искать основанія для обязательной силы договоровъ исключительно въ практическомъ началѣ пользы. Юмъ отвергалъ теорію, выводившую гражданскій порядокъ изъ договора, доказывая, что самая обязанность соблюдать договоры основана на общественныхъ потребностяхъ. Говорятъ, что мы должны повиноваться властямъ, потому что мы обязаны соблюдать обѣщанія; но почему же мы обязаны соблюдать обѣщанія? Потому что сношенія между людьми, доставляющія имъ значительныя выгоды, не могутъ быть обезпечены, если люди не соблюдаютъ своихъ обязательствъ. Слѣдовательно, все дѣло въ томъ, что общество безъ этого не могло бы существовать, и этого начала достаточно для оправданія необходимости подчиняться властямъ, безъ всякаго предшествующаго договора [1]).

Тоже самое повторяетъ и Бентамъ. «Зачѣмъ надобно соблюдать свои обязательства? Потому что вѣрность обѣщаніямъ составляетъ основаніе общества. Для пользы всѣхъ, обѣщанія каждаго лица

[1]) Essay XII: Of the original contract.

должны быть священны. Между людьми не было бы болѣе безопасности, торговли, довѣрія, подобно бы было возвратиться въ лѣса, еслибы договоры не имѣли болѣе обязательной силы» [1]). Бентамъ идетъ даже далѣе: развивая начало пользы, онъ доказываетъ, что единственное основаніе обязательной силы договора заключается въ томъ, что онъ выгоденъ для обѣихъ сторонъ. «Договоръ, въ строгомъ смыслѣ, говоритъ онъ, самъ по себѣ не имѣетъ силы; ему нужно основаніе, нужна первая и независимая причина. Договоръ служитъ доказательствомъ взаимной выгоды договаривающихся сторонъ. Отъ этой присущей ему пользы онъ получаетъ свою силу; этимъ различаются случаи, когда онъ долженъ быть утвержденъ, отъ тѣхъ, когда онъ долженъ быть уничтоженъ. Еслибы договоръ самъ по себѣ имѣлъ силу, онъ всегда имѣлъ бы одинаков дѣйствіе; если его вредное направленіе дѣлаетъ его ничтожнымъ, то ясно, что именно его полезное направленіе дѣлаетъ его дѣйствительнымъ» [2]). На этомъ основаніи Бентамъ утверждалъ, что договоръ долженъ быть уничтоженъ всякій разъ, какъ вмѣсто пользы онъ оказывается вреднымъ либо одной изъ сторонъ, либо публикѣ. Кто же однако является судьею этой пользы или вреда? Если каждое договаривающееся лице, то очевидно, что договоръ будетъ обязателенъ лишь на столько, на сколько каждый считаетъ его для себя полезнымъ, то есть, обязательная сила его исчезнетъ. Поэтому необходимо судьею признать общественную власть. Это и дѣлаетъ Бентамъ. «Никакой договоръ, говоритъ онъ, самъ по себѣ не ничтоженъ, также какъ никакой договоръ самъ по себѣ не дѣйствителенъ. Законъ, въ каждомъ данномъ случаѣ, даетъ или отнимаетъ у него дѣйствительную силу. Но для дозволенія, равно и какъ для запрещенія, ему нужно основаніе» [3]).

Такимъ образомъ, отъ усмотрѣнія власти зависитъ укрѣпить договоръ или его уничтожить, смотря по тому, считаетъ ли она его полезнымъ для сторонъ или нѣтъ. Очевидно, что мы вступаемъ тутъ въ область чистаго произвола; власть вмѣшивается во всѣ частныя отношенія и становится опекуномъ всѣхъ и каждаго. О правѣ, о судѣ тутъ не можетъ быть рѣчи.

---

[1]) Principes de Législation, ch. XIII 9.
[2]) Principes du Code civil, 2-me partie, ch. V, 3.
[3]) Тамъ же, ch. 11, 2.

Но, говоритъ Бентамъ, законъ въ дозволеніи, равно какъ и въ запрещеніи, руководствуется извѣстнымъ основаніемъ. Какимъ же? Частною выгодою сторонъ или общественною пользою? Если первою, то всякій имѣетъ право требовать уничтоженія договора, какъ скоро онъ оказался для него невыгоднымъ: это прямо вытекаетъ изъ положеній Бентама. Но въ такомъ случаѣ исчезаетъ всякая прочность отношеній и расчитывать ни на что нельзя, а это противорѣчитъ общественной пользѣ. Если же мы послѣднюю примемъ за мѣрило и скажемъ, что договоры должны соблюдаться, потому что общественная жизнь требуетъ прочныхъ отношеній и возможности дѣлать вѣрный расчетъ на будущее, то всѣ договоры будутъ равно обязательны, выгодные и невыгодные. Въ такомъ случаѣ я обязанъ соблюдать договоръ, не потому что это полезно для меня, а потому что это полезно для общества. Но на какомъ основаніи можетъ общество предъявить мнѣ подобное требованіе? Общество далеко не всѣмъ обезпечиваетъ вѣрность расчетовъ на будущее. Если я, напримѣръ, купилъ товаръ въ виду выгодной продажи, а цѣна вдругъ упала, то общество не заставляетъ покупателя брать у меня товаръ по прежней цѣнѣ, чтобы я не былъ обманутъ въ своемъ расчетѣ; въ силу чего же меня заставляютъ платить за купленный въ долгъ товаръ именно по той цѣнѣ, за которую я его купилъ, хотя бы эта цѣна впослѣдствіи оказалась для меня невыгодною? Почему расчетъ одного продавца обезпечивается, а другаго нѣтъ? и въ силу чего одинъ покупатель принуждается къ уплатѣ по невыгодной для него цѣнѣ, а другой нѣтъ? Единственная причина та, что одинъ обязался, а другой нѣтъ. Слѣдовательно, основаніе, почему законъ требуетъ уплаты по извѣстной цѣнѣ, заключается отнюдь не въ общественной пользѣ, не въ прочности отношеній, не въ обезпеченности расчетовъ, а въ томъ частномъ дѣйствіи лица, по которому оно приняло на себя извѣстное обязательство. Общественная польза ко всѣмъ относится одинаково и всѣмъ предъявляетъ одинакія требованія. Если же одно частное лице принуждается что либо сдѣлать въ пользу другаго, то основаніе заключается не въ обществѣ, а въ немъ самомъ. Однако не въ его личной пользѣ, ибо каждый самъ судья своей личной пользы, а тутъ законъ заставляетъ его дѣлать именно то, что для него невыгодно. Также и не въ личной пользѣ другаго, ибо во имя своей личной пользы никто не имѣетъ права что либо требовать отъ дру-

гаго, и общество не имѣетъ никакого основанія предпочитать личную пользу одного изъ своихъ членовъ личной пользѣ другаго. Для того чтобы другой сдѣлалъ для меня что нибудь полезное, необходимо его согласіе, если только онъ свободное существо, и въ этомъ согласіи заключается единственная причина, почему я могу отъ него что нибудь требовать, слѣдовательно, въ немъ заключается и единственный источникъ обязательной силы договоровъ.

И такъ, ссылка на практическую пользу не только не объясняетъ обязательной силы договоровъ, но ставитъ вопросъ на совершенно ложную почву и тѣмъ вовлекаетъ насъ въ нескончаемыя противорѣчія. Волею или неволею, приходится возвратиться къ свободной волѣ человѣка; однако не къ чистому произволу, не знающему надъ собою никакого закона и отрицающему все, что можетъ его связывать, а къ свободѣ разумной, которая сама себѣ становится закономъ. Такова точка зрѣнія идеализма. Въ немъ начало закона внутреннимъ образомъ сочетается съ свободою, и всѣ предшествующія точки зрѣнія сводятся къ высшему единству.

По ученію Канта, свобода есть умозрительное начало, которое управляется чистыми законами разума. Въ приложеніи къ внѣшнимъ дѣйствіямъ человѣка, этотъ законъ есть право, которымъ опредѣляются условія совмѣстнаго существованія свободы различныхъ разумныхъ существъ. Въ договорѣ эти условія установляются соглашеніемъ сторонъ. Отсюда возникаетъ отношеніе юридическое, слѣдовательно умственное, независимое отъ условій пространства и времени, а потому постоянно обязательное. Такимъ образомъ, обязательная сила договоровъ составляетъ необходимое требованіе практическаго разума, требованіе, вытекающее изъ самаго его существа и не подлежащее дальнѣйшимъ доказательствамъ (Rechtslehre § 19).

Этотъ выводъ ставитъ вопросъ на настоящую почву. Имъ равно удовлетворяются и субъективныя требованія свободы и объективныя требованія закона. Въ школѣ Канта и тѣ и другія получили дальнѣйшее развитіе. Субъективная сторона весьма хорошо формулирована Роттекомъ. Область свободы каждаго лица, говоритъ онъ, замкнута для всѣхъ другихъ, но волею самого лица въ нее можетъ быть открытъ доступъ. Я могу дать другому право на свое дѣйствіе, а разъ я далъ обѣщаніе и тѣмъ связалъ свое дѣйствіе съ свободою другаго, я обязанъ обѣщаніе исполнить, ибо иначе я нарушаю чужую свободу (Vernunftrecht, §§ 27, 28).

Противъ этого не имѣетъ силы возраженіе, которое дѣлаетъ Аренсъ, что право не переносится на другое лицо однимъ обѣщаніемъ, а только исполненіемъ, прежде же исполненія ничего не перенесено, а потому воля остается свободною (Naturrecht, § 82). Аренсъ видитъ въ этомъ доказательство, что изъ субъективной воли нельзя вывести объективное отношеніе. Но его возраженіе основано на смѣшеніи юридическаго отношенія съ эмпирическимъ. Съ юридической точки зрѣнія, договоромъ право уже перенесено на другое лицо; исполненіе же договора есть осуществленіе въ реальномъ мірѣ установленнаго уже идеальнаго отношенія. На это именно указалъ Гегель, который ясно формулировалъ объективную сторону договора. Договоръ, говоритъ онъ, не есть просто выраженіе чего бы то ни было; онъ содержитъ въ себѣ состоявшуюся совокупную волю, въ которой исчезаетъ произволъ субъективной мысли и ея измѣненій. Этотъ моментъ совокупной воли составляетъ существенное въ юридическомъ значеніи договора; остающееся же пока владѣніе есть не болѣе какъ внѣшняя сторона, которая должна опредѣляться первою. Договоромъ я уже отдалъ извѣстную собственность, а вмѣстѣ и право произвольно ею распоряжаться; она сдѣлалась уже собственностью другаго, а потому я непосредственно обязанъ къ исполненію. Въ этомъ, замѣчаетъ Гегель, заключается различіе между простымъ обѣщаніемъ и договоромъ. Въ первомъ выражается только субъективное опредѣленіе воли, которое для лица не обязательно, а потому подлежитъ измѣненію; въ договорѣ же состоялось уже совокупное рѣшеніе, субъективное отношеніе превратилось въ объективное (Phil. d. Rechts § 19). Договоръ, по выраженію юристовъ, составляетъ законъ для сторонъ, законъ, установленный самою свободою, вытекающій изъ ея автономіи, но тѣмъ не менѣе для нея обязательный, ибо имъ опредѣляется взаимное отношеніе воль и способъ совмѣстнаго ихъ существованія, а это и есть право.

Изъ этого опять можно видѣть, какимъ вѣрнымъ пониманіемъ юридическихъ отношеній руководствовался Гегель, когда онъ, не смотря на свою чисто идеалистическую точку зрѣнія, полагалъ существо договора въ волѣ, а не въ цѣли. Этого подводнаго камня не избѣгла идеалистическая школа Краузе. Мы видѣли уже, что Аренсъ отвергаетъ возможность вывести объективное начало въ договорѣ изъ субъективнаго начала свободы. Разсматривая право, какъ совокупность условій для достиженія всѣхъ разумныхъ цѣлей чело-

вѣка, Аренсъ въ этихъ цѣляхъ видитъ основаніе обязательной силы договоровъ. Какъ разумное существо, человѣкъ полагаетъ себѣ цѣли для будущаго, а такъ какъ для существованія ихъ требуется чужое содѣйствіе, то онъ долженъ имѣть возможность расчитывать на это содѣйствіе. Никакой расчитанный на будущее планъ дѣйствій не былъ бы возможенъ, еслибы каждый могъ по своему произволу отступать отъ договоровъ. Слѣдовательно, основаніе обязательной ихъ силы лежитъ въ разумномъ характерѣ человѣка и въ разумномъ, сообразномъ съ извѣстнымъ планомъ исполненіи его жизненнаго назначенія (Naturrecht. § 82).

Этотъ доводъ, также какъ и практическія соображенія Бентама, идетъ слишкомъ далеко. Еслибы потребность устроить свою жизнь по извѣстному плану могла служить достаточнымъ юридическимъ основаніемъ для вынужденія чужаго содѣйствія, то это начало простиралось бы не на одни договоры, но и на всякое другое дѣйствіе. Для объясненія особенной обязательной силы договоровъ нужно, слѣдовательно, искать иного основанія. Поэтому самъ Аренсъ, когда онъ говоритъ объ обязательствахъ вообще, основываетъ ихъ на совершенно другомъ началѣ. «Характеръ обязательства, говоритъ онъ, не заключается, какъ часто признаютъ на основаніи римско-юридическаго воззрѣнія, въ извѣстной власти или въ господствѣ одного лица надъ волею другаго, оно содержитъ въ себѣ только т р е б о в а н і е, обращенное къ свободной волѣ, которая прежде всего должна свободно опредѣляться къ исполненію своего обязательства и считать себя связанною въ договорахъ нравственно-юридическою связью вѣрности. Поэтому, своимъ существеннымъ характеромъ, право обязательствъ есть отношеніе в ѣ р н о с т и, и при исполненіи обязательства важнѣйшій моментъ заключается въ свободной доброй волѣ обязаннаго, тогда какъ необходимымъ иногда принужденіемъ не всегда достигается исполненіе обязательства, а наступаетъ только вознагражденіе ущерба» (§ 78).

Но если основаніе обязательства заключается въ вѣрности, то человѣческія цѣли тутъ ни при чемъ. Надобно только объяснить, что такое вѣрность, на чемъ она основана и какія изъ нея вытекаютъ требованія. Но именно этого Аренсъ не дѣлаетъ, вслѣдствіе чего у него оказывается смѣшеніе юридическихъ началъ съ нравственными. Теоретически, онъ хочетъ основать святость договоровъ на чисто юридическомъ началѣ, съ устраненіемъ нравственности (§ 82); но окон-

чательно все основывается на нравственномъ сознаніи и на доброй волѣ обязаннаго лица, слѣдовательно на чисто нравственномъ началѣ. Очевидно, что подобное основаніе недостаточно: юридическое начало отличается отъ нравственнаго именно тѣмъ, что оно принудительно, принужденіе же въ обязательствахъ основано не на доброй волѣ обязаннаго лица, а на томъ, что одно лицо имѣетъ право на дѣйствіе другаго, то есть, на устраненномъ Аренсомъ римско-юридическомъ воззрѣніи. Послѣднее, слѣдовательно, одно выражаетъ собою истинную сущность юридически обязательныхъ отношеній.

Такое же смѣшеніе нравственныхъ понятій съ юридическими мы находимъ и у Шталя. Но здѣсь это объясняется основною точкою зрѣнія автора, который весь юридическій порядокъ строитъ на нравственномъ началѣ. Шталь, также какъ и Аренсъ, выводитъ обязательную силу договоровъ изъ принадлежащихъ къ самому существу человѣческой личности началъ свободы и вѣрности. Послѣдняя состоитъ въ неизмѣнности воли на будущее время. Договоръ основанъ на обоихъ, но обязательная сила его заключается въ вѣрности, которая есть нравственная идея всѣхъ обязательныхъ отношеній, какъ нравственныхъ, такъ и юридическихъ (Phil. d. Rechts, II, § 55). Шталь увѣряетъ даже, что Кантъ, думая выводить обязательную силу договоровъ изъ свободы, въ сущности выводитъ ее изъ вѣрности (§ 56 прим.).

Если подъ именемъ вѣрности разумѣть постоянство воли, то она безъ сомнѣнія требуется во всякомъ договорѣ; но вопросъ состоитъ въ томъ: въ силу чего она требуется? Если во имя нравственнаго начала, то этого недостаточно: не всякое обѣщаніе можетъ быть вынуждено. Обязательная сила договоровъ, какъ юридическихъ отношеній, основана не на нравственномъ требованіи, а на томъ, что здѣсь свобода одного лица связывается съ свободою другаго. Обязавшись, я не могу измѣнить своей воли, не нарушивъ чужой свободы. Только отсюда со стороны другаго можетъ возникать требованіе и сопровождающее его принужденіе. Слѣдовательно, единственное опредѣляющее начало здѣсь — свобода; связью же служитъ свободное соглашеніе, установляющее отношеніе свободы одного къ свободѣ другаго.

Кромѣ того, съ нравственной точки зрѣнія, неизмѣнность воли тогда только составляетъ обязанность, когда она служитъ нравственной цѣли. Мы возвращаемся къ теоріи Вольфа. Вслѣдствіе это-

го, самъ Шталь видитъ въ свободѣ и вѣрности только субъективныя основанія обязательной силы договоровъ. Сверхъ того, требуется еще объективное основаніе, которое состоитъ въ служеніи высшей цѣли. Нравственно обязательнымъ, говоритъ Шталь, договоръ долженъ считаться только тогда, когда онъ служитъ нравственной цѣли; юридически обязательнымъ, когда онъ служитъ цѣли юридической, то есть, вытекающимъ изъ общественнаго порядка потребностямъ оборота, для которыхъ соглашеніе служитъ только средствомъ. Съ этой точки зрѣнія, обязательства не представляются чистымъ произведеніемъ человѣческой свободы; это—очерченныя уже общимъ порядкомъ области, въ которыхъ свободное соглашеніе нужно только для вступленія и для ближайшаго опредѣленія указаннаго уже закономъ содержанія. Такимъ образомъ, хотя соглашеніе воль составляетъ собственно обязательный моментъ въ договорѣ, но оно получаетъ силу единственно подъ условіемъ объективнаго содержанія. Къ субъективному, формальному моменту, заключающемуся въ свободѣ и вѣрности, присоединяется объективный моментъ, высшее назначеніе (τέλος) договорной связи. Это послѣднее начало, говоритъ Шталь, было совершенно упущено изъ виду прежнею философіею права, которая, вслѣдствіе своего отвлеченнаго и субъективнаго характера, лишало право одушевляющихъ его нравственныхъ идей (§ 56).

Въ этомъ объясненіи обязательной силы договоровъ мы видимъ попытку связать субъективное начало съ объективнымъ, но попытку неудачную, вслѣдствіе смѣшенія нравственной точки зрѣнія съ юридическою. Обязательный моментъ въ договорѣ все таки полагается въ субъективномъ началѣ, но лишь подъ условіемъ служенія высшей цѣли. Между тѣмъ, никакого служенія высшей цѣли въ договорѣ не требуется. Шталь смѣшиваетъ договоры съ тѣми постоянными союзами, въ которые человѣкъ добровольно вступаетъ, но которыхъ содержаніе опредѣляется не имъ; таковъ, напримѣръ, бракъ. Въ договорахъ же, касающихся имущественной сферы, какъ признаетъ и Шталь, не только самое существованіе ихъ и продолженіе зависятъ отъ воли сторонъ, но и содержаніе опредѣляется соглашеніемъ. Оборотъ, говоритъ Шталь, требуетъ, чтобы эти отношенія «существовали только сообразно съ волею сторонъ»; слѣдовательно, свободная воля составляетъ единственное опредѣляющее ихъ начало, источникъ и конецъ всѣхъ договорныхъ отношеній. Законъ установляетъ только безразличную форму, которая пригодна для

всѣхъ цѣлей. Купля, наемъ, заемъ, одинаково могутъ служить и потребностямъ оборота, и цѣлямъ человѣколюбія, и мотовству и разврату. Видѣть въ этихъ формальныхъ актахъ выраженіе нравственной идеи значитъ играть словами.

Но изъ того, что обязательная сила и содержаніе договора зависятъ отъ свободной воли сторонъ, вовсе не слѣдуетъ, чтобы всякій договоръ, каково бы ни было его содержаніе, даже самое пустое и нелѣпое, сдѣлался черезъ это равно обязательнымъ, какъ увѣряетъ Шталь. Юридическая свобода имѣетъ свои границы, а въ договорѣ эти границы еще тѣснѣе, нежели въ личныхъ дѣйствіяхъ и въ правѣ собственности, ибо тутъ требуется содѣйствіе власти для принужденія другаго лица. Власть, къ которой взываютъ стороны, въ правѣ требовать, чтобы ее призывали для серіознаго дѣла, а не для пустой и праздной прихоти. Юридическая свобода, которая лежитъ въ основаніи договора, есть свобода разумная. Прихоти предоставляется полный просторъ, но она не можетъ юридически связывать ни себя, ни другаго. Конечно, и за имущественнымъ договоромъ можетъ скрываться чистая прихоть, также какъ можетъ скрываться безнравственная цѣль; но ни та, ни другая не составляетъ содержанія договора, которое состоитъ въ имущественной сдѣлкѣ. Законъ же ограничивается этимъ формальнымъ содержаніемъ, не спрашивая о цѣли, которой оно служитъ.

Эти возраженія имѣютъ силу и противъ Іеринга, который, сообразно съ своею теоріею права, пытается и договоръ свести къ началу цѣли, однако не нравственной, а чисто практической. «Въ виду этой практической необходимости обязательной силы договоровъ, говоритъ онъ, едва можно понять, какимъ образомъ естественно-правовое ученіе могло видѣть въ этомъ вопросѣ въ высшей степени трудную задачу, для разрѣшенія которой одни напрягали величайшія усилія, а другіе отчаявались въ возможности разрѣшенія». Іерингъ объясняетъ эти затрудненія тѣмъ, что философія права, совершенно упуская изъ виду начало цѣли и значеніе обѣщанія для оборота, хотѣла вывести обязательную силу договоровъ чисто изъ природы воли, но не воли, полагающей себѣ извѣстныя цѣли и избирающей для этого средства, а воли измѣнчивой, которая въ слѣдующій моментъ забыла, чего она хотѣла въ предъидущій. Съ этой атомистической, или психологической точки зрѣнія, говоритъ

Іерингъ, конечно, невозможно понять, почему тотъ же самый человѣкъ, который сегодня хочетъ одного, не можетъ завтра хотѣть другаго; но именно эта точка зрѣнія совершенно ложная, ибо вопросъ тутъ не психологическій, а практически-юридическій; онъ заключается не въ томъ, что̀ воля сама по себѣ можетъ сдѣлать, а въ томъ, что̀ она должна сдѣлать, если она хочетъ достигнуть своей цѣли [1]).

Изъ предъидущаго изложенія видно, до какой степени справедливъ упрекъ, который Іерингъ дѣлаетъ философіи права. Только полное незнакомство съ ученіями философовъ объясняетъ подобное сужденіе. Этимъ же объясняется и то, что давно извѣстная теорія практической пользы, которую мы видѣли у Юма и у Бентама, выдается за нѣчто новое. Непонятно только, какимъ образомъ юристъ можетъ эту теорію называть практически-юридическою, тогда какъ она именно практическими юристами не признается. «Юристъ, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Іерингъ, опредѣляетъ договоръ, какъ соглашеніе двухъ лицъ. Съ юридической точки зрѣнія это совершенно вѣрно, ибо связующій моментъ договора лежитъ въ волѣ. Но для насъ, которые во всемъ этомъ изслѣдованіи имѣемъ въ виду не волю, какъ таковую, а опредѣляющій ее моментъ, цѣль, дѣло принимаетъ иной, и, какъ я полагаю, болѣе поучительный оборотъ» (стр. 77). Для насъ значитъ для соціалъ-политики; но поучительна здѣсь только та путаница понятій, которая порождается этою точкою зрѣнія. Съ одной стороны признается, что юристы правы, когда они обязывающее начало договора видятъ въ волѣ, съ другой стороны утверждается, что обязательная сила договора заключается вовсе не въ волѣ, а въ цѣли. Вопросъ, говоритъ Іерингъ, «заключается не въ томъ, что̀ воля можетъ дѣлать, а въ томъ, что̀ она должна дѣлать, если она хочетъ достигнуть въ мірѣ своей цѣли». А если она не хочетъ? если она находитъ, что та цѣль, которую она ставила себѣ вчера, не соотвѣтствуетъ истиннымъ ея интересамъ? Во имя чего станете вы ее принуждать? Во имя собственной ея цѣли? Но вѣдь это нелѣпо. Каждый самъ судья своихъ цѣлей. Разрѣшать вопросъ такимъ образомъ значитъ просто не понять, въ чемъ дѣло. Тогда, конечно, приходится удивляться, почему другіе находятъ въ немъ затрудненія.

Повидимому, самъ Іерингъ смутно чувствуетъ, что съ одною

[1]) Der Zweck im Recht стр. 261—265.

практическою цѣлью ничего не подѣлаешь. Поэтому онъ практическую цѣль возводитъ на степень общественной и исторической цѣли. «Свою цѣль, продолжаетъ онъ, это не значитъ все, что̀ она, то есть воля, можетъ себѣ мысленно предположить, даже самое нелѣпое и безсмысленное, а цѣль, которая ей положена и ограничена тѣмъ міромъ, въ которомъ она дѣйствуетъ, то есть, историческимъ устройствомъ этого міра. И какъ нѣтъ отвлеченнаго, вѣчно себѣ равнаго міра, такъ нѣтъ и отвлеченной формулы для обязательной силы договоровъ; но съ измѣненіемъ міра, то есть, общества и его цѣлей, измѣняется и самое договорное право. Отвѣчать отвлеченно на этотъ вопросъ ничѣмъ не лучше, нежели дать отвлеченный отвѣтъ на вопросъ о наилучшемъ правленіи; и договорное право и государственное устройство суть историческіе факты, которые можно понять только въ связи съ исторіею. Вслѣдствіе того что естественно-правовое ученіе покинуло твердую почву исторіи и хотѣло отвѣчать на вопросъ, исходя изъ существа атомистической воли, отрѣшенной отъ всякаго общества и отъ исторіи, оно лишило себя возможности рѣшенія; утверждало ли оно или отрицало обязательную силу договоровъ, и то и другое было равно ложно, ибо находилось въ рѣзкомъ противорѣчіи съ дѣйствительнымъ міромъ, который не можетъ ни безусловно утверждать, ни безусловно отрицать этотъ вопросъ, но можетъ отвѣчать на него только сообразно съ цѣлями, которыя онъ въ данное время понимаетъ и преслѣдуетъ.» (стр. 265—266).

Мы совершенно недоумѣваемъ, читая эти строки. Что значитъ цѣль, которая лицу полагается міромъ? Значитъ ли это, что она становится для него обязательною? Тогда возникаетъ вопросъ: въ силу чего общественная цѣль, въ договорныхъ отношеніяхъ, можетъ сдѣлаться обязательною для лица? Этотъ вопросъ имѣетъ чисто теоретическое значеніе, помимо всякихъ историческихъ данныхъ. Если же, что вѣроятнѣе, авторъ хотѣлъ только сказать, что лицу предоставляется на волю преслѣдовать или не преслѣдовать всякія цѣли, какія существуютъ въ данномъ обществѣ, то опять возникаетъ вопросъ: въ силу чего дѣйствія, предоставленныя свободѣ, могутъ сдѣлаться обязательными? И этотъ вопросъ имѣетъ чисто теоретическое, то есть, безусловно общее значеніе; онъ относится ко всякимъ договорамъ, каковы бы ни были ихъ цѣли. Ставить его на историческую почву значитъ опять не понять, въ чемъ дѣло.

которая скидываетъ съ себя всѣ узы и является наконецъ владычествующимъ началомъ въ договорахъ, также какъ и въ собственности. Отсюда общепринятыя постановленія: «договоры составляютъ законъ для тѣхъ, кто ихъ заключилъ» (Фр. Гр. Код. ст. 1134) или: въ толкованіи договоровъ «надобно изслѣдовать, каково было общее намѣреніе договаривающихся сторонъ» (ст. 1156). Ссылка Іеринга доказываетъ, слѣдовательно, совершенно противоположное тому, что онъ хотѣлъ доказать.

Но мы не кончили еще съ началомъ цѣли. Въ новѣйшее время пытаются ввести его въ опредѣленіе договора и съ чисто юридической точки зрѣнія. Тутъ уже цѣль понимается не какъ высшее нравственное начало, которому лице обязательно должно служить, и не какъ практическая потребность даннаго общества въ данное время, а чисто какъ личный интересъ кредитора: цѣль обязательства состоитъ въ удовлетвореніи кредитора. Такова теорія, которую развиваетъ Гартманъ въ своемъ сочиненіи: Обязательство (Die Obligation).

Гартманъ только отчасти соглашается съ мнѣніемъ Іеринга, который существо всякаго субъективнаго права полагаетъ въ цѣли, а не въ волѣ. Въ собственности, говоритъ онъ, цѣли остаются внѣ юридической сферы; по своему понятію, собственность есть чистая, отвлеченная принадлежность вещи лицу. Но въ обязательствѣ цѣль неизбѣжно входитъ въ самое понятіе, ибо всякое обязательство относится къ будущему, слѣдовательно къ извѣстной цѣли. Эта цѣль достигается исполненіемъ; обязательное же дѣйствіе есть не болѣе какъ средство, которое поэтому можетъ быть замѣнено всякимъ другимъ (стр. 44, 37).

Съ этой точки зрѣнія, Гартманъ возстаетъ противъ господствующаго въ правовѣдѣніи понятія объ обязательствѣ, какъ правѣ на дѣйствіе другаго лица. Противъ этого онъ приводитъ, что дѣйствіе лица тутъ вовсе не существенно, ибо, въ случаѣ неисполненія, кредиторъ удовлетворяется дѣйствіемъ суда. Онъ можетъ быть удовлетворенъ даже изъ никому еще не принадлежащаго наслѣдства. Обязательство можетъ также быть раздѣлено между нѣсколькими наслѣдниками, тогда какъ дѣйствіе, по существу своему, нераздѣльно. Изъ всего этого ясно, заключаетъ Гартманъ, что дѣло вовсе не въ дѣйствіи, а въ томъ, что этимъ дѣйствіемъ достигается, именно, въ удовлетвореніи частнаго интереса кредитора (стр. 33—37). Этимъ толь-

ко объясняются и юридическія отношенія, возникающія изъ уплаты долга поручителемъ, именно, уничтоженіе долга въ отношеніи къ главному кредитору и возникновеніе новаго долга въ отношеніи къ поручителю. Юристы, для объясненія этого перехода, прибѣгаютъ къ понятію объ уступкѣ права; но такая уступка ничто иное какъ фикція. Другіе, для разрѣшенія этой задачи, принуждены прибѣгнуть къ волѣ законодателя. Между тѣмъ, истинное объясненіе заключается въ томъ, что хотя и удовлетворенъ интересъ главнаго кредитора, но остается неудовлетвореннымъ интересъ поручителя, которому, вслѣдствіе этого, законъ предоставляетъ право иска противъ должника (стр. 46—51).

Не за всякимъ однако заключающимся въ обязательствѣ частнымъ интересомъ Гартманъ признаетъ юридическій характеръ. «Подъ этимъ, говоритъ онъ, не разумѣется чисто фактическій интересъ, который тоже, въ дальнѣйшемъ порядкѣ, лежитъ въ основаніи обязательства, но которымъ не опредѣляется содержаніе юридическаго его понятія. Иными словами: для существованія обязательства юридически безразлична судьба особыхъ дальнѣйшихъ практическихъ цѣлей, которыя кредиторъ имѣлъ въ виду при установленіи этого индивидуальнаго обязательства. Если, напримѣръ, обязательство имѣетъ непосредственною юридическою цѣлью доставленіе вещей съ спеціальною полезностью, то юридическій порядокъ, разъ что кредиторъ воспользовался правомъ требованія, не имѣетъ уже никакого повода контролировать, извлекаетъ ли онъ субъективно для своихъ особенныхъ дѣйствительныхъ отношеній дальнѣйшую пользу изъ того, что онъ получилъ. Такое изслѣдованіе и такой контроль заключали бы въ себѣ совершенно невыносимую, неисполнимую и безполезную систему опеки. Достаточно, если основаніемъ обязательства служитъ интересъ, который, по своей общей объективной природѣ, заслуживаетъ и требуетъ защиты» (стр. 53—54).

И такъ, мы имѣемъ двоякаго рода цѣли и интересы, связанные съ обязательствами, одни—фактическіе, до которыхъ праву нѣтъ дѣла, другіе съ юридическимъ характеромъ, которые правомъ защищаются. Какая же разница между тѣми и другими? Сказать, что одни интересы и цѣли имѣютъ субъективный, а другіе объективный характеръ, какъ дѣлаетъ Гартманъ, ровно ничего не значитъ. Всякій интересъ остается субъективнымъ, пока онъ касается только одного лица, и становится объективнымъ, какъ скоро онъ касается

другихъ. Пользованіе вещью не подлежитъ юридическимъ опредѣленіямъ, пока ею пользуется хозяинъ, но оно становится предметомъ обязательныхъ отношеній, какъ скоро оно предоставляется другому. Въ силу чего же фактическій интересъ переходитъ въ юридическій? На это отвѣчаетъ самъ Гартманъ: надобно чтобы «черезъ особое юридическое основаніе, вытекающее изъ частнаго права (обязывающее дѣйствіе), цѣль индивидуализировалась и полагалась, какъ долженствующая быть достигнутою юридическимъ порядкомъ» (стр. 117). То есть, вся сила не въ цѣли, а въ обязательствѣ. Вслѣдствіе этого, самъ Гартманъ признаетъ, не только что обязывающее дѣйствіе входитъ во всякое обязательство (тамъ же), но и то, что оно составляетъ самую его субстанцію. «Эта субстанція, говоритъ онъ, есть только конкретно основанное и какимъ нибудь юридическимъ способомъ обезпеченное должное (Soll), обращенное на достиженіе напередъ установленной цѣли.... Этой обязанности должника, продолжаетъ Гартманъ, соотвѣтствуетъ, какъ необходимое восполненіе, болѣе или менѣе сильная или слабая власть вѣрителя, которая, въ своемъ направленіи на данную цѣль, составляетъ требованіе. Должное прежде всего принимаетъ образъ обязанности, ибо оно обращается къ волѣ и самоопредѣленію должника. Когда говорятъ, что лицо обязано, то этимъ, безъ сомнѣнія, прежде всего и преимущественно высказывается, что отъ этого лица ожидаютъ того образа дѣйствія, который способенъ вести къ достиженію цѣли обязательства» (стр. 161—162).

Кому же обязанъ должникъ? Очевидно кредитору, которому и принадлежитъ право требовать исполненія обязательства. Но что же все это означаетъ, какъ не право на дѣйствіе другаго лица, то есть, то самое, что отвергалось Гартманомъ? Ничего другаго въ обязательствѣ и не заключается. При этомъ вовсе не нужно, чтобы дѣйствіе было непремѣнно исполнено самимъ обязаннымъ лицемъ. Самъ Гартманъ признаетъ, что замѣна дѣйствія малолѣтняго или сумасшедшаго дѣйствіемъ опекуна юридически оправдывается (стр. 31); почему же онъ не допускаетъ замѣны дѣйствія обязаннаго лица дѣйствіемъ власти? Какъ скоро обязательство не исполнено, такъ необходимо наступаетъ принужденіе со стороны власти. Принужденіе можетъ быть обращено на самое лицо должника, напримѣръ отдачею его въ заработки или заключеніемъ его въ тюрьму, или же, что гораздо проще и одно совмѣстно съ свободою, власть налагаетъ

руку на его имущество и сама дѣлаетъ то, что̀ обязанъ былъ сдѣлать должникъ, то есть, либо уплачиваетъ долгъ, либо даетъ денежное вознагражденіе кредитору. Принудительные способы исполненія не измѣняютъ сущности обязательства, которое состоитъ въ правѣ на дѣйствіе другаго лица; принужденіе имѣетъ въ виду именно восполнить недостатокъ этого дѣйствія. Тоже самое относится и къ уплатѣ долга изъ наслѣдства. Всего менѣе понятно, почему съ общепринятой точки зрѣнія не можетъ быть допущено раздѣленіе обязательства между нѣсколькими наслѣдниками. Нѣтъ ни малѣйшей причины, почему бы дѣйствіе было признано по существу своему недѣлимымъ. Иногда оно, напротивъ, по самой своей природѣ, дѣлится на отдѣльные моменты. Если я, напримѣръ, обязался построить домъ или давать уроки, то я никакъ не могу сдѣлать это въ одинъ разъ. Въ другихъ случаяхъ, то или другое можетъ быть выбрано по произволу: если я обязался заплатить сто рублей, то я могу сдѣлать это и заразъ и въ нѣсколько пріемовъ. Наконецъ, относительно уплаты долга поручителемъ, вовсе не нужно прибѣгать къ понятію объ удовлетвореніи интереса; достаточно понятій о правѣ и обязанности. Право кредитора погашается уплатою; но обязанность должника не уничтожилась, ибо онъ не уплатилъ. Оно обращается только къ другому лицу, которое въ отношеніи къ кредитору стало на мѣсто должника, уплативши долгъ, а въ отношеніи къ должнику становится теперь на мѣсто кредитора въ силу этой самой уплаты. Основаніе здѣсь не интересъ, а извѣстное юридическое дѣйствіе, порождающее права и обязанности.

Такимъ образомъ, во всѣхъ этихъ возникающихъ изъ обязательствъ отношеніяхъ нѣтъ ни малѣйшей нужды прибѣгать къ понятіямъ цѣли и интереса. Это—фактическая область, которая остается внѣ юридическихъ опредѣленій. Интересъ и цѣль тогда только получаютъ юридическій характеръ, когда они становятся *правомъ*. Вся задача юридическаго порядка состоитъ въ удовлетвореніи права. Интересъ должника можетъ быть гораздо значительнѣе, нежели интересъ кредитора; но онъ не принимается въ расчетъ юридическимъ закономъ, ибо право на сторонѣ кредитора. Конечно, если подъ именемъ цѣли разумѣть самое исполненіе обязательства, то есть, удовлетвореніе права, то оно, безъ сомнѣнія, составляетъ существенный элементъ всякаго обязательства: обязательство и есть обязательство, потому что оно должно быть исполнено. Это — чисто тавто-

логическое положеніе, котораго никто не отрицаетъ. Но здѣсь цѣль опредѣляется правомъ, а не наоборотъ. Если же подъ именемъ цѣли разумѣть, какъ и слѣдуетъ, не это чисто формальное начало, а ту пользу, которую имѣютъ въ виду стороны при заключеніи договора, то она входитъ въ обязательство лишь на столько, на сколько она выражается въ установляемыхъ волею сторонъ правахъ и обязанностяхъ. Сама по себѣ, цѣль можетъ даже вовсе не быть выражена. Нерѣдко она состоитъ не въ удовлетвореніи интереса кредитора, а напротивъ, въ удовлетвореніи интереса должника. Такъ напримѣръ, заемъ заключается потому, что деньги нужны должнику; со стороны кредитора это можетъ быть просто одолженіемъ. Но должникъ обязанъ возвратить деньги, потому что онъ взялъ чужое. Такимъ образомъ, для опредѣленія существа договора совершенно достаточно понятій о правѣ и о соотвѣтствующей ему обязанности; цѣль же можетъ быть нужна только для ближайшаго уясненія воли сторонъ, составляющей источникъ юридическаго отношенія.

Результатъ всего предъидущаго изслѣдованія состоитъ въ томъ, что договоръ есть выраженіе свободы. Права и обязанности, составляющія его содержаніе, установляются и опредѣляются свободною волею лицъ. Поэтому всякое свободное лице, располагающее собою и своими средствами, имѣетъ право заключать договоры по своему усмотрѣнію. Только для неполноправныхъ требуется чужое согласіе, ибо въ нихъ не предполагается свободная и разумная воля. Малолѣтніе и безумные замѣняются опекуномъ; договоры несовершеннолѣтнихъ недѣйствительны безъ согласія попечителя. Тамъ, гдѣ женщины признаются неполноправными, и для нихъ требуется утвержденіе опекуна. Иногда, въ видахъ огражденія имущества дѣтей, установляется опека надъ расточителями. Но все это не болѣе какъ изъятія изъ общаго порядка. Относительно лицъ полноправныхъ, въ которыхъ всегда предполагается свободная и разумная воля, свобода договоровъ составляетъ коренное юридическое правило, вытекающее изъ самаго понятія о свободѣ лица.

Но если договоры имѣютъ юридическое значеніе, какъ выраженіе свободной воли лицъ, то обстоятельства, нарушающія свободу, тѣмъ самымъ уничтожаютъ обязательную силу договоровъ. Правовѣдѣніе издавна занималось опредѣленіемъ этихъ отрицательныхъ причинъ. Таковы насиліе, обманъ, заблужденіе. Со времени римскихъ юри-

стовъ, на этотъ счетъ установились болѣе или менѣе однообразныя понятія, хотя въ приложеніи ихъ могутъ встрѣчаться значительныя затрудненія.

Насиліе и обманъ суть беззаконныя дѣйствія чужой воли, вынуждающей обязательство посредствомъ страха или ложнаго представленія. Нѣтъ сомнѣнія, что они составляютъ совершенно основательныя причины для уничтоженія обязательной силы договоровъ; но надобно въ каждомъ данномъ случаѣ доказать, что ими дѣйствительно нарушена свобода воли. Поэтому требуется, чтобы страхъ былъ не пустой, а такой, который бы могъ быть ощущаемъ разумнымъ человѣкомъ, по ученію римскихъ юристовъ даже человѣкомъ самымъ твердымъ (non vani hominis, sed qui merito et in hominem constantissimum cadat). Требуется, чтобы былъ страхъ настоящаго зла, а не будущаго, или возможнаго. Какъ скоро воля человѣка признается способною быть источникомъ юридическихъ отношеній, такъ въ ней предполагаются извѣстныя качества, отсутствіе которыхъ вредитъ человѣку, но не можетъ служить поводомъ къ уничтоженію пріобрѣтеннаго другимъ права.

Точно также и относительно обмана, надобно различать настоящій обманъ отъ такого преслѣдованія собственной выгоды, которое, хотя и клонится къ ущербу другаго лица, но не посягаетъ на свободное его рѣшеніе. Римскіе юристы прямо признавали, что «въ цѣнѣ купли и продажи договаривающимся естественно дозволено обходить другъ друга» (in pretio emtionis et venditionis naturaliter licere contrahentibus se circumvenire). Только въ концѣ Имперіи дозволено было продавцу недвижимаго имущества требовать уничтоженія договора или доплаты, въ случаѣ еслибы онъ продалъ его ниже половины ходячей цѣны. Это постановленіе перешло и въ нѣкоторыя новыя законодательства. Редакторы французскаго Гражданскаго Кодекса подводили такого рода договоръ подъ понятіе объ обманѣ [1]). Но другія законодательства подобнаго права за продавцемъ не признаютъ.

Что же касается до заблужденія, то здѣсь уже причина лежитъ

---

[1]) См. докладъ Порталиса въ преніяхъ о Гражданскомъ Кодексѣ. Порталисъ ссылается на римскихъ юристовъ, которые такого рода ущербъ называли dolum re ipsa, также на Дюмулена, который потерпѣвшаго обозначалъ словами: deceptus ultra dimidiam partem, наконецъ, на нѣкоторыя законодательныя постановленія, въ которыхъ прямо говорится: non laesio, sed potius deceptio.

не въ чужой, а въ собственной волѣ. Очевидно однако, что обязательство не можетъ быть признано выраженіемъ моей воли, если я хотѣлъ не этого, а совсѣмъ другаго, то есть, если выраженіе воли не совпадаетъ съ дѣйствительною волею [1]). Но и тутъ необходимо, чтобы ошибка была фактическая, чтобы она была доказана, и чтобы она не происходила отъ моей вины. Иначе никакія обязательства не будутъ имѣть прочности.

Изъ всего этого видно, что юристы издавна старались опредѣлить, на сколько это позволяетъ самое существо дѣла, причины, нарушающія свободу человѣка. Но имъ не приходило въ голову причислять къ этимъ причинамъ внѣшнія матеріальныя обстоятельства, которыя могутъ побудить человѣка заключить болѣе или менѣе невыгодную для него сдѣлку. Договоръ, какъ юридическое начало, есть формальная рамка для выраженія человѣческой воли. Задача законодательства заключается въ томъ, чтобы эта рамка была достаточно широка для вмѣщенія добровольныхъ отношеній всякаго рода. Но содержаніе въ эту рамку влагается волею сторонъ, и тѣ побужденія, которыми при этомъ руководствуются лица, опредѣляются ими самими, а не закономъ. Въ этомъ именно и состоитъ свобода. Эти побужденія могутъ быть столь же разнообразны, какъ разнообразна самая жизнь. Всякій договоръ заключается въ виду извѣстной потребности. Эта потребность можетъ быть больше или меньше; она можетъ состоять въ простой прихоти или въ гнетущей нуждѣ. До всего этого юридическому закону нѣтъ дѣла; онъ требуетъ только, чтобы эти обстоятельства взвѣшивались самимъ договаривающимся лицемъ, и чтобы рѣшеніе вытекало изъ его собственной, а не изъ чужой воли. Какъ скоро эти условія существуютъ, договоръ можетъ и долженъ быть признанъ свободнымъ, ибо онъ составляетъ выраженіе собственнаго рѣшенія человѣка.

Между тѣмъ, соціалисты вопіютъ, что установляемая правомъ свобода договоровъ есть свобода мнимая. Они утверждаютъ, что договоръ рабочаго съ хозяиномъ не можетъ считаться свободнымъ, такъ какъ хозяинъ, имѣя собственность, всегда можетъ притѣснить рабочаго, а послѣдній, подъ вліяніемъ нужды, принужденъ согла-

---

[1]) Римскіе юристы выражаются такъ: in omnibus negotiis contrahendis .... si error aliquis intervenerit, ut aliud sentiat, puta, qui emit aut qui conduxit, aliud, qui cum his contrahit, nihil valet, quod acti sit. Dig. 44, 7, 57

ситься на всѣ условія. И не у однихъ рабочихъ отрицается свобода. «Торговля, говоритъ Прудонъ, существуетъ только между свободными людьми: при иныхъ условіяхъ можетъ быть сдѣлка, совершенная съ помощью насилія и обмана, но нѣтъ торговли. Свободенъ человѣкъ, который пользуется своимъ разумомъ и своими способностями, который не ослѣпленъ страстью, не находится подъ вліяніемъ страха, не обманутъ ложнымъ мнѣніемъ... Крестьянинъ, нанимающій землю, промышленникъ, который занимаетъ капиталы, плательщикъ податей, который платитъ провозныя пошлины, соляной акцизъ, патентный сборъ, личные и имущественные налоги и проч., а также и депутатъ, который за эти налоги подастъ свой голосъ, не имѣютъ ни разумѣнія, ни свободы дѣйствія. Враги ихъ суть собственники, капиталисты, правительство. Возвратите людямъ свободу, освѣтите ихъ разумъ, такъ чтобы они знали смыслъ своихъ договоровъ, и вы увидите, что полнѣйшее равенство будетъ царствовать въ мѣнѣ, безъ всякаго вниманія къ превосходству талантовъ и знанія» [1]). Послѣднее приводится, какъ доказательство, что талантъ долженъ быть вознагражденъ единственно по времени работы и не имѣетъ права требовать себѣ чего нибудь лишняго. Всякій договоръ, въ которомъ не признается это начало, по мнѣнію Прудона, не свободенъ. Очевидно, что съ этой точки зрѣнія свободными должны считаться только люди, раздѣляющіе мнѣнія Прудона.

Соціалисты каѳедры и соціалъ-политики повторяютъ эти возгласы. Юридическій порядокъ, а равно экономическая теорія и практика, говоритъ Адольфъ Вагнеръ, въ вопросѣ о распредѣленіи народнаго богатства пробавляются системою с в о б о д н ы х ъ договоровъ. Но это значитъ не развязать, а разрубить узелъ, ибо собственность и наслѣдство признаются уже существующими, и эта существующая собственность составляетъ основаніе условій, при которыхъ пріобрѣтается новая собственность. «С в о б о д а договоровъ, заключаемыхъ на этомъ основаніи, оказывается съ самаго начала ф и к ц і е ю», ибо доля каждаго въ этой «системѣ мнимо-свободныхъ договоровъ» зависитъ отъ всякаго рода случайностей [2]).

И такъ, если я нанимаю, напримѣръ, повара, то договоръ не-

---

[1]) Qu'est ce que la propriété, ch. III § 7.

[2]) Grundlegung стр. 483.

свободенъ, потому что я владѣлецъ дома, можетъ быть даже полученнаго по наслѣдству, а онъ имѣетъ только свои руки и свое умѣніе! Когда сорокъ лѣтъ тому назадъ, Прудонъ объявилъ, что собственность есть воровство, это было принято, какъ и слѣдовало, за парадоксъ софиста, любившаго щеголять громкими фразами. Но теперь уже мы дожили до того, что профессоръ, занимающій одну изъ важнѣйшихъ каѳедръ въ Германіи, въ учебникѣ, назначенномъ для руководства юношества, провозглашаетъ, что существованіе чужой собственности есть рабство и насиліе. Мудрено ли, что соціализмъ принялъ такое ужасающее развитіе въ Германіи? Когда хаосъ царствуетъ въ умахъ, чего же ожидать въ общественномъ бытѣ?

Но если существованіе чужой собственности дѣлаетъ свободу мнимою, то въ чемъ же состоитъ, по мнѣнію Вагнера, истинная свобода? «Личная свобода вообще и свобода договоровъ въ особенности, говоритъ Вагнеръ, должна получать содержаніе, объемъ, а потому и границы, смотря по потребностямъ общества» (стр. 305). То есть, человѣкъ долженъ преслѣдовать не свои цѣли, а общественныя; онъ долженъ не самъ рѣшать, что и какъ ему дѣлать, а слѣдовать предписаніямъ общества; однимъ словомъ, истинная свобода, по мнѣнію Вагнера, состоитъ въ томъ, что человѣкъ изъ самостоятельнаго лица становится орудіемъ общества. Всѣ, отъ мала до велика, должны быть объявлены неполноправными и поставлены подъ общественную опеку. Нельзя не сказать, что подобное мнѣніе совершенно послѣдовательно: когда въ свободѣ видишь порабощеніе, то естественно въ порабощеніи видѣть свободу.

Но при такомъ взглядѣ не надобно уже говорить о свободѣ труда, въ томъ смыслѣ какъ это слово понимается обыкновенно людьми; ибо свободнымъ трудомъ называется тотъ, который основанъ на свободномъ договорѣ. Очевидно, что если свободный договоръ есть фикція, то и свободнаго труда на свѣтѣ не существуетъ. Это и признаютъ послѣдовательные соціалисты, которые въ существующихъ договорныхъ отношеніяхъ видятъ только видоизмѣненіе рабства. Но Вагнеръ преспокойно, вслѣдъ за экономистами, распространяется о выгодахъ свободнаго труда и показываетъ постепенное его историческое развитіе въ современныхъ обществахъ (§§ 210—215). Мало того: онъ признаетъ даже, что при существующемъ порядкѣ собственности, не только хозяева могутъ притѣснять рабочихъ, но и наоборотъ, рабочіе могутъ притѣснять хозяевъ (стр. 547, 550),

изъ чего явствуетъ, что существующій порядокъ собственности не лишаетъ рабочихъ свободы. Такимъ образомъ, всѣ эти громкія фразы о мнимо-свободныхъ договорахъ оказываются не болѣе какъ пустою риторикою.

Въ дѣйствительности, цѣна находящихся въ обращеніи предметовъ, въ томъ числѣ и труда, зависитъ отъ тысячи разныхъ обстоятельствъ, вслѣдствіе которыхъ она то повышается, то понижается. Купецъ можетъ быть принужденъ продать свой товаръ крайне для себя невыгодно; но это не лишаетъ его свободы, ибо свобода не дѣлаетъ человѣка независимымъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Такой свободы въ дѣйствительности не существуетъ. Человѣкъ всегда находится въ зависимости отъ окружающаго міра; тѣмъ не менѣе, онъ остается свободнымъ, если онъ, соображая обстоятельства, взвѣшивая свои нужды и средства, рѣшаетъ самъ, а не другой за него. Свобода состоитъ въ независимости отъ чужой воли и въ правѣ опредѣляться на основаніи собственнаго, внутренняго рѣшенія. Если при заключеніи договора другое лицо ограничивается предложеніемъ своихъ условій, не употребляя противъ меня ни принужденія, ни обмана, и если притомъ я знаю, что я дѣлаю это, а не другое, то моя свобода остается непарушимою, ибо я, съ своей стороны, не имѣю права навязать свои условія другому: это было бы нарушеніемъ его свободы.

Всего менѣе требуется, чтобы имущественное или общественное положеніе договаривающихся сторонъ было одинаково, какъ хотятъ соціалисты каѳедры. Подобное требованіе было бы равносильно уничтоженію всѣхъ договоровъ. Люди вступаютъ въ обоюдныя сдѣлки, именно потому что положеніе ихъ не одинакое, и они вслѣдствіе того, нуждаются другъ въ другѣ. Заемъ заключается, потому что у одного есть деньги, а у другаго ихъ нѣтъ; наемъ, потому что у одного есть домъ, а другой ищетъ квартиры, или у одного есть рабочія руки и умѣніе, а другой нуждается въ томъ и другомъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, договоръ считается состоявшимся, какъ скоро обѣ воли, каждая на основаніи своего собственнаго рѣшенія, согласны, подъ вліяніемъ какихъ бы условій ни совершилась сдѣлка. Можно пожалѣть о человѣкѣ, который, подъ гнетомъ внѣшнихъ обстоятельствъ, принужденъ продать свое имущество или свой трудъ за безцѣнокъ; но нельзя, иначе какъ метафорически, считать его несвободнымъ. Самая невыгодная сдѣлка можетъ быть для него вы-

годнѣе, нежели разореніе или голодная смерть, и онъ съ радостью можетъ за нее ухватиться. Замѣна же добровольныхъ сдѣлокъ общественною опекою есть не водвореніе, а уничтоженіе свободы. Къ этому именно ведутъ соціализмъ и соціалъ-политика

И такъ, всѣ соціалистическіе толки о мнимой свободѣ договоровъ при существующемъ юридическомъ порядкѣ должны быть признаны пустою декламаціею. Свобода состоитъ въ правѣ располагать собою и своими средствами независимо отъ чужой воли и чужаго авторитета. Это и есть то понятіе, которое принято правовѣдѣніемъ и проведено въ договорномъ правѣ. Иного понятія нѣтъ и не можетъ быть, ибо оно вытекаетъ изъ самаго существа дѣла. Поэтому невозможно видѣть въ существующемъ договорномъ правѣ только временное и случайное явленіе, историческую категорію, какъ выражается Адольфъ Вагнеръ, подражая Лассалю. Какъ чистое выраженіе свободы, существующее договорное право развивалось вмѣстѣ съ свободою и можетъ пасть только вмѣстѣ съ свободою. Выше было доказано, что въ будущемъ слѣдуетъ ожидать расширенія, а не стѣсненія свободы. Всего болѣе это прилагается къ договорному праву, ибо священнѣйшая свобода человѣка состоитъ въ правѣ распоряжаться тѣмъ, что ему всего ближе, своими дѣйствіями и своими средствами. Это и есть основаніе промышленнаго оборота.

Противъ такого взгляда соціалисты возражаютъ, что въ оборотѣ свобода должна руководствоваться правдою, которая составляетъ основное юридическое начало; правда же требуетъ, чтобы при обмѣнѣ равное давалось за равное, такъ чтобы никто не получалъ выгоды въ ущербъ другому. «Торговля, говоритъ Прудонъ, означаетъ мѣну равныхъ цѣнностей; ибо, если цѣнности не равны, и обиженная сторона это замѣчаетъ, она не согласится на обмѣнъ, и торговли не будетъ... Такимъ образомъ, во всякой мѣнѣ заключается нравственная обязанность, чтобы одинъ изъ договаривающихся ничего не выигралъ въ ущербъ другому; то есть, торговля для того чтобы быть законною и истинною, должна быть изъята отъ всякаго неравенства; это— первое ея условіе (Qu'est ce que la propriété. ch III, § 7).

Въ чемъ же состоитъ равенство обмѣна? Гдѣ тутъ мѣрило? По теоріи Прудона, цѣнность вещи опредѣляется суммою времени и издержекъ, на нее потраченныхъ; поэтому, справедливою мѣною можетъ считаться лишь та, въ которой мѣняются вещи, стоившія одинаковое количество времени и издержекъ (Тамъ же). Ниже мы разберемъ

эту теорію съ экономической стороны и увидимъ всю ея несостоятельность; здѣсь мы взглянемъ на нее съ точки зрѣнія юридической.

Точно ли договаривающаяся сторона не согласится на обмѣнъ, если она видитъ, что пріобрѣтаемая ею вещь стоила меньше времени и издержекъ, нежели та, которую она даетъ въ замѣнъ? Возьмемъ сначала покупателя. Чѣмъ опредѣляется для него цѣна, которую онъ можетъ дать за вещь? Его потребностями и средствами, и въ этомъ судья только онъ самъ, и никто другой. Поэтому, если вещь никому не нужная, или весьма мало нужная, стоила дорого, она не найдетъ покупателя. Никого нельзя заставить купить вещь по цѣнѣ, превосходящей то, что онъ готовъ за нее дать. Но если продавецъ сдѣлаетъ уступку, можетъ быть найдется покупатель, и такая сдѣлка не будетъ нарушеніемъ справедливости, ибо справедливою мѣною можно считать только ту, въ которой пріобрѣтаемое соотвѣтствуетъ потребности пріобрѣтающаго. Сказать же, какъ дѣлаетъ Прудонъ, что цѣна, установляемая мѣною, есть «ложь, неправда и воровство», значитъ признать, что вещь никому не нужная, можетъ имѣть громадную цѣну. Кого же законъ заставитъ ее покупать?

Наоборотъ, если вещь мнѣ нужна и я имѣю средства ее купить, я готовъ дать за нее даже больше того, что она стоила продавцу. «Что стоитъ алмазъ, который былъ найденъ на пескѣ? спрашиваетъ Прудонъ. Ничего; это не произведеніе человѣка.—Что будетъ онъ стоить, когда онъ будетъ ошлифованъ и оправленъ?—Время и издержки, потраченныя на него работникомъ.—Отчего же онъ продается такъ дорого? — Оттого, что люди не свободны». Надобно отвѣчать, напротивъ, что онъ стоитъ дорого, именно оттого что люди свободны, и каждый воленъ давать за него то, что хочетъ, если только у него есть средства. И тутъ справедливость цѣны состоитъ въ томъ, что она соотвѣтствуетъ потребности покупателя.

Съ своей стороны продавецъ, точно также въ силу своей свободы, можетъ просить цѣну бо́льшую или меньшую противъ стоимости вещи. Когда Прудонъ утверждаетъ, что онъ не согласится на сдѣлку, какъ скоро обмѣнъ не равенъ, то этому противорѣчитъ ежедневный опытъ. Купецъ весьма охотно продаетъ за полъ-цѣны вещь, вышедшую изъ употребленія, лишь бы она не осталась у него на рукахъ. Скажемъ ли мы, что въ этомъ случаѣ сдѣлка несправедлива, хотя она удовлетворяетъ обѣ стороны? Это значило

бы считать справедливость не духовнымъ, а матеріальнымъ началомъ, признать, что она относится не къ людямъ, а единственно къ вещамъ. Еслибы законъ вздумалъ запрещать подобный обмѣнъ, то сдѣлка вовсе не состоится: продавецъ останется съ своимъ никому не нужнымъ товаромъ, а покупатель принужденъ будетъ удовлетворять своей потребности инымъ, болѣе дорогимъ для него путемъ. Но предоставьте дѣло свободѣ, и сдѣлка состоится къ удовольствію обѣихъ сторонъ.

Точно также мы ежедневно видимъ, что при упадкѣ цѣнъ, вслѣдствіе уменьшенія спроса или усиленнаго подвоза, купецъ продаетъ свой товаръ въ убытокъ, вмѣсто того чтобы выжидать новаго поднятія цѣнъ. Относительно товаровъ, подверженныхъ порчѣ, это даже необходимо. Еслибы купецъ не имѣлъ права продавать ихъ по уменьшенной цѣнѣ, онъ лишился бы всего. Но и относительно другихъ товаровъ, онъ можетъ находить болѣе выгоднымъ выручить деньги и начать новую операцію, нежели сидѣть въ ожиданіи неизвѣстнаго будущаго. И тутъ расчетъ зависитъ исключительно отъ него и ни отъ кого другаго. Законъ, который воспретилъ бы ему продавать свой товаръ ниже извѣстной цѣны, не только бы уничтожилъ его свободу, но и привелъ бы его къ разоренію.

Если же невозможно воспретить купцу продавать въ убытокъ, то столь же невозможно воспретить ему продавать съ барышемъ. Одно восполняется другимъ, и если онъ подъ часъ терпитъ убытокъ, то онъ вознаграждаетъ себя тѣмъ, что онъ иногда получаетъ чрезвычайный барышъ. Это одно, что̀ даетъ ему возможность вести дѣло. И тутъ все зависитъ отъ собственнаго его расчета и отъ собственной его дѣятельности. Законъ, который не ограждалъ бы его отъ убытковъ, но запрещалъ бы ему получать чрезвычайный барышъ, опять же не только бы уничтожилъ его свободу, но нарушилъ бы относительно его всякую справедливость и привелъ бы его къ разоренію.

И такъ, требуемое Прудономъ равенство мѣны, на основаніи потраченнаго времени и издержекъ, не совмѣстно ни съ свободою, ни съ справедливостью. А какъ скоро это требованіе оказывается несостоятельнымъ, такъ исчезаетъ всякое объективное мѣрило для опредѣленія справедливости сдѣлокъ. Это признаютъ не только экономисты, но и соціалисты каѳедры. Въ особенности это прилагается къ договорамъ рабочихъ и капиталистовъ, которыми опредѣляет-

ся участіе каждаго въ доходѣ съ производства. «Какая доля въ производствѣ, а потому какая вышина заработной платы и какой размѣръ барыша должны принадлежать каждому отдѣльному классу и каждому лицу въ этомъ классѣ, говоритъ Адольфъ Вагнеръ, этого нельзя сказать вообще. Во всякомъ случаѣ, ни одна изъ этихъ долей не составляетъ нѣчто постоянное». При всемъ томъ, Вагнеръ не соглашается съ тѣмъ, что справедливость удовлетворяется системою «свободныхъ» договоровъ. Это значитъ, по его мнѣнію, отдѣлываться словами; ибо именно при такой системѣ всего болѣе возможно притѣсненіе однихъ другими. «Конечно, продолжаетъ онъ, объ этомъ можно судить только на основаніи неопредѣленнаго мѣрила справедливой оцѣнки. Но и тутъ слѣдуетъ сказать, что при всей невѣрности сужденія въ отдѣльномъ случаѣ, вообще можно установить правильное сужденіе для среднихъ отношеній, и этого достаточно» (Grundleg. стр. 549).

Изъ чего же могутъ быть выведены эти среднія отношенія? Опять же изъ свободныхъ сдѣлокъ, ибо иного мѣрила нѣтъ. Изъ безчисленнаго множества сдѣлокъ, колеблющихся въ ту или въ другую сторону, вырабатывается наконецъ средняя, болѣе или менѣе твердая цифра, которая служитъ мѣриломъ цѣны, то есть, отношенія существующей потребности къ существующему удовлетворенію. Это и признаютъ юристы, когда они говорятъ о справедливой цѣнѣ: справедливая цѣна есть ходячая цѣна [1]). Съ нею сравниваются уклоненія въ обѣ стороны. Однако и эти уклоненія далеко не всегда могутъ быть признаны нарушающими справедливость, ибо обстоятельства могутъ быть разныя, и оцѣнка ихъ должна быть предоставлена свободѣ. Всякій договоръ представляетъ борьбу противоположныхъ интересовъ, борьбу, которая разрѣшается добровольною сдѣлкою. При отсутствіи объективнаго мѣрила, каждый естественно тянетъ на свою сторону. Которая изъ нихъ возьметъ перевѣсъ, это зависитъ отъ множества разныхъ обстоятельствъ, судьею которыхъ опять же могутъ быть только сами лица. Поэтому здѣсь свободѣ необходимо долженъ быть предоставленъ значительный просторъ [2]). Только

---

[1]) „Justum pretium", „verum pretium": Cod. IV, 41, 2. См. также указанный выше докладъ Портальса.

[2]) Quemadmodum in emendo et vendendo naturaliter concessum est, quod pluris sit, minoris emere, quod minoris sit, pluris vendere, et ita invicem se circumscribere, ita in locationibus quoque et conductionibus juris est: Dig XIX,2 22.

крайніе случаи, то есть, чрезмѣрныя отклоненія отъ ходячей цѣны, могутъ считаться нарушеніемъ справедливости. Таковъ признанный нѣкоторыми законодательствами ущербъ свыше половины, о которомъ было упомянуто выше. Сюда же относятся и законы о ростѣ, о которыхъ будетъ рѣчь ниже. Но и эти крайніе случаи могутъ считаться нарушеніемъ справедливости только по сравненіи съ ходячею цѣною, которая сама вырабатывается путемъ свободы. Слѣдовательно, свобода не только составляетъ источникъ и законъ договорныхъ отношеній, но она же даетъ и единственное возможное для нихъ мѣрило справедливости. Указывая на средніе отношенія, Вагнеръ признаетъ ту самую свободу сдѣлокъ, которую онъ отвергаетъ. Когда же онъ при этомъ ссылается на воззрѣнія времени и народа, и даже на совѣсть отдѣльныхъ лицъ и общества, (стр. 542), то онъ этимъ доказываетъ только всю шаткость принятыхъ имъ основаній. Когда вопросъ идетъ о мѣрилѣ, то есть, о цифрахъ, непозволительно уходить въ туманныя общія мѣста. Въ дѣйствительности, воззрѣнія времени и народа выражаются именно въ добровольныхъ сдѣлкахъ.

Однако и свобода договоровъ, какъ всякая другая свобода, имѣетъ свои границы. Первая граница лежитъ въ ней самой. Человѣкъ не имѣетъ права отчуждать собственную свободу. Тамъ, гдѣ существуетъ рабство, такое отчужденіе можетъ быть признано законнымъ. Однако уже въ Римѣ подобный договоръ считался недѣйствительнымъ. Но отецъ семейства могъ продать въ рабство своихъ дѣтей; должникъ продавался за долги. Въ средніе вѣка отдача себя въ кабалу, даже съ потомствомъ, совершалась безпрепятственно. Господствовавшее въ средневѣковомъ правѣ начало ничѣмъ не связанной свободы, здѣсь, какъ и вездѣ, вело къ самоуничтоженію. У насъ, отдача себя въ кабалу была воспрещена въ 1781 году, и это былъ первый признакъ наступленія новаго порядка вещей. Въ современныхъ законодательствахъ, отчужденіе свободы не только безусловно воспрещено, но законъ всячески старается оградить свободу человѣка отъ условій, могущихъ ее нарушить.

Основаніе этихъ ограниченій заключается въ томъ, что свобода, какъ источникъ всякаго права, не можетъ быть уничтожена тѣмъ правомъ, которое отъ нея происходитъ. Свобода составляетъ самую сущность лица, какъ источника юридическихъ опредѣленій; поэтому она неразрывно связана съ нимъ. Отчужденію же подлежитъ только

то, что подвластно лицу и его свободѣ, то есть, отдѣльныя его дѣйствія и присвоенныя ему вещи. Послѣднія могутъ быть отчуждаемы всецѣло, не уничтожая свободы лица; но всецѣлое отчужденіе употребленія вещи немыслимо, пока лицо удерживаетъ за собою право собственности, ибо черезъ это послѣднее превратилось бы въ призракъ. Поэтому здѣсь установляются ограниченія, охраняющія свободу собственности. Точно также и всецѣлое отчужденіе дѣйствій повлекло бы за собою уничтоженіе свободы. И тутъ, слѣдовательно, необходимы ограниченія. Человѣкъ воленъ давать другому право на свои дѣйствія, но только на извѣстный срокъ, ибо иначе его свобода уничтожается. По истеченіи срока, онъ воленъ опять возобновить договоръ, продолжая его, пожалуй, до конца жизни, но всегда удерживая за собою возможность прекращенія связи. Только этимъ способомъ сочетаются сохраненіе свободы съ взаимными обязательствами людей. Этими ограниченіями свобода не стѣсняется, а охраняется.

Съ другой стороны несомнѣнно, что человѣкъ, какъ свободное лицо, имѣетъ полное право распоряжаться своими дѣйствіями по собственному усмотрѣнію. Вслѣдствіе этого, онъ можетъ, сохраняя свою свободу, или безвозмездно дѣлать что нибудь для другаго или выговаривать себѣ за это извѣстную плату. Наемъ работника не есть продажа самой рабочей силы, какъ утверждаетъ Карлъ Марксъ [1]). Рабочая сила всецѣло остается за работникомъ; онъ продаетъ только извѣстное ея употребленіе, обязываясь сдѣлать что нибудь для другаго. И въ этомъ нѣтъ ничего «безчестнаго», какъ увѣряетъ Родбертусъ, который приходитъ въ негодованіе отъ того, что работа продается на рынкѣ, какъ простой товаръ [2]). Все это опять ничто иное какъ пустая декламація, которою соціалисты, по обыкновенію, прикрываютъ отсутствіе мысли. Древніе считали безчестнымъ получать плату за работу, потому что они самую матеріальную работу признавали безчестною. Но мы, которые въ физическомъ трудѣ видимъ не безчестное, а напротивъ, въ высшей степени честное дѣло, на какомъ основаніи можемъ мы считать безчестнымъ получать за него вознагражденіе? Развѣ безчестно дѣлать что нибудь для другаго? Но въ такомъ случаѣ не только весь

[1]) Das Kapital, стр. 151—152, 556—557.
[2]) Zur Beleuchtung der socialen Frage, стр. 47.

оборотъ, но и всѣ человѣческія отношенія подвергаются осужденію. Всего любопытнѣе, что къ этой декламаціи прибѣгаютъ именно тѣ, которые всю цѣнность произведеній опредѣляютъ положенною въ нихъ работою. Продавая свои произведенія, работникъ продаетъ именно свою работу; если это безчестно, то безчестны всякія сдѣлки. Работникъ, нанимающійся въ работу, отличается отъ работника, продающаго свои произведенія, единственно тѣмъ, что первый работаетъ съ чужимъ матеріаломъ, а потому не беретъ вознагражденія за издержанныя на покупку матеріала деньги. Если онъ работаетъ съ своими орудіями, онъ беретъ вознагражденіе и за трату орудій; если же онъ приноситъ только свои руки, онъ беретъ вознагражденіе единственно за употребленное имъ время и за свое умѣніе. Все это совершенно просто, ясно и законно. Никакихъ другихъ опредѣленій изъ человѣческой свободы нельзя вывести, и всякое право, которое не хочетъ вдаваться въ чистую безсмыслицу, не можетъ сдѣлать иныхъ постановленій.

Вторую границу свободы договоровъ составляетъ чужое право. Договоръ, нарушающій права третьяго лица, тѣмъ самымъ не имѣетъ силы. Таковы, напримѣръ, договоры заключенные въ ущербъ кредиторамъ.

Третью границу составляетъ общій законъ. Если никто не имѣетъ права дѣлать то, что запрещено закономъ, то безъ сомнѣнія договоры подобнаго рода не имѣютъ силы. И тутъ однакоже, также какъ и въ вопросѣ о границахъ личной свободы, необходимо различить законы, опредѣляющіе отношенія отдѣльныхъ лицъ къ цѣлому, и законы, опредѣляющіе отношенія частныхъ лицъ между собою. Въ первыхъ господствующее начало есть общая польза, а потому опредѣленіе границъ свободы зависитъ исключительно отъ усмотрѣнія власти. Въ послѣднихъ же господствующее начало есть свобода, а потому всякое полагаемое закономъ стѣсненіе можетъ быть оправдано только какъ исключеніе, въ виду особенныхъ обстоятельствъ. Послѣ всего сказаннаго выше, это положеніе не нуждается въ дальнѣйшихъ доказательствахъ.

Къ такого рода исключительнымъ обстоятельствамъ относится, напримѣръ, установленіе монополій. Очевидно, что тамъ, гдѣ существуетъ монополія, опредѣленіе условій и цѣны не можетъ быть предоставлено свободному соглашенію. Еслибы правительство, отдавая желѣзную дорогу частной компаніи, предоставило ей право са-

мой опредѣлять условія и цѣну перевозки, то это значило бы дать ей возможность брать съ пассажировъ и товароотправителей все, что угодно, не отвѣчая ни за что. Иногда монополія возникаетъ и въ силу фактическихъ обстоятельствъ, и тѣмъ самымъ вызывается временное вмѣшательство власти. Тутъ рѣшеніе вопроса зависитъ отъ данныхъ обстоятельствъ, а потому безусловнаго правила установить нельзя; но никогда не надобно забывать, что регламентація промышленныхъ сдѣлокъ всегда составляетъ нарушеніе основнаго юридическаго начала. Поэтому она всегда должна считаться не болѣе какъ исключеніемъ, и чѣмъ выше гражданскій бытъ, тѣмъ менѣе она можетъ быть допущена.

Иногда государство принуждено бываетъ вступиться и потому, что цѣлая масса людей не въ состояніи исполнить своихъ обязательствъ, не по своей винѣ, а вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ. Такъ напримѣръ война, прекращая промышленныя занятія и торговлю, тѣмъ самымъ лишаетъ людей возможности исполнить свои обязательства. Вслѣдствіе этого издаются временные законы, отсрочивающіе исполненіе сдѣлокъ.

Древнія государства, въ которыхъ частная свобода менѣе принималась въ расчетъ, прибѣгали иногда и къ болѣе сильнымъ мѣрамъ, напримѣръ къ сокращенію долговъ. Это оправдывалось условіями того времени. Граждане, разоряемые безпрерывными войнами, не могли заняться своими дѣлами; бѣднѣйшіе входили въ неоплатные долги, и при строгости долговаго права, становились рабами кредиторовъ. Съ другой стороны, лишившись имущества, они не могли питаться и вольнымъ трудомъ, для котораго, при существованіи рабства, не было мѣста. Такимъ образомъ, государство принуждено было брать ихъ интересы въ свои руки, и ограждать ихъ отъ конечнаго порабощенія. Въ новое время, въ замѣнъ этого вторженія государства въ область частныхъ отношеній, установляется всеобщая свобода, а съ другой стороны, отъ гражданъ не требуется уже, чтобы они въ теченіи всей своей жизни безвозмездно служили государству. Какъ свободные люди, они предоставлены самимъ себѣ; а это и есть нормальное положеніе дѣлъ, выработанное всѣмъ ходомъ всемірной исторіи.

Наконецъ, свобода договоровъ ограничивается нравственнымъ началомъ. По общему признанію, договоръ, заключающій въ себѣ условія противныя добрымъ нравамъ (contra bonos mores), счи-

тается недѣйствительнымъ. Это не означаетъ, что нравственность становится принудительною, чего не возможно было бы допустить. Законъ допускаетъ и такія сдѣлки, которыя не могутъ быть одобрены нравственностью, если онѣ не нарушаютъ чужаго права; но онъ не признаетъ ихъ юридически обязательными и отказывается поддерживать ихъ принужденіемъ. Это—дѣло чистой свободы, а не юридической связи. Такъ напримѣръ, женщина свободна отдаваться, кому хочетъ, за деньги; но она не можетъ обязаться вступить въ незаконное сожительство и не въ правѣ взыскивать плату за блудъ. Такого рода обязательства не имѣютъ силы.

Съ другой стороны, требуя, чтобы условія договора не противорѣчили нравственности, законъ не входитъ въ разсмотрѣніе побужденій договаривающихся лицъ. Какъ бы ни были безнравственны побужденія, законъ все таки поддерживаетъ обязательство, если оно юридически правильно. Такъ напримѣръ, вынужденіе долга богатымъ кредиторомъ у бѣднаго должника, безъ сомнѣнія, противорѣчитъ нравственнымъ требованіямъ, но законъ, не смотря на то, признаетъ юридическую силу обязательства и вынуждаетъ уплату долга. Нравственная сторона отношенія остается здѣсь внѣ предѣловъ закона, который ограничивается одною юридическою областью.

Изъ числа законовъ ограничивающихъ свободу сдѣлокъ во имя нравственныхъ требованій, самое видное мѣсто занимаютъ законы противъ чрезмѣрнаго роста. Опытъ удостовѣряетъ, что ростовщичество весьма часто подаетъ поводъ къ притѣсненіямъ и злоупотребленіямъ. Ростовщики пользуются бѣдственнымъ положеніемъ ближнихъ, для того чтобы разорять ихъ въ конецъ, извлекая для себя чрезмѣрныя выгоды изъ ихъ стѣсненныхъ обстоятельствъ. Отсюда тѣнь, которая во всѣ времена падала на этого рода сдѣлки. Въ средніе вѣка всякая отдача денегъ взаймы за проценты считалась дѣломъ безнравственнымъ. Новое время, которое поняло потребности промышленнаго оборота, пришло въ этомъ отношеніи къ инымъ воззрѣніямъ. Юридически, ссуда за проценты составляетъ совершенно такую же законную сдѣлку, какъ и всякій наемъ: это—плата за пользованіе ссужаемымъ предметомъ. Сперва еще законодательства старались ограничить размѣръ процентовъ: былъ установленъ предѣлъ законнаго роста. Но въ новѣйшее время и эти ограниченія пали: опредѣленіе высоты процентовъ было предоставлено обоюдному соглашенію. Нѣтъ сомнѣнія однако, что этимъ открывается

полный просторъ ростовщичеству. Государство принуждено вымогать такой размѣръ процентовъ, который очевидно объясняется только крайнею нуждою должника, слѣдовательно, оно приходитъ на помощь безнравственной сдѣлкѣ. Избѣжать этого можно только установленіемъ такого законнаго размѣра процентовъ, который, удовлетворяя всѣмъ потребностямъ оборота, исключалъ бы однако обязательства явно притѣснительныя. И тутъ нормою для сравненія долженъ служить ходячій размѣръ, вырабатывающійся изъ всей массы свободныхъ сдѣлокъ, при чемъ необходимо дать просторъ вліянію измѣняющихся обстоятельствъ. Только крайнее отклоненіе отъ нормы можетъ быть признано недѣйствительнымъ.

Противъ этого возражаютъ, что подобный законъ легко обойти; ростовщику стоитъ только заранѣе вычесть проценты изъ ссужаемаго капитала. Безъ сомнѣнія, это возможно; но юридическій законъ не можетъ имѣть въ виду уничтоженіе всѣхъ безнравственныхъ сдѣлокъ. Онъ отказываетъ только въ своемъ содѣйствіи тѣмъ безнравственнымъ условіямъ, которыя обнаруживаются въ самомъ договорѣ. Какъ же скоро безнравственное дѣйствіе выходитъ изъ этихъ предѣловъ, такъ оно становится недосягаемымъ для юридическаго закона. Все, что можно сказать въ виду этого легкаго обхожденія закона, это то, что не стоитъ установлять границу, когда ее такъ легко обойти. Но тутъ уже вопросъ сводится на точку зрѣнія цѣлесообразности. Съ правомъ совмѣстно и то и другое.

Таковы разумныя границы свободнаго соглашенія. Идти далѣе, требовать, чтобы самое содержаніе договоровъ опредѣлялось закономъ или утверждалось властью, значитъ объявить всѣхъ гражданъ несовершеннолѣтними и поставить ихъ подъ опеку государства. Утверждать же, что содержаніе договоровъ должно опредѣляться не частными интересами, а общественными потребностями, значитъ замѣнять личную волю общественною въ такой области, которая, по самому существу дѣла, принадлежитъ исключительно лицу. Черезъ это человѣкъ лишается всякаго самостоятельнаго значенія; онъ становится чистымъ орудіемъ въ рукахъ государства.

Внѣшнимъ границамъ договора соотвѣтствуютъ внутреннія. Въ предѣлахъ законнаго соглашенія, права каждаго изъ договаривающихся лицъ ограничиваются правами другой стороны. Поэтому никто, въ силу договора, не получаетъ болѣе права, нежели то, которое дается ему обоюднымъ соглашеніемъ. Договоръ, какъ уже бы-

ло сказано выше, составляетъ законъ для обѣихъ сторонъ; толкуется же этотъ законъ на основаніи воли договаривающихся лицъ.

Отсюда ясно, что обычная тема соціалистовъ, будто рабочему принадлежитъ большее право на произведеніе, нежели то, что онъ получаетъ въ видѣ заработной платы, противорѣчитъ коренному юридическому правилу, на которомъ зиждутся всѣ договоры въ мірѣ и безъ котораго всякія сдѣлки становятся невозможными. Работникъ имѣетъ право единственно на то, что онъ себѣ выговорилъ; онъ продалъ свой трудъ, или свое участіе въ производствѣ, за добровольно установленную плату. Бо́льшаго никакое право не можетъ ему дать.

Точно также неумѣстенъ вопросъ: почему, если трудъ составляетъ основаніе собственности, произведенія труда принадлежатъ не тѣмъ, кто ихъ производитъ? Просто потому что одни ихъ продали, а другіе купили. Кто продалъ, тотъ цѣликомъ уступилъ свое право на вещь и получилъ въ замѣнъ ея цѣну, опредѣляемую опять же обоюднымъ соглашеніемъ. Покупщикъ, уплативши цѣну, становится на мѣсто первоначальнаго обладателя. Вслѣдствіе этого, машиною пользуется не тотъ кто ее дѣлалъ, а тотъ, кто ее купилъ. Всѣ проистекающія изъ нея выгоды принадлежатъ послѣднему, а не первому. Если цѣна была положена слишкомъ низкая, то на это была воля продавца; онъ можетъ пенять только самъ на себя. Удивительно, что такія элементарныя правила приходится повторять; но что дѣлать, если аргументація соціалистовъ идетъ въ разрѣзъ съ самыми элементарными и всѣми признанными человѣческими понятіями?

Наконецъ, въ силу того же начала, совершенно несправедливо мнѣніе, будто фермеръ получаетъ какое бы то ни было право на обрабатываемую имъ землю. Фермеръ нанимаетъ землю по добровольному соглашенію, а потому имѣетъ только право пользованія въ предѣлахъ этого соглашенія. Законъ можетъ предоставить ему право требовать возмѣщенія сдѣланныхъ имъ затратъ: это справедливо, ибо онъ издержалъ свое, а не чужое. И тутъ однако слѣдуетъ поступать съ крайнею осторожностью, ибо легко можно нарушить права хозяина. Во всякомъ случаѣ, законъ долженъ предшествовать соглашенію и войти въ него, какъ условіе сдѣлки, а не прилагаться къ сдѣлкамъ уже совершеннымъ. Но далѣе этого законъ идти не можетъ, не посягая на право собственности и не

разрушая самыхъ основаній договорнаго права. Еслибы правительство задумало дать фермерамъ или работникамъ право выкупать, обязательно для владѣльца, обрабатываемыя ими земли, оно вступило бы на путь соціализма. Юридически, подобной мѣры оправдать нельзя.

Это правило не прилагается однако къ выкупу земель крѣпостными крестьянами при ихъ освобожденіи. Тутъ возникаетъ вопросъ совершенно иного рода. Крѣпостныя отношенія установились не въ силу добровольнаго соглашенія, съ сохраненіемъ свободы обѣихъ сторонъ, а въ силу закона, который одному лицу предоставлялъ власть надъ другимъ. Разрѣшая эти вѣковыя отношенія, законъ можетъ признать несогласнымъ ни съ справедливостью, ни съ государственною пользою дарованіе крестьянамъ одной свободы, безъ всякаго права на ту землю, которую они принудительно обрабатывали въ теченіи вѣковъ. Компромиссъ между правами собственника и правами крѣпостныхъ поселеніевъ заключается въ обязательномъ для помѣщика выкупѣ извѣстной части земли по справедливой оцѣнкѣ. Это не только юридическій, но и политическій актъ, которымъ знаменуется переходъ отъ рабства къ свободѣ. Этотъ переходъ можетъ быть болѣе или менѣе продолжителенъ; тутъ могутъ быть шаги впередъ и назадъ. Но какъ скоро это совершилось и обѣ стороны уравнены въ правахъ, такъ обоюдныя отношенія могутъ опредѣляться единственно свободнымъ договоромъ и ничѣмъ другимъ; это—безусловное требованіе права. Въ свободномъ обществѣ, при равенствѣ лицъ передъ закономъ, даровать нанимателямъ право выкупа нанимаемыхъ ими земель значитъ обирать однихъ въ пользу другихъ и обращать договоръ въ чистую ловушку. Никакое правомѣрное правительство, при нормальномъ порядкѣ вещей, не можетъ рѣшиться на такой шагъ. Провозглашать подобный принципъ можетъ только соціалистическій деспотизмъ. Но съ водвореніемъ соціалистическаго деспотизма наступаетъ конецъ всякой гражданственности, а вмѣстѣ и свободѣ человѣка. Въ какомъ видѣ этотъ вопросъ представляется съ экономической точки зрѣнія, мы увидимъ далѣе [1]).

[1]) Совершенно исключительными обстоятельствами вызвано новѣйшее законодательство въ Ирландіи. Проводившіе его англійскіе государственные люди прямо сознавались, что тутъ дѣло идетъ не объ общемъ началѣ, а о томъ, чтобы какъ нибудь выйти изъ совершенно невыносимаго состоянія.

И такъ, въ договорѣ, также какъ и въ собственности, свобода составляетъ источникъ и мѣрило всѣхъ юридическихъ отношеній. Это не временное только явленіе, не порожденіе современнаго индивидуализма, а вѣчное требованіе права, которое вытекаетъ изъ самой природы вещей, а потому составляетъ движущую пружину всего историческаго развитія, или, какъ выражаются философы, идею, развивающуюся въ исторіи человѣчества. Договоръ, какъ мы увидимъ далѣе, неприложимъ къ государственнымъ отношеніямъ, гдѣ господствуетъ идея цѣлаго, владычествующаго надъ частями, но для частныхъ отношеній свободныхъ лицъ онъ составляетъ верховный законъ. Вмѣстѣ съ неприкосновенностью собственности, непарушимость договоровъ образуетъ непоколебимое основаніе всякаго свободнаго и образованнаго гражданскаго быта.

Вопросъ тутъ болѣе историческій, нежели юридическій. Англичане нѣкогда завоевали Ирландію и присвоили себѣ значительную часть земель; Ирландцы же искони смотрѣли на эти земли, какъ на свою собственность. Отсюда агитація противъ ландлордовъ, которая сдѣлала наконецъ ихъ положеніе невозможнымъ. Только въ одной изъ провинцій Ирландіи, въ Ульстерѣ, гдѣ жизнью было выработано болѣе прочное фермерское право, сохранилось спокойствіе. Англійскіе государственные люди ухватились за это практическое средство выдти изъ затрудненія и путемъ общаго законодательства распространили Ульстерское право на всю Ирландію. Можно однако сомнѣваться, чтобы эта революціонная мѣра, вызванная отчаяннымъ положеніемъ дѣлъ, способна была умиротворить страну. Агитація противъ ландлордовъ есть, въ сущности, агитація противъ Англичанъ. Ниже мы возвратимся къ этому вопросу.

ГЛАВА V.

НАСЛѢДСТВО.

Кромѣ перехода имущества между живыми лицами въ силу договора, собственность переходитъ и по наслѣдству. Это совершается двоякимъ образомъ: по завѣщанію, въ силу воли настоящаго собственника, и по закону, которымъ опредѣляются права остающихся въ живыхъ на наслѣдство умершаго. Въ нѣкоторыхъ законодательствахъ признаются и договоры о наслѣдствѣ между живыми; но этотъ третій способъ имѣетъ второстепенное, и главнымъ образомъ историческое значеніе. Первые же два истекаютъ изъ двоякаго права, проявляющагося въ наслѣдованіи имущества: завѣщаніе—изъ права лица распорядиться своимъ имуществомъ послѣ смерти, наслѣдованіе по закону—изъ опредѣляемаго семейнымъ началомъ права наслѣдниковъ на пріобрѣтеніе этого имущества. Отношеніемъ этихъ двухъ порядковъ наслѣдованія характеризуются особенности наслѣдственнаго права у различныхъ народовъ.

Наслѣдованіе по закону, по самой природѣ вещей, предшествуетъ наслѣдованію по завѣщанію. Мы видѣли уже, что человѣческая личность не вдругъ выдѣляется изъ патріархальной среды, въ которую она первоначально погружена. Въ первобытныя времена, имущество считается достояніемъ не лица, а рода, а такъ какъ родъ не умираетъ, то оно само собою переходитъ отъ одного поколѣнія къ другому. Съ теченіемъ времени, съ выдѣленіемъ личной собственности изъ родоваго имущества, этотъ порядокъ переходитъ въ наслѣдованіе по закону. Лице имѣетъ уже нѣчто исключительно ему принадлежащее, но семейныя связи все еще властвуютъ надъ нимъ безграничнo. Обычай, идущій изъ поколѣнія въ поколѣніе, опредѣ-

лять и степени родства и способы перехода имущества; религія же обыкновенно сообщаетъ этому обычаю священный характеръ. Только мало по малу личная воля предъявляетъ свои права и получаетъ большій или меньшій просторъ, сперва относительно движимаго имущества, а затѣмъ и относительно недвижимаго.

Въ Римѣ въ первый разъ наслѣдованіе по завѣщанію получило первенствующее значеніе. Въ Законахъ XII таблицъ прямо постановлено, что какое распоряженіе отецъ семейства сдѣлаетъ на счетъ своего имущества, то и признается правомъ (uti legassit super pecunia tutelave suae rei, ita jus esto). Это не значитъ однако, что тутъ личный произволъ замѣнилъ семейное начало. Причина этого явленія была та, что въ Римѣ исключительнымъ представителемъ семейнаго начала былъ отецъ семейства, котораго власть была юридически безгранична, и котораго воля считалась наиболѣе способною установить то, что требовалось для блага семьи. Поэтому, безграничное право завѣщанія сохранялось, только пока это предположеніе оправдывалось жизнью, то есть, пока власть отца дѣйствительно была носительницею нравственныхъ началъ и одушевлялась идеею семейнаго блага. Какъ же скоро, съ упадкомъ нравовъ, стали проявляться личныя цѣли и личный произволъ, такъ законъ началъ полагать ограниченія волѣ завѣщателя. Права наслѣдниковъ получили защиту. Этотъ смѣшанный характеръ наслѣдственнаго права характеризуетъ позднѣйшій періодъ римской юриспруденціи.

Такое же сочетаніе личнаго и семейнаго начала мы находимъ и у новыхъ народовъ. Но здѣсь движеніе законодательства, слѣдуя общему ходу историческаго развитія, идетъ въ обратномъ порядкѣ противъ того, который мы видѣли у Римлянъ. Покорившіе Римскую Имперію Германцы находились еще на ступени родоваго быта. По свидѣтельству Тацита, завѣщанія были у нихъ неизвѣстны. Впослѣдствіи, остатки родоваго владѣнія недвижимымъ имуществомъ долго еще сохранялись у нихъ въ видѣ приговореннаго наслѣдникамъ права налагать запретъ на отчужденіе собственности даже живымъ владѣльцемъ. Но при столкновеніи съ Римлянами, и въ особенности съ введеніемъ христіанства, и у нихъ появляется завѣщаніе. Сначала оно имѣло видъ простыхъ домашнихъ распоряженій. Юридическую силу оно получило особенно въ отношеніи

къ имуществамъ, которыя завѣщались церкви; но мало по малу оно было распространено и на другіе предметы.

Однакоже у Германцевъ свободное распоряженіе имуществомъ послѣ смерти приняло своеобразную форму. Завѣщаніе большею частью замѣнялось договорами о наслѣдствѣ, которые вошли въ употребленіе уже въ самый ранній періодъ средневѣковой исторіи. Впослѣдствіи договорное начало получило еще большее развитіе: проникая во всѣ сферы общественнаго быта, оно въ значительной степени опредѣляло и наслѣдственное право. Но и тутъ это расширеніе личной воли, совокупно съ распространеніемъ собственности на всѣ общественныя отношенія, повело къ стѣсненію правъ потомковъ. Наслѣдство перестаетъ быть выраженіемъ частнаго пере[illegible] отъ поколѣнія къ поколѣнію; оно становится носи[illegible] общественныхъ началъ. Такъ, ленное владѣніе давалось подъ условіемъ службы, которая должна была оставаться обезпеченною и при переходѣ имущества къ наслѣдникамъ. Отсюда стараніе [illegible] сохранить, въ большой или меньшей степени, цѣлость участка; [illegible] право первородства и другія своеобразныя формы средневѣ[illegible] наслѣдственнаго права. Такія же ограниченія установились и [illegible] относительно крестьянскихъ участковъ, которые держались по [illegible] дворовому праву. Когда же феодальная связь стала слабѣть, собственный интересъ аристократическихъ владѣльцевъ побуждалъ ихъ, путемъ договоровъ или завѣщаній, сохранять неприкосновенность имущества въ своемъ родѣ. Такъ произошли фидеикоммиссы и субституціи. Установилось правило, что воля предковъ можетъ связывать потомство, правило, котораго начало появляется уже во времена Римской Имперіи, но которое получило особенное развитіе въ средніе вѣка.

Въ новое время, по мѣрѣ развитія государства, устранено было средневѣковое смѣшеніе частнаго права съ публичнымъ. Съ воспріятіемъ римскаго права стали вводиться и римскія начала наслѣдованія. Однако они не могли совершенно вытѣснить средневѣковыя возэрѣнія. Полное приложеніе римскихъ понятій потому уже было неумѣстно, что главный источникъ, изъ котораго истекалъ римскій порядокъ наслѣдованія, власть отца семейства, въ новое время не имѣлъ того значенія, какое онъ имѣлъ въ древности. Важнѣйшее вліяніе римскаго права въ новое время состояло въ замѣнѣ средневѣковаго порядка наслѣдованія равнымъ раздѣломъ имущества на

правахъ свободной собственности. Однако и средневѣковой порядокъ не исчезъ совершенно. Онъ сохранился главнымъ образомъ въ аристократическихъ родахъ, которыхъ общественное значеніе поддерживается нераздѣльностью и неотчуждаемостью принадлежащаго имъ имущества. Различное сочетаніе этихъ началъ характеризуетъ общественный бытъ новыхъ народовъ.

Во Франціи болѣе, нежели гдѣ либо, получили силу римскія понятія о равномъ раздѣлѣ. Средневѣковой порядокъ наслѣдованія былъ совершенно устраненъ. Однако здѣсь, въ отличіе отъ Рима, господствующею формою является не завѣщаніе, а наслѣдованіе по закону. Между тѣмъ какъ въ Римѣ завѣщаніе было правиломъ, а законнымъ наслѣдникамъ предоставлялась только извѣстная часть имущества, здѣсь, наоборотъ, наслѣдованіе по закону составляетъ правило, а завѣщателю предоставляется только извѣстная часть въ его свободное распоряженіе. Причина та, что въ Римѣ отецъ семейства былъ носителемъ общественнаго сознанія, проистекавшаго изъ глубины народнаго духа, тогда какъ во Франціи новыя начала наслѣдованія водворились революціоннымъ путемъ, въ борьбѣ съ старымъ порядкомъ, вслѣдствіе чего законодатель старался устранить личную волю и возможность, путемъ завѣщанія, поддержать отмѣненныя учрежденія.

Большее значеніе сохранилъ средневѣковой порядокъ въ Германіи. Здѣсь не только удержались аристократическіе фидеикоммиссы, обращающіе поземельную собственность въ неприкосновенное достояніе рода, но доселѣ еще можно найти остатки нераздѣльности и неотчуждаемости крестьянскихъ участковъ. Только новѣйшее время внесло сюда начало свободы.

Въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ удержался средневѣковой порядокъ наслѣдованія въ Англіи. Тутъ онъ не только успѣлъ сочетаться съ свободою, но и нашелъ въ ней главную свою опору. Право первородства составляетъ общій законъ государства; но каждому дозволено свободно распорядиться своимъ имуществомъ по завѣщанію, если онъ не связанъ завѣщаніемъ своего предшественника. Завѣщатель воленъ опредѣлить и будущій порядокъ наслѣдованія, однако не на вѣчныя времена, какъ въ фидеикоммиссахъ, а только въ предѣлахъ живущихъ поколѣній, и до совершеннолѣтія имѣющаго родиться наслѣдника. Такимъ образомъ, по истеченіи извѣстнаго времени, свобода возвращается завѣщателю. Но въ силу го-

сподствующихъ правовъ, самая эта свобода ведетъ постоянно къ возобновленію того же порядка. Мы имѣемъ здѣсь живой примѣръ силы обычая, вытекающей изъ историческихъ условій и изъ свойствъ народнаго духа. Это и повело къ тому, что свобода завѣщаній сдѣлалась лозунгомъ защитниковъ аристократической системы на европейскомъ материкѣ.

Въ Сѣверной Америкѣ, таже свобода повела къ совершенно инымъ явленіямъ. Здѣсь право первородства отмѣнено; закономъ установленъ равный раздѣлъ между наслѣдниками. Но завѣщатель не связанъ ничѣмъ; онъ воленъ распоряжаться своимъ имуществомъ, какъ ему угодно. Индивидуализмъ достигаетъ здѣсь крайней своей степени.

У насъ, въ отличіе отъ Германцевъ, въ древности завѣщаніе преобладало надъ наслѣдованіемъ по закону. Въ Русской Правдѣ мы находимъ постановленіе, совершенно напоминающее законъ XII таблицъ: «Аже кто умирая роздѣлить домъ, на томъ же стояти». Точно также и по Судебникамъ, наслѣдованіе по закону наступаетъ только въ случаѣ, если человѣкъ умеръ безъ духовной грамоты. Весьма вѣроятно, что этому значенію завѣщанія содѣйствовала подсудность дѣлъ о наслѣдствѣ духовенству, которое руководствовалось греко-римскими законами. Это видно изъ того, что рядомъ съ этимъ родовое начало, которое обыкновенно влечетъ за собою наслѣдованіе по закону, нисколько не утратило своего значенія. Оно выражалось въ правѣ выкупа родовыхъ имуществъ, которое встрѣчается въ памятникахъ XVI-го вѣка, и которое удержалось до настоящаго времени. У насъ доселѣ право завѣщанія родовыхъ имуществъ не имѣетъ силы въ нисходящей линіи, и ограничено при наслѣдованіи боковыхъ. По недостатку историческихъ извѣстій, мы не можемъ сказать, какимъ образомъ въ древнѣйшія времена родовое начало мирилось съ свободою завѣщаній; но нѣтъ сомнѣнія, что это начало не есть произведеніе позднѣйшаго развитія. Оно всегда и вездѣ идетъ отъ глубокой древности. Служебное значеніе не только поземѣстій, но и вотчинъ въ Московскомъ государствѣ могло его упрочить, но не оно вызвало его къ жизни.

Какъ бы то ни было, результатомъ историческаго движенія человѣческихъ обществъ является сочетаніе обоихъ началъ, соглашеніе, въ той или другой формѣ, правъ собственника съ правами наслѣдниковъ. Тамъ, гдѣ изстари преобладаетъ завѣщаніе, впослѣдствіи развивается наслѣдованіе по закону, какъ ограниченіе личной воли;

амъ же, гдѣ преобладаетъ наслѣдованіе по закону, оно восполняется завѣщаніемъ.

Посмотримъ теперь на философско-юридическія основанія обоихъ началъ.

Наслѣдственное право, какъ мы видѣли, составляетъ всемірное явленіе. Оно существуетъ у всѣхъ народовъ. Отсюда уже можно заключить, что оно не установлено человѣческимъ произволомъ, а вытекаетъ изъ естественныхъ законовъ, управляющихъ преемственностью поколѣній. Такъ именно на него смотрѣли римскіе юристы. «Естественный разумъ, говоритъ Павелъ, какъ нѣкій молчаливый законъ, присвоиваетъ дѣтямъ наслѣдство родителей, какъ бы призывая ихъ къ должному наслѣдованію» [1]). И хотя римское законодательство, при жизни отца, не давало дѣтямъ никакого права на отцовское имѣніе, однако Павелъ въ наслѣдованіи дѣтей видитъ какъ бы вступленіе ихъ въ полноту собственнаго права. «Въ своихъ наслѣдникахъ (то есть дѣтяхъ), говоритъ онъ, яснѣе видно, какимъ образомъ продолженіе собственности приводитъ къ тому, что кажется, будто бы вовсе не было наслѣдства, но уже и прежде хозяевами были тѣ, которые еще при жизни отца нѣкоторымъ образомъ считались хозяевами... Такимъ образомъ, послѣ смерти отца, они, повидимому, не получаютъ наслѣдства, а скорѣе пріобрѣтаютъ свободное управленіе своимъ имуществомъ [2]). Не смотря на различіе народныхъ воззрѣній, мы видимъ здѣсь взглядъ приближающійся къ германскому праву. До такой степени естественное начало брало верхъ, при той глубинѣ пониманія юридическихъ отношеній, какимъ безспорно обладали римскіе юристы.

Между новыми писателями по философіи права вопросъ о происхожденіи наслѣдства изъ естественнаго закона подвергся однако сомнѣнію и спорамъ.

---

[1]) Quum ratio naturalis, quasi lex quaedam tacita, liberis parentum hereditatem addiceret, velut ad debitam successionem eos vocando (D. 48, [20], [7]). Тоже Папиніанъ: Non sic parentibus liberorum, ut liberis parentum debetur hereditas, quoniam parentes ad bona liberorum ratio miserationis admittit, liberos naturae simul et parentum commune votum (D. 38, [6], [7]).

[2]) In suis heredibus evidentius apparet, continuationem dominii eo rem perducere, ut nulla videatur hereditas fuisse, quasi olim hi domini essent, qui etiam vivo patre quodammodo domini existimabantur..... Itaque post mortem patris non hereditatem percipere videntur, sed magis liberam bonorum administrationem consequuntur (D. 28, [2], [11]).

Отецъ философіи права новаго времени, Гуго Гроцій, стоялъ еще за происхожденіе наслѣдственнаго права изъ естественнаго закона, при чемъ, согласно съ субъективною исходною точкою новой философіи, первенствующее значеніе получаетъ у него завѣщаніе. Гроцій выводитъ завѣщаніе изъ присущаго собственности права отчужденія: какъ скоро установлена собственность, такъ отчужденіе вытекаетъ изъ нея по естественному закону. Въ отчужденіи же заключается и завѣщаніе, которое, слѣдовательно, прямо проистекаетъ изъ естественнаго права. Ибо, говоритъ Гроцій, я могу свою вещь отчуждать не только просто, но и подъ извѣстнымъ условіемъ, и не только безвозвратно, но и съ правомъ отмѣны, а также съ сохраненіемъ временнаго владѣнія и съ полнымъ правомъ пользованія. Отчужденіе же на случай смерти, съ возможностью отмѣны до этого времени и съ сохраненіемъ владѣнія и пользованія, есть именно завѣщаніе [1]).

Что касается до наслѣдованія по закону, то, по теоріи Гроція, оно ничто иное какъ молчаливое завѣщаніе на основаніи предполагаемой воли умершаго. Ибо, если изъ права собственности вытекаетъ право распоряжаться имуществомъ послѣ смерти, то невѣроятно, чтобы человѣкъ, умершій безъ завѣщанія, хотѣлъ оставить свое имущество первому, кто имъ овладѣетъ. Въ этомъ случаѣ надобно изслѣдовать, какова была его вѣроятная воля; когда есть сомнѣніе, всегда предполагается, что человѣкъ хотѣлъ то, что справедливо и честно. Отсюда передача имущества дѣтямъ, даже помимо всякаго гражданскаго установленія, ибо предполагается, что родители хотѣли рожденнымъ отъ нихъ доставить не только необходимыя средства пропитанія, но и все, что способствуетъ пріятной и честной жизни, въ возможно большемъ количествѣ, въ особенности когда они сами уже не могутъ пользоваться своимъ имуществомъ. За недостаткомъ же дѣтей, надобно изслѣдовать естественный порядокъ благодѣяній. На этомъ основано наслѣдованіе родственниковъ, по мѣрѣ ихъ близости къ умершему (II, c. 7 §§ 3, 5, 9).

Таково воззрѣніе Гроція. Но уже Пуфендорфъ усумнился въ правильности этихъ выводовъ. Онъ, также какъ Гроцій, производитъ наслѣдство отъ права завѣщанія, за недостаткомъ котораго слѣдуетъ, по естественному закону, держаться предполагаемой воли умершаго. Но онъ сомнѣвается въ томъ, что самое завѣщаніе установ-

[1]) De Jure Belli ac Pac. L. II, c. 6 §§ 1, 14.

дается въ силу естественнаго закона. Нельзя сказать, чтобы оно противорѣчило послѣднему. Для счастья и блага человѣчества недостаточно было установить собственность въ предѣлахъ человѣческой жизни: надобно было дать собственнику право распорядиться своимъ имуществомъ послѣ смерти въ пользу тѣхъ, которые ему близки. Но такое право распоряженія не вытекаетъ необходимымъ образомъ изъ начала собственности. Конечно, отчужденіе при жизни, съ правомъ сохранить владѣніе до смерти, неразрывно связано съ понятіемъ о собственности. Но завѣщаніе не есть отчужденіе, ибо завѣщатель воленъ всегда отмѣнить свое рѣшеніе, а наслѣднику часто оно вовсе неизвѣстно, такъ что необходимое для переноса права соглашеніе воль никогда не совпадаетъ, но всегда протекаетъ извѣстный промежутокъ между предложеніемъ и принятіемъ. Поэтому, заключаетъ Пуфендорфъ, какъ бы полезно ни было установленіе завѣщаній, нельзя сказать, что это право проистекаетъ изъ естественнаго закона, а можно думать, напротивъ, что источникомъ его служитъ человѣческое установленіе. Такъ какъ умершіе не участвуютъ уже въ дѣлахъ міра сего, то отъ воли остающихся зависѣло оказать или не оказать уваженіе къ ихъ послѣдней волѣ, и если они хотѣли дать силу завѣщаніямъ, то надобно было сдѣлать это посредствомъ взаимнаго соглашенія [1]).

Противъ этихъ сомнѣній уже въ то время послѣдовали возраженія. Въ своихъ примѣчаніяхъ къ сочиненію Пуфендорфа, Барбейракъ говоритъ, что онъ не видитъ, почему бы собственнику дозволено было отчуждать имущество при жизни на случай смерти и не дозволено было передавать имущество путемъ завѣщанія. Если первое заключается въ правѣ собственности, какъ признаетъ Пуфендорфъ, то и послѣднее не менѣе изъ него вытекаетъ. Собственность есть пріобрѣтенное право, которое неотъемлемо присвоивается лицу, и если пользованіе имъ прекращается смертью, то единственное утѣшеніе для человѣка заключается въ правѣ передать свое имущество послѣ смерти близкому лицу. Это требуется справедливостью и еще необходимѣе въ естественномъ состояніи, нежели въ гражданскомъ, ибо тамъ еще скорѣе могутъ возникнуть распри за оставленное умершимъ имущество. Изъ того, что умершіе не участвуютъ въ дѣлахъ міра сего, вовсе не слѣдуетъ, чтобы они при жизни не могли

[1]) De Jure Naturae et Gentium L. IV, c. 10, §§ 4—6.

распорядиться своимъ имуществомъ. Для этого не требуется, чтобы изъявленіе воли обѣихъ сторонъ не раздѣлялось никакимъ промежуткомъ. Даръ, сдѣланный при жизни и принятый послѣ смерти, имѣетъ силу по признанію самого Пуфендорфа. Актомъ завѣщанія наслѣдникъ пріобрѣтаетъ уже извѣстное право, и отъ него зависитъ воспользоваться имъ или нѣтъ. Наконецъ, признанное Пуфендорфомъ предположеніе воли умершаго въ наслѣдованіи по закону опровергаетъ его теорію. Такимъ образомъ, надобно признать, что завѣщанія установлены въ силу естественнаго закона; отъ положительнаго же закона проистекаютъ ограниченія и формальности, которыя при этомъ требуются [1]).

Возраженія Пуфендорфа очевидно имѣли мало силы. Они были основаны на юридическихъ тонкостяхъ, которыя не могли установить принципіальнаго различія между отчужденіемъ имущества при жизни на случай смерти и правомъ завѣщанія. И начало собственности и связь поколѣній слишкомъ громко говорили въ пользу наслѣдственнаго права. Поэтому высшіе представители нравственной школы рѣшительно склоняются въ пользу происхожденія его изъ естественнаго закона. Лейбницъ возводилъ право завѣщанія къ безсмертію души. «Завѣщанія, говоритъ онъ, не имѣли бы значенія въ силу чистаго права, еслибы душа не была безсмертна; но такъ какъ умершіе въ дѣйствительности продолжаютъ жить, то они остаются собственниками вещей; наслѣдники же, которыхъ они оставляютъ, должны разсматриваться, какъ ихъ повѣренные въ завѣдываніи имуществомъ» [2]). Лейбницъ связывалъ даже это начало съ происхожденіемъ одной души отъ другой путемъ рожденія, вслѣдствіе чего онъ естественнымъ наслѣдствомъ считалъ только наслѣдованіе дѣтьми того имущества, которымъ отецъ владѣлъ при ихъ рожденіи. Остальное, по его мнѣнію, проистекаетъ отъ закона.

Эти мысли основаны на преувеличеніи начала самого по себѣ вѣрнаго. Идея завѣщанія предполагаетъ не реальное продолженіе существованія, и еще менѣе реальное происхожденіе одной души отъ другой, а идеальное продолженіе, то есть, продолженіе воли, которое, въ свою очередь, основано на томъ, что человѣкъ и въ настоящемъ живетъ будущимъ, простирающимся далеко за предѣлы физи-

[1]) См. примѣчанія Барбейрака къ сдѣланному имъ французскому переводу означеннаго выше сочиненія Пуфендорфа: кн. IV, гл. 10, § 4, прим. 2.

[2]) Nova methodus docendae discendaeque jurisprudentiae Pars 2, § 20.

ческой его жизни. Безсмертіе души составляетъ дальнѣйшій постулатъ этой идеальной природы человѣка, но не оно заключаетъ въ себѣ юридическое основаніе наслѣдованія, и вовсе не требуется, чтобы умершій разсматривался, какъ вѣчный хозяинъ своего имущества: достаточно, чтобы уважалась его воля. Преувеличеніе въ понятіяхъ Лейбница объясняется тѣмъ, что Новая метода правовѣдѣнія, въ которой онъ высказалъ этотъ взглядъ, была не болѣе какъ юношеское произведеніе, которому онъ самъ впослѣдствіи придавалъ мало значенія.

Вѣрнѣе взглянулъ на этотъ предметъ Вольфъ. Онъ, подобно Гуго Гронію, производитъ завѣщаніе прямо изъ права собственности. Такъ какъ собственнику принадлежитъ право располагать вещью по усмотрѣнію, то отъ него зависитъ передать ее другому подъ тѣми условіями, какія онъ самъ положитъ, слѣдовательно и послѣ смерти, съ сохраненіемъ до того времени права пользованія и права отмѣны; а таково именно значеніе завѣщанія [1].

Но Вольфъ не остановился на правѣ завѣщанія. Выводя всѣ юридическія отношенія къ нравственнымъ обязанностямъ, онъ и наслѣдованіе по закону выводилъ не изъ подразумѣваемой воли умершаго, а изъ обязанности родителей заботиться по возможности о благосостояніи дѣтей. На этотъ разъ выводъ изъ нравственнаго начала былъ вѣренъ, ибо въ семейномъ правѣ сочетаются нравственныя начала съ юридическими. Однако, для вывода юридическихъ отношеній, односторонней нравственной обязанности было недостаточно. Поэтому Вольфъ въ наслѣдственномъ правѣ, также какъ и въ отношеніи родителей къ дѣтямъ, видѣлъ подобіе договора (quasi contractus), въ силу котораго дѣти пріобрѣтаютъ собственное право на наслѣдіе родителей, право, которое не можетъ быть у нихъ отнято иначе какъ по справедливой причинѣ (§§ 921, 924, 928).

Что касается до боковыхъ родственниковъ, то къ отношеніи къ нимъ нѣтъ прямой юридической обязанности. Предоставленіе имъ наслѣдства основано, по мнѣнію Вольфа, на воздаяніи за благодѣянія общаго родоначальника. Но такъ какъ эта обязанность несовершенная, то умирающему предоставляется право передать наслѣдство и постороннему. Только при недостаткѣ завѣщанія слѣдуетъ толковать волю умершаго сообразно съ его нравственными обязанностя-

[1] Institutiones Juris Naturae et Gentium. §§ 314. 927.

ми, вслѣдствіе чего наслѣдство идетъ къ боковымъ родственникамъ по степени ихъ близости къ умершему (§§ 830, 933).

Въ этихъ положеніяхъ Вольфа можно видѣть высшее выраженіе воззрѣній нравственной школы. Заслуга послѣдней состоитъ въ томъ, что она поняла и выяснила нравственный элементъ наслѣдственнаго права; но отправляясь отъ односторонняхъ началъ, она была не въ состояніи связать юридическій элементъ съ нравственнымъ, возводя ихъ къ единству семейства, какъ органическаго союза.

Совершенно иначе смотрѣла на наслѣдство индивидуальная школа. Здѣсь человѣкъ представлялся, по своей природѣ, оторваннымъ отъ всего окружающаго. Связь поколѣній исчезла, а потому и наслѣдство могло быть понято только какъ искусственное учрежденіе, а не какъ начало, проистекающее изъ естественнаго закона. Даже такой великій умъ, какъ Монтескьё, держался этого взгляда. «Естественный законъ, говоритъ онъ, предписываетъ отцамъ давать пропитаніе дѣтямъ, но онъ не заставляетъ ихъ дѣлать дѣтей наслѣдниками. Раздѣлъ имуществъ, законы объ этомъ раздѣлѣ, наслѣдованіе послѣ того, кто получилъ свою часть, все это могло быть установлено только обществомъ, слѣдовательно законами политическими и гражданскими» [1]. Какъ будто преемственная связь поколѣній, на которой основано все человѣческое развитіе, не составляетъ такого же естественнаго закона человѣческой природы, какъ и самое питаніе дѣтей!

Еще далѣе шелъ Рейналь. «Человѣкъ, кончившій свое поприще, говоритъ онъ, можетъ ли еще имѣть какое нибудь право? Переставая существовать, не потерялъ ли онъ всѣ свои способности? Великое Существо, лишая его свѣта, не отняло ли у него все то, что состояло отъ него въ зависимости, когда онъ выражалъ свою послѣднюю волю? Можетъ ли эта воля имѣть вліяніе на слѣдующія поколѣнія? Нѣтъ; пока онъ жилъ, онъ могъ пользоваться землями, которыя онъ обработывалъ. Послѣ его смерти, онѣ принадлежатъ первому, кто ими овладѣетъ и кто захочетъ ихъ обсѣменять. Такова природа» [2].

На этомъ основаніи, Бриссо признавалъ право завѣщанія чисто услов-

---

[1]) Esprit des loix, l. XXXVI, ch. 6.

[2]) Histoire politique des établissements des Européens dans les Deux Indes. t. VIII, liv. 6.

нымъ установленіемъ: «Первое положеніе, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, что право завѣщанія есть одно изъ тѣхъ общественныхъ условій, которыя получаютъ свое бытіе только отъ закона; второе—то, что законъ можетъ не исполнять воли лица, уже не существующаго. Законъ можетъ уничтожить охраняемое имъ условіе: слѣдовательно, право завѣщанія можетъ быть отмѣнено» [1]). Казалось бы, что далѣе этого трудно довести индивидуализмъ; но мы увидимъ, что новѣйшіе соціалисты развили это начало до еще большей крайности.

Утилитарная школа, которая совершенно отвергаетъ естественный законъ и во всякомъ правѣ видитъ только произвольное человѣческое установленіе, разумѣется, подводитъ подъ эту категорію и наслѣдственное право. Поэтому Бентамъ смотритъ на него единственно съ точки зрѣнія практической пользы. Законодатель, по его мнѣнію, долженъ въ законахъ о наслѣдствѣ имѣть въ виду три цѣли: 1) обезпечить пропитаніе нарождающагося поколѣнія; 2) предупредить страданіе, проистекающее отъ обманутаго ожиданія; 3) стремиться къ уравненію состояній. На этихъ основаніяхъ, Бентамъ предлагалъ установить равный раздѣлъ между наслѣдниками и ограничить наслѣдованіе боковыхъ родственниковъ братьями и сестрами, послѣ чего имущество должно обращаться въ казну. Тутъ однако возникалъ вопросъ о завѣщаніяхъ. Бентамъ видѣлъ, что если отнять у человѣка право, за отсутствіемъ законныхъ наслѣдниковъ, дѣлать завѣщаніе въ пользу посторонняхъ, то онъ все свое имѣніе истратитъ на себя. Поэтому онъ предлагалъ оставить собственнику, не имѣющему близкихъ родственниковъ, право располагать послѣ смерти половиною своего имущества. «Но еще лучше, прибавляетъ онъ, не нарушать начала, которое дозволяетъ всякому располагать своимъ имуществомъ послѣ смерти» [2]). Ясно, что послѣ этого всѣ предъидущія соображенія падаютъ сами собою. Оказывается, что и практическая польза, также какъ и умозрительная теорія, говоритъ за наслѣдство.

Въ самой Франціи, не смотря на господство индивидуализма, раздавались голоса, которые утверждали происхожденіе завѣщанія

---

[1]) Moniteur 9 и 10 марта 1793 г. Заимствую эту цитату у Лассаля: System der erworb. Rechte, II, стр. 601, прим. 2.

[2]) Principes du Code Civil. ch 3 et 4.

изъ естественнаго закона. При обсужденіи Гражданскаго Кодекса высказалось это различіе взглядовъ. Симеонъ, въ своей рѣчи передъ Законодательнымъ Сословіемъ, становился на чисто индивидуалистическую точку зрѣнія. «Какъ только мы умираемъ, говорилъ онъ, всѣ связи, которыя держали наши имущества въ зависимости отъ насъ, разрываются: законъ одинъ можетъ ихъ возстановить. Безъ него, имущества, лишенныя хозяевъ, принадлежали бы первому овладѣвшему. Каждая смерть возбуждала бы снова колебанія и безпорядки, устраненные общественнымъ бытомъ. Наслѣдство есть, слѣдовательно, гражданское учрежденіе, посредствомъ котораго законъ передастъ новому, напередъ назначенному собственнику вещь, которая потеряла своего прежняго хозяина». Трелларъ, напротивъ, въ своемъ докладѣ, держался точки зрѣнія естественнаго закона. Порядокъ наслѣдованія, по его мнѣнію, представляетъ собою предполагаемое завѣщаніе лица, умершаго безъ выраженія своей воли; предположеніе должно слѣдовать голосу природы. Благодѣяніе жизни, которое дѣти получаютъ отъ родителей, даетъ имъ священное право на пріобрѣтеніе достоянія оставшагося послѣ смерти послѣднихъ. Природа устанавливаетъ между ними какъ бы общеніе имуществъ, и наслѣдованіе, можно сказать, есть только продолженное пользованіе. Относительно боковыхъ родственниковъ нѣтъ такой близости, но и тутъ природа установила извѣстный порядокъ, которому законъ долженъ слѣдовать за недостаткомъ выраженія воли умершаго.

Еще рѣзче эта послѣдняя точка зрѣнія была высказана въ мотивахъ, представленныхъ Биго-Прамене къ проекту закона о завѣщаніяхъ. Онъ приводитъ, съ одной стороны, мнѣніе тѣхъ юристовъ, которые утверждали, что распоряженіе имуществомъ, когда человѣкъ пересталъ уже жить, не составляетъ естественнаго права, что собственность заключается въ обладаніи предметомъ, которое прекращается смертью, и что наслѣдственная ея передача установляется гражданскимъ закономъ въ видахъ предупрежденія безпорядковъ; съ другой стороны, онъ противополагаетъ имъ мнѣніе тѣхъ, которые считаютъ такое воззрѣніе разрушающимъ самыя основы общественнаго быта и видятъ въ правѣ завѣщанія естественное послѣдствіе права собственности, безъ чего послѣднее превращается въ простое пользованіе. «Среди этихъ преній, говоритъ ораторъ, есть руководитель, за которымъ можно слѣдовать безопасно: это — голосъ природы, который слышенъ всѣмъ народамъ и который дик-

зовать почти всѣ законы». Законъ, чтобы быть совершеннымъ, не долженъ ничего создавать самъ; онъ долженъ только слѣдовать внушеніямъ природы. Законодатели удалялись отъ нихъ лишь тогда, когда они приносили въ жертву интересамъ своей власти наилучшее устройство семейнаго быта [1]).

Въ новѣйшее время, это воззрѣніе получило во Франціи рѣшительный перевѣсъ. Такъ напримѣръ, Тьеръ, въ своей книгѣ О собственности, доказываетъ, что въ правѣ собственности заключается право дарить, а съ послѣднимъ неразрывно связано и право передавать имущество по наслѣдству.

Наконецъ, германскій идеализмъ, въ лицѣ высшихъ своихъ представителей, съ полнымъ авторитетомъ высказался въ пользу происхожденія наслѣдства изъ естественнаго закона, и притомъ въ двоякомъ направленіи, субъективномъ и объективномъ, сообразно съ двоякою точкою зрѣнія идеалистической философіи.

Представитель субъективнаго идеализма, Кантъ, выводилъ наслѣдство изъ права завѣщанія. По его теоріи, переходъ имущества совершается здѣсь посредствомъ соединенія воль. Мы видѣли уже, что Кантъ всякое право выводилъ изъ идеальнаго отношенія, отрѣшеннаго отъ фактическихъ данныхъ. Тоже начало прилагается и здѣсь: въ минуту смерти воли совпадаютъ. И хотя наслѣдникъ не высказалъ еще своего согласія, но онъ въ минуту смерти завѣщателя пріобрѣлъ преимущественное передъ всякимъ другимъ право принимать или не принимать наслѣдства. Поэтому имущество не можетъ разсматриваться какъ ничье. Распространеніе предписаній и запрещеній естественнаго закона за предѣлы личной жизни Кантъ считаетъ несомнѣнною принадлежностью умозрительныхъ законовъ разума. Поэтому завѣщанія должны разсматриваться, какъ имѣющія силу прямо по естественному закону. Что же касается до наслѣдованія безъ завѣщанія, то оно, по мнѣнію Канта, въ естественномъ состояніи немыслимо [2]).

Гегель, напротивъ, согласно съ своею объективною точкою зрѣнія, придаетъ главное значеніе наслѣдованію по закону. Семейство, по его ученію, представляетъ собою общее и продолжающееся лицо, съ постояннымъ имуществомъ, на которое каждый его членъ

[1]) Cm. Code Civil avec les discours, rapports et opinions, Livre 3.
[2]) Rechtslehre, §§ 31, 35.

имѣетъ свое право. Отцу семейства принадлежитъ только распоряженіе. Съ его смертью подчиненные члены вступаютъ въ принадлежащее уже имъ право; въ этомъ заключается существо наслѣдства. Но съ расхожденіемъ семьи и съ бо́льшимъ и бо́льшимъ отдаленіемъ степеней родства, это право слабѣетъ и становится менѣе опредѣленнымъ. Вслѣдствіе того, здѣсь выдвигается личное начало, именно, право распоряжаться своимъ имуществомъ въ пользу друзей. На этомъ основано завѣщаніе. Здѣсь нравственное начало замѣняется произволомъ; поэтому завѣщаніе не можетъ имѣть силы въ противорѣчіе съ семейнымъ правомъ. Только съ ослабленіемъ послѣдняго оно получаетъ значеніе, да и тутъ оно, по выраженію Гегеля, всегда имѣетъ въ себѣ что то противное и непріятное. На томъ же основаніи Гегель отвергаетъ и установленіе фидеикоммиссовъ и субституцій. Въ нихъ, по его мнѣнію, выражается произвольное предпочтеніе отдаленнаго рода настоящей семьѣ, основанной на любви [1]).

Въ этомъ воззрѣніи мы узнаемъ черты первоначальнаго германскаго наслѣдства. Но оно страдаетъ и всею односторонностью этой системы. Личное начало, заключающееся въ правѣ собственника распоряжаться своимъ имуществомъ, совершенно упущено изъ виду или устранено въ пользу семьи, какъ носителя объективной нравственной идеи. Критикуя въ этомъ отношеніи воззрѣніе Гегеля, Шталь справедливо замѣчаетъ, что если съ одной стороны наслѣдство составляетъ необходимое послѣдствіе семейной связи, то съ другой стороны, въ силу самоопредѣленія лица въ отношеніи къ собственности, самоопредѣленія неотъемлемо присущаго родителямъ, оно является вмѣстѣ собственнымъ дѣломъ послѣднихъ, то есть, даромъ и сообщеніемъ, вслѣдствіе чего дѣти не вступаютъ только въ распоряженіе принадлежащимъ уже имъ имуществомъ, а дѣйствительно пріобрѣтаютъ нѣчто новое, въ силу воли родителей. На этомъ основано наслѣдованіе по завѣщанію. Однако и Шталь, въ свою очередь, становясь на нравственную точку зрѣнія, впадаетъ въ порицаемую имъ односторонность. Онъ видитъ въ передачѣ имущества дѣтямъ обязанность родителей, а въ завѣщаніи только ближайшее опредѣленіе и дополненіе наслѣдованія по закону. Онъ отвергаетъ даже право собствен-

[1]) Philos. d. Rechts §§ 170. 171. 178—180.

ника распоряжаться своимъ имуществомъ послѣ смерти и признаетъ внутреннее назначеніе родительскаго имущества, состоящее въ томъ, что оно должно перейти къ дѣтямъ, единственнымъ основаніемъ, какъ наслѣдованія по закону, такъ и наслѣдованія по завѣщанію [1]). Очевидно, что при такомъ взглядѣ, самоопредѣленіе лица въ отношеніи къ своей собственности, которое, по словамъ Шталя, никогда не теряется родителями, не имѣетъ мѣста. Въ такомъ случаѣ человѣку не дозволено создавать чисто искуственныя наслѣдственныя связи, что однако признается Шталемъ. Ясно, что въ этомъ воззрѣніи есть противорѣчіе. Желая удѣлить мѣсто личному началу, Шталь не умѣлъ связать его съ своею нравственною точкою зрѣнія.

Вѣрнѣе взглянулъ на этотъ предметъ Аренсъ, который соединяетъ субъективную точку зрѣнія съ объективною. Наслѣдованіе по завѣщанію, говоритъ онъ, можно защищать даже съ формально-юридической точки зрѣнія, ибо обыкновенное возраженіе, что воля человѣка не имѣетъ силы послѣ его смерти, опровергается тѣмъ, что въ юридическихъ отношеніяхъ пространство и время имѣютъ второстепенное значеніе: они не составляютъ причины возникновенія и прекращенія права. Поэтому смерть не уничтожаетъ принятыхъ при жизни обязательствъ, на которыхъ основываются права другихъ. Иначе она уничтожала бы всякія сдѣлки, что немыслимо. Но кромѣ того, наслѣдованіе по завѣщанію имѣетъ и болѣе глубокое основаніе въ разумной природѣ человѣка и въ свойствѣ полагаемыхъ имъ себѣ цѣлей. Какъ разумное существо, человѣкъ думаетъ не объ одномъ настоящемъ, но ставитъ себѣ цѣли и для будущаго, иногда далеко за предѣлы своей жизни. Своимъ разумомъ и своими разумными цѣлями человѣкъ принадлежитъ идеальному, безконечному, не ограниченному никакимъ временемъ порядку, вслѣдствіе чего у многихъ народовъ завѣщанія получаютъ религіозный характеръ. Въ этой разумной дѣятельности лице должно быть защищено закономъ.

Съ другой стороны, продолжаетъ Аренсъ, наслѣдованіе по закону основано на нравственно-юридическомъ значеніи семейнаго союза. Здѣсь личная воля отступаетъ передъ высшимъ, естественно-нравственнымъ цѣлымъ. Въ семействѣ человѣкъ имѣетъ свою исходную точку; къ семейству же возвращаются плоды его собственной дѣя-

[1]) Philos. d. Rechts. II. §§ 91. 92 (1854).

тельности. Въ особенности это прилагается къ тѣмъ лицамъ, относительно которыхъ умершій имѣлъ обязанности любви, благодарности и поддержки. Вслѣдствіе этого, и наслѣдованіе по закону имѣетъ признанное многими народами религіозное значеніе [1]).

Эти мысли совершенно вѣрны. Эклектизмъ, въ который нерѣдко впадаетъ школа Краузе, пришелся здѣсь кстати.

Прибавимъ, что замѣчательнѣйшій изъ новѣйшихъ писателей по философіи права, Тренделенбургъ, держится тѣхъ же началъ. И онъ возстаетъ противъ атомистическаго взгляда, отрицающаго распространеніе человѣческой воли за предѣлы физической жизни. Такое ограниченіе, говоритъ онъ, осудило бы дѣятельность человѣка на исканіе минутныхъ наслажденій. Пріобрѣтеніе же имущества для цѣлей, идущихъ за предѣлы жизни, требуетъ и права распоряжаться этимъ имуществомъ послѣ смерти. На этомъ основано завѣщаніе. Но не одно личное начало, а также и семейная связь составляетъ источникъ наслѣдственнаго права. Въ немъ сталкиваются двѣ различныя цѣли, и задача законодателя состоитъ въ томъ, чтобы ихъ согласить, установляя предѣлы, въ которыхъ можетъ дѣйствовать воля завѣщателя [2]).

Можно сказать, что эти положенія составляютъ результатъ всего предшествующаго развитія философіи права. Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на различіе взглядовъ, всѣ означенные выше мыслители сходятся въ томъ, что наслѣдственное право составляетъ необходимую принадлежность человѣческихъ обществъ. Тѣ, которые выводятъ его изъ естественнаго права, и тѣ, которые хотятъ основать его на практической пользѣ, однако имѣютъ въ виду его утвержденіе, а не отрицаніе, и въ этомъ они согласны съ дѣйствительною жизнью, которая возвела наслѣдство на степень всемірно-историческаго явленія.

На совершенно иную точку зрѣнія становятся соціалисты. Они совершенно отвергаютъ наслѣдство, въ которомъ они видятъ главную причину неравенства и важнѣйшее препятствіе человѣческому развитію. Не только чистые коммунисты, но и реформаторы, допускающіе отчасти начало личной собственности, подвергали наслѣдство принципіальному осужденію.

Важнѣйшія возраженія послѣдовали со стороны Сенъ-Симонистовъ.

---

[1]) Naturrecht, II, § 98 (1871).

[2]) Naturrecht § 141.

Настоящее печальное положение рабочаго класса они приписывали несправедливому распредѣленію богатства. Трудъ не вознаграждается, а тѣ, которые не трудятся, имѣютъ избытокъ. Причину же этого неправильнаго распредѣленія они видѣли въ наслѣдственномъ правѣ, которымъ установляется привилегія однихъ въ ущербъ другимъ. Въ средніе вѣка такого рода привилегіи существовали и въ приложеніи къ сословнымъ правамъ и къ общественнымъ должностямъ. Французская революція все это уничтожила и установила гражданское равенство. Но въ приложеніи къ частному имуществу сохранился средневѣковой порядокъ. Онъ долженъ быть уничтоженъ и тутъ. Частное наслѣдованіе должно быть замѣнено справедливымъ распредѣленіемъ имущества общественною властью, на основаніи формулы: «каждому по способности и каждой способности по ея дѣламъ» [1]).

Въ этой аргументаціи прежде всего поражаетъ смѣшеніе частнаго права съ государственнымъ. Средневѣковой порядокъ наслѣдованія должностей основанъ былъ на томъ, что должности присвоивались лицу, какъ частная собственность. Но такое присвоеніе противорѣчило внутреннему ихъ значенію. Должность, дающая одному лицу власть надъ другими, есть, по существу своему, общественное учрежденіе. Поэтому, съ развитіемъ государственныхъ началъ въ новое время, наслѣдственный ихъ характеръ долженъ былъ уничтожиться. Напротивъ, имущество, пріобрѣтаемое лицемъ, составляетъ частное его достояніе, а потому здѣсь частные способы передачи совершенно умѣстны. Частный порядокъ наслѣдованія, равно какъ и свободное отчужденіе имуществъ, столь же соотвѣтствуютъ существу послѣднихъ, сколько они противорѣчатъ значенію первыхъ. Одно учрежденіе управляется началами частнаго права, другое началами права публичнаго.

Для юриста это различіе составляетъ азбуку его науки. Что Сенъ-Симонисты смѣшивали оба начала, въ этомъ нѣтъ ничего мудренаго. Они были болѣе филантропы, нежели правовѣды. Но удивительнѣе то, что эта ссылка на отмѣну средневѣковыхъ привилегій, въ доказательство неправомѣрности наслѣдованія частной собственности, повторяется доселѣ. Ее можно найти напримѣръ у Шеффле [2]). Такое смѣшеніе понятій не дѣлаетъ чести современной наукѣ.

[1]) Cм. Doctrine de St Simon 1829, 6-e, 7-e, et Nle Séan...

[2]) Bau und Leben d. soc. Körp. I, стр. 253—4, 279.

Что касается до формулы Сенъ-Симонистовъ: «каждому по способности и каждой способности по ея дѣламъ», то она отнюдь не можетъ быть признана мѣриломъ въ распредѣленіи имущества. Если бы каждый безусловно начиналъ съ самого себя и ничего не получалъ отъ другихъ, то можно было бы требовать, чтобы онъ имѣлъ только то, что онъ заслужилъ. Но человѣкъ пользуется и тѣмъ, что ему даромъ даетъ природа, и тѣмъ, что пріобрѣтено трудами его предковъ. Эскимосъ не обладаетъ тѣми естественными богатствами, какія природа безъ всякой заслуги доставляетъ жителямъ южныхъ странъ. Онъ не обладаетъ и тѣми накопленными вѣками благами, какія достаются на долю образованному Европейцу. Все человѣческое развитіе основано на томъ, что вновь нарождающееся поколѣніе даромъ получаетъ наслѣдіе своихъ отцовъ. Какимъ бы способомъ ни совершалась эта передача, пріобрѣтаемое такимъ образомъ достояніе не заслужено; оно получается единственно потому, что дѣти являются продолжателями дѣлъ своихъ отцовъ. На этомъ зиждется и наслѣдственное право. Самая формула Сенъ-Симонистовъ не отвѣчаетъ требованіямъ безусловной справедливости, ибо на какомъ основаніи способнѣйшій, прежде нежели онъ работалъ, получитъ болѣе другихъ? Онъ и безъ того можетъ заработать больше. Держась этого начала, скорѣе слѣдовало бы дать лишнее неспособному, ибо онъ не въ состояніи заработать столько, сколько другіе. Именно въ силу этого соображенія, формулѣ Сенъ-Симонистовъ коммунисты противопоставили другую: «каждому по потребностямъ». Но тутъ уже исчезаетъ всякое справедливое воздаяніе; распредѣленіе совершается во имя начала любви, которое однако, въ свою очередь, не способно быть мѣриломъ имущественныхъ отношеній, ибо любовь есть начало нравственное, а не юридическое, свободное, а не принудительное, между тѣмъ какъ въ распредѣленіи имущества требуется именно юридическое начало.

Сенъ-симонизмъ съ своею формулою исчезъ и никто уже объ немъ не упоминаетъ иначе, какъ съ исторической точки зрѣнія. Но возраженія его противъ наслѣдства были подхвачены другими. Въ новѣйшее время съ большимъ аппаратомъ учености выступилъ противъ наслѣдственнаго права Лассаль. Опираясь, съ одной стороны, на діалектику Гегеля, а съ другой стороны на свои собственныя историко-юридическія изслѣдованія, особенно по римскому праву, онъ хотѣлъ доказать, что наслѣдство есть не болѣе какъ историческая категорія, которая должна исчезнуть съ дальнѣйшимъ развитіемъ человѣчества. Весь

этотъ аппаратъ учености былъ однако выставленъ на сцену единственно за тѣмъ, чтобы прикрыть самую вопіющую софистику, которая раскрывается до очевидности, какъ скоро мы отъ внѣшняго покрова обратимся къ умственному содержанію теоріи.

Чтобы доказать чисто историческое значеніе наслѣдства, надобно было бы прослѣдить это учрежденіе въ его всемірно-историческомъ развитіи. Вмѣсто того, Лассаль ограничивается подробнымъ изслѣдованіемъ римскаго права, какъ чистаго изображенія наслѣдованія по завѣщанію, и затѣмъ, въ видѣ придатка, присоединяетъ къ этому легкую характеристику германскаго права, представляющаго послѣдовательное осуществленіе началъ наслѣдованія по закону. Въ римскомъ завѣщаніи, по мнѣнію Лассаля, выражается идея продолженія воли послѣ смерти, а эта идея, въ свою очередь, выражаетъ собою римское понятіе о безсмертіи, составляющее извѣстную ступень развитія субъективнаго духа. На Востокѣ лице еще погружено въ общую субстанцію: въ классическомъ мірѣ оно постепенно отъ нея освобождается. Въ Римѣ личный духъ пріобрѣтаетъ понятіе о своей безконечности, но еще въ приложеніи къ земному бытію: воля умершаго властвуетъ надъ оставленнымъ имъ имуществомъ. Въ христіанствѣ, наконецъ, эта безконечность понимается, какъ отрѣшенная отъ земли. Отсюда ясно, заключаетъ Лассаль, что римская идея безсмертія, выразившаяся въ завѣщаніи, составляетъ только преходящую ступень человѣческаго развитія. Въ дѣйствительности, она противорѣчитъ природѣ вещей, ибо, по естественному закону, воля человѣка прекращается съ его смертью, и продолженіе ея въ другомъ лицѣ есть не болѣе какъ юридическая фикція, которой несостоятельность обнаруживается при столкновеніи съ жизнью. Вся исторія римскаго наслѣдства представляетъ постепенное разрушеніе этой фикціи; но съ ея паденіемъ и съ превращеніемъ наслѣдства, изъ продолженія воли умершаго, въ простую передачу имущества, уничтожается самая идея, руководившая римскимъ правомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ и самъ римскій народъ, уступая мѣсто новымъ племенамъ, носителямъ новыхъ началъ.

Съ другой стороны, въ германскомъ правѣ на первыхъ порахъ субъективный элементъ совершенно устраняется. Наслѣдованіе представляется, какъ вступленіе наслѣдника въ обладаніе имуществомъ, которое уже и прежде принадлежало ему по семейному праву. При столкновеніи съ Римомъ, и у Германцевъ появилось завѣщаніе; но это

произошло единственно вслѣдствіе недоразумѣнія. Германцы, говоритъ Лассаль, не понимали, что оно противорѣчило господствовавшимъ у нихъ началамъ. Точно также и церковь, которая своимъ авторитетомъ освящала завѣщаніе, не догадалась, что оно противорѣчитъ христіанскому понятію о безсмертіи, которое, отрываясь отъ земли, переносится на небо. Между тѣмъ, подъ вліяніемъ этихъ чужеземныхъ началъ, а также и дальнѣйшаго развитія свободы, самая идея германскаго наслѣдованія падаетъ. Наслѣдникъ перестаетъ имѣть какое бы то ни было право на имущество при жизни владѣльца. Послѣдній становится полнымъ и свободнымъ собственникомъ. Такимъ образомъ, наслѣдованіе по закону, въ свою очередь, оказывается такою же преходящею историческою ступенью, какъ и наслѣдованіе по завѣщанію.

Что же остается въ результатѣ? Чистая воля государства, на которой и основано все существующее наслѣдственное право европейскихъ народовъ. Семейство является здѣсь не болѣе какъ государственнымъ учрежденіемъ: воля завѣщателя, только въ силу государственнаго закона, получаетъ значеніе послѣ смерти. Но то, что установлено государствомъ, имъ же можетъ быть отмѣнено. Лассаль утверждаетъ даже, что по существу дѣла, государство не можетъ исполнить волю человѣка, который перестаетъ существовать. Эта фикція разрушается діалектическимъ процессомъ историческаго развитія, а съ тѣмъ вмѣстѣ должно исчезнуть и самое наслѣдство, которое оказывается тѣмъ, что оно есть на самомъ дѣлѣ, то есть, преходящимъ историческимъ моментомъ. Ошибка философовъ, которые старались оправдать ту или другую форму наслѣдственнаго права, по мнѣнію Лассаля, состоитъ въ томъ, что они историческія явленія принимали за вѣчныя начала человѣческаго духа. Такъ Лейбницъ, возводя завѣщаніе къ безсмертію души, проводилъ только римское понятіе. Съ другой стороны, теорія Гегеля ничто иное какъ сколокъ съ германскаго права. Но такъ какъ обѣ теоріи одинаково ложны, то обѣ должны быть отвергнуты. Въ результатѣ оказывается нуль [1]).

Такое ученіе Лассаля. Изъ сказаннаго выше можно видѣть всю его несостоятельность. Въ немъ факты представлены не только въ

[1]) См. System der erworbenen Rechte, часть 2-я, и мой разборъ этого сочиненія въ Сборникѣ Государственныхъ знаній, часть 5-я.

отрывочномъ, но и въ превратномъ видѣ. Наслѣдованіе по закону не есть чисто германское явленіе. Оно существуетъ у всѣхъ народовъ, на Востокѣ, также какъ и на Западѣ, въ древнѣйшія времена, также какъ и въ новѣйшія. Выставлять его въ видѣ преходящаго историческаго момента значитъ сознательно идти наперекоръ очевидной истинѣ. Если та форма, которую оно первоначально имѣло у Германцевъ, уступаетъ мѣсто иной, то это означаетъ только, что оно согласуется съ потребностями свободы, а никакъ не то, что семейство превращается въ государственное установленіе. Точно также и завѣщаніе не есть чисто римское учрежденіе. Его можно найти и у Евреевъ, и въ Греціи, и у всѣхъ новыхъ народовъ: у насъ, какъ мы видѣли, оно существовало издревле. Приписывать введеніе его у Германцевъ и освященіе его христіанскою церковью недоразумѣнію и ошибкѣ, значитъ вносить въ исторію совершенно произвольныя толкованія. Такія искусственныя объясненія сами себя обличаютъ. Съ развитіемъ свободы неизбѣжно является завѣщаніе, точно также какъ съ другой стороны, злоупотребленія свободы вызываютъ обязательныя постановленія въ пользу законныхъ наслѣдниковъ. Историческое разложеніе односторонняхъ формъ доказываетъ отнюдь не безусловную ихъ несостоятельность, а только необходимость восполненія, посредствомъ сочетанія съ противоположнымъ началомъ. Это и есть указанный выше результатъ, какъ развитія мысли, такъ и развитія жизни. Ничего другого изъ безпристрастнаго изученія исторіи нельзя вывести.

Что касается до положенія, будто распространеніе воли человѣка за предѣлы жизни противорѣчитъ естественному закону и заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, то здѣсь мы имѣемъ уже чисто отвлеченное воззрѣніе, которое идетъ наперекоръ и тому, что признавалось и признается у всѣхъ народовъ, и тому, что одинаково ясно для простаго здраваго смысла и для философскаго мышленія. Конечно, человѣкъ не можетъ распоряжаться своимъ имуществомъ, когда онъ уже умеръ; но если онъ выразилъ свою волю при жизни, то эта воля можетъ быть уважаема. А это все, что требуется, и никакой естественный законъ этому не препятствуетъ. Ничто также не мѣшаетъ новому лицу заступить мѣсто прежняго и принять на себя всѣ тѣ права и обязанности, которыя не носятъ на себѣ чисто личнаго характера. Такого рода заступленія составляютъ необходимую принадлежность юридическаго быта, не

только въ наслѣдственномъ правѣ, но и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Положеніе, что дѣйствіе человѣческой воли прекращается съ его смертью, основано на самомъ грубо-чувственномъ воззрѣніи на человѣческую природу. Этимъ отрицается то идеальное начало, которое лежитъ въ основаніи всѣхъ, не только нравственныхъ, но и юридическихъ отношеній. Если человѣкъ дѣйствуетъ въ виду будущаго, если онъ вступаетъ въ прочныя юридическія связи съ другими, то онъ долженъ имѣть увѣренность, что воля его будетъ уважена и послѣ смерти. Это его право, котораго онъ не можетъ быть лишенъ безъ нарушенія его человѣческаго достоинства и безъ низведенія его на степень животнаго. Такой грубо-матеріалистическій взглядъ противорѣчитъ даже собственнымъ воззрѣніямъ Лассаля, котораго вся система состоитъ въ крайне односторонемъ развитіи идеализма. Но въ преслѣдованіи своей цѣли, знаменитый агитаторъ не брезгалъ никакими доводами, которые попадались ему подъ руку. Его теоретическія доказательства противъ наслѣдственнаго права нельзя даже признать добросовѣстными.

Мы видимъ, что возраженія соціалистовъ не выдерживаютъ критики. Научныхъ доказательствъ въ нихъ нѣтъ и тѣни. Новѣйшіе соціалисты каѳедры и соціаль-политики, съ своей стороны, ничего къ этому не прибавили. Они только слѣпо повторяютъ чужіе доводы или же, не рѣшаясь идти до конца, считаютъ своимъ долгомъ вступить на почву компромиссовъ. Прогрессъ состоитъ единственно въ большемъ и большемъ разжиженіи мысли, которая наконецъ совершенно испаряется.

Такъ напримѣръ, Ланге утверждаетъ, что «если общество признаетъ безнравственнымъ или опаснымъ пріобрѣтеніе имущества инымъ способомъ, кромѣ труда, то оно можетъ точно также запретить пріобрѣтеніе имущества путемъ наслѣдства, какъ оно запрещаетъ пріобрѣтеніе путемъ грабежа или лотерейнаго выигрыша». Такое глубокомысленное сопоставленіе весьма характеристично для опредѣленія уровня современной мысли. Право человѣка распоряжаться своимъ имуществомъ послѣ смерти, семейное начало, на которомъ зиждутся всѣ человѣческія общества, законъ преемственности поколѣній, все это ставится на одну доску съ грабежемъ и лотерейнымъ выигрышемъ. Разница полагается лишь въ томъ, что общество позднѣе сознаетъ вредъ лотерей, нежели грабежа, и еще позднѣе вредъ наслѣдственнаго права [1]).

[1]) Arbeiterfrage стр. 278 (изд. 4-е 1879) Относительно права человѣка ра-

При всемъ томъ, Ланге признаетъ, что наслѣдственное право «слишкомъ глубоко коренится въ человѣческой природѣ», для того чтобы оно могло когда либо совершенно потерять свое значеніе. Поэтому онъ вступаетъ съ нимъ въ сдѣлку. Даръ на случай смерти и наслѣдованіе дѣтей послѣ родителей, говоритъ онъ, вѣроятно устоятъ и противъ сильнѣйшаго напора. Придется довольствоваться предложеннымъ Миллемъ ограниченіемъ прямаго наслѣдства, а также и даренія, извѣстнымъ размѣромъ, и уничтожить наслѣдованіе боковыхъ родственниковъ [1]).

Ниже мы обсудимъ эти мѣры, равно какъ и предложенія тѣхъ, которые хотятъ, посредствомъ подати на наслѣдство, измѣнить существующій порядокъ собственности. Теперь же сведемъ къ общему итогу все сказанное выше и установимъ коренныя начала наслѣдственнаго права.

Наслѣдство, какъ мы видѣли, есть всемірно-историческое явленіе. Отвлеченные утописты могутъ противъ него возставать: дѣйствительная жизнь всегда крѣпко держалась этого начала, а здравая философія всегда понимала его, какъ одну изъ непоколебимыхъ основъ человѣческихъ обществъ. И точно, оно коренится въ глубочайшихъ свойствахъ человѣческаго духа и связано съ міровыми законами

распоряжаться своимъ имуществомъ послѣ смерти Ланге говоритъ, что при «нѣсколько болѣе строгомъ размышленіи», легко освободиться отъ предразсудка, будто въ силу права собственности кто либо можетъ послѣ смерти дѣлать распоряженія, связывающія потомство на вѣчныя времена, начало, на которомъ, по мнѣнію автора, основано римское завѣщаніе (стр. 284—5). Въ дѣйствительности, римское завѣщаніе основывалось не на правѣ собственности, а на власти отца семейства, и вовсе не связывало потомство на вѣчныя времена. Ланге просто повторяетъ слова Лассаля, не понявши даже, въ чемъ дѣло и не представляя, съ своей стороны, ни малѣйшаго доказательства въ пользу своей темы. «Строгое размышленіе» означаетъ здѣсь только окончательное улетученіе мысли. Нельзя не замѣтить, что Ланге, превознося теорію Лассаля о пріобрѣтенныхъ правахъ, какъ окончательный ударъ «пустымъ софизмамъ», признаетъ однако, что основанія, на которыхъ зиждется эта теорія, не выдерживаютъ критики (стр. 281—3). Точно также, провозглашая Маркса величайшимъ современнымъ экономистомъ, онъ соглашается, что теорія цѣнности, на которой построена вся система Маркса, не имѣетъ прочнаго значенія (стр. 248). Это все равно, что еслибы кто сказалъ, что домъ и крѣпокъ и удобенъ, но построенъ на воздухѣ. Отвергнуть основанія и принять на вѣру выводъ, считается «строгимъ размышленіемъ» у современныхъ философовъ-реалистовъ.

[1]) Arbeiterfrage, стр. 281. 287.

человѣческаго развитія. Источникъ его лежитъ въ преемственности поколѣній, изъ которыхъ отходящее отъ міра передаетъ остающемуся на землѣ все свое, полученное отъ предковъ и умноженное собственною дѣятельностью умственное, нравственное и матеріальное достояніе. На этомъ основано историческое развитіе человѣчества, то есть то, что дѣлаетъ изъ человѣческаго рода единое духовное цѣлое, а изъ отдѣльнаго лица звено въ этомъ общемъ духовномъ процессѣ.

Эта передача духовнаго и матеріальнаго достоянія одного поколѣнія другому заключаетъ въ себѣ двоякое право: право передающихъ и право получающихъ. Первое, въ свою очередь, содержитъ въ себѣ двоякій элементъ: право собственника распоряжаться своимъ имуществомъ послѣ смерти и право отца семейства устроить судьбу своихъ дѣтей.

Мы уже видѣли, что право человѣка распоряжаться своимъ имуществомъ послѣ смерти не подлежитъ сомнѣнію. Утверждать, какъ дѣлаетъ Ланге, что послѣдовательный индивидуализмъ, признавая трудъ единственнымъ источникомъ пріобрѣтенія, ведетъ къ отрицанію наслѣдства, значитъ признавать за человѣкомъ право пріобрѣтать, и отнимать у него право распоряжаться пріобрѣтеннымъ. Отвергать же возможность распространенія воли за предѣлы физической жизни значитъ не понимать самаго существа человѣческой личности и вытекающаго изъ нея права. Если цѣли человѣка простираются за предѣлы его жизни, если эти цѣли служатъ для него побужденіемъ къ дѣятельности, то онъ имѣетъ неотъемлемое право требовать, чтобы воля его уважалась и послѣ смерти, насколько этимъ не нарушается чужое право. Уваженіе къ волѣ умершаго есть дань, отдаваемая духовному естеству человѣка, признакъ высшаго его достоинства, какъ разумнаго существа, котораго мысль и воля не ограничиваются предѣлами физическаго существованія, а простираются въ безконечную даль. Оно составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и право живыхъ, ибо на этомъ началѣ зиждется уваженіе къ собственной ихъ посмертной волѣ. Этимъ установляется связь поколѣній, которою держится все человѣческое развитіе, связь имѣетъ юридическая, нравственная и религіозная, ибо уваженіе къ волѣ умершихъ, признаваемое правомъ, предписывается нравственностью и освящается религіею. Поэтому мы находимъ это начало у всѣхъ народовъ. Оно признается даже въ области публичнаго права. Если человѣкъ завѣщалъ сумму денегъ на устройство общественнаго учреж-

денія, то воля его исполняется и учрежденіе поддерживается, пока оно достигаетъ своего назначенія. Когда же, съ измѣненіемъ общественнаго быта, измѣняются и самыя его цѣли, то воля умершаго толкуется, какъ воля разумнаго человѣка, понимающаго измѣнившіяся потребности, и тогда завѣщанное имъ имущество получаетъ соотвѣтствующее назначеніе. Всякое законодательство, уважающее человѣческую личность, держится этихъ началъ, и чѣмъ выше уваженіе къ лицу, тѣмъ выше уваженіе къ его посмертной волѣ. Только голый матеріализмъ, отрицающій духовное значеніе лица и идеальный характеръ права, ограничиваетъ человѣческую волю предѣлами физической жизни.

Къ числу этихъ цѣлей, идущихъ на будущее, принадлежитъ устройство семьи. Оно составляетъ священное право и вмѣстѣ съ тѣмъ священную обязанность отца семейства. Для семьи онъ работаетъ, для нея онъ пріобрѣтаетъ въ теченіи всей своей жизни. Отсюда право его урядить семью и имущество послѣ смерти. Законъ не въ состояніи исполнить за него этой обязанности, ибо законъ не можетъ входить въ разнообразіе жизненныхъ отношеній, нерѣдко требующихъ видоизмѣненія установленной нормы. Только отецъ семейства, близко знающій и принимающій къ сердцу матеріальное и нравственное положеніе каждаго члена семьи, въ состояніи опредѣлить, что̀ требуется для каждаго и сообразно съ этимъ распорядиться оставляемымъ имъ достояніемъ. Чѣмъ выше власть отца, тѣмъ шире предоставляемое ему право. Въ Римѣ оно было безгранично. Но такая неограниченная власть предполагаетъ живущій въ обществѣ нравственный духъ, который не дозволяетъ лицу отклоняться отъ нравственныхъ цѣлей. Какъ же скоро этотъ духъ падаетъ, такъ и власти отца семейства полагаются законные предѣлы. Право его располагать своимъ имуществомъ послѣ смерти ограничивается правами наслѣдниковъ.

Источникъ этихъ правъ лежитъ въ естественномъ законѣ, которымъ управляется преемственность поколѣній, а именно, въ происхожденіи людей другъ отъ друга и проистекающей отсюда кровной связи. Это начало до такой степени очевидно для человѣческаго ума, что во всѣ времена и у всѣхъ народовъ оно признавалось основаніемъ наслѣдственнаго права. Оно отвергается только софистами, отрицающими и всемірный опытъ и требованія разума, и права личности и вѣчные законы, управляющіе движеніемъ человѣ-

ческихъ обществъ. А такъ какъ кровная связь имѣетъ свои степени, то и наслѣдственное право слѣдуетъ тому же порядку. Чѣмъ ближе связь, тѣмъ крѣпче права наслѣдниковъ, а потому тѣмъ болѣе поводовъ къ ограниченію правъ завѣщателя.

Важнѣйшее ограниченіе проистекаетъ изъ права дѣтей на полученіе наслѣдія родителей. Человѣкъ не есть абсолютное начало своей собственной судьбы. Составляя звено въ преемственной цѣпи поколѣній, онъ опирается на своихъ предшественниковъ, онъ дѣйствуетъ отправляясь отъ того, что онъ отъ нихъ получилъ и самъ умножаетъ переданное ему достояніе, которое онъ, въ свою очередь, передаетъ своимъ потомкамъ. Та семья, въ которой онъ рождается, составляетъ для него исходную точку. Ею опредѣляется тотъ первоначальный запасъ умственныхъ, нравственныхъ и матеріальныхъ силъ, съ которымъ онъ пускается въ жизнь. Безъ сомнѣнія, въ качествѣ свободнаго существа, онъ можетъ оторваться отъ этой среды; онъ можетъ пріумножить переданное ему достояніе до такой степени, что полученное исчезаетъ передъ вновь пріобрѣтеннымъ. Но во всякомъ случаѣ, онъ имѣетъ право не быть лишеннымъ этого наслѣдства; родители же, съ своей стороны, обязаны дать ему возможность продолжать жизнь при тѣхъ условіяхъ, въ которыя они сами его поставили, а не начинать все съ нзнова, разрывая всякую связь съ тою первою порою земнаго бытія, когда, по естественному закону развитія, полагается основаніе для всего будущаго.

Такимъ образомъ, наслѣдство составляетъ неотъемлемую принадлежность семейнаго союза и въ отношеніи къ родителямъ и въ отношеніи къ дѣтямъ. Нельзя посягать на наслѣдство, не посягая вмѣстѣ съ тѣмъ и на семью, которая въ имуществѣ имѣетъ свою необходимую матеріальную опору. Чѣмъ выше мы восходимъ въ исторіи человѣчества, тѣмъ тѣснѣе эта связь. Въ первобытныя времена, при господствѣ родового быта, личное право совершенно исчезаетъ въ семейномъ. Съ естественною преемственностью поколѣній непосредственно связана и преемственность имущественныхъ отношеній. На первыхъ ступеняхъ, даже вовсе нѣтъ наслѣдства, потому что семья продолжается непрерывно. Позднѣе, съ развитіемъ личнаго начала, права и интересы различныхъ членовъ семьи расходятся; наступаетъ наслѣдованіе по закону, а наконецъ является и завѣщаніе. Непосредственное сліяніе элементовъ замѣняется взаимнымъ ихъ ограниченіемъ. Съ одной стороны, права наслѣд-

никовъ ограничиваютъ право настоящихъ владѣльцевъ распоряжаться своимъ имуществомъ послѣ смерти, а иногда даже и при жизни; съ другой стороны, воля завѣщателя можетъ ограничивать права наслѣдниковъ. Сочетаніе этихъ двухъ противоположныхъ началъ составляетъ главную задачу наслѣдственнаго права.

Выше мы касались уже ограниченій перваго рода. Они могутъ быть различны. Иныя законодательства опредѣляютъ извѣстную часть имущества, которою завѣщатель не имѣетъ права распоряжаться по усмотрѣнію, и которая непремѣнно должна достаться законнымъ наслѣдникамъ. Другія различаютъ имущества родовыя отъ благопріобрѣтенныхъ. Завѣщателю предоставляется полное право распоряжаться послѣдними, тогда какъ первыя, по крайней мѣрѣ въ ближайшихъ степеняхъ, должны слѣдовать законному порядку. Въ этихъ различныхъ способахъ произвести указанное выше сочетаніе началъ выражаются особенности народнаго духа и историческаго развитія учрежденій.

Что касается до ограниченій втораго рода, то онѣ состоятъ главнымъ образомъ въ опредѣленіи завѣщателемъ дальнѣйшаго порядка наслѣдованія, на срокъ или безсрочно, при чемъ обыкновенно устанавливается неотчуждаемость имущества, такъ что наслѣдникъ является не болѣе какъ пожизненнымъ пользователемъ. Таковъ характеръ маіоратовъ, фидеикоммиссовъ, субституцій. Спрашивается: до какой степени могутъ быть допущены подобныя ограниченія воли живыхъ собственниковъ волею умершихъ?

Многія современныя законодательства отрицаютъ у завѣщателя это право. Они признаютъ, что наслѣдство можетъ передаваться только на правахъ полной собственности. Новое поколѣніе не должно быть связано и поставлено въ худшее положеніе, нежели его предшественники. Признанное законодательствомъ начало свободы собственности должно служить на пользу всѣхъ.

Это право отрицается и во имя справедливости. Подобныя ограниченія обыкновенно сопряжены съ преимуществомъ одного наслѣдника передъ другими. Равный раздѣлъ наслѣдства, который долженъ составлять правило, черезъ это устраняется.

Эта точка зрѣнія, безспорно, имѣетъ за себя многое; однако она не можетъ имѣть притязанія на безусловное значеніе. Побужденія, на которыхъ основываются отвергаемыя ею учрежденія, могутъ быть двоякаго рода. Нерѣдко они проистекаютъ изъ стремленія аристократическихъ

родомъ поддержать свое общественное положеніе. Тутъ мотивъ чисто политическаго свойства, и съ своей стороны законодательства, точно также руководясь политическими соображеніями, разрѣшаютъ или воспрещаютъ такого рода учрежденія, смотря по тому, желаютъ ли они поддержать или разрушить аристократическое начало въ обществѣ. Наслѣдственное право служитъ здѣсь только средствомъ для иныхъ цѣлей. Но независимо отъ того, такой порядокъ наслѣдованія имѣетъ основаніе и въ семейномъ началѣ. Продолженіе дома, сохраненіе въ родѣ домашняго очага, всегда имѣло и имѣетъ глубокіе корни въ человѣческой природѣ. Оно связано съ самыми священными чувствами человѣка, съ семейными преданіями, съ воспоминаніями дѣтства, съ уваженіемъ къ могиламъ отцовъ, съ привязанностью къ родному мѣсту, однимъ словомъ, съ тѣмъ, что всего дороже для человѣческаго сердца, и что составляетъ нравственную жизнь семьи. Отецъ семейства, вполнѣ сознающій свои нравственныя обязанности, основываетъ и устрояетъ свое пепелище не для своего только мимолетнаго удовольствія и даже не для удобствъ ближайшаго наслѣдника, а въ надеждѣ, что на многія поколѣнія здѣсь будетъ нравственный центръ семейной жизни и сохранится живая память о немъ и о всѣхъ ему близкихъ. Высокое значеніе семьи и семейныхъ преданій для всего общественнаго и государственнаго быта должно побуждать законодательства поддерживать такого рода учрежденія. Только преувеличенный демократическій индивидуализмъ, отрицающій свободу завѣщателя во имя свободы наслѣдниковъ, отвергаетъ ихъ безусловно. Невыгодная ихъ сторона состоитъ въ томъ, что въ нихъ неизбѣжно одинъ изъ наслѣдниковъ получаетъ большее или меньшее преимущество передъ другими. Это—жертва, которая приносится непрерывности семейной связи и сохраненію изъ рода въ родъ семейныхъ преданій. Задача и тутъ состоитъ не въ томъ, чтобы устранить одно начало во имя другаго, а въ томъ, чтобы сочетать ихъ, примиряя сохраненіе семейнаго достоянія съ правами наслѣдниковъ. Но это сочетаніе не можетъ быть произведено закономъ, который не въ состояніи уловить безконечнаго разнообразія жизненныхъ обстоятельствъ. Рѣшающій голосъ въ этомъ дѣлѣ можетъ имѣть только любовь отца семейства, который, устроивъ свой домъ, заботится и о судьбѣ своихъ дѣтей. Окончательно, все тутъ зависитъ отъ нравовъ, то есть, отъ свободы. Общественные нравы рѣшаютъ, какой порядокъ наслѣдо-

ванія болѣе согласенъ съ народнымъ духомъ и съ современными требованіями общества. Законъ же не долженъ запирать двери ни для какого рѣшенія. Онъ можетъ только полагать границы волѣ, явно уклоняющейся отъ нравственныхъ требованій. Конечно, невозможно предоставить завѣщателю право налагать свою волю на потомство на вѣчныя времена. Семейныя преданія тогда только имѣютъ силу и значеніе, когда они поддерживаются существующими поколѣніями. Но для того чтобы ихъ поддержаніе сдѣлалось возможнымъ, необходимо охранить преемственный порядокъ отъ неизбѣжныхъ случайностей личнаго произвола, и не надобно, чтобы законодатель этому препятствовалъ. Приведенный выше англійскій законъ, который даетъ завѣщателю право опредѣлять порядокъ наслѣдованія только на извѣстный срокъ, повидимому всего ближе подходитъ къ желанной цѣли. Къ тому же клонился и позднѣйшій римскій законъ, возвращавшій наслѣдникамъ свободу распоряженія послѣ четвертаго поколѣнія. Разумѣется, мы говоримъ только о принципѣ, а не о подробностяхъ, которыя могутъ быть весьма разнообразны.

До сихъ поръ мы разсматривали взаимныя ограниченія правъ завѣщателя и наслѣдниковъ. Совершенно иной вопросъ: на сколько государство имѣетъ право ограничивать наслѣдственный переходъ имущества во имя общественныхъ цѣлей? Здѣсь дѣло идетъ уже не объ отношеніяхъ, естественно вытекающихъ изъ наслѣдственнаго права, а о большемъ или меньшемъ стѣсненіи этого права во имя посторонняго начала. Многіе современные писатели, не видя возможности совершенно отмѣнить наслѣдство, стараются однако положить ему возможно тѣсные предѣлы, съ цѣлью болѣе уравнительнаго распредѣленія имуществъ.

Къ этому именно клонится предложенное Миллемъ ограниченіе наслѣдства въ прямой линіи извѣстнымъ размѣромъ. Милль признаетъ, что изъ права собственности вытекаетъ право завѣщанія, но онъ не допускаетъ, чтобы изъ него вытекало наслѣдованіе по закону. Въ прямой линіи послѣднее имѣетъ еще за себя нѣкоторыя основанія. Родители обязаны дать рожденнымъ отъ нихъ дѣтямъ воспитаніе и средства для преуспѣянія въ жизни. Если они, умирая, не позаботились объ исполненіи этой обязанности путемъ завѣщанія, то государство, восполняя ихъ волю, можетъ предоставить дѣтямъ извѣстную часть родительскаго имущества. Но далѣе этого, по мнѣ-

нію Милля, не простираются ни обязанности родителей, ни требованія наслѣдственнаго права. Никто не обязанъ оставлять дѣтямъ такое состояніе, которое бы избавляло ихъ отъ необходимости трудиться самимъ. Даровое пріобрѣтеніе значительнаго имущества дѣйствуетъ даже вредно на дѣтей. Поэтому желательно самое наслѣдованіе по завѣщанію ограничить извѣстными предѣлами, съ тѣмъ чтобы излишкомъ завѣщатель могъ распорядиться въ пользу другихъ, или чтобы этотъ излишекъ былъ обращенъ на общественную пользу. Конечно, прибавляетъ Милль, такого рода ограниченія легко обходить, если собственникъ хочетъ это сдѣлать. Для того чтобы подобная мѣра имѣла дѣйствительную силу, надобно, чтобы законъ энергически поддерживался нравами [1]).

Въ этихъ доводахъ, какъ обыкновенно бываетъ съ сужденіями утилитаристовъ, берутся въ разсчетъ тѣ или другія частныя соображенія и упускается изъ виду самое существо дѣла. Взаимныя права и обязанности родителей и дѣтей опредѣляются не тою частною пользою, какая можетъ въ томъ или другомъ случаѣ проистекать изъ наслѣдственной передачи имущества, а высшимъ, міровымъ закономъ преемственности поколѣній. Дѣти имѣютъ право быть продолжателями жизни своихъ родителей, а родители имѣютъ право замѣстить себя дѣтьми. Всякое вторженіе государства въ эту преемственную связь было бы ничѣмъ не оправданнымъ нарушеніемъ семейнаго начала. Этимъ государство наложило бы руки на самого себя, ибо они разрушило бы крѣпчайшія основы общественнаго быта. Семейство и неразрывно связанное съ нимъ наслѣдство предшествуютъ государству и сохраняются въ немъ, какъ краеугольный камень всего общественнаго зданія. Попытки колебать ихъ могутъ быть только дѣломъ противообщественныхъ страстей, а никакъ не разумной власти. Поэтому, тутъ объ общественной пользѣ не можетъ быть рѣчи.

Самыя частныя соображенія, приводимыя Миллемъ, нисколько не оправдываютъ предложенныхъ имъ мѣръ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ иныхъ случаяхъ пріобрѣтеніе по наслѣдству значительнаго имущества можетъ дѣйствовать вредно на получателя; но въ другихъ случаяхъ оно можетъ быть весьма полезно, не только для самого наслѣдника, но и для всего общества: исторія

[1]) Principles of Political Economy, II, гл. 2, §§ 3, 4.

и политика равно доказываютъ, что люди съ обезпеченнымъ состояніемъ составляютъ необходимый элементъ государственнаго быта. Которая изъ этихъ двухъ сторонъ перевѣшиваетъ въ общемъ итогѣ, это зависитъ отъ жизни, или отъ господствующаго въ обществѣ духа; но ни въ какомъ случаѣ государство не призвано въ это вмѣшиваться. Не его дѣло разбирать нравственныя побужденія гражданъ; это—задача семейной жизни и общественныхъ нравовъ. Самъ Миль признаетъ, что безъ поддержки нравовъ предложенная имъ мѣра должна оставаться безсильною. Слѣдовательно, и приложеніе ея можно предоставить нравамъ. Для этого достаточно свободы завѣщанія. Любовь отца семейства служитъ здѣсь гораздо лучшимъ руководящимъ началомъ, нежели безличный законъ, который способенъ только установить общій шаблонъ, но не въ состояніи вникнуть въ разнообразіе жизненныхъ отношеній. Законъ долженъ ограничиться опредѣленіемъ порядка пріобрѣтенія имущества. Лице должно знать, каковы законные способы употребленія свободы. Ограниченіе же законнаго пріобрѣтенія извѣстнымъ размѣромъ ничто иное какъ чистый произволъ. Подобное постановленіе было бы нарушеніемъ свободы и вторженіе въ частныя отношенія лицъ.

Еще менѣе можетъ быть оправдано обращеніе избытка наслѣдственнаго имущества на общественную пользу. Общество не имѣетъ ни малѣйшаго права присвоивать себѣ чужое имущество. Такого рода мѣра ничто иное какъ конфискація, но конфискація гораздо худшаго свойства, нежели та, которая воспрещается новѣйшими конституціями. Та конфискація, которая практиковалась и доселѣ еще практикуется во многихъ государствахъ, имѣла по крайней мѣрѣ юридическое основаніе: частное имущество отбиралось за преступленіе. Обращеніе же наслѣдства, свыше извѣстнаго предѣла, на общественныя потребности, есть присвоеніе себѣ чужаго имущества безъ всякаго повода. Государство черезъ это подало бы примѣръ грабежа, то есть, собственною рукою разрушило бы первыя основанія гражданскаго порядка. Когда есть дѣти, отцовское имущество не можетъ быть у нихъ отнято иначе какъ путемъ насилія.

Тоже самое относится и къ предложенной Бентамомъ, а за нимъ и Миллемъ, отмѣнѣ наслѣдованія боковыхъ родственниковъ, при чемъ наслѣдство опять же обращается на общественныя нужды. Миль предполагаетъ, что наслѣдованіе боковыхъ родственниковъ основано

единственно на первобытныхъ патріархальныхъ правахъ, которые нынѣ потеряли всякое значеніе. Но если, не смотря на разрушеніе родоваго быта, этотъ порядокъ наслѣдованія сохранился во всѣхъ законодательствахъ въ мірѣ, то это указываетъ на болѣе глубокое основаніе. Какъ уже было сказано выше, это основаніе заключается въ установленной естественнымъ закономъ кровной связи, изъ которой необходимо вытекаетъ и связь имущественная, помимо даже всякихъ законодательныхъ постановленій. Относительно имуществъ, унаслѣдованныхъ отъ предковъ, это очевидно само собою. Если братья раздѣлили между собою имѣніе отца, и одинъ изъ нихъ умираетъ бездѣтнымъ, то ясно, что имѣніе его должно достаться остальнымъ, ибо, не будь этого брата или умри онъ ранѣе, оно принадлежало бы имъ. Право ихъ было устранено другимъ наслѣдникомъ, но оно возстановляется, какъ скоро онъ пересталъ существовать. За родовымъ же имуществомъ слѣдуетъ и благопріобрѣтенное, если владѣлецъ не сдѣлалъ на счетъ его никакого распоряженія; ибо, если отъ расточителя наслѣдники могутъ получить имѣніе уменьшеннымъ, то справедливость требуетъ, чтобы отъ рачительнаго хозяина они могли получить его пріумноженнымъ. Такимъ образомъ, независимо отъ всякихъ отношеній любви, коренящаяся въ кровномъ родствѣ имущественная связь существуетъ. Конечно, чѣмъ дальше родство, тѣмъ слабѣе связь, и тѣмъ меньше самое право. Но это умаленіе права ведетъ лишь къ тому, что предоставляется большій просторъ свободѣ; самое же право, какъ бы оно ни было слабо, никогда не уничтожается и выступаетъ наружу, какъ скоро нѣтъ заслоняющаго его другаго, сильнѣйшаго права.

Это сильнѣйшее право ни въ какомъ случаѣ не можетъ принадлежать обществу, какъ цѣлому. Мы видѣли уже, что общество не имѣетъ ни малѣйшаго права на частное имущество, а потому обращеніе этого имущества на общественныя нужды, когда есть кровные родственники, опять ничто иное какъ узаконенное грабительство. Безспорно, наслѣдованіе дальнихъ родственниковъ является иногда нежданнымъ и негаданнымъ, какимъ то сюрпризомъ, который для людей, останавливающихся на поверхности явленій и не умѣющихъ вникать въ ихъ сущность, не имѣетъ никакого смысла. Но для тѣхъ, которые въ самыхъ, повидимому, случайныхъ и неразумныхъ явленіяхъ умѣютъ отыскать скрывающееся въ нихъ понятіе, этотъ сюрпризъ имѣетъ глубокое общественное значеніе. Въ немъ выра-

жается одно изъ важнѣйшихъ началъ общественнаго быта, именно, что наслѣдство есть учрежденіе частнаго, а не публичнаго права. Въ этомъ началѣ личность имѣетъ одну изъ самыхъ надежныхъ своихъ гарантій; имъ полагается неодолимая преграда вторженію государства въ область частныхъ отношеній. И этотъ взглядъ не является только плодомъ умозрительной теоріи. Онъ раздѣляется всѣми законодательствами въ мірѣ, которыя всѣ признаютъ за отдаленнѣйшимъ родственникомъ большее право на наслѣдство, нежели за государствомъ. Только отвлеченные теоретики, которые всякое понятіе, идущее за предѣлы осязаемаго, считаютъ устарѣлою метафизикою, а въ исторіи видятъ одинъ предразсудокъ, держатся иныхъ воззрѣній.

Наконецъ, тѣже соображенія прилагаются и къ взимаемой государствомъ подати на наслѣдство, въ которой нѣкоторые видятъ средство измѣнить существующія отношенія собственности и уравнять состоянія [1]). Дѣйствительно, стоитъ только чрезмѣрно увеличить налогъ, и всѣ имущества быстро перейдутъ въ руки государства. Не будучи въ состояніи его уплатить, собственники принуждены будутъ продавать свои имѣнія, а правительство можетъ купить ихъ на тѣ самыя деньги, которыя оно съ нихъ взыскиваетъ. Но подобная система не есть ли таже самая конфискація, организованная подъ прикрытіемъ права? Сами по себѣ, подати на наслѣдство имѣютъ чисто фискальное значеніе. Онѣ не соотвѣтствуютъ истиннымъ началамъ финансоваго права, которое требуетъ, чтобы налоги падали на доходъ, а не на капиталъ, и притомъ равномѣрно на всѣхъ. Причина ихъ существованія заключается единственно въ томъ, что онѣ представляютъ весьма легкій способъ полученія денегъ. Если подать не велика, то проистекающее изъ нея зло не особенно чувствительно; она можетъ даже уплачиваться изъ дохода. Но какъ скоро она растетъ, она становится тяжелымъ и несправедливымъ бременемъ для наслѣдниковъ. Если же изъ фискальнаго средства она обращается въ соціалъ-политическое орудіе для уравненія состояній, то она теряетъ уже всякій правомѣрный характеръ и становится мнимо-законнымъ способомъ присвоивать себѣ чужое достояніе. Государство, которое прибѣгло бы къ подобной мѣрѣ, справедливо заслуживало бы названія великаго разбоя.

---

[1]) Между прочимъ Ад. Вагнеръ: Grundleg. стр. 299, прим.

Всего менѣе понятно, какимъ образомъ такіе писатели, которые, какъ Милль, видятъ во всякомъ прогрессивномъ налогѣ косвенный грабежъ, стоятъ однако за прогрессивное обложеніе наслѣдства [1]). Разница между прогрессивнымъ налогомъ, падающимъ вообще на доходъ, и таковымъ же налогомъ, падающимъ исключительно на наслѣдство, состоитъ лишь въ томъ, что доходъ составляетъ совершенно законный предметъ обложенія, тогда какъ наслѣдство вовсе не должно бы ему подлежать. Слѣдовательно, въ послѣднемъ случаѣ, грабежъ только болѣе явный и вопіющій. Когда же, рядомъ съ этимъ, признается, что «право завѣщанія составляетъ совершенно такое же послѣдствіе права собственности, какъ и право собственнаго пользованія», то противорѣчіе становится еще болѣе очевиднымъ. Насильно присвоивать себѣ часть чужой собственности, это и есть то, что называется грабежемъ.

Единственный случай, въ которомъ государство въ правѣ присвоить себѣ частное наслѣдство, есть тотъ, когда послѣ умершаго не остается ни завѣщанія, ни законныхъ наслѣдниковъ. Тогда имущество становится выморочнымъ и, какъ не принадлежащее никому, можетъ быть обращено на общественную пользу. Государство въ правѣ или взять его себѣ или признать законнымъ наслѣдникомъ тотъ частный союзъ, общину или сословіе, къ которому принадлежалъ умершій. Такого рода постановленія предупреждаютъ расхищеніе имущества и безчисленныя, могущія возникнуть при этомъ столкновенія и распри. Но такіе совершенно исключительные случаи не даютъ государству возможности измѣнять по своему усмотрѣнію существующее распредѣленіе собственности. Въ благоустроенномъ обществѣ, гдѣ уважаются начала права, наслѣдство остается неприкосновенною святынею, которой государство не можетъ касаться, не посягая на достоинство человѣка, какъ духовнаго существа, и на семейное начало со всѣмъ тѣмъ, что изъ него проистекаетъ.

Изъ всего этого не слѣдуетъ однако, что государство остается безъ всякаго вліянія на наслѣдственное право и на проистекающее изъ него распредѣленіе собственности. Если оно не можетъ ни отмѣнить, ни ограничить его, не подрывая самыхъ основаній права, нравственности и общежитія, то признавая его вполнѣ, оно можетъ дать перевѣсъ тому или другому изъ вытекающихъ изъ него началъ,

[1]) Principles of Pol. Econ. V, ch. 2, § 3.

а это имѣетъ громадное значеніе для всего общественнаго быта. Законъ можетъ установить или право первородства или равный раздѣлъ наслѣдства: онъ можетъ дозволить или воспретить фидеикомиссы и субституціи; онъ можетъ поддерживать или законный порядокъ наслѣдованія или свободу завѣщаній. Истинные политики давно обратили вниманіе на важныя послѣдствія, которыя имѣютъ эти различныя законоположенія для распредѣленія богатства, а черезъ это и для самаго политическаго устройства. Такъ напримѣръ Токвиль, въ своемъ сочиненіи О Демократіи въ Америкѣ, указываетъ на то, что равный раздѣлъ наслѣдства влечетъ за собою дробленіе имуществъ, откуда проистекаетъ демократическій строй общества, тогда какъ противоположный порядокъ наслѣдованія имѣетъ послѣдствіемъ сосредоточеніе имуществъ и связанное съ нимъ преобладаніе аристократическаго начала [1]). Но и тутъ надобно сказать, что законъ безсиленъ противъ нравовъ. Доказательствомъ служитъ изданный Петромъ Великимъ законъ о маіоратахъ, который былъ отмѣненъ черезъ нѣсколько лѣтъ, потому что онъ противорѣчилъ стремленіямъ и обычаямъ русскаго общества. Даже одинъ и тотъ же законъ можетъ имѣть совершенно различныя послѣдствія, смотря по тому, какъ онъ прилагается жизнью. Въ Сѣверной Америкѣ свобода завѣщаній столь же безгранична, какъ и въ Англіи, но въ послѣдней она ведетъ къ установленію субституцій, въ первой же къ равному раздѣлу наслѣдства. И тутъ, слѣдовательно, законодатель принужденъ положиться на нравы, предупреждая только слишкомъ значительныя злоупотребленія и ограждая права нарождающихся поколѣній отъ случайнаго произвола. Человѣкъ долженъ имѣть право распорядиться по своему усмотрѣнію тѣмъ, что онъ пріобрѣлъ при жизни, и устроить свою семью даже на нѣсколько поколѣній. Этого требуетъ и принадлежащее ему право собственности, и его человѣческое достоинство и наконецъ, прочность семейныхъ отношеній, составляющая первую основу всякаго общественнаго порядка.

[1]) De la Démocratie en Amérique, I, ch 3.

ГЛАВА VI.

РАВЕНСТВО.

Равенство издревле считалось отличительнымъ свойствомъ правды. Аристотель, котораго ученіе въ этомъ отношеніи можетъ считаться классическимъ изслѣдованіемъ вопроса, говоритъ, что справедливое въ собственномъ смыслѣ есть равное, то есть, среднее между излишнимъ и недостаточнымъ; послѣднія же начала соотвѣтствуютъ несправедливому. Но такъ какъ равенство можетъ быть двоякаго рода, числительное и пропорціональное, одно управляющееся началомъ ариѳметической, другое началомъ геометрической пропорціи, то и правда раздѣляется на два вида, которые Аристотель называетъ правдою уравнивающею и правдою распредѣляющею. Первая прилагается къ обязательствамъ, какъ вытекающимъ изъ договоровъ, такъ и происходящимъ отъ преступленій. Въ договорахъ мѣняется равное на равное; въ случаѣ преступленій, ущербъ нанесенный одному, уравнивается пенею, взыскиваемою съ другаго. Правда же распредѣляющая есть законъ, управляющій распредѣленіемъ общественныхъ благъ, какъ то, имущества, чести, власти, сообразно съ заслугами или достоинствомъ каждаго члена общества. Такимъ образомъ, всякое отношеніе правды заключаетъ въ себѣ четыре термина: два лица и два предмета, при чемъ равенство предметовъ должно соотвѣтствовать равенству лицъ. Отсюда слѣдуетъ, что равенство предметовъ тогда только справедливо, когда оно прилагается къ равнымъ лицамъ; равное же присвоеніе предметовъ неравнымъ лицамъ есть несправедливость. Изъ этого ясно, что и неравное можетъ быть справедливо, именно, когда оно соотвѣтствуетъ неравнымъ ли-

цамъ. Тѣ, которые упускаютъ это изъ виду, говоритъ Аристотель, судятъ криво, главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что они являются судьями въ собственномъ дѣлѣ.

Именно это прилагается къ политическимъ партіямъ, изъ которыхъ каждая беретъ извѣстную сторону правды, умалчивая о самомъ существенномъ. Такъ олигархи, будучи неравны съ другими въ имуществѣ, воображаютъ, что они должны быть неравны во всемъ. Съ своей стороны демократы, будучи равны другимъ въ свободѣ, утверждаютъ, что они должны быть равны во всемъ остальномъ. И то и другое не вѣрно, ибо извѣстнаго рода равенство или неравенство опредѣляетъ только распредѣленіе тѣхъ предметовъ, къ которымъ *оно* относится, а не всѣхъ вообще. Въ демократіи, основныя начала суть свобода и числительное равенство. Вслѣдствіе этого, бѣдные имѣютъ такое же право голоса, какъ и богатые. А такъ какъ ихъ больше, то рѣшеніе зависитъ отъ нихъ. Но это неизбѣжно ведетъ къ несправедливости, ибо богатые устраняются отъ власти, и бѣдные могутъ подѣлить между собою ихъ имущества. Съ своей стороны, олигархія ведетъ къ тиранніи. Правильное государственное устройство, заключаетъ Аристотель, состоитъ въ сочетаніи обоихъ началъ. Тамъ, гдѣ есть два элемента, справедливость требуетъ, чтобы каждый изъ нихъ имѣлъ участіе въ правленіи [1]).

Таково ученіе Аристотеля, ученіе, въ которомъ ясно, вѣрно и глубокомысленно излагаются основныя опредѣленія равенства и правды. Отсюда видно, что начало равенства имѣетъ различное значеніе, смотря по тому, къ какой сферѣ оно прилагается. Въ гражданскихъ обязательствахъ господствуетъ равенство числительное; здѣсь люди разсматриваются просто какъ свободныя лица, и въ этомъ качествѣ они равны между собою. Въ области политической, напротивъ, основное начало должно быть равенство пропорціональное. Одна демократія и тутъ, хотя не всегда послѣдовательно, держится числительнаго равенства.

Это свойственное демократіи смѣшеніе гражданскаго равенства съ политическимъ въ значительной степени господствуетъ и въ стремленіяхъ новаго времени. Индивидуалистическая философія XVIII-го вѣка разсматривала людей какъ отвлеченныя, равныя другъ другу

---

[1]) См. Никомахову Этику, кн. V, гл. 3 и 4; и Политику, кн. III, гл. 5; кн. VI, гл. 1.

единицы. Съ этой точки зрѣнія, Французская революція, въ которой идеи XVIII-го вѣка нашли высшее свое выраженіе, провозгласила свободу и равенство основными и неотъемлемыми правами человѣка. Съ тѣхъ поръ эти два начала сдѣлались лозунгомъ не только демократической, но и значительной части либеральной партіи въ Европѣ.

Взглянемъ на ученіе этой школы. Разбирая его, мы яснѣе увидимъ, въ чемъ состоитъ истинное существо равенства, и какое оно должно находить приложеніе въ человѣческомъ общежитіи. Для изслѣдованія этихъ вопросовъ мы должны прежде всего обратиться къ тѣмъ законодательнымъ памятникамъ, въ которыхъ Французская революція высказала свой взглядъ.

Статья 1-я Объявленія правъ человѣка и гражданина гласитъ. «люди рождаются и остаются свободными и равными въ правахъ. Общественныя различія могутъ быть основаны только на общей пользѣ». Въ статьѣ же 6-й мы читаемъ: «законъ есть выраженіе общей воли. Всѣ граждане имѣютъ право, лично или черезъ представителей, участвовать въ его составленіи. Онъ долженъ быть одинъ для всѣхъ, и тогда, когда онъ охраняетъ, и тогда, когда онъ наказываетъ. Всѣ граждане, будучи равны въ его глазахъ, одинаково имѣютъ доступъ ко всѣмъ общественнымъ почестямъ, мѣстамъ и должностямъ, сообразно съ ихъ способностью и безъ всякаго иного различія, кромѣ ихъ добродѣтели и талантовъ».

Эти начала были приложены къ конституціи 1791 года. Въ предисловіи говорится, что «Національное собраніе, желая утвердить французскую конституцію на тѣхъ началахъ, которыя оно признало и провозгласило, уничтожаетъ безвозвратно учрежденія, нарушающія свободу и равенство правъ. Нѣтъ болѣе ни дворянства, ни перія, ни наслѣдственныхъ отличій, ни сословныхъ различій, ни феодальнаго порядка, ни вотчиннаго суда, ни какихъ либо проистекавшихъ отсюда титуловъ, названій и преимуществъ, ни рыцарскихъ орденовъ, ни корпорацій или знаковъ отличія, которыми доказывалось дворянство и которыя предполагали различіе рожденія, ни какого либо превосходства, кромѣ того, которое принадлежитъ общественнымъ должностнымъ лицамъ въ исполненіи ихъ обязанностей. — Нѣтъ болѣе ни продажи, ни наслѣдственности какой либо общественной должности. Нѣтъ болѣе, ни для какой части народа и ни для какого лица, привилегіи, или изъятія изъ общаго права всѣхъ Фран-

цузовъ. Нѣтъ болѣе цеховъ, ни корпорацій для занятій, промысловъ и ремеслъ. Законъ не признаетъ болѣе ни религіозныхъ обѣтовъ, ни какого либо другаго обязательства, противнаго естественнымъ правамъ и конституціи».

Затѣмъ, въ 1-мъ титулѣ говорится, что «конституція обезпечиваетъ слѣдующія естественныя и гражданскія права: 1) доступъ всѣхъ гражданъ къ мѣстамъ и должностямъ, безъ иного различія, кромѣ добродѣтелей и талантовъ; 2) равное распредѣленіе налоговъ между всѣми гражданами, сообразно съ ихъ средствами; 3) приложеніе одинакихъ наказаній къ одинакимъ преступленіямъ, безъ различія лицъ».

Такимъ образомъ, весь средневѣковой порядокъ, основанный на неравенствѣ, на сословныхъ преимуществахъ, на привилегіяхъ, былъ разомъ отмѣненъ и замѣнился полнымъ равенствомъ гражданъ, не только въ гражданской, но и въ политической области. Но это было равенство правъ, а не состояній. Собственность, наравнѣ съ свободою и равенствомъ, была объявлена «неприкосновеннымъ и священнымъ правомъ, котораго никто не можетъ быть лишенъ, развѣ этого явно требуетъ общественная необходимость, законнымъ путемъ признанная и подъ условіемъ справедливаго и предварительнаго вознагражденія» (ст. 17 Объявленія правъ).

Позднѣйшія революціонныя конституціи подтвердили эти начала. Въ Объявленіи правъ, которое было поставлено во главѣ конституціи 1793 года, самой радикальной изъ всѣхъ, равенство, даже прежде свободы, было признано прирожденнымъ и неотчуждаемымъ правомъ человѣка и гражданина (ст. 2). «Всѣ люди, говорится далѣе, равны по природѣ и передъ закономъ» (ст. 3). «Законъ есть свободное и торжественное выраженіе общей воли; онъ одинъ для всѣхъ, и тогда, когда онъ охраняетъ, и тогда, когда онъ наказываетъ» (ст. 4). «Всѣ граждане имѣютъ одинакій доступъ къ общественнымъ должностямъ. Свободные народы не знаютъ иныхъ причинъ предпочтенія въ своихъ выборахъ, кромѣ добродѣтелей и талантовъ» (ст. 5). Однако и тутъ нѣтъ рѣчи объ иномъ равенствѣ, кромѣ равенства правъ. Собственность, какъ и прежде, объявляется неприкосновенною. Она опредѣляется, какъ «принадлежащее каждому гражданину право пользоваться и располагать, по своему усмотрѣнію, своими имуществами, доходами, плодами своего труда и своей промышленной дѣятельности» (ст. 16). «Никто не можетъ быть лишенъ

даже малѣйшей части своей собственности безъ своего согласія, развѣ этого требуетъ общественная необходимость, законнымъ путемъ признанная и подъ условіемъ справедливаго и предварительнаго вознагражденія» (ст. 19). «Никакой родъ работы, промышленности и торговли не можетъ быть воспрещенъ гражданамъ» (ст. 17). «Всякій человѣкъ можетъ отдавать въ наймы свои услуги и свое время» (ст. 18).

Конституція 1795 года, поставивши, согласно съ логическимъ порядкомъ, равенство послѣ свободы въ исчисленіи правъ, даетъ, вслѣдъ за тѣмъ, и опредѣленіе равенства. Оно «состоитъ въ томъ, что законъ одинъ для всѣхъ, и тогда, когда онъ охраняетъ, и тогда, когда онъ наказываетъ. Равенство не допускаетъ никакого различія рожденія, никакой наслѣдственности власти» (ст. 3).

Таковы постановленія конституцій, выработанныхъ Французскою революціею. Согласно съ демократическою теоріею, здѣсь равенство распространяется одинаково и на политическую и на гражданскую область. Но и здѣсь и тамъ признается только равенство правъ, или равенство передъ закономъ, вытекающее изъ равенства людей, какъ свободныхъ лицъ. Равенство имуществъ не имѣлось въ виду законодателями.

Эти начала подверглись весьма строгой критикѣ со стороны Бентама. Въ своихъ Анархическихъ софизмахъ, знаменитый юристъ, разбирая Объявленіе правъ человѣка, говоритъ по поводу 1-й статьи: «Всѣ люди остаются равными въ правахъ. Всѣ люди, то есть, всѣ существа, принадлежащія къ человѣческому роду. И такъ, ученикъ равенъ хозяину; онъ имѣетъ такое же право направлять и наказывать своего хозяина, какъ хозяинъ направлять и наказывать своего ученика. Онъ имѣетъ такія же права въ домѣ своего хозяина, какъ и самъ хозяинъ. Тоже самое прилагается и къ отношеніямъ родителей и дѣтей, опекуновъ и опекаемыхъ, мужа и жены, солдата и офицера. Сумасшедшій имѣетъ такое же право запереть своихъ сторожей, какъ и тѣ его. Идіотъ имѣетъ такое же право управлять своимъ семействомъ, какъ и семейство управлять имъ. Если все это не заключается вполнѣ въ этой статьѣ, то она не означаетъ ничего, рѣшительно ничего. Я очень хорошо знаю, замѣчаетъ Бентамъ, что авторы Объявленія, не будучи ни сумасшедшими, ни идіотами, не думали установить такое безуслов-

ное равенство. Но чего же они хотѣли? Невѣжественная толпа должна ли была понимать ихъ лучше, нежели они сами себя понимали?»

Эта критика несомнѣнно заключаетъ въ себѣ вѣрную мысль. Безусловнаго равенства, какое здѣсь провозглашается, быть не можетъ. Люди не суть только отвлеченно свободныя лица; они имѣютъ и разныя другія свойства и отношенія, которыя должны приниматься во вниманіе закономъ, и которыя, вслѣдствіе того, видоизмѣняютъ вытекающее изъ свободы равенство правъ. Но за этими видоизмѣненіями и исключеніями не надобно упускать изъ виду самаго начала, какъ дѣлаетъ Бентамъ. Съ своей утилитарной точки зрѣнія, онъ за частностями не видитъ существеннаго.

Чтобы оцѣнить начала, провозглашенныя Французскою революціею, надобно прежде всего отличить политическое равенство отъ гражданскаго. Когда въ Объявленіи правъ говорится, что общественныя различія могутъ быть основаны единственно на общей пользѣ, то этимъ самымъ признается, что равенство въ политической области не имѣетъ безусловнаго значенія. Это именно оказывается въ приложеніи къ общественнымъ должностямъ: хотя всѣ граждане имѣютъ къ нимъ доступъ, однако самыя должности занимаются сообразно съ добродѣтелями и способностями. Тутъ установляется уже не числительное, а пропорціональное равенство. Въ гражданскихъ обязательствахъ, напротивъ, добродѣтель и способности не принимаются въ расчетъ: здѣсь граждане разсматриваются просто какъ свободныя и равныя другъ другу лица. Точно также пропорціональное равенство прилагается и къ уплатѣ податей: не всѣ платятъ одинаково, но сообразно съ своими средствами. Наконецъ, когда Учредительное Собраніе, провозгласивши, что всѣ граждане имѣютъ право участвовать въ составленіи закона, не смотря на то установило цензъ, хотя и небольшой, и отняло право голоса у людей, состоящихъ въ личномъ услуженіи, то оно опять же признало, что равенство, прилагаемое къ политической области, не абсолютное, а условное. Юридически, всѣмъ дается доступъ къ правамъ, но для полученія ихъ требуются условія, которыя не для всѣхъ исполнимы. Въ позднѣйшихъ французскихъ конституціяхъ, цензъ былъ значительно увеличенъ, такъ что выборное право сосредоточилось въ весьма небольшомъ количествѣ избирателей; но кромѣ чистыхъ демократовъ, никто изъ приверженцевъ началъ 1789 года не считалъ это нарушеніемъ равенства.

Самое устраненіе наслѣдственныхъ преимуществъ не можетъ быть признано непремѣннымъ требованіемъ равенства въ политической области. Какъ скоро допускается, что во имя общей пользы могутъ быть установлены общественныя различія, такъ признается вмѣстѣ съ тѣмъ и правомѣрность наслѣдственныхъ преимуществъ, если они требуются здравою политикою. На этомъ основаніи само Учредительное Собраніе сохранило наслѣдственную монархію. Если въ обществѣ существуетъ наслѣдственное сословіе, обладающее высшею политическою способностью, то самая справедливость требуетъ, чтобы оно имѣло и высшія политическія права. Во Франціи, во времена Реставраціи, была учреждена наслѣдственная верхняя палата, которая, по общему признанію, оказала значительныя услуги странѣ, и когда въ 1831 году наслѣдственность пріиіла передъ демократическими стремленіями народа, то весьма либеральные люди, приверженцы идей 89 года, напримѣръ Тьеръ, защищали начало наслѣдственности верхней палаты. Все это объясняется тѣмъ, что въ политической жизни, согласно съ ученіемъ Аристотеля, должно господствовать равенство не числительное, а пропорціональное, условія же политической способности могутъ быть весьма разнообразны. Мы возвратимся къ этому вопросу впослѣдствіи.

Совершенно иное значеніе имѣетъ равенство въ гражданской области. И тутъ есть отношенія, къ которымъ это начало не прилагается. Таковы отношенія семейныя. Семейство, также какъ и государство, есть нравственно-юридическій союзъ, въ которомъ каждый членъ имѣетъ свое мѣсто и свое особое назначеніе. Здѣсь люди относятся другъ къ другу не какъ свободныя только лица, а какъ мужъ и жена, какъ родители и дѣти, какъ опекунъ и питомецъ. Къ отвлеченному, равному во всѣхъ признаку свободы присоединяются различныя конкретныя качества, изъ которыхъ вытекаютъ и различныя юридическія отношенія. Поэтому здѣсь нельзя сказать, что права у всѣхъ одинаковы, и что законъ одинъ для всѣхъ. Можно спорить объ объемѣ правъ, которыя должны быть предоставлены тому или другому члену семьи, но невозможно держаться отвлеченнаго начала свободы, упуская изъ виду различное назначеніе членовъ. Никому еще не приходило въ голову утверждать, что права дѣтей въ отношеніи къ родителямъ должны быть тѣже самыя, какъ и права родителей въ отношеніи къ дѣтямъ.

Иное положеніе людей собственно въ гражданскихъ обязатель-

ствахъ. Здѣсь они относятся другъ къ другу какъ свободныя, слѣдовательно какъ равныя лица. Подчиненіе одного человѣка другому въ частной области можетъ быть только добровольное. Обязательное подчиненіе есть крѣпостное состояніе, которое противорѣчитъ природѣ человѣка, какъ разумнаго существа. Стѣсненіе свободы однихъ въ сравненіи съ другими является несправедливостью. Равноправность составляетъ нормальный порядокъ, къ которому пришли или должны придти всѣ образованныя общества.

И тутъ, конечно, неизбѣжны исключенія. Естественныя или гражданскія условія могутъ ограничивать правоспособность лицъ. Несовершеннолѣтній, безумный, не могутъ пользоваться своими гражданскими правами наравнѣ съ другими. Но исключенія подтверждаютъ, а не уничтожаютъ правило. Кореннымъ началомъ гражданскаго порядка является все-таки равенство передъ закономъ. Въ этомъ отношеніи дѣло Французской революціи было громаднымъ шагомъ впередъ въ развитіи общественной жизни: оно сдѣлалось прочнымъ достояніемъ человѣчества. Такъ понимаютъ его всѣ сколько нибудь значительные философы и публицисты, которые становятся на почву началъ новаго времени. Даже главный корифей феодальной партіи въ Германіи, Шталь, признаетъ, что всѣ неравенства, вытекающія изъ естественныхъ и гражданскихъ условій, «должны сохранять существенное равенство правъ, какъ свою основу, лежащую въ самой сущности лица. Въ этомъ, говоритъ онъ, заключается истина въ заблужденіяхъ революціи. Есть общая гражданская правоспособность и честь, которая должна быть субстанціею юридическаго порядка. Неравенства же должны быть только приходящимъ признакомъ (accidens)» [1]). Тѣхъ же началъ держатся и новѣйшія законодательства.

Между тѣмъ, еще въ XVIII-мъ вѣкѣ, рядомъ съ ученіемъ о равноправности гражданъ, развилось иное понятіе о равенствѣ. Идеаломъ человѣческаго общежитія выставлялось не равенство правъ, а равенство состояній.

Начало этому направленію положилъ Руссо въ своей Рѣчи о происхожденіи и основаніяхъ неравенства между людьми. Сообразно съ духомъ философіи XVIII-го столѣтія, которая истинную природу человѣка искала въ отдѣльномъ лицѣ, отрѣшенномъ отъ

[1]) Philosophie des Rechts. II, 3 Buch. § 14.

всякихъ внѣшнихъ условій, а въ свойствахъ, проистекающихъ изъ общественныхъ отношеній видѣла только ея искаженіе, Руссо обращается къ состоянію, предшествующему общежитію, чтобы въ немъ найти указанія природы. Здѣсь, по его понятіямъ, люди пользуются полною свободою, и вмѣстѣ господствуетъ совершенное равенство, ибо потребностей почти нѣтъ;здѣсь физическія силы, при одинакомъ образѣ жизни, получаютъ одинакое развитіе, а умственныя способности, составляющія источникъ всѣхъ человѣческихъ бѣдствій, вовсе еще не развиты. Въ этомъ состояніи люди наслаждаются внутреннимъ миромъ и тѣлеснымъ здоровьемъ, а потому эту пору надобно представить себѣ, какъ время полнѣйшаго блаженства человѣческаго рода. Оно продолжается и тогда, когда люди, соединяясь, находятся еще на степени дикихъ. Первымъ шагомъ изъ этого состоянія, по мнѣнію Руссо, былъ переходъ къ земледѣлію, который повлекъ за собою установленіе собственности. «Первый, кто, оградивши участокъ земли, вздумалъ сказать: это мое, говоритъ Руссо, и нашелъ людей довольно глупыхъ, чтобы ему повѣрить, былъ истиннымъ основателемъ гражданскаго общества». Съ установленіемъ собственности явилось различіе между богатыми и бѣдными—первый источникъ неравенства среди людей. Отсюда проистекли раздоры, которые, въ свою очередь, повели къ новому неравенству. Для охраненія спокойствія установлены были правительства, а съ тѣмъ вмѣстѣ явилось различіе между правителями и подданными. Но и это новое неравенство, вмѣсто того чтобы упрочить миръ, сдѣлалось источникомъ новыхъ смутъ. Послѣдствіемъ ихъ было то, что вмѣсто первоначальнаго народнаго правленія, водворился деспотизмъ; съ тѣмъ вмѣстѣ явилось и третье различіе между людьми, различіе господъ и рабовъ. Такимъ образомъ, первый шагъ повлекъ за собою остальные. Неудержимымъ ходомъ событій естественный человѣкъ постепенно искажался. Установленный природою порядокъ замѣнялся соединеніями людей съ искусственными наклонностями, страстями и отношеніями [1]).

Едва ли нужно замѣтить, что въ этомъ фантастическомъ изображеніи хода исторіи, природа человѣка понимается совершенно превратно. Какъ уже было замѣчено выше, истинная природа развиваю-

[1]) Для этого и слѣдующаго см. мою Исторію политическихъ ученій, часть 3-я, гдѣ подробнѣе излагаются теоріи Руссо и Мабли.

шагося существа раскрывается не въ исходной точкѣ, а въ томъ, къ чему ведетъ его развитіе. Самъ Руссо считалъ невозможнымъ возвращеніе къ первобытному состоянію. Въ своемъ Общественномъ договорѣ онъ прямо признаетъ, что равенство, которое должно составлять цѣль законодателя, не означаетъ одинаковой степени власти и богатства. Нужно только, чтобы власть никогда не доходила до насилія, а мѣра богатства была такова, чтобы никто не былъ въ состояніи подкупить другаго, и никому не было бы нужды себя продавать. Цѣль тутъ ставится чисто политическая. Все стремленіе Руссо состояло въ томъ, чтобы личную свободу замѣнить свободою политическою, а потому и равенство имѣло для него главнымъ образомъ политическое значеніе.

Далѣе пошелъ Мабли. Извращая истинное отношеніе свободы и равенства, онъ послѣднее признавалъ коренным свойствомъ человѣка, а въ свободѣ видѣлъ только средство для охраненія равенства. Природа, по его ученію, прежде всего предназначила людей къ тому, чтобы быть равными между собою. Доказательство Мабли видѣлъ въ томъ, что для человѣка необходимо общежитіе, а между тѣмъ, вступая въ общество, онъ долженъ жертвовать своею свободою, тогда какъ равенство онъ можетъ сохранять постоянно. И только въ равенствѣ онъ можетъ обрѣсти внутреннее и внѣшнее согласіе и счастіе, между тѣмъ какъ неравенство, извращая естественныя чувства человѣка, возбуждаетъ въ немъ пагубныя для него потребности и пороки. Тѣмъ, которые утверждали, что неравенство лежитъ въ самой природѣ вещей, ибо люди рождаются съ различными наклонностями, силами и способностями, Мабли возражалъ, что мы объ истинной природѣ человѣка не должны судить по настоящему его состоянію. Различіе способностей происходитъ главнымъ образомъ отъ искусственнаго воспитанія; при одинакомъ же воспитаніи, у всѣхъ были бы почти одинакіе таланты, а тотъ, кто возвышался бы надъ другими, находилъ бы себѣ вознагражденіе въ большемъ почетѣ. Различіе силъ точно также не можетъ вести къ неравенству, ибо силы одного далеко перевѣшиваются соединенными силами другихъ. Что же касается до наклонностей, то ихъ различіе ведетъ лишь къ тѣснѣйшему сближенію между людьми, заставляя ихъ искать помощи другихъ. Самое установленіе правительствъ, пока они основаны на выборномъ началѣ, не можетъ водворить постояннаго неравенства между людьми, ибо каж-

дый гражданинъ, при такомъ устройствѣ, имѣетъ одинакія права съ другими, одинаково остается участникомъ верховной власти и въ свою очередь можетъ занимать всѣ общественныя должности. Одна только собственность неизбѣжно ведетъ къ неравенству; но было ли установленіе собственности необходимо для общежитія? Мабли полагаетъ, что нѣтъ. Въ первобытныя времена могло существовать и дѣйствительно существовало общеніе имуществъ, что же мѣшало ему сохраниться и позднѣе? Утверждаютъ, что такого рода устройствомъ отнимается побужденіе къ труду; но опять же не слѣдуетъ приписывать неиспорченному человѣку тѣхъ чувствъ, которыя развиваются только въ развращенныхъ обществахъ. Болѣе трудолюбивые могутъ награждаться почетомъ. Къ сожалѣнію, говоритъ Мабли, вмѣсто того чтобы прибѣгнуть къ этому средству, люди, негодуя на лѣнивыхъ, положили правиломъ, что каждый долженъ жить плодами своего труда. Этотъ безразсудный шагъ повлекъ за собою и другіе. Какъ скоро установлена была собственность, такъ неравенство неудержимо распространилось на всѣ общественныя отношенія.

Однако и Мабли, подобно Руссо, понималъ невозможность осуществленія своего идеала. Поэтому онъ предлагалъ только палліативныя мѣры. Законодатель долженъ стараться уменьшать, по возможности, потребности людей и болѣе или менѣе уравнивать состоянія посредствомъ регламентаціи, охватывающей всю частную жизнь гражданъ. Эта цѣль достигается строгими законами о роскоши, ограниченіемъ наслѣдства, стѣсненіемъ торговли, наконецъ, аграрными законами, опредѣляющими дозволенный каждому размѣръ собственности. Мабли понималъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что матеріальное равенство немыслимо безъ равенства умственнаго и нравственнаго. Поэтому онъ требовалъ, чтобы воспитаніе было общее и равное для всѣхъ. Онъ требовалъ и установленія общественной религіи, съ которою законодатель долженъ согласовать философію. Нетерпимость, по его ученію, должна составлять основное правило законодательства; терпимость же, равно какъ и право собственности, является не болѣе какъ уступкою извращенному человѣчеству.

При такомъ гражданскомъ порядкѣ, очевидно, о свободѣ не можетъ быть рѣчи. Отсюда оставался только одинъ шагъ до полнаго общенія имуществъ. Если философы XVIII-го столѣтія, жившіе среди вѣками установленныхъ учрежденій, считали невозможнымъ возвра-

щеніе къ первобытному состоянію, то людямъ, пережившимъ Французскую революцію, такого рода затрудненія должны были казаться ничтожными. Почему, въ самомъ дѣлѣ, не разрушить разомъ все существующее экономическое зданіе, также какъ былъ разрушенъ старый политическій бытъ? Если равенство состояній представляется идеаломъ человѣческаго общежитія, то почему же не осуществить его на землѣ даже въ настоящее время? Такова именно была цѣль заговора Бабёфа, которымъ ознаменовался послѣдній періодъ движенія 1789 года.

Заговорщики исходили отъ того положенія, что природа дала каждому человѣку одинакое право на вкушеніе всѣхъ жизненныхъ благъ. Отсюда требованіе равенства. Но для того чтобы равенство не осталось пустымъ словомъ, недостаточно одной равноправности, надобно уничтожить всякія преимущества одного человѣка передъ другимъ. Поэтому, не только матеріальныя средства должны быть у всѣхъ равны, что достигается общеніемъ имуществъ, но и умственный уровень долженъ быть одинакій у всѣхъ. Иначе духъ неравенства неизбѣжно поведетъ къ разложенію общества. Съ этою цѣлью всѣ должны получить одинакое воспитаніе, ограничивающееся самымъ необходимымъ. Читать, писать и считать, знать немного исторіи и законы отечества, вотъ все, что нужно гражданину. Все остальное есть роскошь, которая ведетъ къ развитію искусственныхъ потребностей и къ искаженію естественныхъ свойствъ человѣка. Свобода мысли, разумѣется, не допускается; всѣ безполезныя занятія изгоняются изъ государства. Человѣческія потребности сводятся къ наименьшей мѣрѣ. Сообразно съ этимъ, промышленность ограничивается земледѣліемъ и немногими ремеслами. Работа становится обязательною. Однимъ словомъ, установляется общая, принудительная мѣрка, приноровленная къ незатѣйливымъ потребностямъ массы, и все, что возвышается надъ этимъ уровнемъ, отсѣкается, какъ зло.

Болѣе послѣдовательнаго проведенія начала равенства невозможно представить. Но въ результатѣ оказывается, что для этого необходимо совершенное подавленіе свободы. Противорѣчіе между этими двумя началами обнаруживается въ полномъ свѣтѣ. И точно, если равенство формальное, или равенство правъ, составляетъ логическое послѣдствіе одинакой для всѣхъ свободы, то равенство матеріальное является прямымъ отрицаніемъ свободы. Послѣдняя состоитъ въ

возможности располагать по собственному усмотрѣнію своими силами и средствами. Но такъ какъ силы и средства у людей неравны, то и плоды человѣческой дѣятельности будутъ разные. Сильный пріобрѣтаетъ болѣе, нежели слабый, умный болѣе, нежели глупый, трудолюбивый болѣе, нежели лѣнивый; а если у нихъ есть дѣти, и мы не захотимъ насиловать естественныя человѣческія чувства, то они и дѣтямъ передадутъ неравное достояніе.

Невозможно ссылаться, какъ дѣлаетъ Мабли, на то, что мы по развращенному человѣку не должны судить о томъ, чѣмъ онъ былъ, когда онъ вышелъ изъ рукъ природы. Конечно, если мы умственно откинемъ все жизненное разнообразіе и путемъ отвлеченія будемъ восходить къ состоянію полнаго безразличія, то мы получимъ наконецъ иного человѣка, нежели тотъ, котораго мы знаемъ; но это будетъ не болѣе какъ пустая единица, которая потому только равна другой, что у нея нѣтъ никакого содержанія. Какъ же скоро эта единица начинаетъ жить и наполняется содержаніемъ, такъ неизбѣжно проявляется неравенство, и тогда приходится принимать искусственныя мѣры, чтобы его устранить. Мабли, не надѣясь осуществить свой идеалъ, предлагаетъ палліативныя мѣры; Бабёфъ послѣдовательно проводитъ свое начало до конца; но оба сходятся въ одномъ, именно въ томъ, что матеріальное равенство немыслимо, если предоставить человѣку свободу. Чтобы осуществить матеріальное равенство, надобно не только уравнять имущества, ограничивши право человѣка распоряжаться пріобрѣтеннымъ, или даже отнявши у него всякую собственность и превративши его работу въ обязательный урокъ, но необходимо подавить въ человѣкѣ всякія возвышающіяся надъ общимъ уровнемъ потребности и стремленія; надобно, посредствомъ воспитанія, взять его, какъ мягкій воскъ, въ общую форму, въ которой бы могло вмѣщаться самое обыкновенное содержаніе и такимъ образомъ сдѣлать его неспособнымъ подняться надъ толпою. Греки этотъ способъ дѣйствія изобразили въ замысловатомъ миѳѣ о разбойникѣ Прокустѣ, который своихъ жертвы клалъ на желѣзную кровать, и затѣмъ у однихъ обрѣзывалъ слишкомъ длинныя оконечности, а другихъ насильственно вытягивалъ до указанной мѣрки. Но Греки за такое изобрѣтеніе осуждали Прокуста на вѣчныя страданія въ Тартарѣ; соціалисты же новаго времени выставляютъ эту адскую пытку идеаломъ человѣческаго общежитія.

Во имя чего же однако водворяется такая неслыханная тиранія?

Мабли увѣряетъ, что не свобода, а равенство составляетъ естественный законъ для человѣка; свобода же является только средствомъ для охраненія равенства. Мы уже замѣтили, что это значитъ совершенно извращать истинное отношеніе этихъ двухъ началъ. Люди не равны другъ другу ни относительно физическихъ, ни относительно умственныхъ и нравственныхъ силъ и способностей. Всѣ конкретныя свойства у нихъ безконечно разнообразны. Они равны только какъ люди вообще, отвлеченно взятые, то есть, какъ разумно-нравственныя, а потому свободныя существа. Слѣдовательно, равенство вытекаетъ изъ свободы, а не наоборотъ. Но принадлежащее свободѣ равенство есть равенство правъ и ничто другое, ибо дѣйствительныя проявленія свободы опять же безконечно разнообразны. Свобода состоитъ въ томъ, что каждый дѣйствуетъ по собственному усмотрѣнію, а не по чужой указкѣ. Слѣдовательно, у каждаго результатъ будетъ свой, и никакого приравненія одного къ другому быть не можетъ. Требовать, чтобы произведенное свободою было одинаково у всѣхъ, значитъ уничтожить свободу въ самомъ ея корнѣ и подчинить лице общей, извнѣ наложенной мѣркѣ.

Еще менѣе можно сказать, какъ Бабёфъ, а за нимъ и многіе другіе соціалисты, что всѣ люди имѣютъ одинакое право на пользованіе всѣми жизненными благами. Здоровье, умъ, красота, суть несомнѣнно жизненныя блага; скажемъ ли мы, что всѣ должны пользоваться одинакимъ здоровьемъ? что всѣ должны быть одинаково умны? что всякая женщина имѣетъ право быть также красивою, какъ и другая? Скажемъ ли мы, что никто не имѣетъ права пользоваться большимъ семейнымъ счастіемъ, нежели его сосѣдъ? что всѣ должны имѣть одинакое количество дѣтей? наконецъ, что всѣ должны наслаждаться одинакимъ климатомъ и одинакими красотами природы? Все это очевидно нелѣпо, но эта нелѣпость заключается въ основномъ положеніи. Если же нельзя требовать равенства въ благахъ, присущихъ самому лицу человѣка и окружающей его обстановкѣ, то еще менѣе можно требовать равенства въ матеріальныхъ благахъ, которыя состоятъ въ зависимости отъ первыхъ. Можно ли сказать, не нарушая самыхъ первыхъ основаній справедливости, что тотъ, кто лѣнился, долженъ пользоваться одинакими благами съ тѣмъ, кто работалъ; кто расточалъ свое достояніе съ тѣмъ, кто его сберегалъ; кто не умѣлъ ничего пріобрѣсть съ тѣмъ, кто умѣлъ пріобрѣтать? Съ какой бы стороны мы ни взяли этотъ вопросъ,

равное пользованіе жизненными благами вездѣ оказывается чистою химерою, противорѣчащею и природѣ человѣка и свойству человѣческихъ отношеній. Не право на пользованіе жизненными благами, а право на свободную дѣятельность для пріобрѣтенія этихъ благъ, принадлежитъ человѣку; то есть, ему можетъ быть присвоено равенство формальное, а никакъ не матеріальное. Дѣйствительное же осуществленіе этого права, будучи предоставлено свободѣ, столь же разнообразно, какъ самыя свойства, наклонности, чувства, мысли и положенія людей.

Соціализмъ XIX-го вѣка перенесъ вопросъ о распредѣленіи жизненныхъ благъ съ почвы личной на почву общественную. Онъ искалъ мѣрила, на основаніи котораго общество должно совершать это распредѣленіе между своими членами. Сообразно съ тѣмъ или другимъ рѣшеніемъ этого вопроса различными школами, высказывалось различное пониманіе самой идеи равенства. Мы видѣли уже, что Сенъ-Симонисты въ основаніе своего общественнаго устройства полагали не числительное, а пропорціональное равенство, согласно съ формулою: «каждому по способности». Это начало безспорно выше ариѳметическаго равенства; но приложенное къ промышленной области, и оно ведетъ къ уничтоженію свободы, ибо опредѣленіе способностей предоставляется общественной власти, облеченной неограниченнымъ правомъ распредѣлять жизненныя блага по своему усмотрѣнію. Еще болѣе удаляясь отъ числительнаго равенства Фурье, который формулу Сенъ-Симонистовъ замѣнилъ другою: «каждому по его труду, капиталу и таланту». Напротивъ, коммунизмъ возвелъ равенство въ абсолютный догматъ, выводя его изъ общаго братства людей. Природа, говоритъ Кабе, есть общая мать человѣческаго рода, всѣ люди—ея дѣти и братья между собою. А такъ какъ братья всѣ равны, то они должны имѣть равное участіе во всѣхъ дарованныхъ природою благахъ. Существующія между ними различія не мѣшаютъ имъ имѣть одинакія права и обязанности и пользоваться одинакимъ счастіемъ, также какъ различія между дѣтьми не мѣшаютъ имъ пользоваться одинакою любовью родителей [1]).

Здѣсь равенство выводится изъ нравственнаго начала братства; но на чемъ основывается этотъ выводъ? На томъ, что весь чело-

[1]) Credo Communiste. Онъ напечатанъ въ переводѣ въ сочиненіи Штейна Der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs.

вѣческій родъ составляетъ одну семью, и что всѣ люди — дѣти какого то неопредѣленнаго существа, именуемаго природою, о которомъ самъ Кабе говоритъ, что безполезно и даже опасно изслѣдовать его сущность, ибо, вслѣдствіе несовершенства человѣческаго разума, это ведетъ только къ безконечнымъ спорамъ. И на подобномъ фундаментѣ коммунисты считаютъ возможнымъ построить все свое общественное зданіе! Очевидно, что это ученіе ничто иное какъ сколокъ съ христіанства, которое всѣхъ людей признаетъ сынами Божьими и братьями между собою. Но коммунисты отвергаютъ религіозное основаніе этого ученія, которое одно даетъ ему смыслъ, а берутъ только выводъ, который вслѣдствіе этого теряетъ всякую почву и получаетъ совершенно превратное значеніе. Дѣйствительно, христіанство провозглашаетъ всеобщее братство людей; но оно провозглашаетъ его, какъ нравственно-религіозное начало, обязательное для совѣсти, но отнюдь не принудительное, ибо любви предписать нельзя. Поэтому, ни одно христіанское государство никогда не думало превратить любовь въ право и сдѣлать ее основаніемъ гражданскаго порядка. Принудительная любовь есть чудовищное начало, посягательство на священнѣйшія основы человѣческаго естества. Между тѣмъ, именно на этомъ извращенномъ началѣ строитъ всю свою теорію коммунизмъ. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого порядка является опять таки полное подавленіе свободы. Всякая личная собственность отвергается. Члены общества должны быть равны, не только въ правахъ и обязанностяхъ, но и въ работѣ и наслажденіяхъ. Общество, большинствомъ голосовъ, рѣшаетъ всѣ вопросы относительно пищи, одежды, жилища, браковъ, семейства, воспитанія, работы и т. п., при чемъ исповѣдуется, въ видѣ догмата, что никто не почувствуетъ ни малѣйшей непріятности, повинуясь закону, изданному въ интересѣ всѣхъ. Исповѣдуется также, что въ обществѣ не будетъ ни пьяницъ, ни воровъ, ни лѣнтяевъ, хотя не видать, отчего бы имъ не быть, ибо имъ очевидно всего лучше жилось бы въ такомъ обществѣ, гдѣ они безпрепятственно могли бы пользоваться плодами чужаго труда. Прудонъ справедливо замѣчаетъ, что подъ именемъ равенства коммунизмъ устанавливаетъ величайшее неравенство: онъ узаконяетъ эксплуатацію сильнаго слабымъ. Здѣсь, говоритъ онъ, «сильный долженъ исполнять работу за слабаго, хотя эта обязанность добровольная, а не принудительная, совѣтъ, а не предписаніе; трудолюбивый долженъ работать за лѣнтяя, хотя это несправедливо; умѣлый за идіота,

хотя это нелѣпо; наконецъ, человѣкъ, откидывая свое *я*, свою самопроизвольность, свой геній, свои привязанности, долженъ почтительно уничтожаться передъ величіемъ и непреклонностью общины... Коммунизмъ, продолжаетъ онъ, есть притѣсненіе и рабство. Человѣкъ согласенъ подчиниться закону долга, служить отечеству, оказывать услуги друзьямъ; но онъ хочетъ трудиться надъ тѣмъ, что ему нравится, когда ему нравится и сколько ему нравится; онъ хочетъ располагать своими часами, повиноваться только необходимости, выбирать своихъ друзей, свои досуги, свою дисциплину, оказывать услуги по собственному усмотрѣнію, а не по приказанію, жертвовать собою по эгоизму, а не по рабской обязанности. Общеніе имуществъ существенно противорѣчитъ свободному употребленію нашихъ способностей, самымъ благороднымъ нашимъ наклонностямъ, самымъ завѣтнымъ нашимъ чувствамъ... оно попираетъ автономію совѣсти и начало равенства: первую, подавляя самопроизвольность ума и сердца, свободу въ дѣйствіи и въ мысли, второе, награждая равенствомъ благосостоянія трудъ и лѣнь, талантъ и глупость, наконецъ даже добродѣтель и порокъ» [1]). Такимъ образомъ, и тутъ во всей своей яркости обнаруживается противорѣчіе между свободою и равенствомъ.

Самъ Прудонъ пытался сочетать оба начала, но столь же неуспѣшно, какъ и его предшественники. Если онъ ясенъ въ критикѣ, направленной противъ коммунизма, то въ выводѣ собственной теоріи онъ принужденъ облекаться въ туманныя фразы, подъ которыми скрывается совершенная пустота содержанія. Въ противоположность коммунистамъ, онъ отвергаетъ равенство въ пользованіи жизненными благами, которое зависитъ отъ воли лица, но онъ признаетъ равенство въ распредѣленіи средствъ пріобрѣтенія. Это равенство онъ выводитъ изъ самаго существа общежитія. Всѣ люди, по его мнѣнію, волею или неволею, силою вещей, состоятъ товарищами другъ съ другомъ. Ихъ связываютъ общія потребности, законы производства, наконецъ математическое начало мѣны. «Но всякое товарищество, говоритъ Прудонъ, торговое, промышленное, земледѣльческое, немыслимо внѣ равенства; равенство составляетъ необходимое условіе его существованія». Въ этомъ состоитъ существо правды, которую Прудонъ опредѣляетъ какъ «признаніе въ другомъ равной съ нами

[1]) Qu'est ce que la propriété, ch. V, Seconde Partie, § 2.

личности». Правое, по древнему изреченію, есть равное, неправое — неравное. Слѣдовательно, дѣйствовать справедливо значитъ дать каждому равную долю благъ, подъ условіемъ равной работы [1]).

Немного нужно размышленія, чтобы видѣть, до какой степени всѣ эти выводы произвольны. Прежде всего, никакъ нельзя согласиться съ тѣмъ, что всѣ люди, въ силу потребностей и мѣны, состоятъ другъ съ другомъ въ отношеніяхъ товарищества, на подобіе торговой компаніи. Изъ того, что мнѣ случается обмѣниваться произведеніями съ жителемъ Южной Америки, вовсе не слѣдуетъ, чтобы я былъ съ нимъ постоянно связанъ во всемъ остальномъ. Прудонъ распространяетъ это начало такъ далеко, что по его теоріи, если я въ кораблекрушеніи вижу человѣка тонущаго и не подаю ему помощи, то я нарушаю въ отношеніи къ нему обязанность товарища. Это значитъ смѣшивать нравственную связь людей съ экономическою. Если я не подаю помощи утопающему, то я нарушаю нравственную обязанность человѣколюбія, но это не имѣетъ никакого отношенія къ законамъ производства и мѣны. Во имя послѣдняго начала, я долженъ бы былъ торговаться съ нимъ о платѣ.

Точно также и признаніе въ другомъ равной съ нами личности вытекаетъ изъ уваженія къ природѣ человѣка, какъ разумно-свободнаго существа, а отнюдь не изъ товарищества или изъ экономическихъ отношеній. Но признаніе въ другомъ равной съ нами личности столь же мало влечетъ за собою равенство средствъ пріобрѣтенія, какъ и равенство пола, возраста, физической силы, роста, красоты, умственныхъ способностей и т. д. Въ людяхъ равно только отвлеченное качество человѣка, а вовсе не тѣ или другіе конкретные признаки лица, и еще менѣе внѣшнія принадлежности. Справедливо, что равенство есть свойство правды, но надобно знать, какое равенство и въ чемъ? Мы видѣли, что равенство можетъ быть числительное и пропорціональное, и что воздаяніе равнаго неравнымъ лицамъ вовсе не есть требованіе правды, а наоборотъ. Это признаетъ и Прудонъ, когда онъ говоритъ, что несправедливо давать одинакую плату трудящемуся и лѣнивому. Поэтому невозможно ссылаться на древнее изреченіе, не разобравши, въ чемъ дѣло. Это ведетъ только къ полнѣйшей путаницѣ понятій.

---

[1]) Qu'est ce que la propriété, ch. V. Première Partie, § 2.

Всего менѣе изъ равноправности лицъ слѣдуетъ равенство товарищескихъ отношеній. Непонятно, откуда Прудонъ взялъ, что промышленное и всякое другое товарищество немыслимо иначе, какъ при полномъ равенствѣ членовъ. Значеніе каждаго лица въ какомъ бы то ни было товариществѣ опредѣляется, формально, взаимными условіями, а матеріально, тѣмъ, что каждый въ него вноситъ. Кто вноситъ больше, тотъ очевидно долженъ и получать больше. Руководитель предпріятія не можетъ стоять на одной доскѣ съ простымъ исполнителемъ, напримѣръ архитекторъ съ каменьщикомъ. Точно также и въ акціонерныхъ обществахъ, имѣющій больше акцій получаетъ и большее количество голосовъ. Въ виду этого, Прудонъ изъ своего общаго положенія о товариществѣ исключаетъ собственника, который, по его мнѣнію, не есть чей либо товарищъ, ибо онъ беретъ себѣ лишнее противъ другихъ. Но если мы устранимъ собственность, то не будетъ никакого торговаго товарищества: останется одна фикція. Фантастическія товарищества, отрѣшенныя отъ всѣхъ жизненныхъ условій, могутъ представляться состоящими изъ совершенно равноправныхъ членовъ, ибо тутъ не остается ничего, кромѣ голыхъ единицъ; дѣйствительныя же товарищества совмѣщаютъ въ себѣ самыя разнообразныя условія.

Наконецъ, всего менѣе удачна попытка согласить равенство съ свободою. Прудонъ называетъ свободою общественный порядокъ, сочетающій съ себѣ начала коммунизма и собственности. Тутъ признается «взаимная независимость лицъ, или автономія частнаго разума, вытекающая изъ различія талантовъ и способностей». Но въ чемъ состоятъ признаваемыя Прудономъ права таланта? Мы уже это видѣли выше. Талантъ, по его мнѣнію, составляетъ общественную собственность; онъ созданъ обществомъ и принадлежитъ не лицу, а обществу, которое, по этому самому, присвоиваетъ себѣ его произведенія. Мало того: обществу, по теоріи Прудона, принадлежатъ произведенія не только таланта, но и всякаго труда. Работникъ живетъ и умираетъ неоплатнымъ должникомъ общества. Чѣмъ же, спрашивается, эта свобода отличается отъ рабства? Но мы не удивимся этому противорѣчію, если посмотримъ на то, что Прудонъ разумѣетъ подъ именемъ свободы. Онъ слово libertas (свобода) производитъ отъ libra (вѣсы). «Свобода, говоритъ онъ, есть равновѣсіе правъ и обязанностей: сдѣлать человѣка свободнымъ, значитъ уравновѣсить его съ другими, то есть, поставить его на одинъ съ

ними уровень [1]). Оказывается, что идеалъ свободы есть Прокустово ложе, то есть, разбойничья пытка.

Въ концѣ концовъ выходитъ все таки, что матеріальное равенство равнозначительно съ рабствомъ; оно мыслимо только при полномъ подавленіи человѣческой свободы и всѣхъ личныхъ особенностей. А такъ какъ единственное основаніе равенства заключается въ свободѣ, то ясно, что матеріальное равенство есть противорѣчащее себѣ начало, ибо оно уничтожаетъ собственное свое основаніе. Таковъ совершенно очевидный результатъ разбора соціалистическихъ ученій, результатъ, признаваемый всѣми, кто умѣетъ связывать свои понятія.

Не смотря на то, новѣйшіе соціалисты каѳедры и соціалъ-политики храбро утверждаютъ, что соціалисты логически правы, когда они изъ признаннаго современными обществами начала равенства выводятъ равенство состояній. «Пріобрѣтеніе юридическаго и политическаго равенства, говоритъ Адольфъ Вагнеръ, имѣетъ для значительной части народонаселенія весьма малую цѣну безъ доставленія ему дальнѣйшаго послѣдствія начала равенства, именно, безъ равенства экономическаго положенія, или, по крайней мѣрѣ, условій производства. Но этого послѣдствія не хотѣла вывести политическая экономія, столь же мало какъ и философія права и политика. Напротивъ, теорія коммунизма и соціализма его вывела, и логически съ полнымъ правомъ, разъ что признаются посылки, изъ которыхъ вытекло требованіе равенства. Съ своей стороны, низшіе классы, психологически весьма понятнымъ образомъ, возвели именно это равенство въ практическое требованіе. Отсюда послѣдовательно произошла борьба противъ исторически нажитыхъ, существующихъ имущественныхъ отношеній, противъ частной поземельной собственности, частнаго капитала, наслѣдственнаго права. Отсюда, иными словами, происхожденіе новѣйшаго «соціальнаго вопроса», который, по крайней мѣрѣ съ этой точки зрѣнія, можно формулировать, какъ вошедшее въ сознаніе противорѣчіе между существующимъ экономическимъ развитіемъ и представляющимся какъ идеалъ, а вмѣстѣ и осуществляющимся въ политической жизни началомъ общественнаго развитія, свободою и равенствомъ» (Grundleg. стр. 361).

Безъ сомнѣнія, такого смѣлаго сужденія невозможно было бы

[1]) Qu'est ce que la propriété, ch. V, seconde Patrie. § 3. прим.

произнести въ виду всего свѣта, если бы тутъ же выставлены были истинныя основанія, изъ которыхъ въ гражданской и политической области выводится начало равенства. Тогда тотчасъ же обнаружилось бы, что между посылками и заключеніемъ не только нѣтъ никакой связи, но что одно противорѣчитъ другому. Но именно эти основанія представлены въ совершенно превратномъ видѣ. По мнѣнію Вагнера, начало личнаго равенства заключаетъ въ себѣ равноправность въ личномъ и хозяйственномъ оборотѣ; равноправность же состоитъ въ установленіи равныхъ для всѣхъ условій хозяйственнаго состязанія. Вагнеръ видитъ въ этомъ требованіе справедливости, вслѣдствіе чего онъ принципіально отвергаетъ всякое неравенство, которое не можетъ быть сведено на различные результаты личной хозяйственной дѣятельности (Grundleg. стр. 357). Съ этой точки зрѣнія, мы, безъ сомнѣнія, должны признать равенство матеріальныхъ средствъ для веденія борьбы необходимымъ условіемъ правильныхъ экономическихъ отношеній: это равенство заключается уже въ самой посылкѣ и намъ вовсе даже не нужно его выводить. Но дѣло въ томъ, что самая посылка совершенно произвольна. Въ дѣйствительности, равноправность вовсе не состоитъ въ установленіи равныхъ для всѣхъ условій хозяйственной борьбы, столь же мало въ матеріальномъ, какъ и въ умственномъ отношеніи. Равноправность означаетъ установленіе для всѣхъ равныхъ правъ, то есть, подчиненіе всѣхъ одинакому закону, а вовсе не дарованіе всѣмъ одинакихъ матеріальныхъ средствъ или одинакихъ умственныхъ способностей и образованія, что̀ требовалось бы для равенства борьбы. Такъ понимали это начало тѣ, которые его провозглашали, и такъ понимаютъ его всѣ тѣ, которые знакомы съ теоріею и практикою гражданской жизни. Равноправность заключаетъ въ себѣ одинаковое для всѣхъ охраненіе личной свободы и собственности, исполненіе обязательствъ, уваженіе къ наслѣдственному праву, то есть, именно все то, что отвергается соціализмомъ. Слѣдовательно, ученіе соціалистовъ является не послѣдовательнымъ приложеніемъ началъ новаго времени, а напротивъ, отрицаніемъ этихъ началъ. Самъ Вагнеръ справедливо замѣчаетъ, что равенство, дитя философіи XVIII-го вѣка, составляетъ принадлежность индивидуалистической точки зрѣнія; соціализмъ же является радикальнымъ протестомъ противъ этой точки зрѣнія. Равенство вытекаетъ изъ личнаго начала; соціализмъ же весь основанъ на поглощеніи лица обществомъ. Отсюда ясно, что

проповѣдуя равенство, соціализмъ опирается на то самое, что онъ отвергаетъ.

Признавая равенство матеріальныхъ средствъ логическимъ выводомъ изъ началъ новаго времени, Вагнеръ не думаетъ однако поддерживать его безусловно. Съ своею эклектическою манерою, онъ отвергаетъ всякое послѣдовательно проведенное начало, какъ отвлеченную теорію, и довольствуется частными соображеніями, представляющими сдѣлку между противоположными точками зрѣнія. Но такъ какъ эти соображенія лишены надлежащаго основанія и связи, то они теряютъ всякое теоретическое и практическое значеніе. Отсюда положенія, которыя могутъ поражать только своею странностью. Мы уже видѣли выше, что Вагнеръ признаетъ, въ видѣ неоспоримой истины, что каждый, въ силу свободы и равенства, имѣетъ одинаковое съ другими право на продолженіе своего существованія и на всѣ условія, которыя для этого требуются. Изъ этого онъ выводитъ, какъ необходимое слѣдствіе, чудовищное положеніе, что никто не имѣетъ права на малѣйшій избытокъ, пока есть хотя одинъ членъ общества, которому недостаетъ необходимаго (Grundleg. стр. 121—122.) Мы не станемъ повторять, что такого рода право ничто иное какъ вымыселъ. Въ дѣйствительности, подача помощи нуждающемуся всегда и вездѣ признавалась обязанностью человѣколюбія, а отнюдь не приложеніемъ началъ свободы и равенства. Изъ равноправности людей благотворительности вывести нельзя.

И такъ, мы приходимъ къ заключенію, что если формальное равенство, или равенство передъ закономъ, составляетъ требованіе свободы, то матеріальное равенство, или равенство состояній, противорѣчитъ свободѣ. Какъ свободное существо, всякій человѣкъ, одинаково съ другими, является независимымъ источникомъ дѣятельности; но такъ какъ матеріальныя и умственныя силы и способности людей, ихъ наклонности, ихъ положенія, наконецъ тѣ условія и обстоятельства, среди которыхъ они дѣйствуютъ, неравны, то и результаты ихъ дѣятельности не могутъ быть одинаки. Свобода необходимо ведетъ къ неравенству. Отсюда ясно, что уничтожить неравенство можно только подавивши самую свободу, изъ которой оно истекаетъ, искоренивши въ человѣкѣ самостоятельный центръ жизни и дѣятельности, и превративши его въ орудіе общественной власти, которая, налагая на всѣхъ общую мѣрку, можетъ, конечно, установить общее равенство, но равенство не свободы, а рабства.

Въ этомъ присущемъ самой природѣ человѣка неравенствѣ выражается общій законъ мірозданія. Природа повсюду установила неравенство силъ, свойствъ и положеній, ибо только этимъ путемъ проявляется все безконечное разнообразіе жизни.

Отъ этого мірового закона не изъятъ и человѣкъ. И онъ поставленъ природою въ безконечно разнообразныя условія, которыми опредѣляется все его существованіе. Одни родятся подъ полярными льдами, другіе подъ знойнымъ солнцемъ экватора, третьи въ благословенномъ климатѣ, гдѣ господствуетъ вѣчная весна. Одни почти даромъ получаютъ все отъ природы; другіе каждую пядь своей почвы должны завоевывать упорнымъ трудомъ. Одни окружающими ихъ пустынями какъ бы отрѣзаны отъ остальнаго человѣчества; другіе пользуются всѣми выгодами естественныхъ сообщеній, доставляющихъ и удобства жизни и возможность высшаго развитія. Къ этому присоединяется различіе расъ. Есть расы, какъ бы привилегированныя и предназначенныя стоять во главѣ человѣчества, и другія, повидимому неспособныя подняться на сколько нибудь высокій уровень образованія. Сгладится ли когда нибудь это различіе, достигнетъ ли когда нибудь человѣчество такого состоянія, въ которомъ всѣ расы будутъ стоять на одинакой высотѣ духовнаго развитія, мы не знаемъ. Но въ теченіи всей прошедшей исторіи, это различіе составляетъ коренной законъ человѣческой жизни, и цѣлыя племена вымираютъ при соприкосновеніи съ высшею цивилизаціею. Наконецъ, такое же различіе существуетъ и между личными силами и способностями, съ которыми человѣкъ является на свѣтъ. Одинъ рождается сильнымъ и здоровымъ, другой хилымъ и слабымъ. Тоже самое имѣетъ мѣсто относительно умственныхъ способностей. Утверждать, что всѣ люди, по природѣ, одинаковы способны, и что различія происходятъ единственно отъ развитія и воспитанія, можно только отвернувши глаза отъ дѣйствительности. Мы знаемъ, что родятся геніи, родятся и идіоты. Между этими двумя крайностями лежитъ цѣлая лѣствица, съ безконечнымъ разнообразіемъ оттѣнковъ. Дары природы не на всѣхъ сыплются одинаково, не распредѣляются между всѣми поровну, но слѣдуя мировому закону, проявляются въ безчисленныхъ оттѣнкахъ и степеняхъ, осуществляя въ жизни все то разнообразіе и всѣ тѣ крайности, какія совмѣстны съ внутреннею природою существъ.

Къ этимъ установленнымъ природою различіямъ въ человѣкѣ

имя справедливости, которая будто бы требуетъ, чтобы никто по рожденію не имѣлъ преимуществъ передъ другимъ? Но въ такомъ случаѣ мы должны признать несправедливымъ, что одинъ рождается болѣе сильнымъ, болѣе здоровымъ, болѣе красивымъ, болѣе умнымъ, нежели другой. А такъ какъ это нелѣпо, то очевидно, что наше требованіе неумѣстно. Тѣ, которые держатся чистаго опыта, могутъ объяснить неравенство силъ и способностей, достающихся людямъ по рожденію, единственно тѣмъ, что эти свойства они получили отъ родителей, произведшихъ ихъ на свѣтъ. Но если мы должны довольствоваться этимъ объясненіемъ, то во имя чего будемъ мы отвергать другія наслѣдственныя преимущества? Если родители могутъ передать своимъ дѣтямъ лучшее здоровье, большую силу, красоту или умственныя способности, нежели какими обладаютъ другіе, то почему же они не могутъ передать имъ большее богатство или лучшее воспитаніе? Не справедливость, а единственно зависть можетъ возмущаться противъ такого рода преимуществъ. Справедливость же требуетъ, чтобы каждому воздавалось свое. Она возмутилась бы, напротивъ, еслибы неравныя лица были подведены подъ равную мѣрку, еслибы, во имя отвлеченнаго равенства, мы стали отнимать у однихъ, чтобы давать другимъ. Она возмутилась бы, еслибы мы стали калѣчить здороваго, потому что существуютъ увѣчные, безобразить краснваго, потому что есть уроды, лишать образованія умнаго, потому что глупые не въ состояніи учиться, отнимать наслѣдство у богатаго, потому что другому отецъ ничего не оставилъ. Человѣческіе законы, вытекающіе изъ самой природы человѣка, нисколько не требуютъ къ себѣ меньшаго уваженія, нежели законы естественные. Посягательство на тѣ и другіе одинаково составляетъ нарушеніе справедливости. Конечно, человѣкъ болѣе властенъ надъ тѣми законами, которые осуществляются черезъ посредство его сознанія. Но если онъ воленъ отнимать наслѣдство у богатаго, то ничто не мѣшаетъ ему отрѣзывать ноги у здоровыхъ, обливать сѣрною кислотою лица красивыхъ, или наконецъ сдавливать черепъ у всѣхъ новорожденныхъ, съ тѣмъ чтобы низвести ихъ на одинакую степень умственнаго отупѣнія. Будетъ ли все это согласно съ требованіями справедливости?

Законъ неравнаго распредѣленія силъ, способностей и жизненныхъ благъ не налагаетъ однако на человѣка неизмѣнной и неизгладимой печати, которая вѣчно приковывала бы его къ одному и тому же

[illegible] свободу, давшей человеку возможность отрекаться от нравственных своих определений и вычитать в свою пользу нравственное положение, сама ведет к новому неравенству. К естественному разнообразию, происходящему изъ различія условій, при которыхъ рождаются люди, присоединяется разнообразіе, происходящее изъ свободной ихъ дѣятельности, а послѣднее гораздо значительнѣе перваго. Мы видимъ, что животныя одной породы всѣ болѣе или менѣе похожи другъ на друга; изъ людей же ни одинъ не похожъ на другаго: каждый имѣетъ свою физіономію и свой характеръ. Источникъ этого различія заключается именно въ свободѣ: она дѣлаетъ каждаго человѣка своеобразнымъ существомъ, который по своему отражаетъ въ себѣ вселенную и по своему переводитъ свое сознаніе въ жизнь.

Наконецъ, къ тому же ведутъ и законы, управляющіе развитіемъ человѣческихъ обществъ. Исторія человѣчества показываетъ, какимъ образомъ лежащее въ глубинѣ духа разнообразіе элементовъ производитъ безконечное разнообразіе въ положеніяхъ людей. Въ первобытномъ состояніи, всѣ люди болѣе или менѣе носятъ на себѣ оди-

накій типъ. Тутъ господствуютъ одни естественныя различія, какъ то, мужа и жены, отца и дѣтей; между общественными классами нѣтъ еще рѣзкой противоположности. Но какъ скоро начинается историческое движеніе, такъ неизбѣжно водворяется общественное неравенство. Высшіе классы выдѣляются изъ общей массы; является противоположность высшихъ и низшихъ. Иначе и быть не можетъ, ибо образованіе первоначально составляетъ достояніе немногихъ, и только мало по малу, медленнымъ историческимъ процессомъ и въ безконечной постепенности, оно распространяется на остальныхъ. Вслѣдствіе этого, высшее сознаніе всегда является достояніемъ меньшинства, которое этимъ самымъ выдѣляется изъ толпы и становится особнякомъ. Начало развитія производитъ какъ бы броженіе въ однородной массѣ; различные, заключающіеся въ ней элементы отдѣляются и обособляются; одни всплываютъ на верхъ, другіе опускаются внизъ. На вершинѣ водворяется уже новая жизнь, пока низшіе слои остаются погруженными въ безразличное состояніе.

Этотъ законъ, очевидный для всякаго, кто сколько нибудь знакомъ съ исторіею, признается даже тѣми, которые въ значительной степени раздѣляютъ воззрѣнія соціалистовъ. «Потребности культуры, говоритъ Адольфъ Вагнеръ, возникаютъ и развиваются прежде всего у такихъ лицъ, которыя хотя отчасти избавлены отъ заботы о своемъ матеріальномъ существованіи. Черезъ это, они выигрываютъ время для другой дѣятельности и досугъ для развитія своей духовной жизни, предположенія необходимыя для того, чтобы почувствовались потребности культуры. А эти предположенія, въ свою очередь, связаны съ другимъ предположеніемъ, именно, что существуютъ лица и классы, которые избавляютъ первыхъ отъ заботы о своемъ матеріальномъ существованіи. Такимъ образомъ, общественное и экономическое неравенство составляетъ предварительное условіе для первоначальнаго возникновенія всякой высшей культуры.... И позднѣе, на сколько, до извѣстной степени, потребности культуры всегда возникаютъ и развиваются сперва у отдѣльныхъ лицъ или въ маленькомъ кругѣ, можно и должно признать необходимымъ существованіе значительнаго низшаго слоя, который преимущественно производитъ матеріальныя условія существованія цѣлаго народа и самъ принимаетъ лишь небольшое участіе въ утонченныхъ и высшихъ потребностяхъ» (Grundleg. стр. 129—130).

Это проистекающее изъ человѣческаго развитія неравенство имѣетъ однако различное значеніе на различныхъ ступеняхъ историческаго процесса. Если первый шагъ впередъ состоитъ въ выдѣленіи противоположностей изъ безразличной массы, то дальнѣйшее движеніе ведетъ къ тому, что противоположности опять сводятся къ высшему единству. Таковъ общій законъ человѣческаго развитія. Но это высшее единство водворяется не уничтоженіемъ противоположностей и не возвращеніемъ къ первобытному безразличію, а вставленіемъ между ними среднихъ степеней, которыя, связывая крайности, дѣлаютъ изъ нихъ одно гармоническое цѣлое. Такимъ образомъ, плоды историческаго развитія не пропадаютъ; выработанное исторіею разнообразіе сохраняется, но различія незамѣтно переходятъ одно въ другое, при чемъ средніе элементы получаютъ преобладаніе надъ крайними. Это и есть нормальное распредѣленіе неравенства, тотъ законъ, который господствуетъ и въ природѣ и въ естественномъ порядкѣ человѣческихъ отношеній. Статистика, на основаніи опытныхъ данныхъ, вывела этотъ законъ подъ именемъ теоріи средняго человѣка, а съ своей стороны, философы и публицисты, какъ древніе, такъ и новые, которые глубже другихъ взглянули на существо и свойства общественныхъ отношеній, видятъ въ немъ одно изъ основныхъ началъ нормальнаго общежитія. Отсюда ученіе Аристотеля о преобладаніи среднихъ классовъ въ идеальномъ обществѣ, ученіе, которое возобновилось и въ наше время въ теоріи конституціонной монархіи. Законы человѣческаго развитія нѣсколько видоизмѣняютъ это естественное распредѣленіе неравенства, ибо тутъ, на посредствующихъ ступеняхъ, является выдѣленіе и борьба противоположностей. Но преобладаніе крайностей всегда составляетъ только переходное состояніе, которое съ дальнѣйшимъ движеніемъ неизбѣжно уступаетъ опять господству среднихъ элементовъ. Такимъ образомъ, если развивающееся общество временно удаляется отъ нормальнаго порядка, то оно снова къ нему возвращается, но возвращается послѣ того какъ выдѣлилось и упрочилось все то разнообразіе, которое лежитъ въ глубинѣ человѣческой природы. Затѣмъ, дальнѣйшее движеніе состоитъ въ томъ, что этотъ средній уровень поднимается выше и выше; но это совершается опять же не искусственнымъ уравненіемъ, которое, уничтожая естественно развившееся разнообразіе, ведетъ къ первобытной дикости, а тѣмъ же свободнымъ движеніемъ обществен-

ныхъ силъ, при которомъ всякое улучшеніе, начинаясь съ немногихъ, мало по малу распространяется и на всю массу.

Достиженію этой цѣли въ значительной степени содѣйствуетъ сознаніе и утвержденіе въ жизни истинныхъ началъ права. Мы видѣли, что существенное значеніе права состоитъ въ охраненіи человѣческой свободы. Между тѣмъ, развитіе матеріальнаго неравенства ведетъ къ борьбѣ противоположныхъ элементовъ, а вслѣдствіе того, къ покоренію слабыхъ сильными. На низшихъ своихъ ступеняхъ, право закрѣпляетъ это подчиненіе; оно охраняетъ свободу сильныхъ, а не свободу слабыхъ. Такъ, при господствѣ родоваго порядка, установляется безграничная власть мужа надъ женою, отца надъ дѣтьми. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ водворяется рабство, узаконяется крѣпостное состояніе, установляются гражданскія и политическія преимущества одного сословія передъ другими. Естественное неравенство становится еще значительнѣе вслѣдствіе неравенства юридическаго. Но высшее развитіе сознанія и жизни приводитъ къ иному взгляду. Люди начинаютъ понимать, что не смотря на безконечное неравенство силъ, способностей и состояній, у всѣхъ одна и таже человѣческая природа, изъ которой вытекаютъ и одинакія права. Каждый, наравнѣ съ другими, является разумно-свободнымъ существомъ, а потому можетъ требовать для себя одинакой съ другими свободы. Отсюда основное юридическое положеніе, что законъ долженъ быть одинъ для всѣхъ. Надъ безконечнымъ матеріальнымъ разнообразіемъ возвышается формальное начало, представляющее общечеловѣческій элементъ. Оно не уничтожаетъ разнообразія, но оно сдерживаетъ его въ должныхъ границахъ, мѣшая естественному неравенству перейти въ неравенство юридическое, иными словами, мѣшая свободѣ одного посягать на свободу другихъ. Живой дѣятельности естественныхъ силъ, матеріальныхъ и духовныхъ, предоставляется полный просторъ; но каждый можетъ дѣйствовать только въ предѣлахъ своего права, не нарушая чужаго; права же для всѣхъ установляются одинакія: всѣ равно признаются разумно-свободными существами. Это и есть нормальный порядокъ человѣческаго общежитія, высшій плодъ, какъ теоретическаго сознанія права, такъ и историческаго его развитія. Далѣе право не идетъ, и большаго оно не въ состояніи сдѣлать. Какъ скоро оно выходитъ изъ этихъ границъ, оно посягаетъ на свободу человѣка, то есть, разрушаетъ собственное основаніе и становится въ противорѣчіе съ самимъ собою.

Это проистекающее изъ человѣческаго развитія неравенство имѣетъ однако различное значеніе на различныхъ ступеняхъ историческаго процесса. Если первый шагъ впередъ состоитъ въ выдѣленіи противоположностей изъ безразличной массы, то дальнѣйшее движеніе ведетъ къ тому, что противоположности опять сводятся къ высшему единству. Таковъ общій законъ человѣческаго развитія. Но это высшее единство водворяется не уничтоженіемъ противоположностей и не возвращеніемъ къ первобытному безразличію, а вставленіемъ между ними среднихъ степеней, которыя, связывая крайности, дѣлаютъ изъ нихъ одно гармоническое цѣлое. Такимъ образомъ, плоды историческаго развитія не пропадаютъ; выработанное исторіею разнообразіе сохраняется, но различія незамѣтно переходятъ одно въ другое, при чемъ средніе элементы получаютъ преобладаніе надъ крайними. Это и есть нормальное распредѣленіе неравенства, тотъ законъ, который господствуетъ и въ природѣ и въ естественномъ порядкѣ человѣческихъ отношеній. Статистика, на основаніи опытныхъ данныхъ, вывела этотъ законъ подъ именемъ теоріи средняго человѣка, а съ своей стороны, философы и публицисты, какъ древніе, такъ и новые, которые глубже другихъ взглянули на существо и свойства общественныхъ отношеній, видятъ въ немъ одно изъ основныхъ началъ нормальнаго общежитія. Отсюда ученіе Аристотеля о преобладаніи среднихъ классовъ въ идеальномъ обществѣ, ученіе, которое возобновилось и въ наше время въ теоріи конституціонной монархіи. Законы человѣческаго развитія нѣсколько видоизмѣняютъ это естественное распредѣленіе неравенства, ибо тутъ, на посредствующихъ ступеняхъ, является выдѣленіе и борьба противоположностей. Но преобладаніе крайностей всегда составляетъ только переходное состояніе, которое съ дальнѣйшимъ движеніемъ неизбѣжно уступаетъ опять господству среднихъ элементовъ. Такимъ образомъ, если развивающееся общество временно удаляется отъ нормальнаго порядка, то оно снова къ нему возвращается, но возвращается послѣ того какъ выдѣлилось и упрочилось все то разнообразіе, которое лежитъ въ глубинѣ человѣческой природы. Затѣмъ, дальнѣйшее движеніе состоитъ въ томъ, что этотъ средній уровень поднимается выше и выше; но это совершается опять же не искусственнымъ уравненіемъ, которое, уничтожая естественно развившееся разнообразіе, ведетъ къ первобытной дикости, а тѣмъ же свободнымъ движеніемъ обществен-

ныхъ силъ, при которомъ всякое улучшеніе, начинаясь съ немногихъ, мало по малу распространяется и на всю массу.

Достиженію этой цѣли въ значительной степени содѣйствуетъ сознаніе и утвержденіе въ жизни истинныхъ началъ права. Мы видѣли, что существенное значеніе права состоитъ въ охраненіи человѣческой свободы. Между тѣмъ, развитіе матеріальнаго неравенства ведетъ къ борьбѣ противоположныхъ элементовъ, а вслѣдствіе того, къ покоренію слабыхъ сильными. На низшихъ своихъ ступеняхъ, право закрѣпляетъ это подчиненіе; оно охраняетъ свободу сильныхъ, а не свободу слабыхъ. Такъ, при господствѣ родоваго порядка, установляется безграничная власть мужа надъ женою, отца надъ дѣтьми. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ водворяется рабство, узаконяется крѣпостное состояніе, установляются гражданскія и политическія преимущества одного сословія передъ другими. Естественное неравенство становится еще значительнѣе вслѣдствіе неравенства юридическаго. Но высшее развитіе сознанія и жизни приводитъ къ иному взгляду. Люди начинаютъ понимать, что не смотря на безконечное неравенство силъ, способностей и состояній, у всѣхъ одна и таже человѣческая природа, изъ которой вытекаютъ и одинакія права. Каждый, наравнѣ съ другими, является разумно-свободнымъ существомъ, а потому можетъ требовать для себя одинакой съ другими свободы. Отсюда основное юридическое положеніе, что законъ долженъ быть одинъ для всѣхъ. Надъ безконечнымъ матеріальнымъ разнообразіемъ возвышается формальное начало, представляющее общечеловѣческій элементъ. Оно не уничтожаетъ разнообразія, но оно сдерживаетъ его въ должныхъ границахъ, мѣшая естественному неравенству перейти въ неравенство юридическое, иными словами, мѣшая свободѣ одного посягать на свободу другихъ. Живой дѣятельности естественныхъ силъ, матеріальныхъ и духовныхъ, предоставляется полный просторъ; но каждый можетъ дѣйствовать только въ предѣлахъ своего права, не нарушая чужаго; права же для всѣхъ установляются одинакія: всѣ равно признаются разумно-свободными существами. Это и есть нормальный порядокъ человѣческаго общежитія, высшій плодъ, какъ теоретическаго сознанія права, такъ и историческаго его развитія. Далѣе право не идетъ, и большаго оно не въ состояніи сдѣлать. Какъ скоро оно выходитъ изъ этихъ границъ, оно посягаетъ на свободу человѣка, то есть, разрушаетъ собственное основаніе и становится въ противорѣчіе съ самимъ собою.

Нѣтъ сомнѣнія однако, что этимъ не исчерпывается задача человѣческихъ обществъ. Если нормальное распредѣленіе неравенства ведетъ къ преобладанію среднихъ элементовъ, то все же остаются крайности. О тѣхъ, которые стоятъ выше средняго уровня, нечего заботиться, по крайней мѣрѣ въ матеріальномъ отношеніи: они въ состояніи держаться на своихъ ногахъ. Но тѣ, которые стоятъ ниже средняго уровня, могутъ нуждаться въ помощи. Этому требованію можетъ удовлетворять уже не право, а иное начало—любовь. Тутъ приходится уже не охранять свободу, а восполнять недостатокъ средствъ. Это дѣлается прежде всего частною благотворительностью; тамъ же, гдѣ послѣдняя оказывается недостаточною, на помощь приходитъ государство съ своею администраціею. Но въ обоихъ случаяхъ человѣколюбіе является не нарушеніемъ, а восполненіемъ права. Право одно для всѣхъ; человѣколюбіе же имѣетъ въ виду только извѣстную часть общества, нуждающуюся въ помощи. Если-бы государство вздумало во имя этого начала измѣнять самое право, то есть, вмѣсто установленія одинакой свободы для всѣхъ, обирать богатыхъ въ пользу бѣдныхъ, какъ требуютъ соціалисты, то это было бы не только нарушеніемъ справедливости, но вмѣстѣ съ тѣмъ извращеніемъ коренныхъ законовъ человѣческаго общежитія. Прилагая приведенное выше сужденіе Прудона о коммунизмѣ, можно сказать, что если рабство составляетъ эксплуатацію слабыхъ сильными, то подобное начало было бы, напротивъ, эксплуатаціею сильныхъ слабыми. А послѣднее, еще болѣе, нежели первое, противорѣчитъ природѣ вещей. Порабощеніе слабыхъ сильными, хотя и нарушаетъ справедливость, соотвѣтствуетъ по крайней мѣрѣ естественному отношенію силъ. Порабощеніе же сильныхъ слабыми представляетъ извращеніе этого отношенія. Первое, какъ мы видѣли, составляетъ, на извѣстныхъ ступеняхъ, условіе высшаго развитія; послѣднее же является отрицаніемъ развитія, ибо оно налагаетъ руку именно на тѣ элементы, отъ которыхъ зависитъ дальнѣйшее движеніе впередъ. Подобная система ничто иное какъ безумная попытка уничтожить плоды всей предшествующей исторіи человѣчества, и подъ предлогомъ равенства, возвратиться къ первобытному безразличію, то есть, къ состоянію дикихъ.

Пока человѣкъ остается свободнымъ существомъ, то есть, пока онъ остается человѣкомъ, начала права должны сохраниться неприкосновенными. А потому должны сохраниться и собственность

во всей своей полнотѣ, и свобода договоровъ, и наслѣдственное право, какъ неотъемлемая принадлежность семейнаго начала; рядомъ съ формальнымъ равенствомъ должно сохраниться матеріальное неравенство, которое составляетъ неизбѣжное послѣдствіе свободнаго движенія силъ, и которое одно даетъ возможность проявляться всему безконечному разнообразію жизни. Посягать на эти начала значитъ посягать на коренныя основы человѣческой природы, на требованія свободы, на достоинство человѣка, какъ разумнаго существа. А такъ какъ именно на этихъ человѣческихъ началахъ зиждется всякая разумная гражданственность и всякое просвѣщенное общежитіе, то нарушеніе этихъ началъ было бы вмѣстѣ съ тѣмъ разрушеніемъ истинныхъ основаній общественной жизни.

Таковъ результатъ, къ которому приводитъ насъ изслѣдованіе началъ, управляющихъ юридическими отношеніями, результатъ, равно оправдывающійся умозрѣніемъ и опытомъ. Изъ предъидущаго ясно, что право, вытекая изъ самой природы человѣка, изъ свойствъ, неразрывно связанныхъ съ духовною его сущностью, составляетъ стройную, цѣльную систему, въ которой всѣ части держатся другъ другомъ и связаны разумною связью. Но эта система не составляетъ только плодъ отвлеченнаго мышленія; именно эта система развивается въ исторіи и осуществляется въ жизни. Умозрѣніе подтверждается опытомъ, и въ свою очередь опытъ находитъ подтвержденіе въ умозрѣніи. Если, въ виду жизненныхъ фактовъ, мы не можемъ смотрѣть на существующую систему права, выражающуюся въ собственности, въ договорѣ, въ наслѣдствѣ, только какъ на плодъ логическаго отвлеченія, то съ другой стороны, въ виду теоретической необходимости, мы столь же мало можемъ видѣть въ ней только преходящее историческое явленіе, которое со временемъ должно уступить мѣсто иному порядку. Согласіе умозрѣнія и опыта возводитъ эту систему на степень неопровержимой истины, или непреложнаго закона человѣческаго духа и человѣческаго развитія. И этотъ выводъ, если можно, еще болѣе подкрѣпляется полною несостоятельностью противоположныхъ воззрѣній, тою безконечною путаницею понятій и тѣми вопіющими противорѣчіями, которыми характеризуется соціализмъ всѣхъ видовъ, а вмѣстѣ и тѣсно связанная съ нимъ соціалъ-политика. То будущее, о которомъ мечтаютъ соціалисты и соціализующіе политико-экономы, ничто иное какъ праздная фантазія, равно лишенная и теоретическаго и практическаго основа-

нія, не имѣющая опоры ни въ умозрѣніи, ни въ опытѣ. Будущее имѣетъ только то, что коренится въ вѣчныхъ и неизгладимыхъ свойствахъ человѣческаго духа, и что, по этому самому, имѣетъ корни во всей прошедшей исторіи человѣчества. Отсюда мы можемъ вынести непоколебимое убѣжденіе, что создаваемое тысячелѣтіями зданіе человѣческаго общежитія, не смотря на всѣ обуревающія его невзгоды, не погибнетъ. Исчезнутъ передъ свѣтомъ разума лишь тѣ ученія, которыя, коренясь въ современной умственной анархіи, обязаны своею силою единственно возванію къ страстямъ невѣжественныхъ массъ. Много горя и много страданій постигали и постигнутъ еще человѣчество на его многовѣковомъ пути; но лѣкарство противъ нихъ оно можетъ найти не въ праздныхъ мечтаніяхъ утопистовъ, и не въ разрушительныхъ стремленіяхъ фанатиковъ, еще менѣе въ жалкихъ практическихъ сдѣлкахъ между противоположными воззрѣніями, а лишь въ ясной мысли, которая, возводя безконечное разнообразіе жизни къ глубочайшимъ основамъ человѣческаго духа, одна способна связать прошедшее съ будущимъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

ГЛАВА I.

СВОБОДА, КАКЪ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НАЧАЛО.

Въ предъидущей книгѣ мы разсматривали свободу, какъ источникъ права, и вывели проистекающія изъ нея юридическія отношенія. Но свобода есть вмѣстѣ съ тѣмъ и экономическое начало; она составляетъ источникъ промышленной дѣятельности. Отсюда рождается новый міръ, міръ экономическихъ отношеній, управляемыхъ экономическими законами.

Промышленная, или хозяйственная дѣятельность имѣетъ цѣлью удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей человѣка. Эти потребности могутъ быть двоякаго рода: личныя и общественныя. Если лице имѣетъ свои физическія нужды, то и общество, какъ цѣлое, имѣетъ свои матеріальныя нужды. Защита, судъ, администрація требуютъ матеріальныхъ средствъ, которыя могутъ быть удовлетворены только промышленною дѣятельностью.

Кто же судья всѣхъ этихъ потребностей? Очевидно, что судьею общественныхъ потребностей можетъ быть только общество, или представляющая его власть; судьею же личныхъ потребностей является само лице, какъ свободное существо. Потребности раба опредѣляются господиномъ; свободный человѣкъ самъ опредѣляетъ свои нужды и самъ заботится объ ихъ удовлетвореніи. А такъ какъ далеко значительнѣйшая часть промышленной дѣятельности имѣетъ задачею удовле-

твореніе потребностей отдѣльныхъ лицъ, такъ какъ самыя общественныя потребности въ значительной степени служатъ только средствами для удовлетворенія личныхъ потребностей, то ясно, что свободная воля лица является важнѣйшимъ опредѣляющимъ началомъ всего экономическаго производства. Имъ установляется требованіе, удовлетвореніе котораго составляетъ цѣль промышленной дѣятельности. Общественное начало служитъ здѣсь только восполненіемъ.

Еще большее значеніе имѣетъ личная воля въ добываніи средствъ для удовлетворенія матеріальныхъ потребностей. Эти средства извлекаются изъ окружающей природы. Но они не даются даромъ. Надобно покорить природу, приспособить ея богатства къ человѣческимъ нуждамъ, а для этого необходимъ трудъ. Обращенный на покореніе природы трудъ составляетъ главный источникъ промышленнаго производства. Но трудъ есть чисто личное дѣло. Трудится не общество, какъ цѣлое; трудятся отдѣльныя лица, и только изъ труда отдѣльныхъ лицъ общество можетъ почерпать средства для удовлетворенія своихъ собственныхъ потребностей.

Хозяйственный трудъ можетъ быть двоякій: свободный и крѣпостной. Мы уже видѣли историческое значеніе рабства. Оно обнаруживается въ экономической области, также какъ и въ юридической. На низшихъ ступеняхъ экономическаго быта, крѣпостной трудъ можетъ быть выгоднѣе свободнаго. Это признается нынѣ всѣми значительными экономистами. Человѣка, не прошедшаго черезъ школу высшей гражданственности, не привыкшаго къ постоянному труду и не понимающаго своихъ настоящихъ выгодъ, надобно принудить къ работѣ, для того чтобы извлечь изъ нея надлежащую пользу. Дикіе, будучи предоставлены себѣ, мало работаютъ и еще менѣе сберегаютъ. Но крѣпостной трудъ производителенъ только до извѣстной степени. Никогда принужденіе не можетъ замѣнить той внутренней энергіи, которая проистекаетъ изъ свободной самодѣятельности. Свобода одна совмѣстна съ высшимъ существомъ человѣка, а потому одна въ состояніи раскрыть всѣ лежащія въ немъ силы. Рабъ работаетъ лѣниво и безъ участія къ своему дѣлу. Между его человѣческою природою и принудительною работою существуетъ неустранимое противорѣчіе, которое мѣшаетъ успѣшности производства. Поэтому свобода составляетъ высшую норму и цѣль промышленнаго развитія, также какъ она составляетъ высшую норму и цѣль юридическаго порядка. Это едва ли подлежитъ спору.

Между тѣмъ, въ свободѣ кроется начало всякаго индивидуализма. Какъ скоро мы признаемъ свободный трудъ нормальнымъ источникомъ промышленной дѣятельности, такъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы признаемъ, что промышленность есть такая область, въ которой, по самому существу дѣла, долженъ господствовать индивидуализмъ. Слѣдовательно, тѣ, которые возстаютъ противъ индивидуалистическаго начала въ экономическомъ мірѣ, логически должны требовать уничтоженія свободнаго труда. Это и дѣлаютъ послѣдовательные соціалисты. Тѣ же, которые, ополчаясь противъ индивидуализма, стоятъ вмѣстѣ съ тѣмъ за свободу труда, сами не понимаютъ, что говорятъ, и обличаютъ только внутреннее противорѣчіе своихъ воззрѣній. Таковы новѣйшіе соціалисты каѳедры.

Наконецъ, если свобода составляетъ исходную точку и движущую пружину всей экономической дѣятельности, то отъ нея же зависитъ и употребленіе плодовъ этой дѣятельности. Присвоеніе пріобрѣтеннаго тому, кто пріобрѣталъ, есть столько же экономическое, сколько и юридическое начало. Право признаетъ и охраняетъ его съ формальной стороны, во имя справедливости; экономическая наука поддерживаетъ его въ видахъ достиженія наилучшихъ результатовъ дѣятельности: она провозглашаетъ, что только при этомъ началѣ свободный трудъ можетъ быть производителенъ. Внѣ этого остается одно рабство. Слѣдовательно, съ экономической, также какъ и съ юридической точки зрѣнія, свобода и собственность неразрывно связаны другъ съ другомъ. Собственность же состоитъ въ возможности свободно распоряжаться своимъ имуществомъ. Какое употребленіе человѣкъ сдѣлаетъ изъ того, что имъ пріобрѣтено, въ этомъ онъ одинъ судья, и никто другой. Общество можетъ только требовать отъ него извѣстной доли доходовъ на общественныя потребности; въ остальномъ онъ полный хозяинъ. Какъ свободное существо, онъ одинъ судья употребленія своихъ средствъ, также какъ онъ одинъ судья употребленія своихъ силъ. Онъ можетъ обратить ихъ на свою или на чужую пользу; онъ можетъ ихъ потребить или сберечь для новаго производства: во всемъ этомъ рѣшеніе принадлежитъ ему одному. И этимъ только достигается самая цѣль производства— удовлетвореніе потребностей. Если свободный человѣкъ самъ судья своихъ потребностей, то онъ точно также самъ судья своего удовлетворенія. Никто другой за него этого рѣшить не можетъ. Отсюда

общепризнанное правило, что каждый самъ лучшій судья своихъ интересовъ.

Такимъ образомъ, свобода составляетъ начало, середину и конецъ всей промышленной дѣятельности человѣка. Индивидуализмъ господствуетъ здѣсь во всѣхъ сферахъ и на всѣхъ ступеняхъ производства и потребленія. И это вытекаетъ не изъ временной только потребности, не изъ господствующей въ извѣстную эпоху односторонней точки зрѣнія, а изъ самой природы вещей, изъ свободной человѣческой дѣятельности, обращенной на покореніе внѣшней природы цѣлямъ человѣка. Люди могутъ, сколько угодно, соединять свои силы; пока они остаются свободными существами, слѣдовательно хозяевами своихъ силъ и средствъ, это соединеніе можетъ быть только дѣломъ свободнаго соглашенія. Принужденіе въ области экономической дѣятельности совмѣстно лишь съ рабствомъ.

Свобода составляетъ однакоже только формальное начало человѣческой дѣятельности; надобно опредѣлить ея содержаніе. Право довольствуется формальнымъ охраненіемъ свободы, ибо оно само имѣетъ формальный характеръ. Промышленность же даетъ содержаніе дѣятельности; а потому здѣсь необходимо знать: какія цѣли ставитъ себѣ человѣкъ и какими побужденіями онъ руководится?

Въ экономической области, побужденіями къ дѣятельности могутъ быть: 1) принужденіе—начало несвободнаго труда; 2) личный интересъ, или промышленная выгода; 3) нравственное начало—любовь; 4) общественное начало—стремленіе къ общей пользѣ.

Если мы взглянемъ на то, что происходитъ въ дѣйствительности, то мы увидимъ, что побужденіемъ къ промышленной дѣятельности всегда были и есть только два первыя начала: принужденіе составляетъ источникъ несвободнаго труда, личный интересъ—источникъ труда свободнаго. Остальныя два начала являются случайно и не играютъ существенной роли въ экономической жизни человѣчества. Это относится не къ современному только состоянію обществъ, въ которыхъ, какъ увѣряютъ, господствуетъ односторонній индивидуализмъ, но и ко всему прошедшему. Даже при крѣпостномъ трудѣ, господствующимъ началомъ является личный интересъ рабовладѣльцевъ, которому насильственно служатъ рабы. Отличіе современнаго порядка отъ всѣхъ предшествующихъ историческихъ ступеней заключается единственно въ томъ, что принудительный трудъ совершенно отмѣненъ, и остается одинъ трудъ свободный. Вслѣдствіе этого,

личный интересъ сдѣлался исключительно владычествующимъ началомъ промышленнаго быта.

Таковы факты, раскрываемые опытомъ. Если мы, руководствуясь опытною методою, будемъ видѣть въ явленіяхъ выраженіе естественныхъ законовъ человѣческой жизни, то мы должны будемъ сказать, что по свойствамъ человѣческой природы, личный интересъ составляетъ основное начало всей промышленной дѣятельности. Напрасно противъ этого возставать или объ этомъ жалѣть; это—міровой фактъ, который можно устранить только измѣнивши самую природу человѣка, и замѣнивши иными побужденіями тѣ, которыми онъ руководствовался отъ самаго начала своего существованія и до нашихъ дней.

Между тѣмъ, именно къ этому стремятся соціалисты. Отвергая міровой опытъ, они противополагаютъ тому, что есть, то, что должно быть; они хотятъ передѣлать человѣка на новый ладъ и указываютъ ему въ будущемъ совершенно иныя побужденія, нежели тѣ, которыми онъ руководствуется въ дѣйствительности. Не личный интересъ, а нравственное и общественное начала должны, по ихъ увѣренію, служить источникомъ промышленной дѣятельности.

Возможно ли подобное превращеніе? и имѣетъ ли такое требованіе какое нибудь основаніе? Если, не довольствуясь наслѣдованіемъ фактовъ, мы станемъ изыскивать причины явленій, не увлекаясь односторонними взглядами, а стараясь сохранить безпристрастную точку зрѣнія, мы легко убѣдимся, что то, въ чемъ удостовѣряетъ насъ міровой опытъ, не есть нѣчто случайное и преходящее, а вытекаетъ изъ самой природы вещей. Каждая отрасль человѣческой дѣятельности имѣетъ свое начало, которое составляетъ въ ней движущую силу, или жизненный элементъ: въ религіи стремленіе къ единенію съ Божествомъ, въ наукѣ любовь къ истинѣ, въ искусствѣ чувство красоты, въ политической жизни желаніе общаго блага, наконецъ въ промышленной области стремленіе къ хозяйственной выгодѣ. Вся цѣль человѣка, прилагающаго свой трудъ къ покоренію природы, состоитъ въ томъ, чтобы произвести въ матеріальной области болѣе, нежели онъ тратитъ, и употребить этотъ избытокъ на удовлетвореніе человѣческихъ потребностей. Это и есть матеріальная выгода, составляющая цѣль всякой промышленной дѣятельности, слѣдовательно интересъ дѣйствующаго лица. А такъ какъ произведенное человѣкомъ принадлежитъ ему, и никому другому, и эта дѣятельность необходима для поддержанія собственной

его жизни и для улучшенія его быта, то по самому существу дѣла, этотъ интересъ есть, прежде всего, интересъ личный. Затѣмъ человѣкъ воленъ пріобрѣтеннымъ распоряжаться какъ ему угодно, жертвовать своимъ достояніемъ на пользу ближнихъ, раздавать свое имѣніе нищимъ: все это не только не исключается промышленною дѣятельностью, но все это возможно единственно подъ условіемъ промышленной дѣятельности, поставляющей себѣ цѣлью матеріальную выгоду. Для того чтобы раздавать свое имущество, надобно его предварительно пріобрѣсти; пріобрѣтаетъ же не тотъ, кто ставитъ себѣ задачею не получать никакой выгоды, а именно тотъ, кто имѣетъ въ виду получить выгоду. Въ противномъ случаѣ, онъ не пріобрѣтетъ, а разорится, и ему нечего будетъ раздавать. Промышленная дѣятельность даетъ средства для благотворительности, но она сама не есть благотворительность. Если въ послѣдней человѣкъ побуждается безкорыстною любовью къ ближнему, то въ первой онъ побуждается стремленіемъ къ матеріальной выгодѣ, безъ которой невозможно никакое промышленное производство. Наивыгоднѣйшее приложеніе своего труда и своихъ средствъ, таково коренное начало, управляющее всею областью экономическихъ отношеній.

Противъ этого говорятъ, что такое возрѣніе ничто иное какъ освященіе грубѣйшаго эгоизма и отрицаніе въ человѣкѣ всякихъ нравственныхъ побужденій. Эти возгласы до сихъ поръ повторяются и соціалистами-утопистами и соціалистами каѳедры. Но едва ли въ нихъ можно найти что либо, кромѣ риторики. Когда политическую экономію обвиняютъ въ эгоизмѣ, то хотятъ ненавистнымъ словомъ прикрыть скудость понятій.

Въ дѣйствительности, эгоизмъ и личный интересъ вовсе не тождественны. Эгоизмъ есть извращеніе личнаго интереса; это—личный интересъ, отрицающій всякія нравственныя побужденія въ человѣкѣ, и не признающій ничего, кромѣ самого себя. Между тѣмъ, личный интересъ самъ по себѣ, и особенно въ той формѣ, въ которой онъ является въ правильной промышленной дѣятельности, вовсе не исключаетъ нравственныхъ побужденій; напротивъ, онъ допускаетъ ихъ вполнѣ.

Стремленіе къ промышленной выгодѣ, составляющее основное начало промышленной дѣятельности, имѣетъ свой корень въ неизгладимыхъ потребностяхъ человѣческой природы. Для того чтобы жить,

человѣкъ нуждается въ матеріальныхъ благахъ, а эти блага надобно пріобрѣсти. Какъ существо, живущее не однимъ настоящимъ днемъ, онъ пріобрѣтаетъ и для будущаго. Наконецъ, какъ развивающееся существо, онъ имѣетъ вѣчно присущее ему стремленіе къ улучшенію своего матеріальнаго состоянія. Такое стремленіе не только не противорѣчитъ нравственнымъ требованіямъ, а составляетъ одну изъ существенныхъ и необходимыхъ задачъ человѣческой жизни. Если-бы человѣкъ былъ созданъ чисто духовнымъ существомъ, то вся эта сторона его природы несомнѣнно бы отпадала. Но въ немъ соединяется двоякій элементъ: тѣлесный и духовный. Человѣкъ поставленъ въ матеріальной средѣ, и земное его призваніе состоитъ въ томъ, чтобы подчинить себѣ физическую природу. Улучшеніе матеріальнаго быта составляетъ необходимое условіе самаго духовнаго развитія. Человѣкъ, гнетомый нуждою, принужденный посвятить всю свою жизнь матеріальному труду и удовлетворенію физическихъ потребностей, не имѣетъ ни возможности, ни досуга развиваться умственно. Только въ обществахъ, гдѣ есть матеріальное обезпеченіе, является высшая духовная жизнь. Исторія доказываетъ это неопровержимымъ образомъ.

Самая дѣятельность, посредствомъ которой въ свободномъ обществѣ пріобрѣтается матеріальное благосостояніе, носитъ на себѣ нравственный характеръ. Трудъ есть не только экономическое, но и нравственное начало. Признаніе высокаго его нравственнаго значенія знаменуетъ тотъ громадный шагъ, который сдѣлала промышленность новаго времени въ сравненіи съ древностью. Источники капитала, предусмотрительность и сбереженіе, суть тоже нравственныя качества. Ими держится порядокъ матеріальной жизни, который составляетъ одно изъ условій порядка нравственнаго. Преслѣдуя свои личные интересы, человѣкъ, безъ сомнѣнія, можетъ перейти положенную закономъ границу: онъ можетъ нарушить, какъ чужое право, такъ и нравственныя требованія. Мы не разъ уже имѣли случай замѣтить, что таково свойство всякой свободы: свобода добра есть вмѣстѣ и свобода зла. Но это извращеніе законнаго стремленія къ хозяйственной выгодѣ въ преступный эгоизмъ, неизбѣжное при свободной дѣятельности, вовсе не составляетъ коренного начала промышленнаго развитія. Напротивъ, ничто такъ не содѣйствуетъ успѣхамъ промышленности, какъ уваженіе къ праву и соблюденіе нравственныхъ требованій; и чѣмъ выше промышленное развитіе, тѣмъ эти условія

становятся необходимѣе. О правѣ никто и не споритъ. Но тоже самое относится и къ нравственнымъ требованіямъ: только при честности въ сдѣлкахъ и при соблюденіи обоюдной выгоды возможны прочныя торговыя связи, возможенъ и кредитъ.

Наконецъ, поставляя себѣ цѣлью хозяйственную выгоду, человѣкъ дѣйствуетъ не для одного себя. Личная жизнь тѣсно связана съ жизнью семьи. Улучшая свой матеріальный бытъ, человѣкъ заботится и о благосостояніи семейства, онъ хочетъ обезпечить своихъ дѣтей, и это составляетъ одно изъ высшихъ нравственныхъ побужденій человѣческой дѣятельности. Не лишенный нравственнаго чувства человѣкъ удѣляетъ и другимъ часть своего избытка. Пріобрѣтая, онъ благотворитъ. Такимъ образомъ, преслѣдованіе личнаго интереса служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ источникомъ нравственной дѣятельности, но дѣятельности свободной, а не принудительной, ибо всякая нравственная дѣятельность основана на свободѣ, и имѣетъ необходимымъ условіемъ свободу: иначе она перестаетъ быть нравственною.

Изъ всего этого ясно, что коренное начало промышленной дѣятельности, стремленіе къ матеріальной выгодѣ, или личный интересъ, въ существѣ своемъ не противорѣчитъ нравственнымъ требованіямъ, а напротивъ, совершенно съ ними совмѣстно. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы нравственная и экономическая точка зрѣнія совпадали. Такъ какъ онѣ принадлежатъ къ различнымъ сферамъ, то онѣ могутъ и расходиться. Извѣстная дѣятельность можетъ быть въ высшей степени нравственная и вовсе не выгодная въ промышленномъ отношеніи, и наоборотъ, выгодная дѣятельность можетъ не соотвѣтствовать требованіямъ нравственности. Имѣетъ ли въ виду купецъ исключительно свое личное обогащеніе или обезпеченіе своей семьи, сберегаетъ ли человѣкъ изъ благоразумной предусмотрительности или изъ алчности къ деньгамъ, нравственный характеръ его дѣятельности будетъ совершенно разный, но экономическій результатъ будетъ одинъ и тотъ же. И это послѣднее составляетъ единственное, что подлежитъ разсмотрѣнію экономической науки; до внутреннихъ побужденій человѣка ей нѣтъ дѣла. Нравственность входитъ въ область ея изслѣдованія лишь на столько, на сколько она дѣйствуетъ на экономическій бытъ. Такъ напримѣръ, еслибы какой либо законодатель вздумалъ отмѣнить наслѣдство, то этимъ, безъ сомнѣнія, уничтожилось бы одно изъ важнѣйшихъ нравственныхъ побуж-

дений человѣческой дѣятельности; но для экономической науки это побужденіе имѣетъ значеніе не какъ нравственное, а какъ экономическое: она должна сказать, что черезъ это исчезла бы одна изъ важнѣйшихъ пружинъ промышленнаго производства. Точно также она скажетъ, что безразсудная благотворительность, хотя и проистекающая изъ чистыхъ побужденій, вредно дѣйствуетъ на экономическій бытъ, ибо она развиваетъ нищенство и устраняетъ необходимость труда и предусмотрительности. Нравственныя требованія, безъ сомнѣнія, представляютъ собою высшее начало, ибо нравственный законъ составляетъ верховное руководящее правило человѣческой совѣсти; но этотъ законъ не замѣняетъ собою всѣхъ другихъ началъ человѣческой жизни: онъ полагаетъ имъ только границы. Экономическій бытъ, также какъ наука и искусство, составляетъ самостоятельную область человѣческой дѣятельности. Онъ имѣетъ свои собственные, присущіе ему законы и требованія, изъ которыхъ возникаетъ цѣлый міръ своеобразныхъ отношеній, коренящихся въ самыхъ основахъ человѣческой природы и имѣющихъ вполнѣ законное право на существованіе.

Поэтому не можетъ быть рѣчи о замѣнѣ экономическихъ побужденій нравственными въ области матеріальнаго производства. Безкорыстная любовь къ ближнему столь же мало можетъ заступить мѣсто стремленія къ хозяйственной выгодѣ, какъ она можетъ замѣнить въ искусствѣ творческую силу и чувство красоты. Художественное произведеніе, вытекшее не изъ свободной творческой фантазіи, а изъ самыхъ почтенныхъ нравственныхъ цѣлей, будетъ невыносимо скучно и лишено всякаго художественнаго значенія. Точно также и промышленное предпріятіе, основанное не на расчетѣ, а на любви, будетъ разорительно. Высшая задача человѣческой жизни состоитъ не въ замѣнѣ однихъ началъ другими, а въ ихъ соглашеніи, въ той гармоніи всѣхъ жизненныхъ элементовъ, которая составляетъ верховный идеалъ человѣческаго развитія. Это соглашеніе достигается тѣмъ, что въ общемъ порядкѣ человѣческой жизни каждый элементъ получаетъ принадлежащее ему мѣсто, какъ самобытный источникъ жизненныхъ отношеній, и дѣйствуетъ, не преступая своихъ границъ, не нарушая высшихъ требованій, но и не лишаясь своей самостоятельности. Судьею же той мѣры, которая полагается каждому, при свободной дѣятельности, можетъ быть только само свободное лице. Въ особенности, гдѣ дѣло идетъ о нравственныхъ

побужденіяхъ, рѣшеніе принадлежитъ исключительно личной совѣсти, ибо нравственность существуетъ только подъ условіемъ свободы. Поэтому людей, дѣйствующихъ въ промышленномъ мірѣ и поставляющихъ себѣ цѣлью хозяйственную выгоду, можно только убѣждать, чтобы они въ своей дѣятельности сообразовались съ нравственными требованіями. Такое убѣжденіе составляетъ дѣло практическихъ моралистовъ и въ особенности религіозныхъ проповѣдниковъ, ибо только съ помощью религіи нравственное убѣжденіе можетъ дѣйствовать на массы. Экономическая же наука не можетъ принять на себя такой задачи, не потерявши своего научнаго характера. Экономическая наука, которая захотѣла бы дѣйствовать на совѣсть, превратилась бы въ невыносимую нравственную проповѣдь.

Если же, не довольствуясь убѣжденіемъ, мы вздумали бы самый экономическій бытъ перестроить на началахъ любви, то мы не только извратили бы господствующія въ немъ промышленныя начала, но произвели бы насиліе надъ человѣческою совѣстью. Это именно и дѣлаетъ коммунизмъ. Онъ хочетъ весь экономическій строй общества основать на началѣ братства. Тутъ любовь перестаетъ быть свободнымъ влеченіемъ сердца; она становится принудительнымъ началомъ. Всѣ обязаны быть братьями, ибо все, по закону общежитія, признается общимъ всѣмъ. Большей тиранніи невозможно себѣ представить, а вмѣстѣ съ тѣмъ невозможно представить болѣе коренного извращенія, какъ нравственныхъ, такъ и экономическихъ законовъ. Принудительная нравственность есть безнравственность; она подавляетъ то самое начало, которое она хочетъ поддержать. Приложенная же къ экономической дѣятельности, она ведетъ не къ обогащенію, а къ разоренію. Поэтому коммунизмъ, какъ начало экономическаго быта, никогда не могъ и не можетъ осуществиться. Онъ остается мечтою утопистовъ.

Тотъ же характеръ носитъ на себѣ всякое требованіе принудительнаго введенія нравственныхъ началъ въ экономическія отношенія. Это ничто иное какъ менѣе послѣдовательный коммунизмъ. Государство, путемъ права, ограждаетъ свободу лицъ; но заставить ихъ въ преслѣдованіи своихъ промышленныхъ выгодъ руководствоваться тѣми или другими цѣлями оно не можетъ иначе, какъ посягая на свободу и насилуя совѣсть. Тутъ позволительно дѣйствовать единственно убѣжденіемъ. Свобода и въ этомъ отношеніи остается верховнымъ руководящимъ началомъ экономической дѣятельности.

Между тѣмъ, именно это стремленіе подчинить нравственнымъ началамъ экономическую область составляетъ характеристическую черту новѣйшей экономической школы въ Германіи. Эта школа, которая подаетъ руку соціализму, именуетъ себя реалистическою, но здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, реализмъ, какъ lucus a non lucendo, означаетъ только противорѣчіе всему существующему.

Не рѣшаясь, подобно коммунистамъ, совершенно отвергать міровой опытъ, который указываетъ на личный интересъ, какъ на главную движущую пружину экономической дѣятельности, приверженцы этой школы пытаются однако измѣнить существующій порядокъ введеніемъ въ него нравственныхъ требованій. Но такъ какъ эти требованія не подкрѣпляются изслѣдованіямъ существа нравственныхъ началъ и отношенія ихъ къ другимъ жизненнымъ элементамъ, а основаны лишь на смутныхъ представленіяхъ, то отсюда вытекаетъ эклектическая система, въ которой мы тщетно стали бы искать какихъ-либо точныхъ опредѣленій.

Таковымъ именно представляется ученіе Адольфа Вагнера. Излагая основанія экономической науки, онъ признаетъ, совершенно согласно съ сказаннымъ выше, что человѣкъ, въ своихъ отношеніяхъ къ внѣшней природѣ, является существомъ нуждающимся, вслѣдствіе чего въ немъ рождается стремленіе къ удовлетворенію. Послѣднее представляется, въ отношеніи къ необходимымъ средствамъ жизни, какъ стремленіе къ самосохраненію, а въ отношеніи къ излишку какъ личный интересъ. «Это стремленіе, продолжаетъ Вагнеръ, прирождено человѣку, и въ обоихъ своихъ видахъ нравственно оправдывается; поэтому оно можетъ быть названо корыстолюбіемъ, или эгоизмомъ, не какъ таковое, а только въ своемъ извращеніи, когда оно приписываетъ себѣ значеніе, не обращая вниманія на предѣлы, положенные ему совѣстью или нравственнымъ закономъ и правомъ». Во всякой дѣятельности, обращенной на удовлетвореніе потребностей, человѣка руководитъ и должно руководить начало экономическое или хозяйственное, то есть, стремленіе предпринимать лишь такую работу, при которой, по его сужденію, пріятность удовлетворенія перевѣшиваетъ непріятность работы, а также и дальнѣйшее стремленіе получить наибольшую сумму удовлетвореній за возможно меньшія усилія и жертвы. Хозяйствомъ, говоритъ Вагнеръ, мы называемъ систематическую дѣятельность, руководимую этимъ началомъ, хозяйственною природою человѣка ту, которая опредѣляется существомъ

потребностей и ихъ удовлетворенія, значеніемъ труда и оцѣнкою всѣхъ этихъ моментовъ на основаніи экономическаго принципа, наконецъ наукою хозяйства, или экономикою, ту науку, которая излагаетъ ученіе о хозяйствѣ въ вышеприведенномъ смыслѣ [1]).

Точно также и другой корифей новѣйшей нравственно-экономической школы, Шмоллеръ, давая личному интересу названіе эгоизма, говоритъ: «что эгоизмъ долженъ быть принятъ въ соображеніе; что онъ не можетъ быть подавленъ и не долженъ быть совершенно подавленъ; что онъ въ извѣстныхъ границахъ составляетъ правомѣрное и необходимое топливо, поддерживающее машину въ движеніи. это разумѣется само собою, объ этомъ понимающему дѣло не нужно и говорить». Тутъ Шмоллеръ сравниваетъ эгоизмъ съ паромъ въ паровой машинѣ, при чемъ однако онъ тутъ же сравниваетъ его и съ желѣзомъ, изъ котораго сдѣлана также самая машина [2]). Вообще, подобія служатъ весьма хорошимъ средствомъ для избѣжанія точности научныхъ понятій.

Но признавая личную выгоду кореннымъ началомъ или движущею силою промышленной дѣятельности, приверженцы нравственной школы утверждаютъ, что въ дѣйствительности это начало не всегда и не вездѣ дѣйствуетъ одинаково, а видоизмѣняется нравственными и юридическими требованіями. «Въ моихъ глазахъ, говоритъ Шмоллеръ, ученіе объ эгоизмѣ, или объ интересѣ, какъ о психологически постоянной и равномѣрной исходной точкѣ всѣхъ хозяйственныхъ дѣйствій, ничто иное какъ неосновательное и поверхностное воззрѣніе.... Конкретный, рѣшающій вопросъ состоитъ въ томъ, какъ въ извѣстное время и въ извѣстныхъ кругахъ это стремленіе видоизмѣняется культурною работою тысячелѣтій, какъ и въ какой мѣрѣ оно проникло и пропиталось нравственными и юридическими представленіями» [3]). «Субъектъ частнаго хозяйства, говоритъ съ своей стороны Адольфъ Вагнеръ, обыкновенно единичное лице, даже въ своихъ хозяйственныхъ отношеніяхъ не легко опредѣляется какимъ нибудь однимъ влеченіемъ, напримѣръ хозяйственнымъ личнымъ интересомъ; и тутъ другія силы совмѣстно опредѣляютъ его волю и его дѣйствія. Именно это, а не безусловное опредѣленіе единымъ

[1]) Lehrbuch der Pol. Ock. Grundlegung. §§ 1, 3, 4.

[2]) Ueber einige Grundfragen des Rechts und der Volkswirthschaft, стр. 37, 38.

[3]) Ueber einige Grundfragen etc. стр. 37.

влеченіемъ вытекаетъ изъ существа человѣка. Эти другія, содѣйствующія силы могутъ быть характеризованы какъ нравственно хорошія или дурныя, смотря по тому, даютъ ли онѣ человѣческой волѣ выгодное или невыгодное отклоненіе отъ направленія, указаннаго хозяйственнымъ личнымъ интересомъ субъекта». Къ нравственно хорошимъ силамъ Вагнеръ относитъ любовь и чувство долга, которыя составляютъ движущую пружину благотворительности; хотя онѣ заключаютъ въ себѣ опасность нехозяйственности, однако изъ этого вытекаетъ только требованіе разумнаго ихъ направленія. Къ дурнымъ же относится эгоистическое извращеніе хозяйственнаго интереса. Существованіе этихъ силъ, продолжаетъ Вагнеръ, есть несомнѣнный фактъ; а потому «принятіе во вниманіе нравственныхъ силъ, фактически видоизмѣняющихъ личный интересъ, наукою народнаго хозяйства не ведетъ къ смѣшенію этики и экономики, а включаетъ только хозяйственныя дѣйствія въ порядокъ нравственныхъ дѣйствій, за которыя существуетъ личная отвѣтственность» (Grundlegung. §§ 132, 133).

Не смотря на это увѣреніе, мы не можемъ не сказать, что тутъ господствуетъ значительная путаница понятій. Что личный интересъ не всегда дѣйствуетъ какъ однородная и равномѣрная сила, въ этомъ никто никогда не сомнѣвался. Всякій экономистъ, къ какой бы школѣ онъ ни принадлежалъ, знаетъ, что есть люди, понимающіе свой интересъ и не понимающіе, расчетливые и не расчетливые, увлекающіеся и благоразумные, обогащающіеся и разоряющіеся. Никто не сомнѣвается и въ существованіи нравственныхъ вліяній. Самъ Адольфъ Вагнеръ говоритъ, что «защитники системы свободнаго соперничества не могутъ не признать, и только въ видѣ исключенія не признаютъ, значенія и правомѣрности этихъ силъ» (§ 133). Поэтому совершенно напрасно приписывать имъ мнѣніе, будто личный интересъ дѣйствуетъ какъ естественная сила, не подчиняющаяся нравственнымъ вліяніямъ и избавляющая человѣка отъ всякой отвѣтственности. Экономисты, въ противоположность соціалистамъ, стоятъ именно за свободу, а гдѣ есть свобода, тамъ есть и отвѣтственность. Рошеръ прямо даже это высказываетъ [1]). Свобода имѣетъ свои законныя границы, юридическія и нравственныя, которыя человѣкъ можетъ преступать, но которыя, тѣмъ не менѣе,

[1]) Grundlagen, § 18.

вѣчно остаются высшею нормою его дѣятельности. Вопросъ состоитъ вовсе не въ томъ: долженъ ли человѣкъ въ своей хозяйственной дѣятельности сообразоваться съ нравственными законами или нѣтъ? На это не можетъ быть двухъ отвѣтовъ. Если человѣкъ нарушаетъ юридическій законъ, онъ подлежитъ наказанію; если, держась въ предѣлахъ юридическаго закона, онъ преступаетъ нравственный законъ, онъ не подлежитъ наказанію, но онъ подлежитъ осужденію. Экономисты и соціалисты на этотъ счетъ согласны. Вопросъ заключается не въ границахъ, а въ содержаніи дѣятельности, въ тѣхъ побужденіяхъ, которыми руководится человѣкъ, и въ томъ, кто является судьею этихъ побужденій?

Какимъ побужденіемъ опредѣляется свободная дѣятельность человѣка въ промышленной области, личнымъ интересомъ или чувствомъ долга, стремленіемъ къ хозяйственной выгодѣ или безкорыстною любовью къ людямъ? Когда онъ пашетъ землю, заводитъ фабрики, торгуетъ, посылаетъ корабли свои въ отдаленныя страны, когда онъ даетъ и получаетъ кредитъ, имѣетъ ли онъ цѣлью получить прибыль, или облагодѣтельствовать своихъ ближнихъ? Всякая торговая сдѣлка служитъ на это отвѣтомъ. Во всякой сдѣлкѣ взвѣшиваются обоюдныя выгоды, и на этомъ основаніи производится мѣна. Нравственныя же требованія полагаютъ только границы дѣйствію личнаго интереса: каждая изъ договаривающихся сторонъ имѣетъ право искать своей выгоды, но не обманывая другой и не употребляя осужденныхъ нравственностью средствъ, при чемъ судьею, какъ своихъ выгодъ, такъ и своихъ нравственныхъ побужденій, остается отдѣльное лице. Сами соціалисты каѳедры, какъ мы видѣли, когда они полагаютъ общія основанія хозяйственной дѣятельности, признаютъ личный интересъ движущею ея пружиною: но въ приложеніи все у нихъ смѣшивается, и мы, къ удивленію, находимъ у Вагнера систему благотворительности поставленную на ряду съ частною промышленностью, какъ будто это двѣ отрасли, которыя можно сопоставить, какъ истекающія изъ одного общаго начала, или какъ два вида одного и того же рода. Между тѣмъ, если мы возьмемъ приведенное выше опредѣленіе хозяйства, которое дается самимъ Вагнеромъ, то мы увидимъ, что благотворительность вовсе подъ него не подходитъ. Благотворительность не руководится экономическимъ принципомъ; она не расчитываетъ, на сколько пріобрѣтенное лицемъ богатство превосходитъ приложенный къ нему трудъ.

Въ отличіе отъ промышленной дѣятельности, благотворительность ничего не производитъ и не пріобрѣтаетъ, а пріобрѣтенное инымъ путемъ употребляетъ на чужую пользу, руководствуясь не хозяйственнымъ расчетомъ, а безкорыстною любовью къ ближнему. Благотворительность и хозяйственная дѣятельность въ своихъ основаніяхъ противоположны другъ другу; а потому поставленіе ихъ рядомъ, какъ двухъ видовъ одного рода, составляетъ чудовищное посягательство на логику.

Такое же смѣшеніе понятій мы встрѣчаемъ и у Шмоллера. У него личный интересъ представляется въ видѣ естественной силы, которая получаетъ окраску, форму и направленіе отъ нравственныхъ дѣятелей. Подъ именемъ нравственныхъ дѣятелей онъ разумѣетъ все, что даетъ извѣстную правильность человѣческимъ дѣйствіямъ. «Безъ твердыхъ правовъ, говоритъ онъ, нѣтъ рынка, нѣтъ мѣны, нѣтъ денежнаго оборота, нѣтъ раздѣленія труда, нѣтъ кастъ, нѣтъ рабовъ, нѣтъ государственнаго быта» [1]). Какъ будто рынокъ, мѣна, денежный оборотъ и раздѣленіе труда не суть произведенія того же самаго личнаго интереса, побуждающаго человѣка къ промышленной дѣятельности! Не говоримъ о кастахъ, рабахъ и государственномъ бытѣ, которые приведены тутъ единственно для затемненія дѣла. Личный интересъ можно, пожалуй, сравнивать съ паромъ, движущимъ машину, но не надобно забывать, что этотъ паръ есть внутреннее свойство свободнаго лица, которое само даетъ своей дѣятельности окраску и форму и направленіе. Преслѣдуя свой личный интересъ, человѣкъ, безъ сомнѣнія, долженъ соображаться съ требованіями окружающаго его міра, какъ физическаго, такъ и нравственнаго. Дѣйствуя на природу, онъ долженъ подчиняться ея законамъ; приходя въ соприкосновеніе съ свободою другихъ лицъ, онъ встрѣчаетъ преграды, полагаемыя юридическимъ порядкомъ, который онъ не можетъ преступить, не подвергаясь наказанію; наконецъ, въ своей совѣсти онъ находитъ нравственный законъ, который онъ не можетъ нарушать, не посягая на свое человѣческое достоинство. Но именно въ послѣднемъ случаѣ единственнымъ судьею является его личная совѣсть, отъ которой зависитъ соблюдать законъ или нѣтъ. Поэтому всякое приложеніе нравственныхъ началъ къ экономической области должно обращаться исключительно

[1]) Ueber einige Grundfragen etc. стр. 33, 34

его жизни и для улучшенія его быта, то по самому существу дѣла, этотъ интересъ есть, прежде всего, интересъ личный. Затѣмъ человѣкъ воленъ пріобрѣтеннымъ распоряжаться какъ ему угодно, жертвовать своимъ достояніемъ на пользу ближнихъ, раздавать свое имѣніе нищимъ: все это не только не исключается промышленною дѣятельностью, но все это возможно единственно подъ условіемъ промышленной дѣятельности, поставляющей себѣ цѣлью матеріальную выгоду. Для того чтобы раздавать свое имущество, надобно его предварительно пріобрѣсти; пріобрѣтаетъ же не тотъ, кто ставитъ себѣ задачею не получать никакой выгоды, а именно тотъ, кто имѣетъ въ виду получить выгоду. Въ противномъ случаѣ, онъ не пріобрѣтетъ, а разорится, и ему нечего будетъ раздавать. Промышленная дѣятельность дастъ средства для благотворительности, но она сама не есть благотворительность. Если въ послѣдней человѣкъ побуждается безкорыстною любовью къ ближнему, то въ первой онъ побуждается стремленіемъ къ матеріальной выгодѣ, безъ которой невозможно никакое промышленное производство. Наивыгоднѣйшее приложеніе своего труда и своихъ средствъ, таково коренное начало, управляющее всею областью экономическихъ отношеній.

Противъ этого говорятъ, что такое возрѣніе ничто иное какъ освященіе грубѣйшаго эгоизма и отрицаніе въ человѣкѣ всякихъ нравственныхъ побужденій. Эти возгласы до сихъ поръ повторяются и соціалистами-утопистами и соціалистами каѳедры. Но едва ли въ нихъ можно найти что либо, кромѣ риторики. Когда политическую экономію обвиняютъ въ эгоизмѣ, то хотятъ ненавистнымъ словомъ прикрыть скудость понятій.

Въ дѣйствительности, эгоизмъ и личный интересъ вовсе не тождественны. Эгоизмъ есть извращеніе личнаго интереса; это—личный интересъ, отрицающій всякія нравственныя побужденія въ человѣкѣ, и не признающій ничего, кромѣ самого себя. Между тѣмъ, личный интересъ самъ по себѣ, и особенно въ той формѣ, въ которой онъ является въ правильной промышленной дѣятельности, вовсе не исключаетъ нравственныхъ побужденій; напротивъ, онъ допускаетъ ихъ вполнѣ.

Стремленіе къ промышленной выгодѣ, составляющее основное начало промышленной дѣятельности, имѣетъ свой корень въ неизгладимыхъ потребностяхъ человѣческой природы. Для того чтобы жить,

человѣкъ нуждается въ матеріальныхъ благахъ, а эти блага надобно пріобрѣсти. Какъ существо, живущее не однимъ настоящимъ днемъ, онъ пріобрѣтаетъ и для будущаго. Наконецъ, какъ развивающееся существо, онъ имѣетъ вѣчно присущее ему стремленіе къ улучшенію своего матеріальнаго состоянія. Такое стремленіе не только не противорѣчитъ нравственнымъ требованіямъ, а составляетъ одну изъ существенныхъ и необходимыхъ задачъ человѣческой жизни. Если бы человѣкъ былъ созданъ чисто духовнымъ существомъ, то вся эта сторона его природы несомнѣнно бы отпадала. Но въ немъ соединяется двоякій элементъ: тѣлесный и духовный. Человѣкъ поставленъ въ матеріальной средѣ, и земное его призваніе состоитъ въ томъ, чтобы подчинить себѣ физическую природу. Улучшеніе матеріальнаго быта составляетъ необходимое условіе самаго духовнаго развитія. Человѣкъ, гнетомый нуждою, принужденный посвятить всю свою жизнь матеріальному труду и удовлетворенію физическихъ потребностей, не имѣетъ ни возможности, ни досуга развиваться умственно. Только въ обществахъ, гдѣ есть матеріальное обезпеченіе, является высшая духовная жизнь. Исторія доказываетъ это неопровержимымъ образомъ.

Самая дѣятельность, посредствомъ которой въ свободномъ обществѣ пріобрѣтается матеріальное благосостояніе, носитъ на себѣ нравственный характеръ. Трудъ есть не только экономическое, но и нравственное начало. Признаніе высокаго его нравственнаго значенія знаменуетъ тотъ громадный шагъ, который сдѣлала промышленность новаго времени въ сравненіи съ древностью. Источники капитала, предусмотрительность и сбереженіе, суть тоже нравственныя качества. Ими держится порядокъ матеріальной жизни, который составляетъ одно изъ условій порядка нравственнаго. Преслѣдуя свои личные интересы, человѣкъ, безъ сомнѣнія, можетъ перейти положенную закономъ границу: онъ можетъ нарушить, какъ чужое право, такъ и нравственныя требованія. Мы не разъ уже имѣли случай замѣтить, что таково свойство всякой свободы: свобода добра есть вмѣстѣ и свобода зла. Но это извращеніе законнаго стремленія къ хозяйственной выгодѣ въ преступный эгоизмъ, неизбѣжное при свободной дѣятельности, вовсе не составляетъ коренного начала промышленнаго развитія. Напротивъ, ничто такъ не содѣйствуетъ успѣхамъ промышленности, какъ уваженіе къ праву и соблюденіе нравственныхъ требованій; и чѣмъ выше промышленное развитіе, тѣмъ эти условія

становятся необходимѣе. О правѣ никто и не споритъ. Но тоже самое относится и къ нравственнымъ требованіямъ: только при честности въ сдѣлкахъ и при соблюденіи обоюдной выгоды возможны прочныя торговыя связи, возможенъ и кредитъ.

Наконецъ, поставляя себѣ цѣлью хозяйственную выгоду, человѣкъ дѣйствуетъ не для одного себя. Личная жизнь тѣсно связана съ жизнью семьи. Улучшая свой матеріальный бытъ, человѣкъ заботится и о благосостояніи семейства, онъ хочетъ обезпечить своихъ дѣтей, и это составляетъ одно изъ высшихъ нравственныхъ побужденій человѣческой дѣятельности. Не лишенный нравственнаго чувства человѣкъ удѣляетъ и другимъ часть своего избытка. Пріобрѣтая, онъ благотворитъ. Такимъ образомъ, преслѣдованіе личнаго интереса служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ источникомъ нравственной дѣятельности, но дѣятельности свободной, а не принудительной, ибо всякая нравственная дѣятельность основана на свободѣ, и имѣетъ необходимымъ условіемъ свободу: иначе она перестаетъ быть нравственною.

Изъ всего этого ясно, что коренное начало промышленной дѣятельности, стремленіе къ матеріальной выгодѣ, или личный интересъ, въ существѣ своемъ не противорѣчитъ нравственнымъ требованіямъ, а напротивъ, совершенно съ ними совмѣстно. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы нравственная и экономическая точка зрѣнія совпадали. Такъ какъ онѣ принадлежатъ къ различнымъ сферамъ, то онѣ могутъ и расходиться. Извѣстная дѣятельность можетъ быть въ высшей степени нравственная и вовсе не выгодная въ промышленномъ отношеніи, и наоборотъ, выгодная дѣятельность можетъ не соотвѣтствовать требованіямъ нравственности. Имѣетъ ли въ виду купецъ исключительно свое личное обогащеніе или обезпеченіе своей семьи, сберегаетъ ли человѣкъ изъ благоразумной предусмотрительности или изъ алчности къ деньгамъ, нравственный характеръ его дѣятельности будетъ совершенно разный, но экономическій результатъ будетъ одинъ и тотъ же. И это послѣднее составляетъ единственное, что подлежитъ разсмотрѣнію экономической науки; до внутреннихъ побужденій человѣка ей нѣтъ дѣла. Нравственность входитъ въ область ея изслѣдованія лишь на столько, на сколько она дѣйствуетъ на экономическій бытъ. Такъ напримѣръ, еслибы какой либо законодатель вздумалъ отмѣнить наслѣдство, то этимъ, безъ сомнѣнія, уничтожилось бы одно изъ важнѣйшихъ нравственныхъ побуж-

деній человѣческой дѣятельности; но для экономической науки это побужденіе имѣетъ значеніе не какъ нравственное, а какъ экономическое: она должна сказать, что черезъ это исчезла бы одна изъ важнѣйшихъ пружинъ промышленнаго производства. Точно также она скажетъ, что безразсудная благотворительность, хотя и проистекающая изъ чистыхъ побужденій, вредно дѣйствуетъ на экономическій бытъ, ибо она развиваетъ нищенство и устраняетъ необходимость труда и предусмотрительности. Нравственныя требованія, безъ сомнѣнія, представляютъ собою высшее начало, ибо нравственный законъ составляетъ верховное руководящее правило человѣческой совѣсти; но этотъ законъ не замѣняетъ собою всѣхъ другихъ началъ человѣческой жизни: онъ полагаетъ имъ только границы. Экономическій бытъ, также какъ наука и искусство, составляетъ самостоятельную область человѣческой дѣятельности. Онъ имѣетъ свои собственные, присущіе ему законы и требованія, изъ которыхъ возникаетъ цѣлый міръ своеобразныхъ отношеній, коренящихся въ самыхъ основахъ человѣческой природы и имѣющихъ вполнѣ законное право на существованіе.

Поэтому не можетъ быть рѣчи о замѣнѣ экономическихъ побужденій нравственными въ области матеріальнаго производства. Безкорыстная любовь къ ближнему столь же мало можетъ заступить мѣсто стремленія къ хозяйственной выгодѣ, какъ она можетъ замѣнить въ искусствѣ творческую силу и чувство красоты. Художественное произведеніе, вытекшее не изъ свободной творческой фантазіи, а изъ самыхъ почтенныхъ нравственныхъ цѣлей, будетъ невыносимо скучно и лишено всякаго художественнаго значенія. Точно также и промышленное предпріятіе, основанное не на расчетѣ, а на любви, будетъ разорительно. Высшая задача человѣческой жизни состоитъ не въ замѣнѣ однихъ началъ другими, а въ ихъ соглашеніи, въ той гармоніи всѣхъ жизненныхъ элементовъ, которая составляетъ верховный идеалъ человѣческаго развитія. Это соглашеніе достигается тѣмъ, что въ общемъ порядкѣ человѣческой жизни каждый элементъ получаетъ принадлежащее ему мѣсто, какъ самобытный источникъ жизненныхъ отношеній, и дѣйствуетъ, не преступая своихъ границъ, не нарушая высшихъ требованій, но и не лишаясь своей самостоятельности. Судьею же той мѣры, которая полагается каждому, при свободной дѣятельности, можетъ быть только само свободное лицо. Въ особенности, гдѣ дѣло идетъ о нравственныхъ

побужденіяхъ, рѣшеніе принадлежитъ исключительно личной совѣсти, ибо нравственность существуетъ только подъ условіемъ свободы. Поэтому людей, дѣйствующихъ въ промышленномъ мірѣ и поставляющихъ себѣ цѣлью хозяйственную выгоду, можно только убѣждать, чтобы они въ своей дѣятельности сообразовались съ нравственными требованіями. Такое убѣжденіе составляетъ дѣло практическихъ моралистовъ и въ особенности религіозныхъ проповѣдниковъ, ибо только съ помощью религіи нравственное убѣжденіе можетъ дѣйствовать на массы. Экономическая же наука не можетъ принять на себя такой задачи, не потерявши своего научнаго характера. Экономическая наука, которая захотѣла бы дѣйствовать на совѣсть, превратилась бы въ невыносимую нравственную проповѣдь.

Если же, не довольствуясь убѣжденіемъ, мы вздумали бы самый экономическій бытъ перестроить на началахъ любви, то мы не только извратили бы господствующія въ немъ промышленныя начала, но произвели бы насиліе надъ человѣческою совѣстью. Это именно и дѣлаетъ коммунизмъ. Онъ хочетъ весь экономическій строй общества основать на началѣ братства. Тутъ любовь перестаетъ быть свободнымъ влеченіемъ сердца; она становится принудительнымъ началомъ. Всѣ обязаны быть братьями, ибо все, по закону общежитія, признается общимъ всѣмъ. Большей тиранніи невозможно себѣ представить, а вмѣстѣ съ тѣмъ невозможно представить болѣе коренного извращенія, какъ нравственныхъ, такъ и экономическихъ законовъ. Принудительная нравственность есть безнравственность; она подавляетъ то самое начало, которое она хочетъ поддержать. Приложенная же къ экономической дѣятельности, она ведетъ не къ обогащенію, а къ разоренію. Поэтому коммунизмъ, какъ начало экономическаго быта, никогда не могъ и не можетъ осуществиться. Онъ остается мечтою утопистовъ.

Тотъ же характеръ носитъ на себѣ всякое требованіе принудительнаго введенія нравственныхъ началъ въ экономическія отношенія. Это ничто иное какъ менѣе послѣдовательный коммунизмъ. Государство, путемъ права, ограждаетъ свободу лицъ; но заставить ихъ въ преслѣдованіи своихъ промышленныхъ выгодъ руководствоваться тѣми или другими цѣлями оно не можетъ иначе, какъ посягая на свободу и насилуя совѣсть. Тутъ позволительно дѣйствовать единственно убѣжденіемъ. Свобода и въ этомъ отношеніи остается верховнымъ руководящимъ началомъ экономической дѣятельности.

Между тѣмъ, именно это стремленіе подчинить нравственнымъ началамъ экономическую область составляетъ характеристическую черту новѣйшей экономической школы въ Германіи. Эта школа, которая подаетъ руку соціализму, именуетъ себя реалистическою, но здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, реализмъ, какъ lucus a non lucendo, означаетъ только противорѣчіе всему существующему.

Не рѣшаясь, подобно коммунистамъ, совершенно отвергать міровой опытъ, который указываетъ на личный интересъ, какъ на главную движущую пружину экономической дѣятельности, приверженцы этой школы пытаются однако измѣнить существующій порядокъ введеніемъ въ него нравственныхъ требованій. Но такъ какъ эти требованія не подкрѣпляются изслѣдованіямъ существа нравственныхъ началъ и отношенія ихъ къ другимъ жизненнымъ элементамъ, а основаны лишь на смутныхъ представленіяхъ, то отсюда вытекаетъ эклектическая система, въ которой мы тщетно стали бы искать какихъ-либо точныхъ опредѣленій.

Таковымъ именно представляется ученіе Адольфа Вагнера. Излагая основанія экономической науки, онъ признаетъ, совершенно согласно съ сказаннымъ выше, что человѣкъ, въ своихъ отношеніяхъ къ внѣшней природѣ, является существомъ нуждающимся, вслѣдствіе чего въ немъ рождается стремленіе къ удовлетворенію. Послѣднее представляется, въ отношеніи къ необходимымъ средствамъ жизни, какъ стремленіе къ самосохраненію, а въ отношеніи къ излишку какъ личный интересъ. «Это стремленіе, продолжаетъ Вагнеръ, прирождено человѣку, и въ обоихъ своихъ видахъ нравственно оправдывается; поэтому оно можетъ быть названо корыстолюбіемъ, или эгоизмомъ, не какъ таковое, а только въ своемъ извращеніи, когда оно приписываетъ себѣ значеніе, не обращая вниманія на предѣлы, положенные ему совѣстью или нравственнымъ закономъ и правомъ». Во всякой дѣятельности, обращенной на удовлетвореніе потребностей, человѣка руководитъ и должно руководить начало экономическое или хозяйственное, то есть, стремленіе предпринимать лишь такую работу, при которой, по его сужденію, пріятность удовлетворенія перевѣшиваетъ непріятность работы, а также и дальнѣйшее стремленіе получить наибольшую сумму удовлетвореній за возможно меньшія усилія и жертвы. Хозяйствомъ, говоритъ Вагнеръ, мы называемъ систематическую дѣятельность, руководимую этимъ началомъ, хозяйственною природою человѣка ту, которая опредѣляется существомъ

потребностей и ихъ удовлетворенія, значеніемъ труда и оцѣнкою всѣхъ этихъ моментовъ на основаніи экономическаго принципа, наконецъ наукою хозяйства, или экономикою, ту науку, которая излагаетъ ученіе о хозяйствѣ въ вышеприведенномъ смыслѣ [1]).

Точно также и другой корифей новѣйшей нравственно-экономической школы, Шмоллеръ, давая личному интересу названіе эгоизма, говоритъ: «что эгоизмъ долженъ быть принятъ въ соображеніе; что онъ не можетъ быть подавленъ и не долженъ быть совершенно подавленъ; что онъ въ извѣстныхъ границахъ составляетъ правомѣрное и необходимое топливо, поддерживающее машину въ движеніи. это разумѣется само собою. объ этомъ понимающему дѣло не нужно и говорить». Тутъ Шмоллеръ сравниваетъ эгоизмъ съ паромъ въ паровой машинѣ, при чемъ однако онъ тутъ же сравниваетъ его и съ желѣзомъ, изъ котораго сдѣлана также самая машина [2]). Вообще, подобія служатъ весьма хорошимъ средствомъ для избѣжанія точности научныхъ понятій.

Но признавая личную выгоду коренным началомъ или движущею силою промышленной дѣятельности, приверженцы нравственной школы утверждаютъ, что въ дѣйствительности это начало не всегда и не вездѣ дѣйствуетъ одинаково, а видоизмѣняется нравственными и юридическими требованіями. «Въ моихъ глазахъ, говоритъ Шмоллеръ, ученіе объ эгоизмѣ, или объ интересѣ, какъ о психологически постоянной и равномѣрной исходной точкѣ всѣхъ хозяйственныхъ дѣйствій, ничто иное какъ неосновательное и поверхностное воззрѣніе.... Конкретный, рѣшающій вопросъ состоитъ въ томъ, какъ въ извѣстное время и въ извѣстныхъ кругахъ это стремленіе видоизмѣняется культурною работою тысячелѣтій, какъ и въ какой мѣрѣ оно проникалось и пропиталось нравственными и юридическими представленіями» [3]). «Субъектъ частнаго хозяйства, говоритъ съ своей стороны Адольфъ Вагнеръ, обыкновенно единичное лице, даже въ своихъ хозяйственныхъ отношеніяхъ не легко опредѣляется какимъ нибудь однимъ влеченіемъ, напримѣръ хозяйственнымъ личнымъ интересомъ; и тутъ другія силы совмѣстно опредѣляютъ его волю и его дѣйствія. Именно это, а не безусловное опредѣленіе единымъ

[1]) Lehrbuch der Pol. Oek. Grundlegung. §§ 1, 3, 4.
[2]) Ueber einige Grundfragen des Rechts und der Volkswirthschaft, стр. 37, 38.
[3]) Ueber einige Grundfragen etc. стр. 37.

влеченіемъ вытекаетъ изъ существа человѣка. Эти другія, содѣйствующія силы могутъ быть характеризованы какъ нравственно хорошія или дурныя, смотря по тому, даютъ ли онѣ человѣческой волѣ выгодное или невыгодное отклоненіе отъ направленія, указаннаго хозяйственнымъ личнымъ интересомъ субъекта». Къ нравственно хорошимъ силамъ Вагнеръ относитъ любовь и чувство долга, которыя составляютъ движущую пружину благотворительности; хотя онѣ заключаютъ въ себѣ опасность нехозяйственности, однако изъ этого вытекаетъ только требованіе разумнаго ихъ направленія. Къ дурнымъ же относится эгоистическое извращеніе хозяйственнаго интереса. Существованіе этихъ силъ, продолжаетъ Вагнеръ, есть несомнѣнный фактъ; а потому «принятіе во вниманіе нравственныхъ силъ, фактически видоизмѣняющихъ личный интересъ, наукою народнаго хозяйства не ведетъ къ смѣшенію этики и экономики, а включаетъ только хозяйственныя дѣйствія въ порядокъ нравственныхъ дѣйствій, за которыя существуетъ личная отвѣтственность» (Grundlegung. §§ 132, 133).

Не смотря на это увѣреніе, мы не можемъ не сказать, что тутъ господствуетъ значительная путаница понятій. Что личный интересъ не всегда дѣйствуетъ какъ однородная и равномѣрная сила, въ этомъ никто никогда не сомнѣвался. Всякій экономистъ, къ какой бы школѣ онъ ни принадлежалъ, знаетъ, что есть люди, понимающіе свой интересъ и не понимающіе, расчетливые и не расчетливые, увлекающіеся и благоразумные, обогащающіеся и разоряющіеся. Никто не сомнѣвается и въ существованіи нравственныхъ вліяній. Самъ Адольфъ Вагнеръ говоритъ, что «защитники системы свободнаго соперничества не могутъ не признать, и только въ видѣ исключенія не признаютъ, значенія и правомѣрности этихъ силъ» (§ 133). Поэтому совершенно напрасно приписывать имъ мнѣніе, будто личный интересъ дѣйствуетъ какъ естественная сила, не подчиняющаяся нравственнымъ вліяніямъ и избавляющая человѣка отъ всякой отвѣтственности. Экономисты, въ противоположность соціалистамъ, стоятъ именно за свободу, а гдѣ есть свобода, тамъ есть и отвѣтственность. Рошеръ прямо даже это высказываетъ [1]). Свобода имѣетъ свои законныя границы, юридическія и нравственныя, которыя человѣкъ можетъ преступать, но которыя, тѣмъ не менѣе,

[1]) Grundlagen, § 13.

вѣчно остаются высшею нормою его дѣятельности. Вопросъ состоитъ вовсе не въ томъ: долженъ ли человѣкъ въ своей хозяйственной дѣятельности соображаться съ нравственными законами или нѣтъ? На это не можетъ быть двухъ отвѣтовъ. Если человѣкъ нарушаетъ юридическій законъ, онъ подлежитъ наказанію; если, держась въ предѣлахъ юридическаго закона, онъ преступаетъ нравственный законъ, онъ не подлежитъ наказанію, но онъ подлежитъ осужденію. Экономисты и соціалисты на этотъ счетъ согласны. Вопросъ заключается не въ границахъ, а въ содержаніи дѣятельности, въ тѣхъ побужденіяхъ, которыми руководится человѣкъ, и въ томъ, кто является судьею этихъ побужденій?

Какимъ побужденіемъ опредѣляется свободная дѣятельность человѣка въ промышленной области, личнымъ интересомъ или чувствомъ долга, стремленіемъ къ хозяйственной выгодѣ или безкорыстною любовью къ людямъ? Когда онъ пашетъ землю, заводитъ фабрики, торгуетъ, посылаетъ корабли свои въ отдаленныя страны, когда онъ даетъ и получаетъ кредитъ, имѣетъ ли онъ цѣлью получить прибыль, или облагодѣтельствовать своихъ ближнихъ? Всякая торговая сдѣлка служитъ на это отвѣтомъ. Во всякой сдѣлкѣ взвѣшиваются обоюдныя выгоды, и на этомъ основаніи производится мѣна. Нравственныя же требованія полагаютъ только границы дѣйствію личнаго интереса: каждая изъ договаривающихся сторонъ имѣетъ право искать своей выгоды, но не обманывая другой и не употребляя осужденныхъ нравственностью средствъ, при чемъ судьею, какъ своихъ выгодъ, такъ и своихъ нравственныхъ побужденій, остается отдѣльное лицо. Сами соціалисты каѳедры, какъ мы видѣли, когда они излагаютъ общія основанія хозяйственной дѣятельности, признаютъ личный интересъ движущею ея пружиною: но въ приложеніи все у нихъ смѣшивается, и мы, къ удивленію, находимъ у Вагнера систему благотворительности поставленную на ряду съ частною промышленностью, какъ будто это двѣ отрасли, которыя можно сопоставить, какъ истекающія изъ одного общаго начала, или какъ два вида одного и того же рода. Между тѣмъ, если мы возьмемъ приведенное выше опредѣленіе хозяйства, которое дается самимъ Вагнеромъ, то мы увидимъ, что благотворительность вовсе подъ него не подходитъ. Благотворительность не руководится экономическимъ принципомъ; она не расчитываетъ, на сколько пріобрѣтенное лицемъ богатство превосходитъ приложенный къ нему трудъ.

Въ отличіе отъ промышленной дѣятельности, благотворительность ничего не производитъ и не пріобрѣтаетъ, а пріобрѣтенное инымъ путемъ употребляетъ на чужую пользу, руководствуясь не хозяйственнымъ расчетомъ, а безкорыстною любовью къ ближнему. Благотворительность и хозяйственная дѣятельность въ своихъ основаніяхъ противоположны другъ другу; а потому поставленіе ихъ рядомъ, какъ двухъ видовъ одного рода, составляетъ чудовищное посягательство на логику.

Такое же смѣшеніе понятій мы встрѣчаемъ и у Шмоллера. У него личный интересъ представляется въ видѣ естественной силы, которая получаетъ окраску, форму и направленіе отъ нравственныхъ дѣятелей. Подъ именемъ нравственныхъ дѣятелей онъ разумѣетъ все, что даетъ извѣстную правильность человѣческимъ дѣйствіямъ. «Безъ твердыхъ правовъ, говоритъ онъ, нѣтъ рынка, нѣтъ мѣны, нѣтъ денежнаго оборота, нѣтъ раздѣленія труда, нѣтъ кастъ, нѣтъ рабовъ, нѣтъ государственнаго быта» [1]). Какъ будто рынокъ, мѣна, денежный оборотъ и раздѣленіе труда не суть произведенія того же самаго личнаго интереса, побуждающаго человѣка къ промышленной дѣятельности! Не говоримъ о кастахъ, рабахъ и государственномъ бытѣ, которые приведены тутъ единственно для затемнѣнія дѣла. Личный интересъ можно, пожалуй, сравнивать съ паромъ, движущимъ машину, но не надобно забывать, что этотъ паръ есть внутреннее свойство свободнаго лица, которое само даетъ своей дѣятельности окраску и форму и направленіе. Преслѣдуя свой личный интересъ, человѣкъ, безъ сомнѣнія, долженъ соображаться съ требованіями окружающаго его міра, какъ физическаго, такъ и нравственнаго. Дѣйствуя на природу, онъ долженъ подчиняться ея законамъ; приходя въ соприкосновеніе съ свободою другихъ лицъ, онъ встрѣчаетъ преграды, полагаемыя юридическимъ порядкомъ, который онъ не можетъ преступить, не подвергаясь наказанію; наконецъ, въ своей совѣсти онъ находитъ нравственный законъ, который онъ не можетъ нарушать, не посягая на свое человѣческое достоинство. Но именно въ послѣднемъ случаѣ единственнымъ судьею является его личная совѣсть, отъ которой зависитъ соблюдать законъ или нѣтъ. Поэтому всякое приложеніе нравственныхъ началъ къ экономической области должно обращаться исключительно

[1]) Ueber einige Grundfragen etc. стр. 33, 34

къ личной совѣсти. Кромѣ нравственной проповѣди, изъ этого ровно ничего нельзя вывести.

Иное дѣло, еслибы нравственный законъ сдѣлался принудительнымъ; въ такомъ случаѣ онъ могъ бы стать опредѣляющимъ началомъ экономическихъ отношеній. Это и есть, какъ мы видѣли, требованіе коммунистовъ, и къ этому же клонится ученіе, которое смѣшивая нравственность съ хозяйствомъ, хочетъ основать нравственную науку народнаго хозяйства. Адольфъ Вагнеръ прямо признаетъ заблужденіемъ рѣзкое раздѣленіе права и нравственности въ экономической области, гдѣ, по его мнѣнію, смотря по обстоятельствамъ, умѣстна иногда юридическая и въ случаѣ нужды принудительная, иногда же свободная нравственная регламентація (Grundlegung, § 133, стр. 196). Въ выноскѣ къ этому мѣсту онъ замѣчаетъ, что если неправильно полное смѣшеніе права и нравственности, которое господствовало въ прошедшемъ столѣтіи въ школѣ Вольфа, то столь же невѣрно и полное ихъ раздѣленіе, установленное Кантомъ. Именно границы права и нравственности, говоритъ Вагнеръ, подвержены историческимъ перемѣнамъ. Въ настоящее время представляется желательнымъ возвращеніе въ нѣкоторой мѣрѣ къ старому возрѣнію.

Мы встрѣчаемъ здѣсь туже самую систему компромиссовъ, которая вездѣ господствуетъ у Вагнера; но если мы станемъ искать доказательствъ высказанному имъ мнѣнію, то мы столь же мало найдемъ ихъ здѣсь, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ. Когда дѣло идетъ о столь существенномъ вопросѣ, какъ отношеніе права къ нравственности, въ особенности когда авторъ хочетъ опровергнуть прочно утвердившееся въ философіи и въ жизни возрѣніе, то казалось бы, необходимо разсмотрѣть вопросъ въ самыхъ его основаніяхъ: надобно изслѣдовать существо права, нравственности и свободы, и за тѣмъ уже вывести отсюда свои заключенія. Не даромъ же Кантъ, а за нимъ величайшіе философы новаго времени признали свободу необходимымъ условіемъ нравственности; не даромъ это начало считается краеугольнымъ камнемъ современнаго общественнаго быта, непоколебимымъ основаніемъ, на которомъ зиждется и свобода совѣсти и независимость всего внутренняго міра человѣка. Но современнымъ соціалистамъ каѳедры такія философскія изслѣдованія представляются совершенно излишними. Въ выноскѣ, мимоходомъ, разрѣшаются важнѣйшіе вопросы человѣческой жизни и обществен-

наго устройства. Мы должны вѣрить на слово, что принципіальное отдѣленіе права отъ нравственности есть заблужденіе. Г. Вагнеру, неизвѣстно почему, кажется желательнымъ извѣстное (или лучше неизвѣстное) приближеніе къ воззрѣніямъ Вольфа, и это желаніе вносится, въ видѣ научнаго положенія, въ учебникъ политической экономіи, которая вслѣдствіе этого перестроивается на совершенно новый ладъ. Болѣе легкаго отношенія къ научнымъ изслѣдованіямъ невозможно себѣ представить.

Искреннѣе, хотя нисколько не основательнѣе Шмоллеръ. И онъ, подобно Вагнеру, изображаетъ область правовъ, какъ состоящую въ вѣчномъ историческомъ теченіи. Это—Гераклитовское: «все течетъ». Но такъ какъ подобная измѣнчивость началъ, на которыхъ зиждется весь общественный порядокъ, сопряжена съ опасностями, то часть этоса, говоритъ Шмоллеръ, народы укрѣпляютъ посредствомъ исходящаго отъ государства принужденія. Вслѣдствіе того, одна часть нравственнаго порядка жизни находится въ болѣе легкомъ, другая въ болѣе тяжеломъ теченіи; въ одной, исполнительнымъ органомъ служитъ общественное мнѣніе, въ другой—принудительная сила государства. Въ этомъ, по мнѣнію Шмоллера, и состоитъ раздѣленіе права и нравственности, раздѣленіе необходимое для успѣховъ культуры, ибо черезъ это, съ одной стороны, лицо получаетъ извѣстный просторъ для своей дѣятельности и воспитывается къ духовной свободѣ, а съ другой стороны, дается бо́льшая прочность тому, что должно быть подчинено постояннымъ правиламъ. Тѣмъ не менѣе, продолжаетъ онъ, право и нравственность суть два близнеца, рожденные отъ той же матери и вскормленные тою же грудью. Донынѣ свободная нравственность, которая въ себѣ самой находитъ правило и законъ, составляетъ достояніе немногихъ. Для большинства же, противоположность обоихъ началъ состоитъ не въ томъ, что въ одной области человѣкъ подчиненъ правилу, а въ другой ему предоставлена свобода, а въ томъ, что въ одномъ случаѣ узда болѣе строгая, а въ другомъ болѣе эластическая. Такимъ образомъ, во многихъ вопросахъ, о которыхъ споритъ политическая экономія, дѣло состоитъ не въ томъ, что́ желательно или не желательно, а въ томъ, должно ли желательное вынуждаться правомъ или правами (Ueb. ein. Grundfragen etc. стр. 44—45).

И такъ, въ нравственной политической экономіи свобода изгоняется совершенно, какъ достояніе немногихъ; тутъ

требуется не свобода, а узда. Но какая именно узда, этого она сама не знаетъ, чѣмъ и отличается отъ послѣдовательнаго соціализма, который знаетъ, чего хочетъ. «Я не осмѣлюсь опредѣлить, говоритъ въ примѣчаніи Шмоллеръ, въ какихъ областяхъ, въ теченіи культуры, право превращается въ нравы, а нравы въ свободную нравственность. На этотъ счетъ мои собственныя изслѣдованія далеко еще не пришли къ заключенію» (стр. 46). Но если на этотъ счетъ мнѣніе автора еще не установилось, то какъ же можно объ этомъ писать и на этихъ основаніяхъ перестроивать науку и жизнь? Чтобы рѣшить, до какой степени возможно подчинить экономическій бытъ общества нравственнымъ требованіямъ, надобно предварительно знать, до какой степени можно нравственность сдѣлать принудительною. Если же писатель на этотъ счетъ не пришелъ еще къ окончательному убѣжденію, то лучше объ этомъ до поры до времени молчать. Иначе, вмѣсто научной аргументаціи, выдетъ только невообразимый хаосъ понятій. Именно это и представляетъ приведенная глава въ сочиненіи Шмоллера.

Тѣже доводы прилагаются и къ замѣнѣ стремленія къ хозяйственной выгодѣ общественнымъ началомъ, о чемъ мечтаютъ тѣ, которые хотятъ всю промышленную дѣятельность отдать въ руки государства, и всѣхъ промышленниковъ превратить въ чиновниковъ. Въ этомъ воззрѣніи, цѣлью промышленной дѣятельности ставится общественная польза, а въ награду дѣятелю обѣщаются честь и слава. Нелѣпость подобнаго требованія весьма ярко изображается Тьеромъ въ его книгѣ о Собственности. Невозможно лучше опровергнуть эту мысль, какъ его словами. «Для каждаго рода усилій, говоритъ онъ, нужны разныя побужденія. Чтобы побудить человѣка къ труду, надобно показать ему приманку благосостоянія; чтобы возбудить въ немъ самоотверженіе, надобно показать ему славу. Какъ! честь за двѣ или три лишнихъ доски, выстроганныхъ въ день, за кусокъ желѣза лучше опиленный! Вы кощунствуете! Честь для д'Ассаса, Шевера, Латуръ-д'Оверня: плата, то есть, удовольствіе хорошо жить, самому и дѣтямъ, для того, кто усердно и искусно работалъ, и сверхъ того, уваженіе, если онъ благоразуменъ и честенъ, ибо нужны и нравственныя удовлетворенія этому честному работнику. Разсуждать иначе значитъ не знать человѣческой природы и все смѣшать подъ предлогомъ всеобщаго преобразованія..... Когда человѣкъ напрягаетъ свои силы надъ при-

родою, чтобы исторгнуть у нея тѣ вещества, которыми онъ питается или одѣвается, онъ напрягаетъ ихъ именно въ виду этихъ предметовъ; надобно дать ему эти предметы, надобно наградить работу сообразно съ тою цѣлью, которую она себѣ ставитъ; чтобы возбудить его какъ можно болѣе, надобно дать ему ни болѣе, ни менѣе того, что онъ произвелъ, но именно столько. Надобно, сверхъ того, приблизить цѣль къ его глазамъ, и для этого представить ему не благосостояніе всѣхъ или даже нѣкоторыхъ, а именно его собственное и его дѣтей. Кромѣ того, что справедливо поступать такимъ образомъ, тутъ будетъ и возможно высшее побужденіе къ дѣятельности. Кто сдѣлаетъ много, тотъ получитъ много; кто сдѣлаетъ мало, тотъ получитъ мало; кто ничего не сдѣлаетъ, тотъ ничего не получитъ. Вотъ справедливость, осмотрительность, разумъ. Это не значитъ уничтожать благородныя побужденія; это значитъ сохранять ихъ для тѣхъ благородныхъ цѣлей, которыя имъ свойственны. Плата останется для труда, слава для высокаго самопожертвованія или для генія. Этотъ человѣкъ работаетъ всю свою жизнь, чтобы пропитать себя и свое семейство; давайте ему плату, и плату хорошую. Онъ жертвуетъ собою, презирая смерть, дайте ему славу солдата. Онъ дѣлаетъ открытіе, предоставьте ему славу изобрѣтателя. По каждому по его дѣламъ» [1]).

Общественная жизнь, съ управляющимъ ею началомъ общей пользы, составляетъ особую сферу, гдѣ въ значительной степени господствуетъ принужденіе. Матеріальныя средства получаются тутъ путемъ налоговъ, слѣдовательно принудительно. Защита государства обыкновенно зиждется на принудительной повинности. Однако и въ этой области бо́льшая часть личной службы основана на свободѣ. Только путемъ добровольной дѣятельности на общую пользу государство можетъ привлечь къ себѣ лучшія общественныя силы и вызвать въ нихъ то живое участіе къ дѣлу, безъ котораго успѣшная дѣятельность немыслима. Но для того чтобы общественная служба была свободна, необходимо, чтобы человѣкъ могъ ее покинуть, а для этого, въ свою очередь, необходимо, чтобы рядомъ съ нею была другая, частная сфера дѣятельности, въ которую бы человѣкъ могъ уйти и гдѣ бы онъ могъ заняться не общественными, а своими собственными дѣлами. Если же всякая дѣятельность будетъ

[1]) De la P[illegible] r'é.é L. II, ch. 3.

общественная, то для свободы не останется мѣста. Въ такомъ случаѣ человѣку, внѣ общественной службы, некуда дѣваться; онъ нигдѣ не можетъ быть самъ себѣ хозяиномъ, онъ становится вѣчнымъ слугою государства, принужденнымъ всю свою жизнь нести общественное тягло.

Чтобы спасти свободу, необходимо слѣдовательно, рядомъ съ общественнымъ началомъ, допустить и личное. И тутъ, такъ какъ въ области нравственныхъ отношеній, эти два начала не исключаютъ другъ друга; напротивъ, они тѣсно связаны. Дѣйствуя на пользу общества, человѣкъ пріобрѣтаетъ и для себя матеріальное вознагражденіе, почетъ, славу. А съ другой стороны, дѣйствуя для себя, онъ пріобрѣтаетъ и для общества, ибо общество требуетъ съ него на общественныя нужды соразмѣрную часть его доходовъ: чѣмъ болѣе онъ пріобрѣтаетъ, тѣмъ болѣе онъ платитъ. Который изъ двухъ путей онъ выберетъ, это зависитъ отъ его свободы; но для того чтобы свобода существовала, надобно, чтобы оба были открыты.

Такимъ образомъ свобода, составляющая коренное начало всякой истинно человѣческой дѣятельности, проявляется и въ выборѣ побужденій. Всѣ эти побужденія присущи человѣческой природѣ и имѣютъ свое законное право существованія. Невозможно уничтожить ни одно изъ нихъ, не искаженіи самой природы человѣка. Невозможно требовать отъ человѣка, чтобы онъ слѣдовалъ именно этому побужденію, а не другому, не посягая на его свободу. И для каждаго побужденія открывается своя, особая область дѣятельности: для любви къ ближнему благотворительность, для стремленія къ общей пользѣ общественная служба, наконецъ для личнаго интереса экономическая сфера. Эти различныя области дѣятельности не исключаютъ, а восполняютъ другъ друга. Каждая изъ нихъ соотвѣтствуетъ извѣстной сторонѣ человѣческой природы, и только совокупное ихъ развитіе дастъ полный просторъ человѣческимъ силамъ и надлежащую ширину человѣческой жизни.

Противъ всего этого возражаютъ, что въ экономической сферѣ человѣкъ не можетъ дѣйствовать для себя, не дѣйствуя вмѣстѣ съ тѣмъ и для другихъ. Онъ пріобрѣтаетъ путемъ обмѣна; слѣдовательно, чтобы удовлетворить своимъ потребностямъ, онъ долженъ удовлетворить чужимъ. Въ экономическомъ порядкѣ, интересы всѣхъ солидарны; общество составляетъ одно органическое цѣлое, которое отдѣльныя лица являются членами. А потому утверждаютъ, что въ

изслѣдованіи экономическихъ отношеній, надобно отправляться не отъ отдѣльнаго лица и его интересовъ, а отъ общества, какъ цѣлаго. Личное начало должно быть замѣнено общественнымъ.

На сколько это возраженіе основательно, покажетъ слѣдующая глава.

ГЛАВА II.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Новая философія права, какъ извѣстно, первоначально исходила отъ личнаго начала. Природа отдѣльнаго лица и его права полагались въ основаніе всей системы человѣческихъ отношеній; общежитіе съ его требованіями выводилось изъ соглашенія лицъ. Англо-французская философія XVIII-го вѣка довела это направленіе до крайнихъ предѣловъ. Лице, съ его правами и интересами, сдѣлалось краеугольнымъ камнемъ всего общественнаго зданія. Права были объявлены неприкосновенными и неотчуждаемыми; всѣ общественныя отношенія и всѣ государственныя учрежденія строились на основаніи договора, и все, что противорѣчило договорному началу, отвергалось, какъ незаконное.

Въ XIX-мъ вѣкѣ произошла реакція противъ этого взгляда. Философы идеалисты, не отвергая личнаго начала, указали на то, что рядомъ съ нимъ существуетъ и начало общественное, связывающее лице, и столь же свойственное человѣческой природѣ, какъ и первое. Они доказали, что человѣческія общества возникаютъ не изъ договора разрозненныхъ единицъ, соединяющихся добровольно во имя взаимной пользы, и изъ вѣчно присущихъ человѣку потребностей и отношеній, въ силу которыхъ соединенныя въ общества лица искони понимали и всегда понимаютъ себя какъ нѣчто единое. Съ этой точки зрѣнія, въ государствѣ стали видѣть не внѣшнее только собраніе самостоятельныхъ единицъ, связанныхъ добровольнымъ согласіемъ, а органическій союзъ, котораго отдѣльныя лица являются членами, и который живетъ и развивается, какъ одно цѣлое.

Сколько намъ извѣстно, Фихте первый назвалъ государство орга-

низмомъ. Но не отличая еще государства отъ общества, онъ подводилъ подъ это понятіе всѣ общественныя отношенія. Вслѣдствіе этого, человѣкъ, въ его системѣ, переставалъ быть самостоятельнымъ и свободнымъ лицемъ; онъ сдѣлался подчиненнымъ членомъ высшаго цѣлаго, которое управляло всѣми его дѣйствіями. Отсюда крайнее противорѣчіе въ политической теоріи Фихте. Онъ исходилъ отъ свободы лица, а въ результатѣ выходило, что лице должно вѣчно ходить по струнѣ, какъ орудіе чужой воли и чужихъ цѣлей [1]).

Эта односторонность, которая, въ противоположность индивидуалистическому воззрѣнію XVIII-го вѣка, вела къ поглощенію лица обществомъ, была исправлена послѣдующимъ развитіемъ идеалистической философіи. Понятіе о государствѣ, какъ организмѣ, то есть, какъ о духовномъ тѣлѣ, составляющемъ одно живое цѣлое, а не только внѣшнее собраніе единицъ, сохранилось въ наукѣ; но рядомъ съ этимъ признана была и самостоятельная сфера для свободной дѣятельности лицъ. Человѣкъ не поглощается всецѣло государствомъ, котораго онъ состоитъ свободнымъ, хотя и подчиненнымъ членомъ: онъ живетъ и дѣйствуетъ и въ другихъ союзахъ, въ семействѣ, въ гражданскомъ обществѣ, въ церкви, и всѣ эти союзы, подчиняясь государству въ томъ, что касается совокупныхъ интересовъ, сохраняютъ однако свою самостоятельность, каждый въ своей частной сферѣ, и руководятся собственно имъ присущими, а не налагаемыми на нихъ извнѣ началами. Человѣческое общество, съ этой точки зрѣнія, не образуетъ единаго организма, подобно отдѣльной особи, въ которой члены существуютъ только для цѣлаго, не имѣя собственной, самостоятельной жизни. Человѣческое общество представляетъ собою сложное духовное явленіе; въ немъ живутъ и дѣйствуютъ различные самостоятельные группы и союзы, болѣе или менѣе тѣсно связанные внутри себя и имѣющіе каждый свое жизненное начало. Задача и тутъ заключается не въ смѣшеніи разнородныхъ областей и не въ поглощеніи одной другою, а въ высшемъ, гармоническомъ соглашеніи разнообразныхъ стремленій и интересовъ, при чемъ существенная роль должна быть предоставлена свободѣ, которая составляетъ внутреннее движущее и одухотворяющее начало всякаго истинно человѣческаго общежитія.

Это выработанное идеализмомъ воззрѣніе заключаетъ въ себѣ,

---

[1]) См. мою Исторію политическихъ ученій, часть 3-я.

[illegible] общественнаго вопроса. [illegible] чтобы разобравши природу [illegible] частей и группъ, опредѣлить, какъ [illegible] отношенія ихъ къ другимъ группамъ [illegible] для исполненія этой задачи [illegible] которое, будучи заимствовано изъ [illegible] самаго существеннаго изъ [illegible] свободы. Конечно, и въ общественныхъ [illegible] можно употреблять слово организмъ, прилагая его къ обществу, какъ цѣлому, въ противоположность вытекающему изъ свободы индивидуалистическому началу; не надобно точно опредѣлить, что именно оно означаетъ и къ какому разряду фактовъ оно прилагается. Если же мы подъ понятіе объ организмѣ станемъ безразлично подводить всѣ общественныя явленія, то мы получимъ совершенно ложное понятіе объ обществѣ, и практически придемъ къ полному отрицанію свободы, или же мы останемся при неопредѣленныхъ требованіяхъ, изъ которыхъ ровно ничего нельзя вывести. Послѣднее, какъ мы уже видѣли, составляетъ характеристическую черту школы Краузе, которая, хотя и отличаетъ государство отъ общества, и въ самомъ обществѣ различаетъ отдѣльныя сферы, но каждой изъ этихъ сферъ и союзовъ присвоиваетъ названіе организма и требуетъ органическихъ между ними отношеній. Кромѣ смутныхъ понятій, не представляющихъ никакой точки опоры для научныхъ изслѣдованій, въ этомъ воззрѣніи ничего нельзя найти.

Въ какой мѣрѣ понятіе объ организмѣ приложимо къ государству, мы увидимъ ниже. Здѣсь рѣчь идетъ собственно объ экономическомъ обществѣ. И къ нему нерѣдко прилагается это понятіе, и притомъ не только соціалистами, которые хотятъ личное начало подчинить общественному, но также и экономистами, которые стоятъ на индивидуалистической точкѣ зрѣнія. Однакоже экономисты, держась строго научной методы, дѣлаютъ это весьма осторожно. Такъ напримѣръ, Рошеръ говоритъ: «понятіе объ организмѣ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, къ самымъ темнымъ. А потому я весьма далекъ отъ того, чтобы объяснять имъ понятіе о народномъ хозяйствѣ; я желалъ бы только словомъ организмъ обозначить кратчайшее общее выраженіе многихъ задачъ, которыя должны быть разрѣшены послѣдующимъ изслѣдованіемъ». И онъ замѣчаетъ при этомъ: «это значило бы объяснять неизвѣстное еще болѣе неизвѣстнымъ! А между

тѣмъ, многіе новѣйшіе писатели думаютъ, что они сказали нѣчто вполнѣ удовлетворительное, когда они государство и проч. называютъ организмомъ» [1]).

Два признака Рошеръ считаетъ существенно отличающими органическое дѣйствіе отъ механическаго. Первый состоитъ въ томъ, что въ машинѣ ясно отличаются причина и дѣйствіе, тогда какъ въ организмѣ дѣйствія обусловливаются взаимно, вслѣдствіе чего объясненіе будетъ вращаться въ кругѣ, если мы не признаемъ высшаго органическаго начала, котораго оба дѣйствія составляютъ проявленія. Такъ напримѣръ, въ механической области, мельница движется вѣтромъ, но сила вѣтра не зависитъ, въ свою очередь, отъ мельницы. Въ народномъ же хозяйствѣ, подобно тому, что совершается въ человѣческомъ тѣлѣ, успѣхи земледѣлія составляютъ необходимое условіе для развитія обработывающей промышленности и, въ свою очередь, зависятъ отъ послѣдней. Къ этой отличительной чертѣ органическихъ явленій присоединяется другая. Она заключается въ томъ, что машина предполагаетъ человѣческій умъ, который сознаетъ ея движеніе и приносимую пользу, и устроиваетъ ее сообразно съ этою цѣлью. Въ организмахъ напротивъ, въ этихъ «божественныхъ машинахъ», по выраженію Лейбница, естественные законы дѣйствуютъ прежде, нежели они сознаются. Тоже самое происходитъ и въ народномъ хозяйствѣ, которое управлялось присущими ему естественными законами гораздо прежде, нежели они были сознаны человѣкомъ, при чемъ однако нельзя упускать изъ виду, что эти законы, имѣя дѣло съ свободными лицами, существенно отличаются отъ тѣхъ, которые господствуютъ въ матеріальномъ мірѣ.

Нельзя сказать, чтобы эти указанные Рошеромъ признаки были выбраны удачно. Взаимнодѣйствіе не составляетъ исключительной принадлежности организма; оно распространено, какъ въ механической, такъ и въ физической области. Тѣла притягиваютъ другъ друга по одному и тому же закону. Всѣ формы сцѣпленія суть явленія взаимнодѣйствія частицъ. Въ гальванической баттареѣ, если мѣдь возбуждаетъ электричество въ цинкѣ, то это обусловливается тѣмъ, что цинкъ, съ своей стороны, возбуждаетъ противоположное электричество въ мѣди. Въ паровой машинѣ, если паръ движетъ поршень, то поршень, въ свою очередь, направляетъ дѣйствіе пара, вслѣдствіе чего онъ двигается

[1]) Grundlagen der Nationalökonomie, § 13 (изд. 13-е).

взадъ и впередъ. Точно также поршень даетъ движеніе регулятору, а регуляторъ, съ своей стороны, уравновѣшиваетъ движеніе поршня. Еще менѣе можно утверждать, что естественные законы, дѣйствующіе помимо сознанія, составляютъ исключительную принадлежность организмовъ. Солнечная система не есть организмъ, а между тѣмъ движеніе совершается въ ней въ силу присущихъ ей естественныхъ законовъ, дѣйствующихъ помимо сознанія, безъ всякаго извнѣ устрояющаго и направляющаго разума.

Однакоже, эти неточности не имѣютъ вліянія на самый ходъ научнаго изслѣдованія. Если авторъ, употребляя извѣстный терминъ, ясно обозначаетъ, что̀ именно онъ хочетъ этимъ сказать, и если указанные имъ признаки приходятся къ предмету, то выборъ невѣрнаго термина не имѣетъ дальнѣйшаго значенія. Прилагая къ народному хозяйству понятіе организма, Рошеръ не хочетъ установить новую точку зрѣнія, противопоставить то, что должно быть, тому, что есть; онъ просто изслѣдуетъ предметъ, какъ онъ представляется въ дѣйствительности, и характеризуетъ раскрывающіеся въ немъ признаки.

На совершенно иную точку зрѣнія становятся соціалисты. Они въ экономическомъ обществѣ видятъ единое цѣлое, которое **должно** господствовать надъ частями, и въ силу этого требованія, хотятъ измѣнить, какъ существующія въ дѣйствительности экономическія отношенія, такъ и положенія, признанныя наукою на основаніи опыта.

Эта противоположность взглядовъ весьма ясно высказывается Родбертусомъ. Онъ утверждаетъ, что наука доселѣ шла совершенно ложнымъ путемъ: «вмѣсто того чтобы отправляться отъ положенія, что раздѣленіемъ труда общество связывается въ одно неразрывное хозяйственное цѣлое, вмѣсто того чтобы съ точки зрѣнія этого цѣлаго приступать къ объясненію отдѣльныхъ политико-экономическихъ понятій и явленій, вмѣсто того чтобы, въ силу этихъ началъ, поставить во главѣ изслѣдованія понятія о народномъ (или общественномъ) имуществѣ, о народномъ производствѣ, о народномъ капиталѣ, о народномъ доходѣ, съ раздѣленіемъ его на поземельную ренту, прибыль капитала и заработную плату, и изъ этихъ общественныхъ понятій вывести долю каждаго лица, вмѣсто всего этого, политическая экономія не могла уйти отъ преувеличенной индивидуалистической наклонности времени. То, что̀ въ силу раздѣленія труда со-

ставляетъ одно неразрывное цѣлое, нѣчто общественное, что только предполагая подобное цѣлое, можетъ получить существованіе, она разорвала на клочки, и отъ этихъ клочковъ, отъ личнаго участія отдѣльныхъ особей, она снова хотѣла взойти къ понятію цѣлаго. Такъ напримѣръ, она положила въ основаніе понятіе объ имуществѣ отдѣльнаго лица, упустивши изъ виду, что имущество лица, находящагося въ общеніи съ другими черезъ раздѣленіе труда, есть нѣчто совершенно иное, нежели имущество уединенно хозяйствующей особи..... Она дѣйствовала такъ, какъ будто общество составляетъ только сумму различныхъ хозяйственныхъ единицъ, математическое, а не нравственное цѣлое, ибо именно послѣднее означаетъ общественное цѣлое, какъ будто оно само, народное хозяйство, составляетъ только собраніе единичныхъ хозяйствъ, а не органическое, совокупное хозяйство, котораго отдѣльные органы, безспорно, въ настоящее время страдаютъ еще подъ гнетомъ различныхъ историческихъ отношеній, даже такихъ, которыя отчасти служатъ преградою самому праву лица» [1]).

Родбертусъ показываетъ, какія послѣдствія долженъ имѣть для науки этотъ измѣненный взглядъ. Начавши съ понятій о народномъ, или общественномъ трудѣ, какъ совокупномъ дѣйствіи связанныхъ въ одно неразрывное цѣлое единичныхъ силъ, и о народномъ имуществѣ, какъ столь же неразрывно связанной совокупности произведенныхъ трудомъ матеріальныхъ благъ, наука должна показать, какимъ образомъ это цѣлое внутри себя распадается на отдѣльныя отрасли, группы и наконецъ единичныя предпріятія. Она въ этомъ цѣломъ должна различить народную территорію, народный капиталъ и наконецъ народный продуктъ, котораго часть должна идти на возмѣщеніе потраченнаго капитала, а другая составляетъ народный доходъ, распредѣляющійся между членами сообразно съ участіемъ каждаго въ общемъ производствѣ. Наука должна затѣмъ показать, какимъ образомъ направленіе и движеніе народнаго производства, а равно и распредѣленіе произведеній, зависятъ отъ установленій положительнаго права, и какимъ образомъ все это получило бы совершенно иной видъ, еслибы, сообразно съ истинными понятіями объ отношеніи цѣлаго къ частямъ, каждому лицу присвоивалась въ собственность только приходящаяся на него доля народнаго дохода,

[1]) Zur Beleuchtung der socialen Frage, стр. 25—26.

а отнюдь не земля и капиталъ, которые должны оставаться собственностью общества. При такомъ устройствѣ, все направленіе народнаго производства, сообразно съ народными потребностями, должно бы было находиться въ рукахъ особаго общественнаго учрежденія, которое распоряжалось бы и доставленіемъ продуктовъ потребителямъ, безъ всякаго посредства купли или мѣны, а потому и денегъ. Весь народный доходъ, при такомъ порядкѣ, распредѣлялся бы между производителями, то есть работниками, сообразно съ исполненною ими работою, въ замѣнъ которой каждый могъ бы получать изъ общественныхъ магазиновъ соотвѣтствующую долю нужныхъ для него предметовъ потребленія. Землевладѣльцы, капиталисты, все это бы исчезло: не было бы ни торговыхъ кризисовъ, ни пауперизма, и множество предразсудковъ, затемняющихъ нынѣ истинное положеніе дѣла, уступили бы мѣсто ясному пониманію предмета.

Читатель видитъ, куда ведетъ понятіе объ организмѣ, какъ цѣломъ, владычествующемъ надъ частями. Но не трудно замѣтить, вмѣстѣ съ тѣмъ, что все это зданіе построено на воздухѣ. Понятія о народномъ трудѣ, о народномъ имуществѣ и народномъ производствѣ, которыя, по мнѣнію Родбертуса, должны стоять во главѣ экономической науки, вытекаютъ, по его увѣренію, изъ раздѣленія труда, которое и работу и имущество связываетъ въ одно неразрывное цѣлое. Между тѣмъ, ничего подобнаго ни въ теоріи, ни въ дѣйствительности изъ раздѣленія труда не вытекаетъ. Раздѣленіе труда составляетъ основное экономическое начало, безъ котораго немыслимо сколько нибудь успѣшное производство. Оно состоитъ въ томъ, что каждый производитель занимается своимъ дѣломъ и затѣмъ, путемъ обмѣна, пріобрѣтаетъ отъ другихъ всѣ потребные для него предметы. Въ силу чего же установляется такой порядокъ? Просто въ силу того, что каждый находитъ болѣе выгоднымъ заниматься однимъ дѣломъ, нежели все производить самому. Человѣкъ, искусный въ сапожномъ ремеслѣ, поселяется въ деревнѣ и дѣлаетъ сапоги; крестьяне охотно ихъ покупаютъ, а сапожникъ живетъ на пріобрѣтенныя этимъ способомъ деньги: онъ у домовладѣльца нанимаетъ квартиру, у земледѣльцевъ покупаетъ хлѣбъ, у мясника мясо, у лавочника колоніальные товары, у портнаго платье. Такимъ образомъ происходитъ раздѣленіе труда, просто вслѣдствіе стремленія каждаго къ своей личной выгодѣ. Но никакого общаго хозяйства и общаго имущества у сапожника съ крестьянами, лавочникомъ и портнымъ

изъ этихъ отношеній не образуется. И хозяйство и имущество остаются раздѣльными; происходитъ только обмѣнъ произведеній.

Тоже самое, въ гораздо болѣе обширныхъ размѣрахъ, совершается и между цѣлыми странами. Англія получаетъ хлѣбъ изъ Россіи, чай изъ Китая, кофе изъ Аравіи, сахаръ изъ Вестиндіи, хлопокъ изъ Сѣверной Америки, и въ замѣнъ этого сбываетъ въ эти страны свои фабричныя произведенія; но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что Англія со всѣми этими странами связана въ одно неразрывное цѣлое, и что для всѣхъ ихъ надобно установить какой нибудь общій хозяйственный департаментъ, который бы направлялъ производство и завѣдывалъ распредѣленіемъ имуществъ. Утверждать, что изъ раздѣленія труда вытекаетъ что нибудь, кромѣ обмѣна произведеній, значитъ принимать метафоры за дѣйствительность. Мы видимъ здѣсь живой примѣръ того непостижимаго легкомыслія, съ которымъ соціалисты строятъ свои воздушные замки.

Чтобы внести единство въ экономическія отношенія, очевидно недостаточно труда и обмѣна. Нужно присоединить сюда иное начало, уже не экономическое, а политическое. Государство, какъ представитель совокупныхъ интересовъ народа, отдѣляетъ хозяйственные интересы даннаго общества отъ хозяйственныхъ интересовъ другихъ обществъ. Здѣсь только является возможность говорить о народномъ хозяйствѣ, какъ о чемъ то цѣльномъ, отличающемся отъ другихъ. Именно къ этому началу прибѣгаетъ, вслѣдствіе того, Адольфъ Вагнеръ въ опредѣленіи народнаго хозяйства, какъ цѣльнаго организма. Не касаясь вопроса о возможности будущихъ формъ промышленнаго устройства, проповѣдуемыхъ соціализмомъ, онъ признаетъ, что доселѣ народное хозяйство не имѣло и не имѣетъ во главѣ своей руководящаго хозяйственнаго и юридическаго субъекта. А потому онъ опредѣляетъ народное хозяйство, какъ «представляющуюся въ видѣ отдѣльнаго цѣлаго совокупность самостоятельныхъ, единичныхъ хозяйствъ, находящихся во взаимныхъ сношеніяхъ, въ народѣ, организованномъ въ единичное государство, или связанномъ воедино государственными хозяйственными мѣрами». Не смотря однако на отсутствіе въ немъ руководящей воли, это цѣлое, по мнѣнію Вагнера, представляется организмомъ, въ которомъ единичныя хозяйства, совокупно съ государственнымъ хозяйствомъ, являются не только какъ части, но и какъ члены, имѣющіе рядомъ съ своими собственными цѣлями извѣстныя функціи въ отношеніи къ цѣлому. Органическое единство образуется здѣсь

вслѣдствіе раздѣленія труда и оборота, и хотя эти отношенія существуютъ и между различными народными хозяйствами, однако въ предѣлахъ отдѣльнаго государства они тѣснѣе, а потому здѣсь связь крѣпче. Въ доказательство, Адольфъ Вагнеръ ссылается на группировку важнѣйшихъ отраслей промышленности въ предѣлахъ территоріи. Извѣстная отрасль сосредоточивается въ извѣстной области и снабжаетъ своими произведеніями всю остальную страну, изъ которой эта область, въ свою очередь, получаетъ все, что для нея потребно, и что, именно вслѣдствіе преобладанія отдѣльной отрасли, въ ней не производится (Grundleg. § 53).

Таково воззрѣніе, которое, подъ именемъ органическаго, Вагнеръ противополагаетъ господствующей нынѣ атомистической теоріи. Здѣсь къ чисто экономическимъ факторамъ присоединяется государство; оно составляетъ ключъ всей системы, ибо именно оно сообщаетъ единство цѣлому. Но выигрываетъ ли отъ этого что нибудь самая теорія? Ничуть. Если раздѣленіе труда и оборотъ въ состояніи сдѣлать изъ общества единое цѣлое, то не за чѣмъ прибѣгать къ государственному началу; если же единство сообщается обществу только государствомъ, то организмъ будетъ не экономическій, а политическій. Самъ Вагнеръ признаетъ, что при существующемъ и исконно существовавшемъ порядкѣ, отдѣльныя хозяйства, въ предѣлахъ государства, остаются самостоятельными единицами, лишенными всякаго руководящаго субъекта; но если такъ, то какъ же можно, рядомъ съ этимъ, представлять ихъ органами цѣлаго, то есть государства? Нѣтъ сомнѣнія, что политическій союзъ, соединяя въ себѣ совокупность общественныхъ интересовъ, имѣетъ вліяніе и на хозяйственный бытъ; но онъ столь же мало поглощаетъ въ себѣ экономическое общество, какъ и общество религіозное, литературное или ученое. Промышленникъ, въ своемъ частномъ предпріятіи, столь же мало является органомъ государства, какъ ученый, сочиняющій книгу, или художникъ, пишущій картину. Экономическое общество остается рядомъ съ политическимъ, какъ самостоятельная область, въ которой господствуетъ свободное отношеніе единичныхъ силъ, то есть, атомистическое начало. И если изъ этого отношенія возникаетъ взаимная зависимость единицъ, то эта зависимость нерѣдко существуетъ въ гораздо большей степени въ отношеніи къ другимъ обществамъ, образующимъ самостоятельныя политическія тѣла. Приведенный Вагнеромъ примѣръ, какъ единственный доводъ въ пользу его тезиса, доказы-

васть совершенно противное тому, что онъ хочетъ изъ него вывести. Такъ, сосредоточенныя въ извѣстной области бумагопрядильныя фабрики состоятъ въ гораздо большей зависимости отъ странъ, производящихъ хлопокъ, нежели отъ другихъ областей того же государства. Изъ этого ясно, что экономическія отношенія и политическій союзъ — двѣ разныя вещи. Одинъ порядокъ имѣетъ вліяніе на другой, но смѣшивать ихъ невозможно. Задача науки состоитъ въ томъ, чтобы изслѣдовать природу и свойства каждаго изъ нихъ, и затѣмъ опредѣлить взаимныя ихъ отношенія. Принимать же единство, свойственное одному, за единство другаго есть вовсе не научный пріемъ; это не болѣе какъ смѣшеніе понятій.

Недостаточность государственнаго начала для присвоенія органическаго характера народному хозяйству заставляетъ самого Вагнера тутъ же прибѣгнуть къ другому объединяющему началу, именно, къ понятію о народѣ. Народъ, говоритъ онъ, есть реальное цѣлое, образующее организмъ, и таково же народное хозяйство. Сначала носителемъ (Träger) послѣдняго является народъ въ смыслѣ націи, имѣющей общее происхожденіе, общую исторію, общее мѣсто поселенія, общее развитіе, наконецъ совокупное достояніе, какъ то языкъ, обычаи, право, государство, хозяйство, а также искусство, науку и религію. Народное хозяйство составляетъ одно изъ такихъ достояній, и въ этомъ смыслѣ, вытекая изъ естественнаго развитія народа, оно является произведеніемъ природы. Государство же завершаетъ это развитіе, и черезъ это превращаетъ естественный организмъ въ искусственный: народное хозяйство становится политическою экономіею, то есть, хозяйствомъ народа, соединеннаго политическою связью (§§ 53, 54).

Тутъ уже, какъ видно, объединяющимъ началомъ экономическаго быта являются не экономическіе факторы, раздѣленіе труда и обмѣнъ произведеній, и не политическій, а этнографическій элементъ—народность. Но что такое народность внѣ государства? Общая духовная стихія, которая проявляется преимущественно въ духовной области, въ языкѣ, въ литературѣ, въ искусствѣ, даже въ религіи, хотя различные народы могутъ имѣть одну и туже религію, а одинъ и тотъ же народъ можетъ совмѣщать въ себѣ разныя религіи, наконецъ всего менѣе въ экономическомъ бытѣ, который зависитъ главнымъ образомъ отъ окружающей природы и отъ матеріальныхъ условій, вслѣдствіе чего различныя области, заселенныя одною на-

родностью, могутъ имѣть совершенно противоположные хозяйственные интересы. Конечно, духовный элементъ воздѣйствуетъ на матеріальный: онъ проявляется въ способѣ покоренія природы цѣлямъ человѣка. Поэтому невозможно отрицать вліяніе народности въ промышленной сферѣ. Но это вліяніе общей духовной стихіи обнаруживается не въ совокупной дѣятельности общества, а въ способностяхъ и наклонностяхъ каждаго отдѣльнаго лица. Этнографическій элементъ не образуетъ изъ народнаго хозяйства одного реальнаго цѣлаго. Совокупная дѣятельность народа проявляется не въ хозяйственной области, гдѣ каждый дѣйствуетъ за себя, а въ государствѣ, ибо государство есть именно народъ, устроенный какъ единое цѣлое. Если же государство не поглощаетъ въ себѣ экономическаго общества и неспособно превратить его въ организмъ, то тѣмъ менѣе способно на это неопредѣленное начало народности. Организмъ предполагаетъ организацію, а разлитая въ массѣ духовная стихія ея не имѣетъ. Дѣйствительная же организація экономическаго общества, съ господствующимъ въ немъ началомъ свободнаго труда, основана на атомистическомъ, а не на органическомъ началѣ.

Такимъ образомъ, ни одинъ изъ присущихъ человѣческимъ обществамъ элементовъ, ни экономическій, ни политическій, ни этнографическій, не въ состояніи сдѣлать изъ промышленнаго порядка единый организмъ, въ которомъ бы цѣлое господствовало надъ частями, а части являлись бы органами и орудіями цѣлаго. За недостаткомъ подобнаго элемента, остается откинуть всякій анализъ, смѣшать всѣ разнообразныя стороны общественнаго быта, всѣ входящія въ составъ его группы, союзы и отношенія въ одно смутное цѣлое, взять неопредѣленное понятіе объ обществѣ и уподобить его цѣликомъ физическому организму. Этотъ пріемъ въ настоящее время въ большомъ ходу. Призываются на помощь естественныя науки, и на основаніи фантастическихъ аналогій изображается картина человѣческаго общества, какъ организма. Не только въ склонной къ туманнымъ представленіямъ Германіи, но и въ трезвой Англіи эта мысль находитъ себѣ многочисленныхъ приверженцевъ. Одинъ изъ современныхъ мыслителей, пользующихся наибольшимъ почетомъ, Гербертъ Спенсеръ, подробно развиваетъ ее въ своихъ Началахъ Соціологіи. Въ Германіи, Шеффле посвятилъ ей многотомное сочиненіе, въ которомъ, исходя отъ этой точки зрѣнія, онъ строитъ все общественное зданіе на чисто соціалистическихъ началахъ.

Этотъ взглядъ до такой степени характеризуетъ современное направленіе мысли и ведетъ къ такимъ чудовищнымъ выводамъ относительно устройства экономическаго быта, что мы должны на немъ остановиться. Начнемъ съ ученія Шеффле.

Держась исключительно опытной методы и отвергая самую возможность познавать сущность вещей, Шеффле ограничиваетъ задачу общественной науки эмпирическимъ изслѣдованіемъ матеріальныхъ и духовныхъ явленій общественной жизни и соглашеніемъ этихъ данныхъ съ эмпирическимъ ученіемъ о природѣ и духѣ [1]). Матерія и духъ, говоритъ авторъ, составляютъ два ряда разнородныхъ явленій, которыя, съ чисто опытной точки зрѣнія, не могутъ быть сведены къ какому нибудь третьему, общему началу. Возведеніе ихъ къ единой, лежащей въ основаніи ихъ субстанціи, есть дѣло вѣры. Въ наукѣ, хватаніе за непзвѣстное ни къ чему не ведетъ. Мы должны признать данную намъ опытомъ противоположность и отвергнуть психологическій матеріализмъ, какъ несостоятельную гипотезу (стр. 104, 108, 115). Рядомъ съ этимъ признается однако невозможность оставить различныя явленія внѣ всякой связи другъ съ другомъ. А потому, говоритъ Шеффле, общественное тѣло не можетъ быть поставлено въ отвлеченную противоположность съ основными фактами неорганическими, органическими и индивидуально-психологическими. Наука стремится подвести различныя явленія подъ общіе законы; послѣдніе же результаты опытнаго знанія доказываютъ, что всякой духовной дѣятельности соотвѣтствуютъ извѣстныя физическія движенія. Поэтому мы должны признать, что «всякое механическое и духовное движеніе общественнаго тѣла, точно также какъ и видимое движеніе рукъ и ногъ, есть превращеніе или результатъ маленькихъ, внутреннихъ, невидимыхъ движеній физическихъ и химическихъ элементовъ. На вершинѣ научнаго познанія, самыя сложныя общественныя явленія опытнаго міра подведутся совершенно реальнымъ образомъ, а не только метафорически, подъ одинъ высшій и послѣдній опытный законъ, со всѣми явленіями эволюціи, диссолюціи, равновѣсія, приспособленія, ритма и другими основными явленіями органической и неорганической жизни природы». Чтобы достигнуть этого результата, надобно приступить къ постепенному индуктивному разложенію самыхъ сложныхъ явленій на простѣйшія составныя части. Правда, замѣчаетъ Шеффле, въ общественной наукѣ, самый первый шагъ по этому пути сопряженъ съ почти неодолимыми

[1]) Bau und Leben des socialen Körpers, I, стр. 7.

трудностями, съ одной стороны вслѣдствіе сложности явленій, съ другой стороны вслѣдствіе состоянія индивидуальной психологіи, которая едва представляетъ зачатки истинно научной обработки. Но не смотря на эти затрудненія, мы уже теперь можемъ сказать, что всякая попытка противопоставить общественный міръ остальнымъ явленіямъ природы должна разбиться о конечное внутреннее тождество ихъ сущности (стр. 24—25).

Такова точка отправленія Шеффле. Лежащее въ ней противорѣчіе очевидно. Съ одной стороны утверждается, что мы сущности вещей познавать не можемъ, и что опытъ не даетъ намъ ни малѣйшаго права идти далѣе противоположности явленій матеріи и духа; съ другой стороны, высшею задачею опытной науки полагается именно сведеніе этихъ противоположностей къ единству, и заранѣе уже признается, на основаніи завѣдомо неизслѣдованныхъ данныхъ, внутреннее, существенное ихъ тождество. Первая точка зрѣнія дѣйствительно составляетъ результатъ чистаго опыта; вторая же представляетъ не болѣе, какъ принятое на вѣру предположеніе тѣхъ опрометчивыхъ мыслителей, которые, въ стараніи ввести общественную науку въ разрядъ наукъ естественныхъ, прямо, по выраженію Шеффле, хватаются за неизвѣстное. У Шеффле эти два исключающіе другъ друга взгляда наивно ставятся рядомъ. Отсюда у него двоякое теченіе мысли: съ одной стороны, онъ вездѣ отыскиваетъ аналогіи общественнаго быта съ физическимъ организмомъ, признавая ихъ въ высшей степени важными для науки, съ другой стороны, онъ указываетъ и на существенное ихъ различіе (стр. 32—33). Но такъ какъ главная цѣль состоитъ въ сведеніи разнородныхъ явленій къ общему закону, то въ результатѣ различіе забывается, а поверхностныя аналогіи служатъ основаніемъ для самыхъ фантастическихъ выводовъ. Нельзя не замѣтить, что съ истинно научной точки зрѣнія, аналогія тогда только можетъ имѣть какое либо значеніе, когда нѣтъ существенныхъ различій, могущихъ совершенно измѣнить внутреннія отношенія изслѣдуемыхъ явленій.

Эти аналогіи Шеффле проводитъ въ подробностяхъ, восходя отъ низшихъ элементовъ къ высшимъ. Въ физическомъ организмѣ, первоначальныя органическія единицы составляютъ клѣточки, между которыми находятся междуклѣтчатыя вещества. Въ общественномъ тѣлѣ, по мнѣнію Шеффле, этимъ элементарнымъ частямъ соотвѣтствуютъ лица съ окружающимъ ихъ имуществомъ; аналогія оче-

видно ложная, ибо невозможно уподобить междуклѣтчатыя вещества, составляющія собственное произведеніе организма, внѣшнему имуществу, которое является не болѣе какъ придаткомъ. Никакому естествоиспытателю не приходило еще въ голову включать въ анатомію и физіологію животныхъ птичьи гнѣзда или запасы, которые звѣри набираютъ себѣ на зиму. Если можно говорить объ обществѣ, какъ организмѣ, то надобно разумѣть подъ этимъ единственно связь лицъ, а не включать сюда землю, дороги, дома, одежду, топливо и проч., какъ дѣлаетъ Шеффле. Тутъ уже, вмѣсто аналогіи, является просто невѣрная метафора, то есть, плохая риторика.

Самый личный элементъ общежитія получаетъ въ этомъ подобіи совершенно ложное построеніе. Аналогію съ органическою клѣточкою Шеффле видитъ не въ отдѣльномъ лицѣ, составляющемъ первоначальную единицу, изъ которой образуются всѣ общественныя строенія, а въ семействѣ, представляющемъ уже извѣстную группу лицъ. Въ доказательство, онъ ссылается на то, что и органическая клѣточка заключаетъ въ себѣ разныя составныя части; лицо же немыслимо внѣ семьи: оно изъ нея происходитъ, и выходя изъ нея, опять образуетъ новую семью (стр. 57, 213). Между тѣмъ, составныя части органической клѣточки не существуетъ внѣ ея, тогда какъ лица имѣютъ самостоятельное существованіе внѣ семьи. Семья образуется свободнымъ соединеніемъ лицъ, иногда принадлежащихъ даже къ разнымъ обществамъ: можно жениться на иностранкѣ. Затѣмъ, соединившіяся бракомъ лица могутъ опять расходиться и соединяться съ другими. Даже пребывая въ семьѣ, человѣкъ не живетъ въ ней всецѣло; онъ имѣетъ множество другихъ, внѣсемейныхъ отношеній: онъ ремесленникъ, фабрикантъ, ученый, художникъ, онъ состоитъ членомъ разныхъ обществъ, города, земства, государства. Это признаетъ и Шеффле. Какимъ же образомъ возможно, путемъ пустаго и поверхностнаго подобія, выкинуть этотъ коренной элементъ всякаго общежитія—лице? Аналогіями позволительно осторожно пользоваться въ наукѣ, тамъ гдѣ есть сходство въ основныхъ чертахъ; но тутъ намѣренно устраняется все существенное, и остается только чисто произвольное уподобленіе съ тенденціозною цѣлью.

Столь же произвольны тѣ заключенія, которыя Шеффле дѣлаетъ относительно имущества. Сообразно съ общимъ своимъ взглядомъ на имущество, какъ на составную часть организма, онъ

семьѣ, какъ первоначальной общественной клѣточкѣ, приписываетъ совокупное имущество, состоящее изъ всѣхъ нужныхъ для ея потребленія вещей. Извѣстно, что мужъ, жена, дѣти, могутъ имѣть и нерѣдко имѣютъ свое отдѣльное имущество; но это не входитъ въ расчетъ автора. Семейное имущество, по его мнѣнію, составляетъ одно цѣлое. Это — интрацеллулярное, или внутриклѣтчатое вещество, въ отличіе отъ интерцеллулярнаго, или междуклѣтчатаго вещества, связывающаго различныя клѣточки между собою. Послѣднее, по своему положенію, есть уже не семейное, а общественное имущество, и если оно предоставляется семействамъ, то это происходитъ единственно въ виду общественныхъ цѣлей, когда, вслѣдствіе историческихъ причинъ, на семейства возлагается исполненіе извѣстныхъ общественныхъ отправленій. Къ этому разряду Шеффле причисляетъ всякій промышленный капиталъ, въ которомъ онъ видитъ смѣшеніе семейной, интрацеллулярной, съ общественною, интерцеллулярною субстанціею. Промышленность представляетъ область, въ которой семейства соприкасаются другъ съ другомъ, а потому все вложенное въ промышленныя предпріятія имущество имѣетъ общественное значеніе; присвоеніе же его отдѣльнымъ семьямъ можетъ быть оправдано только исторически (стр. 215—218). Читатель видитъ, куда клонятся фантастическія аналогіи. Коренной элементъ человѣческаго общежитія, лице, съ его свободою и со всѣми вытекающими изъ свободы послѣдствіями, совершенно вычеркивается изъ области общественныхъ отношеній.

Это уничтоженіе личнаго элемента прямо даже высказывается авторомъ, какъ основное начало соціологіи. Переходя отъ общественныхъ клѣточекъ къ общественнымъ тканямъ, или, какъ онъ называетъ эту отрасль науки, къ соціальной гистологіи, онъ говоритъ: «весьма важно соціально дѣятельные, то есть, внутри тѣла человѣческаго общества дѣятельные субъекты, или лица (самостоятельныя существа въ смыслѣ соціологіи), дѣйствительно понять и положить въ основаніе такъ, какъ они фактически представляются намъ въ общественномъ опытномъ мірѣ. Въ противоположность самымъ укоренившимся представленіямъ индивидуалистически-атомистической общественной науки, опытъ показываетъ намъ, что массы взаимподѣйствій, въ которыхъ выражается жизнь общественнаго тѣла, исполняются соціально иными субъектами, нежели физическія лица индивидуальной антропологіи. Всякое идущее эмпирическимъ

путемъ анотомически-физіологически-психологическое разсмотрѣніе соціальныхъ фактовъ показываетъ намъ дѣйствующими не физическія лица, а учрежденія (Anstalten), или лица, дѣйствующія въ видѣ учрежденій, то есть, соціальные органы, ткани и части тканей, которые всѣ безъ исключенія слагаются изъ персонала и имущества, также какъ и члены, ткани и части тканей органическихъ тѣлъ безъ исключенія составлены изъ клѣточекъ и междуклѣтчатыхъ веществъ.» (стр. 276). Шеффле увѣряетъ, что упущеніе изъ виду этого основнаго факта соціологіи, который даже какъ бы намѣренно сглаживается юридическою терминологіею, ведетъ къ самымъ пагубнымъ заблужденіямъ. Соціально, отдѣльное лице есть не болѣе какъ элементъ ткани (gewebliches Element), который всегда является вплетеннымъ въ различныя соединенія съ другими лицами и имуществомъ. Даже тамъ, гдѣ оно дѣйствуетъ совершенно самостоятельно, оно соціально дѣйствуетъ не иначе, какъ черезъ посредство извѣстнаго аппарата внѣшнихъ орудій, то есть, какъ дѣятельный элементъ сложнаго учрежденія, и воля его является органомъ воли этого соціальнаго собирательнаго субъекта. Начинать же съ отвлеченнаго физическаго лица и фиктивныхъ его расширеній, говоритъ Шеффле, какъ дѣлаетъ правовѣдѣніе, значитъ прямо «бить въ лице» эмпирическимъ даннымъ соціальной анатоміи, физіологіи и психологіи. Вся господствующая въ правовѣдѣніи путаница понятій относительно юридическихъ лицъ, а также чисто индивидуалистическое пониманіе собственности, коренится, по мнѣнію Шеффле, въ «индивидуалистически антисоціальной подстановкѣ физической личности вмѣсто соціальной субъективности». Правовѣдѣніе, какъ и всякая общественная наука, должно строго держаться опытной почвы, а «на этой почвѣ, для соціологическаго взгляда, нѣтъ физическаго лица. Единственныя, истинно реальныя, а не фиктивныя лица соціологіи суть, безъ исключенія, сплетенія индивидуальныхъ духовныхъ силъ, соединенныхъ съ соотвѣтствующими имущественными снарядами... Единственными же фиктивными лицами, съ точки зрѣнія соціологіи, были бы голыя и чистыя физическія лица; ибо таковыхъ, какъ прямыхъ носителей соціальныхъ взаимодѣйствій, не существуетъ.... Реальныя лица, или субъекты дѣятельности, въ смыслѣ науки объ обществѣ, суть всегда органы, ткани и части тканей, въ которыхъ часть индивидуальныхъ рабо-

мыхъ силъ и имущественной субстанціи является въ способное къ соціальной дѣятельности учрежденіе» (стр. 277—284).

Мы нарочно сдѣлали эти выписки, съ сохраненіемъ ихъ уродливаго языка, чтобы показать, до какой степени умопомраченія доходятъ современные такъ называемые соціологи, вносящіе въ изученіе общественныхъ явленій понятія и воззрѣнія естественныхъ наукъ. И это пишетъ не какой нибудь темный наслѣдователь, который, по ограниченности ума, доводитъ до безобразной крайности мысли, выработанныя новѣйшею наукою! Нѣтъ, это взято изъ многотомнаго сочиненія извѣстнаго экономиста, прославившагося своими учеными трудами, профессора и бывшаго министра великой европейской державы. Что можно почерпнуть изъ науки, которая низошла до такого уровня? Всего удивительнѣе то, что эти нелѣпости выдаются за результаты опыта. Доселѣ чистый опытъ всегда велъ къ индивидуализму, ибо въ опытной сферѣ мы встрѣчаемъ только физическія лица: нужно дѣйствіе мысли, чтобъ за видимою разобщенностью лицъ открыть внутреннее, духовное ихъ единство. Здѣсь же, во имя опыта, то, что мы видимъ въ дѣйствительности, объявляется фикціею; ученый наслѣдователь утверждаетъ, что физическое лице не существуетъ: оно ничто иное какъ употребленный для ткани (geweblich verwendet) элементъ! Даже тамъ, гдѣ оно, повидимому, дѣйствуетъ самостоятельно, оно является только органомъ воли принадлежащаго ему имущества и употребляемыхъ имъ орудій. Современная соціологія дошла до понятія о волѣ имущества и орудій! Большую аберрацію, кажется, трудно придумать.

Въ дѣйствительности, разумъ и воля принадлежатъ только человѣку, а не вещамъ; а такъ какъ лицемъ называется именно существо, одаренное разумомъ и волею, то имущество никогда не можетъ быть лицемъ или составною частью лица: оно всегда является только принадлежностью лица. Если въ правовѣдѣніи имущество возводится иногда на степень лица, напримѣръ въ такъ называемомъ лежачемъ наслѣдствѣ (hereditas jacens), то это происходитъ единственно оттого, что лице наслѣдника остается пока неизвѣстнымъ; но никто никогда не признавалъ это за что либо иное, какъ за юридическую фикцію. Реально же, всякая дѣятельность, какъ частная, такъ и общественная, исходитъ изъ разума и воли единичныхъ существъ, ибо иныхъ одарен-

ныхъ разумомъ и волею субъектовъ въ дѣйствительности не существуетъ. Самая общественная воля ничто иное какъ юридическая фикція, ибо общество, какъ цѣлое, реально воли не имѣетъ: волею его признается воля тѣхъ или другихъ единичныхъ лицъ, которыя считаются его представителями. Поэтому ни соціологія, ни какая либо другая наука, изслѣдующая человѣческія отношенія, не можетъ отправляться отъ инаго начала, кромѣ разума и воли отдѣльнаго лица: все остальное является производнымъ. Индивидуализмъ можетъ быть устраненъ только съ уничтоженіемъ человѣка.

Шеффле проводитъ свои аналогіи и по различнымъ видамъ тканей. Онъ насчитываетъ шесть родовъ общественныхъ тканей, а именно, связующія ткани (Bindegewebe), представляющія всякаго рода безформенныя отношенія, кровныя, этнографическія, мѣстныя, торговыя, религіозныя, общежительныя, сословныя, даже политическія, и пять спеціальныхъ тканей, черезъ посредство которыхъ совершаются важнѣйшія отправленія общественнаго организма: таковы осѣдлость, защита, хозяйство, техника и руководство. Въ физическомъ организмѣ этимъ пяти тканямъ соотвѣтствуютъ кости, кожа, питательные сосуды, мускулы и нервы. Осѣдлость выражается въ постройкахъ и дорогахъ; они образуютъ общественный скелетъ, въ которомъ большіе города изображаютъ черепъ, среднія позвоночный столбъ, а разные движимые придатки, какъ то мебель и экипажи, занимаютъ мѣсто связокъ (стр. 326—7). Къ защитѣ относятся всякія покрышки, упаковки, лаки, заборы, конверты, одежда, обувь, перчатки, дрова, наконецъ армія и флотъ, которыя, къ удивленію, оказываются въ одной категоріи съ коробочками, рамками и дровами (стр. 329—330). Однакоже, будучи орудіями дѣятельности, они относятся вмѣстѣ съ тѣмъ и къ техникѣ (стр. 346), такъ что одно и тоже учрежденіе является въ одно и тоже время и общественною кожею и общественными мускулами, что̀ нѣсколько путаетъ аналогію. Самыя ткани впослѣдствіи являются какъ цѣлыя системы органовъ, представляющія отчасти тѣже рубрики осѣдлости, защиты, хозяйства, а отчасти и другія: школу, умственное развлеченіе, искусство, языкъ и т. д. (стр. 847). Въ этихъ системахъ, напримѣръ въ осѣдлости, которая въ видѣ ткани представляла только собраніе вещей, важнѣйшею составною частью являются уже лица, и Шеффле серіозно утверждаетъ, что «тѣ части тѣла, какъ то скелетъ, извѣстные мускулы, нервы, связи, которыя служатъ ходьбѣ,

сидѣнію, лежанію, восхожденію, поднманію, ношенію, нагруженію, ѣздѣ, должны разсматриваться какъ живой вкладъ (или часть) соціальнаго организма защиты и движенія» (III, стр. 117), такъ что напримѣръ нога человѣка, которая служитъ ему для ходьбы, должна разсматриваться, какъ часть общественной ноги и т. д.

Всѣ эти ребяческія подобія, безъ сомнѣнія, могутъ вызывать только улыбку. А между тѣмъ, Шеффле дѣлаетъ изъ нихъ важнѣйшіе выводы относительно экономическаго порядка общественной жизни. «При полномъ сознаніи одухотворенной сущности соціальнаго обмѣна матеріи, говоритъ онъ, мы не должны однако позволить отнять у себя одну прибыль, которую мы получили отъ сравненія его съ обмѣномъ матеріи въ животномъ тѣлѣ. Общественный обмѣнъ матеріи, какъ цѣлое, стоитъ выше своихъ членовъ, то есть, хозяйствъ отдѣльныхъ семействъ, частныхъ лицъ и учрежденій. Точно также національныя или соціальныя экономическія категоріи идутъ прежде частно-хозяйственныхъ. Если даже исторически соціальный обмѣнъ матеріи слагается изъ соединенія и взаимныхъ сношеній отдѣльныхъ хозяйствъ, большею частью частно-хозяйственнымъ путемъ торговли, то все-таки, какъ скоро соціальный обмѣнъ матеріи образовался изъ совокупляющихъ патріархальныхъ, или феодальныхъ, или капиталистическихъ, или общехозяйственныхъ организующихъ, оборотныхъ и интегрирующихъ силъ, такъ обмѣнъ матеріи общественнаго тѣла становится выше особыхъ обмѣновъ матеріи отдѣльныхъ хозяйствъ; цѣлое идетъ прежде частей. Послѣднія зависятъ отъ первыхъ» (III, стр. 243). То есть, говоря человѣческимъ языкомъ, хотя въ исторіи и въ жизни общественное хозяйство представляется не болѣе какъ взаимнодѣйствіемъ частныхъ хозяйствъ, однако аналогія съ животнымъ организмомъ заставляетъ насъ утверждать, что общее хозяйство господствуетъ надъ частнымъ. «Физіологія животнаго питанія, прибавляетъ Шеффле, хотя она въ недавнее время основательно разработала клѣтчатые питательные процессы, никогда однакоже не забывала, что хозяйства клѣточекъ составляютъ интегрирующія части общаго питанія. Въ народномъ же хозяйствѣ, замѣчательнымъ образомъ, съ перваго раза выдалась съ значительною односторонностью противоположная, частно-хозяйственная точка зрѣнія».

То, что автору кажется удивительнымъ, происходитъ просто оттого, что объ науки, отправляясь отъ изученія явленій, изслѣ-

дуютъ то, что онѣ находятъ въ дѣйствительности, а не строятъ фантастическихъ теорій на основаніи мнимыхъ аналогій. Изъ того, что въ физическомъ организмѣ общее питаніе совершается посредствомъ желудка, отъ котораго отдѣльныя клѣточки получаютъ свою пищу, вовсе не слѣдуетъ, что таковой же желудокъ непремѣнно долженъ обрѣтаться и въ народномъ хозяйствѣ. Предполагать тутъ одинакія начала, когда дѣйствительность показываетъ намъ совершенно противное, значитъ не идти научнымъ путемъ, а предаваться праздымъ фантазіямъ. Аристотель, у котораго Шеффле заимствовалъ положеніе, что цѣлое идетъ прежде частей, возражая Платону, говоритъ, что общество менѣе едино, нежели отдѣльное лицо, а потому отношеніе частей къ цѣлому, которое существуетъ въ послѣднемъ, не можетъ служить указаніемъ для перваго.

Между тѣмъ Шеффле, исходя отъ этого начала, строитъ на немъ цѣлую систему народнаго хозяйства. Онъ утверждаетъ, что всѣ «частныя потребности суть только составныя, въ себѣ самихъ далѣе расчленяющіяся части общей потребности, которая служитъ поддержанію совокупнаго жизненнаго движенія и обновленію всѣхъ субстанцій общественнаго тѣла... Совокупное удовлетвореніе разнообразныхъ потребностей лица и цѣлаго народа ведетъ къ постоянному возобновленію общественнаго тѣла. Потребности составляютъ поэтому одну единицу; онѣ не могутъ быть раздѣлены... Частныя потребности физическихъ и нравственныхъ лицъ могутъ правильно обсуждаться только какъ члены совокупной потребности» (III, стр. 249). И тутъ, по увѣренію Шеффле, «рѣчь идетъ не объ томъ только, чтобы свести общій итогъ личныхъ, частью въ высшей степени неразумныхъ и вредныхъ для общества потребностей и признать ихъ, не обращая вниманія на интересы цѣлаго. Отдѣльныя потребности слѣдуетъ частью уничтожить, частью затруднить. Другія должны получить право гражданства или облегченія. Свободѣ личныхъ потребностей надобно положить общественныя границы, узду и побужденія въ интересахъ совокупнаго сохраненія» (стр. 320). Правда, нѣсколько далѣе Шеффле признаетъ, что «терроризмъ, который захотѣлъ бы отодвинуть назадъ личную свободу потребностей существенно за предѣлы нынѣшней свободы потребностей средняго состоянія, навѣрное не могъ бы продержаться долѣе четверти года» (стр. 344); но это одно изъ тѣхъ противорѣчій, въ которыя вовлекаютъ автора

неотразимыя требованія дѣйствительности, и которыя характеризуютъ указанное выше двоякое теченіе его мыслей.

Точно также какъ въ потребностяхъ, Шеффле и въ работѣ и въ произведеніяхъ видитъ одно цѣлое. «Совокупная реальность народнохозяйственныхъ издержекъ и выгодъ, говоритъ онъ, составляетъ живую или скрывающуюся въ матеріи общественную силу данной цивилизаціи. Въ двойномъ обликѣ издержекъ и пользы, который представляетъ намъ каждое вещественное благо, проявляются двѣ стороны единой, выражающейся въ обмѣнѣ матеріи силы... Какъ рабочая сила въ обширномъ смыслѣ, она составляетъ единый источникъ матеріальнаго дифференцированія разнообразныхъ благъ... Вслѣдствіе этого, самыхъ различныхъ родовъ блага образуютъ обусловливающія другъ друга составныя части совокупной потребности общества, или одного и того же связаннаго обмѣномъ союза лицъ... Всѣ хозяйственныя блага, въ предѣлахъ того круга потребностей, къ которому они принадлежатъ, имѣютъ одну и туже сложную и нераздѣльную силу своимъ источникомъ и своею цѣлью» (III, стр. 274—276). Отсюда требованіе, чтобы сумма всѣхъ отдѣльныхъ работъ была сведена къ «единой нераздѣльной субстанціи общественной силы, какъ къ своему знаменателю» (стр. 276), и чтобы «работы производились, какъ части совокупной работы, подъ общественнымъ руководствомъ», при чемъ «каждому лично записывались бы только часы исполненной для народа работы на томъ листѣ, который онъ имѣлъ бы при одномъ изъ отдѣленій великой расчленяющейся на отдѣлы главной соціальной бухгалтеріи» (стр. 334). Такое «соціальное государство имѣло бы въ дѣйствительности соціализированную, связанную въ одно интегральное цѣлое національную работу» (стр. 315). Но настоящее устройство народнаго хозяйства, замѣчаетъ Шеффле, не представляетъ и тѣни такого рода общественной организаціи. Образованіе цѣнностей предоставлено борьбѣ частныхъ интересовъ. Въ этой борьбѣ рѣшаютъ перевѣсъ капитала и хитрость. Среднія общественныя издержки и получаемая общественная выгода не только не подчиняются общимъ правиламъ, но даже не сознаются, не опредѣляются и не вычисляются. Однимъ словомъ, вмѣсто совокупныхъ потребностей, совокупной работы и совокупныхъ произведеній, мы имѣемъ безконечное разнообразіе частныхъ потребностей, работъ и произведеній.

И такъ, когда мы съ великимъ аппаратомъ учености, призывая

на помощь естественныя науки, употребляемъ аналогіи изъ физическаго міра, мы сравниваемъ не дѣйствительное съ дѣйствительнымъ, а дѣйствительность съ мечтою. Существующее народное хозяйство вовсе не похоже на питаніе физическаго организма; но на него должно быть похоже будущее! Въ силу чего же оно должно быть похоже? Въ силу аналогіи. Но гдѣ же аналогія, когда сходства нѣтъ, и мы еще мечтаемъ объ томъ, что оно когда нибудь будетъ? Вся эта аргументація Шеффле основана на употребленіи риторическихъ фигуръ, вмѣсто точныхъ научныхъ терминовъ. Въ народномъ хозяйствѣ можно говорить о совокупныхъ потребностяхъ, о совокупной работѣ; но надобно помнить, что подъ этимъ разумѣется только сумма частныхъ потребностей и работъ. Если же мы, подъ предлогомъ, что потребности, работа и произведенія составляютъ одно цѣлое, будемъ требовать, чтобы все это опредѣлялось государствомъ, если мы въ національной работѣ будемъ видѣть реально единую силу, тогда какъ на дѣлѣ существуетъ множество раздѣльныхъ самостоятельныхъ силъ, то мы цѣлую новую и невиданную систему общественныхъ отношеній возведемъ на риторикѣ. Соціализмъ этимъ пробавляется; но изъ науки подобные пріемы должны быть изгнаны. Они служатъ только печальнымъ признакомъ того низкаго уровня, до котораго дошли современныя научныя изслѣдованія подъ вліяніемъ господствующаго реализма.

Аналогія съ физическимъ организмомъ тѣмъ менѣе можетъ служить доводомъ въ пользу соціалистическаго устройства народнаго хозяйства, что изъ нея съ одинаковымъ правдоподобіемъ можно вывести совершенно противоположное. Доказательствомъ тому служитъ теорія Спенсера. Знаменитый англійскій философъ, точно также какъ Шеффле, признаетъ общество организмомъ. Въ своихъ Началахъ соціологіи онъ подробно развиваетъ эту мысль и старается утвердить ее на научныхъ данныхъ. Общество, говоритъ онъ, составляетъ не простое собраніе лицъ, а единое цѣлое. Это явствуетъ изъ того, что между его частями существуютъ постоянныя отношенія, а постоянство отношеній и есть то, что даетъ единичный характеръ цѣлому, или что дѣлаетъ предметъ отдѣльною вещью (гл. 1).

Замѣтимъ, что постоянство отношеній точно также существуетъ въ системѣ вещей, какъ и въ единичной вещи. Достаточно указать на солнечную систему. Слѣдовательно, одного этого признака совер-

шенно недостаточно для опредѣленія характера общества, какъ цѣлаго. Между тѣмъ, Спенсеръ довольствуется имъ и прямо приступаетъ къ изслѣдованію вопроса: къ какого рода вещамъ мы должны отнести человѣческое общество?

Сходство существенныхъ признаковъ, по мнѣнію Спенсера, заставляетъ отнести его къ разряду организмовъ. Общество, также какъ организмъ, имѣетъ ростъ; по мѣрѣ роста, въ немъ происходятъ различія въ строеніи частей, а съ тѣмъ вмѣстѣ отдѣльныя части получаютъ различныя отправленія; эти части и отправленія находятся во взаимной зависимости и живутъ общею жизнью; наконецъ, общество, также какъ организмъ, состоитъ изъ отдѣльныхъ единицъ, имѣющихъ самостоятельную жизнь и могущихъ даже продолжать нѣкоторое время свое существованіе, когда жизнь цѣлаго внезапно прекратилась, хотя съ другой стороны, при нормальномъ порядкѣ, жизнь цѣлаго продолжается далеко за предѣлы жизни входящихъ въ составъ его единицъ. Существенное отличіе общества отъ организма состоитъ въ томъ, что послѣдній находится въ состояніи связномъ, тогда какъ въ обществѣ единицы раздѣльны. Отсюда различіе цѣлей: такъ какъ сознаніе въ обществѣ не сосредоточено въ общемъ вмѣстилищѣ, а разлито по всему тѣлу, то цѣлью общественной жизни не можетъ быть счастье цѣлаго, а только счастье отдѣльныхъ единицъ, способныхъ ощущать удовольствіе и страданіе. Не лица существуютъ для общества, а общество для лицъ. Поэтому и права политическаго тѣла сами по себѣ ничего не значатъ: они получаютъ значеніе, только какъ выражающія собою извѣстныя права членовъ. Однакоже, говоритъ Спенсеръ, это различіе цѣлей не влечетъ за собою различія законовъ, управляющихъ организмомъ. Если въ обществѣ необходимыя вліянія частей другъ на друга не могутъ передаваться непосредственно, какъ въ физическомъ организмѣ, то они могутъ передаваться косвенно, посредствомъ языка (гл. 2).

И тутъ мы не можемъ не сказать, что аналогія проведена въ высшей степени поверхностно. Хотя есть сходныя черты, зато есть и существенныя различія, а потому невозможно отнести оба явленія къ одному разряду. Если общество составляетъ не одно связное цѣлое, а соединеніе раздѣльныхъ единицъ, свободно движущихся и живущихъ самостоятельною жизнью, то въ физическомъ смыслѣ оно должно разсматриваться не какъ единичное тѣло, а какъ система единичныхъ тѣлъ. Если взаимное вліяніе частей происходитъ не пу-

темъ физическаго дѣйствія, а черезъ посредство духовнаго общенія. то и единство здѣсь не физическое, а духовное, а потому всѣ аналогіи съ физическимъ организмомъ могутъ имѣть значеніе только метафорическое. Наконецъ, если справедливо, что за отсутствіемъ физическаго центра сознанія и чувства, цѣлью общества можетъ быть только благо частей, а не благо цѣлаго, то этимъ самымъ полагается между обществомъ и организмомъ самое глубокое и коренное различіе. Понятіе объ организмѣ все основано на томъ, что части служатъ органами цѣлаго, то есть, цѣлое является цѣлью, а части средствами или орудіями для этой цѣли. Руки и ноги существуютъ для человѣка, а не человѣкъ для рукъ и ногъ. Какъ же скоро мы принимаемъ обратное отношеніе, такъ понятіе объ организмѣ исчезаетъ, и мы имѣемъ передъ собою явленіе совершенно инаго рода.

Всѣ эти существенныя различія сводятся къ тому, что общество, въ отличіе отъ физическаго организма, образуетъ систему раздѣльныхъ единицъ, связанныхъ духовною связью. Какого рода единство вытекаетъ изъ этой связи, это можетъ раскрыть намъ только фактическое изученіе взаимнаго отношенія цѣлаго и частей въ человѣческихъ обществахъ; аналогіи же съ физическимъ организмомъ, при такомъ коренномъ различіи, не служатъ ровно ни къ чему.

Спенсеръ увѣряетъ однако, что разница въ связи, въ способѣ взаимодѣйствія и въ цѣляхъ отнюдь не влечетъ за собою различія законовъ, управляющихъ тѣломъ. Но уже съ перваго взгляда такое положеніе представляется крайне парадоксальнымъ. Гдѣ есть различіе въ отношеніяхъ частей между собою, въ способѣ ихъ дѣйствія и наконецъ въ отношеніяхъ ихъ къ цѣлому, тамъ не можетъ не быть различія въ законахъ, ибо законами опредѣляются именно отношенія вещей. Изученіе фактовъ убѣждаетъ насъ въ этомъ еще болѣе. Только путемъ самыхъ натянутыхъ аналогій и опущеніемъ самыхъ существенныхъ признаковъ возможно насильственно свести обоего рода законы къ одной категоріи. Это именно мы и находимъ у Спенсера.

Такъ, относительно роста, онъ говоритъ, что общества, также какъ живыя тѣла, начинаются съ зародышей и затѣмъ, путемъ постепеннаго размноженія составныхъ единицъ или внѣшняго соединенія группъ, достигаютъ значительныхъ размѣровъ (гл. 3). Уподоблять мелкія кочующія орды физическимъ зародышамъ, какъ дѣлаетъ Спенсеръ, значитъ пробавляться метафорами. Естественное

размноженіе народонаселенія, конечно, можно сравнить съ размноженіемъ клѣточекъ въ единичномъ организмѣ, ибо оба явленія проистекаютъ изъ одного начала, изъ физическаго размноженія особей. Но въ образованіи человѣческихъ обществъ, къ этому естественному способу приращенія присоединяется другой, чисто искусственный, завоеваніе, которое никакъ нельзя сравнить съ естественнымъ соединеніемъ однородныхъ группъ въ низшихъ организмахъ. Самъ Спенсеръ указываетъ на то, что соединеніе мелкихъ племенъ нерѣдко проистекаетъ изъ личнаго характера великаго военачальника. «Отъ времени до времени, говоритъ онъ, является маленькій Наполеонъ, который покоряетъ себѣ царство и воздвигаетъ имперію. Но династіи не переживаютъ духа «владыки». Въ животномъ организмѣ маленькіе Наполеоны не появляются. Никто также не видалъ, чтобы одно животное, въ борьбѣ съ другимъ, откусило чужую ногу и приставило ее себѣ, подобно тому какъ государства сплошь да рядомъ присоединяютъ къ себѣ завоеванныя у другихъ области, при чемъ происходитъ искусственное смѣшеніе самыхъ разнородныхъ элементовъ, различныхъ расъ, религій, степеней культуры и т. д. Обо всемъ этомъ Спенсеръ осторожно умалчиваетъ. Онъ принужденъ однако признать, что есть извѣстный приростъ общественнаго тѣла, которому нѣтъ аналогіи въ физическомъ организмѣ, именно, переходъ единицъ изъ одного общества въ другое; но онъ увѣряетъ, что этотъ способъ приращенія играетъ весьма незначительную роль въ образованіи человѣческихъ обществъ. Достаточно вспомнить эпоху переселенія народовъ, чтобы убѣдиться, напротивъ, въ весьма существенномъ значеніи этого явленія. Въ результатѣ оказывается, что если ростъ физическаго организма совершается исключительно путемъ естественнаго размноженія, то въ человѣческихъ обществахъ является новый, неизвѣстный физическому міру элементъ — свобода.

Тоже самое относится и къ общественному строенію. Спенсеръ указываетъ на то, что въ обществахъ, также какъ и въ физическихъ организмахъ, умноженіе массы обыкновенно сопровождается осложненіемъ строенія; говоря его языкомъ, интеграція сопровождается дифференціаціею. По мѣрѣ прибавленія роста, увеличивается разнородность частей; отъ общихъ различій она идетъ все далѣе къ болѣе частнымъ (гл. 4). Нѣтъ сомнѣнія, что развитіе, которое обыкновенно влечетъ за собою большее разнообразіе и осложненіе частей, составляетъ общій законъ физическихъ организмовъ и человѣческихъ сою-

зовъ; но и тутъ свойственная человѣку свобода даетъ ему совершенно иной характеръ. Во первыхъ, внутреннія различія общественнаго строенія нерѣдко образуются не путемъ органическаго роста, а въ силу внѣшняго завоеванія. Наглядный примѣръ представляетъ всемірное различіе господъ и рабовъ, на которое указываетъ и Спенсеръ, какъ на первоначальный, коренной фактъ человѣческаго общежитія. Дифференціація происходитъ здѣсь вслѣдствіе того, что пришлое племя покоряетъ туземцевъ и обращаетъ ихъ въ рабство. Тоже самое въ значительной степени прилагается къ различію сословій и кастъ. Во вторыхъ, человѣческое развитіе, подъ вліяніемъ свободы, совершается путемъ внутренней борьбы, между тѣмъ какъ въ физическомъ организмѣ мы ничего подобнаго не видимъ. Не столкновеніемъ стараго съ новымъ, не переворотами и междоусобіями, а переходя черезъ періодъ усыпленія, гусеница превращается въ бабочку. Человѣкъ же идетъ отъ ступени къ ступени только борьбою новыхъ началъ съ установившимся порядкомъ. Наконецъ, несправедливо, что въ этой борьбѣ постоянно увеличивается дифференціація, какъ увѣряетъ Спенсеръ. Часто мы видимъ совершенно обратное явленіе: сословныя различія исчезаютъ; низшіе классы уравниваются съ высшими. Еслибы теорія Спенсера была справедлива, то человѣчество неудержимо стремилось бы къ повсемѣстному установленію кастъ, и всякое уклоненіе отъ этого порядка было бы признакомъ разложенія. На дѣлѣ происходитъ вовсе не то.

Поэтому невѣрно положеніе Спенсера, что въ человѣческихъ обществахъ, также какъ въ физическомъ организмѣ, съ высшимъ развитіемъ и съ спеціализаціею отправленій, является все бо́льшая и бо́льшая зависимость частей другъ отъ друга, а съ тѣмъ вмѣстѣ и все меньшая возможность замѣнить одно отправленіе другимъ (гл. 5). Если «мы не можемъ разрѣзать на двое млекопитающее безъ того, чтобы оно тотчасъ не умерло», то отъ человѣческаго общества можно отдѣлить любую часть, и оно все таки не умираетъ. Римская Имперія раздѣлилась на двѣ половины; Сѣверная Америка отдѣлилась отъ Англіи, Бразилія отъ Португаліи, Голландія отъ Бельгіи. Наполеонъ I-й производилъ удивительныя операціи надъ европейскими государствами; но послѣ его паденія они возстановились въ видѣ, весьма близко подходившемъ къ прежнему. «Отдѣлите округъ, гдѣ обработывается хлопчатая бумага, отъ Ливерпуля и другихъ портовъ, говоритъ Спенсеръ, и промышленность его остановится, а затѣмъ

погибнетъ народонаселеніе». Но округъ, гдѣ добывается хлопчатая бумага, принадлежитъ къ совершенно другому обществу, нежели тотъ, гдѣ она обработывается; а между тѣмъ послѣдній отъ этого не погибаетъ. Что же касается до спеціализаціи отправленій и невозможности замѣны одного другимъ, то это положеніе опровергается, какъ уже сказано выше, уничтоженіемъ сословій и кастъ на высшихъ ступеняхъ развитія. Если съ одной стороны требуется спеціальность, то съ другой стороны, высшее образованіе дѣлаетъ человѣка болѣе способнымъ переходить отъ одного занятія къ другому и изъ одного положенія въ другое.

Не довольствуясь указаніемъ общихъ законовъ, Спенсеръ, подобно Шеффле, проводитъ аналогію между различными отправленіями физическаго организма и человѣческаго общества. Онъ различаетъ въ обоихъ три системы, или аппарата органовъ: 1) аппаратъ производительный, вырабатывающій пищу; 2) аппаратъ направляющій, и наконецъ 3) стоящій между обоими и образующійся позднѣе всѣхъ аппаратъ распредѣляющій (гл. 6). Системы осѣдлости, защиты и движенія, которыя у Шеффле играютъ важную роль, тутъ совершенно оставляются безъ вниманія. Какъ видно, въ соціологическихъ аналогіяхъ можно брать, что угодно, и оставлять въ сторонѣ все, что угодно. Соціологія—такая наука, которая все терпитъ.

Подробности указанныхъ Спенсеромъ аналогій убѣждаютъ насъ въ этомъ еще болѣе. Казалось бы, трудно найти какое нибудь сходство между пищеварительнымъ процессомъ у животныхъ и промышленнымъ производствомъ въ человѣческихъ обществахъ. Животный организмъ имѣетъ общій пищепріемный каналъ, общій желудокъ, наконецъ общій кишечный каналъ, откуда переваренная пища распредѣляется уже по всему тѣлу; въ человѣческомъ же обществѣ, каждая изъ милліоновъ составляющихъ его единицъ работаетъ для себя, вступая въ безконечно разнообразныя соединенія и взаимодѣйствія съ другими. Контрастъ тутъ полный; но Спенсеръ не считаетъ даже нужнымъ объ немъ упоминать. Вмѣсто того чтобы обратить вниманіе на строеніе органовъ, въ чемъ и заключается существенный вопросъ, онъ указываетъ на то, что каждая изъ частей пищеваго аппарата у животныхъ имѣетъ свое спеціальное назначеніе въ переработкѣ воспринимаемой пищи, и точно также въ обществѣ различныя отрасли промышленности сосредоточиваются въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ добываются обработываемыя ими произведе-

нія. Кромѣ того, подобно тому какъ въ высшихъ животныхъ пищевой аппаратъ теряетъ отношеніе къ первоначальнымъ сегментамъ животнаго тѣла, въ человѣческомъ обществѣ распредѣленіе промышленности, на высшихъ ступеняхъ, не соображается съ административными дѣленіями, а идетъ даже за предѣлы государственной территоріи (гл. 7). Вотъ и вся аналогія! Едва ли нужно доказывать, что тутъ аналогіи нѣтъ никакой. Распредѣленіе промышленныхъ отраслей по мѣстностямъ, гдѣ добываются произведенія, не имѣетъ ровно ничего общаго съ органическимъ расчлененіемъ пищеваго аппарата, которое зависитъ не отъ случайныхъ свойствъ мѣстности, а отъ общаго назначенія его въ организмѣ. Самое распредѣленіе промышленныхъ отраслей отнюдь не таково, чтобы каждая изъ нихъ сосредоточивалась непремѣнно въ извѣстной мѣстности. Земледѣліе и ремесла разсѣяны всюду. Одѣ и тѣже фабрики, суконныя, бумагопрядильныя, льняныя, въ одномъ и томъ же государствѣ, встрѣчаются и на Сѣверѣ и на Югѣ, и въ центрѣ и на окраинахъ. Во всемъ этомъ нельзя найти даже отдаленнаго сходства, не только что аналогіи, имѣющей какое нибудь научное значеніе.

Столь же мало сходства мы замѣчаемъ и въ распредѣляющемъ аппаратѣ. Мы видѣли, что Шеффле признаетъ въ путяхъ сообщенія явленіе аналогическое съ скелетомъ животнаго организма; Спенсеръ, напротивъ, видитъ въ нихъ аналогію съ кровеносными сосудами. При такомъ способѣ изслѣдованія, можно, конечно, аналогіями распоряжаться какъ угодно. Выше было сказано, что Спенсеръ считаетъ этотъ аппаратъ явленіемъ позднѣйшимъ, проистекающимъ изъ высшаго развитія. Онъ указываетъ на то, что въ обществѣ, также какъ въ животномъ царствѣ, по мѣрѣ осложненія организма, эти сосуды получаютъ болѣе правильный видъ, осложняются и идутъ расширяясь отъ центра къ окружности (гл. 8). Но онъ забываетъ при этомъ, что важнѣйшіе, особенно въ первыя времена, пути сообщенія, рѣки, существуютъ прежде, нежели образовался какой-либо общественный организмъ. Оказывается, слѣдовательно, что сосуды появляются прежде тѣла. Безспорно, съ развитіемъ общественной жизни, развиваются и пути сообщенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ движеніе становится правильнѣе, быстрѣе и движущіеся товары дѣлаются многообразнѣе. Но это такого рода поверхностныя аналогіи, которыя можно найти во всемъ. Прибавимъ, что пути сообщенія въ обществѣ служатъ не для одной перевозки товаровъ, но и для всякихъ сношеній. Вслѣд-

ствіе этого, ихъ можно уподобить нервнымъ нитямъ, также какъ костямъ и кровеноснымъ сосудамъ. Наконецъ, или соединяются различныя страны, между тѣмъ какъ кровеносные сосуды, какъ извѣстно, не идутъ изъ одного животнаго тѣла въ другое. Если мы хотимъ искать аналогіи съ распредѣленіемъ пищи, то существенный вопросъ состоитъ въ томъ: распредѣляется ли она въ обществѣ, также какъ въ животномъ организмѣ, изъ одного общаго вмѣстилища по всѣмъ частямъ тѣла? Но именно этого-то и нѣтъ. Не только работа производится всюду, но пища, переработанная другимъ общественнымъ организмомъ, получается въ обмѣнъ переработанной самимъ получающимъ. Какъ видно, общественный желудокъ перевариваетъ иногда для другаго.

Что же касается до направляющихъ органовъ общественнаго тѣла, то Спенсеръ видитъ въ нихъ аналогію съ нервною системою. Онъ указываетъ на то, что правительственная власть, которой существенное назначеніе состоитъ въ направленіи внѣшнихъ движеній общества, возникаетъ и развивается вслѣдствіе столкновеній съ сосѣдями, подобно тому какъ въ животномъ царствѣ высшее развитіе нервной системы происходитъ вслѣдствіе борьбы за существованіе. Въ обоихъ случаяхъ, развитіе ведетъ къ большему и большему сосредоточенію жизни: мѣстные центры подчиняются центральному органу, который пріобрѣтаетъ бо́льшую массу и болѣе сложную организацію, при чемъ обсуждающій органъ, послѣдній по времени, получаетъ преобладающее значеніе, тогда какъ старые, исполнительные органы нисходятъ на степень механическихъ передатчиковъ движенія. Точно также, съ высшимъ развитіемъ, осложняются и совершенствуются способы передачи чувствъ и движенія, въ физическомъ организмѣ нервныя нити, въ обществѣ различнаго рода знаки, какъ то почты, письма, журналы, телеграфы. Наконецъ, подобно тому какъ въ животномъ тѣлѣ, кромѣ общей нервной системы, существуютъ еще двѣ независимыя отъ нея группы нитей, именно, система симпатическихъ нервовъ, направляющая дѣйствія пищеварительныхъ органовъ, и система сосудодвигательныхъ нервовъ, расширяющихъ и съуживающихъ кровеносные сосуды, сообразно съ потребностью крови въ различныхъ частяхъ тѣла, въ обществѣ существуютъ двѣ самостоятельныя системы управляющихъ органовъ: въ промышленности частные способы сношеній, посредствомъ которыхъ производство получаетъ направленіе независимо отъ правительственной власти, а

въ распредѣляющей системѣ—банки, которые содѣйствуютъ приливу и отливу капиталовъ по мѣрѣ потребности (гл. 9).

Едва ли нужно доказывать, до какой степени натянуты всѣ эти аналогіи. Прежде всего, правительство направляетъ не одни внѣшнія движенія, какъ общая нервная система, но также значительную часть внутреннихъ. Поэтому и развитіе его зависитъ столько же отъ внутреннихъ причинъ, сколько отъ внѣшнихъ. Въ Римѣ, пока происходила борьба съ сосѣдями, сохранялись разрозненныя республиканскія власти; но когда покоренъ былъ почти весь извѣстный тогда міръ, внутреннія междоусобія повели къ сосредоточенію власти въ рукахъ императоровъ. У Арабовъ, возникновеніе калифата и всѣ совершенныя ими завоеванія были послѣдствіями возбужденнаго внутри общества религіознаго фанатизма. Въ Россіи, призваніе Варяговъ было вызвано внутренними усобицами. Самая аналогія съ постепеннымъ развитіемъ нервной системы въ животномъ царствѣ не выдерживаетъ критики, ибо зависимость развитія нервной системы отъ борьбы за существованіе ничто иное какъ гипотеза, а аналогія съ гипотезами не можетъ быть допущена въ наукѣ. Несправедливо также, что въ обществѣ, также какъ въ физическомъ организмѣ, высшее развитіе ведетъ къ большему и большему подчиненію мѣстныхъ центровъ общему средоточію; нерѣдко мы въ исторіи видимъ обратный ходъ. Монархія Карла Великаго уступаетъ мѣсто феодализму; колоніи получаютъ самостоятельныя учрежденія; слишкомъ натянутая централизація замѣняется мѣстнымъ самоуправленіемъ. Столь же мало можно утверждать, что обсуждающій органъ, то есть, парламентъ или народное собраніе, аналогію которыхъ Спенсеръ видитъ въ большомъ мозгѣ, непремѣнно, съ теченіемъ времени, получаетъ перевѣсъ надъ другими. Изъ исторіи мы знаемъ, что какъ древнія, такъ и средневѣковыя республики уступили мѣсто неограниченнымъ монархіямъ. Самое устройство этого обсуждающаго органа таково, что въ физическомъ организмѣ нельзя пріискать для него никакой аналогіи. Въ непосредственной демократіи, единицы, составляющія общество, сами собираются для совокупнаго рѣшенія; въ представительномъ правленіи онѣ выбираютъ лица, которымъ поручается рѣшеніе государственныхъ вопросовъ, сообразно съ желаніями большинства. И тутъ, въ противоположность выведенному Спенсеромъ закону, спеціализація отправленій уступаетъ мѣсто общему праву.

Еще поверхностнѣе аналогіи въ способахъ передачи рѣшеній.

[illegible] нити [illegible] съ нервными центрами и составляютъ ихъ органами; упразднять ихъ значитъ, почти, телеграфы и даже журналы, которые, какъ извѣстно, не получаютъ своего направленія изъ общаго центра, значитъ просто играть словами. Желательно знать, какой нервный нити уподобляется, напримѣръ, трансатлантическій телеграфъ, соединяющій не только различныя страны, но и различные материки? Наконецъ, въ сравненіи симпатической и сосудодвигательной системъ съ аппаратомъ, управляющимъ промышленностью и съ банками, исчезаетъ даже самое отдаленное сходство. Почты и телеграфы, черезъ которые проходятъ частныя сношенія, одни и тѣже для промышленности и для государства; тутъ никакой особенной системы нѣтъ. Что касается до банковъ, то они представляютъ вмѣстилища, въ которыя притекаютъ и изъ которыхъ вытекаютъ капиталы; не они двигаютъ, а изъ нихъ черпаютъ тѣ, которые двигаютъ товары. Ничего аналогическаго денежной системѣ физическій организмъ не представляетъ. Спенсеръ не нашелъ также никакой аналогіи съ судомъ и администраціею, почему онъ благоразумно о нихъ умалчиваетъ.

Вообще, всѣ эти аналогіи до такой степени поверхностны и натянуты, что онѣ представляются скорѣе ребяческою забавою, нежели произведеніемъ серіознаго ума. Онѣ не заслуживали бы никакого вниманія, еслибы онѣ не исходили отъ одного изъ самыхъ видныхъ современныхъ мыслителей и не служили бы печальнымъ признакомъ того уровня, на которомъ стоитъ современная наука. И въ прежнее время, даже основательные ученые иногда позволяли себѣ такого рода подобія; но это дѣлалось мимоходомъ, и никто не придавалъ имъ серіознаго значенія. Теперь же они выдаются за истинно научныя основанія социологіи и подробно развиваются въ девяти главахъ сочиненія, имѣющаго цѣлью изслѣдовать общежитіе согласно съ воззрѣніями и методою естественныхъ наукъ.

Для насъ всего любопытнѣе то, что Спенсеръ, исходя отъ тѣхъ же аналогій, какъ и Шеффле, приходитъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ. Шеффле хочетъ перестроить весь общественный бытъ на соціалистическихъ началахъ, по аналогіи съ физическимъ организмомъ; Спенсеръ, напротивъ, утверждаетъ, что высшее развитіе ведетъ къ полной свободѣ промышленной организаціи. «Теперь, говоритъ онъ, уже не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы государство установляло цѣны или предписывало методы...

Законъ не опредѣляетъ болѣе количества произведеній земли или фабрикъ, которое можетъ быть ввезено или вывезено; онъ не вводитъ уже извѣстныхъ совершенствованій и не воспрещаетъ дурныхъ методъ; граждане дѣлаютъ свои дѣла тѣмъ способомъ, который имъ кажется наилучшимъ, не имѣя иной законной обязанности, кромѣ того чтобы исполнять свои договоры и не наносить вреда своимъ сосѣдямъ» (гл. 9).

Спенсеръ строитъ даже на этомъ различіи два противоположныхъ типа общественнаго организма: хищническій и промышленный. Первый вытекаетъ изъ развитія правительственной системы, направленной на внѣшнія дѣйствія, второй изъ развитія промышленной системы, направленной на внутреннія дѣйствія. Первый основанъ на принудительномъ, второй на свободномъ содѣйствіи общества. Въ послѣднемъ, говоритъ онъ, «касательно отношеній гражданъ и государства, развиваются чувства и мысли противоположныя тѣмъ, которыя свойственны хищническому типу. Вмѣсто ученія, предписывающаго слѣпое повиновеніе правительственному агенту, появляется ученіе, которое провозглашаетъ верховенство воли гражданина, и утверждаетъ, что правительственный агентъ существуетъ единственно для исполненія этой воли. Становясь такимъ образомъ подчиненнымъ въ распоряженіи властью, управляющій органъ стѣсняется и въ своемъ вѣдомствѣ. Вмѣсто прежняго распространенія власти на всѣ роды дѣйствій, многіе роды дѣйствій отъ него изъемлются. Отрицается его вмѣшательство въ опредѣленіе способовъ жизни, пищи, одежды, развлеченій; не терпятъ болѣе, чтобы онъ предписывалъ методы производства и регламентировалъ торговлю. И это не все. Рождается новая обязанность, обязанность противодѣйствовать безотвѣтственному правительству, а также и злоупотребленіямъ правительства отвѣтственнаго. Новое стремленіе проявляется въ меньшинствѣ, стремленіе не повиноваться даже законодательной власти, представляющей большинство, когда эта власть вмѣшивается извѣстнымъ образомъ въ дѣла частныхъ лицъ. Оппозиція меньшинства законамъ, которые оно осуждаетъ, какъ противные справедливости, приводитъ иногда къ ихъ уничтоженію..... Эти общія черты, столь глубоко различающія промышленный типъ отъ хищническаго, продолжаетъ Спенсеръ, рождаются изъ тѣхъ отношеній лицъ, которыя влечетъ за собою промышленная дѣятельность, отношеній совершенно отличныхъ отъ тѣхъ, которыя влечетъ за

собою деятельность хищническая. Всѣ промышленныя дѣла, трактуются ли они между хозяевами и работниками, между продавцами и покупателями, между людьми, посвящающими себя либеральнымъ занятіямъ, и ихъ кліентами, производятся путемъ свободнаго обмѣна... Это отношеніе, въ которомъ взаимный обмѣнъ услугъ не обязателенъ, гдѣ никакое лицо не является подчиненнымъ, становится преобладающимъ въ обществѣ, но мѣрѣ того какъ промышленная дѣятельность получаетъ перевѣсъ.... Какъ результатъ, изъ этого вырабатывается типъ, котораго отличительный признакъ составляетъ также личная свобода, которая заключается во всякой коммерческой сдѣлкѣ. Совокупное дѣйствіе, посредствомъ котораго совершаются многообразныя отправленія общественной жизни, становятся добровольными» (гл. 10).

Въ приложеніи къ государственному устройству, эти два выведенные Спенсеромъ типа страдаютъ крайнею односторонностью и преувеличеніемъ. Въ особенности, понятіе о хищническомъ типѣ основано на совершенномъ непониманіи задачъ правительственной власти. Тѣмъ не менѣе, подъ этимъ скрывается вѣрное наблюденіе дѣйствительности, выгодно отличающееся отъ тѣхъ пустыхъ аналогій, которыя мы видѣли выше. На дѣлѣ, во всякомъ обществѣ, и особенно въ тѣхъ, которыя достигли извѣстной ступени развитія, промышленная организація отличается отъ политической. Послѣдняя руководится правительствомъ и влечетъ за собою принудительное содѣйствіе гражданъ; первая исходитъ отъ свободной дѣятельности частныхъ лицъ, вступающихъ другъ съ другомъ въ добровольныя, договорныя отношенія. Находясь въ одномъ и томъ же обществѣ, эти двѣ области несомнѣнно оказываютъ вліяніе другъ на друга; но онѣ ни какимъ образомъ не должны быть смѣшаны. Коренная ошибка соціализма заключается именно въ этомъ смѣшеніи. Экономическая наука, напротивъ, всегда тщательно ихъ различала, доказывая тѣмъ, что она стоитъ на строго научной почвѣ.

Всякая попытка свести эти два разряда явленій къ одинакимъ началамъ основана на путаницѣ понятій. Свобода обмѣна, безъ сомнѣнія, влечетъ за собою взаимную зависимость и солидарность людей; но изъ этого отнюдь не вытекаетъ ни общая организація, ни общее управленіе. Зависимость и солидарность составляютъ послѣдствія свободы и управляются свободою. Аналогіи съ физиче-

скимъ организмомъ тутъ совершенно неумѣстны; во всякомъ случаѣ, изъ нихъ ровно ничего нельзя вывести. Всего менѣе позволительно совокупное общество разсматривать какъ единый организмъ, въ которомъ каждая часть существуетъ для цѣлаго и является органомъ цѣлаго. Общество, какъ сказано, представляетъ собою сложное явленіе, въ которомъ различные союзы, семейный, политическій, экономическій, религіозный, имѣютъ самостоятельное значеніе и управляются различными началами. Общество состоитъ изъ свободныхъ единицъ, изъ которыхъ каждая не только является членомъ различныхъ союзовъ, но и остается сама себѣ цѣлью. Въ экономической области въ особенности, свобода является исходною точкою и опредѣляющимъ началомъ всѣхъ отношеній. Поэтому экономическая наука, по самому существу дѣла, должна быть наукою либеральною. Индивидуализмъ тутъ совершенно у мѣста; ничего другаго даже не можетъ быть. И когда соціалисты каѳедры и соціалъ-политики возстаютъ противъ атомистической точки зрѣнія въ политической экономіи и строятъ небывалыя экономическія общества, основанныя на органическихъ или соціальныхъ началахъ, то они этимъ доказываютъ только, что они сошли съ научной почвы, и вмѣсто основательнаго изученія предмета, предаются праднымъ фантазіямъ. Истинная задача экономической науки состоитъ въ томъ, чтобы, исходя отъ даннаго теоріею и жизнью взаимнодѣйствія самостоятельныхъ и свободныхъ единицъ, опредѣлить законы, которые управляютъ возникающими отсюда отношеніями.

ГЛАВА III.

ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ЗАКОНЫ.

Свободныя экономическія отношенія управляются законами, опредѣляющими производство, оборотъ, распредѣленіе и потребленіе богатства. Эти законы не созданы людьми, а вытекаютъ сами собою изъ природы человѣка и его дѣятельности, обращенной на вещественный міръ. Предложеніе и спросъ, отношенія промышленнаго состязанія, поземельная рента, процентъ съ капитала, установились силою вещей, прежде нежели наука, наблюдающая явленія жизни, признала ихъ закономѣрность. Поэтому экономисты нерѣдко называютъ экономическіе законы естественными законами промышленнаго быта, при чемъ однако, какъ замѣчаетъ Рошеръ, «никогда не должно забывать, что естественные законы народнаго хозяйства, какъ и вообще законы человѣческаго духа, въ одномъ существенномъ пунктѣ отличаются отъ законовъ матеріальнаго міра: они имѣютъ дѣло съ свободными разумными существами, которыя поэтому отвѣтственны передъ Богомъ и передъ своею совѣстью, и которыхъ совокупность образуетъ способный къ развитію родъ» [1]).

Не исключаетъ ли однако свобода самую возможность существованія естественныхъ законовъ, управляющихъ промышленнымъ міромъ? Многіе признаютъ эти начала несовмѣстными, и съ перваго взгляда можетъ показаться, что не безъ основанія. Въ самомъ дѣлѣ, естественный законъ дѣйствуетъ съ неотразимою необходимостью и всегда одинакимъ образомъ; слѣдовательно, при немъ нѣтъ мѣста для свободы и для зависящаго отъ

---

[1]) Grundlagen der National-Oekonomie § 13.

нея прогресса. Если на первыхъ ступеняхъ человѣческаго развитія, гдѣ владычествуютъ главнымъ образомъ природные инстинкты, можно еще нѣкоторымъ образомъ говорить о естественныхъ законахъ экономическаго порядка, если народное хозяйство представляется здѣсь до извѣстной степени естественнымъ организмомъ, то съ высшимъ развитіемъ все это исчезаетъ. Народное хозяйство болѣе и болѣе становится «произведеніемъ сознательной человѣческой дѣятельности, созданіемъ искусства. Направленныя къ извѣстной цѣли и систематически проведенныя дѣйствія человѣческой воли даютъ ему опредѣленный этою волею образъ». Это не столько организмъ, сколько разумная и искусственная организація. А потому, говорятъ защитники этого воззрѣнія, совершенно невѣрны тѣ возраженія противъ соціализма, которыя укоряютъ его въ нарушеніи естественныхъ законовъ промышленнаго быта и въ стремленіи замѣнить ихъ искусственною организаціею. У всѣхъ образованныхъ народовъ, народное хозяйство есть уже болѣе или менѣе искусственная организація. И это относится не только къ государственному хозяйству, но также и къ частнымъ. Вся существующая система частныхъ хозяйствъ предполагаетъ извѣстныя юридическія нормы, которыя составляютъ для нея законъ; а юридическія нормы не представляютъ собою нѣчто безусловное, неизмѣнное, вытекающее изъ коренныхъ свойствъ человѣческой природы. Онѣ создаются человѣкомъ и являются плодомъ его измѣняющихся потребностей и воззрѣній. Тоже самое относится и къ свободному состязанію. Личный интересъ, изъ котораго оно проистекаетъ, не есть всегда одинакимъ образомъ дѣйствующая естественная сила: это—человѣческое влеченіе, возбуждающее волю, но подлежащее вліянію нравственныхъ причинъ и связанное съ нравственною отвѣтственностью человѣка за свои дѣйствія. «Нынѣшняя система свободнаго состязанія есть историческая, а не логическая и не естественная категорія» [1]).

Родбертусъ прямо даже противополагаетъ естественные законы общественнымъ. «Только въ природѣ, говоритъ онъ, вещи и отношенія сами въ себѣ носятъ свой разумный законъ; въ обществѣ они требуютъ его отъ человѣка». Вслѣдствіе этого, онъ считаетъ самое понятіе о естественныхъ законахъ общежитія чистымъ противорѣчіемъ. Господство подобныхъ законовъ въ области права и промышленности

[1]) Ad. Wagner Lehrbuch der Pol. Oek. Grundleg. стр. 161—163, 175, 185—187.

должно вести не къ гармоніи, какъ увѣряетъ Бастіа, а къ полной неурядицѣ: это было бы нарушеніемъ, не только справедливости, но и основныхъ началъ собственности и благосостоянія [1]).

Между этими двумя противоположными мнѣніями, признающими и отрицающими естественные законы промышленнаго быта, середину занимаетъ Миллъ. Онъ признаетъ, что произведеніе богатства не является чѣмъ то произвольнымъ, а имѣетъ свои необходимыя условія и законы, вытекающіе изъ природы вещей. Напротивъ, законы распредѣленія богатства отчасти проистекаютъ отъ человѣческихъ установленій. «Способъ, какимъ имущество распредѣляется въ данномъ обществѣ, говоритъ онъ, зависитъ отъ господствующихъ въ немъ уставовъ и обычаевъ. Однако, прибавляетъ онъ тутъ же, хотя правительства и народы могутъ до извѣстной степени опредѣлить, какія у нихъ должны дѣйствовать установленія, но они не могутъ по своему произволу опредѣлить, какъ эти установленія будутъ дѣйствовать. Условія, отъ которыхъ зависитъ ихъ сила въ отношеніи къ распредѣленію богатства, и способъ, какимъ вліяетъ на это распредѣленіе различный образъ дѣйствія общества, опредѣляются столь же строгими законами, какъ и самое производство» [2]).

Таковы различныя мнѣнія авторовъ. Первый вопросъ, подлежащій разрѣшенію, заключается въ отношеніи свободы къ закону. Мы видѣли, что свобода составляетъ основное экономическое начало; совмѣстно ли это начало съ существованіемъ независимыхъ отъ него законовъ, управляющихъ промышленнымъ міромъ?

Законы, которымъ подчиняется человѣческая свобода въ своей дѣятельности, могутъ быть двоякаго рода: внѣшніе и внутренніе. Человѣкъ стремится покорить себѣ внѣшнюю природу и обратить ее въ орудіе своихъ цѣлей. Между тѣмъ, природа имѣетъ свои неизмѣнные и непреложные законы, которыми управляются всѣ явленія. Покорить природу человѣкъ не можетъ иначе, какъ пользуясь самыми этими законами и направляя ихъ къ своимъ цѣлямъ. Въ этой дѣятельности онъ свободенъ: онъ можетъ работать и не работать, дѣйствовать такъ или иначе, по своему произволу. Но только та дѣятельность будетъ плодотворна, которая согласна съ законами природы. Человѣкъ воленъ построить машину наперекоръ законамъ

---

[1]) Zur Beleuchtung der soc. Frage, стр. 53, 55.

[2]) Principles of Pol. Econ. Introduction.

механики; но такая машина не пойдетъ. Человѣкъ не создаетъ, а сознаетъ законы, и сообразуясь съ ними, дѣйствуетъ свободно.

Тоже самое имѣетъ мѣсто и относительно законовъ внутреннихъ. Нравственный законъ есть внутренній законъ человѣка, высшая норма его дѣятельности. И этотъ законъ не созданъ человѣкомъ и не зависитъ отъ его произвола; онъ присущъ ему, какъ вѣчное мѣрило, съ которымъ должны сообразоваться всѣ его поступки. Но этимъ не уничтожается человѣческая свобода; напротивъ, нравственный законъ существуетъ только подъ условіемъ свободы. Онъ обращается къ свободѣ и требуетъ отъ нея исполненія. Какъ свободное существо, человѣкъ можетъ отъ него уклониться. Въ этомъ случаѣ, онъ не встрѣчается съ физическою невозможностью, какъ при нарушеніи законовъ матеріальнаго міра; но онъ совершаетъ нравственное зло, которое имѣетъ свои необходимыя нравственныя послѣдствія, независимыя отъ человѣческой воли. Человѣкъ не можетъ сдѣлать, чтобы безнравственный поступокъ имѣлъ тоже дѣйствіе, какъ нравственный. Извѣстная цѣль можетъ иногда быть лучше достигнута безнравственнымъ дѣйствіемъ, нежели нравственнымъ; но каждое изъ этихъ дѣйствій оставляетъ свой слѣдъ, совершенно отличный отъ другаго. Безнравственное дѣйствіе непремѣнно производитъ разладъ въ человѣческихъ отношеніяхъ и тѣмъ самымъ, рано или поздно, вызываетъ отрицаніе. Каковы бы ни были отступленія отъ нравственнаго закона, онъ не перестаетъ быть неизмѣнною нормою человѣческой дѣятельности.

Столь же независимы отъ человѣческаго произвола и законы общественнаго развитія. Человѣчество направляется къ своей идеальной цѣли внутренними законами духа, владычествующими въ исторіи. Отдѣльныя лица являются орудіями этого историческаго движенія. Тѣмъ не менѣе, и тутъ свобода не исчезаетъ, ибо только черезъ ея посредство исполняется законъ. Человѣкъ воленъ дѣйствовать, какъ ему угодно, держаться старыхъ началъ или быть двигателемъ новыхъ; но, также какъ и въ отношеніи къ физическому міру, только та дѣятельность будетъ плодотворна, которая согласна съ законами развитія. Дѣйствія человѣка зависятъ отъ него вполнѣ, но послѣдствія его дѣйствій отъ него не зависятъ. Какъ исполнитель закона, человѣкъ властенъ выбирать тѣ или другія средства, ускорить или замедлить движеніе; но онъ не властенъ его измѣнить.

И тутъ онъ не создаетъ, а только сознаетъ властвующій надъ нимъ законъ.

Наконецъ, тоже самое прилагается и къ законамъ экономическаго быта. Здѣсь человѣкъ не только имѣетъ дѣло съ внѣшнею природою, а потому принужденъ подчиняться господствующимъ въ ней законамъ, но онъ долженъ сообразоваться и съ законами, управляющими дѣйствіемъ экономическихъ силъ. Тутъ есть своего рода необходимыя отношенія, вытекающія изъ природы вещей. Человѣкъ воленъ вывезти на рынокъ большее количество произведеній, нежели требуется, но онъ не можетъ сдѣлать, чтобы эти произведенія черезъ то самое не понизились въ цѣнѣ. Правительство вольно выпускать милліарды бумажныхъ денегъ, но оно не можетъ сдѣлать, чтобы онѣ ходили наравнѣ съ золотомъ. Какъ свободное существо, человѣкъ властенъ нарушать экономическіе законы, также какъ и нравственные; на практикѣ онъ дѣлаетъ это постоянно; но послѣдствіемъ такого нарушенія бываетъ разореніе. Законы производства и распредѣленія въ этомъ отношеніи дѣйствуютъ совершенно одинаково; установленное Миллемъ различіе не имѣетъ никакого значенія. Въ обоихъ случаяхъ, отступленіе отъ закона возможно для человѣка, и въ обоихъ случаяхъ послѣдствія отступленія не зависятъ отъ человѣческой воли. И тутъ человѣкъ не создаетъ, а только сознаетъ законы. Когда онъ ими руководится, онъ идетъ къ обогащенію; когда онъ ихъ нарушаетъ, онъ, вмѣсто богатства, получаетъ на долю бѣдность. Сознаніе этихъ законовъ составляетъ главную задачу экономической науки.

Въ этомъ смыслѣ можно и должно говорить о естественныхъ законахъ народнаго хозяйства. Это не физическіе законы, всегда дѣйствующіе съ непреложною необходимостью. Относясь къ свободѣ, они опредѣляютъ только тѣ необходимыя послѣдствія, которыя вытекаютъ изъ того или другаго, зависящаго отъ свободы образа дѣйствія. Какъ свободное существо, человѣкъ можетъ ихъ нарушать; но какъ разумное существо, онъ долженъ съ ними сообразоваться. Поэтому, установленное Родбертусомъ противоположеніе естественныхъ законовъ разумнымъ лишено всякаго смысла. Разумно въ человѣкѣ сознаніе и исполненіе, а не нарушеніе закона. Это противоположеніе могло бы еще имѣть значеніе, еслибы противопоставлялась низшая природа человѣка высшей, физическая духовной. Но существо духа, отличительное его свойство, въ противоположность матеріи,

заключается именно въ свободѣ; а экономическая свобода и есть то начало, которое отвергается Родбертусомъ, какъ неразумное. Тутъ уже господствуетъ полное извращеніе понятій.

Противъ всего этого возражаютъ, что экономическій бытъ держится юридическимъ порядкомъ, а юридическій порядокъ весь зависитъ отъ человѣческой воли и является созданіемъ человѣка. Чтобы оцѣнить это возраженіе, которое принадлежитъ Вагнеру, мы должны разсмотрѣть, каковы отношенія права къ экономическому быту. Въ предъидущей книгѣ мы уже подробно изложили существо права и вытекающія изъ него послѣдствія. Здѣсь намъ остается сдѣлать приложеніе выведенныхъ выше началъ.

Возраженіе Вагнера основано на предположеніи, что право составляетъ произвольное установленіе человѣка. Но тутъ надобно различить положительное право и естественное, право въ его проявленіяхъ и право въ его источникѣ. Если первое установляется человѣческою волею, то послѣднее управляетъ самою этою волею. Въ существѣ своемъ, право есть выраженіе свободы; высшій его законъ есть правда, воздающая каждому свое. А свобода и правда не суть произвольныя установленія человѣка. Справедливо не то, что узаконяется общественною властью, а то, что соотвѣтствуетъ внутреннимъ требованіямъ правды. Законы правды, говоритъ Лейбницъ, столь же достовѣрны и непреложны, какъ законы пропорцій и уравненій. И тутъ, слѣдовательно, человѣкъ не создаетъ, а сознаетъ высшій, управляющій имъ законъ.

Но это сознаніе не всегда и не вездѣ одинаково. Развитіе его и приложеніе къ даннымъ условіямъ жизни составляютъ главную движущую пружину историческихъ измѣненій законодательства. Мы видѣли, что свобода есть развивающееся начало. Полное осуществленіе этого начала, согласное съ требованіями правды и законами общежитія, составляетъ идеалъ человѣчества; историческій же прогрессъ учрежденій заключается въ большемъ и большемъ приближеніи къ этому идеалу. Задача законодателя, въ каждый данный историческій моментъ, состоитъ въ томъ, чтобы сознавши, съ одной стороны, высшій законъ, а съ другой стороны отношенія, вытекающія изъ жизненныхъ условій, опредѣлить, на сколько жизнь можетъ быть устроена согласно съ идеальными требованіями правды. И это историческое движеніе направляется опять же внутреннимъ закономъ, независимымъ отъ человѣческой воли, которая призвана только по-

нять и исполнить рождающіяся помимо ея задачи. Если законодатель забѣгаетъ слишкомъ далеко впередъ въ своихъ идеальныхъ стремленіяхъ, онъ встрѣчаетъ сопротивленіе въ жизни, и изданный имъ законъ теряетъ свою силу. Если, наоборотъ, онъ отстаетъ отъ жизненнаго развитія, въ обществѣ является разладъ, который рано или поздно приводитъ къ осуществленію неотразимыхъ историческихъ требованій.

Таково значеніе положительнаго права и отношеніе его къ праву естественному. Какъ же прилагаются эти начала къ экономическому быту?

Мы видѣли, что свобода составляетъ основное экономическое, также какъ и основное юридическое начало. Слѣдовательно, эти двѣ области не противорѣчатъ другъ другу, а напротивъ, совпадаютъ. Право узаконяетъ именно то, что требуется экономическими отношеніями. Если юридическій законъ, отправляясь отъ господства человѣческой воли надъ внѣшнимъ міромъ, установляетъ собственность, какъ необходимое выраженіе свободы, то экономическій законъ, съ своей стороны, требуетъ установленія собственности, какъ необходимаго условія и необходимаго слѣдствія всей экономической дѣятельности: усвоенное и пріобрѣтенное трудомъ человѣка должно принадлежать ему и никому другому: только въ виду этой цѣли онъ работаетъ усердно, и только опираясь на это пріобрѣтенное имъ достояніе, онъ можетъ идти впередъ. Если юридическій законъ, исходя отъ начала свободы, опредѣляетъ формы и условія договора, какъ способа взаимнаго соглашенія волъ, то экономическій законъ, съ своей стороны, исходя отъ того начала, что каждый—самъ судья своихъ экономическихъ интересовъ, требуетъ, чтобы на этомъ обоюдномъ соглашеніи основывалась всякая совокупная экономическая дѣятельность. Если юридическій законъ, соображая, съ одной стороны, право человѣка распоряжаться своимъ имуществомъ послѣ смерти, а съ другой стороны, права нарождающихся поколѣній, установляетъ наслѣдство, какъ законную форму преемственности собственности, то экономическій законъ, имѣя въ виду, что экономическая дѣятельность человѣка не ограничивается нуждами настоящаго дня и личной жизни, а обращается на далекое будущее и переходитъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, требуетъ установленія наслѣдства, какъ важнѣйшаго побужденія къ труду: человѣкъ, который лишенъ возможности обезпечить своихъ дѣтей, не будетъ работать.

Такимъ образомъ, оба начала, отправляясь каждое отъ своей точки зрѣнія, восполняютъ другъ друга. Одно даетъ форму, другое даетъ содержаніе свободной человѣческой дѣятельности. Право не надѣляетъ человѣка собственностью, не предписываетъ ему совершеніе договоровъ, не опредѣляетъ размѣра имущества, переходящаго по наслѣдству; право есть начало дозволяющее: оно открываетъ просторъ человѣческой свободѣ и мѣшаетъ свободѣ одного нарушать свободу другаго. Экономическая же дѣятельность вноситъ содержаніе въ эту свободу: человѣкъ пріобрѣтаетъ, вступаетъ въ соглашенія съ другими, передаетъ свое имущество наслѣдникамъ, требуя отъ права только огражденія своей дѣятельности отъ беззаконнаго вторженія чужой воли.

Несправедливо, слѣдовательно, что существующій экономическій бытъ предполагаетъ юридическій порядокъ, какъ нѣчто ему чуждое и зависящее исключительно отъ человѣческаго произвола. Экономическій бытъ и управляющіе имъ законы не предполагаютъ ничего, кромѣ свободы распоряжаться своими силами и своими средствами, а это и есть то, что обезпечивается юридическимъ порядкомъ. Слѣдовательно, этотъ порядокъ, въ отношеніи къ экономическому быту, является удовлетвореніемъ присущаго послѣднему требованія, безъ котораго правильная экономическая дѣятельность совершенно немыслима. Для того чтобы человѣкъ могъ свободно трудиться и покорять природу своимъ цѣлямъ, надобно, чтобы свобода его была защищена отъ насилія и чтобы ему были обезпечены плоды его дѣятельности. Юридическій порядокъ составляетъ ограждение порядка экономическаго.

Безъ сомнѣнія, право преслѣдуетъ и другія цѣли. Кромѣ частнаго права, существуетъ и публичное, которое воздѣйствуетъ на первое. Въ историческомъ своемъ развитіи, право нерѣдко узаконяетъ не свободу, а рабство. Почти до нашего времени крѣпостныя отношенія были явленіемъ всемірнымъ. Собственность въ средніе вѣка была опутана феодальными отношеніями. Въ теченіи столѣтій цеховое устройство и государственная регламентація замѣняли свободное движеніе промышленности. Но высшимъ идеаломъ, какъ права, такъ и экономическаго быта, является все таки свобода. Поэтому и философія права и экономическая наука одинаково возставали и возстаютъ противъ всѣхъ учрежденій, стѣсняющихъ свободную дѣятельность лица. Нерѣдко они въ этомъ отношеніи заходили даже слишкомъ далеко. Выставляя абсолютныя начала, выработанныя сознаніемъ человѣчества, они упуска-

ли изъ виду историческія условія, которыя видоизмѣняютъ эти начала и дѣлаютъ изъ нихъ движущую пружину развитія, а не безусловную норму всякой человѣческой дѣятельности. Въ эту односторонность одинаково впадали и правовѣдѣніе и политическая экономія. Новѣйшая наука восполнила этотъ недостатокъ; историческое воззрѣніе нашло въ ней свое мѣсто. Но историческое воззрѣніе не отрицаетъ, а утверждаетъ начало свободы, показывая постепенное его развитіе въ человѣческихъ обществахъ. Когда же, вмѣсто того, личное начало, составляющее сущность свободы, отвергается и въ юридической области и въ экономической, когда оно представляется какъ временная, преходящая ступень, которая должна уступить мѣсто высшему общественному развитію, то этимъ равно отрицаются и здравое правовѣдѣніе и здравая экономическая теорія. Свобода не есть начало, произвольно созданное человѣкомъ; она вѣчно присуща ему, какъ разумному существу, и осуществляется въ мірѣ, по мѣрѣ того какъ она развивается въ самосознаніи людей.

Изъ сказаннаго ясно, въ какомъ смыслѣ можно говорить о естественной или объ искусственной организаціи человѣческихъ обществъ и въ особенности промышленнаго быта. Невозможно видѣть въ обществѣ естественный организмъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы говоримъ объ организмѣ физическомъ. Выше было доказано, что всѣ такого рода аналогіи лишены научнаго основанія. Человѣческое общество состоитъ изъ свободныхъ лицъ, и устройство его осуществляется не иначе, какъ черезъ посредство свободы. Но свобода имѣетъ свои присущіе ей законы, отъ которыхъ хотя человѣкъ можетъ отступать, однако не безнаказанно. Тѣ законы, которые не установляются человѣческою волею, а сами собою вытекаютъ изъ взаимнодѣйствія свободныхъ силъ, мы называемъ естественными; а потому и то устройство, которое держится господствомъ этихъ законовъ, можно назвать естественнымъ. Напротивъ, то законодательство, которое имѣетъ въ виду стѣснить свободное движеніе силъ и дать имъ такое направленіе, котораго они безъ того бы не приняли, можно назвать искусственнымъ, и возникающая отсюда общественная организація будетъ искусственною. Не всегда и не вездѣ естественное устройство должно быть предпочитаемо искусственному. Есть условія и обстоятельства, при которыхъ возможно только послѣднее; есть и такія, при которыхъ ему слѣдуетъ дать, по крайней мѣрѣ, перевѣсъ. Когда дѣло идетъ о достиженіи необходимой общественной цѣли, на-

примѣръ о защитѣ государства, нельзя полагаться на свободное содѣйствіе гражданъ: тутъ требуется искусственная организація. Напротивъ, гдѣ дѣло идетъ о частныхъ интересахъ гражданъ, о преслѣдованіи ими своихъ личныхъ цѣлей, тамъ свободѣ можетъ быть данъ полный просторъ. Здѣсь область, гдѣ должны владычествовать естественные законы. Искусственная организація можетъ быть вызвана обстоятельствами; но она должна быть не правиломъ, а исключеніемъ.

Таковъ именно характеръ экономическаго быта. Мы видѣли, что основное его начало — свобода труда. Здѣсь люди преслѣдуютъ свои личныя цѣли, имѣютъ въ виду свои частные интересы. Экономическое общество, какъ мы видѣли, зиждется на свободномъ взаимнодѣйствіи силъ, а потому оно управляется вытекающими изъ этого взаимнодѣйствія естественными законами. Задача человѣческаго законодателя состоитъ въ томъ, чтобы охранять этотъ естественный порядокъ, ограждая свободу отъ нарушенія и обезпечивая ей плоды ея дѣятельности. Если законодатель считаетъ иногда нужнымъ вступаться въ эту область во имя общественныхъ интересовъ, то онъ долженъ дѣлать это съ крайнею осторожностью и соображаясь съ естественными законами, которыми она управляется. Иначе онъ рискуетъ, вмѣсто обогащенія, произвести разореніе. Если же онъ, не только пренебрегая этими естественными законами, но и подавляя коренное начало народнаго хозяйства, свободу, хочетъ перестроить общество на свой собственный ладъ и направлять его по своему изволенію, то это будетъ насиліемъ человѣческой природѣ и разрушеніемъ вытекающихъ изъ нея основъ экономическаго порядка. А такова именно цѣль соціализма. Осуществленіе соціалистическихъ мечтаній было бы не замѣною естественныхъ законовъ разумными, какъ утверждаетъ Родбертусъ, а замѣною естественныхъ и разумныхъ законовъ произволомъ и безразсудствомъ. Но по этому самому, эти проекты, составляемые для благополучія человѣческихъ обществъ, должны вѣчно оставаться въ области фантазій. Здравый смыслъ человѣческаго рода и разумные законы историческаго развитія мѣшаютъ ихъ осуществленію.

Отсюда ясно, что всякая законодательная мѣра, въ приложеніи къ экономическому порядку, предполагаетъ предварительное познаніе экономическихъ законовъ. Изслѣдованіе этихъ законовъ составляетъ

первую и главную задачу науки народнаго хозяйства. Какимъ же образомъ должна она приступить къ этому изслѣдованію?

Когда естествоиспытатель хочетъ опредѣлить законъ, управляющій даннымъ явленіемъ, онъ старается отдѣлить это явленіе отъ другихъ, такъ чтобы въ немъ выражалось только дѣйствіе данной причины, а не чего либо другаго. Такова именно цѣль всякаго опыта: устраняются, по возможности, всѣ постороннія обстоятельства, и наблюдается дѣйствіе данной причины во всей ея чистотѣ. Тоже самое дѣлается и при вычисленіи. Когда выводится, напримѣръ, законъ паденія тѣлъ, то вычисленіе дѣлается такъ, какъ будто бы тѣло падало въ пустомъ пространствѣ, безъ всякой сторонней помѣхи. Въ дѣйствительности, этого никогда не бываетъ. Всегда есть сопротивленіе среды, которое также можетъ быть вычислено. Среда можетъ находиться въ болѣе или менѣе сильномъ движеніи, вслѣдствіе чего происходитъ отклоненіе падающаго тѣла отъ прямой линіи. Можетъ встрѣтиться и стороннее тѣло, вслѣдствіе чего оно получитъ боковое движеніе. Можетъ послѣдовать даже внѣшній ударъ, который сообщитъ падающему тѣлу совершенно новое направленіе. Но всѣ эти постороннія обстоятельства нисколько не уничтожаютъ кореннаго закона паденія тѣлъ, и никому еще не приходило въ голову упрекать естествоиспытателей за то, что они излагаютъ этотъ законъ, не принимая тутъ же въ расчетъ тѣхъ безчисленныхъ видоизмѣненій, которымъ онъ подвергается въ дѣйствительности.

Совершенно также поступаютъ и экономисты при выводѣ экономическихъ законовъ. Они берутъ основное начало промышленной дѣятельности, хозяйственный интересъ, и показываютъ, какимъ образомъ онъ дѣйствуетъ въ томъ или другомъ случаѣ, и какія изъ этой дѣятельности вытекаютъ послѣдствія. Эти выводы могутъ дѣлаться двоякимъ образомъ: или отправляясь отъ начала и выводя изъ него послѣдствія, или отправляясь отъ наблюденія фактовъ и возводя ихъ къ производящей ихъ причинѣ. Въ обоихъ случаяхъ результаты оказываются одни и тѣже. Опытъ подтверждаетъ теорію; то, что происходитъ въ дѣйствительности, вездѣ, гдѣ людямъ предоставлена свобода, есть то самое, чего мы должны ожидать, руководствуясь указаніями разума.

Казалось бы, невозможно придумать болѣе правильной методы. Но именно противъ нея возстаютъ новѣйшіе соціалисты каѳедры.

Они требуютъ, чтобы при выводѣ экономическихъ законовъ принимались въ соображеніе всѣ постороннія вліянія, въ числѣ которыхъ главное мѣсто принадлежитъ нравственнымъ побужденіямъ. Мы снова приходимъ къ вопросу объ отношеніи нравственности къ народному хозяйству. Здѣсь этотъ вопросъ представляется намъ съ иной точки зрѣнія; но результаты оказываются тѣже.

Главныя возраженія принадлежатъ опять Вагнеру и Шмоллеру. Вагнеръ увѣряетъ, что хотя для теоретическаго анализа дозволительно, цѣлесообразно и даже необходимо отправляться отъ гипотезы полнаго раздѣленія этики и экономики, и съ этой точки зрѣнія изслѣдовать, каковы будутъ хозяйственныя дѣянія человѣка, когда онъ руководится единственно личнымъ интересомъ; но никогда не надобно забывать, что эти изслѣдованія имѣютъ чисто гипотетическій характеръ, а потому невозможно выводить отсюда, что въ жизни человѣческія дѣйствія именно такъ происходятъ, и еще менѣе, что они должны такъ происходить. Подобное заключеніе, говоритъ Вагнеръ, всегда приводитъ къ невѣрному пониманію личнаго интереса, какъ естественной силы, и человѣка, какъ существа, которое не опредѣляется разнообразными побужденіями, а слѣпо повинуются единому влеченію, дѣйствующему по законамъ необходимости. Вагнеръ не признаетъ даже правильнымъ воззрѣніе, которое въ личномъ интересѣ видитъ постоянную причину хозяйственныхъ дѣйствій, а въ другихъ вліяніяхъ причины случайныя или нарушающія нормальный порядокъ; ибо, говоритъ онъ, есть случаи, гдѣ первая совершенно уничтожается послѣдними, чего въ природѣ не бываетъ. Поэтому надобно въ каждомъ данномъ случаѣ изслѣдовать, какая именно тутъ дѣйствуетъ или должна дѣйствовать причина (Grundleg. § 133).

Въ этой аргументаціи прежде всего невѣрно положеніе, что изслѣдованіе законовъ, по которымъ дѣйствуетъ въ хозяйственной области личный интересъ, имѣетъ чисто гипотетическій характеръ. Гипотезою въ естественныхъ наукахъ называется предположеніе неизвѣстнаго начала, которымъ объясняются извѣстныя намъ явленія. Законъ паденія тѣлъ не есть законъ гипотетическій, хотя онъ въ дѣйствительности видоизмѣняется дѣйствіемъ среды или посторонннихъ силъ. Въ области же народнаго хозяйства, лежащее въ основаніи его начало личнаго интереса представляетъ собою не гипотезу, а совершенно достовѣрный и извѣстный всѣмъ фактъ. Точно также досто-

вѣрно извѣстно и дѣйствіе его въ промышленномъ мірѣ; мы на каждомъ шагу можемъ наблюдать это дѣйствіе помимо всякихъ посторонннхъ вліяній. Для этого не нужно прибѣгать ни къ какимъ гипотезамъ. Иной вопросъ: должно ли это начало такъ дѣйствовать или нѣтъ? Если мы, вмѣсто того чтобы наблюдать фактически дѣйствующее въ хозяйственномъ мірѣ побужденіе, станемъ отвергать его, какъ незаконное, и захотимъ замѣнить его другимъ, то въ этомъ случаѣ мы несомнѣнно вдадимся въ область гипотезъ, и притомъ такихъ, для которыхъ невозможна фактическая провѣрка, ибо предполагается существующее замѣнить несуществующимъ. Это и дѣлаютъ соціалисты, когда они существующій экономическій бытъ критикуютъ, какъ основанный на беззаконномъ индивидуализмѣ и хотятъ замѣнить его отдачею промышленности въ руки государства. Тутъ фактически достовѣрный законъ замѣняется чистою гипотезою. Но противъ этого лучшимъ лѣкарствомъ служитъ именно наблюденіе дѣйствительности. Это наблюденіе вовсе не требуетъ, чтобы подлежащій изслѣдованію законъ дѣйствовалъ роковымъ образомъ, какъ физическая сила. Гдѣ есть свобода, тамъ всегда возможно отклоненіе. Не отрицается и вліяніе посторонннхъ причинъ, которыя въ данномъ случаѣ могутъ видоизмѣнять, а въ другихъ и совершенно уничтожить дѣйствіе данной силы. Человѣкъ можетъ бросить свое хозяйство и раздать все свое имѣніе нищимъ; но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что личный интересъ не составляетъ основнаго начала хозяйственной дѣятельности. Законъ паденія тѣлъ остается совершенно достовѣрнымъ, хотя въ данномъ случаѣ тѣло, вмѣсто того чтобы падать съ ускореннымъ движеніемъ внизъ, можетъ быть отнесено вѣтромъ въ сторону или получить ударъ, отъ котораго оно полетитъ къ верху. Изъ того, что посторонніе вліянія могутъ въ томъ или другомъ случаѣ взять перевѣсъ надъ внутреннею движущею силою, проявляющеюся въ извѣстномъ дѣйствіи, будь она физическая или нравственная, не слѣдуетъ, чтобы эта сила не имѣла своихъ собственныхъ, присущихъ ей законовъ, которые прежде всего подлежатъ изслѣдованію науки, ибо ими опредѣляется нормальное дѣйствіе, тогда какъ остальное является только видоизмѣненіемъ.

Поэтому нельзя не признать совершенно несогласнымъ съ истинными требованіями науки положеніе Шмоллера, когда онъ говоритъ, что существенный вопросъ состоитъ не въ томъ, какъ дѣйствуетъ

движущая сила, а въ томъ, какъ она видоизмѣняется. «Осторожное изслѣдованіе, прибавляетъ онъ, всегда обратитъ вниманіе на никогда не успокоивающійся психологическій процессъ развитія человѣчества, и потому всегда будетъ исходить отъ конкретныхъ психологическихъ изображеній характеровъ. Внутри каждаго такого изображенія встрѣтится эгоизмъ, какъ существенный моментъ, но вездѣ однако нѣсколько иначе видоизмѣненный; поэтому онъ вездѣ производитъ нѣсколько иной порядокъ хозяйственной жизни» [1]). Исходить не отъ законовъ главной дѣйствующей силы, а отъ видоизмѣняющихъ ее обстоятельствъ, значитъ идти наперекоръ не только наукѣ, но и простому здравому смыслу. Что же касается до никогда не успокоивающагося психологическаго развитія человѣчества, то оно, какъ мы видѣли, ведетъ къ большему и большему развитію свободы, а это и составляетъ то начало, которое признается нормою экономистами. Чтобы опровергнуть его, надобно доказать, что свобода теоретически не есть цѣль, а практически не является результатомъ всего предшествующаго развитія человѣчества. Но именно этого приверженцы нравственной школы не думаютъ доказывать. Они довольствуются смутными требованіями, а еще чаще декламаціею.

И такъ, коренная задача экономической науки состоитъ въ изслѣдованіи законовъ, по которымъ дѣйствуетъ личный интересъ въ нормальномъ экономическомъ обществѣ, то есть, при свободномъ взаимодѣйствіи промышленныхъ силъ. Затѣмъ необходимо изслѣдовать и вліяніе посторонннихъ причинъ, а также историческія условія, видоизмѣняющія дѣйствіе экономическихъ законовъ. Именно это и дѣлаетъ экономическая наука въ строгомъ смыслѣ слова, такъ какъ она была основана Адамомъ Смитомъ и какъ она понимается досель лучшими умами нашего времени. Держась этихъ началъ, она стоитъ на твердой научной почвѣ. Всѣ смутныя стремленія и непереваренныя понятія соціалистовъ каѳедры и соціалъ-политиковъ не въ состояніи ее поколебать.

Намъ предстоитъ изложить главныя основанія этого ученія и показать ихъ внутреннюю связь съ другими сторонами человѣческаго общежитія.

---

[1]) Ueber einige Grundfragen etc. стр. 37—38.

ГЛАВА IV.

ДѢЯТЕЛИ ПРОИЗВОДСТВА.

Ученіе о дѣятеляхъ производства проходило въ экономической наукѣ черезъ различныя фазы. Обыкновенно экономисты признаютъ, что промышленное производство является результатомъ совмѣстнаго дѣйствія трехъ факторовъ: природы, капитала и труда. Но каждый изъ этихъ дѣятелей находилъ своихъ односторонних защитниковъ въ тѣхъ школахъ, которыя слѣдовали другъ за другомъ въ разработкѣ науки народнаго хозяйства. Меркантилисты, которые богатство видѣли преимущественно въ деньгахъ, согласно съ этимъ придавали главное значеніе капиталу. Физіократы, напротивъ, приписывали производительную силу единственно землѣ, вслѣдствіе чего они утверждали, что всѣ граждане въ государствѣ получаютъ свой доходъ отъ землевладѣльцевъ и обогащаются на ихъ счетъ. Противъ этой исключительности возсталъ Адамъ Смитъ, который первый обратилъ надлежащее вниманіе на производительность труда. Но англійская школа, въ свою очередь, склонна была придавать преувеличенное значеніе послѣднему. Нѣкоторые изъ ея представителей доходили до положенія, что отъ одного труда зависитъ мѣновая цѣнность вещей. Въ противоположность этому взгляду, школа французскихъ экономистовъ, подъ вліяніемъ Сея, настаивала на экономическомъ значеніи силъ природы. Однако и во Франціи были писатели, которые пытались доказать, что всякая мѣновая цѣнность происходитъ единственно отъ труда, а силы природы даромъ работаютъ на человѣка. Самымъ блестящимъ представителемъ этого направленія былъ Бастіа, хотя

именно въ этомъ пунктѣ его ученіе всего менѣе нашло себѣ послѣдователей.

Разнорѣчіе экономистовъ происходило главнымъ образомъ оттого, что нѣкоторые изъ нихъ считали возможнымъ свести всѣ означенные три дѣятеля производства къ одному, а другіе строго ихъ различали. Капиталъ, по общему признанію, ничто иное какъ накопленный трудъ, а потому производительная его сила, слѣдовательно и получаемый съ него доходъ съ этой точки зрѣнія могутъ быть приписаны предшествующему труду. Нѣкоторымъ казалось, что и поземельная рента опредѣляется единственно положеннымъ въ землю капиталомъ и трудомъ. Бастіа въ особенности, въ своей полемикѣ противъ соціалистовъ, увлекался мыслью, что въ видѣ ли поземельной ренты или въ видѣ процента съ капитала, человѣкъ получаетъ вознагражденіе единственно за произведенный имъ трудъ. Мы увидимъ далѣе, что это положеніе не выдерживаетъ критики. Производительная сила, а слѣдовательно и экономическое значеніе, не только природы, но и самаго капитала, не могутъ быть приписаны единственно положенному въ нихъ труду. Но изъ этого слѣдуетъ только, что сведеніе всѣхъ трехъ дѣятелей къ одному не можетъ быть оправдано логически, а отнюдь не то, что остальные дѣятели должны быть отвергнуты, и одинъ трудъ долженъ быть признанъ экономически производительнымъ.

Между тѣмъ, именно на эту послѣднюю точку зрѣнія становятся соціалисты. Они принимаютъ за аксіому, что производителенъ одинъ трудъ, и притомъ физическій, который одинъ непосредственно дѣйствуетъ на природу. Изъ этого они выводятъ, что всѣ лица, не занятыя физическимъ трудомъ, какъ то, землевладѣльцы, капиталисты, предприниматели, получаютъ свои доходы единственно отъ чужаго труда. Пользуясь своимъ привилегированнымъ положеніемъ, эти паразиты обираютъ работниковъ, отнимая у послѣднихъ часть ихъ произведеній и беззаконно присвоивая ихъ себѣ. Таково ученіе, на которомъ строится все соціалистическое зданіе.

Эту точку зрѣнія развивалъ уже Прудонъ въ своей полемикѣ противъ собственности. Однако въ первомъ своемъ сочиненіи онъ не рѣшался еще приписать производительность одному труду. «Кенэ и старые экономисты, говоритъ онъ, утверждали, что всякое производство проистекаетъ отъ земли; Смитъ, Рикардо, де Траси, напротивъ, полагаютъ производительную силу въ трудѣ. Сей и большая

часть тѣхъ, которые пришли послѣ него, учатъ, что *и* земля производительна, *и* трудъ производителенъ, *и* капиталы производительны. Это—эклектизмъ въ политической экономіи. Истина состоитъ въ томъ, что *ни* земля не производительна, *ни* работа не производительна, *ни* капиталы не производительны; производство является результатомъ этихъ трехъ элементовъ, одинаково необходимыхъ, но взятыхъ отдѣльно, одинаково безплодныхъ» [1]).

Казалось бы, что если всѣ три дѣятеля равно необходимы въ производствѣ, то каждому изъ нихъ должна принадлежать извѣстная доля произведенія. Такъ говоритъ логика. Но Прудонъ, вмѣсто того чтобы сдѣлать правильное заключеніе изъ своей посылки, доказываетъ, что доходъ землевладѣльца и капиталиста ничто иное какъ неправильная подать, взимаемая собственникомъ съ работника. «Собственность, говоритъ онъ, есть право производить безъ труда; но производить безъ труда значитъ дѣлать что нибудь изъ ничего, то есть, творить.... Собственникъ, требующій плату за употребленіе своего орудія или за производительную силу своей земли, предполагаетъ, слѣдовательно, радикально ложный фактъ, именно, что капиталы сами по себѣ что нибудь производятъ, и когда онъ заставляетъ платить себѣ за это фантастическое производство, онъ буквально получаетъ нѣчто за ничто.... Это просто на просто вымогательство, основанное единственно на обманѣ и насиліи съ одной стороны, на слабости и невѣжествѣ съ другой» [2]).

Очевидно, что въ этихъ выводахъ заключается противорѣчіе съ изложенною выше посылкою, ибо если земля и капиталъ ничего не производятъ безъ помощи труда, то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что они ничего не производятъ вообще, и что владѣльцы ихъ получаютъ нѣчто за ничто. Самъ Прудонъ чувствовалъ, что на этомъ остановиться нельзя, а потому онъ въ своихъ Экономическихъ Противорѣчіяхъ рѣшительно сталъ утверждать, что производителенъ одинъ трудъ, а природа и капиталъ имѣютъ значеніе только матеріала. «Трудъ, говоритъ онъ, одинъ трудъ производитъ всѣ элементы богатства и сочетаетъ ихъ до послѣднихъ частичекъ по закону пропорціональности, измѣнчивому, но достовѣрному. Трудъ, наконецъ, какъ начало жизни, движетъ матерію богатства и даетъ

[1]) Qu'est ce que la propriété, ch. IV, Première proposition.
[2]) Qu'est ce que la propriété, ch. IV.

ей пропорцію». Капиталъ же «есть матерія богатства, также какъ серебро есть матерія монеты, какъ пшеница есть матерія хлѣба, и восходя въ этой серіи до конца, какъ земля, вода, огонь, воздухъ суть матерія всѣхъ нашихъ произведеній. Но трудъ, одинъ трудъ послѣдовательно создаетъ всякую полезность, сообщенную этимъ матеріямъ, слѣдовательно превращаетъ ихъ въ капиталы и въ богатства». Отсюда Прудонъ выводитъ, что цѣнность труда такое же метафорическое выраженіе, или такая же фикція, какъ производительность капитала. «Трудъ производитъ, а капиталъ имѣетъ цѣнность» въ качествѣ произведенія, то есть, пропорціально положенному въ него труду [1]).

Мы видимъ здѣсь все то, что соціалисты до сихъ поръ повторяютъ на разные лады; но во всѣхъ этихъ выводахъ нѣтъ ничего, кромѣ путаницы понятій и совершенно произвольныхъ положеній. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, утверждать, что всякая полезность сообщается произведеніямъ природы единственно человѣческимъ трудомъ? Полезность есть способность удовлетворять потребностямъ человѣка, а такую способность имѣютъ многія произведенія природы даже безъ содѣйствія труда. Дикіе плоды, рыбы, наполняющія моря и рѣки, птицы и звѣри, составляющіе пищу человѣка, дерево и каменный уголь, которые служатъ ему топливомъ, все это полезно само по себѣ, а не вслѣдствіе приложеннаго къ нимъ труда. Конечно, если человѣкъ лежитъ на боку, не дѣлая движенія, то вся эта польза пропадаетъ для него даромъ: онъ долженъ добывать себѣ пищу, также какъ звѣрь щипетъ траву или ловитъ добычу. Но плодъ не дѣлается полезнымъ оттого, что человѣкъ его срываетъ, или рыба оттого, что онъ ее ловитъ, а наоборотъ, человѣкъ срываетъ плодъ и ловитъ рыбу оттого, что они полезны. Вѣдь не говоримъ же мы, что трудъ коровы создаетъ пользу той травы, которую она щипетъ. Есть наконецъ и такіе предметы, которые приносятъ пользу, не требуя даже и этого малаго труда, необходимаго для ихъ добыванія. Пещеры полезны, потому что онѣ доставляютъ человѣку убѣжище и покровъ; но никто не станетъ утверждать, что укрываться въ нихъ составляетъ трудъ, который именно и дѣлаетъ ихъ полезными. Безъ сомнѣнія, большинство естественныхъ произведеній таковы, что нужно приложеніе труда, чтобы сдѣлать ихъ способны-

[1]) Système des Contradictions Economiques, ch. II, стр. 55, 61, 86 (изд. 1846 г.)

ми удовлетворять потребностямъ человѣка; но изъ этого не слѣдуетъ, что природа тутъ ни при чемъ: къ одному дѣятелю прибавляется только другой.

Столь же мало можно утверждать, что капиталъ составляетъ только м а т е р і ю для труда. Это ничего болѣе какъ ложная метафора, которая служитъ единственно къ затемнѣнію понятій и къ извращенію истиннаго существа дѣла. Можно подумать въ самомъ дѣлѣ, что трудъ является единственною дѣятельною силою въ промышленномъ производствѣ, а капиталъ представляетъ собою лишь страдательное вещество, которое отъ труда получаетъ свою форму, ибо именно это разумѣется обыкновенно подъ именемъ матеріи. Между тѣмъ, возьмемъ, напримѣръ, паровую машину, которая несомнѣнно составляетъ капиталъ; есть ли это вещество, которому сообщается форма прилагаемымъ къ ней трудомъ, или дѣятельная сила, которая движетъ производствомъ и сама сообщаетъ форму обрабатываемому матеріалу? Никто не станетъ утверждать перваго. Совершенствованіе производства состоитъ именно въ томъ, чтобы дѣлать посредствомъ машины то, что дѣлалось руками человѣка; но сила замѣняется только силою, а не веществомъ. Весь трудъ человѣка въ промышленномъ производствѣ заключается въ совершеніи извѣстныхъ движеній, имѣющихъ результатомъ извѣстныя сочетанія вещества; но если тѣже самыя движенія совершаются машиною, то почему же они въ одномъ случаѣ могутъ быть названы производствомъ, а въ другомъ нѣтъ? Почему одинъ только трудъ будетъ названъ дѣятелемъ производства, а капиталу будетъ отказано въ этомъ названіи? Конечно, паровая машина сама собою не пойдетъ; нужно ее затопить; но скажемъ ли мы, что движенія поршня производятся однимъ кочегаромъ, а паръ и машина тутъ ни при чемъ? Это было бы столь же нелѣпо, какъ еслибы мы сказали, что какая нибудь тяжесть перевозится не лошадьми, а извощикомъ, между тѣмъ какъ извощикъ не въ состояніи даже сдвинуть этой тяжести съ мѣста.

Скажутъ, что самая машина получила свою форму отъ человѣческаго труда. Но въ такомъ случаѣ слѣдуетъ приписать производительную силу не только труду приложенному къ машинѣ, но и труду предшествующему, создавшему машину, и тогда надобно опредѣлить участіе послѣдняго въ производствѣ. Къ этому и приходятъ соціалисты. Самъ Прудонъ держался этого взгляда; но съ наибольшею ясностью это ученіе излагается у Родбертуса, который точнѣе

другихъ формулировалъ теорію соціалистовъ объ исключительной производительности труда.

Родбертусъ признаетъ положеніе, что всѣ хозяйственныя блага являются произведеніями труда, или, иными словами, что трудъ одинъ производитель, основною истиною политической экономіи. Однако онъ соглашается, что эта истина не есть еще народно-хозяйственный фактъ, а только народно-хозяйственная идея. Эта идея, говоритъ онъ, не означаетъ, что трудъ имѣетъ претензію создавать матерію; но она означаетъ, 1) что только тѣ блага считаются хозяйственными, на которыя положена какая нибудь работа. Всѣ остальныя, какъ бы они ни были полезны для человѣка, суть естественныя блага, которыя до хозяйства не относятся. 2) Это положеніе означаетъ, что съ экономической точки зрѣнія, всѣ блага разсматриваются только какъ произведенія труда. Кто смотритъ на нихъ иначе, тотъ разсматриваетъ ихъ съ точки зрѣнія естественной исторіи, а не хозяйства. Человѣкъ можетъ быть благодаренъ за то, что сдѣлано для него природою, ибо черезъ это на столько у него уменьшилось работы, но хозяйственное значеніе эти блага имѣютъ лишь на столько, на сколько дѣло природы довершено трудомъ. 3) Это положеніе означаетъ, что въ хозяйственномъ отношеніи, матеріальныя блага являются произведеніемъ единственно той работы, которая совершила необходимыя для того матеріальныя дѣйствія. Однако не той только работы, которая непосредственно произвела извѣстное благо, а также и той, которая произвела орудія, служившія производству. Но послѣдняя принимается въ расчетъ лишь на столько, на сколько орудіе тратится употребленіемъ. Ни въ какомъ случаѣ само орудіе, или его владѣлецъ, не можетъ считаться производителемъ. Если съ помощью орудія работникъ производитъ болѣе, нежели безъ него, то это означаетъ только, что работа стала производительнѣе, а не то, что орудіе участвовало въ производствѣ. Точно также, если на плодородной почвѣ родится болѣе хлѣба, нежели на безплодной, то это означаетъ только, что работа въ одномъ случаѣ болѣе производительна, а въ другомъ менѣе. Вездѣ въ хозяйственномъ смыслѣ производителемъ одинъ трудъ, и притомъ трудъ матеріальный. Всѣ же остальныя работы, которыя имѣютъ лишь косвенное вліяніе на производство, вознаграждаются уже изъ произведеній матеріальнаго труда. Изъ того же источника получаются доходы землевладѣльцевъ и капиталистовъ. Но

эти доходы не составляютъ вознагражденія за дѣйствительно оказанныя владѣльцами услуги; они являются послѣдствіемъ неправильнаго юридическаго порядка, который присвоиваетъ орудія производства однимъ въ ущербъ другимъ, чѣмъ и дается первымъ возможность присвоивать себѣ часть произведеній чужаго труда [1]).

Разберемъ эту теорію.

Основное ея положеніе заключается въ томъ, что хозяйственное значеніе имѣетъ единственно то, что произведено человѣческимъ трудомъ, и лишь на столько, на сколько оно произведено трудомъ; напротивъ, все то, что произведено природою, можетъ быть полезно человѣку, но хозяйственнаго значенія не имѣетъ. Такъ ли это?

Что мы называемъ хозяйствомъ? Дѣятельность, обращенную на внѣшній міръ, для удовлетворенія матеріальныхъ потребностей человѣка. Въ этой дѣятельности, на сколько она относится къ производству, существенное состоитъ въ пользованіи силами природы для человѣческихъ цѣлей. Иногда трудъ довершаетъ дѣятельность природы; иногда, наоборотъ, природа довершаетъ дѣйствія труда. Земледѣлецъ пашетъ и сѣетъ; но затѣмъ онъ предоставляетъ природѣ взростить колосъ и привести плодъ къ созрѣванію. При такомъ взаимнодѣйствіи проникающихъ другъ друга силъ, когда обѣ въ совокупности служатъ одной цѣли и достигаютъ однихъ результатовъ, есть ли возможность сказать, что одна имѣетъ хозяйственное значеніе, а другая нѣтъ? Если сила природы, совокупно съ трудомъ, произвела то, что удовлетворяетъ моимъ матеріальнымъ потребностямъ и что составляетъ мое богатство, то могу ли я отрицать хозяйственное ея значеніе? По теоріи Родбертуса, если на плодородной почвѣ родится болѣе хлѣба, нежели на безплодной, то это означаетъ только, что въ одномъ случаѣ трудъ былъ болѣе производителенъ, а въ другомъ менѣе. Но почему же въ одномъ случаѣ трудъ былъ болѣе производителенъ, а въ другомъ менѣе? Единственно потому что въ одномъ случаѣ природа, съ своей стороны, сдѣлала болѣе, а въ другомъ менѣе. И если, вслѣдствіе этого, одинъ изъ двухъ земледѣльцевъ сталъ богаче другаго, то онъ обязанъ этимъ единственно природѣ, а никакъ не количеству или качеству своего труда. Другой, можетъ быть, работалъ больше и лучше; но результатъ, помимо его воли и его усилій, вышелъ все таки меньшій.

---

[1]) Zur Beleuchtung der soc. Frage, стр. 68—72; ср. стр. 33. 75, 79.

Если мы будемъ стоять на положеніи, что дѣйствіе силъ природы не имѣетъ хозяйственнаго значенія, то мы должны будемъ сказать, что произведенный этимъ дѣйствіемъ излишекъ богатства не имѣетъ значенія въ хозяйствѣ человѣка. Но это будетъ явная нелѣпость. Наконецъ, есть и такія произведенія природы, которыя вовсе не зависятъ отъ человѣческаго труда, а имѣютъ, между тѣмъ, громадное вліяніе на богатство людей, напримѣръ, естественная гавань или орошающая страну рѣка. Скажемъ ли мы, согласно съ теоріею Родбертуса, что онѣ имѣютъ только естественно-историческое, а отнюдь не хозяйственное значеніе? Это опять будетъ нелѣпость.

Не трудно, послѣ этого, понять, почему эта теорія представляется только какъ идея, а не какъ осуществившійся фактъ. Но когда выставляется извѣстная идея, надобно, по крайней мѣрѣ, чтобы она была согласна съ здравымъ смысломъ; а тутъ мы именно этого не видимъ. О научномъ значеніи и говорить нечего. Экономическая наука изслѣдуетъ начала народнаго богатства, а богатство состоитъ не изъ того только, что производится человѣческимъ трудомъ, но также изъ того, что даруется природою. Это фактъ, ясный для простаго смысла, и не подлежащій сомнѣнію. Отрицать его можно только выкинувши совершенно понятіе о полезности изъ области экономическихъ отношеній; но этого нельзя сдѣлать иначе, какъ уничтоживши самыя основанія, не только науки, но и практики. Другой вопросъ,—на сколько тѣмъ или другимъ дѣятелемъ производства опредѣляется цѣна произведеній. Объ этомъ будетъ рѣчь ниже, когда мы будемъ говорить объ оборотѣ. Но здѣсь уже можно указать на то, что въ приведенномъ Родбертусомъ примѣрѣ различной производительности труда на двухъ почвахъ неравно плодородныхъ, результатъ, полученный отъ неравнаго дѣйствія силъ природы, произведетъ разницу и въ цѣнѣ. Хозяинъ, снявшій болѣе обильную жатву, будетъ богаче не только полезными произведеніями, но и мѣновою цѣнностью. Точно также, если на двѣ каменноугольныя копи положено равное количество труда, а между тѣмъ въ одной уголь оказывается лучшаго качества, нежели въ другой, то цѣна перваго все таки будетъ выше. Говорить тутъ о большей производительности труда значитъ изрекать слова, лишенныя смысла. Въ обоихъ случаяхъ трудъ одинакій, и количественно и качественно;

самая добыча количественно одинакая; но то, что сдѣлано природою сказывается разнаго качества, и это отражается на цѣнѣ произведеній.

Столь же несостоятельно мнѣніе Родбертуса о степени участія капитала въ промышленномъ производствѣ. Онъ допускаетъ участіе предшествующей работы, осуществленной въ капиталѣ; но, по его мнѣнію, капиталъ производитъ лишь цѣнность равную его тратѣ. Откуда же взято это положеніе? Работа вообще, по признанію самого Родбертуса, производитъ болѣе того, что нужно для возобновленія истраченныхъ силъ; на этомъ основано все человѣческое совершенствованіе. Почему же работа, превратившаяся въ капиталъ, теряетъ это свойство? Если мы скажемъ, что положенная на капиталъ работа уже кончена, а потому не можетъ произвести болѣе того, что уже разъ ею произведено, то она не въ состояніи и возобновлять потраченный капиталъ. Послѣдній можетъ служить новой работѣ, которая черезъ это дѣлается производительнѣе, но самъ онъ производить ничего не можетъ. При такомъ взглядѣ, капиталъ долженъ быть совершенно устраненъ изъ числа дѣятелей производства. Но тогда мы приходимъ къ тому нелѣпому результату, что работникъ, который дѣлаетъ машину, ничего не производитъ, а производитъ единственно тотъ, кто ее употребляетъ, результатъ едва ли угодный самимъ соціалистамъ, не смотря на то, что они не имѣютъ привычки останавливаться передъ нелѣпостью. Если же, убоявшись такого вывода, мы признаемъ, что работа, осуществленная въ капиталѣ, можетъ быть производительна въ новомъ производствѣ, то мы принуждены будемъ признать капиталъ настоящимъ дѣятелемъ производства, и тогда нѣтъ причины, почему бы мы производительность его ограничивали возобновленіемъ собственной его траты. Самъ Родбертусъ, говоря о производительной силѣ машины, допускаетъ, что машина, которая стоила столько же, сколько и другая, можетъ имѣть двойную степень дѣятельности, слѣдовательно и производительности (стр. 39 пр.). И тутъ, прибавляетъ онъ, окончательное мѣрило заключается въ работѣ. Но если положенная на устройство машины работа можетъ оказаться вдвое производительнѣе другой, то нельзя рядомъ съ этимъ утверждать, что производительность машины всегда равна ея тратѣ.

Какова въ дѣйствительности доля участія капитала въ промышленномъ производствѣ, это можно опредѣлить сравненіемъ того, что работникъ способенъ сдѣлать безъ машины, и того, что онъ дѣла-

ет при машинѣ. Если безъ машины онъ можетъ сдѣлать 100, а при машинѣ 1000, то очевидно, что 900 будетъ выражать собою участіе машины. Тутъ нельзя даже сказать, что въ послѣднемъ случаѣ требуется высшая, болѣе умѣлая работа: часто бываетъ наоборотъ. Мальчикъ при машинѣ можетъ сдѣлать болѣе въ 6 часовъ, нежели взрослый и искусный работникъ безъ машины въ 12. На этомъ основана замѣна на фабрикахъ взрослыхъ рабочихъ женщинами и дѣтьми. Скажемъ ли мы, что работа мальчика производительнѣе работы взрослаго? Но это опять нелѣпость. Откуда взялась у нея бо́льшая производительность, когда всѣ элементы рабочей силы, и умъ, и воля, и физическая сила, у мальчика меньше, нежели у взрослаго? Это значило бы признать постоянное чудо, рожденіе чего то изъ ничего. Очевидно, что бо́льшая производительность работы мальчика зависитъ не отъ него самого, а отъ машины, при которой онъ работаетъ; слѣдовательно, это производительность не труда, а капитала. А потому невозможно признать, что капиталъ производитъ единственно то, что нужно для собственнаго его возобновленія: онъ производитъ безконечно больше, и на этомъ основано все развитіе человѣческой промышленности. Безъ этого избытка не существовалъ бы и самый капиталъ. Тотъ, кто дѣлаетъ машину, потому только ее дѣлаетъ, что она впослѣдствіи, своею работою, дастъ ему избытокъ; если же машина будетъ только сама себя возобновлять, то выгоды ему не будетъ никакой, и онъ машины не станетъ дѣлать, развѣ для собственнаго своего употребленія.

Наконецъ, всего менѣе можно согласиться съ Родбертусомъ, когда онъ производительнымъ признаетъ единственно трудъ, совершающій матеріальныя дѣйствія. Конечно, не слѣдуетъ къ промышленному производству причислять работы, имѣющія на него лишь косвенное вліяніе, какъ то, работу законодателя, судьи, полицейскаго служителя, воина, ученаго. Все это необходимо для успѣховъ промышленнаго производства, но все это не есть промышленное производство, а потому матеріальное вознагражденіе, получаемое этими лицами, имѣетъ производный характеръ. Но самое промышленное производство не ограничивается однимъ физическимъ трудомъ: тутъ необходимъ и умственный трудъ, безъ котораго физическія усилія, лишенныя руководства, теряютъ всякую производительную способность. Придавать исключительное значеніе физическому труду,

безъ руководящей мысли, значитъ смотрѣть на промышленность съ точки зрѣнія обезьяны, которая въ извѣстной баснѣ воображаетъ, что она трудится, потому что съ утра до вечера катаетъ бревна. Главная задача въ промышленномъ производствѣ состоитъ въ томъ, чтобы ясно видѣть цѣль, иногда весьма отдаленную, и вѣрно расчитать средства; въ немъ всего важнѣе мысль и воля, физическія же дѣйствія служатъ только орудіемъ для исполненія указанной ими задачи. Тотъ, кто расчитываетъ, и тотъ, кто работаетъ, могутъ быть два совершенно разныя лица; первый является двигателемъ, второй исполнителемъ. Хозяинъ предпріятія, при самомъ упорномъ умственномъ трудѣ, можетъ вовсе не участвовать въ физическихъ дѣйствіяхъ, необходимыхъ для обработки произведеній, а съ своей стороны работникъ, исполняя указанное, можетъ не имѣть ни малѣйшаго понятія о томъ, на сколько его работа производительна. Безъ сомнѣнія, физическій трудъ необходимъ во всякомъ предпріятіи, обращенномъ на матеріальный міръ; но онъ составляетъ только одно изъ орудій производства, которое во многихъ случаяхъ можетъ быть замѣнено другими. Молотить, напримѣръ, можно и цѣпами, и коноводною машиною и паровою. Отъ расчетовъ хозяина зависитъ употребить то или другое средство, а отъ этихъ расчетовъ зависитъ, въ свою очередь, вся выгодность предпріятія, представляющая производительность совершенной работы.

Эта противоположность между физическою работою и умственною, изъ которыхъ первая является только орудіемъ, а вторая движущею силою предпріятія, приводитъ насъ къ необходимости отъ означенныхъ трехъ дѣятелей производства отличить четвертый, именно, направляющую мысль, какъ называютъ это начало нѣкоторые экономисты, или лучше, направляющую волю, ибо мысль, какъ скоро она становится источникомъ дѣятельности, переходитъ въ волю. Въ прежнее время, предприниматель обыкновенно отождествлялся съ капиталистомъ, ибо въ рукахъ его находится капиталъ, употребляемый для производства. Но факты показываютъ, что капиталистъ и предприниматель могутъ быть два совершенно разныя лица. Капиталистъ можетъ отдавать свой капиталъ въ займы и за это получать проценты; предприниматель же, пользуясь чужимъ капиталомъ, платитъ проценты, а самъ получаетъ прибыль съ предпріятія. Поэтому въ настоящее время, въ ученіи о распредѣленіи богатства, экономистами принято отличать процентъ съ капитала отъ прибыли пред-

принимателя. Съ другой стороны, прибыль предпринимателя отличается и отъ заработной платы. Никто не настаиваетъ на этомъ болѣе соціалистовъ, которые предпринимателей и капиталистовъ постоянно относятъ къ одному разряду, противополагая ихъ рабочимъ. И точно, въ прибыль предпринимателя входятъ другіе элементы; но существеннѣйшій изъ нихъ есть вознагражденіе за умственный трудъ, направляющій предпріятіе, ибо выгодно единственно то предпріятіе, которое ведется съ должнымъ расчетомъ. Предпринимателю, по преимуществу, принадлежитъ то, что называется умственнымъ капиталомъ, то есть, тотъ запасъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, который является духовнымъ двигателемъ промышленности. Вслѣдствіе этого, новѣйшіе экономисты начинаютъ къ означеннымъ тремъ дѣятелямъ производства присоединять четвертый, который можно назвать духовнымъ капиталомъ, или направляющею волею, хотя надобно сказать, что эта мысль далеко еще не получила надлежащаго развитія въ наукѣ [1]).

Взглянемъ теперь на характеръ и свойства каждаго изъ означенныхъ дѣятелей. Вездѣ мы должны будемъ различить двѣ стороны: качественную и количественную, и указать значеніе каждой изъ нихъ въ промышленномъ производствѣ.

I. Природа.

Самостоятельное значеніе силъ природы въ промышленномъ производствѣ оспаривается не одними соціалистами. Есть и экономисты, которые утверждаютъ, что единственнымъ истиннымъ дѣятелемъ въ промышленномъ мірѣ является тотъ, который дѣйствуетъ сознательно и свободно, то есть, который располагаетъ разумною силою, способною управлять и собою и внѣшними предметами. А таковъ одинъ человѣкъ. Силы природы сами по себѣ производятъ лишь безпорядочное и безплодное движеніе; человѣческій разумъ подчиняетъ это движеніе извѣстнымъ правиламъ, направляетъ его къ цѣли и тѣмъ самымъ дѣлаетъ его способнымъ производить полезныя для человѣка вещи. Онъ не творитъ самыхъ силъ, но онъ творитъ ихъ,

[1]) См. вышедшую въ концѣ 1880 года книгу Поля Леруа-Больё: Essai sur la répartition des richesses, стр. 51 и 378.

какъ орудія производства, а потому онъ долженъ быть признанъ истиннымъ создателемъ богатства [1]).

Въ этихъ мысляхъ есть нѣкоторая доля истины, но въ нихъ есть и значительное преувеличеніе. Несправедливо, что природа не производитъ ничего полезнаго для человѣка, иначе какъ если она устроена и направлена человѣческимъ разумомъ. Мы уже указывали на то, что моря, рѣки и гавани, минералы, дикія растенія и животныя произведены природою безъ всякаго содѣйствія человѣка, а между тѣмъ составляютъ полезные для него предметы. Человѣку остается только пользоваться ими или добывать ихъ. Безъ этого основнаго фонда, который онъ находитъ уже готовымъ, невозможно было бы никакое дальнѣйшее производство, невозможна была бы самая жизнь. Безъ сомнѣнія, еслибы человѣкъ довольствовался тѣмъ, что́ даетъ ему природа, онъ никогда бы не подвинулся впередъ. Всякое промышленное развитіе является плодомъ собственной его дѣятельности. Но и тутъ природа не переходитъ на степень простаго страдательнаго орудія. Нерѣдко она дѣйствуетъ совершенно независимо отъ человѣческой воли. Человѣкъ пашетъ и сѣетъ, но окончательно урожай зависитъ отъ атмосферическихъ вліяній, надъ которыми человѣкъ не властенъ. Самое пользованіе силами природы производительно только тогда, когда оно согласно съ ихъ собственными свойствами и законами. Если человѣкъ дѣлаетъ производительнымъ водопадъ, который безъ того остался бы безплодною силою, то онъ не можетъ сообщить водопаду большую силу, нежели онъ имѣетъ отъ природы, перенести его на другое мѣсто или дать ему произвольное направленіе, а отъ этихъ условій зависитъ и результатъ. Такимъ образомъ, куда бы человѣкъ ни устремилъ свою дѣятельность, вездѣ онъ встрѣчаетъ передъ собою независимую отъ него силу, которая многое даетъ ему сама, и которая въ значительной степени опредѣляетъ самыя свойства его труда, поставляя послѣдній въ зависимость отъ тѣхъ предметовъ, на которые онъ обращается. Поэтому природа, наравнѣ съ трудомъ, должна быть признана самостоятельнымъ дѣятелемъ производства. Задача науки состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить свойства этого дѣятеля и его отношеній къ человѣку.

[1]) См. Baudrillart: Des rapports de la morale et de l'économie politique, стр. 230—233.

Отличительный признакъ природы состоитъ въ ея неизмѣнности. Она управляется вѣчными и непреложными законами, установляющими постоянно одинакій порядокъ явленій. Чѣмъ болѣе человѣкъ подчиняется вліянію природы, тѣмъ болѣе у него самого господствуетъ однообразный порядокъ жизни. Это вліяніе измѣняется однакоже сообразно съ степенью человѣческаго развитія. Если силы природы всегда однѣ и тѣже, то пользованіе ими можетъ быть весьма различно. Оно зависитъ главнымъ образомъ отъ пониманія ея законовъ и отъ умѣнія обратить ихъ на пользу человѣка. Животному природа всегда доставляетъ одинакія блага; для человѣка, съ развитіемъ мысли и знанія, она получаетъ совершенно новое значеніе: ея силы становятся орудіями его цѣлей. Но покоряя себѣ природу, человѣкъ вмѣстѣ съ тѣмъ подчиняется ей; онъ можетъ пользоваться ея силами, только соображаясь съ неизмѣнными ея законами. Поэтому, законы природы кладутъ свою печать на всю промышленную дѣятельность человѣка. Каково бы ни было развитіе мысли и знанія, производство всегда зависитъ отъ условій окружающей среды. Человѣкъ можетъ изучить законы природы и пользоваться ими; онъ не властенъ ихъ измѣнить.

Какъ же проявляется дѣйствіе этихъ законовъ?

Первое и коренное свойство силъ природы, отъ котораго зависитъ все промышленное развитіе человѣчества, это—ихъ безконечное разнообразіе и неравномѣрное ихъ распредѣленіе на земномъ пространствѣ. Можно сказать, что на землѣ нѣтъ двухъ мѣстностей съ совершенно одинакими условіями. Этимъ вызывается многосторонность въ развитіи человѣческихъ силъ и способностей, а отъ послѣдняго, въ свою очередь, зависятъ не только различныя свойства людей, преданныхъ той или другой промышленной дѣятельности, но въ значительной степени и самое различіе народныхъ характеровъ. Вліяніе естественныхъ условій на историческое развитіе человѣчества не подлежитъ сомнѣнію и весьма хорошо наслѣдовано наукою. Это—фактъ, который составляетъ для человѣка исходную точку, и отъ котораго онъ никогда вполнѣ отрѣшиться не можетъ.

Съ другой стороны, самое это разнообразіе условій установляетъ тѣснѣйшую связь между людьми. Въ промышленной области, оно имѣетъ то послѣдствіе, что не вездѣ все можно производить съ одинакою выгодою. Кто хочетъ производить при неблагопріятныхъ условіяхъ, тотъ разоряется. Но именно отсюда возникаетъ потребность

мѣны. Устанавляется взаимное общеніе между различными странами; развивается всемірная торговля; человѣчество начинаетъ понимать себя, какъ одно цѣлое.

Еще важнѣе то, что это разнообразіе естественныхъ условій проявляется не только качественно, но и количественно. Есть силы, которыя въ безграничномъ количествѣ разлиты по всему міру и одинаково доступны всѣмъ; есть другія, которыя находятся въ ограниченномъ количествѣ и доступны только нѣкоторымъ. Первыя не подлежатъ усвоенію; вторыми же можно пользоваться, только когда онѣ усвоены человѣкомъ. Это—опять основной фактъ, котораго человѣкъ измѣнить не въ силахъ, и когда Родбертусъ спрашиваетъ, на какомъ основаніи меньшинство можетъ присвоивать себѣ силы природы, которыя должны стоять на одной линіи съ воздухомъ и солнечнымъ свѣтомъ [1]), то это одно изъ тѣхъ легкомысленныхъ изреченій, которыми изобилуютъ сочиненія соціалистовъ, и которыя замѣняютъ имъ всякія доказательства. Каменноугольною копью, морскою гаванью, или извѣстнымъ пространствомъ плодородной почвы нельзя пользоваться такъ, какъ люди пользуются свѣтомъ и воздухомъ. Если мы даже, вмѣстѣ съ соціалистами, скажемъ, что каменноугольная копь или земля, будучи даромъ природы, должна принадлежать не отдѣльнымъ лицамъ, а цѣлому обществу, то все же отличіе отъ свѣта и воздуха будетъ самое существенное. Свѣтъ и воздухъ не состоятъ во владѣніи общества и не распредѣляются имъ между членами: каждый пользуется ими самъ по себѣ, безъ всякаго дозволенія. Поставивши всѣ силы природы на одну линію, мы неизбѣжно должны придти къ заключенію, что и всѣми остальными силами и произведеніями природы человѣкъ можетъ пользоваться также, какъ свѣтомъ и воздухомъ, то есть, каждый самъ по себѣ и насколько они ему доступны. Но разница та, что одни, находясь въ безграничномъ количествѣ, доступны всѣмъ, и другія, по своей ограниченности, немногимъ.

Кто же будетъ пользоваться послѣдними? По естественному закону, очевидно тѣ, которые состоятъ для того въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ. Эскимосы не могутъ пользоваться дарами природы, находящимися подъ тропиками. Даже свѣтомъ и тепломъ они пользуются лишь на столько, на сколько они удѣляются имъ фи

[1]) Zur Beleuchtung d. soc. Fr. стр. 152.

зическими условіями страны. Распредѣливши свои блага неравномѣрно по всему земному шару, природа точно также распредѣлила и людей. Въ каждой мѣстности человѣкъ усвоиваетъ себѣ то, что предлагаетъ ему окружающая его среда. Это опять фактъ, съ которымъ надобно считаться и который человѣкъ не въ силахъ измѣнить. Неравенство составляетъ исходную точку всего экономическаго быта. Оно охватываетъ человѣка съ перваго его появленія на земномъ пространствѣ. Какое вліяніе оказываютъ тутъ чисто человѣческія начала, это мы уже видѣли выше и еще увидимъ впослѣдствіи.

Естественныя силы, находящіяся въ ограниченномъ количествѣ и подлежащія усвоенію, связаны съ землею. Именно эти силы всего болѣе независимы отъ человѣка: ихъ нельзя ни перенести съ мѣста на мѣсто, ни умножить произвольно. Поэтому, когда говорятъ о природѣ, какъ самостоятельномъ дѣятелѣ производства, то разумѣютъ преимущественно землю. Въ ней главнымъ образомъ проявляются тѣ зависящія отъ свойства естественныхъ силъ особенности, которыя даютъ всѣмъ соединеннымъ съ нею производствамъ особое мѣсто въ народномъ хозяйствѣ. Съ нею связано и неравномѣрное распредѣленіе силъ на земномъ пространствѣ. Есть земли, богатыя дарами и бѣдныя, плодородныя и безплодныя, земли съ выгоднымъ положеніемъ и съ невыгоднымъ.

Однакоже, это различіе даровъ природы не есть такое начало, которымъ бы разъ на всегда опредѣлялась вся дальнѣйшая судьба человѣка. Какъ уже было указано выше, богатство зависитъ не столько отъ обилія естественныхъ благъ, сколько отъ умѣнія ими пользоваться. Въ дѣйствительности, мы вовсе не видимъ, чтобы тѣ народы были богаче, къ которымъ природа была щедрѣе. Конечно, есть крайняя мѣра скудости, при которой человѣкъ не въ состояніи выбиться изъ подъ гнета удручающихъ его внѣшнихъ условій. Подъ полюсами невозможна никакая промышленность. Но съ другой стороны, въ мѣстахъ, гдѣ природа, повидимому, расточала свои дары, мы находимъ общую нищету. Давно уже замѣчено, что промышленность скорѣе всего развивается не тамъ, гдѣ природа все дѣлаетъ сама, оставляя человѣку только легкій трудъ собиранія, а тамъ, гдѣ есть побужденіе къ труду и нѣтъ внѣшнихъ условій, которыя бы полагали ему слишкомъ сильныя преграды. Относительная скудость умѣренныхъ климатовъ благопріятнѣе для промышленнаго развитія, не-

жемъ чрезмѣрная роскошь Юга. Удобство внѣшнихъ сношеній, дающее просторъ человѣческой дѣятельности, имѣетъ болѣе важное значеніе, нежели плодородіе почвы. При благопріятномъ географическомъ положеніи, безплодная Аттика и бѣдная естественными дарами Финикія были богатѣйшими странами древняго міра.

Самыя естественныя условія могутъ въ значительной степени измѣняться дѣятельностью человѣка. Съ помощью труда и капитала, безплодная почва превращается въ плодородную. Человѣкъ осушаетъ болота, завоевываетъ у моря тучныя пространства; посредствомъ дренажныхъ трубъ онъ удесятеряетъ производительную силу земли. Во Фландріи, при искусномъ удобреніи, сыпучій песокъ даетъ обильныя жатвы. Наконецъ, на самой благодатной почвѣ естественныя силы истощаются; ихъ надобно возобновлять: надобно возвратить природѣ то, что у нея отнято, а это опять можетъ быть только дѣломъ человѣческихъ рукъ и человѣческаго умѣнія.

Такимъ образомъ, чего не даетъ природа, то восполняется человѣкомъ. Рѣдко природа даетъ что нибудь даромъ; обыкновенно требуется приложеніе мысли, труда и капитала, чтобы извлечь изъ нея то, что нужно для удовлетворенія человѣческихъ потребностей. И чѣмъ выше промышленное развитіе, тѣмъ это участіе чисто человѣческихъ дѣятелей становится значительнѣе. Экстенсивная культура, захватывающая значительныя пространства, замѣняется интенсивною, которая на меньшемъ пространствѣ получаетъ гораздо болѣе обильные плоды. Важнѣйшую роль играетъ тутъ капиталъ, безъ котораго пользованіе дарами природы всегда ограничивается самыми тѣсными предѣлами. Только съ его помощью человѣкъ можетъ извлечь изъ природы все, что она въ состояніи дать, и возвратить ей то, что онъ у нея отнялъ.

При всемъ томъ, вліяніе неравномѣрнаго распредѣленія естественныхъ силъ не исчезаетъ совершенно. Плодородная почва требуетъ меньшаго участія человѣческихъ дѣятелей, нежели безплодная. Богатый рудникъ, при одинаковомъ капиталѣ и трудѣ, даетъ большіе результаты, нежели бѣдный. Естественное превосходство сохраняетъ свое значеніе, хотя оно въ значительной степени уступаетъ искусству человѣка.

Самое дѣйствіе капитала и труда въ приложеніи къ землѣ имѣетъ свои границы. Въ противоположность тому, что происходитъ въ отрасляхъ промышленности, зиждущихъ состояніяхъ въ распоряженіи человѣка, производительность земли далеко не всегда соразмѣряется

съ количествомъ положенныхъ на нее человѣческихъ силъ. Вдвое большій капиталъ не даетъ вдвое большей жатвы, а можетъ быть, только въ полтора раза, а при новомъ удвоеніи еще меньше. Причина та, что въ земледѣльческомъ производствѣ всегда участвуютъ естественные дѣятели, которые находятся въ ограниченномъ количествѣ. Пока въ почвѣ обрѣтаются еще неначатыя силы, приложеніе къ нимъ капитала можетъ дать громадные результаты, далеко превосходящіе самую дѣятельность капитала. Но съ усовершенствованіемъ обработки, неначатыхъ силъ становится все меньше и меньше, и тогда общій законъ производства состоитъ въ томъ, что прогрессивное умноженіе капитала даетъ все болѣе и болѣе скудные результаты.

Изъ всего этого ясно, что самостоятельное дѣйствіе силъ природы всегда оказывается въ производствѣ, но съ совершенствованіемъ средствъ, онѣ тѣснѣйшимъ образомъ соединяются съ силами человѣческими, такъ что невозможно даже раздѣлить, что собственно принадлежитъ природѣ, и что предшествующей дѣятельности человѣка. Поэтому тщетны попытки опредѣлить въ поземельной рентѣ, какая часть ея принадлежитъ землѣ, и какая вложенному въ землю капиталу. Мы къ этому возвратимся впослѣдствіи.

Еще большее участіе принадлежитъ человѣческой дѣятельности въ пользованіи другимъ естественнымъ факторомъ, имѣющимъ громадное вліяніе на производство, именно, выгодностью положенія. Есть положенія, указанныя промышленнымъ силамъ самыми естественными условіями страны, напримѣръ близость топлива для фабрикъ, удобная гавань для торговли. Но употребленіе въ дѣло этихъ выгодъ зависитъ исключительно отъ человѣческой дѣятельности. Возникающіе здѣсь промышленные центры являются вполнѣ созданіями человѣка. Эти центры, въ свою очередь, имѣютъ вліяніе на все окружающее ихъ пространство. Чѣмъ ближе къ центру, тѣмъ удобнѣе сбытъ, а потому тѣмъ выгоднѣе производство. Но и тутъ выгодность положенія служитъ лишь поводомъ къ тому, чтобы вызвать усиленную человѣческую дѣятельность. По закону, весьма хорошо раскрытому фонъ-Тюненомъ, съ приближеніемъ къ центру преобладаетъ интенсивная культура, съ удаленіемъ отъ центра экстенсивная. А съ другой стороны, и эта относительная выгода, проистекающая изъ естественныхъ условій, находитъ себѣ противодѣйствіе въ улучшеніи путей сообщенія, состоящихъ совершенно уже въ

распоряженіи человѣка и зависящихъ исключительно отъ обилія капиталовъ. Съ легкостью и дешевизною сообщеній уменьшаются естественныя выгоды ближайшихъ земель и увеличивается выгодность отдаленныхъ.

Такимъ образомъ, съ приложеніемъ къ землѣ умѣнія, труда и капитала, естественныя условія болѣе или менѣе уравниваются, хотя разница никогда не исчезаетъ совершенно. Но это уравненіе происходитъ не въ силу какихъ либо общихъ началъ или отвлеченныхъ требованій; оно производится безпрерывно возобновляющимся восполненіемъ безконечнаго разнообразія природы безконечною изворотливостью человѣческаго ума, который, посредствомъ добываемыхъ имъ изъ самой природы средствъ, исправляетъ ея недостатки и заставляетъ ее служить своимъ цѣлямъ, тамъ гдѣ она, повидимому, всего менѣе къ тому способна. Именно это данное и никогда неустранимое разнообразіе естественныхъ условій всего болѣе способствуетъ многостороннему развитію человѣческой энергіи и предпріимчивости. Для того чтобы бороться съ соперниками, находящимися въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, человѣкъ напрягаетъ всѣ свои силы и изощряетъ всю свою изобрѣтательность.

Въ этой дѣятельности недостаточно даже одного приложенія труда и капитала; надобно расчесть, какое именно требуется приложеніе труда и капитала, для того чтобы естественныя силы, при данныхъ условіяхъ, произвели то, что онѣ могутъ произвести. На низкой степени культуры, излишекъ человѣческихъ силъ и средствъ можетъ быть также невыгоденъ, какъ и недостатокъ ихъ на высокой. Замѣна экстенсивной обработки интенсивною имѣетъ свой историческій ходъ, съ которымъ человѣкъ долженъ сообразоваться. Иначе, вмѣсто обогащенія онъ разорится.

Отсюда основное требованіе, чтобы человѣческой дѣятельности въ промышленной области предоставленъ былъ возможно большій просторъ, такъ чтобы человѣкъ могъ слѣдить за всѣми дѣйствіями природы, приспособляться къ ея законамъ и исправлять ея недостатки. Въ приложеніи къ землѣ, это требованіе выражается въ томъ, что отдѣльнымъ участкамъ должна быть открыта возможность переходить въ руки тѣхъ, которые наиболѣе способны выгодно ими пользоваться. На этомъ, съ экономической точки зрѣнія, основана свобода собственности.

Отношеніе человѣческихъ силъ къ естественнымъ дѣятелямъ отражает-

ся и на величинѣ производства. Экстенсивная культура, гдѣ преобладаетъ дѣятельность природы, по самому существу дѣла, требуетъ болѣе обширныхъ пространствъ, нежели интенсивная. Съ другой стороны, каждый изъ человѣческихъ дѣятелей, трудъ, капиталъ, направляющая воля, имѣетъ свой характеръ и свои выгоды, которыми опредѣляется и большая или меньшая обширность предпріятія. Капиталъ, какъ мы увидимъ далѣе, производительнѣе въ большихъ массахъ. Поэтому, въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ требуется главнымъ образомъ приложеніе капитала, крупное производство выгоднѣе мелкаго. Но собственно въ земледѣліи, какъ сказано выше, это приложеніе находитъ свой предѣлъ въ ограниченности естественныхъ силъ. Крупное производство имѣетъ и ту невыгоду, что здѣсь, по необходимости, упускаются изъ виду мелочи, а при безконечно разнообразной дѣятельности природы, много силъ, вслѣдствіе этого, пропадаетъ напрасно. Воспользоваться всѣмъ, что даетъ природа, способенъ только трудъ, который вникаетъ въ самыя мелочныя подробности, ничего не пропуская даромъ. Это свойство составляетъ принадлежность мелкаго хозяйства, которое естественно водворяется тамъ, гдѣ преобладаетъ трудъ. Послѣднее однако, въ свою очередь, обыкновенно страдаетъ недостаткомъ умственнаго капитала, который одинъ даетъ возможность извлечь настоящую выгоду изъ предпріятія. Этотъ капиталъ является только тамъ, гдѣ человѣкъ обладаетъ достаточными средствами для его пріобрѣтенія; онъ требуетъ и болѣе или менѣе обширнаго производства, въ которомъ высшія силы и способности могутъ найти себѣ надлежащее поприще. А такъ какъ, съ другой стороны, въ земледѣльческихъ промыслахъ нуженъ хозяйскій глазъ, вникающій въ подробности съ цѣлью воспользоваться безконечнымъ разнообразіемъ естественныхъ условій, то приложеніе духовнаго капитала въ этой области всего выгоднѣе при средней величинѣ производства.

Поэтому, нельзя не согласится съ Рошеромъ, что наиболѣе благопріятное для народнаго хозяйства отношеніе въ земледѣльческой промышленности состоитъ въ сочетаніи крупныхъ, среднихъ и мелкихъ производствъ, съ преобладаніемъ однако среднихъ [1]). При такихъ условіяхъ, каждый изъ дѣятелей производства находитъ наиболѣе выгодное для себя приложеніе. Но въ дѣйствительности это идеальное отношеніе видоизмѣняется историческимъ преобладаніемъ

[1]) Nationalökonomik des Ackerbaues. § 53.

того или другаго элемента, народнымъ характеромъ и другими жизненными условіями.

И такъ, естественныя силы, для того чтобы удовлетворять человѣческимъ потребностямъ, нуждаются въ содѣйствіи и руководствѣ со стороны другихъ элементовъ производства. Обратимся теперь къ послѣднимъ.

2. Трудъ.

Чего не дѣлаетъ природа, то восполняется трудомъ. Самъ по себѣ, человѣкъ ничего произвести не можетъ: но онъ можетъ заставить природу сдѣлать то, что ему нужно, поставивши матеріальные предметы въ такое положеніе, чтобы естественныя силы могли дѣйствовать сообразно съ его цѣлями. Это совершается посредствомъ физическихъ движеній. Другаго способа дѣйствія человѣкъ не имѣетъ: онъ самъ ничего не создаетъ, а только двигаетъ матерію. Все, что совершено человѣкомъ въ физическомъ мірѣ, отъ начала вѣковъ и до настоящаго времени, ничто иное какъ безконечный рядъ физическихъ движеній. Къ этому окончательно сводится весь промышленный трудъ.

Однако изъ этого не слѣдуетъ, что производителенъ въ промышленномъ отношеніи одинъ физическій трудъ. Промышленное производство состоитъ въ движеніи къ извѣстной цѣли, а цѣль полагается физическимъ трудомъ; послѣдній служитъ только средствомъ. Само по себѣ, физическое движеніе не имѣетъ никакой производительной силы. Эта истина весьма живо изображается въ приведенной выше баснѣ объ обезьянѣ, катающей бревна. Производительнымъ физическое движеніе становится лишь тогда, когда оно направляется разумною волею человѣка. Но это направленіе можетъ исходить вовсе не отъ того лица, которое производитъ физическое движеніе. Рабочій на фабрикѣ не знаетъ ни тѣхъ соображеній, на которыхъ основано дѣйствіе машины, ни тѣхъ расчетовъ, которые имѣетъ въ виду предприниматель. Онъ ограничивается совершеніемъ физическихъ дѣйствій, которыя задуманы и направлены другимъ, и которыхъ промышленное значеніе остается ему неизвѣстнымъ. Трудъ является только орудіемъ въ рукахъ воли.

Отсюда происходитъ и то явленіе, что физическій трудъ человѣка можетъ замѣняться работою естественныхъ силъ. То, что дѣлаетъ

работникъ, можетъ быть произведено животнымъ или машиною. Высшее совершенство производства состоитъ именно въ томъ, чтобы заставить природу дѣлать то, что совершалось руками человѣка. Безъ человѣческаго труда и тутъ нельзя обойтись; но отъ предпринимателя зависитъ то или другое сочетаніе этихъ различныхъ дѣятелей. Полагая цѣль, онъ расчитываетъ и средства.

Это служебное значеніе труда въ промышленномъ производствѣ объясняетъ и всемірное явленіе рабства. Рабъ, по опредѣленію Аристотеля, есть живое орудіе. Въ производствѣ подобное орудіе необходимо, а потому значительная часть людей неизбѣжно становится въ служебное положеніе. Гдѣ это не дѣлается добровольно, тамъ это совершается принудительно, ибо безъ этого человѣчество не можетъ жить. Принудительное же служеніе есть рабство.

Но если естественнымъ силамъ свойственно служить орудіями для высшихъ цѣлей, то человѣкъ, какъ таковой, не долженъ нисходить на степень простаго средства: это противорѣчитъ внутренней его природѣ, какъ свободнаго существа. Это противорѣчитъ и экономической цѣли, которая въ человѣкѣ можетъ вызвать настоящую дѣятельность только подъ условіемъ свободы. Поэтому, задача экономическаго развитія состоитъ въ томъ, чтобы принудительное служеніе замѣнить добровольнымъ. Уничтожить подчиненное отношеніе нѣтъ возможности, ибо оно требуется природою вещей. Работникъ столь же мало можетъ быть распорядителемъ, какъ солдатъ можетъ быть вмѣстѣ и военачальникомъ. Каждому подобаетъ свое мѣсто и свое назначеніе въ совокупномъ дѣлѣ. Но высшее достоинство человѣка состоитъ въ томъ, чтобы добровольно принять на себя подчиненное положеніе, когда оно требуется дѣломъ. Въ этомъ заключается нравственное значеніе труда: онъ является исполненіемъ долга.

Для того чтобы человѣкъ сдѣлался способнымъ на такое дѣйствіе, нужно извѣстное умственное и нравственное развитіе; необходимы извѣстныя привычки, которыя слагаются историческимъ процессомъ народнаго хозяйства. Дикій не способенъ быть свободнымъ работникомъ на фабрикѣ; его можно принудить, но самъ себя принуждать онъ не въ состояніи. Поэтому, на низшихъ ступеняхъ неизбѣжно рабство. На высшихъ же ступеняхъ, исполненіе обязанности, согласно съ истиннымъ существомъ человѣка, предоставляется свободѣ. Человѣкъ обязанъ трудиться, но онъ воленъ и уклоняться отъ труда.

Отъ него зависитъ принять на себя ту или другую работу. Отъ него отчасти зависятъ и условія, при которыхъ онъ ее принимаетъ. Обязываясь къ работѣ, онъ выговариваетъ себѣ вознагражденіе, и въ этомъ онъ находитъ личное свое удовлетвореніе. Такимъ образомъ, трудъ его, будучи средствомъ для другаго, является вмѣстѣ средствомъ и для него самого. Становясь въ служебное положеніе, человѣкъ остается самъ себѣ цѣлью, и этимъ удовлетворяется его человѣческое достоинство.

Свобода тѣмъ необходимѣе для труда, чѣмъ выше его качество. Только въ низшей своей формѣ, въ механической работѣ, трудъ остается чисто физическимъ дѣйствіемъ. Въ высшихъ же своихъ проявленіяхъ онъ проникается духовными элементами, которые, исходя изъ внутренняго естества человѣка, оказываютъ все свое значеніе только тогда, когда они согласны съ этимъ внутреннимъ естествомъ, то есть, когда они являются выраженіемъ свободы. Такой духовный элементъ составляетъ умѣніе. Когда оно заключается въ способности пользоваться орудіями для достиженія данной цѣли, то трудъ становится техническимъ. Техника получаетъ значеніе ученое, когда она обращена на изслѣдованіе силъ, дѣйствующихъ въ производствѣ. Если же цѣль заключается въ достиженіи извѣстнаго изящества, то трудъ становится художественнымъ. Когда умѣніе состоитъ въ способности приноровляться къ обстоятельствамъ, или къ личнымъ потребностямъ, оно называется смышленостью или ловкостью. Всѣ эти виды труда могутъ имѣть безчисленное множество степеней и оттѣнковъ; а такъ какъ техника и вкусъ подлежатъ развитію, то сообразно съ этимъ можетъ совершенствоваться и качество труда. Здѣсь мѣсто для вліянія, которое оказываетъ въ этой области образованіе. Въ высшихъ своихъ формахъ, служебный трудъ постепенно приближается къ труду руководящему. Сюда относится въ особенности трудъ административный, который состоитъ въ надзорѣ за работами, въ веденіи счетовъ, въ собираніи свѣдѣній. Здѣсь работникъ становится уже непосредственнымъ органомъ руководящей воли. Онъ замѣняетъ ее въ низшихъ ея отправленіяхъ.

Изъ сказаннаго можно выяснить себѣ и тѣ условія, отъ которыхъ зависитъ производительность труда. Эти условія двоякаго рода: они лежатъ частью въ самихъ лицахъ, частью въ организаціи труда.

Къ условіямъ перваго рода принадлежатъ: 1) народный харак-

теръ. Отъ него зависитъ различное качество труда у разныхъ народовъ: энергія у Англичанъ, порядокъ и пониманіе у Нѣмцевъ, щегольство у Французовъ, наконецъ то соединеніе смышлености съ безпечностью, которое составляетъ свойство Русскихъ. 2) Степень образованія. Мы видѣли, что для самаго механическаго труда требуются извѣстные исторически слагающіеся нравы. Еще большее значеніе имѣетъ образованіе для труда техническаго, художественнаго и административнаго. У образованныхъ народовъ, эта сторона производства, отъ которой въ значительной степени зависитъ его успѣхъ, стоитъ безконечно выше, нежели у народовъ необразованныхъ. 3) Личныя качества. Сюда относятся полъ, возрастъ, степень физической силы, умъ или глупость, лѣнь или радѣніе и т. д. 4) Цѣль, которую имѣетъ въ виду работникъ. Она состоитъ въ личномъ вознагражденіи. Трудъ тѣмъ производительнѣе, чѣмъ лучше онъ вознаграждается, ибо этимъ вызывается въ человѣкѣ та внутренняя энергія, которая дѣлаетъ работу плодотворною. Отсюда преимущество труда свободнаго передъ несвободнымъ, труда поштучнаго передъ поденнымъ. На этомъ основано и привлеченіе работниковъ къ участію въ прибыляхъ предпріятія, мѣра особенно важная въ отношеніи къ тѣмъ, которые являются непосредственными органами предпринимателя.

Что касается до условій, зависящихъ отъ организаціи, то здѣсь существенное значеніе имѣютъ соединеніе и раздѣленіе труда. Соединенный трудъ вообще производительнѣе разобщеннаго. Десять человѣкъ, соединясь, могутъ сдѣлать то, чего они не сдѣлаютъ порознь. Изъ этого Прудонъ выводилъ несправедливость вознагражденія каждаго работника порознь, доказывая, что тутъ сила совокупнаго труда остается невознагражденною. Но Прудонъ забывалъ, съ одной стороны, что производительность соединенія зависитъ не отъ соединяющихся работниковъ, а отъ направляющей ихъ воли, а съ другой стороны, что производительность совокупной работы отражается и на личномъ вознагражденіи каждаго, ибо тѣмъ болѣе предприниматель получаетъ прибыли, тѣмъ болѣе онъ требуетъ работниковъ и тѣмъ большее онъ готовъ дать имъ вознагражденіе. Объ этомъ будетъ рѣчь впослѣдствіи.

Соединеніе силъ въ однородной работѣ составляетъ однако лишь самую грубую форму организаціи труда. Здѣсь человѣкъ прямо можетъ быть замѣненъ рабочимъ скотомъ или машиною. Несравненно

нажнѣе такое распредѣленіе труда, при которомъ каждый дѣлаетъ свое дѣло, такъ что отдѣльныя работы восполняютъ одна другую. Въ этомъ состоитъ столь прославленное экономистами раздѣленіе труда, на которомъ главнымъ образомъ основаны всѣ успѣхи промышленности. Выгоды его заключаются, съ одной стороны, въ спеціализаціи труда, которая даетъ каждому работнику возможность производить больше и лучше, нежели при разнородности занятій, съ другой стороны въ постоянствѣ работы, которая избавляетъ работника отъ потери времени, сопряженной съ переходомъ отъ одной работы къ другой. Адамъ Смитъ, а за нимъ и другіе, приводили изумительные примѣры производительности раздѣленнаго труда въ сравненіи съ нераздѣленнымъ. Распространяться о нихъ нечего: ихъ можно найти во всякомъ учебникѣ политической экономіи.

Польза раздѣленія труда до такой степени очевидна, что установленіе его не требуетъ даже искусственной организаціи. Каждый человѣкъ понимаетъ, что ему выгоднѣе дѣлать одно дѣло, а все остальное, для него нужное, получать отъ другихъ путемъ обмѣна. Вслѣдствіе этого, само собою возникаетъ раздѣленіе различныхъ отраслей производства, восполняющихъ другъ друга. Раздѣленіе труда въ нѣкоторой степени установляется даже между различными странами, которыя обмѣниваются своими произведеніями. При такихъ свободныхъ отношеніяхъ, производительность труда зависитъ исключительно отъ расчетовъ каждаго отдѣльнаго предпринимателя, который соображаетъ, что и какъ ему выгоднѣе производить.

Но раздѣленіе труда необходимо и въ предѣлахъ каждаго отдѣльнаго предпріятія, и чѣмъ крупнѣе предпріятіе, тѣмъ оно нужнѣе. Тутъ оно является извѣстнымъ способомъ соединенія силъ въ совокупной организаціи и подъ общимъ руководствомъ. Для того чтобы предпріятіе было производительно, необходимо, чтобы каждый работникъ постоянно дѣлалъ свое дѣло, такъ чтобы отъ его работы получались возможно большіе результаты и именно въ той мѣрѣ, въ какой это требуется другими восполняющими работами и силою дѣйствующихъ въ предпріятіи средствъ и орудій. Особенно при машинномъ производствѣ, гдѣ главнымъ двигателемъ является непрерывно дѣйствующая естественная сила, а работникъ нисходитъ на степень орудія, необходимо самое строгое и точное опредѣленіе того, что долженъ дѣлать каждый. Главное условіе производительности работы заключается тутъ въ правильной организаціи, а

это—исключительно дѣло направляющей воли. Отъ нея, слѣдовательно, важнѣйшее условіе промышленнаго развитія, раздѣленіе труда, получаетъ истинное свое значеніе.

Здѣсь раскрывается вмѣстѣ съ тѣмъ и чисто служебное значеніе труда, со всѣми своими благодѣтельными результатами для производства, но вмѣстѣ и съ тѣми печальными послѣдствіями, которыя можетъ имѣть одностороннее развитіе этого момента для личности человѣка. Если на низшей ступени человѣкъ, сдѣлавшійся рабомъ, теряетъ свое человѣческое достоинство, то и на высшей ступени работникъ, сдѣлавшійся слугою машины, или проводящій всю свою жизнь въ томъ, что онъ дѣлаетъ восемнадцатую часть булавки, теряетъ тѣ высшія духовныя качества, отъ которыхъ зависитъ истинно человѣческое его существованіе. Но здѣсь это низведеніе человѣка на степень средства находитъ себѣ противодѣйствіе въ признанной за нимъ свободѣ, которая требуетъ досуга для проявленія другихъ сторонъ человѣческаго естества. Между требованіями промышленности и требованіями свободы начинается борьба, которая составляетъ содержаніе историческаго развитія народнаго хозяйства. На первыхъ порахъ обыкновенно превозмогаютъ требованія промышленности, но съ теченіемъ времени требованія свободы берутъ свое, и мало по малу водворяется порядокъ, въ которомъ работникъ, посвящающій извѣстное число часовъ въ день механическому труду, пріобрѣтаетъ однако достаточно досуга, какъ для образованія, такъ и для удовлетворенія другихъ человѣческихъ потребностей. Объ этомъ мы подробнѣе поговоримъ ниже.

Каково бы однако ни было развитіе, оно никогда не можетъ сдѣлать, чтобы физическій трудъ не состоялъ въ служебномъ отношеніи къ машинѣ, также какъ онъ состоитъ въ служебномъ отношеніи къ направляющей волѣ. Чѣмъ выше производство, тѣмъ болѣе преобладаетъ въ немъ капиталъ, и тѣмъ болѣе машина подчиняетъ себѣ человѣка. Можно противодѣйствовать проистекающимъ отсюда вреднымъ послѣдствіямъ, но измѣнить это отношеніе нѣтъ возможности, ибо оно лежитъ въ природѣ вещей. Только этимъ способомъ человѣкъ можетъ заставить природу служить своимъ цѣлямъ.

Это зависимое положеніе труда обнаруживается и въ отношеніи количества рабочихъ рукъ къ предлагаемой имъ работѣ. Существующее количество опредѣляется цифрою народонаселенія; но такъ какъ народонаселеніе способно размножаться безграничнo, то вопросъ

сводится къ тому: найдетъ ли оно себѣ достаточную работу? Рѣшеніе же этого вопроса зависитъ отъ другихъ дѣятелей производства. Отчасти оно опредѣляется естественными условіями, обиліемъ земель и богатствомъ почвы. Пока земли много, а рабочихъ рукъ мало, размноженіе можетъ идти безпрепятственно. Но съ увеличеніемъ народонаселенія и съ уменьшеніемъ количества необработанныхъ пространствъ, земледѣльческіе заработки становятся затруднительнѣе, а содержаніе рабочихъ обходится дороже. Тутъ уже опредѣляющимъ началомъ является не природа, а капиталъ и умѣніе. Мы видѣли, что недостатокъ естественныхъ силъ восполняется дѣятельностью человѣка. Естественныя силы даютъ больше при умѣніи ими пользоваться; но послѣднее, въ свою очередь, остается безплоднымъ при недостаткѣ капитала. Такимъ образомъ, отъ умноженія послѣдняго окончательно зависитъ то количество работы, которое можетъ получить народонаселеніе, слѣдовательно и возможность его возрастанія. Это относится и къ земледѣльческой работѣ и еще болѣе къ тѣмъ отраслямъ промышленности, въ которыхъ капиталъ играетъ главную роль, и которыхъ развитіе, по этому самому, не имѣетъ границъ. Отсюда можно вывести общій законъ, что производительность промышленныхъ силъ страны окончательно зависитъ отъ обилія въ ней капиталовъ. Мы приходимъ, слѣдовательно, къ капиталу, какъ къ важнѣйшему, если не къ верховному, дѣятелю производства.

3. Капиталъ.

Капиталъ представляетъ сочетаніе природы и труда. Тутъ опять дѣйствуютъ естественныя силы, но онѣ являются уже въ иномъ видѣ. Это—силы, въ нѣкоторомъ смыслѣ созданныя человѣкомъ, получившія отъ него ту форму, которая дѣлаетъ ихъ покорными орудіями въ его рукахъ. Вслѣдствіе того, онѣ становятся несравненно болѣе способными удовлетворять всѣмъ его потребностямъ, нежели независимыя отъ него силы природы. Здѣсь, вмѣстѣ съ тѣмъ, открывается обширнѣйшее поприще для человѣческой дѣятельности. Завоеваніямъ человѣка въ этой области нѣтъ предѣловъ; вся безконечность природы становится въ служебное къ нему отношеніе. Наконецъ, отъ капитала зависитъ и все матеріальное совершенствованіе человѣка. Только съ помощью капитала онъ возвышается надъ уров-

нем чисто животнаго удовлетворенія своихъ потребностей. Человѣкъ безъ орудій, ограниченный дѣйствіемъ однѣхъ своихъ рукъ, находился бы въ положеніи худшемъ, нежели тѣ звѣри, которыхъ природа наградила острыми когтями и зубами для добыванія себѣ ежедневной пищи. Если онъ стоитъ безконечно выше ихъ, то онъ обязанъ этимъ капиталу.

Непосредственно этотъ результатъ получается приложеніемъ къ природѣ труда, и притомъ труда физическаго, ибо всякое дѣйствіе на природу возможно только черезъ посредство физическаго движенія. Поэтому экономисты опредѣляютъ капиталъ, какъ накопленный трудъ. Но здѣсь болѣе, нежели гдѣ либо, физическій трудъ является только орудіемъ. Главное мѣсто въ созданіи капитала принадлежитъ духовнымъ дѣятелямъ, изобрѣтательности ума, изыскивающаго способы обратить естественныя силы на служеніе человѣку, и энергіи воли, которая, прилагая мысль къ дѣлу, производитъ сочетаніе природы и труда, способное дать желанные плоды. Капиталъ, по преимуществу, представляетъ собою воплощеніе мысли, обращенной на покореніе природы человѣку.

Цѣль капитала состоитъ въ томъ, чтобы служить новому производству. Отсюда извѣстное его опредѣленіе, какъ произведеніе, обращенное на новое производство. Это опредѣленіе совершенно вѣрно, но надобно замѣтить, что производство можно понимать въ тѣсномъ или въ обширномъ смыслѣ, какъ производство полезныхъ вещей или какъ производство всякихъ полезныхъ для человѣка дѣйствій. Такъ напримѣръ, строеніе можетъ вмѣщать въ себѣ фабрику; въ такомъ случаѣ оно служитъ произведенію полезныхъ вещей. Но въ видѣ жилища оно служитъ непосредственному удовлетворенію человѣческихъ потребностей, дѣйствіе, которое можетъ быть точно также, если не болѣе, полезно, какъ и первое. Въ этомъ смыслѣ экономисты различаютъ производительные и потребительные капиталы. Послѣдніе отличаются отъ предметовъ потребленія тѣмъ, что потребляются собственно не они сами, а ихъ полезныя дѣйствія; сами же они сохраняются и поддерживаются, съ цѣлью служить постоянному употребленію.

Отъ капитала не требуется однако, чтобъ онъ непремѣнно сохранялся въ натурѣ. Есть и такія его формы, которыя потребляются вполнѣ, какъ матеріальные предметы, но затѣмъ возстановляются въ иномъ видѣ въ произведеніи. Тутъ сохраняется

не самъ предметъ, а его цѣнность. Такъ напримѣръ, шерсть на фабрикахъ потребляется вполнѣ, какъ шерсть; но она снова является въ видѣ ткани. Точно также потребляется и топливо; но произведенное имъ тепло придаетъ новый полезный для человѣка видъ обрабатываемому матеріалу, и въ этой произведенной имъ полезности возстановляется полезность потребленнаго топлива. Эта общая полезность, не связанная тою или другою матеріальною формою, выражается въ цѣнности.

На этомъ основано различіе между стоячимъ капиталомъ и оборотнымъ. Всякій капиталъ потребляется до нѣкоторой степени; но стоячій капиталъ потребляется понемногу, и только постепенно возмѣщается стоимостью произведеній; оборотный же капиталъ потребляется вполнѣ, а потому цѣликомъ входитъ въ экономическій составъ произведеній. Къ первому разряду относятся строенія, машины и орудія, ко второму матеріалы, вспомогательныя вещества и заработная плата. Послѣдняя для работниковъ составляетъ не капиталъ, а доходъ; но такъ какъ этотъ доходъ получается ими не изъ цѣны произведеній, а впередъ, по мѣрѣ совершенія работы, то предприниматель принужденъ держать постоянный фондъ, изъ котораго онъ дѣлаетъ эти авансы, возмѣщаемые впослѣдствіи изъ цѣны произведеній. Этотъ постоянный фондъ составляетъ капиталъ, который служитъ производству и вызывается необходимостью дѣлать рабочимъ авансы.

Таково выработанное экономистами понятіе о капиталѣ. Оно вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что мы видимъ въ дѣйствительности и даетъ совершенно разумное объясненіе жизненнымъ явленіямъ. Между тѣмъ, именно это понятіе подвергается ожесточенной критикѣ соціалистовъ, которые въ капиталѣ видятъ главнаго врага рабочихъ. Въ недавнее время, прямо даже взывали къ уничтоженію этого ненавистнаго властителя производства; но подобныя нападки очевидно идутъ слишкомъ далеко, ибо безъ капитала нѣтъ и производства. Поэтому въ новѣйшее время прибѣгаютъ къ уловкѣ: утверждаютъ, что экономисты смѣшиваютъ двоякое значеніе капитала, чисто экономическое и историко-юридическое, значеніе капитала, какъ орудія производства, и значеніе его, какъ частнаго имущества, составляющаго источникъ дохода. Изобрѣтатель этого различія—Родбертусъ, всегда первый тамъ, гдѣ надобно произвести путаницу понятій; за нимъ слѣдуетъ Адольфъ Вагнеръ, не отстающій отъ своего руководителя.

У Родбертуса это различіе представляется до такой степени сбивчивымъ, что трудно даже разобрать, что̀ именно подъ нимъ разумѣется. Въ одномъ мѣстѣ оно формулируется такъ, что владѣніе капиталомъ (der Capitalbesitz) представляетъ собою воплощенную предшествующую работу, но безъ приведенія ея въ дѣйствіе новою работою; въ такомъ видѣ, капиталъ совершенно безплоденъ. Настоящій же, или работающій капиталъ есть предшествующая работа въ рукахъ новаго рабочаго; въ такомъ видѣ, она производитъ всѣ цѣнности, не только доходъ съ капитала, но и заработную плату и прибыль предпринимателя [1]). Отсюда можно было бы заключить, что это одинъ и тотъ же предметъ, только при разныхъ экономическихъ условіяхъ, то какъ покоющійся, то какъ дѣйствующій. Однако на той же страницѣ, въ примѣчаніи, это различіе изображается въ иномъ видѣ. Здѣсь капиталъ, какъ воплощенная предшествующая работа, отличается, съ одной стороны, отъ владѣнія капиталомъ (Capitalbesitz), съ другой стороны отъ производства посредствомъ капитала (Capitalbetrieb). Послѣднее однако остается въ сторонѣ, и авторъ возстаетъ только противъ смѣшенія владѣнія капиталомъ съ самымъ капиталомъ. Когда капиталъ, говоритъ онъ, принимается въ этомъ «нахальномъ, злоупотребительномъ смыслѣ», то юридическая форма становится на мѣсто живой дѣйствительности.

Далѣе однако оказывается, что различіе тутъ иное, нежели между юридическою формою и живою дѣйствительностью. Родбертусъ отличаетъ капиталъ, какъ совокупность естественныхъ предметовъ, необходимыхъ для производства (die naturalen Capitalgegenstände), отъ особаго капитальнаго имущества (Capitalvermögen), или фонда предпріятія (Unternehmungsfond), которое требуется для приведенія перваго въ дѣйствіе при частномъ владѣніи. Первое есть капиталъ «въ хозяйственно-логическомъ смыслѣ», второе только «въ хозяйственно-историческомъ смыслѣ». Первое есть національный капиталъ, какъ необходимое условіе національнаго производства; второе же есть частный, или «такъ называемый» капиталъ. Когда, вслѣдствіе неправильнаго юридическаго порядка, частные капиталисты присвоиваютъ себѣ естественные предметы, составляющіе на-

[1]) Zur Erklärung und Abhülfe der heutigen Creditnoth des Grundbesitzes I. стр. 90—93 (2-е изд. 1876).

ціональный капиталъ, то они являются только органами цѣлаго, и когда они съ этого капитала получаютъ доходъ, то они присвоиваютъ себѣ плоды чужаго труда. Въ доказательство того, что національный капиталъ и частный составляютъ два разныхъ имущества, Родбертусъ указываетъ на то, что эти два понятія не совпадаютъ. Въ составъ перваго входитъ лишь цѣнность матеріаловъ и орудій, но никакъ не заработная плата и не поземельная рента. Въ составъ же втораго входитъ не только орудія и матеріалы, но также заработная плата, а равно и поземельная рента, на сколько она выплачивается впередъ арендаторомъ. Принятое господствующею системою включеніе заработной платы въ національный капиталъ происходитъ, по мнѣнію Родбертуса, вслѣдствіе смѣшенія платы, которою рабочій живетъ во время работы и которая можетъ происходить изъ совершенно другаго источника, съ тою платою, которую онъ получаетъ за свою работу уже *послѣ* ея исполненія, слѣдовательно, когда онъ вложилъ уже свое произведеніе въ массу національныхъ благъ. «Изъ этого, говоритъ Родбертусъ, можно составить себѣ понятіе, въ какихъ поверхностныхъ воззрѣніяхъ вращается еще и теперь господствующая система, и именно въ этомъ основномъ пунктѣ всего своего ученія, въ теоріи капитала, и притомъ съ какимъ неописаннымъ самодовольствомъ». Установленіе различія между экономическимъ, или національнымъ капиталомъ и юридическимъ, или частнымъ, Родбертусъ называетъ даже важнымъ открытіемъ [1]).

Не смотря на то, что въ этой теоріи трудно даже отыскать смыслъ, она цѣликомъ и безъ всякой провѣрки усвоивается Вагнеромъ, который, вслѣдъ за Родбертусомъ, отличаетъ имущество и капиталъ въ экономическомъ смыслѣ, какъ запасъ хозяйственныхъ благъ, отъ имущества и капитала въ историко-юридическомъ смыслѣ, какъ запасъ вещей, состоящихъ въ частномъ владѣніи. Подобно Родбертусу, онъ первое признаетъ національнымъ имуществомъ, а въ частныхъ капиталистахъ, владѣющихъ орудіями производства, видитъ только должностныхъ лицъ, которые являются органами цѣлаго. Отличіе Вагнера отъ Родбертуса заключается лишь въ томъ, что онъ къ экономическому капиталу причисляетъ все потребное для поддержанія рабочихъ силъ, а потому изъемлетъ изъ него только ту часть заработной платы, а равно и жилыхъ домовъ, которая превосхо-

[1]) Zur Erklärung. etc. II, 283 и слѣд.

дить эту потребность. А такъ какъ этотъ излишекъ входитъ въ составъ юридическаго капитала, то очевидно, говоритъ Вагнеръ, что послѣднее понятіе шире перваго. Понятіе о національномъ капиталѣ составляетъ всегда необходимую экономическую категорію; понятіе же о частномъ капиталѣ есть не болѣе какъ историко-юридическая категорія, измѣняющаяся по мѣсту и времени. Эту уступку, по увѣренію Вагнера, необходимо сдѣлать научному соціализму [1]).

Читатель, привыкшій не довольствоваться однимъ звукомъ словъ, безъ сомнѣнія видитъ, что въ этой аргументаціи нѣтъ ничего, кромѣ полной путаницы понятій. Для всякаго ясно, что капиталъ, какъ имущество, имѣетъ двѣ стороны: экономическую и юридическую. Первая представляетъ собою значеніе капитала въ промышленномъ производствѣ, вторая—принадлежность его тому или другому лицу. Если капиталъ въ экономическомъ смыслѣ принадлежитъ частному лицу, то это будетъ частный капиталъ; если же онъ принадлежитъ обществу, то это будетъ капиталъ общественный. Одна и таже фабрика будетъ частнымъ или національнымъ капиталомъ, смотря по тому, принадлежитъ ли она частному лицу или государству. Называть же капиталъ въ экономическомъ значеніи національнымъ, а капиталъ въ юридическомъ значеніи частнымъ, это даже не смѣшеніе понятій, это — просто не просто болемыслица. И когда это удивительное изобрѣтеніе торжественно выдается за важное открытіе, уличающее господствующую систему въ непониманіи самыхъ коренныхъ экономическихъ вопросовъ, и отсюда выводится, что частные капиталисты, какъ обладатели національнаго капитала, являются должностными лицами общества, то можно только удивляться той степени нелѣпости, которую терпитъ современная наука. Рыбакъ сдѣлалъ себѣ удочку или сѣть—и черезъ это сталъ должностнымъ лицемъ!! Только соціалистъ способенъ на такого рода умозаключенія.

На счетъ орудій и матеріаловъ, никто впрочемъ не сомнѣвается въ томъ, что въ чьихъ бы рукахъ они ни находились, въ частныхъ или общественныхъ, они все равно остаются капиталомъ, въ одномъ и томъ же экономическомъ смыслѣ. Изъ этого уже ясно, что частный и національный капиталъ—не два разныхъ имущества, какъ утверждаетъ Родбертусъ, а одно и тоже имущество, только въ разныхъ

[1]) Lehrbuch der Pol. Oek. Grundleg. §§ 28—31. 287, 288.

рукахъ. Но увѣряютъ, что есть части юридическаго капитала, которыя не входятъ въ составъ капитала экономическаго. Такова, по мнѣнію Родбертуса, заработная плата, которая является капиталомъ только для частнаго предпринимателя, а не для народнаго хозяйства, ибо то, что составляетъ капиталъ для предпринимателя, то для работника представляетъ доходъ. Но почему доходъ работника является капиталомъ для предпринимателя? Потому что предприниматель платитъ за работу прежде, нежели онъ самъ воспользовался ея плодами: а для этого необходимо держать постоянный фондъ, который и есть капиталъ. Для казны это совершенно также обязательно, какъ для частныхъ лицъ. Родбертусъ увѣряетъ, что работникъ получаетъ плату уже п о с лѣ исполненія работъ, когда онъ вложилъ свое произведеніе въ общую массу. Но это значитъ, закрывши глаза, утверждать совершенно противоположное тому, что происходитъ въ дѣйствительности и что извѣстно всѣмъ. Работникъ вспахалъ, посѣялъ и получилъ за это свою плату; но хозяинъ, его нанявшій, получитъ обратно свои деньги только тогда, когда собранъ будетъ жатва и проданъ хлѣбъ. Тоже самое происходитъ во всякомъ другомъ производствѣ, въ чьихъ бы оно ни находилось рукахъ, частныхъ или общественныхъ. Иное дѣло, еслибы рабочій могъ ждать, пока произведеніе явится совсѣмъ готовымъ и будетъ пріобрѣтено потребителемъ; тогда и частный предприниматель не нуждался бы въ капиталѣ для заработной платы. Но нерѣдко подобное выжиданіе даже физически невозможно. Землекопъ, который работаетъ полотно подъ желѣзную дорогу, или каменьщикъ, воздвигающій зданіе подъ фабрику, не могутъ ждать вознагражденія изъ доходовъ будущаго предпріятія. Работа ихъ вошла въ цѣнность стоячаго капитала, который возмѣщается только въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ. И тутъ опять совершенно все равно, кто является предпринимателемъ, частное лицо или государство. При казенной постройкѣ точно также необходимо включать заработную плату въ цѣнность стоячаго капитала желѣзной дороги, какъ и при частной постройкѣ. Дѣло тутъ вовсе не въ смѣшеніи юридическаго начала съ экономическомъ, а въ томъ, что экономически необходимо дать работнику вознагражденіе за трудъ, прежде нежели получаются плоды его труда, а для этого требуется капиталъ.

Отсюда ясно, что въ составъ капитала, какъ національнаго, такъ и частнаго, входитъ вся заработная плата, а не только та ея

часть, которая необходима для содержанія рабочихъ, какъ утверждаетъ Вагнеръ. Казнѣ, строящей желѣзную дорогу, совершенно все равно, на что рабочіе употребляютъ выданныя имъ деньги; она всю сумму сполна должна имъ выплатить и затѣмъ включить въ цѣнность стоячаго капитала дороги. Въ дѣйствительности, нѣтъ даже никакой возможности различить въ потребностяхъ рабочаго необходимое отъ излишка. Раздѣленіе на этомъ основаніи заработной платы на двѣ части, изъ которыхъ одна составляетъ капиталъ, а другая нѣтъ, ничто иное какъ фикція, лишенная всякаго теоретическаго и практическаго значенія. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о жилыхъ домахъ. Еслибы осуществилось предположеніе Вагнера о выкупѣ всѣхъ городскихъ домовъ городомъ или казною, то новый владѣлецъ всѣ ихъ одинаково причислилъ бы къ своему капиталу, не смотря на то, что однѣ квартиры ограничивались бы предѣлами строгой необходимости, а другія представляли бы большую или меньшую роскошь.

Во всякомъ случаѣ, юридическое начало тутъ ни при чемъ. Можно спорить о томъ, слѣдуетъ ли причислять извѣстныя произведенія къ капиталу или къ предметамъ потребленія: это нисколько не касается принадлежности ихъ тому или другому лицу. Капиталъ остается капиталомъ, кому бы онъ ни принадлежалъ, а предметъ потребленія не становится капиталомъ оттого, что онъ переходитъ въ другія руки. Точно также не будетъ никакого различія, станемъ ли мы причислять къ капиталу извѣстныя юридическія установленія, составляющія источникъ дохода для лица, облеченнаго правомъ, какъ дѣлаетъ Вагнеръ, или нѣтъ. Еслибы, забывши понятіе о капиталѣ, какъ о произведеніи, обращенномъ на новое производство, и принявши это слово въ фигуральномъ смыслѣ, мы стали, по примѣру Вагнера, причислять къ капиталу создаваемыя законодателемъ монополіи, то и это понятіе равно прилагалось бы къ государственнымъ монополіямъ и къ частнымъ. Съ этой точки зрѣнія, мы должны бы закопъ о винномъ акцизѣ признать громаднымъ капиталомъ, созданнымъ по мановенію законодателя. Капиталъ переставъ бы быть воплощеніемъ предшествующаго труда; онъ сдѣлался бы твореніемъ произвола.

Въ дѣйствительности, капиталъ вовсе не есть даже юридическая категорія; это—категорія экономическая. Юридическая категорія есть право собственности, которое можетъ принадлежать отдѣльному лицу, также какъ и государству, и первому даже преимущественно передъ

послѣднимъ, ибо право есть выраженіе воли, а воля, по естественному закону, принадлежитъ отдѣльному лицу; воля же государства сама по себѣ не существуетъ и представляется волею отдѣльныхъ лицъ. Основное раздѣленіе права собственности, съ тѣхъ поръ какъ существуетъ понятіе о правѣ, есть право на движимыя и на недвижимыя вещи. Но какое экономическое употребленіе собственникъ дѣлаетъ изъ этихъ вещей, потребляетъ ли онъ ихъ или обращаетъ на новое производство, это для юридическаго закона совершенно безразлично. Юридическій законъ усвоиваетъ себѣ понятіе о капиталѣ лишь тогда, когда юридическія сдѣлки являются выраженіемъ экономическихъ отношеній. Если одно лицо ссужаетъ другому извѣстную сумму денегъ и выговариваетъ себѣ возвратъ суммы и плату за ея употребленіе, то юридическій законъ различаетъ капиталъ и проценты; но эти понятія создаются не правомъ, а экономическою жизнью общества, которая имѣетъ потребность въ кредитѣ.

Поэтому невозможно утверждать, что капиталъ въ юридическомъ смыслѣ есть историческая категорія. Если капиталъ въ экономическомъ смыслѣ не есть историческая категорія, то и капиталъ въ юридическомъ смыслѣ не есть историческая категорія. Все, что можно было бы сказать безъ нарушенія здраваго смысла, это то что принадлежность капитала отдѣльнымъ лицамъ составляетъ не болѣе какъ временное историческое явленіе; но если такое положеніе не является посягательствомъ на здравый смыслъ, то это—посягательство на историческую правду. Ибо на самыхъ низшихъ ступеняхъ развитія, гдѣ только человѣкъ возвышается надъ уровнемъ животныхъ, онъ усвоиваетъ себѣ орудія, посредствомъ которыхъ онъ дѣйствуетъ на природу. Сѣть или крюкъ принадлежитъ рыбаку, лукъ и стрѣлы охотнику. И чѣмъ болѣе ростетъ капиталъ, тѣмъ болѣе онъ составляетъ предметъ частной собственности. Соціалисты, которые хотятъ выдавать частный капиталъ за временное историческое явленіе, принуждены извращать, не только понятіе о капиталѣ, но и самые историческіе факты. Они ограничиваютъ понятіе о капиталѣ деньгами, ссужаемыми за проценты для производства, и утверждаютъ, что такія ссуды дѣлаются только въ новѣйшее время. Такъ именно поступаетъ Лассаль [1]), который пустилъ въ ходъ понятіе о капиталѣ, какъ исторической категоріи. Но это возрѣніе

[1]) Herr Bastiat-Schulze v. Delitzsch, стр. 131–136 (Chicago 1872).

равно противорѣчитъ теоріи и фактамъ. Тѣ, которые, подобно Вагнеру и Родбертусу, признаютъ капиталомъ орудія производства, не могутъ становиться на эту точку зрѣнія. Еще менѣе можно допустить ее въ виду извѣстнаго всѣмъ факта, что ссуды за проценты вовсе не составляютъ явленія новѣйшаго времени, а извѣстны были еще въ глубокой древности. Лассаль увѣряетъ, что въ прежнее время капиталы ссужались только для потребленія, а никогда для производства. Но не говоря уже о томъ, что для понятія о капиталѣ это все равно, самый фактъ невѣренъ. Даже у дикихъ признается непремѣннымъ правиломъ, что кто охотится чужимъ оружіемъ, тотъ обязанъ владѣльцу его принести часть добычи. Слѣдовательно, если вѣрить софистикѣ Лассаля, дикій Индѣецъ является уже капиталистомъ. Какой же смыслъ имѣетъ послѣ всего этого объявленіе капитала историческою категоріею?

Въ связи съ этою полемикою о значеніи капитала находится вопросъ о его происхожденіи. Экономисты производятъ капиталъ изъ сбереженія. Капиталъ, говоритъ Адамъ Смитъ, увеличивается только сбереженіями изъ ежегодныхъ доходовъ. «Сбереженіе, а не промышленность является непосредственною причиною его увеличенія. Правда, промышленность производитъ предметъ, накопляемый сбереженіемъ: но еслибы сбереженіе не сохраняло того, что производится промышленностью, то капиталъ никогда бы не увеличился». Позднѣйшіе экономисты еще точнѣе анализировали этотъ процессъ. Опредѣляя различные его моменты, Рау признаетъ, что капиталъ происходитъ черезъ то, что новыя блага 1) производятся, 2) сберегаются и 3) обращаются на новое производство. Эти начала совершенно очевидны. Они представляютъ только приложеніе основнаго опредѣленія капитала, какъ произведенія, обращеннаго на новое производство. Но существенный моментъ здѣсь средній, ибо съ одной стороны, произведеніе, которое потребляется, не есть капиталъ, а съ другой стороны, сбереженное для производства произведеніе есть уже капиталъ, прежде даже нежели совершилось обращеніе его на новое производство, ибо въ немъ заключается возможность такого обращенія. На этомъ основано различіе между мертвымъ капиталомъ и производительнымъ. Фабрика, которая стоитъ, не перестаетъ быть капиталомъ. Точно такая сумма денегъ, которая сохраняется въ сундукѣ не для потребленія, считается капиталомъ, хотя и не приноситъ дохода.

Между тѣмъ, соціалисты всѣми силами возстаютъ противъ происхожденія капитала изъ сбереженій, ибо, признавши этотъ фактъ, мы должны, вмѣстѣ съ тѣмъ, признать и законность частнаго владѣнія капиталомъ: очевидно, что капиталъ долженъ принадлежать тому, кто его сберегъ. Первый ополчился противъ этого утвердившагося въ наукѣ воззрѣнія Лассаль въ своей полемикѣ противъ Шульце-Делича. Онъ утверждалъ, что нелѣпо говорить о происхожденіи капиталовъ путемъ сбереженія, ибо изъ предметовъ, образующихъ капиталъ, нѣкоторые непремѣнно пропадутъ, если ихъ не потребить, другіе же, какъ то строенія и орудія, съѣсть нельзя, слѣдовательно, они сберегаются сами собою. Капиталы, какъ цѣнности, происходятъ, по мнѣнію Лассаля, въ силу «общественныхъ соотношеній», (gesellschaftliche Zusammenhänge), въ доказательство чего онъ указывалъ на людей, обогатившихся вслѣдствіе возвышенія цѣнъ на акціи желѣзныхъ дорогъ и т. п. [1]).

Рошеръ справедливо называетъ «безсмыслицею» это отрицаніе возможности происхожденія капиталовъ изъ сбереженій [2]). Фабрику, конечно, съѣсть нельзя, но деньги, употребленныя на постройку фабрики, весьма можно прѣсть, и еслибы онѣ были проѣдены, то фабрика бы не существовала. Нужна необыкновенная смѣлость, чтобы отрицать возможность происхожденія капиталовъ изъ сбереженій, въ виду тѣхъ милліоновъ, которые ежегодно откладываются изъ доходовъ и вносятся въ банки и сберегательныя кассы. Въ этомъ вполнѣ выражается то презрѣніе къ самымъ очевиднымъ фактамъ, которое составляетъ отличительную черту соціалистовъ.

Что же касается до увеличенія капиталовъ посредствомъ такъ называемыхъ «общественныхъ соотношеній», то здѣсь надобно различить предметы, составляющіе капиталъ, и ихъ цѣнность. Капиталъ, (какъ произведеніе, обращенное на новое производство) не можетъ возникнуть иначе какъ путемъ сбереженія, все равно, сбереженъ ли владѣльцемъ самый предметъ или та сумма денегъ, на которую онъ купленъ. Но затѣмъ цѣнность его, какъ и всякаго другаго произведенія, можетъ подниматься и падать, смотря по увеличенію или уменьшенію требованія. Такъ напримѣръ, для того чтобы построить домъ, необходимо сдѣлать сбереженіе изъ доходовъ или

[1]) Herr Bastiat-Schulze v. Delitzsch. стр. 69—70, 85 (1872).
[2]) Grundlagen der Nationaloekonomie § 45 прим. 7.

употребить сбереженный уже прежде капиталъ. Но домъ, построенный въ городѣ, гдѣ усиливается торговая дѣятельность, можетъ получить вдвое большую цѣнность вслѣдствіе увеличенія спроса на помѣщенія, точно также какъ и наоборотъ, онъ можетъ упасть въ цѣнѣ, когда городъ пустѣетъ. Если же я хочу увеличить положенный въ домъ капиталъ, сдѣлавши къ нему пристройку, то я опять не могу достигнуть этого иначе, какъ сдѣлавши сбереженіе изъ своихъ доходовъ. Вся масса произведеній, обращаемыхъ на новое производство, получаетъ значеніе капитала единственно вслѣдствіе того, что эти предметы не потребляются производителями, а сохраняются для новыхъ цѣлей; слѣдовательно, сбереженіе лежитъ въ основаніи всего этого процесса.

Невозможность совершенно отвергать происхожденіе капиталовъ изъ сбереженій заставляетъ Родбертуса перенести вопросъ на другую почву. Онъ связываетъ его съ изобрѣтеннымъ имъ раздѣленіемъ капитала на предметы, служащіе производству, и на частное имущество. Только капиталъ въ послѣднемъ смыслѣ, по его мнѣнію, образуется путемъ сбереженій. Относительно же первыхъ, которые составляютъ капиталъ въ собственномъ смыслѣ, независимо отъ существующей формы собственности, «никогда, говоритъ Родбертусъ, не происходитъ операція, которая могла бы подходить подъ понятіе о сбереженіи, какъ бы мы это понятіе ни расширяли и ни съуживали». Тутъ всегда есть только два дѣйствія: 1) производство и 2) распоряженіе, то есть, обращеніе предмета на новое производство. Ни въ томъ, ни въ другомъ нѣтъ ничего похожаго на сбереженіе. Напротивъ, въ частномъ имуществѣ сбереженіе необходимо, ибо владѣлецъ долженъ изъять эти предметы изъ собственнаго потребленія, для того чтобы обратить ихъ на новое производство въ интересахъ общества. Однако и тутъ это не есть сбереженіе плодовъ собственнаго труда, какъ лицемѣрно утверждаютъ экономисты. Сбереженія дѣлаются главнымъ образомъ капиталистами, которые присвоиваютъ себѣ плоды прежде произведенной общественной, слѣдовательно чужой, а не своей работы. Они въ этомъ случаѣ являются только должностными лицами, которымъ вѣрено общественное имущество; а потому сбереженіе составляетъ для нихъ **общественную обязанность**. Дѣлать же эту обязанность основаніемъ права, это, говоритъ Родбертусъ, «есть величайшее смѣшеніе, которое когда либо произведено было какою либо наукою, и которое

одно виновно въ томъ, что капиталистическая теорія, пока она этимъ способомъ ставитъ истину вверхъ ногами, никогда не можетъ имѣть яснаго взгляда на сущность капитала, капитализаціи, кредита, а равно и всѣхъ соціальныхъ вопросовъ, связанныхъ съ этими матеріями». Въ одномъ только случаѣ можно было бы сказать, что капиталъ образуется сбереженіемъ плодовъ собственнаго труда: это—еслибы онъ накоплялся самими рабочими. Тутъ дѣйствительно было бы самоотверженіе, ибо заработная плата, при капиталистическомъ производствѣ, стоитъ далеко ниже настоящей своей цѣнности. «Но именно поэтому, утверждаетъ Родбертусъ, никогда еще работникъ не могъ сдѣлать сколько нибудь значительнаго сбереженія изъ своего жалованья». Можно даже сказать: «рабочіе и чиновники не должны сберегать»! Неопредѣленное сбереженіе «было бы равносильно своевольному уменьшенію всего національнаго потребленія». Сами работники это чувствуютъ; «здравый политико-экономическій инстинктъ, говоритъ Родбертусъ, воздерживаетъ ихъ поэтому отъ сбереженій изъ ихъ заработной платы» [1]).

Дѣйствительно, тутъ есть непроходимое смѣшеніе понятій, только не въ опровергаемыхъ авторомъ теоріяхъ, а въ его собственныхъ воззрѣніяхъ. Родбертусъ утверждаетъ, что къ капиталу въ собственномъ смыслѣ совершенно неприложимо понятіе о сбереженіи: но что такое сбереженіе? Сберегать значитъ не потреблять, а сохранять вещь; если изъятая изъ употребленія вещь предназначается для новаго производства, то подобное сбереженіе и есть капитализація. Слѣдовательно, когда часть дохода отнимается у потребленія и обращается на новое производство, то, по чьему бы изволенію это ни совершалось, это все равно есть сбереженіе. Изъ трехъ, означенныхъ выше моментовъ капитализаціи,—производства, сохраненія и обращенія на новое производство,—Родбертусъ намѣренно выкидываетъ средній, въ которомъ именно заключается главное дѣло. Все у него сосредоточивается въ распоряженіи (Disposition), при чемъ у него выходитъ, что эти распоряженія совершаются кѣмъ-то совершенно независимо отъ права собственности. Между тѣмъ, распоряженіе имуществомъ ничто иное какъ чистое выраженіе права собственности, и если собственникъ, кто бы онъ ни

[1]) Zur Erklarung und Abhülfe der heutigen Creditnoth des Grundbesitzes, II. стр. 286—295 (1876).

былъ, вмѣсто того, чтобы потребить это имущество, обращаетъ его на новое производство, то подобное дѣйствіе нельзя назвать иначе какъ сбереженіемъ. Утверждать противное значитъ играть словами. При существующемъ порядкѣ, эти дѣйствія исходятъ отъ частныхъ лицъ, а такъ какъ самимъ авторомъ признается, что частные капиталы образуются путемъ сбереженій, то нѣтъ сомнѣнія, что всѣ предметы, составляющіе капиталъ въ экономическомъ смыслѣ и входящіе въ составъ частнаго имущества, становятся капиталомъ путемъ сбереженій. Именно вслѣдствіе этого авторъ считаетъ капиталистовъ хранителями общественнаго имущества и вмѣняетъ имъ даже сбереженіе въ обязанность, чѣмъ самымъ онъ опровергаетъ и собственное свое положеніе, что къ капиталу въ настоящемъ смыслѣ, или къ національному капиталу, вовсе не приложимо понятіе о сбереженіи. Очевидно, что если къ нему не приложимо понятіе о сбереженіи, то сбереженіе этого капитала никогда не можетъ быть обязанностью. Но опровергая самъ себя, Родбертусъ идетъ только отъ одной фантазіи къ другой. Что капиталы образуются путемъ сбереженій, это вѣрно; но что сбереженіе составляетъ для частныхъ лицъ общественную обязанность, это равно противорѣчитъ и логикѣ и фактамъ. Ни одно законодательство въ мірѣ никогда не признавало и не можетъ признавать сбереженіе общественною обязанностью, по той простой причинѣ, что оно обращается на предметы, которые отъ воли лица зависитъ потреблять или нѣтъ. Каждый свободный человѣкъ самъ судья своего потребленія, и если онъ, по собственному изволенію, ограничиваетъ свое потребленіе въ виду будущаго, то подобное дѣйствіе несомнѣнно является выраженіемъ его права, и сбереженныя такимъ образомъ произведенія столь же несомнѣнно принадлежатъ ему, и никому другому. Это ясно для простаго здраваго смысла. Относительно рабочихъ Родбертусъ даже и не пытается это отрицать; тутъ вся его теорія находитъ совершенно неопровержимое возраженіе. Но по этому самому онъ утверждаетъ, что рабочіе и чиновники не могутъ и не должны сберегать. Что рабочіе могутъ сберегать, объ этомъ свидѣтельствуютъ и сберегательныя кассы и тѣ значительныя суммы, которыя рабочіе тратятъ въ Англіи на поддержаніе стачекъ, не говоря уже о Соединенныхъ Штатахъ; а что они должны сберегать, это ясно для всякаго, кто признаетъ, что человѣкъ не долженъ ограничивать свои помыслы заботами о настоящихъ нуждахъ, но долженъ подумать и

о будущемъ. Тутъ дѣйствительно есть обязанность, только не общественная, а нравственная, не обязанность чиновника, охраняющаго казенное имущество, а обязанность отца семейства, который, производя на свѣтъ дѣтей, заботится объ обезпеченіи будущаго ихъ благосостоянія. Выдавать же исполненіе этой обязанности за своевольное ограниченіе всего народнаго потребленія, это такой примѣръ самой беззастѣнчивой софистики, подобный которому едва ли найдется въ литературѣ. А между тѣмъ, эта полемика Родбертуса выдается за блестящее произведеніе глубокаго и яснаго ума, проникающаго въ самую сущность предмета и освѣщающаго его съ новыхъ сторонъ!

Постоянно слѣдующій за нимъ Адольфъ Вагнеръ не считаетъ однако возможнымъ идти такъ далеко. Онъ признаетъ неумѣстными тѣ насмѣшки, которыми соціалисты преслѣдуютъ начало сбереженія. Приведенное выше опредѣленіе Рау онъ считаетъ правильнымъ и соглашается, что всѣ экономисты, въ сущности, говорятъ тоже самое. Тѣмъ не менѣе, онъ упрекаетъ ихъ въ томъ, что они второму моменту, сбереженію, придаютъ слишкомъ большое значеніе и не различаютъ притомъ экономическаго, или національнаго капитала отъ частнаго.

Относительно перваго пункта, по мнѣнію Вагнера, надобно различать произведенія, которымъ присуще значеніе капитала, какъ то, орудія и машины, отъ такихъ, которыя могутъ быть употреблены и на другія цѣли. Первыя получаютъ свое назначеніе уже при самомъ производствѣ, а потому понятіе о сбереженіи къ нимъ непосредственно не приложимо. Вторыя же становятся капиталомъ дѣйствительно черезъ то, что они, вмѣсто потребленія, обращаются на новое производство; однако и тутъ существенный моментъ состоитъ не въ сбереженіи, а въ распоряженіи. Это распоряженіе по большей части не произвольное: изъ чистаго народнаго дохода необходимо сперва отдѣлить значительную часть на текущее потребленіе, и только избытокъ можетъ быть обращенъ на умноженіе капитала. Распоряженіе же этимъ избыткомъ можетъ быть двоякое: принудительное, когда правительство само ограничиваетъ народное потребленіе и обращаетъ излишекъ на умноженіе капитала, и свободное, путемъ добровольнаго самоограниченія. Послѣднее есть тотъ способъ, который дѣйствуетъ при системѣ частныхъ капиталовъ; первое же, къ которому стремятся соціалисты, хотя само по себѣ представляется возможнымъ,

однако при настоящихъ условіяхъ неприложимо и можетъ явиться только результатомъ весьма долгаго историческаго процесса. Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ Вагнеръ, что при такомъ устройствѣ капиталы могли бы умножаться гораздо быстрѣе, нежели при нынѣшнемъ неравномъ распредѣленіи богатства, ибо потребности пустой роскоши могли бы быть устранены; но самое это устройство требуетъ отъ людей такихъ высокихъ качествъ, которыя «идутъ за предѣлы того, что, даже какъ отдаленная цѣль, представляется достижимымъ посредствомъ духовнаго и нравственнаго воспитанія человѣчества: оно, въ сущности, требуетъ иныхъ существъ, нежели каковы люди». Поэтому, не только при настоящихъ условіяхъ, но и на неопредѣленное еще время, частный капиталъ и проистекающій изъ него процессъ сбереженія должны сохранить свое существенное значеніе въ народномъ хозяйствѣ. Не надобно только забывать, что частные капиталисты являются здѣсь не болѣе какъ должностными лицами, или органами общества, а потому государство имѣетъ не только право, но и обязанность регулировать ихъ дѣйствія и опредѣлять условія исполненія ихъ должности [1]).

Мы видимъ здѣсь, какъ и вездѣ, у Вагнера, попытку войти въ компромиссъ съ обоими противоположными воззрѣніями. Съ одной стороны признаются правильными опредѣленія экономистовъ и допускается необходимость частныхъ капиталовъ; съ другой стороны, вслѣдъ за Родбертусомъ, различаются національный капиталъ и частный, при чемъ существенный моментъ въ образованіи капиталовъ полагается въ распоряженіи, и наконецъ, государству дается право регулировать дѣйствія частныхъ капиталистовъ, какъ должностныхъ лицъ. Мы видѣли уже всю несостоятельность раздѣленія капитала на частный и національный въ томъ смыслѣ, какъ это дѣленіе принимается Родбертусомъ и Вагнеромъ. Здѣсь несостоятельность означеннаго взгляда обнаруживается вполнѣ. Какъ скоро мы противополагаемъ частный капиталъ національному, такъ надобно сказать, что частный капиталъ не есть національный, а національный не есть частный; между тѣмъ, у Вагнера частный капиталъ является вмѣстѣ и національнымъ, вслѣдствіе чего правительству дается право имъ распоряжаться. Если возразятъ, что выраженіе національный принимается здѣсь не въ юридическомъ, а въ экономическомъ смыслѣ, то слѣдуетъ отвѣтить, что въ такомъ

[1]) Lehrbuch der Pol. Oek. Grundleg. §§ 288—307

случаѣ ни о какомъ правѣ распоряженія со стороны государства не можетъ быть рѣчи. Распоряженіе есть юридическое дѣйствіе, которое можетъ принадлежать только юридическому собственнику; къ національному капиталу въ экономическомъ смыслѣ оно вовсе не приложимо. Самъ Вагнеръ, отличая имущество въ экономическомъ смыслѣ отъ имущества въ юридическомъ смыслѣ, говоритъ относительно послѣдняго: «здѣсь, и только здѣсь имѣетъ мѣсто часто выставляемое правило, что свойство имущества служить капиталомъ зависитъ отъ воли собственника» (§ 29). Но когда дѣло идетъ объ образованіи капиталовъ, то это вѣрное замѣчаніе забывается, и чисто юридическое понятіе о распоряженіи становится существеннымъ элементомъ капитала въ экономическомъ смыслѣ.

Что касается до вопроса, въ чемъ состоитъ важнѣйшій моментъ въ образованіи капиталовъ, въ сбереженіи или въ распоряженіи, то и тутъ изложеніе Вагнера страдаетъ значительною путаницею понятій. Онъ утверждаетъ, что назначеніе предметовъ, которымъ присуще свойство капиталовъ, опредѣляется уже предварительнымъ производствомъ, а сбереженіе непосредственно не имѣетъ никакого значенія. Но чѣмъ опредѣляется предварительное производство? На это отвѣчаетъ самъ Вагнеръ. Направленіе предварительнаго производства, говоритъ онъ, зависитъ отъ того, что̀ требуется: предметы ли, которымъ присуще значеніе капиталовъ, или предметы потребленія для массы, или наконецъ предметы роскоши? Въ какой мѣрѣ требуются послѣдніе, это, въ свою очередь, зависитъ отъ направленія потребленія зажиточныхъ классовъ и отъ большей или меньшей ихъ бережливости (§ 298). Изъ этого ясно, что предметы, по самой своей сущности предназначенные быть капиталомъ, будутъ производиться только тогда, когда они требуются людьми, которые захотятъ обратить на нихъ часть своихъ доходовъ. Слѣдовательно и тутъ, также какъ и относительно предметовъ, могущихъ получить то или другое употребленіе, все зависитъ отъ того, на что люди хотятъ употребить избытокъ своихъ доходовъ, то есть, отъ отношенія потребленія къ сбереженію. Самъ Вагнеръ сводитъ къ этому вопросъ, когда онъ говоритъ, что умноженіе капиталовъ зависитъ отъ того, на что обращается избытокъ свободнаго народнаго дохода: чѣмъ болѣе ограничивается потребленіе, тѣмъ болѣе остается для капитала. Но ограниченіе потребленія и есть то, что называется сбереженіемъ. Слѣдовательно, все окончательно сводится къ послѣд-

нему, каково бы ни было устройство народнаго хозяйства. При соціалистическомъ порядкѣ, по увѣренію Вагнера, умноженіе капиталовъ могло бы совершаться быстрѣе, потому что государство могло бы ограничить народное потребленіе самымъ необходимымъ, а остальное обратить на капиталъ: слѣдовательно и тутъ существенный моментъ заключается въ сбереженіи. Разница лишь та, что при соціалистическомъ порядкѣ, какъ указываетъ и Вагнеръ, ограниченіе потребленія является принудительнымъ, а при частной собственности добровольнымъ.

Который изъ этихъ двухъ способовъ выгоднѣе для народнаго хозяйства? Мы видѣли, что Вагнеръ, съ одной стороны, признаетъ, что при соціалистическомъ порядкѣ, умноженіе капиталовъ могло бы идти гораздо быстрѣе, но съ другой стороны онъ принужденъ согласиться, что для этого требуются совершенно иные люди, нежели тѣ, которые существуютъ на дѣлѣ, а потому на весьма еще долгое время частный капиталъ долженъ оставаться необходимымъ дѣятелемъ производства. Если мы должны дожидаться, пока люди сдѣлаются иными, нежели они сотворены Богомъ или природою, то конечно, времени можетъ пройти довольно много: но какимъ образомъ при такомъ воззрѣніи можно видѣть въ частномъ капиталѣ только историческую категорію, это остается для насъ тайною. Здѣсь мы опять встрѣчаемъ одинъ изъ примѣровъ того легкаго отношенія къ наукѣ, при которомъ писатель кидаетъ фразы на вѣтеръ, не заботясь о внутреннемъ соглашеніи ихъ смысла.

Въ дѣйствительности, добровольное ограниченіе потребленія одно согласно съ свободою человѣка. Принудительное ограниченіе приложимо единственно къ рабамъ. Если же человѣкъ имѣетъ право потреблять вещь или не потреблять, то сбереженное имъ несомнѣнно принадлежитъ ему, и никому другому, и распоряжаться предметомъ имѣетъ право онъ, и никто другой. Изъ чего слѣдуетъ, что частный капиталъ, какъ плодъ сбереженія, составляетъ необходимое послѣдствіе свободы. Пока человѣкъ свободенъ, до тѣхъ поръ будутъ существовать частные капиталы, передаваемые отъ одного поколѣнія другому.

Такъ всегда и происходило въ человѣчествѣ. Каждое поколѣніе, вмѣсто того чтобы потреблять все имъ произведенное на собственныя нужды, часть своихъ произведеній сберегало и сбереженное передавало путемъ наслѣдства своимъ преемникамъ: послѣдніе же, въ

свою очередь, умножали это достояніе новыми сбереженіями и умноженное передавали своему потомству. На этомъ постоянномъ накопленіи капиталовъ, переходящихъ изъ рукъ въ руки, основано все развитіе матеріальнаго благосостоянія человѣчества.

Происхожденіе капитала путемъ сбереженій составляетъ однако не болѣе какъ исходную его точку; затѣмъ начинается настоящая его дѣятельность. Какъ произведеніе, онъ является результатомъ предшествующаго производства, которое завершается сбереженіемъ; но этотъ результатъ становится вмѣстѣ съ тѣмъ началомъ новаго производства, въ которомъ капиталъ самъ становится дѣятелемъ. Эта дѣятельность выражается въ томъ, что количествомъ полученныхъ съ его помощью произведеній не только покрывается его трата, но и дается избытокъ. Отсюда опредѣленіе капитала, какъ имущества, приносящаго доходъ [1]).

Выше было уже указано на то, что этотъ результатъ долженъ быть приписанъ именно капиталу, а не исключительно приложенному къ нему труду. Съ однимъ трудомъ, человѣкъ не двинулся бы ни на шагъ; жизнь его, какъ у животныхъ, ограничивалась бы удовлетвореніемъ насущныхъ его потребностей. Только съ помощью капитала онъ возвышается надъ этимъ уровнемъ и прогрессивно увеличиваетъ свое благосостояніе. А если таково экономическое значеніе капитала, если отъ него зависятъ всѣ матеріальные успѣхи человѣческаго рода, то очевидна несостоятельность мнѣнія соціалистовъ, которые утверждаютъ, что въ нормальномъ порядкѣ доходъ съ капитала долженъ равняться его тратѣ. Этимъ положеніемъ отвергается не только производительная сила капитала, но вмѣстѣ и производительность положеннаго на него труда. Капиталъ, который не даетъ избытка, безполезенъ, и трудъ, на него потраченный, пропалъ даромъ. Для работника было бы выгоднѣе непосредственно приложить его къ производству.

Откуда же берется эта производительная сила капитала? И на этотъ вопросъ мы отвѣчали выше: изъ обращенія силъ природы на служеніе человѣку. Вслѣдствіе этого, произведеніе само является дѣятелемъ и умножаетъ само себя. Съ помощью машины или орудія получается такое количество произведеній, которое не только вознаграждаетъ всѣ издержки, но даетъ излишекъ. Эта новая дѣя-

[1]) Ср. L. Stein. Volkswirthschaftslehre 1878, стр. 135.

тельность не есть уже дѣятельность прежняго труда, который совершилъ свое дѣло, построивши машину: это дѣятельность силъ природы, покоренныхъ человѣкомъ. Но такъ какъ покореніе есть дѣло мысли, то и здѣсь главнымъ дѣятелемъ является человѣческій элементъ, только не физическій, а духовный. Производительная сила машины зависитъ главнымъ образомъ отъ положенной въ нее мысли, обращающей природу въ орудіе своихъ цѣлей. Физическій трудъ, употребленный на постройку машины, кончилъ свое дѣло; но мысль, которая имъ руководила, идетъ за предѣлы физическаго дѣйствія: она простирается на будущее и осуществляется въ новомъ производствѣ. Для этого новаго производства опять нуженъ физическій трудъ; но и этотъ новый трудъ является здѣсь только орудіемъ. Производительная сила машины столь же мало зависитъ отъ тѣхъ рабочихъ, которые ее строили, не понимая ея назначенія, сколько и отъ тѣхъ, которые приводятъ ее въ дѣйствіе. Если паровая машина даетъ избытокъ, то это зависитъ не отъ кочегаровъ и смазчиковъ, которые при ней работаютъ, а отъ мысли, ее создавшей, и отъ воли, направляющей ея движеніи. Слѣдовательно и тутъ, когда соціалисты всю производительную силу капитала приписываютъ тѣмъ рабочимъ, которые приводятъ его въ дѣйствіе, нельзя не признать подобнаго воззрѣнія полнымъ извращеніемъ истиннаго отношенія вещей.

Одна мысль способна и къ развитію. Физическія силы человѣка не развиваются, и если до извѣстной степени возвышается уровень матеріальнаго труда, то это происходитъ единственно подъ вліяніемъ развитія мысли: болѣе совершенная техника требуетъ, если не всегда высшаго качества труда, то во всякомъ случаѣ большаго порядка и постоянства. Мысль есть собственно развивающееся начало въ человѣкѣ. Она соображаетъ цѣли съ средствами, и проникая взоромъ въ даль, связываетъ прошедшее съ будущимъ. Въ области духовной, выраженіемъ ея является передаваемое отъ поколѣнія поколѣнію образованіе, въ области матеріальной — капиталъ, составляющій наслѣдіе всѣхъ предшествующихъ вѣковъ и залогъ будущаго. Капиталъ есть прогрессивный элементъ экономическаго быта. Количествомъ существующихъ въ обществѣ капиталовъ опредѣляется степень его развитія; отъ ихъ накопленія зависитъ все матеріальное благосостояніе общества.

Чѣмъ же опредѣляется производительная сила капитала? Существеннѣйшій ея элементъ заключается въ совершенствѣ техники. Это

и есть собственно явленіе мысли, покоряющей природу цѣлямъ человѣка. Но такъ какъ капиталъ никогда не дѣйствуетъ одинъ, а всегда въ связи съ другими дѣятелями производства, то на производительной его силѣ отражается и вліяніе другихъ элементовъ. Тамъ, гдѣ онъ имѣетъ дѣло съ независимыми отъ него силами природы, онъ по необходимости самъ находится въ зависимости отъ послѣднихъ. Изъ бѣдной руды нельзя извлечь болѣе, нежели она въ себѣ содержитъ, сколько бы мы ни прилагали къ ней капитала. Въ земледѣліи, какъ мы видѣли, съ усиленіемъ интенсивнаго хозяйства, производительность капиталовъ уменьшается вслѣдствіе истощенія силъ природы, къ которымъ они прилагаются. Совсѣмъ другое имѣетъ мѣсто въ промышленности обрабатывающей, гдѣ силы природы состоятъ въ услуженіи человѣка. Но и тутъ капиталъ имѣетъ разное значеніе, смотря по тому, какой элементъ преобладаетъ въ производствѣ, капиталъ или трудъ. Собственная область капитала есть фабричная промышленность. Здѣсь машины играютъ главную роль, а рабочій является только ихъ слугою. Здѣсь трудъ ребенка можетъ быть выгоднѣе, нежели трудъ взрослаго. Здѣсь именно все зависитъ главнымъ образомъ отъ совершенства техники. Напротивъ, въ промышленности ремесленной, орудіе является слугою работника. Тутъ успѣхъ дѣла зависитъ не столько отъ совершенства орудій, сколько отъ умѣнія ими пользоваться. Въ ремеслѣ, физическій трудъ возводится на степень искусства. Наконецъ, во всѣхъ отрасляхъ, каковы бы онѣ ни были, существенное условіе успѣха заключается въ направляющей волѣ. Если предприниматель не сдѣлалъ правильнаго расчета и не умѣетъ сочетать и направить наивыгоднѣйшимъ образомъ различные элементы производства, то избытка не будетъ, каково бы ни было совершенство техники. Въ особенности этотъ элементъ расчета является преобладающимъ въ торговлѣ, гдѣ самая техника играетъ второстепенную роль, и вся выгода окончательно зависитъ отъ личныхъ качествъ предпринимателя. Здѣсь капиталъ становится только средствомъ для оборотовъ.

Отъ тѣхъ же условій зависитъ производительность капитала и въ количественномъ отношеніи. Вообще признается, что въ промышленномъ производствѣ мелкіе капиталы не могутъ соперничать съ крупными. Однако это положеніе, сдѣлавшееся общимъ мѣстомъ экономической литературы, требуетъ ограниченій. Нѣтъ сомнѣнія, что

тамъ, гдѣ преобладающею силою является капиталъ, крупный имѣетъ перевѣсъ надъ мелкимъ. Сосредоточенный капиталъ позволяетъ сократить общіе расходы; онъ даетъ возможность располагать большими средствами, а потому и совершеннѣйшими орудіями; онъ позволяетъ ввести въ предпріятіе наилучшее расчлененіе и тѣмъ самымъ установить наивыгоднѣйшій порядокъ труда; наконецъ, онъ открываетъ предпріимчивости наиболѣе широкое поприще. Все это выгоды, вызывающія наибольшую степень производительности капитала, къ какой онъ только способенъ. Но крупное капиталистическое производство, совершенно умѣстное на фабрикахъ и въ другихъ сродныхъ съ ними предпріятіяхъ, не вездѣ приложимо. Тамъ, гдѣ по существу дѣла преобладаютъ другіе дѣятели производства, являются иныя условія. Къ земледѣлію фабричное производство приложимо только при особенно благопріятныхъ условіяхъ интенсивнаго хозяйства, когда выгодно обращать крупные капиталы на разработку непочатыхъ еще силъ природы. Въ интенсивномъ хозяйствѣ, какъ мы видѣли, умноженіе капиталовъ не ведетъ къ увеличенію производительности; напротивъ, съ большею и большею затратою капиталовъ производительность ихъ уменьшается. Здѣсь требуется тщательное пользованіе разнообразными силами и измѣнчивыми явленіями природы, что при крупномъ производствѣ немыслимо. Вслѣдствіе этого, большія помѣстья, при интенсивномъ хозяйствѣ, раздробляются на фермы. Гдѣ преобладаетъ капиталъ, установляется среднихъ размѣровъ хозяйство, а тамъ, гдѣ преобладаетъ трудъ, водворяется мелкое хозяйство. Точно также и въ ремесленномъ производствѣ, гдѣ главное дѣло состоитъ въ личномъ умѣніи и въ возможности приспособляться къ измѣняющимся нуждамъ потребителей, крупные капиталы не находятъ себѣ надлежащаго поприща; тутъ по необходимости господствуютъ средніе и мелкіе. Наконецъ, въ торговлѣ требуются большіе или меньшіе капиталы, смотря по тому, какую задачу полагаетъ себѣ предпріимчивость: обширность ли оборотовъ или приспособленіе къ разнообразнымъ потребностямъ потребителей. А такъ какъ и то и другое необходимо, то здѣсь находятъ себѣ приложеніе всѣхъ размѣровъ капиталы. Оптовая торговля не замѣняетъ розничной, а розничная не замѣняетъ мелочной.

Въ концѣ концовъ, размѣръ капитала, который выгодно употреблять въ производствѣ, зависитъ отъ расчета. Расчетъ же—дѣло предпринимателя. Такимъ образомъ, здѣсь, какъ и вездѣ, по-

слѣднему принадлежитъ первенствующее мѣсто въ производствѣ. Всѣ остальные дѣятели являются только орудіями въ его рукахъ. Верховный же двигатель производства есть направляющая воля.

4. Направляющая воля.

Волю слѣдуетъ отличить отъ труда, какъ двигатель отъ движенія. И въ трудѣ есть воля, производящая трудъ, также какъ въ капиталѣ есть воля, создающая капиталъ, и въ землевладѣніи есть воля, овладѣвающая естественными силами. Но всѣ эти воли доставляютъ только средства для предпріятія. Вслѣдствіе этого, оставаясь самостоятельными дѣятелями производства, онѣ по необходимости подчиняются волѣ, руководящей предпріятіемъ. Послѣдняя собираетъ вокругъ себя средства, располагаетъ ихъ по своему усмотрѣнію и направляетъ ихъ къ общей цѣли.

Каждый изъ другихъ дѣятелей сохраняетъ при этомъ и свою цѣль, которая состоитъ въ вознагражденіи за участіе въ предпріятіи. Но все это цѣли частныя, которыя, по этому самому, состоятъ въ большей или меньшей зависимости отъ достиженія общей и главной цѣли — выгодности производства. Эту цѣль, нерѣдко скрытую отъ другихъ дѣятелей, полагаетъ себѣ предприниматель. Чтобы достигнуть ея, необходимо обнять взоромъ цѣлое, и сообразивши средства, дать каждому изъ подчиненныхъ дѣятелей мѣсто и значеніе въ общемъ движеніи. Руководящая воля есть практическій разумъ, какъ двигатель предпріятія. Это—высшій изъ всѣхъ дѣятелей производства, ибо онъ составляетъ средоточіе остальныхъ, и отъ него окончательно зависитъ успѣхъ совокупной дѣятельности.

Изъ этого ясно, что воля имѣетъ значеніе не только юридическое, но и экономическое. Право освящаетъ и охраняетъ ее, какъ источникъ всякой человѣческой дѣятельности; экономическая наука, съ своей стороны, видитъ въ ней необходимаго двигателя производства, не только съ самостоятельнымъ, но и съ верховнымъ значеніемъ среди другихъ.

Это значеніе указываетъ и на тѣ условія, отъ которыхъ зависитъ производительность этого дѣятеля. Они заключаются въ свойствахъ направляющей воли, то есть, въ личныхъ качествахъ предпринимателя. Такъ какъ направляющая воля есть практическій разумъ, дѣйствующій въ промышленномъ мірѣ, то прежде всего

здѣсь требуется образованіе. Чѣмъ значительнѣе предпріятіе, тѣмъ оно необходимѣе. Это—тотъ духовный капиталъ, который, накопляясь вѣками, передается отъ поколѣнія поколѣнію, но въ высшей своей формѣ усвоивается всегда немногими выдающимися личностями.

Однакоже одного образованія въ такой чисто практической дѣятельности, каково промышленное предпріятіе, далеко недостаточно. Несравненно еще важнѣе практическія качества предпринимателя. Тутъ требуются энергія и распорядительность, постоянство, умѣніе приспособляться къ обстоятельствамъ и пользоваться ими, наконецъ предпріимчивость, которая составляетъ оживляющій духъ всего промышленнаго міра. Всѣ эти качества, для того чтобы достигнуть той степени совершенства, которая необходима для руководства предпріятіемъ, должны быть изощрены. Нужна приготовительная работа, нуженъ опытъ, состоящій въ примѣненіи пріобрѣтенныхъ знаній и природныхъ талантовъ къ данной средѣ. Наконецъ, успѣхъ предпріятія зависитъ главнымъ образомъ отъ яснаго сознанія промышленной выгоды и отъ расчетливаго употребленія средствъ. Въ дѣлѣ уже упроченномъ, это не сопряжено съ особенными затрудненіями, хотя и тутъ всегда необходимы вниманіе и точность въ расчетахъ. Но въ дѣлѣ новомъ, неизвѣданномъ, нуженъ геніальный взглядъ, который соображаетъ обстоятельства, ускользнувшія отъ другихъ, и прокладываетъ человѣчеству новые пути. Можно сказать, что предприниматель—герой промышленнаго міра: онъ долженъ соединять въ себѣ всѣ качества военоначальника. Въ немъ проявляется тотъ промышленный талантъ, отъ котораго окончательно зависитъ успѣхъ предпріятія, и который дѣлаетъ человѣка способнымъ сдѣлаться центромъ, собирающимъ вокругъ себя всѣ другіе элементы. А такъ какъ эти качества имѣютъ характеръ чисто личный, то ясно, что высшая форма, въ которой можетъ проявляться направляющая воля, есть единичное лицо.

Не всегда однако отдѣльное лицо обладаетъ достаточными средствами, чтобы вести предпріятіе безъ чужаго содѣйствія. Въ особенности это оказывается въ крупныхъ предпріятіяхъ, требующихъ громадныхъ капиталовъ. Кредитъ лишь до нѣкоторой степени можетъ помочь этому недостатку, ибо кредитъ, кромѣ личныхъ гарантій, требуетъ и имущественныхъ, слѣдовательно самъ соразмѣряется съ имуществомъ лица. Отсюда необходимость искать себѣ товари-

щей. Чѣмъ обширнѣе промышленная дѣятельность, чѣмъ сложнѣе задачи, чѣмъ выше стоитъ народное хозяйство, тѣмъ большее развитіе получаетъ товарищеское начало. Въ настоящее время, большая часть крупныхъ дѣлъ ведутся компаніями. Особенно развилась форма акціонерныхъ компаній, гдѣ число товарищей неопредѣленно и они безпрерывно переходятъ изъ рукъ въ руки.

Опытъ показываетъ однако, что успѣхъ этихъ предпріятій весь зависитъ отъ стоящихъ во главѣ ихъ лицъ. Мы видимъ колоссальныя предпріятія, веденныя съ изумительною энергіею и умѣніемъ, предпріятія, участниками которыхъ являются капиталисты, разсѣянные по всей землѣ и принадлежащіе къ разнымъ народамъ, и гдѣ все однако задумывается и ведется однимъ лицемъ. Достаточно указать на прорытіе Суэзскаго перешейка. Прочность всякой компаніи зависитъ отъ нравственной и имущественной состоятельности учредителей. Послѣдніе составляютъ центральную силу, собирающую средства и взывающую къ довѣрію публики. Сама же компанія рѣдко бываетъ въ состояніи выставить изъ себя путное управленіе, развѣ случайно найдется крупный акціонеръ, который заберетъ дѣло въ свои руки. Мало того: акціонеры, въ массѣ, большею частью даже неспособны надлежащимъ образомъ контролировать свое управленіе. Отсюда безчисленное множество возникающихъ особенно въ періоды промышленной горячки, дутыхъ предпріятій, основанныхъ единственно на легковѣріи публики и кончающихся крушеніемъ. Въ этомъ выражается общій, вытекающій изъ самой природы промышленной дѣятельности фактъ, что собирательное лицо само по себѣ неспособно къ веденію промышленнаго дѣла, и чѣмъ участниковъ больше, тѣмъ эта способность меньше. Безпрерывное столкновеніе взглядовъ и воль дѣлаетъ изъ него колеблющуюся массу, отъ которой нельзя ожидать ни правильнаго расчета, ни необходимаго для дѣла единства направленія. Исторія акціонерныхъ компаній XIX-го вѣка свидѣтельствуетъ объ этомъ въ яркихъ чертахъ.

Но если въ частномъ товариществѣ многоглавіе служитъ помѣхою дѣлу, то еще хуже, когда предпринимателемъ является лицо юридическое, то есть, безличное. Здѣсь исчезаютъ уже всѣ важнѣйшія условія промышленнаго успѣха. Мы видѣли, что выгодность предпріятія зависитъ главнымъ образомъ отъ личныхъ качествъ предпринимателя; между тѣмъ, безличное существо, которое является

здѣсь хозяиномъ, такихъ качествъ не имѣетъ. Оно принуждено положиться на свои исполнительные органы, то есть, на должностныхъ лицъ. Но какъ скоро вмѣсто хозяина является исполнитель, такъ исчезаетъ главная пружина промышленнаго производства—личный интересъ. Если же личный интересъ исполнителя примѣшивается къ дѣлу, чего избѣжать не легко, ибо онъ вызывается самымъ промышленнымъ характеромъ дѣятельности, то онъ становится въ противорѣчіе съ интересомъ общественнымъ, то есть, съ главною цѣлью производства. Безъ сомнѣнія, въ каждомъ обществѣ найдутся люди, воодушевленные безкорыстнымъ стремленіемъ къ общественному благу, но эти люди обыкновенно выбираютъ себѣ не промышленное поприще, а иное, общественное или политическое. Въ промышленной же области, гдѣ вся цѣль заключается въ полученіи выгоды, гдѣ все къ этому направлено, личный интересъ, по существу предмета, является главною движущею пружиною дѣятельности, и именно онъ-то и устраняется хозяйствомъ юридическаго лица. Естественный двигатель замѣняется искусственнымъ, а при такой замѣнѣ неизбѣжно исчезаютъ всѣ тѣ свойства естественнаго двигателя, которыя обезпечиваютъ успѣхъ предпріятія.

Все это въ усиленной степени прилагается къ промышленности казенной. Поэтому, въ экономической наукѣ долгое время принималось за аксіому, что государство—худшій изъ предпринимателей. Въ новѣйшее время, подъ вліяніемъ соціалистическихъ теорій, это положеніе подвергается сомнѣнію; но всемірный опытъ, также какъ и здравая теорія, одинаково говорятъ въ его пользу.

Въ самомъ дѣлѣ, отчего при громадномъ развитіи промышленности въ новое время, всѣ европейскія государства не покрыты казенными фабриками? Неужели единственно оттого, что правительства держатся ложной индивидуалистической теоріи, ограничивающей по возможности государственную дѣятельность и все предоставляющей частной иниціативѣ? Но эта теорія возникла лишь съ половины XVIII-го вѣка и весьма медленно пробивала себѣ путь въ господствующихъ сферахъ. До того времени, правительства считали, напротивъ, своею обязанностью во все вмѣшиваться, все регламентировать; они не только руководили другихъ, но сами заводили свои образцовыя фабрики. Еслибы промышленное производство въ рукахъ государства было выгодно, то при громадныхъ средствахъ, которыми оно располагаетъ, частныя лица не могли бы выдержать съ нимъ конкурренъ-

ціи, и вмѣсто развитія частной промышленности, мы видѣли бы постепенное вытѣсненіе ея промышленностью казенною, которая наконецъ одна сдѣлалась бы господствующею. На дѣлѣ однако вышло не то. Оказалось, что казенное производство не можетъ выдержать соперничества съ частнымъ. Если кой гдѣ существуютъ еще казенныя фабрики и заводы, то они сохраняются вовсе не въ видахъ барыша, а какъ образцовыя заведенія, или же для удовлетворенія собственно государственныхъ потребностей. Чтобы получить доходъ отъ производства, казна принуждена прибѣгать къ монополіи, да и въ этомъ случаѣ выгоднѣе сдавать ее въ частныя руки.

Причина такого всемірнаго явленія заключается единственно въ неспособности юридическаго лица къ промышленному производству. И чѣмъ крупнѣе лицо, тѣмъ эта неспособность больше, ибо тѣмъ дальше оно отъ самаго дѣла. Повидимому, государство имѣетъ огромныя преимущества передъ частными лицами; оно располагаетъ несравненно бо́льшими силами и средствами. Но именно здѣсь лучшія силы устремляются къ центру и поглощаются другими, высшими интересами. Веденіе отдѣльныхъ предпріятій по необходимости предоставляется мѣстной бюрократіи, низшей по достоинству и носящей на себѣ въ усиленной степени всѣ недостатки присущіе бюрократіи, недостатки, которые болѣе всего отзываются на промышленной дѣятельности. Самому честному и образованному чиновничеству можно поручить дѣло, требующее рутиннаго порядка, но никогда дѣло требующее расчета и приспособленія къ обстоятельствамъ. Для послѣдняго нужны совершенно иныя качества. Мѣстной бюрократіи невозможно даже предоставить необходимую для промышленнаго успѣха самостоятельность дѣйствій. Чѣмъ меньше его способность, и чѣмъ важнѣе ввѣренные ему интересы, тѣмъ необходимѣе надъ нимъ контроль центральной власти, представляющей совокупные интересы плательщиковъ, которые являются тутъ настоящими акціонерами. Но централизація, въ извѣстной степени совершенно умѣстная въ государственномъ управленіи, смертельна для промышленнаго производства. Контроль центральной власти—по необходимости далекій и формальный, слѣдовательно безплодный и стѣснительный. И чѣмъ онъ тщательнѣе, тѣмъ онъ вреднѣе для производства. Министръ, въ рукахъ котораго сосредоточивается управленіе, и отъ котораго зависитъ рѣшеніе важнѣйшихъ дѣлъ, не въ состояніи даже имѣть дѣйствительный надзоръ за всѣми находящимися въ его вѣдѣніи предпріятіями. Онъ

занятъ политическими еще болѣе, нежели хозяйственными вопросами. Въ конституціонномъ правленіи онъ долженъ выдерживать постоянную борьбу въ парламентѣ и смѣняется съ смѣною партій. Самый же парламентъ еще менѣе способенъ къ хозяйственному контролю. Если акціонерное собраніе, гдѣ каждый лично заинтересованъ въ дѣлѣ, представляется въ этомъ отношеніи несостоятельнымъ, то тѣмъ болѣе это невозможно для представителей всего народа, у которыхъ совершенно иныя цѣли и иныя задачи.

Наконецъ, при самомъ тщательномъ контролѣ, въ казенномъ производствѣ устраняется важнѣйшее начало промышленной дѣятельности, предпріимчивость. Во всякомъ предпріятіи, а тѣмъ болѣе новомъ, есть рискъ; гдѣ нѣтъ риска, нѣтъ и прибыли. Но рисковать можно только собственнымъ, а не чужимъ имуществомъ. Всего менѣе позволительно рисковать средствами плательщиковъ, съ которыхъ путемъ принужденія собираются подати. Частный предприниматель можетъ принять на себя отвѣтственность за успѣхъ предпріятія, ибо онъ самъ отвѣчаетъ своимъ имуществомъ; казенный чиновникъ отвѣтственности на себя принять не можетъ, такъ какъ онъ самъ ничѣмъ не отвѣчаетъ. Ему нельзя даже позволить принять на себя такую отвѣтственность, ибо убытокъ окончательно падаетъ на невинныхъ плательщиковъ.

Такимъ образомъ казенное производство, силою вещей, устраняется именно тамъ, гдѣ открывается наиболѣе широкій просторъ для человѣческой дѣятельности и для человѣческихъ способностей. Оно приложимо единственно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ предпріятіе вѣрно, и требуется не предпріимчивость, а соблюденіе разъ установленнаго порядка. Въ особенности же оно можетъ быть полезно тамъ, гдѣ имѣется въ виду не ближайшая, а отдаленная выгода. Частные люди обыкновенно преслѣдуютъ близкія цѣли; заботу о далекомъ будущемъ нерѣдко принуждено брать на себя общество. Однако и при соединеніи всѣхъ этихъ условій, успѣхъ казеннаго предпріятія окончательно зависитъ отъ личнаго состава исполнителей. Только при весьма образованномъ и добросовѣстномъ чиновничествѣ можно надѣяться на какую нибудь прибыль. И всегда эта прибыль будетъ такъ мала, что она можетъ составлять лишь самую незначительную часть народнаго дохода. Воображать же, что расширеніе казеннаго производства можетъ вести къ умноженію народнаго богатства значитъ идти наперекоръ и теоріи и практики.

А между тѣмъ, именно къ этому стремятся соціалисты. Каковы могутъ быть результаты подобной системы, мы увидимъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА V.

КАПИТАЛИЗМЪ И СОЦІАЛИЗМЪ.

Мы разсмотрѣли существо и свойства различныхъ дѣятелей производства. Теперь посмотримъ, какое вліяніе оказываетъ на нихъ основное экономическое начало, свобода.

Въ отношеніи къ естественнымъ силамъ, дѣйствіе свободы состоитъ прежде всего въ подчиненіи ихъ человѣческой волѣ, или въ усвоеніи ихъ человѣку. Это—первое экономическое требованіе, которое, будучи освящено юридическимъ закономъ, порождаетъ собственность. Здѣсь находятъ себѣ приложеніе и начало овладѣнія и начало труда. Оба вызываются экономическою дѣятельностью человѣка и отъ нея получаютъ свое содержаніе.

Мы видѣли, что есть силы и произведенія природы, которыя находятся въ ограниченномъ количествѣ и должны быть усвоены человѣкомъ, для того чтобы служить его цѣлямъ. Кѣмъ же они усвояются по закону экономической свободы? Очевидно, тѣми, которые первые дѣлаютъ ихъ предметомъ своей экономической дѣятельности, то есть, обращаютъ ихъ на удовлетвореніе своихъ потребностей. Дикій плодъ принадлежитъ тому, кто его сорвалъ, звѣрь тому, кто его убилъ, рыба тому, кто ее выловилъ, земля тому, кто занялъ ее для обработки. Всѣ остальные могутъ пріобрѣсти эти предметы не иначе какъ отъ перваго, ими овладѣвшаго, добровольно, по закону свободы и права, или насильственно, по закону рабства и безправія. Экономическая цѣль достигается не иначе, какъ усвоеніемъ необходимыхъ для нея средствъ, и эти средства принадлежатъ тому, кто сдѣлалъ ихъ орудіями своей цѣли. Если же является новая цѣль, которая хочетъ употреблять средства,

уже служащія чужой цѣли, то по закону экономической свободы, она должна съ первою войти въ сдѣлку, давши ей къ замѣнъ равное произведеніе, способное ее удовлетворить.

Еще въ большей степени это относится къ тѣмъ силамъ и произведеніямъ природы, которыя не иначе могутъ служить человѣческимъ потребностямъ, какъ получивши отъ человѣка приспособленную къ этой цѣли форму. Здѣсь все экономическое значеніе предмета зависитъ отъ этой формы; форма же, какъ выраженіе экономической дѣятельности, принадлежитъ тому, кто ее произвелъ. И опять же, единственно этимъ достигается экономическая цѣль. Никто не станетъ работать, если плоды его труда должны служить не его, а чужой потребности. Обращеніе ихъ на чужія потребности, при экономической свободѣ, возможно только путемъ добровольной сдѣлки или уступки.

Такимъ образомъ, изъ приложенія экономической свободы къ естественнымъ силамъ необходимо вытекаютъ собственность и договоръ. Но мы видѣли, что свобода развивается въ человѣкѣ постепенно. Она является плодомъ медленнаго историческаго процесса, изъемлющаго человѣка отъ давленія окружающей его среды и раскрывающаго внутреннюю его сущность. Это относится къ экономической свободѣ, также какъ и къ юридической. Поэтому и вытекающая изъ нея частная собственность не вдругъ водворяется въ человѣческихъ обществахъ, хотя въ зачаткахъ своихъ она обрѣтается уже на первыхъ ступеняхъ человѣческаго существованія. Дикому охотнику принадлежитъ и то оружіе, которымъ онъ убиваетъ звѣри, и тотъ звѣрь, котораго онъ убилъ. Но земля обыкновенно состоитъ въ общемъ достояніи тѣхъ естественныхъ союзовъ, которые занимаютъ и охраняютъ ее совокупными силами.

Съ осѣдлою жизнью, сама земля мало по малу переходитъ въ частную собственность. Съ экономической точки зрѣнія, къ этому неизбѣжно ведетъ соединеніе съ нею труда, капитала и предпріимчивости. Чтобы сдѣлать землю способною производить то, что нужно человѣку, надобно приложить къ ней трудъ. Значительная часть этого труда имѣетъ постоянное значеніе: надобно очистить лѣса, удалить камни, пожалуй, окопать участокъ или осушить почву. Произведенный такимъ образомъ трудъ остается связаннымъ съ землею. А мы видѣли, что плоды труда, по закону свободы, должны принадлежать тому, кто трудился, или тому работающій продалъ свой трудъ.

На высшихъ ступеняхъ хозяйственнаго развитія, съ землею соединяется и капиталъ. При интенсивномъ хозяйствѣ, человѣкъ постоянно возвращаетъ природѣ все то, что онъ у нея взялъ, и прибавляетъ ей новыя силы. Такимъ образомъ, новое производство является въ значительной степени плодомъ человѣческой дѣятельности. Наконецъ и выгода, проистекающая изъ положенія и лучшихъ естественныхъ условій, по закону экономической свободы, принадлежитъ тому, кто умѣлъ ею воспользоваться, ибо естественная выгода тогда только становится промышленною выгодою, когда человѣкъ ею пользуется. Въ этомъ заключается и главное побужденіе къ обращенію естественныхъ выгодъ на пользу человѣка. Усвоенная же разъ выгода становится цѣнностью, которая, переходя изъ рукъ въ руки, пріобрѣтается уже не даромъ. Покупая землю, человѣкъ кладетъ въ нее свой капиталъ. За выгодное положеніе и за болѣе плодородную почву онъ платитъ дороже, нежели за землю, которая не соединяетъ въ себѣ этихъ условій. Слѣдовательно и тутъ даровое переходитъ въ благопріобрѣтенное. На высшихъ ступеняхъ промышленнаго развитія, изъ подлежащихъ усвоенію силъ природы не остается уже даровыхъ. Все является произведеннымъ или пріобрѣтеннымъ дѣятельностью свободнаго лица, а потому все, по коренному закону промышленнаго производства, составляетъ достояніе свободнаго лица.

Относительно пріобрѣтаемаго трудомъ это положеніе имѣетъ полную очевидность. Экономическая свобода человѣка состоитъ именно въ томъ, что онъ самъ распоряжается своими силами и своею дѣятельностью. Тутъ хозяинъ онъ самъ и никто другой. Поэтому онъ своимъ трудомъ располагаетъ по своему изволенію; онъ можетъ прилагать его къ собственнымъ надобностямъ или посвящать его другому, либо безвозмездно, либо за какое угодно вознагражденіе. Поэтому и пріобрѣтенное трудомъ принадлежитъ ему и никому другому. Таково требованіе справедливости, и таково же требованіе промышленности, ибо, какъ мы видѣли выше, пріобрѣтеніе составляетъ цѣль и побужденіе промышленнаго труда; послѣдній немыслимъ безъ вознагражденія. Каждый работаетъ, имѣя въ виду свою выгоду, и какъ свободное лице, онъ самъ единственный судья своей выгоды. Но съ другой стороны, и тотъ, кому нуженъ чужой трудъ, точно также имѣетъ въ виду свою хозяйственную выгоду; а такъ какъ и онъ является свободнымъ лицомъ, слѣдовательно судьею своей собственной выгоды, то условіе можетъ состояться только тогда, когда уста-

нится обоюдное соглашеніе. При существованіи свободы труда, договоръ составляетъ необходимую форму, въ которую облекается всякое совокупное дѣйствіе.

Нѣтъ сомнѣнія, что при борьбѣ интересовъ, которая разрѣшается наконецъ обоюднымъ соглашеніемъ, выгода можетъ быть одинъ разъ болѣе на одной сторонѣ, другой разъ болѣе на другой. Но таково неизбѣжное послѣдствіе свободы; мы видѣли, что она необходимо влечетъ за собою неравенство. Промышленныя сдѣлки заключаются подъ вліяніемъ безчисленнаго множества разнообразныхъ обстоятельствъ, которыя даютъ перевѣсъ то тому, то другой сторонѣ. Уравненіе здѣсь тѣмъ менѣе возможно, что самое понятіе о выгодѣ въ значительной степени носитъ на себѣ субъективный характеръ. По существу дѣла, перевѣсъ имѣетъ всегда та сторона, которая менѣе нуждается въ другой. Но эта сторона не всегда предприниматель, какъ утверждаютъ соціалисты. Конечно, предприниматель имѣетъ то преимущество, что у него обыкновенно есть капиталъ, а потому онъ можетъ ждать, тогда какъ работнику нужно ѣсть. Но работникъ, съ своей стороны, имѣетъ то преимущество, что безъ него предприниматель можетъ обанкрутиться, а если у него есть сбереженія, то и онъ можетъ ждать, даже долѣе, нежели предприниматель. Тамъ, гдѣ требуется работа, а рабочихъ рукъ мало, перевѣсъ всегда будетъ на сторонѣ работниковъ. Притомъ предприниматель дѣйствуетъ для будущаго, и та выгода, въ виду которой онъ нанялъ работниковъ, можетъ вовсе не осуществиться, тогда какъ работникъ во всякомъ случаѣ получаетъ свою плату. Которое изъ этихъ обстоятельствъ имѣетъ болѣе вѣса при заключеніи сдѣлки, это зависитъ отчасти отъ усмотрѣнія сторонъ, но еще болѣе отъ общихъ условій, среди которыхъ они поставлены, а именно, отъ указаннаго выше отношенія капитала къ народонаселенію. Ниже мы разсмотримъ это подробнѣе; здѣсь же замѣтимъ, что самые законы, управляющіе этимъ отношеніемъ, дѣйствуютъ только при экономической свободѣ, а потому форма, въ которой они проявляются, есть все-таки свободный договоръ. Всякое уклоненіе отъ этого начала должно разсматриваться, какъ стѣсненіе свободы и нарушеніе дѣйствующихъ чрезъ посредство ея экономическихъ законовъ.

Съ неменьшею очевидностью эти начала прилагаются и къ капиталу. И тутъ необходимымъ послѣдствіемъ экономической свободы являются частная собственность и договоръ. Капиталъ, какъ мы

видѣли, составляетъ плодъ сбереженія; слѣдовательно, онъ принадлежитъ тому, кто его сберегъ. Ибо, если я въ правѣ былъ уничтожить вещь и не уничтожилъ ея, если я могъ употребить ее для своихъ потребностей, и вмѣсто того сохранилъ ее для своихъ будущихъ нуждъ, то она несомнѣнно принадлежитъ мнѣ и никому другому. Съ юридической точки зрѣнія, это опять требованіе справедливости; съ экономической же точки зрѣнія, въ этомъ заключается коренное условіе промышленнаго развитія. Никто не станетъ сберегать, если ему не присвоиваются плоды сбереженія. Какъ же скоро вещь моя, такъ я, въ силу своей свободы, какъ единственный судья своихъ собственныхъ интересовъ, имѣю право дѣлать изъ нея то экономическое употребленіе, какое мнѣ угодно: отъ меня зависитъ приложить ее къ собственному производству, передать другому ея употребленіе по обоюдному соглашенію, наконецъ, всецѣло отдать ее другому. А такъ какъ сбереженіе имѣетъ въ виду будущее, то съ нимъ неразрывно связана и передача имущества по наслѣдству. Обезпеченіе дѣтей составляетъ одно изъ главныхъ побужденій къ сбереженію; еслибы это побужденіе было отнято у человѣка, то капитализація прекратилась бы, а съ тѣмъ вмѣстѣ прекратилось бы и все экономическое развитіе общества.

Мы видимъ здѣсь новое подтвержденіе общаго закона, что свобода неизбѣжно ведетъ къ неравенству. Одинъ сберегъ больше, другой меньше, третій ничего; одинъ положилъ свой капиталъ на выгодное предпріятіе, другой употребилъ его непроизводительно. Съ переходомъ капитала изъ рукъ въ руки, и въ особенности по наслѣдству, это неравенство идетъ увеличиваясь. Чѣмъ больше капиталъ, тѣмъ болѣе открывается возможности для сбереженій. При господствѣ экономической свободы, капитализація составляетъ главный источникъ неравнаго распредѣленія богатства между людьми.

Наконецъ, въ приложеніи къ направляющей волѣ, дѣйствіе экономической свободы состоитъ въ томъ, что каждый воленъ начинать всякое предпріятіе, какое ему заблагоразсудится, ибо каждый является единственнымъ судьею своихъ силъ и средствъ. Всякое стѣсненіе въ этомъ отношеніи есть посягательство на свободу человѣка. А такъ какъ каждый затѣваетъ предпріятіе на свой рискъ, въ виду ожидаемой имъ прибыли, то полученная прибыль опять же принадлежитъ ему и никому другому, ни землевладѣльцу, который взимаетъ свою поземельную ренту, ни капиталисту, который беретъ

свой процентъ, ни работнику, который получилъ свою заработную плату, менѣе же всѣхъ обществу, которое имѣетъ право требовать вознагражденіе за оказанную имъ охрану, но которое собственно въ предпріятіи, какъ предпріятіи, ровно ни при чемъ. Тутъ все зависитъ отъ личной воли и отъ личной дѣятельности предпринимателя, а потому результаты этой дѣятельности принадлежатъ ему, а никакъ не обществу. Эти результаты опять же могутъ быть безконечно разнообразны; успѣхъ предпріятія зависитъ и отъ личныхъ качествъ предпринимателя и отъ безчисленныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Рядомъ съ громаднымъ барышемъ можетъ быть и громадный убытокъ. Но обогащеніе и разореніе равно падаютъ на самого предпринимателя, ибо онъ начиналъ предпріятіе на свой собственный страхъ. Другіе на столько могутъ быть причастны его выигрышамъ или проигрышамъ, на сколько они добровольно связали себя съ его интересами.

Такимъ образомъ, свободная промышленность, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, организуется на началахъ собственности и договора. Это—не созданный произвольно юридическій порядокъ, съ которымъ волею или неволею должно сообразоваться движеніе промышленныхъ силъ, какъ увѣряютъ соціалисты каѳедры; это—порядокъ, вызванный свободнымъ движеніемъ этихъ силъ и основывающій возникающія изъ него требованія. Юридическій законъ беретъ эти требованія подъ свою охрану, именно потому что они являются вмѣстѣ съ тѣмъ требованіями справедливости. Вѣчная правда предписываетъ воздавать каждому свое, а свое, по непзглядимому закону человѣческой природы, есть то, что пріобрѣтается путемъ свободы.

Послѣдствіе этого свободнаго движенія промышленныхъ силъ состоитъ въ томъ, что въ обществѣ являются лица съ различнымъ экономическимъ назначеніемъ: землевладѣльцы, капиталисты, предприниматели и рабочіе. Эти различныя категоріи лицъ, равно необходимыхъ въ экономической жизни, можно сравнить съ различными отправленіями организма. Также какъ въ физическомъ организмѣ, это распредѣленіе устанавливается само собою, по естественному закону, безъ всякой искусственной регламентаціи. Въ странѣ совершенно новой, гдѣ человѣческой дѣятельности не полагается никакихъ препятствій, эти разряды лицъ возникаютъ безъ всякаго внѣшняго принужденія, просто потому что они требуются экономическою жизнью. Но въ отличіе отъ физическаго организма, эти раз-

личныя отправленія не связываютъ на вѣки дѣйствующія единицы. Нужно искусственное устройство сословій или каст, чтобы закрѣпостить человѣка въ извѣстномъ состояніи. Тамъ, гдѣ признается свобода, лице можетъ, по своей волѣ, передвигаться изъ одного разряда въ другой. Свободному лицу предоставляется право занять въ обществѣ то мѣсто, на которое поставитъ его собственная его дѣятельность, и это составляетъ опять необходимое условіе высшаго экономическаго развитія, ибо только при свободѣ каждая способность можетъ найти подобающее ей мѣсто. Лице не связано тутъ даже извѣстнымъ видомъ занятій; оно можетъ соединить въ себѣ различныя дѣятельности и быть представителемъ различныхъ элементовъ производства. Нѣтъ никакой нужды, чтобы землевладѣлецъ былъ исключительно землевладѣльцемъ, капиталистъ исключительно капиталистомъ. Обыкновенно землевладѣлецъ имѣетъ и капиталы. Если онъ самъ обработываетъ свою землю, а не сдаетъ ее въ аренду, то онъ становится вмѣстѣ съ тѣмъ и предпринимателемъ. Мелкій землевладѣлецъ большею частью самъ производитъ и физическую работу. Точно также и предприниматель почти всегда обладаетъ извѣстнымъ капиталомъ, который онъ кладетъ въ свое предпріятіе. Мелкій предприниматель, ремесленникъ, арендаторъ, является вмѣстѣ и работникомъ. Наконецъ, и работникъ не ограничивается своимъ личнымъ трудомъ: какъ скоро онъ сдѣлалъ сбереженіе, такъ онъ становится въ извѣстной мѣрѣ капиталистомъ; если у него есть клочекъ земли, онъ является вмѣстѣ съ тѣмъ и землевладѣльцемъ. Сочетанія тутъ могутъ быть безконечно разнообразныя, согласно съ разнообразными условіями и требованіями жизни.

Какого рода распредѣленіе промышленныхъ силъ наиболѣе выгодно для промышленнаго производства, на этотъ счетъ нѣтъ и не можетъ быть никакого общаго закона. Все тутъ зависитъ отъ свойства существующихъ силъ и отъ тѣхъ естественныхъ или историческихъ условій, въ которыхъ онѣ находятся; а такъ какъ и то и другое можетъ быть безконечно различно, то подвести ихъ подъ общій шаблонъ нѣтъ никакой возможности. Сама жизнь должна служить здѣсь указаніемъ; но для этого опять же, по крайней мѣрѣ на высшихъ ступеняхъ, требуется одно непремѣнное условіе—свобода. Надобно, чтобы тѣ безчисленные центры дѣятельности, отъ которыхъ исходитъ все промышленное движеніе, имѣли полную возможность проявлять всѣ скрывающіяся въ нихъ силы.

Тогда только между ними установляются тѣ отношенія, которыя требуются природою и свойствами этихъ силъ, и при этомъ только условіи экономическое развитіе общества можетъ достигнуть высшей возможной для него степени совершенства. Напротивъ, всякая искусственная организація, имѣющая въ виду установить между промышленными силами иныя отношенія, нежели тѣ, которыя возникли бы изъ свободной ихъ дѣятельности, неизбѣжно влечетъ за собою подавленіе свободы, а вмѣстѣ съ тѣмъ нарушеніе экономическихъ законовъ и уменьшеніе производства, которое поражается въ самомъ своемъ корнѣ.

Къ этому именно ведетъ соціализмъ. Промышленность, предоставленную самой себѣ, по выраженію Родбертуса, соціалисты хотятъ замѣнить общею организаціею, получающею свое направленіе сверху. Съ этою цѣлью, изъ четырехъ означенныхъ дѣятелей производства, три сосредоточиваются въ рукахъ общественной власти. Общество является и землевладѣльцемъ, и капиталистомъ, и предпринимателемъ. Такова, по крайней мѣрѣ, окончательная и наиболѣе послѣдовательная форма, къ которой пришло соціалистическое ученіе. «Дѣйствительно послѣдовательная и обдуманная система соціализма, говоритъ Шеффле, находится только тамъ, гдѣ признается замѣна частнаго капитала капиталомъ общественныхъ учрежденій, установленныхъ для производства и оборота» [1]).

Не всѣ соціалисты согласны однако на счетъ того, что̀ слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ общества, въ рукахъ котораго должна сосредоточиться вся промышленная дѣятельность. Школа анархистовъ ограничивается замѣною частныхъ лицъ отдѣльными группами, или общинами, состоящими другъ съ другомъ въ свободныхъ, договорныхъ отношеніяхъ, и совершенно упраздняющими государство. Противъ этой теоріи Шеффле справедливо возражаетъ, что устройство группъ и распредѣленіе по нимъ лицъ не можетъ совершаться иначе, какъ съ помощью власти; слѣдовательно, полной анархіи и тутъ не будетъ. Но съ другой стороны, нѣтъ никакого ручательства, что договорныя отношенія между группами приведутъ къ лучшимъ результатамъ, нежели договоры отдѣльныхъ лицъ. Во всякомъ случаѣ, именно общіе интересы, наиболѣе важные, лишены тутъ представителя. Этою системою, говоритъ Шеффле, «въ замѣнъ существующей анархіи между частными лицами, ставится только, можетъ быть, еще гораздо

[1]) Bau und Leben d. soc. Körp. III, стр. 463; тоже стр. 458.

худшая анархія между группами» [1]). Очевидно, что вся эта теорія основана на полнѣйшей путаницѣ понятій. Соціалисты возстаютъ противъ существующаго порядка именно на томъ основаніи, что предоставленіе производства самому себѣ ведетъ къ анархіи, а тутъ основнымъ началомъ промышленности провозглашается таже анархія. Противорѣчіе тутъ явное.

Самъ Шеффле, вмѣсто этой анархической взаимности, предлагаетъ систему самоуправленія. По его теоріи, каждая отдѣльная отрасль должна составлять самостоятельное цѣлое, управляемое выборными отъ общества лицами [2]). Но и это ученіе грѣшитъ такимъ же внутреннимъ противорѣчіемъ, какъ и первое. Съ одной стороны, общество объявляется единымъ организмомъ, въ которомъ части состоятъ въ строгомъ подчиненіи цѣлому; утверждается, что «только устройство и направленіе общественнаго обмѣна матеріи объединенными органами воли общества рождаетъ истинное народное хозяйство» [3]); а съ другой стороны, этотъ единый организмъ разрывается на отдѣльныя части, управляемыя «независимыми другъ отъ друга центральными дирекціями отдѣльныхъ отраслей производства» [4]). Ясно, что эти отдѣльныя дирекціи, имѣя въ виду только частный интересъ своей отрасли, будутъ тянуть каждая на свою сторону. Избѣгнуть этого можно только подчинивши ихъ общему центру, представляющему интересы цѣлаго и дающему направленіе совокупному производству. Вслѣдствіе этого, самъ Шеффле, объявивши дирекціи независимыми другъ отъ друга, признаетъ однако, что для важнѣйшихъ дѣлъ «можно бы устроить высшую генеральную центральную дирекцію изъ представителей всѣхъ спеціальныхъ дирекцій» [5]). Но въ такомъ случаѣ, эта высшая генеральная центральная дирекція будетъ верховнымъ направляющимъ органомъ производства, и тогда самостоятельность отдѣльныхъ дирекцій исчезнетъ. Преслѣдуя соціалистическій идеалъ, Шеффле все таки хотѣлъ какъ нибудь примирить его съ началомъ свободы; но это можно было сдѣлать только въ ущербъ логикѣ. Отвергаемая имъ анархія отъ группъ переносится на отдѣльныя отрасли производства, гдѣ она имѣетъ еще менѣе значенія, ибо группы со-

[1]) Bau und Leben etc. III. стр. 396—398.
[2]) Тамъ же, стр. 482.
[3]) Тамъ же, стр. 381.
[4]) Тамъ же, стр. 470.
[5]) Тамъ же, стр. 483.

ставляютъ, по крайней мѣрѣ, мѣстные единичные центры, тогда какъ отдѣльныя отрасли производства, существующія въ данномъ народѣ, никакого самостоятельнаго значенія не имѣютъ, а экономически связаны со всѣми остальными. Каждая изъ нихъ производитъ не для себя только, но и для всѣхъ другихъ, и въ свою очередь получаетъ отъ нихъ все для нея потребное. Отдѣльная отрасль не есть общество; послѣднее составляется изъ совокупности отраслей. Общество же, образующее единое цѣлое, и есть то, что называется государствомъ. Поэтому, единственная послѣдовательная соціалистическая система состоитъ въ присвоеніи государству всѣхъ орудій производства и въ признаніи его общимъ руководителемъ всей промышленной дѣятельности народа.

Такова была система, предложенная Луи Бланомъ, родоначальникомъ всей этой теоріи. Того же самаго требуетъ и Родбертусъ [1]). Когда Адольфъ Вагнеръ говоритъ о вполнѣ соціалистическомъ устройствѣ народнаго хозяйства, онъ имѣетъ въ виду именно управленіе всего промышленнаго производства центральною государственною властью [2]).

И такъ, по этой теоріи, вся промышленность должна руководиться государствомъ. Ему принадлежатъ всѣ орудія производства. Оно является и землевладѣльцемъ, и капиталистомъ, и предпринимателемъ. Отдѣльному лицу оставляется только трудъ, при чемъ произведенія этого труда, по крайней мѣрѣ по ученію умѣренныхъ соціалистовъ, предоставляются работнику, однако исключительно для потребленія, а отнюдь не для капитализаціи. Работникъ имѣетъ право съѣсть то, что онъ заработалъ, но не имѣетъ права употребить свой заработокъ на полезное дѣло.

Если-бы кто нибудь предложилъ планъ, по которому всякая инициатива въ наукѣ или въ искусствѣ была бы отнята у частныхъ лицъ, и всѣ ученые и художники сдѣлались бы органами и орудіями государства, которое взяло бы на себя руководство всѣхъ ученыхъ изслѣдованій и всѣхъ художественныхъ работъ, то, безъ сомнѣнія, подобное предложеніе было бы принято за бредъ сумасшедшаго. А между тѣмъ, именно этого требуютъ соціалисты въ приложеніи къ промышленной дѣятельности, которая, точно также какъ наука и

[1]) Zur Erklärung und Abhülfe der heutigen Creditnoth etc. стр. 271—277; Zur Beleuchtung d. soc. Frage, стр. 28.

[2]) Lehrbuch der. Pol. Oek. Grundleg., § 294, стр. 528.

искусство, составляетъ проявленіе человѣческой свободы и дѣло личнаго начинанія. Какъ свободное существо, человѣкъ имѣетъ такое же право на свободную дѣятельность въ матеріальномъ мірѣ, какъ и въ мірѣ мысли, и эта свободная дѣятельность составляетъ начало всякаго промышленнаго развитія. Тутъ личная польза и общественная совпадаютъ. Человѣкъ, прилагая свою мысль и свой трудъ къ покоренію матеріальной природы, стремится къ личной своей выгодѣ; онъ хочетъ устроить свою судьбу по собственному усмотрѣнію и имѣетъ на то неотъемлемое право. Общество же въ этомъ пробужденіи личной энергіи и самодѣятельности находитъ источникъ всѣхъ достающихся ему матеріальныхъ благъ. Гдѣ нѣтъ самодѣятельности, тамъ нѣтъ и промышленнаго развитія, нѣтъ и богатства.

Введеніе соціалистическаго порядка было бы только замѣною естественнаго дѣятеля искусственнымъ, хорошаго плохимъ. Мы видѣли уже, что государство менѣе всѣхъ обладаетъ качествами, нужными для предпринимателя. Здѣсь же оно поставлено въ условія самыя невыгодныя для промышленнаго производства. Оно избавлено отъ всякаго соперничества, слѣдовательно отъ всякаго побужденія къ дѣятельности; оно не имѣетъ нужды сообразоваться и съ требованіями потребителей, ибо у потребителя нѣтъ выбора: онъ долженъ довольствоваться тѣмъ, что ему даютъ, и тѣми цѣнами, которыя ему назначаютъ. Пожалуй, онъ можетъ поднять крикъ; но черезъ это промышленность обратится въ поприще безконечныхъ пререканій, которыя могутъ только затруднить управленіе, но не въ состояніи улучшить производство. Промышленность двигается не журнальною полемикою и не парламентскими преніями, а личною энергіею и иниціативою. Если же введеніемъ соціалистическаго устройства энергія и иниціатива убиты въ гражданахъ, то откуда возьмутся онѣ въ правительствѣ? Воображать, что въ правительствѣ могутъ сохраниться качества, которыя исчезли въ обществѣ, значитъ фантазировать безъ всякаго смысла, производить что нибудь изъ ничего.

Единственнымъ результатомъ соціалистическаго устройства будетъ замѣна главнаго двигателя промышленнаго производства, личнаго интереса, бюрократическою рутиною и формализмомъ. Извѣстно, что таковы, въ большей или меньшей степени, свойства всякой бюрократіи, а тѣмъ болѣе бюрократіи, обладающей монополіею. Этому злу не помогутъ никакія системы экзаменовъ, которыми предлагаютъ замѣнить существующее въ промышленномъ мірѣ состязаніе.

Промышленная способность доказывается не экзаменомъ, а практическимъ дѣломъ. Не помогутъ также награды и преміи, которыми соціалисты хотятъ замѣнить дѣйствіе личнаго интереса. Извѣстно, что въ бюрократическомъ порядкѣ самыя награды обращаются въ рутину, или же, что еще хуже, становятся предметомъ частныхъ происковъ и протекція. Это признаютъ сами соціалисты: «Общественная организація состязанія, говоритъ Шеффле, способна къ величайшему извращенію. Въ особенности опасно въ ней предоставленіе рѣшающаго голоса мало прозорливой общественной власти, которая выбираетъ не способнѣйшихъ конкурренговъ, а какихъ нибудь любимцевъ» [1]). Никакое политическое устройство не въ состояніи предупредить это зло. Если въ самодержавіи преобладаютъ личныя интриги, то въ представительномъ правленіи къ тому же самому ведетъ господство партій. Соединенные Штаты представляютъ тому живой примѣръ. Но тутъ, по крайней мѣрѣ, безпристрастность партій находитъ сдержку въ тѣсныхъ границахъ, предоставленныхъ правительственной дѣятельности Если же личный интересъ, подавленный въ частной сферѣ, не будетъ имѣть иного исхода, какъ государственное управленіе, и этому управленію будутъ настежъ открыты карманы всѣхъ и каждаго, то грабительству не будетъ конца. Едва ли можно представить себѣ что нибудь ужаснѣе, какъ эксплуатація всего матеріальнаго богатства страны и всего благосостоянія частныхъ лицъ въ пользу владычествующей партіи. А къ этому именно ведетъ соціализмъ.

Неизбѣжное при соціалистическомъ устройствѣ умаленіе производства усилится еще тѣмъ, что вмѣстѣ съ личною самодѣятельностью будетъ подавлено и стремленіе къ сбереженію. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, сберегать, когда государство является не только единственнымъ предпринимателемъ, но и единственнымъ капиталистомъ? Всѣ орудія производства находятся въ его рукахъ; портной не смѣетъ пріобрѣсти себѣ иголку, плотникъ топоръ, земледѣлецъ соху. Соціалисты не говорятъ, имѣетъ ли сочинитель право писать своими перьями, или онъ непремѣнно обязанъ употреблять казенныя. Выше уже было указано на то, что подобное ограниченіе представляетъ отрицаніе права собственности, а вмѣстѣ и подрывъ семьи, неразрывно связанной съ наслѣдственною передачею пріобрѣтеннаго. Съ экономической же

[1]) Bau und Leben d. soc. Körp., II, стр. 421.

точки зрѣнія, подобная система ведетъ къ уничтоженію важнѣйшихъ побужденій къ труду и къ накопленію капиталовъ; слѣдовательно, она составляетъ существенный подрывъ всему промышленному производству. Человѣкъ перестаетъ имѣть въ виду будущее, обращать свои взоры въ даль, заботиться объ обезпеченіи своихъ дѣтей; онъ ограничивается настоящимъ днемъ. Всю заботу о будущемъ беретъ на себя всеобщій опекунъ и предприниматель, государство. Оно сберегаетъ за всѣхъ, но сберегаетъ особеннымъ образомъ. Когда частный человѣкъ дѣлаетъ сбереженіе, онъ ограничиваетъ собственное потребленіе и часть своего дохода откладываетъ для будущаго производства; тутъ есть нравственный моментъ. Государство же, сберегая, ограничиваетъ не собственное потребленіе, а потребленіе гражданъ. По сочиненному соціалистами рецепту, государство, простымъ распоряженіемъ или бухгалтерскимъ переводомъ сперва выдѣляетъ изъ общаго народнаго дохода то, что нужно на общественныя потребности, на возобновленіе и умноженіе капитала, и затѣмъ уже остальное распредѣляетъ между гражданами [1]). Спрашивается: много ли остается?

Останется тѣмъ меньше, чѣмъ больше потребуется для возобновленія потраченнаго капитала, въ сравненіи съ частною предпріимчивостью. Работникъ, работающій чужими орудіями, не имѣетъ интереса въ ихъ сохраненіи; нуженъ хозяйскій глазъ, а тутъ онъ замѣняется надзоромъ чиновниковъ, имѣющихъ столь же мало интереса въ дѣлѣ. Не поможетъ и система премій и наградъ за сохраненіе орудій. Эта система въ частныхъ предпріятіяхъ приноситъ нѣкоторую пользу, но она не можетъ замѣнить хозяйскаго глаза, а при общемъ господствѣ чиновничества, и она легко обратится въ бюрократическій формализмъ. Во всякомъ случаѣ, отсутствіе хозяина, этого существеннѣйшаго элемента всякаго предпріятія, непремѣнно должно отразиться на большей тратѣ капитала.

Съ другой стороны, не можетъ не замедлиться даже естественное въ прогрессивномъ обществѣ умноженіе капиталовъ, ибо соціалистическое устройство въ самомъ корнѣ поражаетъ не только трудъ, но и изобрѣтательность. По закону справедливости, новое орудіе принадлежитъ тому, кто его изобрѣлъ, и это составляетъ одно изъ сильнѣйшихъ побужденій

---

[1]) Rodbertus: Zur Beleuchtung etc., стр. 29; Zur Erklärung und Abhülfe etc., стр. 271 и слѣд.; Schäffle: Bau und Leben d. soc. Körp., IV, стр. 224, 229.

къ изобрѣтеніямъ. Здѣсь же изобрѣтателю воспрещается обладаніе какимъ бы то ни было орудіемъ; онъ не можетъ надѣяться и на частную предпріимчивость, которая, при существующемъ порядкѣ, беретъ испытаніе на свой рискъ и старается о введеніи новыхъ изобрѣтеній съ цѣлью получить перевѣсъ надъ соперниками. При соціалистическомъ устройствѣ, изобрѣтателю предоставляется только право представить свое изобрѣтеніе правительству, въ надеждѣ получить награду. Онъ долженъ подчиниться суду чиновниковъ, которые, съ одной стороны, не въ правѣ рисковать казенною собственностью, а съ другой стороны, не имѣютъ никакого интереса въ томъ, чтобы введено было новое производство, но весьма часто, напротивъ, заинтересованы въ томъ, чтобы оно не было введено, ибо этимъ нарушается господствующая рутина и причиняются новыя хлопоты. Понятно, что при такихъ условіяхъ, изобрѣтательности полагается предѣлъ; вмѣсто поощренія, она испытываетъ задержку.

Наконецъ, и въ приложеніи къ землѣ, отсутствіе хозяина не можетъ не отразиться вредно на производствѣ. Извѣстно, какое сильное побужденіе къ труду составляетъ частная собственность. Особенно мелкій собственникъ старается извлечь все, что можетъ, изъ принадлежащаго ему клочка земли. При соціалистическомъ порядкѣ, и этотъ элементъ отпадаетъ, а потому производство неизбѣжно должно уменьшиться.

Такимъ образомъ, уничтоженіе личной самодѣятельности и личной собственности, неизбѣжно связанное съ водвореніемъ соціалистическаго строя, не можетъ не дѣйствовать гибельно на производство. Тамъ, гдѣ исчезаетъ главная пружина движенія, нельзя ожидать, что движеніе останется такимъ же, какъ и прежде. Можно, сколько угодно, мечтать о замѣнѣ этой пружины другими; все это остается праздною мечтою, не имѣющею основанія ни въ теоріи, ни въ жизни.

Соціалисты каѳедры, не потерявшіе всякаго чувства правды и не закрывающіе совершенно глаза на дѣйствительность, не думаютъ даже это отрицать. Они готовы признать, что съ введеніемъ соціалистическаго порядка, производство можетъ уменьшиться; но они утверждаютъ, что отъ этого выиграетъ распредѣленіе богатства, которое гораздо важнѣе, ибо оно составляетъ цѣль производства [1]).

[1]) A. Wagner: Grundlegung. § 108, стр. 139. Samter: Das Eigenthum стр. 407, 415.

Ниже мы увидимъ, какими законами управляется распредѣленіе богатства; мы покажемъ, что то уравненіе, къ которому стремятся соціалисты, ничто иное какъ равенство безправія и нищеты. Здѣсь достаточно сказать, что промышленнымъ успѣхомъ можетъ считаться лишь такое распредѣленіе богатства, которое не уменьшаетъ производства, ибо окончательно все зависитъ отъ послѣдняго. Производство есть первое, а распредѣленіе второе. Надобно сначала произвести достаточное количество вещей, а затѣмъ уже распредѣлять произведенное. Умалять же производство въ виду лучшаго распредѣленія, все равно, что рубить дерево, чтобы снять съ него плодъ. Это— образъ дѣйствія дикихъ народовъ. Такое извращеніе истинныхъ задачъ народнаго хозяйства тѣмъ менѣе умѣстно, что даже и настоящее производство, при самомъ уравнительномъ распредѣленіи, по признанію самихъ соціалистовъ, было бы совершенно недостаточно для удовлетворенія всѣхъ человѣческихъ потребностей. «Теперь достовѣрно извѣстно, говоритъ Ланге, что масса наличныхъ благъ, раздѣленная между нуждающимися милліонами, никого бы не сдѣлала счастливымъ» [1]). Что же будетъ съ уменьшеніемъ производства?

Главная забота правительства, при такомъ порядкѣ, должна будетъ состоять въ томъ, чтобы народонаселеніе не возрастало быстрѣе, нежели жизненныя средства; иначе произведеній не достанетъ на всѣхъ. Эта забота будетъ лежать именно на немъ, а не на самихъ гражданахъ, ибо съ водвореніемъ соціализма государство взяло на себя всеобщее производство и удовлетвореніе всѣхъ потребностей. Оно уничтожило въ гражданахъ самодѣятельность; оно запретило имъ заботиться о будущемъ, обезпечивать судьбу своихъ дѣтей. Этимъ самымъ, въ сущности, подорвана семья. Человѣкъ остался производителемъ дѣтей, но судьба произведенныхъ имъ на свѣтъ зависитъ не отъ него, не отъ того, что онъ для нихъ сдѣлаетъ, а отъ того, что они получаютъ отъ общества. При такихъ условіяхъ, нравственныя сдержки размноженія, заключающіяся въ необходимости обезпечить дѣтей, исчезаютъ. А такъ какъ задержать размноженіе въ виду уменьшеннаго производства необходимо, то забота объ этомъ всецѣло ляжетъ на правительство, которое, какъ всеобщій производитель, одно можетъ расчесть, какое количество народонаселенія способенъ пропитать получаемый имъ доходъ. Разрушивши семью,

[1]) Die Arbeiterfrage, стр. 289—290 (1879).

снявши съ человѣка попеченіе о дѣтяхъ, оно принуждено будетъ само вмѣшиваться въ семейныя дѣла, ограничивать браки, регулировать половое сожительство. И въ этомъ, единственномъ оставшемся у человѣка производствѣ, личная инициатива должна будетъ подчиниться правительственному контролю.

Понятно, какая нестерпимая тиранія должна водвориться при такомъ общественномъ устройствѣ. Повидимому, цѣль соціализма состоитъ въ томъ, чтобы поднять достоинство человѣка: всякая частная зависимость прекращается, и остается одно служеніе обществу [1]). Но въ дѣйствительности, эта перемѣна состоитъ лишь въ замѣнѣ свободныхъ частныхъ отношеній подчиненіемъ правительственной регламентаціи и произволу бюрократіи. Въ частномъ договорѣ, работникъ является одною изъ договаривающихся сторонъ, равною съ другою. Онъ самъ заявляетъ о своихъ условіяхъ и нерѣдко въ состояніи на нихъ настоять; если онъ недоволенъ, онъ можетъ отойдти и искать себѣ работы у другаго хозяина. Здѣсь же нѣтъ другаго предпринимателя, кромѣ государства: поэтому у работника нѣтъ выбора: онъ долженъ поступить рабочимъ въ казенное предпріятіе, на тѣхъ условіяхъ, какія ему будутъ положены. Частный предприниматель самъ въ значительной степени зависитъ отъ рабочихъ, ибо, если у него не будетъ рабочихъ, то онъ разорится; государство же никогда не разорится и можетъ спокойно ожидать, чтобы голодающіе рабочіе приняли его условія. Высота заработной платы зависитъ здѣсь не отъ обоюдной сдѣлки, а отъ того, что остается за удовлетвореніемъ всѣхъ общественныхъ потребностей. Частный предприниматель сначала удовлетворяетъ рабочихъ, и затѣмъ уже, за вычетомъ издержекъ, получаетъ свой доходъ; государство, напротивъ, сначала беретъ себѣ то, что ему нужно для возмѣщенія издержекъ и для умноженія капитала, и затѣмъ уже остальное распредѣляетъ между рабочими. И это распредѣленіе производится исключительно по его усмотрѣнію. Оцѣнка труда по его качеству зависитъ либо отъ рѣшенія чиновниковъ, вовсе не заинтересованныхъ въ выгодахъ предпріятія, либо, что еще хуже, отъ голоса рабочихъ, заинтересованныхъ въ томъ, чтобы другой не получалъ большей платы, въ ущербъ имъ самимъ. Недовольному закрыта всякая возможность протеста. Онъ не можетъ ни искать себѣ другаго хозяина, ибо другаго хозяина нѣтъ, ни самъ сдѣлаться

[1]) Schäffle: Bau und Leben d. soc. Körp., I., стр. 197—198 и др.

предпринимателемъ, ибо это ему воспрещено. Единственный исходъ для рабочаго, единственная для него возможность выйдти изъ подчиненнаго положенія, это—вступить въ разрядъ чиновниковъ. Поэтому, въ противоположность тому, что происходитъ при существованіи частной предпріимчивости, интересъ рабочаго класса будетъ состоять въ безмѣрномъ размноженіи чиновничества. За это будутъ стоять всѣ, чувствующіе въ себѣ какія нибудь способности, и только сознающіе себя совершенно неспособными будутъ противъ. А это опять же не можетъ не отразиться пагубно на производствѣ, тѣмъ болѣе, что именно на этомъ полѣ будутъ разыгрываться всѣ человѣческія страсти.

Какое же значеніе можетъ имѣть при такомъ порядкѣ свобода въ выборѣ занятій, которая будто бы предоставляется отдѣльнымъ лицамъ, а равно и заработокъ, который присвоивается имъ, какъ собственность? Человѣкъ можетъ выбирать себѣ какое угодно занятіе, но отъ единственнаго хозяина, государства, зависитъ принимать его или нѣтъ. Государство опредѣляетъ, какое количество рабочихъ ему нужно въ каждой отрасли, а такъ какъ рабочіе находятся совершенно въ его рукахъ, то и распредѣленіе зависитъ вполнѣ отъ него. Если въ извѣстной отрасли есть лишніе, то оно просто перемѣщаетъ ихъ въ другую, гдѣ недостаетъ рабочихъ силъ. При частной предпріимчивости, рабочіе сами стремятся туда, гдѣ есть недостатокъ, ибо тамъ имъ предлагаются болѣе выгодныя условія; но при соціалистическомъ производствѣ условія вездѣ одинаковы, и перемѣщеніе зависитъ не отъ воли или выгоды рабочихъ, а исключительно отъ усмотрѣнія государства. Рабочій, волею или неволею, долженъ подчиняться, ибо у него нѣтъ инаго исхода; государство же, съ своей стороны, имѣетъ не только право, но и обязанность распоряжаться работою по своему усмотрѣнію, ибо, сдѣлавшись единственнымъ предпринимателемъ, оно взяло на себя обязанность всѣмъ давать работу и устроить эту работу такъ, чтобы всѣ потребности были удовлетворены. Такимъ образомъ, все находится въ его рукахъ. Свободный выборъ занятій, при такой монополіи, обращается въ фикцію. Рабочій имѣетъ право требовать, чтобы ему давали работу, и притомъ на одинакихъ съ другими условіяхъ; но какую работу ему дадутъ, это зависитъ отъ воли государства.

Къ уничтоженію свободы труда ведетъ и самый способъ опредѣленія заработной платы. Въ соціалистическомъ производствѣ, зара-

болокъ опредѣляется не частною сдѣлкою между хозяиномъ и работникомъ, а долею участія каждаго въ совокупномъ производствѣ. Изъ народнаго дохода выдѣляется то, что нужно для общихъ потребностей, и затѣмъ остальное распредѣляется между рабочими. Слѣдовательно, доля каждаго зависитъ отъ работы всѣхъ другихъ. А потому каждый имѣетъ право требовать, чтобы всѣ другіе работали такъ, чтобы онъ могъ удовлетворить своимъ потребностямъ. Но какъ скоро возникаетъ подобное требованіе, такъ работа необходимо становится принудительною. Соціалистическимъ производствомъ устанавливается всеобщая солидарность, а всеобщая солидарность влечетъ за собою всеобщее принужденіе, ибо тутъ возникаютъ юридическія требованія всѣхъ на каждаго и каждаго на всѣхъ. Свобода лица исчезаетъ совершенно. А такъ какъ свободный трудъ производительнѣе невольнаго, то и съ этой стороны неизбѣжно происходитъ уменьшеніе производства.

Не всѣ соціалисты рѣшаются признать эти послѣдствія своей теоріи. Шеффле, напримѣръ, возмущается противъ всемогущества государства и объявляетъ соціализмъ, подавляющій свободу, «безуміемъ и убійствомъ въ отношеніи къ цивилизаціи» [1]). Изъ стремленія сочетать свободу съ соціализмомъ возникаютъ изложенныя выше ученія анархистовъ и поборниковъ самоуправленія. Но самая несостоятельность этихъ попытокъ указываетъ на несовмѣстимость *обоихъ* началъ. Болѣе послѣдовательные соціалисты не обманываютъ себя на этотъ счетъ. Вмѣсто идиллическихъ изображеній свободы, они свой идеальный бытъ прямо приравниваютъ къ деспотизму. Такъ напримѣръ, Родбертусъ, желая показать характеръ соціалистическаго производства, начинаетъ съ изображенія восточнаго деспота, «собственника земли и людей», распоряжающагося тѣмъ и другимъ по своему произволу. На мѣсто «этой единой собственности единаго деспота», говоритъ онъ, представьте себѣ землю и произведенія, принадлежащія совокупно народу, который руководитъ производствомъ совершенно также, какъ дѣлаетъ восточный деспотъ черезъ своихъ слугъ, и также полновластно распоряжается всѣми производительными средствами, какъ органы старо-персидскаго монарха въ силу его права собственности [2]). Очевидно, что при

[1]) Bau und Leben d. soc. Körp. III. стр. 541.

[2]) Zur Erklärung und Abhülfe d. heut. Creditnoth etc., стр. 271—277.

такой системѣ, о свободѣ не можетъ быть рѣчи. Люди, равно какъ и земля, принадлежатъ новому деспоту—народу. И чѣмъ меньше лицу предоставляется простора, тѣмъ, по этой теоріи, лучше. «Чѣмъ централизованнѣе организмъ, говоритъ Родбертусъ, тѣмъ онъ совершеннѣе» [1]).

Къ чему же служитъ заработокъ при такомъ порядкѣ? Единственная его цѣль заключается въ удовлетвореніи потребностей, ибо сбереженіе тутъ неумѣстно, капитализація воспрещена. Собственникъ остается исключительно потребителемъ. Но какое положеніе потребителя при соціалистическомъ устройствѣ? Въ частномъ производствѣ, потребитель является судьею производителя: онъ предъявляетъ свои требованія; онъ предлагаетъ свою цѣну. Вся задача производителя состоитъ въ томъ, чтобы угодить потребителю; если онъ не умѣетъ этого сдѣлать, онъ разоряется. Конкурренція производителей и преимущество однихъ передъ другими основаны единственно на томъ, что одни лучше другихъ умѣютъ достигнуть этой цѣли. При соціалистическомъ производствѣ, напротивъ, потребитель становится въ полную зависимость отъ производителя. Государство не разорится оттого, что оно не умѣетъ угодить потребителямъ. Самое потребленіе, также какъ и производство, находится въ его рукахъ. Оно опредѣляетъ, что̀ потребителямъ нужно, и по какой цѣнѣ они должны брать произведенія. Выбора у нихъ нѣтъ; они имѣютъ передъ собою монополиста, который заставляетъ ихъ дѣлать изъ полученнаго ими заработка то употребленіе, которое нравится не имъ, а ему. Вспомнимъ приведенныя выше слова Шеффле: «дѣло идетъ, говоритъ онъ, не о томъ, чтобы просто свести къ общему итогу личныя, то есть часто въ высшей степени неразумныя и вредныя для общества потребности, и признать ихъ, не заботясь объ общественныхъ интересахъ. Нѣкоторыя потребности слѣдуетъ отчасти исключить, отчасти затруднить. Другія надобно ввести и облегчить. Личной свободѣ потребностей должно положить границы, узду и побужденія въ интересахъ сохраненія цѣлаго» [2]). Шеффле прямо даже признаетъ потребленіе общественнымъ дѣломъ. «Цѣль потребленія, говоритъ онъ, состоитъ въ полученіи соціально употребимой силы

---

[1]) Zur Erklärung und Abhülfe der heutigen Creditnoth des Grundbesitzes, стр. 279, прим.

[2]) Bau und Leben des soc. Körpers, III, стр. 320.

и въ извлеченіи соціальной пользы изъ персонала и изъ имущества» [1]).

Но если лицо, относительно удовлетворенія своихъ нуждъ, вполнѣ зависитъ отъ общества, то съ другой стороны, въ силу самаго этого начала, оно обращается къ обществу съ требованіемъ, чтобы оно удовлетворяло этимъ нуждамъ. При всеобщей солидарности, заработокъ, какъ мы видѣли, зависитъ не отъ работы лица, а отъ работы всѣхъ. Онъ получается изъ общаго дохода отъ совокупнаго, руководимаго государствомъ производства. Заработокъ представляетъ не только участіе каждаго въ этой совокупной работѣ, но и требованіе, обращенное къ государству, чтобы работа всѣхъ была достаточна для удовлетворенія нуждъ. Мало того: требованія лица идутъ еще далѣе. Кромѣ платы за работу, государство обязано ему и помощью; на него падаетъ все, что при свободномъ устройствѣ совершается благотворительностью, человѣколюбіемъ, милосердіемъ, дружбою. Сдѣлавшись единственнымъ предпринимателемъ, снявши съ гражданъ попеченіе о будущемъ, оно взяло на себя обязанность удовлетворять всѣмъ ихъ потребностямъ, а потому они имѣютъ право требовать, чтобы оно исполняло эту обязанность вполнѣ. Вслѣдствіе этого, общій фондъ становится источникомъ для удовлетворенія всѣхъ возможныхъ нуждъ, и заработная плата перестаетъ быть мѣриломъ этого удовлетворенія. Каждый работаетъ для государства по его указаніямъ, а въ замѣнъ того получаетъ отъ государства все для него потребное. Соціалистическое производство послѣдовательно влечетъ за собою соціалистическое потребленіе. Соціализмъ становится коммунизмомъ.

Значительная часть соціалистовъ отрекается отъ коммунизма. Съ соціалистическимъ производствомъ они хотятъ совмѣстить свободу и собственность. Нѣкоторые считаютъ даже клеветою, когда соціалистовъ обвиняютъ въ отрицаніи этихъ началъ. Но мы видѣли уже, что при соціалистическомъ производствѣ свобода и собственность обращаются въ призракъ. Государство беретъ себѣ все: и землю, и капиталъ, и предпріятіе, оставляя человѣку одинъ личный трудъ, которымъ оно же располагаетъ по произволу. Самое потребленіе и дѣторожденіе ограничиваются государствомъ. При такихъ условіяхъ, одно, что можетъ сдѣлать человѣкъ, это обратиться къ нему съ требованіемъ, чтобы оно взяло на себя и удовлетвореніе всѣхъ его нуждъ. Человѣкъ сдѣлался рабомъ общества; оно обязано его кормить. Въ этомъ и

[1]) Bau und Leben d. soc. Körp. II, стр. 237.

состоитъ коммунизмъ, который составляетъ крайнее, но послѣдовательное приложеніе соціалистическихъ началъ.

Нѣтъ сомнѣнія однако, что коммунизмъ ничто иное, какъ высшее выраженіе того внутренняго противорѣчія, которое лежитъ въ основаніи всѣхъ соціалистическихъ стремленій. Коммунизмъ ставитъ себѣ цѣлью возвеличеніе человѣка, и обращаетъ его въ раба; онъ провозглашаетъ высшее нравственное начало, братство, и дѣлаетъ это начало принудительнымъ, то есть, лишаетъ его нравственнаго характера; онъ хочетъ удовлетворить всѣмъ человѣческимъ потребностямъ, и уничтожаетъ всякое побужденіе къ труду, слѣдовательно дѣлаетъ невозможнымъ сколько нибудь широкое удовлетвореніе потребностей. Всякое одностороннее начало заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, ибо оно пытается частью замѣнить цѣлое, сохранить полноту жизни, выкинувши изъ нея одну половину. Но одностороннее развитіе начала, уже самого по себѣ ложнаго, ведетъ къ крайнему противорѣчію. Коммунизмъ есть отрицаніе всей личной половины человѣческой природы, то есть, именно того, что дѣлаетъ человѣка единичнымъ существомъ. Но такъ какъ природу уничтожить невозможно, то насильственно подавленная личность неизбѣжно проявится инымъ путемъ: она выразится въ стремленіи каждаго пользоваться какъ можно болѣе общественнымъ достояніемъ, внося въ него какъ можно менѣе съ своей стороны. Чѣмъ недобросовѣстнѣе человѣкъ, тѣмъ легче это сдѣлать. Тутъ въ накладѣ будутъ не худшіе, а лучшіе элементы. Коммунизмъ, по мѣткому выраженію Прудона, есть эксплуатація сильнаго слабымъ, и не въ матеріальномъ только смыслѣ, а также и въ нравственномъ: это—эксплуатація добросовѣстнаго недобросовѣстнымъ. Только высшее религіозное одушевленіе, доводящее человѣка до полнаго самоотреченія, можетъ противодѣйствовать этому злу. Поэтому коммунистическія общества встрѣчаются лишь между людьми, отрекающимися отъ всякихъ мірскихъ помысловъ во имя цѣлей загробныхъ. Но непремѣнное условіе для существованія такихъ обществъ состоитъ въ томъ, чтобы они были добровольныя. Къ государственнымъ учрежденіямъ такое устройство неприложимо. Какъ скоро вводится юридическое начало, такъ коммунизмъ обращается въ рабство.

Прудонъ весьма хорошо сознавалъ всю эту внутреннюю несостоятельность коммунистическихъ теорій. «Недостатки коммунизма, говоритъ онъ, до такой степени очевидны, что критикамъ никогда не

нужно было употреблять много краснорѣчія, чтобы отвратить отъ него людей. Неисправимость его несправедливостей, насиліе, оскорбленное имъ человѣческимъ сочувствіямъ и отвращеніямъ, желѣзное иго, которое онъ налагаетъ на волю, нравственная пытка, которой онъ подвергаетъ совѣсть, атонія, въ которую онъ погружаетъ общество, однимъ словомъ, то блаженное и тупое однообразіе, которымъ оно оцѣпляетъ свободную, дѣятельную, разсуждающую и непокорную личность человѣка, возмутили всеобщій здравый смыслъ и безвозвратно осудили общеніе имуществъ» [1]).

Послѣ этого можно только удивляться, когда Милль, ссылаясь на возможность усиленія нравственныхъ побужденій въ человѣчествѣ, утверждаетъ, что въ настоящее время нельзя еще рѣшить вопроса о преимуществахъ коммунизма или индивидуализма, а потому нельзя еще положительно сказать, что коммунизмъ не будетъ окончательною и высшею формою человѣческаго общежитія [2]). Подобное сужденіе, со стороны столь замѣчательнаго писателя, служитъ только доказательствомъ, что самыя простыя и очевидныя истины перестали быть понятны современнымъ мыслителямъ.

Въ настоящее время, какъ уже и давно прежде, можно утвердительно сказать, что коммунизмъ неспособенъ сдѣлаться, не только окончательною, но даже и переходною ступенью человѣческаго общежитія, по той простой причинѣ, что человѣкъ никогда не можетъ перестать быть свободнымъ лицемъ, то есть, самостоятельнымъ центромъ жизни и дѣятельности. Порабощеніе его обществу столь же противно его природѣ, какъ и порабощеніе его отдѣльному лицу. И если послѣднее возможно на низшихъ ступеняхъ человѣческаго развитія, то первое невозможно ни на какой ступени, ибо общество само состоитъ изъ лицъ, слѣдовательно это устройство должно разрушиться собственнымъ внутреннимъ противорѣчіемъ. Для всякаго, кто способенъ къ ясному мышленію, коммунизмъ представляется теоретически нелѣпостью, а практически невозможностью. Онъ принадлежитъ къ разряду чистыхъ утопій.

Нельзя лучше закончить эту критику, какъ опять же словами Прудона, который безпощадно громилъ соціалистовъ, дѣлая исключеніе только для себя одного: «вы сказали правду, воскликаетъ

[1]) Qu'est ce que la propriété, ch. V. Seconde partie, § 2.
[2]) Основанія Пол. Эк., кн. II. гл. 1.

онъ, коммунизмъ составляетъ роковой исходъ соціализма! Но именно поэтому соціализмъ есть ничто, никогда ничѣмъ не былъ и никогда ничѣмъ не будетъ; ибо коммунизмъ, это—отрицаніе въ природѣ и въ духѣ, отрицаніе въ прошедшемъ, въ настоящемъ и въ будущемъ» [1]).

[1]) Contradictions économiques. ch. XII. § 6.

ГЛАВА VI.

ПОЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ.

Передача всѣхъ орудій производства въ руки государства проповѣдуется явными и послѣдовательными соціалистами, которые отдѣльное лице ставятъ ни во что, требуя всецѣлаго подчиненія его обществу. Но есть философы и экономисты, которые не рѣшаются идти такъ далеко, а останавливаются на полудорогѣ. Движимый капиталъ они не считаютъ возможнымъ отнять у лица, ибо капиталъ есть произведеніе собственной дѣятельности человѣка; но поземельная собственность, по ихъ мнѣнію, должна принадлежать обществу, какъ цѣлому, такъ какъ силы природы, по существу своему, составляютъ общую принадлежность человѣчества.

«Когда толкуютъ о святости права собственности, говоритъ Миллъ, то слѣдовало бы всегда припоминать, что поземельной собственности эта святость не принадлежитъ въ одинакой степени съ остальною. Человѣкъ не создалъ земли. Она составляетъ первоначальное достояніе всего человѣческаго рода. Есть начала общественной пользы, въ силу которыхъ земля сдѣлалась собственностью отдѣльныхъ лицъ. Но еслибы эти основанія потеряли свое значеніе, то подобное учрежденіе было бы несправедливо. Никто не можетъ считать притѣсненіемъ, если онъ исключается изъ того, что произвели другіе. Они не были обязаны производить эти вещи для его употребленія, и онъ ничего не теряетъ, не участвуя въ томъ, что безъ этого бы не существовало. Но притѣсненію подвергается тотъ, кто рождается на землѣ и находитъ уже всѣ дары природы въ исключительномъ обла-

даніи другихъ, такъ что новому пришельцу не остается болѣе мѣста» [1]).

Изъ этого Миль выводитъ, что поземельная и движимая собственность управляются разными началами. Права землевладѣльцевъ всегда подчиняются общей политикѣ государства. Собственно говоря, они имѣютъ право не на землю, а единственно на вознагражденіе за тѣ связанные съ землею интересы, которыхъ они лишаются въ случаѣ принудительнаго отчужденія.

Къ концу своей жизни, Милль, болѣе и болѣе проникаясь соціалистическими началами, совершенно склонился на сторону націонализаціи поземельной собственности. Онъ указывалъ на то, что присвоенная государства поземельная рента могла бы замѣнить всѣ другія подати.

Еще далѣе идетъ Спенсеръ. Отправляясь отъ того положенія, что «каждый воленъ дѣлать все, что хочетъ, лишь бы онъ не нарушалъ равной свободы всякаго другаго», онъ выводитъ отсюда, что «никто не имѣетъ права пользоваться землею такъ, чтобы мѣшать другимъ пользоваться ею одинакимъ образомъ, ибо это значитъ присвоивать себѣ большую свободу, нежели другіе, слѣдовательно нарушать законъ. Поэтому справедливость, говоритъ Спенсеръ, не допускаетъ права собственности на землю. Ибо, если одна часть поверхности земли можетъ справедливо сдѣлаться собственностью отдѣльнаго лица, и можетъ держаться имъ для исключительнаго его употребленія и пользы, то и другія части земной поверхности можно держать такимъ же образомъ; слѣдовательно и совокупность земной поверхности можетъ находиться въ томъ же положеніи, такъ что вся наша планета можетъ попасть въ частныя руки». Но при такомъ устройствѣ, всѣ тѣ, которые не состоятъ землевладѣльцами, не будутъ имѣть никакого права на землю и будутъ находиться на ней только въ силу терпимости. Ихъ можно даже совсѣмъ вытѣснить съ земнаго шара. Слѣдовательно, они не будутъ пользоваться равною съ другими свободою [2]).

Спенсеръ не хочетъ признать самый трудъ правомѣрнымъ источникомъ поземельной собственности. «Что ты сдѣлалъ? спрашиваетъ космополитъ у земледѣльца, присвоившаго себѣ пустопорожній участокъ. Ты

---

[1]) Основанія Пол. Эк. кн. II, гл. 2, § 6.

[2]) Social Statics, ch. IX, §§ 1, 2.

перевернулъ почву на нѣсколько вершковъ глубины лопатою или сохою; ты на приготовленномъ такимъ образомъ пространствѣ разбросалъ нѣсколько сѣмянъ и собралъ плоды, которые солнце, дождь и воздухъ помогли землѣ произрасти. Скажи же мнѣ, пожалуйста, какимъ волшебствомъ эти дѣйствія сдѣлали тебя единственнымъ обладателемъ этой огромной массы матеріи, имѣющей основаніемъ поверхность твоего владѣнія, а вершиною центръ земли?» И когда земледѣлецъ отвѣчаетъ, что эти земли принадлежатъ ему, потому что онъ первый ихъ открылъ и улучшилъ, то космополитъ возражаетъ, что все это очень хорошо, пока не явился настоящій хозяинъ, человѣческій родъ, которому земля дана Богомъ, какъ общее его наслѣдіе, точно также какъ человѣкъ, занявшій и отдѣлавшій пустой домъ, долженъ уступить его, какъ скоро явился настоящій наслѣдникъ, и можетъ только требовать вознагражденія за сдѣланныя имъ улучшенія.

Даже согласіе всѣхъ наслѣдниковъ не можетъ, по мнѣнію Спенсера, служить правомѣрнымъ основаніемъ раздѣла. Ибо кто получитъ раздѣленные участки? Всѣ совершеннолѣтніе? Но тогда что дѣлать съ малолѣтними, а равно и съ тѣми, которые родятся завтра? Они будутъ лишены наслѣдія, слѣдовательно не будутъ пользоваться равною съ другими свободою. «И такъ, заключаетъ Спенсеръ, пока мы не можемъ представить законнаго полномочія, дающаго намъ право сдѣлать подобное распредѣленіе, пока не будетъ доказано, что Богъ далъ одну хартію привилегій одному поколѣнію, а другую другому, пока мы не можемъ доказать, что люди, родившіеся послѣ извѣстнаго числа, должны быть осуждены на рабство, до тѣхъ поръ мы должны признать, что подобный раздѣлъ непозволителенъ» [1].

Спенсеръ не допускаетъ даже совмѣстнаго существованія общественной и частной поземельной собственности. Онъ издѣвается надъ людьми, имѣющими страсть къ компромиссамъ и вѣчно стремящимися къ тому, чтобы къ истинѣ примѣшать немного лжи. «Въ дѣлѣ поземельной собственности, говоритъ онъ, приговоръ нравственности долженъ быть ясное д а или н ѣ т ъ. Или люди и м ѣ ю т ъ право дѣлать землю своею частною собственностью или н е и м ѣ ю т ъ. Тутъ нѣтъ середины».

---

[1]) Social Statics. ch IX. §§ 4. 5.

Однакоже, насмѣявшись вдоволь надъ людьми, ищущими середины между крайностями, онъ самъ не рѣшается послѣдовательно провести свое начало до конца. Вмѣсто того чтобы присвоить землю всему человѣческому роду, какъ требовалось бы теоріею, онъ переноситъ только право собственности съ отдѣльныхъ лицъ на общество, и притомъ такъ, что послѣднее является землевладѣльцемъ, а первые арендаторами. «Черезъ это, говоритъ онъ, сохраняется равновѣсіе между двумя крайностями». При этомъ онъ признаетъ, что подобная замѣна частной поземельной собственности общественною сопряжена съ громадными затрудненіями, ибо надобно вознаградить настоящихъ владѣльцевъ. «Если бы, замѣчаетъ онъ, мы имѣли дѣло съ лицами, которые первоначально похитили наслѣдство у человѣческаго рода, мы могли бы коротко расправиться съ этимъ дѣломъ. Но къ сожалѣнію, большая часть настоящихъ нашихъ землевладѣльцевъ— люди, которые посредственно или непосредственно—или собственными дѣйствіями, или дѣйствіями своихъ предковъ—дали за свои владѣнія равносильное количество честно пріобрѣтеннаго богатства, воображая, что они свои сбереженія употребляютъ законнымъ путемъ. Справедливо оцѣнить и ликвидировать претензіи этихъ лицъ, составляетъ одну изъ самыхъ затруднительныхъ задачъ, которыя придется разрѣшить обществу. Но, заключаетъ Спенсеръ, до этого затрудненія и до возможности изъ него выпутаться, отвлеченной нравственности нѣтъ дѣла. Разъ что люди застряли въ этой дилеммѣ вслѣдствіе неповиновенія закону, они должны выкарабкиваться изъ нея, какъ могутъ» [1]). Безъ сомнѣнія, весьма легкій и достойный мыслителя способъ разрѣшенія задачи!

Болѣе практическія средства предлагаетъ бельгійскій экономистъ Лавеле. Онъ считаетъ полученіе участка земли для обработки прирожденнымъ правомъ человѣка, правомъ, котораго человѣкъ не можетъ быть лишенъ безъ нарушенія справедливости. Въ доказательство, онъ заимствуетъ изъ общаго арсенала соціалистическихъ писателей, то есть у Прудона, примѣръ островитянъ, отталкивающихъ выброшеннаго на берегъ мореходца. «Представимъ себѣ, говоритъ онъ, что мы владѣемъ островомъ, на которомъ мы живемъ плодами своей работы; къ берегу пристаетъ человѣкъ, потерпѣвшій крушеніе: каково его право? Можетъ ли онъ сказать, ссылаясь на еди-

[1]) Social Statics, ch. IX §§ 6—9. ch. X, § 2.

погласное мнѣніе юристовъ: «вы заняли землю въ качествѣ человѣческихъ существъ, потому что собственность составляетъ условіе свободы и культуры, потребность существованія, естественное право; но и я человѣкъ, и я имѣю право существовать. Слѣдовательно и я могу, на томъ же юридическомъ основаніи какъ и вы, овладѣть участкомъ земли, чтобъ жить на немъ своею работою». Если мы не признаемъ основательности этого требованія, говоритъ Лавеле, то не остается ничего болѣе, какъ бросить потерпѣвшаго крушеніе обратно въ море..... Безъ сомнѣнія, замѣчаетъ онъ далѣе, мы можемъ также помочь ему или дать ему работу за плату; но это будетъ дѣйствіе человѣколюбія, а не юридическое рѣшеніе. Если онъ не можетъ требовать себѣ части производительной почвы, чтобы жить своею работою, то у него вообще нѣтъ права» [1]).

Это прирожденное право человѣка, по мнѣнію Лавеле, признавалось первобытными обществами, которыя дѣлили землю поровну между своими членами. Никакой договоръ о раздѣлѣ не можетъ уничтожить это право, ибо договоръ тогда только имѣетъ силу, когда онъ согласенъ съ справедливостью. Фактъ, что предки такъ постановили, недостаточенъ для того, чтобы рѣшенію ихъ пріобрѣсти уваженіе [2]). Въ настоящее время задача состоитъ въ установленіи такой общественной организаціи, въ которой каждый получалъ бы законно принадлежащую ему собственность. Относительно земли, эта цѣль можетъ быть достигнута обращеніемъ ея въ общественное достояніе. Въ этихъ видахъ, Лавеле предлагаетъ ограничить права боковыхъ наслѣдниковъ и установить налогъ на наслѣдство, посредствомъ котораго можно постепенно выкупать поступающія въ продажу земли [3]).

Лавеле остановился на этой полумѣрѣ; но очевидно, что его аргументація идетъ гораздо далѣе. Если мы примемъ его посылки, то мы придемъ къ чистому соціализму. «Ясно, говоритъ онъ, что дѣло идетъ не о томъ, чтобы каждому дать участокъ земли, а о томъ, чтобы дать ему рабочее орудіе или кругъ дѣятельности» [4]). Но въ такомъ случаѣ, вопросъ о поземельной собственности отходитъ

---

[1]) Emile de Laveleye: De la Propriété et de ses formes primitives, ch. 26, p. 393 (1874).

[2]) Тамъ же стр. 387.

[3]) Тамъ же, гл. 23.

[4]) Въ нѣмецкомъ переводѣ: Das Ureigenthum (1879) стр. 532.

на второй планъ, и требованіе пришельца, чтобы ему непремѣнно дали участокъ земли, лишается всякаго основанія.

Изъ сказаннаго въ предъидущей книгѣ можно видѣть несостоятельность всей этой теоріи. Всѣ доказательства приведенныхъ выше писателей основаны на смѣшеніи понятій. Собственность составляетъ естественное право человѣка въ томъ смыслѣ, что по естественному закону ему принадлежитъ то, что онъ пріобрѣлъ свободнымъ употребленіемъ своихъ силъ, а никакъ не въ томъ, что каждому лицу общество должно удѣлить извѣстную собственность. Во всякомъ случаѣ, изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что каждому должна быть присвоена поземельная собственность. Почему потерпѣвшему крушеніе непремѣнно слѣдуетъ дать участокъ земли, и почему доставленіе ему заработка не есть юридическое рѣшеніе задачи, этого, конечно, не пойметъ ни одинъ юристъ. Едва ли это пойметъ и не юристъ. И когда самъ Лавеле, въ заключеніе своего разсужденія объявляетъ, что дѣло вовсе не въ томъ, чтобъ каждому дать землю, а въ томъ, чтобы дать ему рабочее орудіе или кругъ дѣятельности, то этимъ самымъ обнаруживается въ мысляхъ автора такое противорѣчіе, которое подрываетъ всю его теорію. Заработная плата представляетъ собою именно кругъ дѣятельности и пріобрѣтаемую этою дѣятельностью собственность. Всего менѣе понятно, почему всѣ человѣческія отношенія непремѣнно должны опредѣляться началами права. А что, если потерпѣвшій крушеніе искалѣченъ и работать не можетъ? Слѣдуетъ ли и тутъ устранить человѣколюбіе и держаться строго юридическаго закона?

Столь же несостоятельно и утвержденіе Спенсера, будто человѣкъ, занявшій пустопорожній участокъ земли, тѣмъ самымъ противозаконно стѣсняетъ свободу другихъ. Это возраженіе обращается не только противъ поземельной, но и противъ всякой собственности, даже противъ всякаго владѣнія. Если я живу на извѣстной квартирѣ, то я очевидно мѣшаю другимъ жить на той же квартирѣ; если я ѣмъ кусокъ хлѣба, то я мѣшаю другимъ ѣсть тотъ же кусокъ. Ошибка заключается въ смѣшеніи свободы съ тѣми предметами, на которые она обращается. Свобода состоитъ въ возможности располагать своими силами независимо отъ чужой воли, и въ этомъ только отношеніи люди могутъ признаваться равными другъ другу; предметы же, на которые простирается свободная человѣческая дѣятельность, могутъ различаться до безконечности, и количественно и

качественно: тутъ равенства никакого не требуется. Во всякомъ случаѣ, пока на земномъ шарѣ есть пустыя пространства, до тѣхъ поръ о противозаконномъ стѣсненіи не можетъ быть рѣчи. Увѣрять, что дикіе народы, занимающіе пустыя земли и присвоивающіе ихъ себѣ, посягаютъ на чужую свободу и тѣмъ самымъ нарушаютъ законъ справедливости, значитъ смѣяться надъ читателемъ. Конечно, при умноженіи населенія, вновь рождающіеся люди могутъ не найти пустопорожнихъ земель въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они родились; но это вовсе и не требуется свободою. Законъ человѣческаго развитія состоитъ въ томъ, что вновь нарождающіяся поколѣнія владѣютъ тѣмъ, что имъ передано предками. При этомъ нѣтъ никакой нужды, чтобы каждый непремѣнно имѣлъ землю. Кто желаетъ ее имѣть и не находитъ ея на мѣстѣ жительства, тотъ воленъ отправляться въ пустыни и присвоивать себѣ никѣмъ не занятыя пространства.

Но, говоритъ Спенсеръ, если мы разъ допустимъ, что одинъ клочекъ земли можетъ сдѣлаться частною собственностью, то и вся земля можетъ обратиться въ частную собственность, и тогда несобственники могутъ просто быть выброшены изъ земнаго шара.

Этимъ способомъ можно доказывать все, что угодно. Съ этой точки зрѣнія нельзя допустить, чтобы кусокъ хлѣба сдѣлался частною собственностью, потому что если допустить это относительно одного куска, то слѣдуетъ признать тоже самое относительно всего хлѣба на земномъ шарѣ, и тогда несобственники должны будутъ умереть съ голоду или сдѣлаться рабами собственниковъ. Можно доказать точно также, что непозволительно строить дома, ибо если можно построить домъ на одномъ мѣстѣ, то можно застроить всѣ мѣста на земномъ шарѣ, и тогда не останется мѣста для полей, и человѣческій родъ долженъ будетъ погибнуть. Когда подобная аргументація употребляется философомъ, то можно только изумляться той философіи, которая рождаетъ столь необыкновенную связь понятій. Когда же Спенсеръ увѣряетъ, что всякій, кто не владѣетъ землею, становится рабомъ землевладѣльцевъ, то это — декламація, приличная въ соціалистическомъ памфлетѣ, но совершенно неумѣстная въ философскомъ трактатѣ. Извѣстно, что есть вполнѣ независимые люди, живущіе въ наемныхъ домахъ и не имѣющіе ни клочка земли. До сихъ поръ владѣльцы движимыхъ имуществъ не ощущали потребности вымаливать у поземельныхъ собственниковъ позволеніе занять пространство земли.

гдѣ бы они могли поставить «пяты своихъ ногъ», по выраженію Спенсера. Когда реалистическая философія прибѣгаетъ къ подобнымъ гипотезамъ, она уносится въ заоблачныя пространства и теряетъ подъ собою всякую почву.

Столь же несостоятельны возраженія Спенсера противъ присвоенія земли путемъ труда. То магическое дѣйствіе, посредствомъ котораго усвоивается взрыхленная почва, есть проявленіе человѣческой свободы и соединеніе ея съ обработаннымъ пространствомъ. Конечно, если принять во вниманіе одинъ только физическія операціи, какъ дѣлаетъ Спенсеръ, то ровно ничего въ этомъ не поймешь. Свобода есть духовное начало, и усвоеніе есть духовная, а не матеріальная связь человѣка съ вещью. Во имя своей свободы, человѣкъ въ правѣ усвоивать себѣ все, что не усвоено уже другими, и считать своимъ то, на что онъ положилъ свой трудъ. Этого права даже Спенсеръ не рѣшается отрицать въ отношеніи ко всякому другому отдѣльному человѣку, который вздумалъ бы предъявлять притязаніе на вещь, усвоенную чужимъ трудомъ; но онъ утверждаетъ, что подобное право не можетъ перевѣсить предшествующаго права всѣхъ людей взятыхъ вмѣстѣ [1]). Покинутымъ домомъ можно владѣть, только пока не явился настоящій хозяинъ, а настоящій хозяинъ земли — человѣческій родъ, которому земля дана Богомъ. Гдѣ же однако доказательство этого предшествующаго владѣнія? Реалистическая философія вдается тутъ въ чистую миѳологію. «Непознаваемое» Спенсера вдругъ, когда нужно, превращается въ личное Божество, дарующее извѣстныя права совокупности созданныхъ имъ существъ. Всего любопытнѣе, что Спенсеръ отрицаетъ при этомъ у человѣчества право учинить раздѣлъ и требуетъ, чтобы оно показало свое полномочіе; но вѣдь и отдѣльное лице, у котораго хотятъ отобрать усвоенный имъ участокъ, можетъ потребовать, чтобы человѣчество показало ему свои документы, какъ сдѣлалъ бы и владѣлецъ покинутаго дома, еслибы кто нибудь вдругъ объявилъ себя хозяиномъ. Какую же данную Богомъ хартію предъявитъ человѣческій родъ?

На практикѣ, если мы должны дожидаться, чтобы весь человѣческій родъ предъявилъ свои притязанія на извѣстный участокъ земли, то частная собственность можетъ считаться вполнѣ обезпечен-

[1]) Social Statics. ch. X. § 1.

ново. Человѣческій родъ никогда не предъявлялъ подобнаго притязанія и никогда его не предъявитъ, по той простой причинѣ, что человѣчество, какъ цѣлое, есть общій духъ, который никакихъ юридическихъ претензій не имѣетъ и не можетъ быть собственникомъ чего бы то ни было. Вслѣдствіе этого и Спенсеръ не думаетъ присвоивать землю всему человѣчеству. Но его теоріи, «страна» должна принадлежать «корпоративному тѣлу—обществу», то есть государству. Но почему же государство имѣетъ преимущественное право передъ отдѣльнымъ лицемъ? Гдѣ его полномочіе? На эти вопросы нѣтъ отвѣта. Вмѣсто того чтобы сдѣлать прямой логическій выводъ изъ своихъ посылокъ, реалистическій философъ сначала строитъ зданіе въ облакахъ, а затѣмъ дѣлаетъ скачокъ на землю, но попадаетъ уже, куда Богъ приведетъ. Твердаго основанія нѣтъ никакого.

Такое же смѣшеніе всякихъ началъ мы видимъ и у Лавеле. Историческое изслѣдованіе, которое должно служить фактическимъ подтвержденіемъ его теоріи, указываетъ на общинное владѣніе, какъ на первоначальную форму собственности; одобряемый же имъ планъ націонализаціи поземельной собственности состоитъ въ присвоеніи земли не общинѣ, а государству; наконецъ, теоретическимъ основаніемъ его взгляда служатъ естественныя права человѣка. Лавеле не замѣчаетъ, что одно вовсе не вяжется съ другимъ. Община, а равно и государство, можетъ подѣлить землю между своими членами; какъ собственники, они имѣютъ на то полное право. Между тѣмъ, во имя естественныхъ правъ человѣка, они обязаны давать землю всякому пришельцу. Допустимъ ли мы подобное юридическое начало? Скажемъ ли мы, напримѣръ, что всякій, кто желаетъ поселиться около Неаполитанскаго залива, имѣетъ право требовать, чтобы ему отвели тамъ клочекъ земли, и что общество не имѣетъ права ему отказать, такъ какъ земля принадлежитъ всѣмъ людямъ, и всякій, въ силу своего естественнаго права, имѣетъ въ ней участіе? Очевидно, это было бы нелѣпо. Какъ же скоро мы признаемъ, что общество имѣетъ право отказать требующему, такъ о естественномъ правѣ на землю не можетъ уже быть рѣчи, и тогда вся основанная на немъ теорія рушится.

Съ присвоеніемъ земли обществу естественное право человѣка будетъ даже въ большемъ накладѣ, нежели при частной собственности. Возьмемъ приведенный у Лавеле нелѣпый примѣръ потерпѣвшаго

крушеніе, котораго приходится бросить обратно въ море, потому что никто не хочетъ его принять. Положимъ, что на островѣ живутъ сто человѣкъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свой участокъ земли. Для того чтобы бросить потерпѣвшаго крушеніе обратно въ море, надобно, чтобы ни одинъ изъ этихъ ста не согласился его принять. Но будетъ ли ему какая нибудь выгода отъ того, что островъ, вмѣсто того чтобы находиться въ частномъ владѣніи, будетъ составлять совокупную собственность всѣхъ? Напротивъ; въ такомъ случаѣ, для того чтобы отказать ему въ пристанищѣ, а тѣмъ паче въ участкѣ земли, достаточно бы было, чтобы изъ ста человѣкъ не согласились пятьдесятъ одинъ. Что же онъ выигралъ? Когда говорятъ о юридическомъ рѣшеніи задачи, надобно, по крайней мѣрѣ, ясно понимать, что такое юридическое рѣшеніе и каковы его условія.

Всѣ принципіальныя возраженія противъ поземельной собственности основаны на такого рода туманныхъ юридическихъ представленіяхъ, которыя разсѣваются, какъ скоро мы прилагаемъ къ нимъ логику. Философовъ и экономистовъ, предъявляющихъ подобныя возраженія, можно просто отослать къ изученію права.

Не болѣе основательны возраженія, которыя дѣлаются съ точки зрѣнія чисто экономической. Они собраны Замтеромъ, который, пытаясь согласить соціализмъ съ индивидуализмомъ и общественную собственность съ частною, пришелъ къ заключенію, что общественную собственность должна составлять именно земля, тогда какъ движимый капиталъ долженъ оставаться собственностью частныхъ лицъ.

Замтеръ отправляется отъ положенія, что высшая задача государства заключается въ томъ, чтобы возможно большему количеству лицъ открыть самостоятельную хозяйственную дѣятельность. Для этого оно должно имѣть значительную собственность въ своихъ рукахъ. Всего болѣе этой цѣли соотвѣтствуетъ именно поземельная собственность; 1) потому что здѣсь дѣйствуютъ производительныя силы природы, на которыя всѣ члены общества могутъ имѣть притязаніе; 2) потому что, въ отличіе отъ движимой собственности, она не можетъ быть произвольно умножаема, и увеличеніе производительности можетъ быть получено только съ помощью все возрастающихъ издержекъ; и 3) потому что она постоянно ростетъ въ цѣнѣ, и притомъ независимо отъ дѣятельности владѣльцевъ, а просто

вслѣдствіе «общественныхъ соотношеній», то есть, вслѣдствіе умноженія народонаселенія и увеличенія потребностей [1]).

Каковы истинныя задачи государства, это мы увидимъ впослѣдствіи. Здѣсь дѣло идетъ о разборѣ тѣхъ основаній, въ силу которыхъ поземельная собственность можетъ быть передана въ его руки.

Нѣтъ сомнѣнія, что съ землею главнымъ образомъ соединена независимая дѣятельность силъ природы. Но и тутъ эти силы дѣйствуютъ не одни. Чѣмъ выше производство, тѣмъ болѣе, какъ мы видѣли, участвуютъ въ немъ другіе элементы. Только на низшихъ ступеняхъ, именно тамъ, гдѣ земли вдоволь и гдѣ она всего менѣе имѣетъ цѣнности, силы природы являются преобладающими. Съ уменьшеніемъ же количества свободныхъ земель, земля поглощаетъ все болѣе и болѣе капитала, труда и предпріимчивости, такъ что наконецъ нѣтъ возможности опредѣлить, что̀ принадлежитъ одному дѣятелю, и что̀ другому. Приложеніемъ человѣческихъ силъ безплодныя почвы обращаются въ плодородныя, и землѣ постоянно возвращается то, что у нея было отнято. Самое обстоятельство, на которое ссылается Замтеръ, именно, что издержки ростутъ въ большей мѣрѣ, нежели произведенія, указываетъ на то, что силы природы слабѣютъ и отходятъ на второй планъ, уступая первое мѣсто силѣ капитала. Если же капиталъ и все, что составляетъ произведеніе труда и предпріимчивости, справедливо признается собственностью лица, а не общества, то и неразрывно связанная съ ними поземельная собственность несомнѣнно должна быть присвоена лицу.

Это признается и Миллемъ. «Хотя самая почва, говоритъ онъ, не произведена хозяйственною дѣятельностью человѣка, однако это можно сказать о большей части цѣнныхъ ея качествъ. Трудъ необходимъ не только для пользованія ею, но почти въ равной степени и для приготовленія этого орудія производства. Часто съ самаго начала требуется значительная работа, чтобы сдѣлать землю пахотною. Даже когда она обратилась въ пашню, производительная ея сила во многихъ случаяхъ вполнѣ является дѣйствіемъ труда и искусства.... Таковы, заключаетъ Милль, основанія, которыя съ

[1]) Das Eigenthum, стр. 447, 453 и слѣд.

экономической точки зрѣнія оправдываютъ собственность въ приложеніи къ землѣ» [1]).

Мало того: самыя силы природы, будучи усвоены человѣкомъ и переходя изъ рукъ въ руки, пріобрѣтаются на деньги, нажитыя собственною дѣятельностью лица. Поземельная собственность представляетъ извѣстное помѣщеніе капитала. Мы видѣли, что Спенсеръ признаетъ это вполнѣ. Поэтому, если государство хочетъ перевести всѣ земли въ свои руки, оно должно выкупить ихъ у владѣльцевъ, заплативши послѣднимъ настоящую цѣну. Возможна ли и выгодна ли будетъ подобная покупка?

Конечно, государство можетъ произвольно облагать землевладѣльцевъ податьми и затѣмъ, на ихъ же деньги, покупать у нихъ земли. Но это будетъ замаскированная конфискація. Оно можетъ также, какъ предлагаетъ Лавеле, ограничивать права боковыхъ наслѣдниковъ и переводить выморочныя имѣнія въ свои руки. Но это будетъ нарушеніе коренныхъ основаній семейнаго и наслѣдственнаго права, нарушеніе, которое, притомъ, не приведетъ ни къ чему, ибо бездѣтные будутъ переводить свои имѣнія въ частныя руки иными способами, путемъ продажи или завѣщанія. Съ перваго взгляда, самымъ раціональнымъ способомъ разрѣшенія задачи былъ бы заемъ съ цѣлью выкупа поземельной собственности. Но къ чему приведетъ подобная операція? Фосеттъ, возражая противъ націонализаціи земли, указалъ на то, что если приложить эту мѣру къ Англіи, то государство должно будетъ занимать деньги по $3^1/_2$ процента, съ тѣмъ чтобы тотъ же капиталъ помѣстить по $2^1/_2$. Поземельная собственность, независимо отъ большей или меньшей ея выгодности, имѣетъ для частныхъ лицъ такую притягательную силу, что они готовы платить за нее цѣну несоразмѣрную съ ея доходомъ. Но это возможно только тогда, когда у человѣка есть свой собственный лишній капиталъ. Еслибы частное лице захотѣло, при такихъ условіяхъ, покупать землю на занятыя деньги, оно бы разорилось, ибо оно должно бы было платить болѣе, нежели оно получаетъ. Тоже самое будетъ и съ государствомъ.

Противъ этого нельзя возразить, что государство можетъ имѣть въ виду будущее, а такъ какъ цѣны на земли постоянно ростутъ, то оно въ послѣдствіи вознаградитъ себя за настоящія потери. Въ

[1]) Основанія Пол. Эк. Кн. II, гл. 2, §§ 5, 6.

дѣйствительности, цѣны на земли не ростутъ въ безконечность. Есть періоды, когда онѣ ростутъ, и есть періоды, когда онѣ падаютъ. Онѣ ростутъ, пока въ извѣстной странѣ умножаются капиталы и народонаселеніе, и этотъ избытокъ остается въ ея предѣлахъ. Но какъ скоро умножившійся капиталъ переходитъ на обработку пустынныхъ земель, лежащихъ въ другихъ странахъ, а рядомъ съ этимъ все болѣе и болѣе уменьшаются издержки перевозки, такъ цѣны на земли начинаютъ падать. Это именно мы видимъ въ настоящее время въ Англіи и во Франціи. Слѣдовательно, еслибы государство, расчитывая на будущее возвышеніе цѣнъ, рѣшилось на невыгодное помѣщеніе капитала въ настоящемъ, то оно разорилось бы вдвойнѣ. Въ экономическомъ отношеніи, выкупъ поземельной собственности нельзя назвать иначе, какъ чудовищною операціею.

Еще болѣе вѣса получаютъ эти доводы, если мы сообразимъ, что этимъ самымъ неизбѣжно должна уменьшиться производительность земли. Когда утверждаютъ, что всѣ члены общества могутъ имѣть притязаніе на производительныя силы природы, то это рѣшительно ни на чемъ не основанное положеніе. Силы природы, какъ таковыя, не служатъ непосредственно удовлетворенію человѣческихъ потребностей, а потому для членовъ общества совершенно все равно, въ чьихъ рукахъ онѣ находятся, въ частныхъ или общественныхъ. Существенный интересъ общества состоитъ въ томъ, чтобы отъ этихъ силъ получалось какъ можно болѣе произведеній, ибо чѣмъ болѣе произведеній, тѣмъ ниже ихъ цѣна, и тѣмъ они доступнѣе массѣ. Въ чьихъ же рукахъ земля производительнѣе: въ рукахъ частныхъ лицъ или государства?

Въ этомъ отношеніи даже склоняющіеся къ соціализму экономисты принуждены уступить очевидности. «Хотя, говоритъ Миль, сама земля не есть созданіе человѣческихъ рукъ, однако таковыми являются ея произведенія, и для того чтобы получить ихъ въ достаточномъ количествѣ, надобно, чтобы кто нибудь приложилъ къ ней много труда, а для поддержанія этого труда, надобно, чтобы онъ при этомъ потребилъ значительное количество прежней сбереженной работы. Между тѣмъ, опытъ удостовѣряетъ насъ, что огромное большинство людей гораздо усерднѣе работаетъ для себя и для своихъ непосредственныхъ потомковъ и приноситъ для нихъ гораздо большія денежныя жертвы, нежели для общества. Поэтому, въ видахъ наибольшаго содѣйствія производительности, признано было

полезнымъ присвоивать отдѣльнымъ лицамъ исключительное право собственности на землю, съ тѣмъ чтобы они получали возможно бо́льшую прибыль, дѣлая землю какъ можно болѣе производительною, и не подвергаясь опасности встрѣтить препятствіе въ вмѣшательствѣ другихъ. Таково основаніе, которое обыкновенно приводится въ пользу дозволенія обратить землю въ частную собственность, и это—лучшее основаніе, которое можетъ быть приведено» [1]).

Еще категоричнѣе выражается Адольфъ Вагнеръ. По своему обыкновенію, онъ не допускаетъ абсолютнаго рѣшенія вопроса; но онъ признаетъ что «дѣйствительно нерѣдко настоятельныя историческія основанія цѣлесообразности, а отнюдь не сила, привели, во имя частнаго и общественнаго интереса, къ установленію права частной собственности на землю, въ особенности пахотную». И это учрежденіе, говоритъ онъ, на дѣлѣ оказалось цѣлесообразнымъ, почему его можно считать «хорошо оправданною категоріею исторической жизни». Конечно, замѣчаетъ онъ, этимъ оно еще не оправдывается на вѣки вѣковъ. «Но тяжесть доказательствъ относительно цѣлесообразности его устраненія долженъ нести тотъ, кто этого требуетъ. Эта тяжесть, говоритъ Вагнеръ, не легка. Тотъ, кто беретъ ее на себя, долженъ, прежде всего, не только отрицательно вооружаться противъ частной собственности во имя народно-хозяйственныхъ и соціалъ-политическихъ невыгодъ этого учрежденія, но вмѣстѣ съ тѣмъ положительно доказать, что иная форма владычества человѣка надъ землею, и спеціально пахотною, можетъ быть хозяйственно столь же производительна, и что она можетъ быть практически примѣнима. Но здѣсь-то именно оказывается указанный уже выше великій недостатокъ всѣхъ критиковъ этого учрежденія: нѣтъ положительнаго доказательства въ пользу возможности обойтись безъ права частной собственности на пахотную землю, и особенно на крестьянскую пашню, не подвергая опасности первѣйшаго интереса народнаго хозяйства въ отношеніи къ производству» (Grundleg. § 334).

Казалось бы, что это сужденіе достаточно опредѣлительно. Но намъ извѣстно уже, что послѣдовательность не составляетъ характеристической черты наслѣдованій Вагнера. Поэтому мы не удивляемся, когда черезъ нѣсколько страницъ находимъ и совершенно противоположный взглядъ. Тутъ Вагнеръ утверждаетъ уже, что «даже полное

[1]) Examiner 19 іюля 1873 (приведено у Лавеле).

уничтоженіе частной поземельной собственности и не такъ трудно вообразимо, какъ подобная же мѣра въ отношеніи къ капиталу, и не столь трудно исполнимо, и наконецъ, не представляется необходимо столь опаснымъ для интересовъ производства, и все это просто потому, что оно могло бы осуществиться безъ такого полнаго измѣненія и преобразованія всей организаціи народнаго хозяйства, какое требуется отмѣною капитала». Въ доказательство, Вагнеръ ссылается на то, что земледѣліе процвѣтаетъ и тамъ, гдѣ обработка земли самими собственниками замѣняется фермерскимъ хозяйствомъ. «Гдѣ, слѣдовательно, на дѣлѣ преобладаетъ уже фермерское хозяйство, какъ въ Англіи, или гдѣ оно, какъ въ нашихъ государственныхъ имуществахъ, оказывается выгоднымъ при сравненіи ихъ съ соотвѣтствующими крупными владѣніями, тамъ, говоритъ Вагнеръ, вообще и спеціально уже представлено фактическое доказательство возможности обойтись безъ учрежденія частной собственности въ видахъ интересовъ производства» (§§ 344, 345).

Еще легче разрѣшаетъ этотъ вопросъ Лавелэ. Онъ просто ссылается на то, что если государство способно управлять желѣзною дорогою, то почему же ему не взимать поземельной ренты посредствомъ своихъ сборщиковъ?

На это весьма хорошо отвѣчаетъ Леруа-Больё: «Г. Лавелэ предается иллюзіямъ, замѣчаетъ онъ, когда онъ воображаетъ, что можно замѣнить инціативу этихъ тысячей поземельныхъ собственниковъ, медленною, однообразною и педантическою бюрократіею государства. Землевладѣлецъ не есть то праздное, безпечное, нейтральное существо, какимъ его представляютъ, fruges consumere natus. У него своя существенная роль рядомъ съ фермеромъ, и когда онъ ея не исполняетъ, земля страдаетъ или истощается. Въ чемъ состоитъ эта роль? Въ томъ, чтобы представлять будущіе или постоянные интересы имѣнія, тогда какъ фермеръ представляетъ только интересы настоящіе и исчезающіе. Во имя этого начала, землевладѣлецъ противится всякой хищнической обработкѣ, которая уничтожила бы или уменьшила производительныя силы почвы; во имя этого начала, онъ становится или долженъ быть двигателемъ, дѣятелемъ или помощникомъ во всѣхъ улучшеніяхъ, расчитанныхъ на долгій срокъ. Идетъ ли дѣло о дренажѣ или орошеніи, о распашкѣ новыхъ земель или о перемѣнѣ культуры, о возведеніи строеній, которыя дозволяютъ либо менѣе дорогое, либо болѣе обильное производство, землевладѣлецъ

долженъ вступиться; обыкновенно, онъ охотно на это идетъ. Кромѣ того, по своему происхожденію, землевладѣлецъ имѣетъ иныя качества, которыми обыкновенно не обладаетъ фермеръ: умъ его болѣе просвѣщенъ; съ меньшимъ знаніемъ хозяйственной техники, онъ обыкновенно лучше понимаетъ широкіе интересы земледѣлія; онъ есть или долженъ быть для фермера совѣтникомъ и руководителемъ. Притомъ и капиталы его обильнѣе; онъ часто получаетъ ихъ изъ другихъ источниковъ, нежели поземельный доходъ; увѣренный въ постоянствѣ владѣнія и въ передачѣ земли семейству, онъ не скупится на жертвы въ настоящемъ въ видахъ возвышенія цѣны имѣнія въ будущемъ. Такимъ образомъ, заблуждаются тѣ, которые въ землевладѣльцѣ видятъ только подкладку или паразита фермера; такова была нѣкогда роль получавшаго десятину, но не такова роль землевладѣльца. Тотъ, кто до такой степени унизилъ бы свое призваніе, не замедлилъ бы разориться; достаточно свободы сдѣлокъ, чтобы въ короткое время земля нерадиваго владѣльца перешла къ владѣльцу предпріимчивому» [1]).

И точно, невозможно ожидать одинаково успѣшнаго производства тамъ, гдѣ исчезъ одинъ изъ самыхъ существенныхъ въ немъ дѣятелей, именно, хозяйскій глазъ. И если такова роль собственника въ крупномъ хозяйствѣ, гдѣ онъ сохраняетъ за собою только роль надзирателя, то еще болѣе это прилагается къ мелкому. Относительно того упорства въ трудѣ и того умѣнія извлекать выгоды изъ малѣйшихъ обстоятельствъ, которыя порождаются въ мелкомъ владѣльцѣ чувствомъ собственности, кажется нѣтъ даже спора. Только съ помощью этого чувства мелкое хозяйство можетъ соперничать съ крупнымъ. Поэтому, исчезновеніе крестьянъ собственниковъ, также какъ и образованныхъ землевладѣльцевъ, было бы незамѣнимою потерею и для государства и для народнаго богатства.

Но не только въ видѣ настоящаго владѣнія частная поземельная собственность служитъ сильнѣйшимъ побужденіемъ къ производительному труду, а еще болѣе какъ цѣль. Пріобрѣтеніе въ собственность хотя бы клочка земли составляетъ высшую мечту земледѣльца. Для этого онъ работаетъ упорно, неутомимо, и сберегаетъ копейку за копейкою въ теченіи всей своей жизни. Примѣромъ въ этомъ отношеніи мо-

[1]) Essai sur la répartition des richesses, par Paul Leroy-Beaulieu: ch. I. p. 72—73.

жетъ служить французскій крестьянинъ. У насъ, тѣже свойства имѣетъ Малороссъ. И это составляетъ важнѣйшее условіе для развитія въ крестьянствѣ самодѣятельности и для поднятія его благосостоянія. Тамъ, гдѣ массѣ земледѣльцевъ не открыта эта перспектива, тщетно думать о прочномъ улучшеніи ихъ быта. Тамъ самые успѣхи земледѣлія зависятъ исключительно отъ болѣе или менѣе образованнаго класса.

Но и послѣднему необходима приманка поземельной собственности, для того чтобы побудить его къ предпріимчивости. Любимая цѣль средняго и крупнаго землевладѣльца состоитъ въ томъ, чтобы увеличить, округлить и улучшить свое имѣніе. Эта цѣль наполняетъ его жизнь; въ ней онъ находитъ центръ всей своей хозяйственной дѣятельности. Самые капиталисты нерѣдко мечтаютъ о томъ, чтобы купить себѣ землю и стать въ ряды землевладѣльцевъ, до такой степени поземельная собственность имѣетъ въ себѣ притягательную силу для человѣка. Отсюда то явленіе, что въ странахъ, гдѣ капиталъ приноситъ до пяти процентовъ, поземельная собственность приноситъ не болѣе двухъ или трехъ. Владѣлецъ крупнаго капитала соглашается помѣстить его менѣе выгоднымъ образомъ, лишь бы сдѣлаться землевладѣльцемъ. Онъ довольствуется меньшими матеріальными выгодами, съ тѣмъ чтобы вознаградить себя выгодами идеальными, которыя съ точки зрѣнія народнаго хозяйства не менѣе цѣнны, ибо онѣ служатъ сильнѣйшимъ побужденіемъ къ труду.

Между тѣмъ, все это должно исчезнуть съ переходомъ земель въ руки государства. У народнаго хозяйства отнимается приманка поземельной собственности, и граждане лишаются одной изъ существенныхъ цѣлей своей промышленной дѣятельности. На сколько расширяется государственная собственность, на столько стѣсняется частная промышленность. Прибавимъ, что чѣмъ выше стоитъ народное хозяйство, тѣмъ государственная собственность становится менѣе выгодною. Пока земли много, пока цѣна ея, вслѣдствіе этого, низка и въ будущемъ предстоитъ значительное ея возвышеніе, до тѣхъ поръ государство можетъ оставлять значительную часть земель въ своихъ рукахъ, переводя въ частную собственность лишь такое количество, какое потребно для частной предпріимчивости. Но какъ скоро частный человѣкъ готовъ дать за землю болѣе, нежели она стоитъ, такъ государству выгодно ее продать. Государство не имѣетъ тѣхъ идеальныхъ наслажденій, которыми вознаграждаетъ себя частный соб-

ственникъ; въ матеріальномъ же отношеніи, ему прямой расчетъ замѣнить землю капиталомъ, приносящимъ болѣе дохода, или уплатить долги, за которые оно платитъ большій процентъ, нежели оно получаетъ за свои земли.

Противъ этого нельзя возразить, что государство обязано охранять интересы будущихъ поколѣній. Вообще говоря, интересамъ будущихъ поколѣній не слѣдуетъ жертвовать интересами настоящихъ: новыя поколѣнія являются наслѣдниками существующихъ нынѣ и имѣютъ право единственно на то, что имъ передается послѣдними. Но тутъ и это соображеніе не имѣетъ мѣста. Если требуютъ, чтобы земля сосредоточивалась въ рукахъ государства, то это дѣлается вовсе не съ тѣмъ, чтобы будущія поколѣнія сами стали собственниками, а напротивъ, съ тѣмъ чтобы никто не былъ собственникомъ. Интересы всѣхъ равно умаляются; всѣмъ загражденъ путь къ высшей цѣли хозяйственной дѣятельности. Единственный результатъ подобной мѣры будетъ тотъ, что вслѣдствіе уменьшенія производительности земель и побужденій къ труду, будущія поколѣнія получатъ меньшее наслѣдіе, нежели они получили бы безъ того. Бѣдность, а не богатство сулитъ имъ національзація земли, которая ничто иное какъ останавливающійся на полудорогѣ соціализмъ.

Наконецъ, невозможно не обратить вниманіе и на то, что поземельная собственность имѣетъ не только экономическое, но также нравственное и политическое значеніе. На ней зиждется тотъ элементъ, который составляетъ одну изъ существеннѣйшихъ основъ человѣческой жизни, элементъ, который древніе считали святынею, и который нынѣ легкомысленно ставится ни во что—домашній очагъ. Всѣ теоріи соціалистовъ клонятся къ уничтоженію домашняго очага, также какъ и къ поглощенію лица обществомъ. Ихъ высшій идеалъ состоитъ въ томъ, чтобы превратить цѣлый народъ въ чиновниковъ, которымъ отводятся казенныя квартиры [1]). Между тѣмъ, съ домомъ связаны самыя высокія начала, одушевляющія человѣка: семейныя преданія, связь поколѣній, воспоминанія дѣтства, успокоеніе старости, забота объ отдаленномъ потомствѣ, наконецъ любовь къ родинѣ и ко всему тому, что соединяется съ нею въ человѣческомъ сердцѣ. Безспорно, всѣ эти чувства могутъ развиваться и на казенной квартирѣ; но что съ пріобрѣтеніемъ собственнаго, домашняго

[1]) См. Schäffle: Bau und Leben d. soc. Körp. III, стр. 123, 144.

очага они получаютъ безконечно большую прочность и силу. Что здѣсь они обрѣтаютъ центръ, съ которымъ связано все, что наиболѣе дорого человѣку, это могутъ отрицать только тѣ, которые или вовсе не знаютъ человѣческой души или въ угоду предвзятой мысли хотятъ отвергать самыя очевидныя истины.

Въ особенности для земледѣльческаго быта домашній очагъ имѣетъ первенствующее значеніе. Безъ него, сельская жизнь теряетъ половину своей возвышенной прелести и своего нравственнаго вліянія на человѣка. Арендаторъ не имѣетъ прочнаго домашняго очага: онъ сегодня здѣсь, а завтра тамъ. На самую землю, которую онъ воздѣлываетъ, онъ смотритъ исключительно съ точки зрѣнія хозяйственнаго барыша. Только собственникъ и къ своему дому и къ землѣ привязывается всѣмъ сердцемъ; на нихъ сосредоточивается забота всей его жизни. Для него, къ хозяйственной цѣли присоединяется нравственная связь. Въ этомъ заключается существенная часть тѣхъ идеальныхъ выгодъ, во имя которыхъ онъ готовъ платить за землю болѣе, нежели она стоитъ. Не всѣмъ, конечно, дано пользоваться благами поземельной собственности. Но для общества въ высшей степени важно, чтобы она была распространена въ возможно широкихъ размѣрахъ, и чтобы для каждаго она составляла идеальную цѣль, достижимую работою, если не одного, то нѣсколькихъ поколѣній. Къ этому должно стремиться государство, а не къ тому, чтобы всю землю перевести въ свои руки и превратить землевладѣльцевъ, прочно связанныхъ съ почвою, въ случайныхъ и временныхъ арендаторовъ, лишенныхъ домашняго очага и не имѣющихъ къ землѣ иного отношенія, кромѣ полученія выгоды.

Такое стремленіе противорѣчитъ и здравой политикѣ. Ниже мы увидимъ, какой существенный элементъ политической жизни составляетъ классъ землевладѣльцевъ. Въ немъ государство находитъ самую крѣпкую охрану общественнаго порядка и вмѣстѣ независимую силу, способную противостоять всякимъ разрушительнымъ вліяніямъ, какъ сверху, такъ и снизу. Уничтожить его значитъ дать перевѣсъ всѣмъ бродячимъ стихіямъ, которыя быстро приведутъ общественный строй къ полному разложенію.

Таковы, можно сказать, неопровержимые доводы противъ передачи поземельной собственности въ руки государства. Большая часть изъ нихъ имѣетъ силу и противъ общинной собственности. И

въ этомъ вопросѣ, также какъ и въ вопросѣ о государственной собственности, дѣло идетъ не о существованіи нѣкоторыхъ общинныхъ земель рядомъ съ частною собственностью, что̀ весьма можетъ быть допущено, а о сосредоточеніи, если не совокупности, то по крайней мѣрѣ значительнѣйшей части поземельной собственности въ рукахъ общинъ, такъ чтобы ихъ члены являлись только арендаторами. Такое устройство многимъ представляется идеаломъ общественнаго быта. У насъ эта теорія нѣкоторымъ образомъ находитъ практическое приложеніе въ настоящемъ нашемъ крестьянскомъ землевладѣніи. Поэтому для насъ этотъ вопросъ имѣетъ особенную важность.

Общины бываютъ двухъ разрядовъ: городскія и сельскія. Мы должны разсмотрѣть каждый изъ этихъ видовъ особо.

Противъ частной собственности въ городахъ въ послѣднее время сильно ополчаются нѣкоторые экономисты. Такъ напримѣръ, Адольфъ Вагнеръ, хотя онъ вообще не стоитъ за переводъ всей поземельной собственности въ руки государства, признаетъ однако, что городская собственность имѣетъ особенности, которыя дѣлаютъ оставленіе ея въ частномъ владѣніи не желательнымъ. Указываютъ на то, что выгодное положеніе въ городѣ даетъ землѣ и построеннымъ на ней домамъ чистый характеръ монополіи. Цѣнность участковъ ростетъ непомѣрно, вовсе не по винѣ владѣльцевъ, а просто вслѣдствіе умноженія народонаселенія и развитія торговли. Владѣлецъ же пользуется случайно доставшимся ему привилегированнымъ положеніемъ, для того чтобы высасывать деньги изъ нанимателей, съ которыхъ онъ беретъ монопольную цѣну. Отсюда развивающаяся въ большихъ городахъ «квартирная нужда», которая особенно тяготѣетъ надъ бѣднымъ населеніемъ и ставитъ массу жильцовъ въ полную зависимость отъ немногихъ домохозяевъ. Въ свою очередь, этимъ пользуется спекуляція, которая, расчитывая на быстрое возвышеніе цѣнъ, скупаетъ земли и дѣлаетъ постройки, съ тѣмъ только чтобы получить барышъ на разности цѣнъ. По всѣмъ этимъ причинамъ, Вагнеръ считаетъ полезнымъ присвоеніе общинѣ не только земельныхъ участковъ, но и построенныхъ на нихъ домовъ, ибо только этимъ путемъ можетъ быть уничтожена монополія частныхъ лицъ. Община должна отъ себя раздавать въ наймы квартиры и

пользоваться выгодами, проистекающими изъ развитія городской жизни [1]).

Нельзя не удивляться тому, что такой трезвый экономистъ, какъ Леруа-Больё, хотя онъ и не соглашается съ заключеніемъ Вагнера, признаетъ однакоже за этою критикою значительную долю правды [2]). При внимательномъ разборѣ приводимыхъ въ пользу этой теоріи доводовъ, за ними едва ли можно признать какую бы то ни было силу.

Дѣйствительно, въ большихъ городахъ выгодное положеніе имѣетъ характеръ монополіи, вслѣдствіе чего цѣны на землю и на квартиры ростутъ иногда непомѣрно. Но самый этотъ ростъ, съ экономической точки зрѣнія, представляется выгодою, а не ущербомъ. Онъ составляетъ единственное противовѣсіе неудержимому стремленію народонаселенія къ большимъ городамъ. Тѣ, которые хотятъ пользоваться преимуществами и удобствами городской жизни, естественно должны платить за это дороже; иначе никто не останется жить въ провинціи. Въ особенности стеченіе бѣднаго населенія въ столицахъ составляетъ зло, которое именно въ возвышеніи цѣнъ находитъ себѣ естественное противодѣйствіе. Безъ сомнѣнія, при быстромъ ростѣ городовъ, домовладѣльцы могутъ обогатиться въ силу независящихъ отъ нихъ обстоятельствъ; но кто же отъ этого теряетъ? За квартиры платятъ дорого, потому что имѣть помѣщеніе на хорошемъ мѣстѣ или выгодно или удобно. Кто рѣшается платить дорогую цѣну, тотъ находитъ въ этомъ свой расчетъ, а такъ какъ никого не принуждаютъ нанимать квартиру здѣсь, а не тамъ, то ни о какомъ высасываніи денегъ не можетъ быть рѣчи: подобное выраженіе ничто иное какъ декламація. Притомъ и доходы домохозяевъ далеко не всегда вѣрны. Извѣстно, что расчеты на возвышеніе цѣнъ при постройкѣ домовъ часто не оправдываются. Даже въ самыхъ большихъ городахъ, домохозяева нерѣдко получаютъ весьма небольшой процентъ на затраченный ими капиталъ. Общества, предпринимающія значительныя постройки, вмѣсто того чтобы пользоваться крупными дивидендами, разоряются и принуждены бываютъ ликвидировать свои дѣла. Спекуляція на дома, какъ и всякая другая спекуляція, можетъ принести или барышъ или убытокъ; и то и другое

[1]) Lehrbuch d. Pol. Oek. Grundleg. §§ 352—362.

[2]) Essai sur la répartition des richesses Ch. VII. p. 186.

совершенно законно. Здѣсь всего менѣе желательно ее устранить, ибо именно она ведетъ къ значительнымъ постройкамъ, а вслѣдствіе того къ уменьшенію цѣнъ на квартиры. Выгодна та спекуляція, которая удовлетворяетъ общей потребности; невыгодная же разорительна для однихъ акціонеровъ, а для города и для нанимателей возведенныя постройки все таки остаются барышемъ.

Во всякомъ случаѣ, замѣна множества мелкихъ домовладѣльцевъ однимъ всеобщимъ домовладѣльцемъ, городомъ, нисколько не уменьшитъ проистекающаго отъ монополіи зла. Выгодное положеніе все таки останется выгоднымъ положеніемъ, а потому за него придется платить дороже. Если-бы городъ вздумалъ брать одинакую плату за помѣщенія на бойкомъ мѣстѣ и въ глухомъ и отдаленномъ переулкѣ, онъ этимъ предоставилъ бы только чрезмѣрныя преимущества однимъ нанимателямъ передъ другими. Всякій захотѣлъ бы получить дешевую квартиру на хорошемъ мѣстѣ, а такъ какъ на всѣхъ не достало бы помѣщенія, то пришлось бы или метать жребій или прибѣгать къ какимъ нибудь другимъ искусственнымъ способамъ распредѣленія. Самъ Адольфъ Вагнеръ признаетъ, что не въ удовлетвореніи нанимателей заключается польза предлагаемой имъ мѣры, а въ устраненіи тяжелой зависимости частнаго лица отъ другаго частнаго лица, въ присвоеніи выгодъ отъ возрастающихъ цѣнъ не праздному домохозяину, а дѣятельной общинѣ, наконецъ въ уничтоженіи одного изъ самыхъ дурныхъ видовъ спекуляціи, какія встрѣчаются въ народномъ хозяйствѣ.

Трудно понять, какимъ образомъ отъ достиженія этихъ цѣлей можетъ произойти какая бы то ни было польза для народнаго хозяйства. Почему, въ самомъ дѣлѣ, зависимость нанимателя отъ домохозяина представляется болѣе тяжелою, нежели зависимость того же нанимателя отъ городскаго управленія? Частный домохозяинъ можетъ поднять цѣну; но вѣдь и городъ можетъ сдѣлать тоже самое. Разница лишь та, что для частнаго домовладѣльца пустующая квартира составляетъ существенный ущербъ его имуществу, а для города весьма ничтожный. Можно думать также, что отъ частнаго домовладѣльца легче добиться передѣлокъ и поправокъ, нежели отъ городскаго управленія, занятаго обширными дѣлами и изъятаго отъ всякаго состязанія, а потому совершенно равнодушнаго къ удобствамъ тѣхъ или другихъ частныхъ нанимателей. Пришлось бы дѣйствовать путемъ личныхъ происковъ или возводить передѣл-

ку каждаго помѣщенія на степень общественнаго вопроса. Но вѣдь такое положеніе гораздо болѣе невыносимо, нежели отношенія частнаго найма. Въ сущности, когда Вагнеръ говоритъ вообще о тяжелой зависимости отъ частныхъ лицъ и объ эксплуатаціи однихъ другими, то въ этомъ трудно видѣть что нибудь, кромѣ общей фразы, заимствованной изъ соціалистическаго арсенала. Безъ сомнѣнія, всегда были и будутъ случаи, гдѣ съ одной стороны является нужда, а съ другой притѣсненіе. Есть немилосердые домохозяева, прогоняющіе бѣдныхъ нанимателей, точно также есть немилосердые кредиторы, требующіе уплаты отъ бѣдныхъ должниковъ. Но изъ перваго столь же мало можно вывести общее заключеніе противъ частныхъ квартиръ, какъ изъ послѣдняго противъ частныхъ долговъ. Такого рода пріемъ не можетъ имѣть притязанія на научное значеніе.

Точно также нельзя не причислить къ пустой фразеологіи противопоставленіе «праздная» домохозяина «дѣятельной» общинѣ. Справедливо, что цѣны на квартиры могутъ возрасти вслѣдствіе прилива народонаселенія, и что эта выгода, при замѣнѣ частной собственности городскою, достанется не частному лицу, а обществу. Но можетъ случиться и обратное движеніе, и тогда городъ разорится. Самая прибыль отъ возвышенія цѣнъ съ избыткомъ покроется увеличеніемъ расходовъ и уменьшеніемъ доходовъ, неизбѣжно связанныхъ съ замѣною частной дѣятельности общественною. И тутъ, вмѣсто тысячей частныхъ лицъ, движимыхъ собственнымъ интересомъ, является юридическое лице съ общими задачами, съ громаднымъ управленіемъ и со всѣми темными сторонами бюрократическаго дѣлопроизводства. Конечно, общество не будетъ спекулировать, какъ частныя лица; распоряжаясь общественными деньгами, оно не имѣетъ даже на это права. Спекуляція будетъ устранена; но зато городъ лишится и выгодъ спекуляціи. Будетъ меньше построекъ, меньше квартиръ, слѣдовательно болѣе тѣсноты. Личная предпріимчивость и самодѣятельность, составляющія главный источникъ народнаго богатства, совершенно исчезнутъ изъ этой области. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для богатаго и бѣднаго равно закрывается возможность пріобрѣсти въ городѣ свой собственный домъ и основать тамъ свой домашній очагъ. Если, наконецъ, мы ко всему этому прибавимъ, что городское управленіе можетъ находиться въ весьма неблагонадежныхъ рукахъ, если мы вспомнимъ неразлучную съ об-

щественнымъ самоуправленіемъ борьбу партій и подумаемъ, что распредѣленіе жилищъ тысячей и даже милліоновъ людей можетъ находиться всецѣло въ рукахъ большинства, выбраннаго чернью, чему примѣръ представляютъ нѣкоторые нынѣшніе муниципальные совѣты въ западной Европѣ, то мы несомнѣнно придемъ къ убѣжденію, что предложенная Вагнеромъ мѣра есть не болѣе какъ одна изъ тѣхъ странныхъ фантазій, которыя рождаются въ головахъ соціалистовъ каѳедры, и которыя идутъ прямо въ разрѣзъ съ требованіями дѣйствительной жизни. Все то зло, которое чувствуется иногда въ большихъ городахъ, можетъ только удесятериться вслѣдствіе превращенія частной собственности въ общественную. Относительно же малыхъ городовъ, подобная мѣра лишена всякаго смысла.

Не болѣе вѣса имѣютъ и доводы въ пользу общинной собственности въ селѣ. Но приверженцы послѣдней могутъ, по крайней мѣрѣ, опираться на историческіе примѣры. Сосредоточеніе всей городской собственности въ рукахъ общины никогда не существовало на дѣлѣ; это не болѣе какъ мечта новѣйшихъ соціалъ-политиковъ. Сельское же общинное владѣніе составляло первоначальную форму поземельной собственности во всемъ человѣчествѣ; оно имѣетъ свою многовѣковую исторію и донынѣ еще сохраняются многочисленные его остатки. Чтобы понять гражданское и экономическое его значеніе, мы должны бросить взглядъ на историческое развитіе этого учрежденія.

Было время, когда общинное владѣніе считалось особенностью тѣхъ или другихъ народовъ. Новѣйшія изслѣдованія показали всеобщее его распространеніе на низшихъ ступеняхъ общественнаго быта. Корень его лежитъ въ кровной связи, подъ вліяніемъ которой жило первобытное человѣчество. Гражданскій порядокъ составляетъ плодъ позднѣйшаго развитія; первоначально люди не знали иного союза, кромѣ кровнаго родства. Этотъ союзъ замѣнялъ имъ все остальное; въ немъ исчезала самая личность, которая только вслѣдствіе многовѣковаго развитія пришла къ сознанію своей самостоятельности и своей свободы. Какъ уже было сказано выше, лицо первоначально не выдѣляется изъ окружающей его среды, и такою средою является именно кровный союзъ.

Вслѣдствіе этого, при первоначальномъ занятіи земли, люди обыкновенно селятся не въ одиночку, а племенами и родами. Родъ есть разросшаяся семья, племя разросшійся родъ. Послѣднее

раскидывается на болѣе или менѣе широкое пространство; роды же остаются соединенными на мѣстахъ: они образуютъ первобытныя общины. Такъ какъ здѣсь не выдѣлилось еще лице съ своими самостоятельными интересами, то здѣсь нѣтъ и частной собственности. Первоначально, хозяйство ведется сообща, и произведенія раздѣляются между членами союза. Затѣмъ, когда родъ разростается и изъ него выдѣляются отдѣльныя семьи, каждая изъ нихъ обрабатываетъ свой участокъ; но она получаетъ его только въ видѣ временнаго владѣнія. Собственникомъ является образующій общину родъ, и поля передѣляются между отдѣльными домохозяевами, либо ежегодно, либо по истеченіи извѣстнаго періода. Такъ какъ всѣ члены рода равны, то они получаютъ равные участки; только старшіе, имѣющіе власть, могутъ получать лишнее. Таково было устройство сельской общины у древнихъ Германцевъ, у Кельтовъ; такія же учрежденія сохранились доселѣ у разнообразнѣйшихъ народовъ, въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ земнаго шара. Мы находимъ ихъ въ Индіи, на Явѣ. Въ Индіи, доселѣ община держится сознаніемъ кровнаго родства, дѣйствительнаго или мнимаго, которое замѣняетъ дѣйствительное, когда естественная связь наконецъ слабѣетъ. Всѣ члены общины считаютъ себя происходящими отъ одного родоначальника, и если принимаются посторонніе, то они вступаютъ въ тѣже отношенія и подчиняются тому же распорядку [1]).

Съ теченіемъ времени однако, это первобытное устройство разрушается въ силу необходимаго историческаго процесса. Кровное родство только на первыхъ ступеняхъ служитъ связью человѣческаго общежитія. Мало по малу, изъ этой безразличной среды выдѣляется личность, истинная носительница человѣческихъ началъ. Въ общину вступаютъ посторонніе; происходитъ смѣшеніе разнообразныхъ элементовъ; гражданскія начала замѣняютъ сознаніе родства. Съ тѣмъ вмѣстѣ и общинное владѣніе постепенно уступаетъ мѣсто частной собственности.

Этотъ историческій процессъ разложенія первобытной общины всего яснѣе можно прослѣдить на германской маркѣ, которая весьма хорошо изслѣдована Маурером. Уже въ незапамятныя времена, рядомъ съ общиннымъ владѣніемъ мы находимъ отдѣльные дворы. Поселяясь въ пустырѣ, куда никогда не заходила человѣческая но-

[1]) Sumner Maine: Ancient Law, гл. 8.

га, новый колонизаторъ расчищаетъ лѣсъ, строитъ себѣ хижину и становится владѣльцемъ отдѣльнаго участка. Впослѣдствіи, это образованіе самостоятельныхъ участковъ путемъ занятія, даже въ предѣлахъ общинныхъ земель, постоянно признается законнымъ основаніемъ частной собственности. Земли было много, и община не имѣла никакого интереса въ томъ, чтобы полагать предѣлъ личной предпріимчивости и отнимать у человѣка плоды его трудовъ. Если онъ, занявши пустырь или расчистивши лѣсъ, огораживалъ свой участокъ, то онъ тѣмъ самымъ выдѣлялся изъ поземельнаго общиннаго союза; но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ лишался и своего права на остальныя земли. Таковъ былъ одинъ изъ способовъ, посредствомъ которыхъ изъ общиннаго владѣнія стала выдѣляться личная собственность [1]).

Другой способъ состоялъ въ томъ, что передѣлы стали дѣлаться рѣже и рѣже, и наконецъ прекратились совершенно. Вслѣдствіе этого, право владѣнія незамѣтно перешло въ полную собственность. Полевые участки стали считаться неотъемлемою принадлежностью домохозяевъ [2]). Совокупнымъ владѣніемъ общины остались только угодья, главнымъ образомъ пастбища и лѣса. Относительно же пахотныхъ земель, слѣды прежняго порядка сохранились въ выпасѣ скота на паровомъ полѣ и на отавѣ, и въ проистекающей отсюда необходимости держаться однородной системы обработки смежныхъ полей.

Наконецъ, полное разложеніе поземельной общины совершилось вслѣдствіе наплыва посторонпихъ элементовъ. Сознаніе кровной связи, которое служило основаніемъ всего общественнаго устройства, не могло долго удержаться при постоянныхъ передвиженіяхъ народовъ. Отъ нея сохранился только общій типъ, въ который могли вмѣщаться и чуждые элементы. Пока земли было много, община охотно принимала новыхъ членовъ, которые помогали ей нести податное бремя. Но когда, вслѣдствіе умноженія народонаселенія и выдѣленія значительной части общинныхъ земель въ частныя руки, земли стало мало, община естественно начала замыкаться, и если она принимала посторонпихъ, то уже безъ права участія въ общественныхъ угодьяхъ. Полноправнымъ членомъ общины постороннее лице могло сдѣ-

---

[1]) Maurer: Einleitung etc. §§ 7, 70; Geschichte der Markenverfassung, § 47.
[2]) Maurer: Einleitung etc. § 48, Gesch. d. Dorfverfassung. §§ 16. 35.

латься, только заступивши мѣсто выбывающихъ членовъ. Такъ какъ право на участіе въ общинномъ владѣніи сдѣлалось принадлежностью не лицъ, а дворовъ, то покупкою двора или доли двора пріобрѣталось соотвѣтствующее право или доля права на угодья. Этимъ способомъ еще въ средніе вѣка монастыри и частные владѣльцы скупили множество общинныхъ земель. Въ позднѣйшее время рушилась даже и эта связь между правомъ на угодья и дворомъ. Идеальная доля участія въ угодьяхъ стала продаваться отдѣльно. Вслѣдствіе всего этого, въ общинѣ, вмѣсто равноправныхъ членовъ, явились различные разряды лицъ съ совершенно неравными правами: полноправные хозяева, лица, имѣющія идеальную долю участія въ угодьяхъ, лица, которымъ въ видѣ милости удѣлялись нѣкоторыя права, наконецъ совершенно безправныя. Вмѣсто одной общины, образовались двѣ: одна мѣстная, состоящая изъ совокупности жителей, другая привилегированная, состоящая изъ лицъ, имѣющихъ исключительное право на угодья. Между этими двумя классами, аристократіею и демократіею, естественно должна была возгорѣться борьба, которая привела къ различнымъ результатамъ. Въ иныхъ мѣстахъ, привилегированная община осталась владычествующею, вслѣдствіе чего удержался прежній порядокъ. Въ другихъ случаяхъ, демократія, составлявшая большинство, взяла управленіе въ свои руки, но право на угодья осталось за меньшинствомъ, которое среди совокупной административной общины образовало болѣе тѣсную привилегированную поземельную общину. Черезъ это, общинное владѣніе превратилось въ частную собственность извѣстнаго разряда лицъ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ общинахъ торжество демократіи повело къ уравненію, какъ политическихъ, такъ и поземельныхъ правъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, большею частью рушился весь прежній порядокъ общиннаго владѣнія [1]). Въ этой борьбѣ демократіи съ аристократіею Мэнъ видитъ главную причину разложенія первобытнаго общиннаго союза [2]); но въ сущности, этимъ былъ нанесенъ ему только окончательный ударъ. Разложеніе совершилось постепенно, различными путями, вслѣдствіе выдѣленія лица, съ его правами и интересами, изъ поглощавшей его первобытной среды. Этому необходимому историческому процессу не могла противостоять

[1]) Maurer: Einleitung etc. § 92 и слѣд. Geschichte d. Markverfassung, §§ 20, 34; Geschichte d. Dorfverfassung, §§ 26, 50 и слѣд., 66 и слѣд., 78.

[2]) Lectures on the early history of Institutions гл. 3.

община, устроенная по типу кровнаго союза; она должна была пасть. Слѣды ея остались только въ захолустьяхъ, куда не проникала историческая жизнь.

Совершенно иную исторію имѣло общинное владѣніе въ Россіи. По аналогіи со всѣми другими народами, можно думать, что и здѣсь первоначально родовая община совокупно владѣла землею. На это указываетъ господство родоваго быта въ первыя времена русской исторіи. Извѣстно выраженіе лѣтописца: «живуще кождо съ родомъ своимъ, володѣюще родомъ своимъ». Но собственно документальныхъ свѣдѣній о формѣ поземельной собственности въ этотъ періодъ мы не имѣемъ. Когда же начинаютъ появляться историческіе документы, то есть въ XV вѣкѣ, мы находимъ поземельную общину уже совершенно разложившеюся.

Условія древнерусской жизни сильно способствовали этому разложенію. Патріархальный типъ общины можетъ сохраниться только тамъ, гдѣ роды сидятъ на мѣстахъ, болѣе или менѣе разобщенные другъ съ другомъ. Историческая жизнь проносится по ихъ поверхности, не затрогивая ихъ корней, приросшихъ къ землѣ. Напротивъ, бродячая жизнь населенія и проистекающее отсюда смѣшеніе элементовъ неизбѣжно ведутъ къ разрушенію патріархальнаго быта. А именно такая бродячая жизнь господствовала въ Россіи въ средніе вѣка. Крестьяне, также какъ бояре и слуги, переходили съ мѣста на мѣсто, селились тамъ, гдѣ имъ было удобно, и охотно покидали свои участки, какъ скоро поселеніе на другомъ мѣстѣ представляло имъ болѣе выгоды. Съ своей стороны, землевладѣльцы и свободныя общины старались переманивать ихъ къ себѣ и прикрѣплять ихъ къ землѣ великими льготами. Они не только не думали ограничивать права ихъ на занимаемые ими участки, но рады были имѣть поселенцевъ пожизненныхъ и даже потомственныхъ. При обиліи земли и скудости населенія, иначе и не могло быть. Никому не было нужды передѣлять землю, которой значительная часть вѣчно находилась въ пустѣ. Всякій селился, гдѣ хотѣлъ, и занималъ пространство, «куда топоръ, соха и коса ходили».

При незначительности землевладѣльческаго элемента, обширныя пространства оставались во владѣніи свободныхъ общинъ. Однакоже, эти такъ называемыя «черныя волости» не считались собственниками земли. Черная земля признавалась собственностью князя, обстоятельство, которое играло весьма значительную роль въ послѣ-

дующемъ развитіи поземельныхъ отношеній. Мэнъ замѣчаетъ, что въ исторіи учрежденій необходимо различать двоякій элементъ: самое племя и его начальника. Отсюда, въ приложеніи къ поземельной собственности, двоякое историческое движеніе: съ одной стороны выдѣленіе личности изъ совокупныхъ правъ союза, съ другой стороны расширеніе правъ начальника [1]). Вѣрнѣе, можетъ быть, отправляться отъ различія собственности родовой и племенной, изъ которыхъ первая присвоивается роду, а послѣдняя князю, какъ представителю племени. Но къ этому качеству, вездѣ, гдѣ происходило завоеваніе, у князя присоединяется другое, именно, значеніе начальника дружины, которому, по этому самому, присвоиваются завоеванныя земли, не состоящія въ личномъ владѣніи. Такимъ образомъ, первоначальная родовая собственность разлагается, съ одной стороны, личнымъ элементомъ, съ другой стороны распространеніемъ княжескаго права на всѣ общественныя земли.

У Германцевъ, король мало по малу сталъ считаться собственникомъ всѣхъ земель, не находившихся въ частномъ владѣніи [2]). Въ Россіи, это начало приняло самые широкіе размѣры. Все, что не принадлежало служилымъ людямъ и церковнымъ установленіямъ, считалось собственностью князя. Не только пустопорожнія земли, но и потомственные участки крестьянъ постоянно обозначаются словами: «земля Великаго Князя, а нашего владѣнія». Это право собственности князя выражалось, съ одной стороны, въ тяглѣ, т. есть, въ лежащихъ на землѣ податяхъ и повинностяхъ, съ другой стороны въ томъ, что черныя земли князь могъ безпрепятственно жаловать частнымъ лицамъ и монастырямъ. То, что не было роздано или обращено въ дворцовое имущество, оставалось въ распоряженіи волости, на которой лежало тягло, и которая отвѣчала за него круговою порукою. Волость раздавала земли новымъ поселенцамъ, сколько каждый хотѣлъ взять, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы онъ несъ соотвѣтствующее тягло, при чемъ ему давались и льготные годы. Полученная такимъ образомъ земля, которая все же считалась собственностью князя, пріобрѣталась въ вѣчное и потомственное владѣніе. Крестьянинъ могъ дѣлить ее между дѣтьми, продавать и даже отдавать «по душѣ» въ монастырь, съ тѣмъ только, чтобы съ участка продолжали уплачиваться лежащія на немъ по-

[1]) Lectures on the early history of institutions, гл. 5.
[2]) Maurer: Einleitung etc. § 47.

дати и повинности. Ни о какомъ ограниченіи права, ни еще менѣе о передѣлѣ, не было рѣчи [1]).

Все это однако должно было измѣниться съ укрѣпленіемъ крестьянъ. Въ противоположность тому, что совершилось въ новое время въ Западной Европѣ, Россія перешла не отъ крѣпостнаго состоянія къ свободѣ, а отъ свободы къ крѣпостному состоянію. Съ этимъ вмѣстѣ и поземельныя отношенія приняли совершенно новую форму. Свобода разрушила поземельную общину; крѣпостное состояніе ее возстановило. Естественно, что при укрѣпленіи къ мѣстамъ, отношенія крестьянъ къ землѣ не могли оставаться такими же, какими они были во времена вольнаго передвиженія. Въ средніе вѣка, люди были свободны, а тягло лежало на землѣ. Но при обиліи земли и скудости населенія, когда не земля, а рабочія руки давали доходъ, подобная система не могла соотвѣтствовать государственнымъ потребностямъ. Это и было одною изъ главныхъ причинъ укрѣпленія крестьянъ: для того чтобы земля давала доходъ, надобно было удержать на ней населеніе. Но такъ какъ главный источникъ дохода все таки заключался въ рабочей силѣ, то подати естественно были перенесены на людей, а земля стала раздаваться имъ, какъ средство нести наложенное на нихъ тягло. Вмѣсто свободнаго договора съ отдѣльными лицами, наступилъ общій надѣлъ. А такъ какъ лица были равны, то естественно было надѣлять ихъ поровну. Съ уменьшеніемъ же количества земли и съ водвореніемъ неравенства, долженъ былъ наступить передѣлъ. Этотъ порядокъ одинаково водворился въ частныхъ владѣніяхъ и на государственныхъ земляхъ, ибо въ обоихъ случаяхъ положеніе крестьянъ и отношенія ихъ къ землѣ были одинаковы. Земля принадлежала не имъ, а владѣльцу; поселенные же на ней крестьяне были крѣпостные люди, лишенные всякихъ правъ и получавшіе землю, какъ средство для отбыванія повинностей.

Исключеніе составляли только тѣ мѣстности, куда не проникло укрѣпленіе или гдѣ оно не было вполнѣ приложено. Таковы были обширныя сѣверныя пространства, наполненныя черносошными людьми. Здѣсь продолжались и переходы крестьянъ съ мѣста на мѣсто и

[1]) См. мои статьи о Сельской общинѣ въ Опытахъ по исторіи русскаго права. Г. Беляевъ, который возставалъ противъ моихъ выводовъ, впослѣдствіи пришелъ къ тѣмъ же заключеніямъ. См. Русскій Дилеттантизмъ и общинное землевладѣніе В. Горье и Б. Чичерина, гл. 4 стр. 197 и слѣд.

свободное отчужденіе земель; хотя правительство старалось положить этому предѣлъ, однако отрывочныя его мѣры не помогали. Только въ половинѣ XVIII-го вѣка, когда общими Межевыми Инструкціями велѣно было на каждую душу отмежевать извѣстное количество десятинъ земли съ запрещеніемъ ее отчуждать, и тутъ введено было общинное владѣніе. Этотъ примѣръ бросаетъ яркій свѣтъ на возникновеніе у насъ общиннаго владѣнія и на причины его вызвавшія [1]).

Точно также ушла отъ общиннаго владѣнія и Малороссія. Здѣсь укрѣпленіе крестьянъ совершилось только въ половинѣ XVIII-го вѣка, при Екатеринѣ II. Но отбирать частныя земли у малороссійскихъ крестьянъ было не такъ легко, какъ на пустынномъ Сѣверѣ; казаки крѣпко за нихъ держались, вслѣдствіе чего здѣсь сохранилось личное владѣніе.

---

[1]) См. указанныя выше статьи. Новѣйшія свѣдѣнія подтверждаютъ этотъ взглядъ. Какъ примѣръ, любопытна корреспонденція съ сѣвера Россіи, помѣщенная въ №№ 30 и 46 «Русскихъ Вѣдомостей» 1880 года. Въ ней повѣствуется о введеніи общиннаго владѣнія въ Олонецкой губерніи. Авторъ ревностный защитникъ этой формы собственности, но очевидно знакомый съ извѣстными историческими документами, разсказываетъ, что до половины XVIII-го вѣка общинное владѣніе въ современномъ значеніи было неизвѣстно въ этомъ краѣ. Волость, которая въ древности распоряжалась землями, по мерзулю дозволяла отдѣльнымъ хозяевамъ, расчищавшимъ лѣса, обращать расчищенные ими участки въ свою потомственную собственность, съ правомъ отчуждать ихъ въ посторонніе руки. Послѣдствіемъ этого было то, что съ помощью ростовщичества и при гнетѣ, который тяготѣлъ надъ крестьянами вслѣдствіе приписки ихъ къ заводамъ, значительная часть земель перешла въ руки богатыхъ людей. Въ такомъ положеніи застали ихъ указы Екатерины II, которая въ 1778 году велѣла прекратить производившуюся дотолѣ продажу казенныхъ земель, съ тѣмъ чтобы предварительно надѣлить малоземельныхъ государственныхъ крестьянъ достаточнымъ количествомъ земли, именно, по 15 десятинъ на душу. Генералъ-губернаторамъ велѣно было доставить въ Сенатъ свои соображенія по этому вопросу. Въ 1785 году посланъ былъ въ этомъ смыслѣ сенатскій указъ Архангельскому и Олонецкому генералъ-губернатору Тутолмину. Послѣдній, въ свою очередь, поручилъ это дѣло Олонецкой казенной палатѣ по экспедиціи директора домоводства. Но экспедиція, вмѣсто того чтобы довольствоваться доставленіемъ соображеній, прямо предписала волостнымъ старшинамъ отобрать всѣ земли у частныхъ владѣльцевъ и подѣлить ихъ поровну между крестьянами, что уже и прежде сдѣлано было Петербургскою казенною палатою. Основаніемъ этой мѣры приведено то, что отчужденіе земель въ частныя руки есть «злоупотребленіе изъ государственной земли, данной на единое хлѣбопашество». Разумѣется, между частными владѣльцами, у которыхъ отбирались унаслѣдованныя отъ предковъ земли, поднялся вопль. Но такъ какъ *богатые были въ меньшинствѣ*, то никто не обращалъ на нихъ вниманія.

Наконецъ оно удержалось и у однодворцевъ относительно тѣхъ земель, которыя принадлежали имъ въ собственность. Напротивъ, тѣ земли, на которыхъ они были положены въ подушный окладъ, подверглись общему надѣлу съ запрещеніемъ отчужденія. И тутъ, вслѣдствіе Межевыхъ Инструкцій, водворилось общинное владѣніе. Этотъ примѣръ служитъ опять явнымъ доказательствомъ историческаго значе-

---

Однакоже нашелся человѣкъ, который рѣшился повести дѣло судомъ. Вытегорскій нижній земскій судъ велѣлъ возвратить ему отнятую у него незаконно землю. Экспедиція директора домоводства, съ своей стороны, предписала старостѣ не слушаться суда. Дѣло дошло до губернатора, которымъ въ то время былъ Державинъ. Онъ вступился за частную собственность и представилъ въ Сенатъ, что несправедливо отнимать землю у людей, которые получили ее отъ предковъ или купили на свои деньги, и отдавать ее другимъ, желающимъ только воспользоваться чужимъ достояніемъ. Сенатъ передалъ дѣло на разсмотрѣніе генералъ-губернатора, а генералъ-губернаторъ, желая угодить всѣмъ, приказалъ казенной палатѣ продолжать передѣлъ земли между крестьянами, но не утверждать передѣловъ, противъ которыхъ будетъ предъявленъ имъ кѣмъ-нибудь споръ. Послѣдствіемъ этой мѣры было то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земли были подѣлены поровну, и съ тѣхъ поръ водворилось общинное владѣніе, а въ другихъ осталась издавна существовавшая личная собственность. Разсказывая эти событія, авторъ замѣчаетъ, что «въ исторіи перваго передѣла крестьянскихъ земель въ Олонецкой губерніи останавливаетъ на себѣ серьезное вниманіе то обстоятельство, что инициатива передѣла исходила не отъ крестьянъ, а отъ чуждой имъ правительственной сферы. Предложенная правительствомъ мѣра, говоритъ онъ, разрушала укоренившуюся вѣками систему землевладѣнія, совершала соціально-экономическій переворотъ громадной важности, и тѣмъ не менѣе она не вызвала почти никакихъ замѣшательствъ, приведена въ исполненіе такъ быстро, тихо и спокойно, что черезъ сто лѣтъ въ потомствѣ не осталось даже воспоминанія о бывшемъ переворотѣ, какъ будто введенное правительствомъ передѣлы общинныхъ земель существовали вѣчно. Чему приписать этотъ безпримѣрный въ исторіи фактъ?» Авторъ объясняетъ это тѣмъ, что переворотъ былъ выгоденъ массѣ, которая поняла свой интересъ и заставила молчать богачей. Историкъ же долженъ видѣть въ этихъ явленіяхъ выраженіе того самаго начала, которое, по укрѣпленіи крестьянъ, привело къ совершенному ихъ порабощенію, именно, полнаго **безправія** гражданъ. Оно породило у насъ общинное владѣніе, какъ на Сѣверѣ, такъ и на Югѣ. Относительно южныхъ окраинъ, въ той же газетѣ повѣствуется, какимъ образомъ общинное владѣніе было введено администраціею въ Екатеринославской губерніи въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія (см. № 58 Русскихъ Вѣдомостей 1880 г.). При этомъ крестьянамъ прямо предписывалось изъ хуторовъ селиться въ большія села, а если они не исполнили приказанія, то на хуторахъ осенью ломали печи (см. Докладъ коммиссіи Московскаго общества сельскаго хозяйства по вопросу о хуторахъ 1880 г. стр. 247). Всѣ эти явленія показываютъ намъ, въ какомъ смыслѣ мы должны понимать часто повторяемое изреченіе, что общинное владѣніе вытекло изъ духа русскаго народа. Этотъ духъ ясенъ для всякаго, кто внимательно и безпристрастно слѣдитъ за ходомъ историческаго развитія въ русской землѣ.

нія этого учрежденія и причинъ его произведшихъ. Оно возникло у насъ не въ силу издревле идущаго обычая, а вслѣдствіе того, что безправное населеніе сидѣло на чужой землѣ, помѣщичьей или казенной, и надѣлялось поголовно, безъ всякаго вниманія къ тому, что кто могъ пріобрѣсти своею собственною дѣятельностью. У государственныхъ крестьянъ въ особенности, это было приложеніемъ древняго правила, что черная земля составляетъ собственность князя. Пока крестьяне были свободны, княжеское право выражалось въ тяглѣ; съ укрѣпленіемъ же ихъ и съ возрастающимъ при этомъ безправіемъ, это начало привело наконецъ къ тому, что существовавшее издавна личное владѣніе, переходившее потомственно, было уничтожено, земли были отобраны у владѣльцевъ и подѣлены поровну между крѣпостными крестьянами. Тутъ мы видимъ уже не остатокъ первобытныхъ патріархальныхъ порядковъ, а чисто искусственное учрежденіе, порожденное крѣпостнымъ правомъ. Развитіе общиннаго владѣнія въ Россіи составляетъ въ этомъ отношеніи драгоцѣнный вкладъ въ исторію сельской общины, которую она освѣщаетъ съ особенной стороны.

Какой же общій выводъ можемъ мы сдѣлать изъ этихъ историческихъ данныхъ? Скажемъ ли мы, какъ нѣкоторые защитники общинной собственности, что она составляетъ всеобщее и коренное человѣческое учрежденіе, тогда какъ личная собственность есть не болѣе какъ поздній пришлецъ, который можетъ имѣть значеніе только исторической категоріи? Такой выводъ былъ бы извращеніемъ законовъ человѣческаго развитія. Изъ того, что въ первобытныя времена, при господствѣ кровной связи, общинное владѣніе составляло всеобщее явленіе человѣческой жизни, вовсе не слѣдуетъ, что таково именно нормальное устройство человѣческихъ обществъ. Мы уже не разъ указывали на то, что въ развивающемся существѣ нормальное состояніе является плодомъ развитія. Нормальный человѣкъ—взрослый, а не ребенокъ. Развитіе человѣческихъ обществъ, въ силу непреложнаго закона, ведетъ къ свободѣ, слѣдовательно и къ частной собственности. Этотъ законъ яркими чертами написанъ на всей исторіи человѣчества, которая вслѣдствіе этого изображаетъ намъ постепенное разложеніе первобытной общины и выдѣленіе изъ нея личной собственности. Но такъ какъ развитіе свободы не представляетъ непрерывнаго процесса, который тянется черезъ всю исторію безъ затмѣній и безъ промежутковъ, такъ какъ въ жизни народовъ бываютъ времена, когда, напротивъ, необходимо бываетъ стѣснить

свободу во имя общественнаго начала, то съ этимъ вмѣстѣ является и возможность подчиненія личной собственности общественной. Таково именно было положеніе Россіи при возникновеніи Московскаго государства. Чтобы создать и скрѣпить это громадное тѣло, нужно было порабощеніе всего народонаселенія. Всѣ должны были, въ продолженіи всей своей жизни, нести тяжелую службу государству. Личныя права болѣе и болѣе исчезаютъ; крѣпостное состояніе распространяется на всѣ отношенія. Съ тѣмъ вмѣстѣ исчезаетъ и личная собственность у низшаго народонаселенія, на которомъ всего болѣе отразилось общее безправіе. Но порядокъ, пригодный для крѣпостнаго состоянія, непригоденъ для свободы. Послѣдняя, въ развивающемся обществѣ, окончательно беретъ верхъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ наступаетъ неизбѣжно разложеніе общественной собственности личною. Это именно та задача, которая предстоитъ Россіи въ настоящее время.

Каково бы ни было однако происхожденіе общиннаго владѣнія, порождено ли оно патріархальнымъ бытомъ или крѣпостнымъ правомъ, то есть, такими учрежденіями, которыя должны исчезнуть съ высшимъ гражданскимъ развитіемъ, остается еще вопросъ: не содержитъ ли оно въ себѣ такихъ началъ, которыми можно воспользоваться и въ гражданскомъ порядкѣ, допускающемъ свободу? Защитники общиннаго владѣнія утверждаютъ, что этимъ способомъ сохраняется въ обществѣ равенство и устраняется пролетаріатъ, тогда какъ личная собственность неизбѣжно ведетъ къ обѣдненію однихъ и къ обогащенію другихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ къ развитію пролетаріата, главной язвы современныхъ европейскихъ народовъ.

Что личная собственность ведетъ къ неравенству, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; таковъ непреложный законъ свободы. Мы видѣли уже, что неравенство составляетъ необходимое послѣдствіе свободы; вмѣстѣ съ тѣмъ, оно составляетъ первое условіе всякаго движенія и всякаго общественнаго развитія. Уничтожить неравенство можно только подавляя свободу и искусственно удерживая населеніе на низшемъ уровнѣ. Это и есть неизбѣжное послѣдствіе общиннаго владѣнія. Но выгодъ отъ этого не получается никакихъ. Общинное владѣніе не предотвращаетъ пролетаріата, ибо съ умноженіемъ населенія у каждаго становится такъ мало земли, что всѣ равно обращаются въ нищихъ. Разница съ порядкомъ, основаннымъ на личной собственности, заключается единственно въ томъ, что вмѣсто нѣкоторыхъ, пролетаріями дѣлаются всѣ.

И это не предположеніе, а фактъ, который признается даже ревностными защитниками общиннаго владѣнія. Такъ Лавеле, описывая общинное владѣніе на островѣ Явѣ, говоритъ: «это приращеніе народонаселенія производитъ умаленіе доли каждаго земледѣльца при періодическомъ передѣлѣ земли. В. Бергема рисуетъ въ этомъ отношеніи истинно ужасающую картину существующаго порядка... Земледѣльцы утверждаютъ, что они получаютъ только половину или четверть тѣхъ участковъ, которые обработывались ихъ отцами... Главная выгода, которая приписывается періодическому передѣлу, заключается въ предотвращеніи пролетаріата. Между тѣмъ, говоритъ Бергема, именно эта система скоро обратитъ всѣхъ Яванцевъ въ населеніе чистыхъ пролетаріевъ. Равенство сохраняется, но равенство нищиты» [1]).

Могутъ возразить, что тамъ, гдѣ народонаселеніе не возрастаетъ чрезмѣрно, этихъ послѣдствій нельзя ожидать, и что во всякомъ случаѣ излишнія руки вольны выселяться. Но это возможно и при личной собственности. Если защитники общиннаго владѣнія ссылаются на нѣкоторыя захолустья въ Швейцаріи, гдѣ люди при общинномъ владѣніи живутъ благополучно, то можно привести еще болѣе примѣровъ мелкой собственности, ведущей къ всеобщему достатку. Еще Мальтусъ, говоря о выгодахъ умѣреннаго возрастанія народонаселенія, указывалъ на норвежскихъ хлѣбопашцевъ, которые, не смотря на суровость климата и неблагодарную почву, при личной собственности пользуются значительнымъ благосостояніемъ. Если же мы принуждены прибѣгать къ переселенію, то этимъ самымъ мы признаемъ, что общинное владѣніе не предупреждаетъ пролетаріата, и тогда зачѣмъ оно нужно? Излишекъ народонаселенія можно переселять и при личной собственности. Разница та, что когда въ общинѣ становится тѣсно, крестьянинъ землевладѣлецъ можетъ продать свой участокъ и уѣдти съ капиталомъ, а при общинномъ владѣніи онъ уходитъ съ пустыми руками и на новомъ поселеніи является нищимъ. Вслѣдствіе этого, онъ и не привязывается къ землѣ, а готовъ всегда ее покинуть и принять привычки бродяжничества, которыя всего болѣе содѣйствуютъ образованію пролетаріата.

Окончательно, вопросъ о пролетаріатѣ сводится къ отношенію средствъ продовольствія къ народонаселенію. Чтобы рѣшить его въ

[1]) *De la Propriété et de ses formes primitives.* ch 4 p 64 5 (1874).

пользу общиннаго владѣнія или личной собственности, надобно спросить: который изъ этихъ двухъ порядковъ болѣе содѣйствуетъ производительности почвы и соразмѣрному съ успѣхомъ производства умноженію народонаселенія? Въ обоихъ отношеніяхъ, личная собственность имѣетъ значительныя преимущества.

Сами защитники общиннаго владѣнія признаютъ, что частые передѣлы вредно дѣйствуютъ на хозяйство. Земледѣлецъ не имѣетъ интереса въ хорошей обработкѣ участка, который завтра можетъ быть у него отнятъ. Вслѣдствіе этого, они предлагаютъ систему долгосрочныхъ передѣловъ. Но и при послѣдней, все таки исчезаетъ весь тотъ интересъ, который собственникъ имѣетъ къ своему участку, и который служитъ сильнѣйшимъ побужденіемъ къ производству; слѣдовательно, производительность неизбѣжно уменьшается. Напрасно ссылаются на высокую степень развитія, которой достигаетъ фермерское хозяйство. Мы видѣли уже, что эта аналогія—совершенно ложная. Безличная община не въ состояніи замѣнить хозяина, который самъ наблюдаетъ за своимъ имѣніемъ, заботится объ его улучшеніи и всегда можетъ согнать нерадиваго арендатора. Въ этомъ отношеніи, община находится даже въ худшемъ положеніи, нежели государство. Если, съ одной стороны, она ближе стоитъ къ дѣлу, то съ другой стороны, она вполнѣ зависитъ отъ своихъ членовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ право требовать себѣ равнаго съ другими участка, а потому является вполнѣ независимымъ въ своемъ хозяйствѣ. Тутъ высшее наблюденіе немыслимо. Всѣ невыгоды мелкаго хозяйства дѣйствуютъ здѣсь въ полной силѣ, а отсутствуетъ именно главная его выгода, то чувство собственности, которое заставляетъ мелкаго владѣльца съ изумительнымъ трудолюбіемъ обрабатывать землю, сросшуюся нѣкоторымъ образомъ съ самою его личностью и со всѣмъ его существованіемъ, та выгода, которая одна въ состояніи поднять производительность мелкой собственности къ уровню крупной. Поэтому напрасно мечтать о поднятіи земледѣлія, и въ особенности объ интенсивной культурѣ, тамъ гдѣ распространено общинное владѣніе. Это—двѣ вещи несовмѣстимыя.

Уменьшая производство, общинное владѣніе, съ другой стороны, ведетъ къ чрезмѣрному умноженію народонаселенія. Личный собственникъ самъ заботится о своихъ дѣтяхъ; онъ знаетъ, что они, кромѣ его, ни отъ кого ничего не получатъ. Это чувство служитъ сильнѣйшею уздою поспѣшныхъ браковъ и легкомысленнаго размноженія семей-

ствъ. Тамъ, гдѣ его нѣтъ, напрасны всѣ заботы о народномъ благосостояніи. Но именно оно уничтожается общиннымъ владѣніемъ. При такомъ устройствѣ, члену общины нечего заботиться о дѣтяхъ. Они получаютъ свое наслѣдіе не отъ него, а отъ общества, и хотя этимъ стѣсняется доля остальныхъ, но ему какое до этого дѣло? Онъ размножается на чужой счетъ. Если общинное владѣніе возвести въ юридическій принципъ и провести его послѣдовательно, то въ замѣнъ права членовъ требовать себѣ участка, необходимо дать общинѣ право контролировать браки и дѣторожденіе, то есть, установить невыносимѣйшее вмѣшательство общества въ семейныя дѣла, какое можно себѣ представить.

Съ беззаботностью о дѣтяхъ связана беззаботность и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Личный собственникъ знаетъ, что онъ самъ устроитель своей судьбы. Этимъ возбуждается въ немъ та самодѣятельность, безъ которой нѣтъ высшаго развитія. Членъ общины, гдѣ господствуетъ общее владѣніе, напротивъ, слагаетъ половину заботы на общество. Черезъ это не только умаляется въ немъ самодѣятельность, а слѣдовательно и производительность его труда, но въ немъ рождаются совершенно превратныя понятія объ отношеніи лица къ обществу. Онъ привыкаетъ думать, что общество обязано надѣлять имуществомъ своихъ членовъ, а это и есть то соціалистическое начало, которое, послѣдовательно проведенное, ведетъ къ разрушенію всѣхъ истинныхъ основъ гражданской жизни.

Могутъ возразить, что государство обязано заботиться о тѣхъ своихъ членахъ, которые не въ состояніи сами за себя стоять. Съ этой точки зрѣнія, общинное владѣніе представляется совокуннымъ наслѣдіемъ низшей, бѣднѣйшей части народонаселенія, рядомъ съ которымъ можетъ быть допущена и личная собственность, какъ область открытая для самодѣятельности и предпріимчивости. Въ такомъ именно видѣ вопросъ ставится у насъ. Требуютъ, чтобы каждому крестьянину былъ обезпеченъ кусокъ земли, а затѣмъ отдѣльнымъ лицамъ не возбраняется пріобрѣтать и личную собственность.

Въ такой формѣ, общинное владѣніе представляется благотворительнымъ учрежденіемъ, имѣющимъ цѣлью обезпеченіе неимущихъ. Но подобное употребленіе поземельной собственности равно противорѣчитъ и требованіямъ народнаго хозяйства и самому значенію благотворительности. Въ правильномъ гражданскомъ порядкѣ, основан-

помъ на свободѣ, помощь неимущимъ можетъ состоять въ доставленіи имъ пропитанія или въ пріисканіи имъ работы, а никакъ не въ надѣленіи ихъ землею. Имущество пріобрѣтается собственною дѣятельностью, а не получается, въ видѣ подарка, отъ общества. Даровой надѣлъ есть соціалистическое начало, которое должно быть безусловно отвергнуто. Если, притомъ, это надѣленіе представляется какъ право, то благотворительность совершенно извращается, и соціалистическимъ понятіямъ открываются двери настежъ.

Съ точки же зрѣнія народнаго хозяйства, надѣленіе землею неимущихъ есть самое худшее употребленіе, какое можно изъ нея сдѣлать. Для того чтобы земля давала, что слѣдуетъ, надобно, напротивъ, чтобы она находилась въ рукахъ имущихъ, которые одни въ состояніи приложить къ ней достаточное количество труда и капитала. И чѣмъ выше хозяйство, тѣмъ это требованіе становится настоятельнѣе. При интенсивной культурѣ, надѣленіе землею бѣднѣйшей части населенія наноситъ величайшій ущербъ производительности, слѣдовательно и тѣмъ самымъ классамъ, которые имѣется въ виду обезпечить.

Проистекающій отсюда вредъ для народнаго благосостоянія представляется еще громаднѣе, если мы сообразимъ, что требованіе идетъ на обезпеченіе не только случайно обѣднѣвшихъ, а цѣлой массы крестьянскаго населенія, которое все закрѣпощается въ общинномъ владѣніи. Послѣднее, въ этой системѣ, должно составлять не исключеніе, а правило. Главнымъ зерномъ крестьянской собственности являются общинныя земли, а затѣмъ отдѣльнымъ лицамъ, возвышающимся надъ массою, предоставляется пріобрѣтать участки на сторонѣ. Такой порядокъ ничто иное какъ обреченіе массы крестьянства на постоянную бѣдность, подъ видомъ обезпеченія его быта.

У насъ, это тѣмъ менѣе можетъ быть допущено, что со времени освобожденія крестьянъ, земля, составляющая ихъ надѣлъ, покупается ими на собственныя трудовыя деньги. Земли, принадлежащія общинамъ въ другихъ странахъ, составляютъ остатокъ первобытныхъ поселеній, не перешедшій въ частныя руки. У насъ же земля, находящаяся въ общинномъ владѣніи, принадлежала доселѣ не общинѣ, а казнѣ или частнымъ лицамъ; крестьяне пріобрѣтаютъ ее путемъ выкупа. Но никогда еще не было видно, чтобы земли, покупаемыя членами общины, принадлежали не имъ, а общинѣ. Это было бы чисто соціалистическое начало, идущее

наперекоръ самымъ элементарнымъ правиламъ гражданскаго быта. А именно это и совершается у насъ теперь. Каждый крестьянинъ платитъ не только проценты, но и капитальную сумму за то количество душевыхъ надѣловъ, которое находится у него во владѣніи. Еслибы произошелъ новый передѣлъ и часть этой земли была бы у него отнята, то онъ былъ бы лишенъ имущества, за которое онъ платилъ собственныя деньги. Подобная мѣра была бы чистою конфискаціею, или правильнѣе, грабежемъ. А между тѣмъ, къ этому именно ведетъ существующій нынѣ порядокъ. При умноженіи однихъ семействъ и умаленіи другихъ, первоначальная равномѣрность надѣловъ должна исчезнуть; неизбѣжно произойдетъ неравенство. А такъ какъ при умноженіи народонаселенія, количество крестьянъ съ уменьшенными надѣлами будетъ превосходить количество крестьянъ съ болѣе или менѣе крупными надѣлами, то большинство несомнѣнно окажется въ пользу передѣла. Но передѣлъ, при такихъ условіяхъ, былъ бы ни болѣе, ни менѣе, какъ ограбленіемъ меньшинства богатыхъ большинствомъ бѣдныхъ. Правительство, которое допустило бы подобную мѣру, открыло бы доступъ самымъ превратнымъ понятіямъ о собственности въ средѣ крестьянскаго сословія. Теперь именно настало время утвердить тѣ начала, безъ которыхъ нѣтъ правильнаго гражданскаго порядка. Шаткая политика прямо дѣйствуетъ въ руку соціалистамъ и готовитъ несмѣтныя затрудненія въ будущемъ [1]).

[1]) При смутныхъ понятіяхъ нашихъ крестьянъ о правѣ собственности, при вѣками укоренившейся въ нихъ привычкѣ безпрекословно подчиняться рѣшеніямъ міра и велѣніямъ власти, можно опасаться, что во многихъ мѣстахъ произойдутъ подобные передѣлы. Но что здравый смыслъ русскаго народа способенъ видѣть вещи въ ихъ истинномъ свѣтѣ, на это можно привести доказательства. Такъ, въ Сборникѣ статистическихъ свѣдѣній по Тамбовской губерніи, составленномъ лицами, сочувствующими общинному владѣнію, говорится, что, „домохозяевамъ, владѣющимъ малымъ надѣломъ было бы конечно выгодно вновь подѣлить землю по числу наличныхъ душъ, но на это многодушники представляютъ то возраженіе, что они въ теченіи долгаго времени выкупали свои надѣлы, и потому считаютъ несправедливымъ передавать эти надѣлы, на половину выкупленные, другимъ домохозяевамъ, получившимъ на свою долю при началѣ выкупа надѣлы на меньшее число душъ.... Изъ сказаннаго ясно, заключаетъ авторъ, что какъ самимъ крестьянамъ, такъ и вѣдающимъ ихъ начальствомъ, семейнымъ надѣламъ, полученнымъ по уставнымъ грамотамъ, придается характеръ наслѣдственной земли, не подлежащей болѣе мірской разверсткѣ". Любопытенъ въ особенности порядокъ, установившійся въ деревнѣ Полянской, гдѣ рядомъ сидятъ крестьяне-собствен-

Наконецъ, нельзя себѣ представить, чтобы въ свободномъ гражданскомъ порядкѣ, гдѣ всѣ лица признаются равно полноправными, существовали рядомъ двѣ части народа, живущія подъ совершенно различными формами гражданскаго быта. Такой разрывъ между высшими классами и низшими возможенъ при крѣпостномъ правѣ, гдѣ одни являются рабовладѣльцами, а другіе порабощенными. Но какъ скоро водворяется общая свобода, такъ неизбѣжно должны установиться общіе гражданскіе нравы, понятія и учрежденія. Тутъ непремѣнно произойдетъ одно изъ двухъ: либо господствующая въ высшихъ слояхъ частная собственность разложитъ наконецъ общинное владѣніе, либо общинное владѣніе сдѣлается основнымъ началомъ всего гражданскаго быта, сверху до низу. Но послѣднее было бы равносильно водворенію соціализма. А такъ какъ соціализмъ противорѣчитъ всѣмъ кореннымъ началамъ гражданскаго благоустройства и человѣческаго общежитія, то остается только первое. Въ немъ заключается будущность Русскаго народа, которому, при обиліи земель, менѣе всего можно опасаться пролетаріата, а потому менѣе всего можно дорожить сохраненіемъ общиннаго владѣнія.

Единственный сколько нибудь серіозный доводъ, который можно представить въ пользу сохраненія у насъ въ настоящее время общиннаго владѣнія, состоитъ въ опасеніи повальнаго обезземеленія крестьянъ, которые, будучи предоставлены себѣ, могутъ распродать свои участки и остаться батраками. Но этотъ вопросъ вовсе не имѣетъ необходимой связи съ общиннымъ владѣніемъ. Обезземеленію крестьянъ можно противодѣйствовать не сохраненіемъ права собственности за общиною, а воспрещеніемъ отчуждать участки. Въ пользу такого воспрещенія, какъ временной мѣры, можно привести довольно вѣскія соображенія. Народонаселеніе, которое въ теченіи вѣковъ

нники и бывшіе дворовые, получившіе землю отъ помѣщика въ даръ, для прокормленія. Первые никогда не производятъ переверстки, а вторые постоянно. „Такая разница между двумя половинами одного и того же селенія, говоритъ авторъ, объясняется самими крестьянами тѣмъ, что дворовымъ выкупать землю не приходится, они получили ее даромъ: баринъ подарилъ землю для прокормленія, а потому обижать того либо не слѣдуетъ“ (Сборникъ, т. I, стр. 22, 23). Изъ этого видно, что тамъ, гдѣ не происходитъ насилія со стороны большинства или со стороны начальства, русскій крестьянинъ ясно понимаетъ истинное существо дѣла. Это можетъ служить указаніемъ для тѣхъ, которые въ общинномъ владѣніи видятъ выраженіе особенностей духа русскаго народа.

было крѣпостнымъ и лишено было собственности, легко можетъ, при полученіи свободы, размотать свое достояніе, тѣмъ болѣе что денежныя средства его скудны, и оно не успѣло пріобрѣсти необходимыхъ для прочнаго благосостоянія привычекъ бережливости, трезвости и трудолюбія; при такихъ условіяхъ, оно какъ разъ попадетъ въ руки кулаковъ и міроѣдовъ, которые воспользуются его неопытностью для собственныхъ выгодъ. Поэтому, освобождая крестьянъ, государство можетъ найти необходимымъ еще нѣкоторое время держать ихъ подъ своею опекою, прежде нежели предоставить ихъ полной свободѣ. Все это можно допустить; но если окончательная цѣль государства состоитъ въ томъ, чтобы поставить крестьянъ на собственныя ноги, то именно этой цѣли всего болѣе можетъ содѣйствовать упроченіе личной собственности, ибо только при этомъ условіи у крестьянъ могутъ развиться тѣ чувства и привычки, которыя требуются отъ домохозяина, привыкшаго полагаться на себя, а не на другихъ. При общинномъ же владѣніи, они останутся вѣчными младенцами. Такое положеніе несовмѣстно съ тѣмъ новымъ гражданскимъ порядкомъ, въ которомъ они предназначены жить. Этотъ порядокъ весь основанъ на свободѣ: въ немъ человѣкъ долженъ самъ устроивать свою судьбу и самъ за себя отвѣчать; а это необходимо влечетъ за собою личную собственность, какъ послѣдствіе и опору свободы. Такимъ образомъ, и этотъ доводъ обращается противъ общиннаго владѣнія.

Слѣдуетъ ли послѣ всего этого признать свободную собственность окончательною цѣлью человѣческаго развитія? Не такъ давно еще это считалось аксіомою въ политической экономіи; но въ настоящее время многіе въ этомъ сомнѣваются. Не далѣе какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, вышла брошюра одного изъ замѣчательнѣйшихъ ученыхъ Германіи, Лоренца Штейна, въ которой этотъ заслуженный писатель, къ сожалѣнію увлекшійся общимъ потокомъ, объявляетъ, что свободная собственность неизбѣжно ведетъ къ разоренію, какъ землевладѣльцевъ, такъ и арендаторовъ, вслѣдствіе чего, въ видахъ спасенія поземельной собственности, онъ взываетъ къ вмѣшательству государства [1]). Этотъ вопросъ касается самыхъ животрепещущихъ интересовъ дня; а потому мы должны на немъ нѣсколько остановиться.

[1]) *Die drei Fragen des Grundbesitzes und seiner Zukunft (die irische, die continentale und die transatlantische Frage) von Dr. Lorenz v. Stein 1881.*

Штейнъ видитъ тройкую опасность въ порожденной новою исторіею свободѣ собственности: эксплуатацію фермера землевладѣльцемъ, эксплуатацію землевладѣльца капиталистомъ въ видѣ кредитора, наконецъ, подрывъ европейскому земледѣлію вслѣдствіе свободы торговли и конкурренціи Сѣверной Америки. Первый вопросъ онъ называетъ ирландскимъ, второй континентальнымъ, третій трансатлантическимъ.

Ирландскій вопросъ, по его мнѣнію, не есть исключительно вопросъ мѣстный. Въ Ирландіи онъ только обострился, но онъ имѣетъ общее значеніе. У всѣхъ европейскихъ народовъ, вслѣдствіе свободы собственности, рушились всѣ прежнія связи, прикрѣплявшія подчиненнаго владѣльца къ землѣ. Землевладѣлецъ и съемщикъ остались другъ противъ друга, какъ два совершенно независимыя одно отъ другаго лица, которыхъ отношенія опредѣляются чисто на основаніи свободнаго договора. Въ этомъ отношеніи, землевладѣлецъ является капиталистомъ, а фермеръ работникомъ. Но капиталъ всегда стремится къ увеличенію своего дохода и имѣетъ на то законное право. Работникъ же не въ состояніи противостоять этому стремленію, вслѣдствіе чего капиталистъ, пользуясь своимъ преимуществомъ, отнимаетъ у него всякую прибыль, такъ что фермеръ наконецъ не можетъ уже возобновлять свой капиталъ. Отсюда рождается отношеніе между лишеннымъ капитала работою съ одной стороны, и праздным капиталомъ съ другой, отношеніе, которое составляетъ сущность всякаго соціальнаго вопроса (стр. 98—103).

Какимъ же образомъ можетъ землевладѣлецъ заставить свободнаго арендатора платить ему такую наемную цѣну, что уже для самого съемщика не остается прибыли? По мнѣнію Штейна, это дѣлается посредствомъ устройства возможно меньшаго объема фермъ и установленія возможно короткихъ сроковъ аренды. Черезъ это, фермеръ ставится въ полную зависимость отъ землевладѣльца. Конечно, ему остается исходъ, именно, самому купить участокъ земли; но землевладѣльцы, которые держатъ въ своей зависимости государственную власть, препятствуютъ достиженію этой цѣли учрежденіемъ фидеикоммиссовъ, закрѣпляющихъ землю въ рукахъ настоящихъ собственниковъ. Все управленіе обращается въ пользу владычествующаго класса, и арендатору запирается всякій выходъ. Результатомъ является постепенное его обѣдненіе; а такъ какъ съ этимъ сопряженъ упадокъ земледѣлія, то онъ наконецъ не въ силахъ платить требуемую ренту. Самъ землевладѣлецъ

вслѣдствіе этого бѣдпѣетъ. Наконецъ, онъ прогоняетъ арендатора съ участка, не приносящаго болѣе дохода, и пользуется землею уже для своего удовольствія. Водворяются латифундіи съ свойственнымъ имъ способомъ хозяйства. Фермеръ же, лишенный средствъ пропитанія, уходитъ въ городъ, гдѣ онъ становится чернорабочимъ, или же онъ падаетъ на попеченіе общественнаго призрѣнія, или, наконецъ, онъ выселяется изъ страны. «Я полагаю, говоритъ авторъ, что ни одинъ изъ нашихъ читателей не усомнится въ томъ, что мы говоримъ о положеніи Англіи и Шотландіи» (стр. 117—125).

Еслибы почтенный авторъ не сдѣлалъ этого замѣчанія, то едва ли можно было бы догадаться, о какой странѣ идетъ рѣчь. Извѣстно, что въ Англіи фермерское хозяйство не только не привело земледѣлія къ упадку, а напротивъ, довело его до такой высоты, какъ ни въ одной европейской странѣ. Извѣстно также, что въ Англіи не господствуетъ система возможно мелкихъ фермъ, а напротивъ, преобладаютъ фермы болѣе или менѣе обширныхъ размѣровъ: 85 процентовъ всей обработанной земли раздѣлены на фермы, имѣющія среднимъ числомъ до 168 акровъ или слишкомъ 62 десятины. Англійскій фермеръ—капиталистъ, получающій относительно большій доходъ, нежели землевладѣлецъ, ибо онъ съ своего капитала получаетъ 10 процентовъ, изъ которыхъ 5 можно считать собственно процентами, а 5 прибылью, тогда какъ землевладѣлецъ получаетъ не болѣе двухъ или трехъ. Поэтому, не только фермеры не стремятся сдѣлаться поземельными собственниками, а происходитъ совершенно обратное явленіе: мелкіе собственники продаютъ свои участки, съ тѣмъ чтобы сдѣлаться фермерами. Въ концѣ XVI-го вѣка, въ Англіи было до 160000 мелкихъ землевладѣльцевъ; въ 1816 году ихъ было всего 32000, а въ 1831, кромѣ корпорацій и церквей, не болѣе 7200. Всѣ остальные добровольно продали свои участки, съ тѣмъ чтобы сдѣлаться фермерами или капиталистами. И не мудрено: мелкій собственникъ, обратившійся въ фермера, получаетъ втрое болѣе дохода, нежели прежде. Когда зажиточные классы готовы заплатить за землю гораздо болѣе того, что она стоитъ по сравненіи съ капиталомъ, то выгодно ее продать [1]). По-

[1]) См. Sugenheim: Geschichte der Aufhebung des Leibeigenschaft, стр. 301 и слѣд.; ср. Lavergne: Economie rurale de l'Angleterre (1858), стр. 124, и въ новѣйшее время рѣчь Кэрда, предсѣдателя англійскаго статистическаго общества (Times 18 Nov. 1881. Weekly Edition).

этому совершенно невѣрно изображеніе отношенія землевладѣльцевъ къ арендаторамъ въ Англіи, какъ отношеніе праздного капитала къ лишенной капитала работѣ. Англійскій землевладѣлецъ очень тщательно смотритъ за своими землями и самъ дѣлаетъ всѣ капитальныя улучшенія; въ этомъ именно состоитъ отличительная черта англійской системы. Фермеры же не только не суть нищіе, изъ которыхъ вытягиваютъ послѣднюю копейку, а составляютъ, напротивъ, одинъ изъ самыхъ зажиточныхъ и почетныхъ классовъ въ странѣ. «Англія, говоритъ Лавернь, полна состояніями, составленными въ земледѣліи; эти примѣры дѣлаютъ это поприще однимъ изъ самыхъ привлекательныхъ по своей выгодности; вмѣстѣ съ тѣмъ, оно одно изъ самыхъ пріятныхъ, самыхъ уважаемыхъ и самыхъ здоровыхъ для души и тѣла» [1]). Въ послѣдніе годы, положеніе фермеровъ, безспорно, ухудшилось, но это произошло не отъ причинъ, лежащихъ въ землевладѣніи, а главнымъ образомъ отъ цѣлаго ряда неурожайныхъ годовъ, частью же отъ конкурренціи Сѣверной Америки. Вслѣдствіе этого, сами землевладѣльцы принуждены значительно понизить свою ренту.

Такимъ образомъ, примѣръ Англіи никакъ не можетъ служить доказательствомъ въ пользу эксплуатаціи фермеровъ землевладѣльцами и проистекающаго отсюда обѣдненія обѣихъ сторонъ. Уже нѣсколько вѣковъ существуетъ тамъ этотъ порядокъ, но ничего подобнаго не видно. По замѣчанію Карда, отношеніе фермера къ землевладѣльцу въ Англіи состоитъ въ томъ, что первый получаетъ отъ послѣдняго за 3 процента капиталъ, который онъ пускаетъ въ оборотъ за 10 [2]). Если сосредоточеніе поземельной собственности въ рукахъ высшихъ классовъ, проистекающее не отъ ея свободы, а напротивъ, отъ ея связности, имѣло невыгодныя послѣдствія, то никакъ не для фермеровъ.

Система вымогательства не существуетъ и въ Ирландіи. Парламентское слѣдствіе, которое послужило опорою для послѣдняго Земельнаго Акта, выяснило, что огромное большинство ирландскихъ землевладѣльцевъ взыскиваетъ вовсе не чрезмѣрную ренту, и самъ Гладстонъ, въ недавней рѣчи въ Лидсѣ, указалъ на возрастаніе депозитовъ ирландскихъ фермеровъ въ банкахъ, въ теченіи послѣднихъ тридцати лѣтъ, съ 5 милліоновъ фунтовъ на 30 милліоновъ. Отношеніе

[1]) Lavergne: Economie rurale de l'Angleterre, стр. 119.

[2]) См. рѣчь въ Times 18 Ноября 1881 (Weekly Edition).

между фермерами и землевладѣльцами тутъ дѣйствительно неформальное, но оно проистекаетъ отъ иныхъ, чисто мѣстныхъ причинъ. Штейнъ вѣрно характеризуетъ ихъ, когда онъ говоритъ, что тутъ идетъ вѣковая борьба между началомъ Ирландской поземельной собственности, основанной на кланномъ, или родовомъ устройствѣ, началомъ англійской личной и аристократической собственности. Ирландскій народъ былъ насильственно лишенъ земли: до нынѣшняго столѣтія, католикамъ запрещалось даже имѣть поземельную собственность. Между тѣмъ, Ирландцы искони считали и доселѣ считаютъ себя настоящими владѣльцами почвы: поселянинъ къ ней привязанъ и стремится къ ней всѣми силами. Гладстонъ характеризовалъ это стремленіе, назвавши его неутолимымъ «алканіемъ земли». Но этому алканію нѣтъ исхода, ибо поземельная собственность находится связанною въ чужихъ рукахъ. Естественнымъ выходомъ изъ этого положенія было бы уничтоженіе этой связности, то есть, отмѣна законовъ о наслѣдствѣ, воспрещающихъ ея отчужденіе; ибо, если полезно сохраненіе семейнаго имущества, то это не должно совершаться въ ущербъ остальному народонаселенію и преграждать ему путь къ собственности. Когда извѣстный порядокъ наслѣдства ведетъ къ сосредоточенію собственности въ немногихъ рукахъ, то государство имѣетъ полное право его отмѣнить; въ этомъ никто не сомнѣвается. Но вмѣсто того чтобы посягнуть на эту вѣковую основу англійскаго гражданскаго быта, что въ отношеніи къ Ирландіи пришло бы, можетъ быть, даже слишкомъ поздно, англійскіе государственные люди предпочли сдѣлать уступку требованіямъ Ирландцевъ, давши фермерамъ извѣстное право на землю. Отсюда произошелъ послѣдній билль, на который однако сами его защитники въ Англіи смотрятъ съ значительными опасеніями. «Нельзя было бы впасть въ большую ошибку, писали въ Таймсѣ [1]), какъ вообразивши, что Ирландскій Поземельный Билль былъ встрѣченъ съ восторгомъ какою либо значительною частью политическихъ людей нашей страны. Онъ былъ принятъ какъ необходимость, оправданная существованіемъ въ Ирландіи исключительныхъ и прискорбныхъ условій, къ дурнымъ послѣдствіямъ которыхъ должно быть приложено лѣкарство, въ себѣ самомъ сомнительное и даже опасное. Но никогда никто отъ себя не скрывалъ, что положеніе вещей, которое Поземельный Билль имѣетъ въ виду установить въ

[1]) 19 Августа 1881 г. «Weekly Edition».

Ирландіи, составляетъ отступленіе назадъ отъ началъ образованныхъ обществъ. Не только Консерваторы, но и Либералы всѣхъ школъ, исключая немногихъ Радикаловъ, зараженныхъ антиэкономическими ересями иностранныхъ революціонныхъ партій, признаютъ, что уничтоженіе свободныхъ договоровъ въ отношеніи къ землѣ, вмѣшательство судилища для установленія ренты и другихъ предметовъ, которые обыкновенно предоставляются соглашенію партій, а равно и многія другія постановленія Билля, не могли бы быть терпимы ни въ какой странѣ, кромѣ такой, гдѣ существующая система дѣйствовала такъ дурно, что всякій опытъ можетъ быть законнымъ образомъ произведенъ. Какъ опытъ, въ случаѣ иначе почти безнадежномъ, Поземельный Билль былъ изобрѣтенъ и будетъ приложенъ».

Гладстонъ, въ рѣчи произнесенной въ Лидсѣ, прямо заявилъ, что между Англіею и Ирландіею не можетъ быть въ этомъ отношеніи никакой параллели; а другой членъ кабинета, Фосеттъ, указалъ, въ какомъ смыслѣ должна происходить реформа поземельнаго законодательства въ Англіи: «есть одно правило, сказалъ онъ, которое мы не можемъ слишкомъ упорно держать въ своемъ умѣ; это именно то, что свобода составляетъ сущность либерализма. Если, какъ либералы, мы бросимъ взоръ на прошедшее, мы найдемъ, что величайшія наши политическія побѣды были упрочены расширеніемъ свободы во всѣхъ направленіяхъ. И какъ было въ прошломъ, такъ будетъ, я думаю, и въ будущемъ. Возьмите, напримѣръ, поземельный вопросъ. Главная цѣль, къ которой, какъ мнѣ кажется, мы должны идти, есть большая свобода продавать, а слѣдовательно и большая свобода покупать. Эта большая свобода можетъ быть достигнута не только облегченіемъ перехода земли изъ рукъ въ руки, но и освобожденіемъ ея отъ множества стѣсненій, связанныхъ съ существующею системою субституцій». При этомъ Фосеттъ настаиваетъ на томъ, что правительство, стремясь къ расширенію поземельной собственности, не должно прибѣгать ни къ какимъ искусственнымъ мѣрамъ, и еще менѣе связывать съ этимъ какое либо стѣсненіе правъ. «Если мы позаботимся о томъ, чтобы лишить поземельную собственность всякихъ несправедливыхъ привилегій, говоритъ онъ, то мы не менѣе должны позаботиться о томъ, чтобы владѣніе землею не приносило съ собою

какихъ либо невыгодъ, которыя не соединяются съ другими видами собственности» [1]).

Во всякомъ случаѣ, когда вопросъ идетъ о свободѣ собственности и объ ея послѣдствіяхъ, то не на Англію и не на Ирландію слѣдуетъ указывать, ибо тутъ именно собственность не свободна. При установленномъ законами правѣ первородства, при всеобщемъ господствѣ субституцій, наконецъ, при тѣхъ безчисленныхъ затрудненіяхъ, съ которыми сопряженъ всякій переходъ поземельной собственности въ этихъ странахъ, о свободѣ ея говорить невозможно. Для примѣра надобно взять не Англію, а Францію, гдѣ эта система дѣйствуетъ уже въ продолженіи цѣлаго столѣтія. Что же мы тамъ видимъ? Вымогаютъ ли землевладѣльцы у фермеровъ послѣднюю копейку, не оставляя имъ никакой прибыли? Ничуть не бывало. «Фермеру, говоритъ Леруа-Больё, досталась гораздо большая доля въ увеличившемся земледѣльческомъ производствѣ, нежели землевладѣльцу. Не то, чтобы собственно возросъ размѣръ процентовъ и барышей, которые онъ получаетъ за свои издержки; но требованія его и его семейства относительно удобствъ жизни необыкновенно возросли. Онъ считаетъ дѣйствительною прибылью только то, что онъ можетъ ежегодно откладывать, по вычетѣ изъ дохода своего содержанія и содержанія своего хозяйства. Между тѣмъ, онъ уже не довольствуется темнымъ и узкимъ жильемъ, рѣдкою и бѣдною мебелью, умѣренною и простою пищею, постоянною и суровою личною работою, къ которымъ привыкли старые фермеры; ему нужна жизнь удобная, широкая, частью праздная, и на тѣ расходы, которые она влечетъ за собою, онъ смотритъ какъ на общія издержки, которыя составляютъ его достояніе, и которыя онъ долженъ возвратить себѣ прежде всякой прибыли. Эти привычки сдѣлались нынѣ общими въ классѣ фермеровъ, и онѣ поглощаютъ собою весьма значительную часть увеличенія валоваго дохода земель.... Во многихъ мѣстахъ, удвоенная цѣна произведеній не увеличила арендной платы даже на 10 или на 15 процентовъ, а въ иныхъ случаяхъ она не помѣшала ей остаться неподвижною или даже понизиться» [2]). И во Франціи, въ послѣдніе годы, конкурренція Америки уменьшила до-

---

[1]) *Times* 4 *ноября* 1881 (Weekly Edition).

[2]) *Essai sur la répartition des richesses*, p. 113.

ходность земледѣлія, но послѣдствіе этого переворота состояло не въ томъ, что фермеры попали въ руки землевладѣльцевъ, а въ томъ, что землевладѣльцы гоняются за фермерами и не могутъ ихъ добыть.

Очевидно, слѣдовательно, что свобода собственности не имѣетъ тѣхъ послѣдствій, которыя приписываетъ ей Штейнъ, а потому государству, кромѣ совершенно исключительныхъ случаевъ, нѣтъ никакой нужды вмѣшиваться въ договорныя отношенія. Фермеръ, который чувствуетъ себя стѣсненнымъ тѣмъ, что онъ хозяйничаетъ на чужой землѣ, имѣетъ полное право требовать, чтобы ему открыта была возможность пріобрѣсти свой собственный участокъ. Но находить пріобрѣтеніе собственнаго участка невыгоднымъ и хотѣть быть совмѣстнымъ хозяиномъ на чужой землѣ, есть ни съ чѣмъ не сообразное притязаніе.

Основательнѣе ли опасеніе, что землевладѣлецъ, силою вещей, попадаетъ въ полную зависимость отъ своихъ кредиторовъ и такимъ образомъ поземельная собственность порабощается денежнымъ капиталомъ?

Штейнъ увѣряетъ, что землевладѣлецъ, волею или неволею, долженъ войти въ неоплатные долги. Къ этому ведутъ семейные раздѣлы, недоплаты при покупкѣ, которыя остаются долгомъ на имѣніи, потребность въ капиталѣ для улучшеній, наконецъ необходимость временныхъ ссудъ при оборотѣ (стр. 166 и слѣд.). Частный поземельный кредитъ не въ состояніи удовлетворить всѣмъ этимъ потребностямъ, ибо онъ даетъ въ займы по 5 процентовъ съ полупроцентомъ погашенія, тогда какъ поземельная собственность въ Европѣ приноситъ не болѣ $2^1/_2$ или 3-хъ процентовъ (стр. 192). Послѣдствіемъ же этихъ долговъ является то, что землевладѣлецъ становится въ служебное отношеніе къ капиталисту, а подъ конецъ совершенно даже лишается земли, которая переходитъ къ послѣднему. Но этимъ самымъ уничтожается основное требованіе государственнаго порядка, состоящее въ прочности поземельной собственности, требованіе, которое въ германскомъ мірѣ искони порождало связь полноправнаго гражданина съ землею, на чемъ основывались и обязанности его къ обществу. Поэтому здѣсь государство, во имя собственныхъ интересовъ, должно вступиться, ограждая землевладѣльца отъ притязаній кредиторовъ и охраняя въ его рукахъ поземельную собствен-

ность, которой устойчивость составляетъ главный залогъ общественнаго благоденствія (стр. 147—152).

И такъ, землевладѣлецъ, который въ отношеніи къ фермеру является капиталистомъ, въ отношеніи къ капиталисту представляется работникомъ, и притомъ то и другое въ силу роковаго закона. Трудно понять такую двуличность; но еще труднѣе согласиться съ тѣмъ, что тутъ есть роковая необходимость. Отъ землевладѣльца всегда зависитъ держаться относительно долговъ въ предѣлахъ умѣренности и благоразумія; если же у него долги возрастаютъ такъ, что они почти равняются доходамъ, то лучше продать имѣніе, нежели оставаться въ такомъ положеніи. Охотники всегда найдутся, ибо, если земля капитализируется изъ 2-хъ или 3-хъ процентовъ, тогда какъ капиталъ приноситъ 5, то это означаетъ, что земля имѣетъ такую притягательную силу, которая побуждаетъ денежныхъ людей помѣщать въ нее свои капиталы даже за низкіе проценты. Государству же рѣшительно нѣтъ никакой выгоды удерживать землю въ рукахъ прежняго задолжавшаго владѣльца, и помѣшать ей перейти въ руки другаго, болѣе денежнаго, а потому имѣющаго болѣе средствъ извлечь изъ нея настоящую пользу. Связь землевладѣнія съ гражданскою полноправностью, которую Штейнъ считаетъ принадлежностью германскаго племени, относится къ первобытнымъ временамъ или къ средневѣковому порядку, въ которомъ частное право смѣшивалось съ публичнымъ. Отличительная же черта новаго государства, какъ весьма хорошо было выяснено самимъ Штейномъ, состоитъ въ раздѣленіи частнаго права и публичнаго. Новое государство держится уже не сословнымъ порядкомъ, который присвоивалъ землю извѣстному классу людей; провозгласивши начало свободы, оно тѣмъ самымъ допускаетъ безпрепятственное передвиженіе гражданъ изъ одного класса въ другой, а съ тѣмъ вмѣстѣ и переходъ земель изъ рукъ въ руки. Самое политическое право не связывается уже съ тѣмъ или другимъ видомъ собственности. Тамъ, гдѣ существуетъ цензъ, какъ признакъ политической правоспособности, онъ основывается на уплатѣ извѣстной суммы податей, и государству совершенно все равно, кто ихъ платитъ. Пріобрѣтеніе имущества, дающаго правоспособность, оно предоставляетъ свободной дѣятельности лицъ, не заботясь объ ихъ огражденіи отъ собственной ихъ хозяйственной несостоятельности. Такое раздѣленіе частнаго права и публичнаго, соотвѣтствующее истиннымъ началамъ го-

сударственнаго устройства, одно отвѣчаетъ и требованіямъ человѣческой свободы, которая въ неприкосновенности частнаго права видитъ главный свой оплотъ, а на вмѣшательство государства въ эту область должна смотрѣть не иначе, какъ съ крайнимъ недоброжелательствомъ и опасеніемъ. Безъ сомнѣнія, разорившемуся и обремененному долгами помѣщику всегда пріятно, если государство оградитъ его отъ притязаній кредиторовъ; еще пріятнѣе, если ему на общественный счетъ данъ будетъ дешевый кредитъ, какого онъ не можетъ получить отъ частныхъ лицъ; но это можетъ быть сдѣлано только въ ущербъ и кредиторамъ и обществу.

Въ одномъ лишь случаѣ государство могло бы вступиться и оградить должника отъ неумѣренныхъ притязаній кредиторовъ, именно, когда сельское ростовщичество грозитъ обезземеленіемъ крестьянскому населенію. Но тутъ оно смотритъ на крестьянъ, какъ на малолѣтнихъ, которыхъ слѣдуетъ опекать, а потому подобная охрана можетъ быть допущена единственно въ видѣ исключенія, когда она вызывается крайностью. Въ обществѣ, гдѣ господствуетъ начало свободы, каждый долженъ искать опоры въ самомъ себѣ; въ обществѣ промышленномъ, особенно гдѣ земля требуетъ интенсивной обработки, землевладѣлецъ долженъ быть хорошимъ хозяиномъ и умѣть вести свои дѣла. Если онъ запутывается, пускай онъ откажется отъ поземельной собственности; это будетъ выгоднѣе и для него и для государства, которое можетъ опираться только на людей способныхъ стоять на своихъ ногахъ. Ему нужны землевладѣльцы, но именно какъ наиболѣе независимый и прочный элементъ общественнаго порядка, а не какъ классъ, который оно должно ограждать отъ разоренія.

Со стороны денежнаго капитала едва ли землевладѣнію грозитъ какая либо опасность. Господство капитала можетъ повлечь за собою развѣ только переходъ земель изъ однихъ рукъ въ другія. Тамъ, гдѣ наслѣдство дѣлится поровну между дѣтьми, можно даже скорѣе опасаться излишняго раздробленія, нежели излишняго сосредоточенія поземельной собственности. Но имѣя въ рукахъ законы о наслѣдствѣ, государство всегда можетъ дѣйствовать въ томъ или другомъ смыслѣ, смотря по тому, на что указываютъ обстоятельства. Никакой особенной административной дѣятельности въ отношеніи къ поземельной собственности отъ него не требуется.

Что же касается наконецъ до опасности, грозящей европейскому землевладѣнію со стороны иностранной конкурренціи, то въ этомъ отношеніи дѣйствительно можетъ произойти нѣкоторый подрывъ, ибо громадныя пространства дѣвственной почвы Сѣверной Америки могутъ обрабатываться при гораздо болѣе благопріятныхъ условіяхъ, нежели это возможно въ Европѣ, а дешевизна перевозки уравниваетъ разстоянія. Но и противъ этого зла у государства есть надлежащее оружіе—таможенныя пошлины. Надобно только замѣтить, что это оружіе совершенно одинаково относится къ земледѣлію и къ фабрикамъ. Особенностей, вызываемыхъ поземельною собственностью, тутъ нѣтъ никакихъ. Еще менѣе можно видѣть въ этомъ какое либо послѣдствіе свободной собственности. Иностранная конкурренція можетъ точно также подорвать и несвободную собственность, даже въ гораздо большей степени, ибо свобода, возвышая производство, даетъ большую возможность выдерживать соперничество. Имѣя это въ виду, государство должно взвѣсить, что для народнаго хозяйства выгоднѣе: огражденіе ли землевладѣльцевъ отъ иностраннаго соперничества или дешевизна средствъ жизни? Безусловнаго отвѣта на этотъ вопросъ нельзя дать, ибо охраненіе положенныхъ въ землю капиталовъ и нѣкоторое, по крайней мѣрѣ, уравненіе условій производства могутъ быть желательны въ видахъ общей пользы; но какъ общее правило, можно думать, что дешевизна жизненныхъ средствъ составляетъ такое благо для массы народонаселенія, которое всегда будетъ значительно склонять вѣсы въ эту сторону. Во всякомъ случаѣ, едва ли можно видѣть существенный ущербъ для народнаго хозяйства и для государства въ томъ, что хлѣбъ будетъ очень дешевъ, или что мясо будетъ доступно всѣмъ.

И такъ, мы не можемъ раздѣлять опасеній Штейна на счетъ гибельныхъ послѣдствій, которыми грозитъ европейскимъ обществамъ свободная собственность. Мы полагаемъ, напротивъ, что свободная промышленность непремѣнно влечетъ за собою свободную собственность, и что только черезъ это народное хозяйство способно достигнуть высшаго своего развитія. Можно допустить ограниченія свободнаго перехода во имя семейнаго начала и правъ завѣщателя; можно допустить и большее или меньшее распространеніе общественной собственности рядомъ съ частною: это зависитъ отъ мѣстныхъ и

временныхъ условій. Но вообще, вмѣшательство государства въ область частной собственности столь же мало оправдывается экономически, какъ и юридически. Только чрезвычайныя обстоятельства могутъ вызывать подобныя мѣры, и всегда въ нихъ слѣдуетъ видѣть исключеніе, а никакъ не правило.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Посвященіе I

Вступленіе II

Книга первая: Право.

Глава I. Свобода 1

Глава II. Право 34

Глава III. Собственность 97

Глава IV. Договоръ 161

Глава V. Наслѣдство 202

Глава VI. Равенство 236

Книга вторая: Промышленность.

Глава I. Свобода, какъ экономическое начало 270

Глава II. Экономическое общество 291

Глава III. Экономическіе законы 325

Глава IV. Дѣятели производства 339

Глава V. Капитализмъ и соціализмъ 394

Глава VI. Поземельная собственность 417

3 2044 021 024 245

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WIDENER
JUL 8 1993
BOOK DUE

WIDENER
AUG 1 1993
BOOK DUE

WIDENER
SEP 10 1994
OCT 21 1994
CANCELLED